This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4341.7

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT

(Class of 1828)

ТРУДЫ
Я. К. ГРОТА.

V.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ и ОБЩЕСТВЕННАЯ

СТАТЬИ, ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ, ЗАМѢТКИ, СТИХИ И ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

(1837 — 1889).

Изданы подъ редакціей проф. К. Я. ГРОТА.

Съ приложеніемъ портрета-офорта работы художника В. И. Быстренина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

S.Slav 4341.7

HARVARD COLLEGE
AUG 21 1903
LIBRARY
Minot fund
(4)

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Въ этомъ году исполнится десятилѣтіе со дня кончины академика († 24 мая 1893 г.). Мы счастливы, что выпускомъ въ свѣтъ настоящаго V-го и послѣдняго тома „Трудовъ“ его намъ удалось къ этой годовщинѣ закончить изданіе, предпринятое лѣтъ восемь тому назадъ по участливому и просвѣщенному почину Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича и благодарямил остивымъ Монаршимъ щедротамъ.

Предлагаемый нынѣ вниманію читателя томъ заключаетъ въ себѣ всѣ не вошедшіе въ предыдущіе отдѣлы статьи, очерки и замѣтки Якова Карловича разнообразнаго содержанія, вызванныя главнымъ образомъ интересами его учено-литературной, педагогической и общественной дѣятельности. Здѣсь нашли себѣ мѣсто и путевыя впечатлѣнія (въ Россіи и за границей), и мнѣнія о нашей журналистикѣ и печати, и обсужденіе вопросовъ образованія и воспитанія, и стихотворные опыты и, наконецъ, случайныя замѣтки на злобы дня *). Статьи сгруппированы по отдѣламъ. Особое мѣсто въ самомъ началѣ мы отвели недавно впервые напечатаннымъ (въ 1895 г.) „Мыслямъ, посвященнымъ въ Бозѣ почившему Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу, въ день его совершеннолѣтія“ (1859).

Помѣщенныя въ видѣ вводной статьи „Автобіографическія замѣтки“ **) Я. К. пока хоть отчасти замѣняютъ болѣе полное его жизнеописаніе. Такую біографію или, по крайней мѣрѣ, матеріалъ къ ней — въ видѣ разновременныхъ записокъ, замѣтокъ и дневниковъ, а также еще неизданныхъ и не безъинтересныхъ въ историко-литературномъ отношеніи писемъ его и къ нему — имѣется въ виду издать, если удастся, впослѣдствіи дополнительнымъ томомъ.

*) Исключая лишь самыя незначительныя и мелкія газетныя замѣтки.

**) Перепечатываются изъ книги „Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи“ (Спб. 1895).

Изъ стиховъ Я. К., кромѣ его перевода поэмы Байрона „Мазепа“ (1838), которымъ онъ нѣкогда выступилъ на литературное поприще, читатель найдетъ здѣсь почти все то, что было напечатано въ свое время въ „Современникѣ“ Плетнева и въ нѣкоторыхъ другихъ журналахъ.

Наконецъ, послѣдній отдѣлъ составляютъ его стихи и статьи въ прозѣ, написанныя для дѣтскаго возраста (первоначально въ „Звѣздочкѣ“ Ишимовой), которыя въ виду ихъ былого, да и нынѣ отчасти еще продолжающагося успѣха, мы не сочли удобнымъ и цѣлесообразнымъ исключить изъ нашего изданія.

Въ Приложеніяхъ мы нашли умѣстнымъ перепечатать нѣсколько переводныхъ очерковъ или извлеченій (съ англійск., нѣмецк. и шведск. яз.). Они, вмѣстѣ съ прежде изданными переводами съ шведскаго (см. т. I. „Трудовъ“), могутъ свидѣтельствовать, какъ о разносторонности учено-литературныхъ интересовъ покойнаго академика, такъ и о постоянномъ его стремленіи—и въ раннюю и болѣе позднюю пору жизни—пользоваться своимъ отличнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ не для однѣхъ своихъ спеціальныхъ ученыхъ цѣлей, но и для популяризаціи научныхъ свѣдѣній и трудовъ иностранцевъ въ широкомъ кругу русской читающей публики.

К. Г.

Февр. 1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Отъ редактора III
Автобіографическія замѣтки 1
Мысли, посвященныя въ Бозѣ почившему Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу въ день его совершеннолѣтія 40

Путевыя ученыя замѣтки и впечатлѣнія.

Нѣсколько ученыхъ замѣтокъ во время заграничнаго путешествія (1860) 57
Приложенія къ замѣткамъ 68
Изъ дорожнаго дневника, веденнаго за границей (1861). . . . 79
Поѣздка въ Петрозаводскъ и на Кивачъ (1863) 113
Письмо изъ Рима (1876). 124

Замѣтки о русской журналистикѣ и печати.

Замѣтки о русскихъ журналахъ (1849). 133
Въ какихъ изданіяхъ наша литература особенно нуждается (1858) 139
Замѣтка о русской журналистикѣ (1861) 148
Изъ поѣздки въ Воронежъ. Провинціальная печать 154
Приложеніе: Письмо въ редакцію газ. „Воронеж. Телеграфъ“ 171
Рѣчь по случаю празднованія 150-лѣтняго юбилея „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (1878). 172
Приложеніе: Письмо къ редактору „Новаго Времени“. . . 177

Замѣтки по вопросамъ образованія и воспитанія.

Замѣтка о значеніи идеаловъ въ воспитаніи. 183
О классическомъ образованіи 186
I. Въ чемъ сущность вопроса . . . . . —
II. По поводу вопроса о предметахъ общаго образованія . 188
Замѣтки педагога 194
Рѣчь объ университетскомъ образованіи 202
Рѣчь при выпускѣ XXI-го курса изъ Императ. Александровскаго лицея (1856). 206

стр.

Рѣчь при XXIII выпускѣ воспитанниковъ Императ. Александровскаго лицея (1859) 216
Привѣтствіе въ день основанія Царскосельскаго лицея (1864) . 221
Привѣтствіе Канцлеру Александров. Университета, Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу (1842) 223
Сельскія школы (Корреспонденція изъ Рязанской губерніи) . . 225

Къ біографіямъ современниковъ.

Дмитрій Степановичъ Протопоповъ (некрологъ) 233
Привѣтствія академическимъ дѣятелямъ въ торжественные дни.
1. Застольное привѣтствіе Августѣйшему Президенту Академіи Наукъ 241
2. Рѣчь на юбилейномъ обѣдѣ въ честь академика В. Я. Буняковскаго (1875) 242
Виктору Яковлевичу Буняковскому (стихи, 1878 г.) . . . 245
3. Привѣтствіе академику Ѳедору Ѳедоровичу Брандту. . . 249

Разныя мелкія замѣтки.

Отвѣтъ на библіографическій вопросъ 251
Первый литературный вечеръ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (1860) 253
Россія и Англія (1854) 256
Гимнастика въ Петербургѣ 260
По поводу учрежденія Гимнастическаго Общества въ С.-Петербургѣ 265
Замѣтка по вопросу о народномъ лѣчебникѣ 271
Пьянство и его послѣдствія 274

Стихи.

Мазепа, поэма Байрона (стих. перев.) 287
Эпилогъ. Къ Байрону 314
Дань Пушкину (1837 г., посвящ. лицейск. товарищамъ). . . . 316
Памяти Пушкина (въ день 50-лѣтія лицея, 1861 г.). 318
Жуковскому (1839). 321
Привѣтствіе (на русско-финляндскомъ обѣдѣ въ Гельсингфорсѣ въ 1840 г.) 322
Перо. 325
Маркизѣ М. А. Де-Траверсе 327
Борго 329
Новый домъ (посвящ. А. Веттергофу) 333
17-го апрѣля 1841 года (на бракосочетаніе Наслѣдника Цесаревича) 334
Къ Фритіофу. 335
Приговоръ. 337
Опасеніе 338
Жребій 339

стр.
Пѣснь Финскаго Стрѣлковаго баталіона 340
Царское Село. 342
Баронессѣ Ольгѣ Ѳедоровнѣ Корфъ. 345
Добрая память. 348
Лицейская годовщина 19 октября 351
Предвѣщаніе. 353

Стихи и проза для дѣтскаго возраста

Стихи:

Привѣтствіе новому товарищу 357
Зимнее веселье 358
Чижикъ 359
Встрѣча Новаго года 360
Шляпа 363
Порядокъ 364
Херувимъ 365
Маленькій кустъ (съ нѣмецкаго) 368
Милый ученикъ (изъ Рюккерта) 369
Звѣзды (съ швед. изъ Францѣна) 370
Свѣтлякъ (оттуда же) 371
Пѣсня при захожденіи солнца (съ нѣм.) 373
Цвѣтокъ 374
Трудъ 376
Бабочка 377
Насъ семеро (изъ Вордсворта) 380
Могу ли я увидѣть Бога (съ датскаго) 383
Воскресное утро въ деревнѣ (изъ Францѣна) 385
Смерть 387
Зеркало (изъ Францѣна) 389
Пѣсня 391
Къ другу 392
Къ рѣчкѣ (изъ Рунеберга) 393
Притча о блудномъ сынѣ 395
Грусть 397
Письмо изъ деревни 398
Притча о птицахъ и лиліяхъ 400
Терпѣніе (съ нѣмецкаго) 402
Вечеръ на Рождество (изъ Рунеберга) 404
Сыновняя дума 407
Счастливая старость 409
Пѣсенка (съ шведскаго) 410
Привѣтствіе финляндскихъ студентовъ Канцлеру Университета (съ финск.) 411

Проза:

Маленькая психологическая сцена 412
Негро и Васька, два друга 414
Изъ писемъ учителя къ ученикамъ 419
Нѣсколько разговоровъ Василія Дмитріевича съ Алексѣемъ. 424
Что такое исторія? 430
Что такое географія? 436

стр.

Изъ записокъ Франклина 441
Праздникъ въ Александровскомъ Университетѣ 442
Епископъ Францѣнъ 444
Замѣчательный домъ для бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ 452
Первое апрѣля (письмо) 457
Портреты и силуэты 461
Воспоминаніе о Петрѣ Великомъ 464
Бибиковъ 468
Панины 469
Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій 472
Румянцовы 481
Первыя главы русской исторіи 499
Начало Руси 524
Плутархъ (изъ Вильмена) 538

Приложенія.

Жанъ-Поль Фридрихъ Рихтеръ (съ англ.) 547
Путешествіе Врангеля по Сибири (о нѣм. соч. Е. А. Энгельгардта) 560
Письма съ береговъ Чернаго моря (съ швед., проф. Лагуса) 570

Указатель личныхъ именъ 599
Содержаніе предыдущихъ томовъ изданія 608
Замѣченныя опечатки. 627

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ [1]).

1852 — 1880.

Родился я въ Петербургѣ 15 декабря 1812 года въ домѣ давно уже не существующемъ на нынѣшней Михайловской площади. Отецъ мой, Карлъ Ефимовичъ Гротъ, служилъ тогда въ департаментѣ государственныхъ имуществъ контролеромъ, подъ начальствомъ гр. Владиміра Григорьевича Орлова. Онъ былъ единственный сынъ пастора Іоакима Грота, уроженца Голштиніи, пріѣхавшаго въ Россію при Елизаветѣ Петровнѣ, за два года до воцаренія императрицы Екатерины [2]).

Іоакимъ Гротъ учился въ Іенскомъ университетѣ, гдѣ пріобрѣлъ степень кандидата богословія. Прибывъ въ Россію, онъ вскорѣ получилъ мѣсто пастора при Екатерининской церкви, на Васильевскомъ острову [3]). Онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ со многими изъ нѣ-

---

[1]) Были напечатаны въ кн. „Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ". Спб. 1896 г.; тамъ о нихъ сказано:

„На первомъ мѣстѣ печатаемъ мы краткій автобіографическій очеркъ Я. К., написанный имъ по вызову задушевнаго друга его Плетнева въ 1852 году, стало быть обнимающій дѣтство, годы воспитанія, первую службу въ Петербургѣ и финляндскій періодъ его дѣятельности. Онъ дополненъ замѣтками позднѣйшихъ лѣтъ до 1878—80 годовъ на отдѣльныхъ листкахъ, набросанными его рукою въ разное время (отчасти по просьбѣ составителей біографическихъ сборниковъ и словарей) и хранившимися у него въ особомъ пакетѣ съ надписью: „Къ автобіографіи". Понятно, что, соединяя эти отрывки въ одно хронологическое цѣлое, мы печатаемъ все дословно такъ, какъ у него было написано". *Ред.*

[2]) Якимъ Гротъ (род. 14 іюня 1733 г. въ голштинскомъ городкѣ Plön'ѣ) опредѣлился въ 1758 г. секретаремъ при генералъ-аншефѣ бар. Ник. Андр. Корфѣ, назначенномъ тогда губернаторомъ Кёнигсберга и ѣздившемъ въ 1742 г. въ Голштинію за великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ. Въ 1760 г. Гротъ поѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ домашнимъ учителемъ у какой-то генеральши Корфъ (вдовы). Замѣчательно, что и внукъ его Яковъ Карловичъ началъ службу при бар. Корфѣ. *Ред.*

[3]) Еще до восшествія на престолъ императрицы Екатерины II, отклонивъ нѣсколько иныхъ предложеній, онъ опредѣлился пасторомъ при голштинскомъ полкѣ въ С.-Петербургѣ, а въ 1764 г., по смерти пастора Екатерининской церкви, онъ занялъ его мѣсто (12 декабря).

мецкихъ ученыхъ, бывшихъ тогда въ Петербургѣ: съ Шлёцеромъ, который говоритъ о немъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій какъ о человѣкѣ, которому онъ былъ много обязанъ, съ Бакмейстеромъ, часто упоминающимъ о Якимѣ Христіанѣ Гротѣ въ своей „Библіотекѣ", особливо же съ Эйлеромъ, съ которымъ дружба его перешла и на семейство обоихъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій моего дѣда замѣчательны его духовныя пѣсни, изъ которыхъ многія до сихъ поръ поются въ протестантскихъ церквахъ, далѣе его проповѣди; между ними особенное значеніе имѣли тѣ, которыя онъ произносилъ въ пользу оспопрививанія; императрица Екатерина обратила на нихъ вниманіе и въ знакъ своей признательности пожаловала ему большую золотую медаль. Но важнѣйшимъ трудомъ его было трехтомное сочиненіе „О свободѣ вѣроисповѣданій въ Россіи" — историко-статистическій трудъ, который никогда не потеряетъ своей цѣны и заключаетъ въ себѣ между прочимъ много біографическихъ свѣдѣній о протестантскихъ ученыхъ и въ томъ числѣ о самомъ авторѣ сочиненія. Онъ умеръ въ 1799 г. (22 дек.) [1]).

Отецъ мой воспитывался въ Петропавловскомъ училищѣ. О способностяхъ его свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что онъ вышелъ первымъ ученикомъ и на выпускномъ экзаменѣ произнесъ рѣчь, о которой Бакмейстеръ упоминаетъ въ своей Russische Bibliothek.

Лѣтъ 14-ти отецъ мой имѣлъ счастіе быть избраннымъ въ число тѣхъ молодыхъ людей, которые во время малолѣтства императора Александра I-го были призываемы ко двору для практическаго упражненія двухъ старшихъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей въ разговорѣ на иностранныхъ языкахъ, — обстоятельство, упоминаемое самою императрицею Екатериною II въ письмахъ ея къ Гримму [2]). Этой честью обязанъ онъ былъ почетному положенію, которымъ пользовался дѣдъ мой, какъ пасторъ Екатерининской церкви. Отецъ былъ человѣкомъ знающимъ, дѣловымъ и въ высшей степени благороднымъ, но судьба не дала ему долголѣтія: онъ умеръ 46 лѣтъ отъ роду, начальникомъ отдѣленія, въ 1816 году. Онъ особенно наблюдалъ правило, чтобы дѣти прежде всего хорошо выучивались говорить по-русски, и потому прислуга у насъ была исключительно русская.

На 5-мъ году очутился я сиротою: на рукахъ моей матери остались дочь и двое сыновей. Она была по происхожденію нѣмка (уро-

---

[1]) Болѣе подробныя о немъ свѣдѣнія см. въ Замѣткѣ *Я. К. Грота* о своемъ дѣдѣ въ Сборн. Отд. р. я. и сл. 1868 г., т. V, вып. 1-й, стр. 289—292 („Труды Я. К. Грота", т. III) составл. по автобіогр. свѣдѣніямъ въ трудѣ самого Якима Грота (Замѣчанія о свободѣ вѣроисповѣд. въ Россіи, III томъ; Свѣд. о лютер. пасторахъ) и нѣкоторымъ другимъ источникамъ. Годъ его смерти показывался различно: 1799 или 1800 г., а по Слов. рус. пис. Митр. Евгенія даже 1802 г., но первая дата несомнѣнна. *Ред.*

[2]) См. Сборникъ Истор. Общ., т. XXIII, стр. 297, 298. *Ред.*

жденная Цизмеръ)[1]), но любила все русское и, почитая Россію своимъ единственнымъ отечествомъ, воспитала насъ, дѣтей, въ любви къ русскому языку и народу, въ привязанности и благодарности къ Россіи. И она раздѣляла мысль отца, что первый языкъ дѣтей ихъ долженъ быть русскій; но и французскій и нѣмецкій мы усвоили себѣ въ ранніе годы, незамѣтно, въ семейномъ кругу, такъ что мнѣ трудно припомнить, которому изъ нихъ я научился прежде.

Получая скромную пенсію за службу мужа и не имѣя другого состоянія, мать моя рѣшилась посвятить жизнь тремъ своимъ дѣтямъ. До 10-тилѣтняго возраста она воспитывала меня дома, частью сама, частью нанимая учителей изъ своихъ скудныхъ средствъ. Рѣзвость мальчика и требованіе болѣе серіозныхъ уроковъ побудили её подумать о помѣщеніи насъ — меня и младшаго брата моего Константина[2]) — на казенный счетъ въ лучшее общественное заведеніе того времени: Царскосельскій лицей. Надежда моей матери основывалась на томъ, что покойный отецъ мой былъ лично извѣстенъ въ дѣтствѣ императору, и эта надежда оправдалась.

Прошеніе на имя императора Александра Павловича, очень искусно написанное на французскомъ языкѣ служившимъ въ иностранной коллегіи (какъ тогда и еще долгое время послѣ называли министерство иностранныхъ дѣлъ) барономъ Остенъ-Сакеномъ, затемъ директора лицея Е. А. Энгельгардта, было милостиво принято Государемъ и 16 января 1823 года я поступилъ въ Царскосельскій лицейскій пансіонъ. Мать сама отвезла меня туда. Это была первая моя разлука съ нею. Мнѣ только-что минуло 10 лѣтъ. Можно представить себѣ, какъ я былъ потрясенъ этой внезапной перемѣной въ судьбѣ моей. Двое сутокъ я плакалъ непрерывно, сперва на квартирѣ инспектора Ф. О. Нумерса, а потомъ между товарищами, и долго еще, какъ только мнѣ приходилось читать вслухъ или отвѣчать, слезы задушали мой голосъ, при неотвязчивой мысли о родительскомъ домѣ.

Меня помѣстили въ 1-й, самый низшій классъ, и сосѣдъ мой въ первый же день отрекомендовалъ себя тѣмъ, что присвоилъ себѣ новенькій мой пеналъ со всѣмъ, что въ немъ было. Въ тамошнемъ школьномъ быту, какъ я скоро могъ замѣтить, сильно господствовало кулачное право, и фискалить, т. е. жаловаться, было очень опасно. Скромностью и прилежаніемъ я скоро сталъ на хорошемъ счету, и разъ пріобрѣтя репутацію отличнаго ученика, уже не терялъ ее до самаго выпуска изъ лицея. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я перешелъ во 2-й классъ, а спустя годъ въ 3-й, въ которомъ пробылъ два года.

---

[1]) Каролина Ивановна, род. 1 февраля 1780 г., ум. 1852 г. *Ред.*

[2]) Константина Карловича, статсъ-секретаря и члена Государственнаго совѣта (род. 12 января 1815 г., ум. 30 окт. 1897 г.). *Ред.*

Изъ тогдашнихъ моихъ учителей мнѣ особенно пріятно вспоминать П. Е. Бѣликова, который преподавалъ русскій языкъ и математику, Троицкаго, позднѣе соединявшаго въ своихъ рукахъ русскую литературу и латынь, также французовъ: Менюэ и Трико. Директоромъ пансіона въ то время былъ полковникъ Алабовъ, который назначенъ былъ послѣ Гауеншильда, чтобы подтянуть распущенное заведеніе.

Міръ, окружавшій меня въ дѣтствѣ моемъ, былъ чрезвычайно тѣсенъ и однообразенъ. Въ отцѣ я лишился опытнаго руководителя и совѣтника, котораго мать, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могла замѣнить. На учителей я въ этомъ возрастѣ не былъ счастливъ, и потому при поступленіи моемъ въ пансіонъ я былъ вообще еще очень мало развитъ. Я былъ тогда застѣнчивымъ ребенкомъ, очень далекимъ отъ зрѣлости и бойкости большей части нынѣшнихъ мальчиковъ, и эту относительную медленность моего развитія приписываю я главнымъ образомъ тому, что до того находился въ женскихъ рукахъ. Зналъ я тогда еще очень мало, хотя и учили меня ариѳметикѣ, географіи и даже математической; домашній учитель мой читалъ такія высокопарныя лекціи, что я въ его классѣ частёхонько засыпалъ. Только въ языкахъ положено было хорошее основаніе моимъ знаніямъ, чему я отчасти обязанъ былъ кромѣ матери старушкѣ тёткѣ (сестрѣ ея [1]), которая нѣжно любила насъ и учила меня французскому языку. У нея было множество толстыхъ лексиконовъ — и я, забравшись въ ея комнату, находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы рыться въ этихъ фоліантахъ, отыскивая слова и проводя такимъ образомъ цѣлые часы.

Когда въ пансіонѣ я сталъ учиться латинскому языку, учитель Троицкій однимъ случайнымъ средствомъ чрезвычайно способствовалъ къ моимъ успѣхамъ въ этомъ новомъ предметѣ. На праздники передъ отъѣздомъ воспитанниковъ въ Петербургъ, онъ задалъ всему классу пріискать изъ лексикона по триста неизвѣстныхъ словъ, выписать ихъ и выучить наизустъ. При возобновленіи уроковъ оказалось, что одинъ я буквально исполнилъ эту задачу. Я купилъ себѣ въ гостиномъ дворѣ лексиконъ Кронеберга, и на длинномъ, склеенномъ въ видѣ ленты лоскуткѣ бумаги выписалъ изъ словаря три сотни словъ; при спрашиваніи этого урока я просто отличился. Какъ учитель ни вертѣлъ бумагу, русское ли слово называлъ или латинское, я ни разу не ошибся къ великому его удовольствію и къ удивленію товарищей, которые всѣ выполнили задачу кое-какъ. Съ тѣхъ поръ я прослылъ между ними большимъ латинистомъ. Вмѣстѣ съ лексикономъ Кронеберга, купилъ я себѣ басни Крылова и географію Пѣтунина, которыя послѣ были для меня обильнымъ источникомъ наслажденій.

---

[1] лизаветѣ Ивановнѣ Цизмеръ, содержавшей пансіонъ въ Петербургѣ. *Ред.*

Лицейскій пансіонъ служилъ тогда единственнымъ разсадникомъ для лицея. Туда переходили черезъ каждые три года 25 лучшихъ пансіонеровъ извѣстнаго возраста, и тамъ ученіе продолжалось шесть лѣтъ. На этомъ основаніи я и поступилъ 26-го августа 1826 года въ лицей, гдѣ я съ самаго начала до конца считался первымъ воспитанникомъ по успѣхамъ и поведенію.

Лицей имѣлъ тогда назначеніемъ приготовлять молодыхъ людей для поступленія какъ въ высшія гражданскія вѣдомства, такъ и въ военную службу. Воспитанники не были обязаны, при самомъ поступленіи, избрать то или другое поприще, и потому всѣ проходили одинъ общій курсъ, соединявшій по возможности науки философскія (humaniora) съ юридическими. Еще въ послѣднее время царствованія Александра I на лицеѣ отразилась общая перемѣна во внутренней политикѣ: Энгельгардтъ, при которомъ воспитанники дѣйствительно пользовались слишкомъ большой свободой, навлекъ на себя неудовольствіе Государя и былъ замѣненъ генераломъ Гольтгоеромъ, который до того былъ директоромъ такъ называемаго Дворянскаго полка и пріобрѣлъ репутацію начальника, умѣвшаго поддерживать строгую дисциплину. Дѣйствительно, онъ завелъ въ лицеѣ порядокъ, и нарушенія не проходили безнаказанно. Онъ былъ добрый, хотя и неученый нѣмецъ, впрочемъ знавшій порядочно математику и потому ставившій ее выше всѣхъ наукъ. Содержали насъ не дурно, если взять въ расчетъ, что на каждаго воспитанника отпускалось въ сутки не болѣе 10 коп.

Изъ стѣнъ лицея къ роднымъ и знакомымъ отпускали насъ по праздникамъ только на день, и мы не могли отлучаться никуда за предѣлы Царскаго Села и Павловска. Тотъ же порядокъ соблюдался даже и во время вакацій. Это въ сильной степени развивало между тогдашними лицеистами духъ товарищества и было благопріятно для занятій. Но слишкомъ большое разнообразіе предметовъ, которые намъ преподавались, и какое-то смѣшеніе гимназическаго курса съ университетскимъ вредило основательности ученія: въ составъ нашего курса входили историческія и политическія науки, и право, и высшая математика съ физикой. Изъ древнихъ языковъ насъ учили только латинскому, изъ новыхъ иностранныхъ французскому и нѣмецкому (англійскій былъ введенъ гораздо позднѣе).

Недостатокъ основательнаго обученія вознаграждали мы въ нѣкоторой мѣрѣ свободнымъ чтеніемъ: конечно, многіе ограничивались одними романами, но другіе читали также историческія сочиненія, классическихъ писателей и поэтовъ. Не надо забывать, что мы поступили въ лицей только черезъ 9 лѣтъ послѣ выпуска Пушкина и Дельвига: преданіе о нихъ и ихъ товарищахъ было такъ еще свѣжо и не могло не имѣть большого вліянія на все наше умственное развитіе: любовь къ поэзіи и попытки въ стихотворствѣ сдѣлались между

нами тѣмъ болѣе общими, что первый нашъ профессоръ по русской литературѣ — Кошанскій [1]) — поощрялъ это направленіе. Между профессорами было нѣсколько очень хорошихъ: Кошанскій по русской и римской литературѣ, Тилло по французской, Шульгинъ по географіи и статистикѣ, Врангель по правамъ и политической экономіи, Архангельскій по математикѣ. Послѣдній, къ сожалѣнію, скоро умеръ. Кошанскій училъ насъ года два, Тилло года четыре. Преемники ихъ — Георгіевскій, Карцовъ и Жилле были совсѣмъ не то, но между тѣмъ первые уже успѣли возбудить въ нѣкоторыхъ изъ насъ любовь къ литературѣ и самостоятельному труду. По крайней мѣрѣ я въ этомъ отношеніи считаю себя много обязаннымъ Кошанскому и Тилло.

Способъ преподаванія Кошанскаго и собственное притомъ одушевленіе не могли не возбуждать въ молодыхъ людяхъ любви къ поэзіи и литературѣ вообще. На первыхъ порахъ онъ познакомилъ насъ съ сельскими стихотвореніями Жуковскаго, съ Пушкинымъ, съ содержаніемъ поэмъ Гомера, съ Корнеліемъ Непотомъ и съ Федромъ [2]). Не знаю только хорошо ли, что онъ задавалъ намъ сочиненія не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и поданные ему труды разбиралъ съ эстетической точки зрѣнія передъ цѣлымъ классомъ. Разъ онъ прислалъ намъ изъ Петербурга свой отзывъ на взятыя у насъ тетради, и какъ сильно подѣйствовала на насъ эта записка, въ которой между прочимъ была фраза: „Кто молодъ и чувствителенъ, тому стыдно не быть поэтомъ!“ Мы всѣ и тянулись за Пушкинымъ, и хоть ни одинъ изъ насъ даже не приблизился къ нему, но мы рано выработали себѣ правильный языкъ и еще на школьной скамьѣ дѣлались литераторами. Въ числѣ лицейскихъ поэтовъ былъ и я; впрочемъ, я выбралъ на свою долю скромное поприще баснописца и выступалъ на немъ довольно рѣдко. Уроками Кошанскаго мы пользовались недолго и я горько сожалѣлъ о томъ, кто называлъ меня „золотымъ воспитанникомъ“.

Тилло въ объясненіяхъ законовъ французской рѣчи требовалъ отъ насъ строгой отчетливости, а чтеніемъ писателей вѣка Людовика XIV и исторіей тогдашней литературы сильно развилъ въ насъ интересъ къ этой блестящей эпохѣ. Благодаря ему, узналъ я теорію французскаго языка въ совершенствѣ и рано прочиталъ большую часть фран-

---

[1]) Николай Ѳедоровичъ (ум. 1831 г.). Извѣстно, что онъ былъ преподавателемъ русской и латинской словесности и въ пушкинское время, и преподаваніе его не осталось безъ вліянія на развитіе поэтическаго таланта Пушкина. Срв. о немъ Я. К. Грота, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1899, стр. 2, 7, 21, 22, 41—45 и др. (См. „Труды“ т. III). *Ред.*

[2]) Латинскимъ баснописцемъ, басни котораго были переведены на русскій языкъ Н. Ѳ. Кошанскимъ (1814 г., 2-е изд. 1832, раньше *Барковымъ*). Онъ же перевелъ и Корнелія Непота.

пузскихъ классиковъ. Онъ самъ по моимъ порученіямъ покупалъ мнѣ въ Петербургѣ книги, на которыя я истрачивалъ всѣ свои маленькія средства.

Изъ наукъ я первое время съ особеннымъ увлеченіемъ занимался географіей и математикой, въ которой, по отзыву уважаемаго профессора Архангельскаго, имѣлъ „весьма основательныя познанія“. Любовь къ географіи умѣлъ возбудить во мнѣ своимъ оживленнымъ преподаваніемъ извѣстный профессоръ И. П. Шульгинъ; карты, которыя заставлялъ онъ насъ рисовать, занимали меня самымъ пріятнымъ образомъ. Исторію любилъ я также, но къ сожалѣнію преподаваніе ея мало соотвѣтствовало условіямъ пріобрѣтенія въ ней обширныхъ свѣдѣній.

На нравственное и религіозное мое развитіе, которому хорошее основаніе положено было въ родительскомъ домѣ, дѣйствовалъ много пасторъ Авенаріусъ, частью своимъ преподаваніемъ, частью церковными проповѣдями, иногда очень удачными по исполненію и всегда прекрасными по духу. Изъ гувернеровъ самый почтенный былъ Чириковъ, лицейскій ветеранъ, поступившій еще при первомъ выпускѣ. Онъ училъ рисованію, которому я съ дѣтства предавался страстно, самоучкою. Чириковъ высоко цѣнилъ мои успѣхи въ этомъ искусствѣ; но скоро умственныя занятія совершенно отвлекли меня отъ него. По роду своихъ способностей и живой впечатлительности я пристрастился къ литературѣ, много читалъ, сочинялъ стихи, особенно юмористическіе, издавалъ рукописные журналы, которые самъ переписывалъ. Не будучи особенно прилеженъ и даже подтрунивая надъ болѣе усидчивыми изъ товарищей, я успѣлъ однакожъ и въ лицеѣ удержать пальму первенства по всѣмъ предметамъ, всего же болѣе отличался я въ языкахъ.

Подъ руководствомъ этихъ и другихъ наставниковъ духовное развитіе мое приняло совершенно созерцательное направленіе, къ чему много способствовала затворническая жизнь лицея посреди живописной мѣстности, украшенной еще болѣе историческими воспоминаніями, а съ другой стороны посреди самыхъ преданій заведенія, пріобрѣтавшихъ особенный блескъ отъ поэтической славы Пушкина и извѣстности многихъ другихъ лицъ, которыя тамъ же получили свое образованіе въ первыя времена лицея. Къ этому надобно прибавить, что такъ какъ мы во всѣ 6 лѣтъ узаконеннаго лицейскаго курса не смѣли выѣзжать изъ предѣловъ Царскаго Села, то самый Петербургъ былъ для насъ какимъ-то отдаленнымъ и чуждымъ міромъ, куда мы могли переноситься только воображеніемъ, и ничто не выводило меня изъ моей чисто созерцательной жизни.

Міръ дѣйствительности ограничивался для меня стѣнами лицея, окружавшими его садами и домомъ матери, которая, отдавъ и второго сына своего въ благородный пансіонъ, сама переселилась въ Царское

Село. Я жилъ въ своихъ урокахъ и книгахъ, впрочемъ любилъ и порѣзвиться съ товарищами. Всѣ они считали дни, остававшіеся до выпуска, думали о будущей своей карьерѣ, о чинѣ, который каждаго ожидалъ; но меня это вовсе не занимало; я безпечно предавался своей склонности къ ученію, не думая о будущемъ, но впрочемъ и не отличаясь особеннымъ усердіемъ въ приготовленіи уроковъ. Я больше любилъ чтеніе, имѣвшее какую-нибудь связь съ преподаваніемъ.

Лицейское шестилѣтіе раздѣлялось тогда на 2 курса, изъ которыхъ каждый обнималъ три года. Всѣ воспитанники, независимо отъ неравенства успѣховъ, вмѣстѣ переходили изъ младшаго курса въ старшій. Отношеніе между обоими курсами (такъ назывались оба класса) было чисто патріархальное. Младшіе съ уваженіемъ, иногда даже съ подобострастіемъ смотрѣли на старшихъ, во всемъ брали съ нихъ примѣръ и готовы были слушаться ихъ даже болѣе своихъ наставниковъ. И у меня было между старшими нѣсколько друзей, изъ которыхъ одинъ казался мнѣ настоящимъ идеаломъ совершенства. Въ привязанностяхъ моихъ была съ самаго дѣтства какая-то мечтательная восторженность, придававшая имъ нерѣдко характеръ неограниченной приверженности. Таковы были и мои отношенія къ князю Мещерскому [1]). Онъ былъ также поэтъ, имѣлъ большую начитанность и вписывалъ въ особыя тетради извлеченія изъ книгъ, особенно ему нравившихся: я сталъ дѣлать то же, переписавъ сперва почти все изъ его готовыхъ тетрадей.

Уже въ младшемъ курсѣ я постоянно велъ подробныя записки на лекціяхъ русской географіи, читанныхъ профессоромъ Шульгинымъ. Въ старшемъ курсѣ я продолжалъ составлять такія записки по статистикѣ и нравственной философіи. Такъ какъ я ихъ тщательно обработывалъ и переписывалъ, въ неклассное время, то онѣ много способствовали къ облегченію мнѣ искусства владѣть русской прозой. Это напоминаетъ мнѣ одно обстоятельство еще во время моей пансіонской жизни. На 12-мъ году сталъ я переписывать тетрадь, заключавшую въ себѣ географію Россіи. Я до сихъ поръ очень хорошо помню, какъ меня поражала въ ней нѣкоторая неловкость слога и какъ я, переписывая ее, безпрестанно поправлялъ въ ней выраженія, укорачивалъ или упрощалъ фразы и иногда исключалъ *сей* и *оный*, которыхъ и въ дружеской перепискѣ терпѣть не могъ.

Ту же пользу, какъ записки, имѣли для меня литературные журналы, которые я началъ издавать въ старшемъ курсѣ: кромѣ моихъ собственныхъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ, въ нихъ помѣщались

---

[1]) Кн. А. В. Мещерскій былъ воспитанникомъ 5 курса (1829). Онъ, между прочимъ, имѣлъ слабость писать французскіе стихи, что ему отсовѣтовалъ Пушкинъ. Кн. М. позже (въ 40-хъ годахъ) служилъ въ Варшавѣ. Срв. о немъ Я. К. Грота „Пушкинъ, etc“, стр. 9, 43. *Ред.*

труды моихъ товарищей. Эти журналы, подъ заглавіемъ: *Лицейскій Вѣстникъ* и *Муравей*, не имѣли, впрочемъ, никакого дѣльнаго направленія и были только тѣмъ хороши, что доставляли намъ упражненіе въ изложеніи мыслей и могли служить путемъ къ раскрытію рода и степени нашихъ способностей. Этимъ не ограничивались мои литературные опыты: я написалъ русскими стихами траги-комедію Мидасъ, въ представленіи которой самъ участвовалъ вмѣстѣ съ товарищами въ костюмахъ нами же изготовленныхъ. Это былъ не первый дебютъ мой въ искусствѣ актера: въ младшемъ курсѣ на первомъ году сыграли мы однажды передъ приглашенной публикой Расинову трагедію *Esther* (на французскомъ языкѣ), въ которой я исполнилъ роль главной героини; въ другой разъ игралъ я въ Расиновой же комедіи: *les Plaideurs*.

Между новыми для меня науками, которыми я занимался съ особенною охотою въ старшемъ курсѣ, была физика. Въ этотъ же періодъ ученія полюбилъ я нѣмецкую литературу и читалъ съ особеннымъ наслажденіемъ драматическія произведенія Шиллера и Гёте; французская классическая литература стояла для меня уже на второмъ планѣ. Толки о классицизмѣ и романтизмѣ, о субъективной и объективной поэзіи находили отголосокъ и въ нашихъ залахъ. Правда, я не доходилъ до односторонности, которая рѣшительно отвергаетъ достоинство въ произведеніяхъ писателей вѣка Людовика XIV, но мои досуги уже принадлежали предпочтительно Шатобріану, Бюффону, Бернардену, Вальтеръ-Скоту и первымъ представителямъ германской литературы, почему и лекціи нѣмецкаго профессора Оливы пріобрѣли для меня особенную занимательность.

Въ первые годы моего пребыванія въ лицеѣ я, хотя по религіи и протестантъ, по духу и языку былъ болѣе русскій, нежели нѣмецъ; въ старшемъ курсѣ я, не переставая признавать Россію своимъ отечествомъ, научился, однако-жъ, цѣнить свое германское происхожденіе въ отношеніи къ языку и наукѣ. Но вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей живо уже сочувствовалъ современной русской литературѣ. Не говоря о лучшихъ произведеніяхъ, которыя тогда въ ней появились и которыя мы съ жадностью читали немедленно по выходѣ ихъ, какъ напр., позднѣйшія главы Евгенія Онѣгина, Полтаву, — мы слѣдили и за періодическою литературою: прилежно читали Сѣверную Пчелу, Телеграфъ, Сынъ Отечества, Телескопъ и, кажется, Московскій Вѣстникъ. Особенно интересовала насъ Литературная газета предка нашего по лицею, барона Дельвига, съ которымъ я былъ лично знакомъ; послѣдовавшая вскорѣ неожиданная кончина его произвела на меня сильное впечатлѣніе. Въ его газетѣ въ первый разъ напечатаны были написанныя мною строки: профессоръ Тилло̀, желая обличить петербургскаго учителя Ферри де Пиньи, который подъ своимъ

именемъ издалъ записки его о французской литературѣ, написалъ объ этомъ статью и просилъ меня перевести ее на русскій языкъ, — этотъ-то переводъ мой и былъ помѣщенъ въ Литературной газетѣ [1]); кажется, въ этой же газетѣ читалъ я съ большимъ сочувствіемъ статью Плетнева о смерти Дельвига [2]). Имя Плетнева было также мнѣ извѣстно изъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ, которые мы постоянно читали, какъ и всѣ выходившіе къ то время альманахи. Трудно описать свѣжесть и пріятность впечатлѣній, которыя доставляла мнѣ всякая литературная новость, отвѣчавшая потребности молодой души въ эстетическихъ наслажденіяхъ.

Жадность къ расширенію этихъ наслажденій въ области литературы, а можетъ быть и неясная мечта о будущихъ путешествіяхъ возбудила во мнѣ желаніе узнать еще нѣкоторые изъ европейскихъ языковъ, и я началъ съ итальянскаго. Безъ всякаго живого руководителя я изучалъ этотъ языкъ по однѣмъ книгамъ, но черезъ два три мѣсяца могъ уже говорить и писать на немъ, какъ оказалось при случайномъ знакомствѣ съ однимъ жившимъ въ Царскомъ Селѣ итальянцемъ. Я читалъ Тасса, Метастазіо, Боккачіо, Манзони и особенно трагедіи Альфіери, о которыхъ къ публичному экзамену написалъ на нѣмецкомъ языкѣ длинное разсужденіе. При изученіи итальянской грамматики мнѣ показалось, что теорія глаголовъ нигдѣ не изложена удовлетворительно, а потому я тогда написалъ на итальянскомъ языкѣ особенное сочиненіе объ этомъ предметѣ, которое до сихъ поръ у меня цѣло. Оно посвящено было одному изъ товарищей моихъ (курляндцу Бреверну) [3]), который также занимался этимъ языкомъ. Не одинъ онъ увлекался моимъ примѣромъ: было три или четыре воспитанника, которымъ я давалъ уроки въ итальянскомъ языкѣ; однакожъ ихъ охота скоро прошла, и ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ замѣтныхъ успѣховъ. Была ли то вина учителя, или учениковъ — не знаю. Но я еще и послѣ лицея усердно продолжалъ свое знакомство съ итальянской литературою и даже подбилъ къ тому же брата своего, который оставался послѣ меня въ лицеѣ и далъ уговорить себя переписываться со мной по-итальянски. Изъ біографіи дѣда моего узналъ я послѣ, что и онъ въ молодости своей, по собственной охотѣ, выучился итальянскому языку.

Я вышелъ изъ лицея на 20-мъ году, въ іюнѣ 1832 г. Изъ лицея вынесъ я общую привязанность къ заведенію, къ тамошней жизни, ко всѣмъ наставникамъ, а особливо къ тѣмъ, которые отличались чѣмъ-

---

[1]) Замѣтка профессора Тилло о „Курсѣ французской литературы Ферри де Пиньи. *Литературная Газета* барона Дельвига, 1830 г., № 29, критика, стр. 233 — 234.

[2]) 1831 г., 16 января, № 4 (некрологъ). *Ред.*

[3]) Иванъ Христофоровичъ Бреверн, впослѣдствіи сенаторъ. *Ред.*

либо пріятно-оригинальнымъ или, какъ ветераны лицея, служили проводниками его преданій.

Хочу воспользоваться случаемъ, чтобъ уяснить себѣ и другимъ, чѣмъ могъ бы я быть по элементамъ, полученнымъ отъ природы, и чѣмъ сдѣлался по вліянію воспитанія и обстоятельствъ. Я уже сказалъ, что до вступленія въ пансіонъ я имѣлъ очень мало знаній; при всемъ томъ хорошимъ началомъ въ языкахъ (въ грамматикѣ) положено было твердое основаніе будущимъ успѣхамъ въ наукахъ. И въ годы моего пребыванія въ пансіонѣ ученіе мое шло какъ нельзя лучше: при переходѣ въ лицей я для 13-тилѣтняго возраста зналъ уже довольно изъ исторіи и географіи, изъ геометріи и алгебры, изъ латинскаго языка, и особенно могъ хорошо выражаться не только словесно, но и письменно на трехъ живыхъ языкахъ. Чего не могли бы сдѣлать изъ меня въ лицеѣ съ такими началами при моей любознательности и стремленіи впередъ. Но надобно отдать справедливость тамошнимъ моимъ наставникамъ; всѣ они, за исключеніемъ двухъ или трехъ, очень плохо понимали и цѣль свою и средства, которыя надобно было употреблять при обученіи. Правда, впрочемъ, что и неравенство воспитанниковъ составляло немалое къ тому затрудненіе. Вмѣсто того, чтобы развивать въ насъ охоту распространять чтеніемъ свѣдѣнія по предметамъ преподаванія, они строго держались своихъ краткихъ учебниковъ, большею частію очень плохихъ, какова была особенно *Исторія* Кайданова. Чтеніемъ же нашимъ никто не руководилъ, кромѣ воспитанниковъ старшаго курса, которые также были слишкомъ предоставлены самимъ себѣ. Мы читали произведенія изящной словесности, но связи между преподаваніемъ и чтеніемъ не искали, или по крайней мѣрѣ не довольно о ней заботились. Кошанскаго скоро смѣнилъ Георгіевскій, человѣкъ очень хорошій, но преподаватель бездарный, и успѣхи мои въ латинскомъ языкѣ тогда же почти остановились на все продолженіе лицейскаго курса.

Самое назначеніе лицея благопріятствовало поверхностно-энциклопедическому ученію. Въ воспитанникахъ господствовало всегда предубѣжденіе противъ латинскаго языка, и къ несчастію — говоря о массѣ — даже противъ прилежанія. Надъ тѣмъ, кто много сидѣлъ за своими занятіями, лѣнивые ученики подтрунивали, а кто хорошо училъ уроки, того называли долбней. Я, не имѣя по живости характера склонности безпрестанно заниматься уроками и еще менѣе слишкомъ буквально держаться тетрадей, не навлекалъ на себя нареканія товарищей. ьзуясь хорошей памятью и понятливостью, я легко схватывалъ оки, но зато легко и забывалъ ихъ. Еще недоставало мнѣ при-чки сосредоточивать вниманіе, такъ что если лекція не была осо-нно интересна, я слушалъ ее невнимательно, да и во время уро-въ легко развлекался другими предметами. Но легкость пониманія

и толковость, которой я отличался, а также знаніе языковъ и умѣніе выражаться, вмѣстѣ съ почтительностью къ наставникамъ и совѣстливостью въ поступкахъ, доставили мнѣ у всѣхъ преподавателей самое блестящее мнѣніе.

Къ стыду моему я долженъ сознаться, что, замѣтивъ такую выгоду, я сталъ ею пользоваться и часто не училъ уроковъ, по крайней мѣрѣ сухихъ и скучныхъ. Такъ И. П. Шульгинъ въ послѣдніе годы совсѣмъ пересталъ меня спрашивать изъ географіи, зато и зналъ я довольно плохо Африку и Австралію. Во время скучныхъ лекцій я читалъ постороннія книги — дѣло очень обыкновенное въ лицеѣ. Такимъ образомъ вышелъ я оттуда съ меньшими познаніями, нежели могло бы быть, еслибъ дано было лучшее и болѣе серіозное направленіе моей любознательности и еслибъ самое преподаваніе по нѣкоторымъ предметамъ сообщало болѣе точныя, ясныя, полныя и основательныя свѣдѣнія. Не говорю уже о томъ, что моей любви къ рисованью дали совершенно охладѣть и таланту въ этомъ искусствѣ заглохнуть въ ложномъ убѣжденіи, будто это ни къ чему пригодиться не можетъ.

Изъ профессоровъ послѣдняго времени выше всѣхъ по преподаванію стоялъ И. П. Шульгинъ, который питалъ ко мнѣ особенное расположеніе и безъ всякаго съ моей стороны ходатайства, даже безъ моего вѣдома отрекомендовалъ меня кн. Кочубею, предсѣдателю комитета министровъ, вслѣдствіе чего и поступилъ я въ канцелярію этого комитета. Такъ не осуществилась мечта моя по выпускѣ изъ лицея поступить на дипломатическое поприще, которое нѣкогда проходилъ довольно успѣшно мой дядя Цизмеръ. Съ Шульгинымъ продолжались мои сношенія долгое время послѣ выпуска; я посѣщалъ его на дому и ходилъ иногда слушать его университетскія лекціи по исторіи (когда университетъ былъ еще въ Семеновскомъ полку). Поступивъ подъ начальство управлявшаго дѣлами комитета министровъ барона Модеста Андреевича Корфа, вышедшаго изъ лицея же вмѣстѣ съ Пушкинымъ, я вскорѣ былъ приближенъ къ нему и получилъ приглашеніе жить у него въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ на дачѣ и такимъ образомъ помогать ему въ его служебныхъ занятіяхъ.

Послѣ выпуска меня особенно занимало усовершенствованіе знаній моихъ въ исторіи, въ латинскомъ языкѣ и изученіе неизвѣстныхъ мнѣ новѣйшихъ языковъ. Прежде всего сталъ я учиться англійскому, опять по однѣмъ книгамъ. Вообще по совѣсти могу сказать, что не только не ослабилъ своихъ занятій, но усилилъ ихъ. Общественныя удовольствія имѣли для меня мало прелести, и я большую часть времен[и] употреблялъ на чтеніе или, вѣрнѣе, на ученіе. Былъ ли я дома ([я] жилъ съ матерью), или проводилъ день у старой тётки, я уединялс[я] и работалъ. Мнѣ представлялись развлеченія, я могъ посѣщать театр[ы] и балы, но часто отказывался отъ этихъ удовольствій, а иногда, бу[дучи]

дучи уже въ театрѣ или на балѣ, чувствовалъ неодолимое влеченіе къ своимъ занятіямъ и бѣжалъ домой изъ ложи или залы. Въ этомъ было конечно что-то болѣзненное и впослѣдствіи развилась во мнѣ довольно сильная ипохондрія; но это былъ, какъ я самъ вскорѣ узналъ изъ книгъ, недугъ, неразлучный съ извѣстнымъ періодомъ духовнаго развитія, и послѣ 25-тилѣтняго возраста онъ сталъ уступать мѣсто болѣе нормальному настроенію души.

Англійскому языку выучился я такъ же скоро, какъ прежде итальянскому, и скоро могъ говорить на немъ такъ, что природные англичане одобряли мой выговоръ, въ чемъ мнѣ помогло посѣщеніе англиканской церкви и слушаніе проповѣдей пастора ея Low. Это дало мнѣ возможность прочесть въ подлинникѣ Байрона и Шекспира.

Такимъ образомъ я кромѣ русскаго зналъ четыре новѣйшіе языка, на которыхъ самъ могъ выражаться почти съ одинакою легкостью, а по-латыни могъ читать, съ помощію словаря, всѣхъ писателей. Я продолжалъ на этомъ языкѣ читать начатую въ лицеѣ Энеиду Виргилія.

Перехожу ко времени моей канцелярской службы. Въ этой особенной жизни все было для меня ново и многое таково, что съ самаго начала должно было внушить мнѣ къ ней нерасположеніе. Ежедневно долженъ былъ я ходить въ канцелярію и часто сидѣть тамъ безъ дѣла. Слѣдствіемъ того было, что я сталъ носить туда книги. Съ другой стороны иногда я такъ былъ заваленъ работой (всегда механическою), что я долженъ былъ сидѣть за ней не только днемъ, но и ночью. Но увы! обязанность моя состояла почти только въ перепискѣ бумагъ, къ чему красивый почеркъ, пріобрѣтенный мною благодаря лицейскому учителю каллиграфіи Ф. П. Калиничу, оказался очень пригоднымъ [1]).

По счастію между сослуживцами моими было нѣсколько образованныхъ молодыхъ людей, изъ общества которыхъ я могъ извлечь пользу для распространенія своихъ познаній, но въ томъ родѣ службы, который мнѣ достался, началъ видѣть досадное къ этому препятствіе. Однако съ нѣкоторыми изъ сослуживцевъ я обмѣнивался книгами и

[1]) По разсказу Якова Карловича „случилось, что императоръ Николай Павловичъ спросилъ разъ у Мод. Андр. Корфа: „Кто это у тебя такъ отлично пишетъ? Пріятно читать написанное такимъ почеркомъ“. И вотъ съ тѣхъ поръ большая часть меморій для Государя переписывалась Яковомъ Карловичемъ, и онъ вписываетъ въ свой дневникъ: „Дни уходятъ, не оставляя ни въ умѣ, ни въ сердцѣ прочныхъ слѣдовъ: за то они оставляютъ по себѣ толстыя кипы исписанной веленевой бумаги; будетъ мнѣ чѣмъ похвастать, показывая внуку или сыну шкапы государственной канцеляріи; съ какою гордостью скажу: „сочинять не сочинялъ, а писывалъ“. Невольно приходитъ на мысль: Ужели на 24-мъ году отъ роду, въ лѣто служенія нашего 4-е, воспитавшись въ одномъ изъ первыхъ заведеній, я не могъ бы лучше быть употребленъ на службѣ?“ *Ред.*

журналами. Одинъ изъ нихъ, кн. Н. А. Долгорукій, бывшій товарищъ мой по царскосельскому пансіону, былъ большой любитель иностранныхъ литературъ, имѣлъ прекрасную библіотеку и безпрестанно приносилъ съ собой книжныя новинки на французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкѣ. Другой, Дм. Степ. Протопоповъ († 1871), оцѣненный по достоинству покойнымъ графомъ Киселевымъ и впослѣдствіи пріобрѣвшій почетную извѣстность по дѣятельности въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, а тогда только-что кончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, почти въ одно время со мною вступилъ въ канцелярію комитета министровъ. Его свѣдѣнія оказались во многомъ основательнѣе моихъ, и я не могъ не сознавать его превосходства въ зрѣлости сужденія, — онъ былъ 5-ю годами старше меня. Мы скоро такъ сошлись, что стали вмѣстѣ проводить вечера въ занятіяхъ; онъ дополнялъ мои знанія въ латинскомъ языкѣ, а я давалъ ему уроки во французскомъ языкѣ. Всегда разговаривая о разныхъ предметахъ, мы потомъ разработывали эти предметы письменно по разнымъ источникамъ и сообщали другъ другу свои записки. Эти занятія имѣли большое значеніе для насъ обоихъ.

Будучи изъ духовнаго званія, Протопоповъ не могъ въ университетѣ пріобрѣсти того лоска образованности, который сообщало воспитаніе лицейское. Кромѣ этого преимущества, я имѣлъ передъ нимъ выгоду знанія языковъ и свѣтской обходительности, которой въ немъ противоположна была какая-то дикая застѣнчивость и недовѣрчивость къ себѣ, заставлявшая его чуждаться общества. Не смотря на такое несходство наше, мы съ нимъ съ первыхъ встрѣчъ сошлись необыкновенно: сперва бесѣдовали и спорили только въ канцеляріи, а потомъ стали и посѣщать другъ друга. Скоро мы такъ сдѣлались нужны другъ другу, что не только видѣлись ежедневно, но сверхъ того еще и переписывались. Протопоповъ любилъ меня съ нѣжностью старшаго и болѣе благоразумнаго брата, а я ему былъ преданъ со всѣмъ жаромъ юношеской дружбы, которая нисколько не нарушалась нѣкоторою школьною шаловливостью въ моемъ обращеніи съ нимъ и тѣмъ, что я, будучи въ то время довольно насмѣшливаго характера, часто позволялъ себѣ посмѣиваться надъ топорностью формъ бывшаго московскаго студента.

Бывъ воспитаны въ двухъ совершенно разныхъ сферахъ, въ двухъ различныхъ краяхъ Россіи, имѣя на все разные взгляды, стоя на двухъ разныхъ степеняхъ образованія, мы должны были каждый внести много новаго въ душу другого. Такъ было въ самомъ дѣлѣ: для каждаго изъ насъ открылся новый міръ въ мірѣ другого. Разсказы Протопопова о Москвѣ, о профессорахъ ея и университетѣ и умныя замѣчанія о разницѣ между нею и Петербургомъ открыли мнѣ глаза на многое и внушили мнѣ сильное желаніе ознакомиться съ древнею столицею. Онъ

часто показывалъ мнѣ невѣрность моихъ сужденій и недостаточность знаній; съ другой стороны я знакомилъ его съ иностранными языками, которые онъ вовсе не зналъ, особливо съ французскимъ. Хотя онъ самъ не пробовалъ себя въ стихотворствѣ и не имѣлъ къ тому никакой склонности, онъ любилъ и понималъ поэзію: мы вмѣстѣ читали Ламартина и Пушкина, а впослѣдствіи Виргилія въ подлинникѣ, послѣдняго по моей настоятельной просьбѣ. Свиданія съ Протопоповымъ составляли для меня лучшее наслажденіе моей тогдашней жизни: они продолжались такъ же постоянно и тогда, когда мы разлучились по службѣ: я перешелъ въ государственный совѣтъ, а онъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Часто водилъ я его во французскій и нѣмецкій театры, чтобы доставить ему практику въ разговорной рѣчи на этихъ языкахъ. Лѣтомъ, когда я жилъ на дачѣ, онъ, боясь встрѣчи съ семействомъ моего начальника, посѣщалъ меня рѣдко, но тѣмъ усерднѣе мы переписывались, и сверхъ того доставляли другъ другу выписки изъ прочитаннаго и сужденія свои о томъ.

Еще въ лицеѣ испытывалъ я часто свои силы въ поэзіи, держась однакожъ почти исключительно эпическаго рода и иногда только пускаясь въ сатиру. Послѣ выпуска сталъ я писать и лирическія стихотворенія, но на этомъ пути едва не впалъ въ то болѣзненное направленіе, которое, выражаясь унынiемъ страждущей души, увлекало въ то время столькихъ молодыхъ людей. Къ счастію я былъ очень строгъ къ самому себѣ и ничего не отдавалъ въ печать [1]). Я бы легко могъ найти случай познакомиться съ нѣкоторыми литераторами и даже съ Пушкинымъ, но мнѣ казалось совѣстнымъ и не завиднымъ попасть въ этотъ кругъ безъ всякихъ правъ на вниманіе, и потому мнѣ хотѣлось напередъ самому издать что-нибудь достойное извѣстности.

Къ Пушкину я чувствовалъ съ самаго лицея настоящее благоговѣніе. Въ то время, какъ я былъ еще въ младшемъ курсѣ, весною 28-го или 29-го года [2]), онъ однажды навѣстилъ насъ. Мы слѣдовали за нимъ тѣсною толпой, ловя каждое слово его. Пушкинъ былъ въ черномъ сертукѣ и бѣлыхъ лѣтнихъ панталонахъ. На лѣстницѣ оборвалась у него штрипка; онъ остановился, отстегнулъ ее и бросилъ на полъ; я съ намѣреніемъ отсталъ и завладѣлъ этою драгоцѣнностью, которая послѣ долго хранилась у меня. Изъ разговоровъ Пушкина я ничего не помню, да и почти не слышалъ: я такъ былъ пораженъ самымъ его явленіемъ, что не умѣлъ даже и слушать его, да притомъ по всегдашней своей застѣнчивости шелъ позади другихъ. Вскорѣ

---

[1]) Эти стихотворенія и не сохранились въ бумагахъ Якова Карловича (вѣроятно были имъ уничтожены), ибо дошедшія до насъ относятся уже къ нѣсколько позднѣйшей эпохѣ (не ранѣе 1837 г.). *Ред.*

[2]) Вѣрнѣе въ 1828 г., ибо весной 1829 Пушкинъ большею частію былъ въ Москвѣ, занятый мыслями о сватовствѣ и женитьбѣ. *Ред.*

послѣ выпуска, изучая англійскій языкъ, сошелся я съ Пушкинымъ въ англійскомъ книжномъ магазинѣ Диксона, куда я любилъ ходить, какъ въ особый міръ, полный для меня тайнаго очарованія. Увидя Пушкина, я забылъ свою собственную цѣль и весь превратился во вниманіе: онъ требовалъ книгъ, относящихся къ біографіи Шекспира, и говоря по-русски, разспрашивалъ о нихъ книгопродавца. Какъ интересны казались мнѣ эти книги и какъ хотѣлось подойти къ Пушкину и отрекомендовать себя ему какъ лицейскаго, уже принимавшаго его въ лицеѣ! Но на это не стало у меня духа. Въ другой разъ, когда я проводилъ лѣто на Карповкѣ у барона Корфа, Пушкинъ, жившій на Каменномъ островѣ и часто ходившій туда изъ города пѣшкомъ, шелъ мимо сада, когда я стоялъ у калитки. Онъ взглянулъ на меня, и я, повинуясь невольному движенію, снялъ передъ нимъ почтительно шляпу. Онъ учтиво отдалъ мнѣ поклонъ и скоро скрылся изъ моихъ глазъ. Вотъ три главныя мои встрѣчи съ Пушкинымъ. Еще видывалъ я его въ Царскомъ Селѣ, когда онъ въ 1831 году, живя тамъ съ молодою и прекрасною женою, гулялъ по воспѣтымъ имъ аллеямъ; встрѣчалъ я его и въ Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ, но тѣ три встрѣчи были болѣе непосредственны и всего живѣе запечатлѣлись у меня въ памяти. Сколько разъ я жалѣлъ, по кончинѣ Пушкина, что не воспользовался одною изъ нихъ для ближайшаго съ нимъ знакомства!

Въ 1834 году баронъ Корфъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ и перевелъ меня къ себѣ въ государственную канцелярію. Три лѣта сряду жилъ я у него на дачѣ (на Аптекарскомъ островѣ), исполняя обязанности секретаря, и очень сблизился съ его семействомъ, въ которомъ увидѣлъ образецъ патріархальныхъ семейныхъ нравовъ. Благоволеніе ко мнѣ бар. Кофра перешло и на семейство мое, которое тоже жило одно лѣто на дачѣ со мною, а сестру мою полюбившая ее баронесса Ольга Ѳедоровна Корфъ пригласила съ собою за границу.

Канцелярскія занятія мои и тутъ ограничивались почти одною перепискою, да и живя на дачѣ барона Корфа мнѣ не разъ случалось просиживать цѣлыя ночи за перепискою журналовъ, назначенныхъ для представленія Государю. Тѣмъ болѣе влекло меня къ литературнымъ занятіямъ.

Первый трудъ, который я предпринялъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ издать его, былъ переводъ байроновой поэмы *Мазепа*. Когда я достаточно изучилъ англійскій языкъ для пониманія Байрона, онъ сдѣлался на нѣкоторое время исключительнымъ моимъ чтеніемъ, и я читалъ не только его, но и главныя книги о немъ написанныя, особенно записки Томаса Мура и статью Вашингтона Ирвинга „Newstead Abbey“. Такъ какъ я въ занятіяхъ своихъ тогда уже искалъ предметовъ, имѣющихъ какую-нибудь связь съ русской исторіей, то и вы-

бралъ для перевода Мазепу, и началъ его въ 1835 году. Прежде перевелъ я оду Байрона на *Наполеона*, но не показывалъ ее никому, кромѣ одного лицейскаго товарища (Комовскаго). Окончивъ Мазепу, я долго еще держалъ этотъ трудъ втайнѣ для окончательной отдѣлки.

Еще не выпуская его изъ рукъ, я уже вступалъ въ новую, мало извѣстную, но богатую область литературы. Это былъ міръ скандинавскій. Сидячая жизнь въ лицеѣ и внушенная мнѣ воспитаніемъ ложная мысль о слабости моей груди помѣшали полному развитію моихъ физическихъ силъ. Чувствуя послѣ выпуска потребность въ укрѣпленіи ихъ и въ удаленіи отъ себя той тѣлесной хилости, которая не соотвѣтствовала моему характеру, я сталъ упражняться въ верховой ѣздѣ и въ гимнастикѣ. Посѣщая заведеніе шведа Паули, имѣлъ я случай узнать кое-что о шведской литературѣ и пожелалъ учиться шведскому языку. Для этого Паули далъ мнѣ одну часть стихотвореній Рунеберга и Тегнёрову *Фритіофсагу*. Слышавъ много о послѣдней, о которой и Гёте писалъ съ большою похвалою, я съ жаромъ принялся читать эту поэму, досталъ себѣ нѣмецкій переводъ ея и скоро такъ увлекся этимъ произведеніемъ, что рѣшился перевести его на русскій языкъ. Тогда же перевелъ я стихами три пѣсни. Между тѣмъ я увидѣлъ необходимость изучить напередъ скандинавскія древности, особенно миѳологію, и усовершенствоваться въ шведскомъ языкѣ.

Служба въ государственной канцеляріи имѣла одну очень пріятную сторону: болѣе двухъ мѣсяцевъ каникулъ, которыми пользовались всѣ чиновники. Въ 1837 году дилижансъ, ѣздившій между Петербургомъ и Выборгомъ, подалъ мнѣ идею воспользоваться вакаціями государственнаго совѣта для поѣздки на Иматру вмѣстѣ съ сослуживцемъ моимъ и бывшимъ лицейскимъ товарищемъ Комовскимъ [1]).

Отправившись въ Выборгъ въ дилижансѣ, мы однако прибыли туда въ телѣгѣ, такъ какъ у дилижанса за нѣсколько десятковъ верстъ до цѣли нашего путешествія загорѣлась ось и надо было бросить этотъ рыдванъ. Въ Выборгѣ охота пострансствовать, да еще съ приключеніями, такъ разыгралась въ насъ, что мы рѣшились пуститься въ почтовой таратайкѣ сперва на Иматру, а воротясь оттуда, въ Гельсингфорсъ, о которомъ мы прежде вовсе не думали. Но юность готовится недолго. Сказано, сдѣлано. Можно представить себѣ, какъ живы были впечатлѣнія двухъ юношей, путешествовавшихъ въ первый разъ, и при томъ по странѣ, гдѣ все было для нихъ ново: много веселыхъ, неизгладимыхъ впечатлѣній доставила намъ эта поѣздка, которой орая половина соединена была съ дѣйствительной опасностью на морѣ.

---

[1]) Александръ Дмитріевичъ, служившій позже, съ 1840 г. по морскому министерству, у князя А. С. Меньшикова — старшимъ чиновникомъ военно-походной по флоту канцеляріи. *Ред.*

Съ кошелькомъ уже довольно истощеннымъ поскакали мы въ Гельсингфорсъ (день и ночь), пробыли тамъ однѣ сутки и должны были спѣшить обратно, чтобы не просрочить отпуска. Парохода было ждать долго, — онъ только-что прибылъ изъ Петербурга; мы подрядили чухонскую лайбу, которая, выгрузивъ муку, должна была въ тотъ же день плыть обратно въ Петербургъ. Шкиперъ взялся доставить насъ туда на слѣдующія сутки; но мы по неопытности не замѣтили, что онъ пустился въ путь безъ балласта, и не осмотрѣли каютъ, которыя были невообразимо грязны. Погода казалась привѣтливою, но скоро задулъ противный и довольно свѣжій вѣтеръ, пошелъ дождь и по мѣрѣ усиленія бури насъ стало нести назадъ. Тутъ я излилъ свои впечатлѣнія въ стихотвореніи „Тоска на морѣ“, которое отослалъ сестрѣ за границу, описавъ ей подробно наши приключенія [1]).

Съ трудомъ уговорили мы шкипера высадить насъ на какой-то островокъ Финскаго залива, гдѣ онъ нашелъ товарищей рыбаковъ и они начали вмѣстѣ пьянствовать. Наконецъ удалось намъ найти охотниковъ доставить насъ на берегъ, до котораго было болѣе 4-хъ верстъ, въ лодочкѣ и при сильномъ волненіи. Высадившись близъ деревушки, мы наняли телѣгу и, проѣхавъ верстъ 60, благополучно возвратились въ Петербургъ. Въ чемоданѣ моемъ былъ и *Фритіофъ* и листы начатаго мною перевода, но я ни ихъ, ни подлинника не развертывалъ во всю дорогу. Главнымъ плодомъ этой поѣздки было убѣжденіе, что я долженъ еще разъ побывать въ Финляндіи, чтобы хорошенько усвоить себѣ шведскій языкъ и приготовиться къ переводу начатой поэмы *Фритіофа*. Такимъ образомъ я по возвращеніи еще усерднѣе прежняго принялся за работу.

Вскорѣ занятія мои въ государственномъ совѣтѣ получили нѣсколько иной характеръ: меня повысили въ должность помощника экспедитора, а потомъ экспедитора (по тогдашнему столоначальника), и обязанностью моею было составленіе меморій (т. е. извлеченіе изъ журналовъ совѣта) для Государя Императора. Но и эта работа меня не удовлетворяла, такъ какъ для того, чтобы меморія отвѣчала своей цѣли, необходимо было въ точности знать направленіе, данное дѣлу въ совѣтѣ, а мнѣ это оставалось неизвѣстнымъ: оттого трудъ мой при всемъ моемъ стараніи часто оказывался напраснымъ и приходилось его передѣлывать. Такимъ образомъ служба эта, не требовавшая почти никакой самостоятельной дѣятельности, оказывалась очень мало полезной и для пріобрѣтенія служебной опытности. Все, что я извлекъ изъ нея для моего умственнаго развитія, заключалось въ нѣкоторомъ редакторскомъ искусствѣ, въ умѣніи ясно и сжато излагать всякое дѣло. Въ этомъ отношеніи баронъ Корфъ, будучи самъ ученикомъ Сперанскаго, могъ служить хорошимъ образцомъ. А между

[1]) См. кн. „Я. К. Гротъ, Нѣск. данныхъ etc.“. стр. 80. *Ред.*

тѣмъ я долженъ былъ ежедневно проводить все утро въ канцеляріи, тогда какъ страсть къ литературнымъ занятіямъ не давала мнѣ покоя.

Я еще не имѣлъ никакихъ литературныхъ связей. Но оконченный мною въ 1837 году стихотворный переводъ *Мазепы* Байрона скоро доставилъ мнѣ первое знакомство этого рода. Однажды я въ театрѣ встрѣтился съ лицейскимъ товарищемъ (однимъ курсомъ старше меня) М. Д. Деларю († 1868), который самъ писалъ и печаталъ стихи и позже пострадалъ за одно изъ своихъ произведеній. Узнавъ отъ меня о моемъ переводѣ, который незадолго передъ тѣмъ былъ также читанъ и одобренъ сослуживцемъ моимъ К. П. Масальскимъ, Деларю пожелалъ его прочесть и передалъ мою рукопись Плетневу, который тогда готовился издавать Современникъ и къ которому я, по трудамъ его, давно чувствовалъ влеченіе. Плетневъ пожелалъ познакомиться со мною, пригласилъ меня къ себѣ [1]) и выразилъ готовность напечатать мой переводъ въ Современникѣ, гдѣ онъ и явился въ началѣ 1838 года [2]). Съ этихъ поръ я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ Современника до перехода его, въ 1847 году, въ другія руки.

Этотъ первый напечатанный трудъ мой обратилъ на себя нѣкоторое вниманіе въ литературномъ мірѣ. Сенковскій при многихъ гостяхъ отозвался объ немъ съ похвалою. Кукольникъ позвалъ меня къ себѣ на вечеръ, на которомъ я увидѣлъ многихъ изъ тогдашнихъ литературныхъ и художественныхъ тузовъ. Я сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ субботнихъ вечеровъ князя Одоевскаго. Въ то время готовились матеріалы для Отечественныхъ Записокъ, которыми очень интересовался Одоевскій. Зная, что я занимаюсь скандинавской литературой, онъ просилъ меня перевести для этого журнала Сагу Рагнара Лодброка, но у него было только латинское изданіе ея, и я, переведя нѣсколько главъ, заявилъ, что на такой трудъ не стоитъ тратить времени, потому что онъ не даетъ понятія о подлинникѣ. Вмѣсто того, я черезъ нѣсколько времени написалъ для новаго журнала, по поводу книги Бергмана, большую статью о поэзіи и миѳологіи древнихъ скандинавовъ [3]). Эта статья, заставившая меня прочитать многое и стоившая мнѣ немало труда, положила твердое основаніе моимъ дальнѣйшимъ занятіямъ въ этой области. Канцелярская служба и перспектива лестной карьеры не могли уже отвлечь меня отъ науки и литературы.

---

[1]) Онъ тогда жилъ близъ Обухова моста, въ домѣ извѣстной Агафоклеи Марковны Сухаревой, близъ пресловутыхъ бань ея. *Прим. Я. Г.* (А. М. Сухарева — предсѣдательница Спб. женскаго Патріотическаго Общества).

[2]) Современникъ, 1838 г., т. IX, стр. 94—128; печатается въ настоящемъ томѣ. *Ред.*

[3]) Поэзія и миѳологія Скандинавовъ. Исландскія поэмы. Отечеств. Записки 39 г., т. IV, № 6. См. I т. „Трудовъ Я. К. Грота". *Ред.*

*

Баронъ Корфъ, замѣтивъ это, въ разговорѣ съ Плетневымъ не безъ сожалѣнія сказалъ обо мнѣ, махнувъ рукою: „Пропалъ для службы!“ Дѣйствительно по пословицѣ: „какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ“, я сталъ серіозно стремиться къ такому положенію, которое давало бы мнѣ возможность совершенно посвятить себя любимымъ занятіямъ и удалиться отъ сферы, гдѣ, какъ я давно замѣчалъ, успѣхи часто зависятъ болѣе отъ извѣстной ловкости и нѣкоторой хитрости, чѣмъ отъ истинныхъ заслугъ и добросовѣстнаго исполненія обязанностей. Жить и дѣйствовать въ такой средѣ было мнѣ тяжело и не разъ припоминался мнѣ стихъ:

Служить я радъ, прислуживаться тошно!

Съ тѣхъ поръ въ моей духовной жизни началась новая эпоха, въ которой главнымъ для меня лицомъ былъ Плетневъ. Къ Протопопову я чувствовалъ все ту же дружбу, но его служебная дѣятельность, сопряженная съ усиленными трудами, уже отвлекала его болѣе и болѣе отъ литературы, и приближалось время, когда намъ надобно было совсѣмъ разстаться.

Въ началѣ 1838 года Плетневъ доставилъ мнѣ знакомство съ Жуковскимъ, и онъ, отъѣзжая за границу съ Наслѣдникомъ, взялъ съ собою мой переводъ бо́льшей части пѣсенъ *Фритіофа*. Изъ Венеціи онъ написалъ Плетневу:

„Пишу къ Вамъ, любезный Петръ Александровичъ, по обыкновенію своему нѣсколько строкъ, чтобы попросить Васъ передать приложенный манускриптъ нашему молодому поэту, котораго я прошу убѣдительно продолжать прекрасный трудъ свой и не выпускать его изъ рукъ, пока его поэтическая совѣсть не будетъ совершенно въ ладу сама съ собою“ [1]).

Послѣ личнаго знакомства моего съ поэтомъ, онъ указывалъ мнѣ на исторію Карамзина, какъ на богатый источникъ художественнаго творчества, и совѣтывалъ мнѣ продолжать заниматься поэзіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣтилъ, что у меня не совсѣмъ здоровый видъ и совѣтывалъ мнѣ отдохнуть и полѣчиться. Дѣйствительно, слишкомъ сидячая жизнь и умственное напряженіе, особливо послѣднее время, вмѣстѣ съ пребываніемъ лѣтомъ на сырыхъ невскихъ островахъ, начали отзываться на мнѣ ревматизмами. Почти всю предыдущую зиму и весну я трудился надъ *Фритіофомъ* и такъ усердно, что иногда по цѣлымъ недѣлямъ не выходилъ изъ дому. Вмѣстѣ съ тѣмъ я много работалъ по должности, которая, впрочемъ, уже позволяла мнѣ заниматься на дому. Вслѣдствіе того, баронъ Корфъ испросилъ мнѣ пособіе на путешествіе, и докторъ Зейдлицъ, которому меня рекомендовалъ Жуков-

[1]) Письмо напечатано въ „Извѣст. Отд. р. яз. и сл. И. А. Н., т. VI, кн. 2 (1901)“. *Ред.*

скій, послалъ меня въ Одессу купаться въ морѣ. Но не туда направляла меня судьба.

Собравшись въ Одессу, я рѣшился воспользоваться случаемъ, чтобы хорошенько познакомиться съ Москвой и ея древностями, которыя произвели на меня сильное впечатлѣніе и много распространили мои свѣдѣнія о русской старинѣ. Другъ мой Протопоповъ далъ мнѣ рекомендацію къ нѣсколькимъ изъ своихъ университетскихъ товарищей, и они съ большой любезностью возили меня по всѣмъ замѣчательнымъ мѣстамъ не только въ самой Москвѣ, но и въ ея окрестностяхъ. Проведя тамъ около мѣсяца въ домѣ родной сестры Протопопова (Ступишиной), я уже готовился къ отъѣзду въ Одессу, когда неожиданно московскіе доктора (Отрадинскій и Гречищевъ) объявили мнѣ, что по состоянію моего здоровья я долженъ отправиться не на югъ, который только разслабитъ меня и сдѣлаетъ чувствительнѣе къ петербургскому климату, а на сѣверъ, чтобы купаться въ Финскомъ заливѣ. По умственнымъ интересамъ, которые меня въ то время увлекали, никакой совѣтъ не могъ быть мнѣ пріятнѣе. Я обрадовался и, возвратясь въ Петербургъ, моремъ пустился въ знакомый мнѣ Гельсингфорсъ. Такъ невѣдомо для меня самого вдругъ рѣшилась будущая моя судьба и карьера.

Въ Гельсингфорсѣ, незадолго передъ тѣмъ, устроено было заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ съ купаньями. Я очень усердно пользовался этимъ учрежденіемъ и въ самомъ дѣлѣ значительно поздоровѣлъ. Мой возрастъ, выгодное служебное положеніе и нѣкоторое знаніе шведскаго языка доставили мнѣ отличный пріемъ въ финляндскомъ обществѣ. Между прочимъ я познакомился съ нѣкоторыми учеными и по окончаніи лѣченія предпринялъ съ однимъ изъ нихъ, Цигнеусомъ [1]), который былъ и поэтъ, поѣздку внутрь края въ городъ Борго, чтобъ познакомиться съ Рунебергомъ [2]). Эту поѣздку и это знакомство описалъ я въ статьѣ, которая вскорѣ была напечатана въ Современникѣ [3]). Я вывезъ изъ Финляндіи разныя шведскія книги и такимъ образомъ могъ уже вполнѣ предаться изученію предметовъ, которые меня наиболѣе занимали.

Передъ оживленными литературными интересами, передъ любовью къ природѣ и поэзіи, съ которыми я воротился въ Петербургъ, канцелярская служба, состоявшая въ занятіяхъ почти механическихъ, становилась для меня болѣе и болѣе постылою. Въ головѣ моей серіозно развивался планъ покинуть службу и посвятить себя литературѣ. Напрасно Плетневъ представлялъ мнѣ, какъ такой шагъ невыгоденъ въ разныхъ отношеніяхъ; но я оставался твердъ въ своемъ намѣреніи,

[1]) Доцентомъ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ, ректоромъ высш. мент. школы, поэтомъ (ум. 1881 г.). *Ред.*

[2]) Знаменитымъ финляндскимъ поэтомъ. *Ред.*

[3]) Современникъ 1839, т. XIII. См. I т. „Трудовъ“. *Ред.*

не смотря на то, что новая должность доставляла мнѣ 1.500 р. жалованья, а доброе расположеніе начальника обѣщало всякія блага впереди.

Лѣто 1839 года я опять провелъ въ Финляндіи, которая уже манила меня, какъ знакомый край; ей я обязанъ былъ и улучшеніемъ здоровья, и многими интересными знакомствами; изученіе этого особеннаго міра съ двумя разнородными языками, съ цѣлой скандинавской литературой, сулило мнѣ много умственныхъ наслажденій. Въ этотъ разъ я опять пилъ водЫ и купался въ морѣ, но кромѣ того успѣлъ недѣли двѣ прожить въ сельскомъ уединеніи Рунеберга и объѣхать бо́льшую часть южной Финляндіи. Свободно уже читая по-шведски и узнавъ изъ рукописнаго прозаическаго перевода (которымъ снабдилъ меня профессоръ исторіи Рейнъ) финскую эпопею Калевалу, я привезъ въ Петербургъ обильный запасъ матерьяловъ для будущихъ работъ. Благодаря имъ, я написалъ цѣлый рядъ статей, касавшихся финляндской и шведской литературы, которыя были помѣщены въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ въ Современникѣ, а отчасти въ Отечественныхъ Запискахъ, какъ то: *Знакомство съ Рунебергомъ, Гельсингфорсъ, о Финнахъ и ихъ національной поэзіи, о Скандинавской миѳологіи, Разсказы изъ Шведской исторіи*, переводъ пьесы Рунеберга: *Вечеръ на Рождество* и проч. Нравы и образъ жизни въ Финляндіи, какъ и характеръ ея жителей, лучшимъ представителемъ котораго былъ для меня спокойный и глубокій поэтъ Рунебергъ, имѣли въ моихъ глазахъ много привлекательнаго.

Съ другой стороны недавнее знакомство съ Москвою сдѣлало то, что я сталъ прилежно заниматься русской исторіей. О переходѣ въ ученое сословіе я уже прежде часто думалъ, хотя не смѣлъ останавливаться на этой мысли.

Внезапно встрѣтилась случайность, ускорившая перемѣну, которой я такъ пламенно желалъ и для которой пришлась такъ кстати подготовка, мною между тѣмъ безсознательно пріобрѣтенная. Разъ въ воскресенье утромъ зашелъ я къ Плетневу (въ то время уже ректору С.-Петербургскаго университета, но онъ жилъ еще на вольной квартирѣ въ Михайловской ул.) [1]) и засталъ у него прибывшаго изъ Гельсингфорса профессора русскаго языка и словесности въ тамошнемъ университетѣ Сергѣя Васильевича Соловьева. Онъ сообщилъ намъ, что намѣренъ въ скоромъ времени оставить эту каѳедру. Тотчасъ у меня мелькнула мысль сдѣлаться его преемникомъ, о чемъ я послѣ сообщилъ Плетневу. Повидимому предположеніе Соловьева тѣмъ легче

---

[1]) Повидимому это было еще въ декабрѣ 1839 г. (ибо въ другомъ мѣстѣ Я. К. говоритъ объ этомъ, какъ о случившемся „въ концѣ“ 1839 г.). Въ такомъ случаѣ Плетневъ тогда, хотя и былъ уже избранъ ректоромъ, но не былъ еще утвержденъ въ этой должности. *Ред.*

должно было осуществиться, что въ Петербургѣ открывалось мѣсто профессора той же части въ Педагогическомъ институтѣ, и Соловьевъ явился искателемъ его. Онъ даже прочелъ въ Институтѣ пробную лекцію о Петрѣ Великомъ, на которой я присутствовалъ; она показалась мнѣ очень удачною, но Соловьевъ сохранилъ свою каѳедру въ Гельсингфорсѣ: причина тому осталась мнѣ неизвѣстною.

Тогда, по рекомендаціи Жуковскаго, гр. Ребиндеръ [1]) придумалъ мнѣ другое положеніе. Онъ предложилъ мнѣ занять при немъ пока мѣсто чиновника особыхъ порученій, съ тѣмъ, чтобы со временемъ получить должность (которая еще не была учреждена, но имѣлась въ виду) инспектора финляндскихъ училищъ по преподаванію русскаго языка. Я охотно согласился и, скрѣпя сердце, однажды утромъ вошелъ въ кабинетъ бар. Корфа, чтобы сообщить ему свое рѣшеніе. Онъ конечно удивился, но прямо не сталъ отговаривать меня, а только спросилъ, обдумалъ ли я зрѣло этотъ шагъ, довольно ли вѣрно и обезпечено будетъ мое новое положеніе.

Итакъ я перешелъ Рубиконъ. Вѣсть о моемъ переходѣ быстро разнеслась между моими знакомыми. Всѣ были поражены, не могли никакъ понять, какъ я рѣшаюсь жертвовать своею карьерою, находили, что я поступаю опрометчиво, а иные считали меня просто сумасбродомъ. Впослѣдствіи я узналъ, что до одного изъ бывшихъ моихъ товарищей, находившагося тогда въ Италіи, дошелъ даже слухъ, что я помѣшался. Мнѣ было тяжело являться въ общество; вездѣ меня допрашивали о моемъ намѣреніи, выражали свое недоумѣніе, на что же я надѣюсь. Тогдашній директоръ департамента народнаго просвѣщенія (В. Д. Комовскій), братъ моего лицейскаго товарища, замѣтилъ мнѣ, что онъ меня не понимаетъ, что въ нашемъ обществѣ званіе ученаго еще не пользуется достаточнымъ уваженіемъ и что, конечно, я со временемъ раскаюсь въ томъ, что дѣлаю. Все это однакожъ нисколько меня не смущало: такъ сильно я чувствовалъ, что исполняю неотразимое требованіе своей природы и съ свѣтлою юношескою довѣрчивостью глядѣлъ на будущее. Но дѣло было сдѣлано: баронъ Корфъ написалъ будущему моему начальнику чрезвычайно лестный обо мнѣ отзывъ, и вотъ я уже принадлежу къ вѣдомству Финляндскаго статсъ-секретаріата.

Гр. Ребиндеръ предоставилъ мнѣ жить гдѣ я захочу: въ Петербургѣ или въ Финляндіи. Я рѣшился переѣхать въ Гельсингфорсъ чтобъ удобнѣе продолжать свои занятія по изученію скандинавскаго вера. Со мною рѣшилась переселиться и мать моя, хотя ей было е 60 лѣтъ и она никогда не выѣзжала изъ Петербурга. Раздѣляя

[1]) Гр. Робертъ Ив. Ребиндеръ былъ министромъ ст.-секрет. В. К. Финляндскаго пр. д. Канцлера Императ. Александр. Университета († 1841 г.). *Ред.*

общій взглядъ на положеніе чиновника, какъ самое выгодное и почетное, старушка не могла вполнѣ одобрять моего дѣйствія; но вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ довольно спокойно подчинилась странному рѣшенію сына, съ которымъ ни за что не хотѣла разстаться. И будущее показало, что положеніе ея перемѣнилось не къ худшему. Тогда какъ въ Петербургѣ скромныя средства заставляли ее безпрестанно мѣнять квартиры, жить уединенно и въ высокихъ этажахъ, въ Гельсингфорсѣ она нашла самый радушный пріёмъ въ образованномъ кругу тамошняго общества, пользовалась общимъ уваженіемъ и гораздо бо́льшимъ жизненнымъ комфортомъ и хозяйственными удобствами, чѣмъ въ Петербургѣ. Сама она сознавала это къ великому моему утѣшенію. Сестра же на первый случай не поѣхала съ нами, а отправилась съ Корфами за границу, и присоединилась къ намъ только осенью, когда мы окончательно устроились. Братъ [1]) мой служилъ тогда въ Митавѣ.

Отправивъ на парусномъ суднѣ часть своей мебели въ Гельсингфорсъ, мы сами въ іюнѣ мѣсяцѣ 1840 года поѣхали туда сухимъ путемъ и кое-какъ устроились на новомъ мѣстѣ [2]). Пріѣздъ мой сначала нисколько не удивилъ финляндцевъ, такъ какъ въ то время дѣлались приготовленія къ празднованію 200-лѣтняго юбилея Гельсингфорсскаго университета и по этому случаю ожидалось много пріѣзжихъ. Юбилейныя празднества справлялись очень великолѣпно съ соблюденіемъ средневѣковыхъ обычаевъ скандинавскихъ университетовъ. Центромъ этихъ празднествъ была еще не освященная въ то время просторная соборная церковь Св. Николая; тамъ между прочимъ совершались и отложенныя нарочно до этого торжества такъ называемыя промоціи.

Блестящія церемоніи, сопровождавшія юбилей, описаны въ Современникѣ 1840 года [3]). Въ Гельсингфорсъ съѣхались тогда представители всѣхъ русскихъ университетовъ и къ нимъ присоединились и нѣкоторые литераторы, неофиціально посѣтившіе тогда этотъ городъ [4]).

---

[1]) Константинъ Карловичъ.

[2]) Объ этомъ въ первомъ письмѣ Якова Карловича отъ 18 іюня въ „Перепискѣ“ его съ П. А. Плетневымъ, т. I. *Ред.*

[3]) Современн. 1840, т. XX (статья П. А. Плетнева).

[4]) Любопытно, какъ отзывается объ этихъ празднествахъ въ своихъ воспоминаніяхъ финляндецъ *Авг. Шауманъ* (*Aug. Schaumann*: Från sex årtionden i Finland, Helsingfors, 1892, S. 146, 147 и сл.). Приводимъ его разсказъ, въ которомъ живо характеризуется тогдашняя роль Якова Карловича въ Гельсингфорсѣ. „Депутатами на юбилейныхъ торжествахъ (Алекс. универ.) были: изъ Петербурга: ректоръ Плетневъ и два представителя отъ Академіи Наукъ — Фуссъ и нашъ соотечественникъ Шёгренъ, отъ Дерпта проф. Эрдманъ и Преллеръ; изъ Кіева проф. Траутфеттеръ, а изъ Упсалы библіотекарь проф. Шрёдеръ. Кромѣ того 8 студентовъ изъ Дерпта и 6 изъ Петербурга. Между гостями неофиціальными: членъ петербургской Академіи Наукъ Ленцъ, извѣстный романистъ Булгаринъ, который въ это время началъ часто посѣщать Финляндію, также какъ и нѣкоторые молодые русскіе литераторы: камергеръ князь Одоевскій, камеръ-юнкеръ Сологубъ, надворн. сов. Гротъ и др.

Не помню, по чьему именно почину состоялся обѣдъ небольшого общества русскихъ и финляндскихъ литераторовъ; первые были: Плетневъ, князь Одоевскій, гр. Сологубъ и я; вторые: Ленротъ, извѣстный собиратель пѣсенъ и филологъ, поэтъ Рунебергъ, Кастрѐнъ, лекторъ гимназіи Ёманъ и пріѣхавшій изъ Швеціи также знаменитый поэтъ, епископъ Францѐнъ (родомъ финляндецъ). Всѣ эти лица на дружеской сходкѣ согласились написать по статьѣ для напечатанія въ одной книгѣ въ память юбилея. Изданіе было поручено мнѣ. Собрать всѣ статьи было дѣло не легкое; наконецъ однакожъ мнѣ удалось получить обѣщанные вклады, и книга была издана мною сперва по-русски, а потомъ и по-шведски (причемъ всѣ сочиненія явились съ переводами) и посвящена Августѣйшему Канцлеру университета [1]). Моя статья, озаглавленная: *Воспоминанія Александровскаго университета*, самая обшир-

---

Самымъ многозначительнымъ и достойнымъ упоминанія эпизодомъ этихъ праздниковъ было дружеское сближеніе между гостившими у насъ русскими и финскими учеными и литераторами. Здѣсь первое мѣсто посредника и соединителя принадлежитъ безспорно Я. Гроту. Совсѣмъ еще молодой человѣкъ, не достигшій тридцати лѣтъ, тонко образованный и въ полномъ смыслѣ джентельменъ во всемъ своемъ существѣ, онъ рано познакомился съ шведскимъ языкомъ и литературой и былъ извѣстенъ какъ переводчикъ на русскій языкъ саги Фритіофа. Уже въ 1838 году посѣтилъ онъ впервые Финляндію и между прочимъ въ Борго завязалъ знакомство съ Рунебергомъ, котораго онъ изобразилъ съ восторженной теплотой въ одномъ русскомъ журналѣ. Въ то же время познакомившись съ Цигнеусомъ, Ленротомъ, Нервандеромъ, онъ всѣмъ имъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе и сердечную пріязнь. Личными связями своими и языкознаніемъ онъ такимъ образомъ приготовилъ себѣ положеніе, какое тогда невозможно было и предполагать: къ занятію каѳедры при нашемъ университетѣ. И такъ какъ онъ вполовину былъ у насъ какъ дома, то и былъ особенно способенъ сблизить нашихъ финскихъ литераторовъ съ своими соотечественниками. Съ обѣихъ сторонъ наилучшія и самыя теплыя отношенія оживляли всѣхъ на этихъ празднествахъ, сгладившихъ всѣ неровности и братски соединившихъ финновъ съ русскими. Высшаго пункта достигли эти сердечныя отношенія, когда въ воскресенье 19 іюня, въ свободный отъ промоціонныхъ торжествъ день, часть русскихъ литераторовъ, между которыми были Плетневъ, кн. Одоевскій, гр. Сологубъ, Я. Гротъ и другіе, пригласили на обѣдъ Францена, Рунеберга, Ленрота и многихъ другихъ финскихъ ученыхъ. На этомъ обѣдѣ произнесено было Я. Гротомъ теплое стихотвореніе и состоялось соглашеніе, чтобы въ память юбилея изданъ былъ международный альманахъ съ участіемъ русскихъ и финскихъ писателей. Редакція Сборника, который долженъ былъ выйти на двухъ языкахъ — русскомъ и шведскомъ, поручена была Гроту. И дѣйствительно, альманахъ вышелъ на обоихъ языкахъ, ранѣе весны 1842 года, съ посвященіемъ Его Высочеству Канцлеру университета Государю Наслѣднику. Въ самомъ дѣлѣ казалось наступило время настоящаго братскаго единенія въ будущемъ [illegible] сближенія между русскими и нашими литературными силами или скорѣе пріобщенія нашей литературы къ русской. Но вотъ протекло съ тѣхъ поръ пятьдесятъ лѣтъ [illegible] альманахъ Грота остался одинокимъ явленіемъ, которому не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ подражанія!“. *Ред.*

[1]) Альманахъ въ память 200-лѣтняго юбилея Импер. Александр. университета. [illegible]сингфорсъ, 1842. (Kalendar till minne af Kejserliga Alexanders-Universitetets [illegible]ra secularfest. Utgifven af J. Grot, Helsingf. 1842). *Ред.*

ная въ Альманахѣ, была составлена по подлиннымъ документамъ университетскаго архива, а отчасти и по печатнымъ шведскимъ источникамъ [1]).

По поводу этого юбилея Плетневъ подалъ проектъ учрежденія при университетѣ каѳедры ординарнаго профессора русскаго языка, словесности и исторіи. Я былъ назначенъ профессоромъ этой каѳедры 3 апрѣля 1841 года, лекціи же началъ 8 сентября того же года. Временемъ до начатія лекцій воспользовался я для окончательной отдѣлки и изданія *Фритіофа* (Гельсингфорсъ, 1841) [2]).

Между тѣмъ лекціи мои, которыхъ часть я долженъ былъ читать по необходимости на шведскомъ языкѣ, требовали отъ меня большихъ усилій и постояннаго упражненія въ практикѣ этого языка, притомъ я въ каждый курсъ составлялъ новыя записки и готовилъ ихъ къ изданію на шведскомъ языкѣ, что отчасти и исполнилъ. Такъ какъ въ университетѣ факультетскіе экзамены производились на латинскомъ языкѣ, то я вынужденъ былъ сильно налечь на этотъ предметъ, чтобы усовершенствоваться въ свободной латинской рѣчи. Кромѣ того я прилежно изучалъ языки финскій и польскій, а позже и всѣ славянскія нарѣчія, начиная съ чешскаго. Все это вмѣстѣ не позволяло мнѣ начать никакого большого труда, и я ограничивался статьями по русской и шведской исторіи и литературѣ, изслѣдованіями по русскому языку (теорія глаголовъ), описаніемъ моихъ путешествій по Финляндіи и Швеціи и переводами изъ шведскихъ поэтовъ, особенно изъ Рунеберга. Они появлялись въ Современникѣ, въ Отечественныхъ Запискахъ, въ Москвитянинѣ, въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія, въ Сѣверномъ Обозрѣніи и въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Кромѣ того, я печаталъ статьи и стихотворенія по дѣтской литературѣ въ „Звѣздочкѣ“ (*Ишимовой*), а въ 1847 году я издалъ въ Петербургѣ отдѣльной книгой мои „Переѣзды по Финляндіи“, описаніе путешествія моего отъ Ладожскаго озера до Торнео вмѣстѣ съ знаменитымъ Ленротомъ.

Не могу также не упомянуть о важномъ трудѣ, которому я посвятилъ немало времени: при Финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ составлялся шведско-русскій словарь. Я изъявилъ согласіе читать одну корректуру. Въ 1844 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о напечатаніи его *подъ моимъ надзоромъ*, и я, какъ сказано въ предисловіи, „при чтеніи корректурныхъ листовъ взялъ на себя участіе въ оконча-

---

[1]) Финляндцы до сихъ поръ считаютъ эту статью лучшимъ очеркомъ старой исторіи ихъ университета. *Ред.*

[2]) *Фритіофъ, скандинавскій богатырь.* Поэма Тегнера въ русскомъ переводѣ, Гфорсъ 1841 (отзывъ о немъ Бѣлинскаго см. Отеч. Зап. 1841 и „Сочиненія“ ч. V (М. 1860, стр. 327 и сл.). Второе исправл. изданіе „Фритіофъ, скандин. витязь“. Ворон., 1874 (оттискъ изъ Сборника скандинав. поэзіи); третье въ 1 т. „Трудовъ“ и отдѣльно. *Ред.*

тельной обработкѣ самаго содержанія". Онъ вышелъ подъ заглавіемъ: Шведско-русскій словарь по Высочайшему повелѣнію составленный при финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ. Часть 1-я *A* — L. Гфорсъ 1846; Часть 2-я *M* — *Ö*. Гфорсъ 1847. (Ö есть послѣдняя буква шведскаго алфавита).

Осенью 1847 года посѣтилъ я въ первый разъ Швецію и объ этомъ путешествіи напечаталъ нѣсколько статей въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ слѣдующаго года. Одна изъ нихъ попала въ Сѣверное Обозрѣніе, а другая „Стокгольмъ" помѣщена въ Москвитянинѣ. Въ слѣдующемъ году сильно мечталъ я о путешествіи въ европейскія страны, чтобъ еще расширить область знаній и кругозоръ свой. Но событія 1848 года вызвали особенную строгость правительства въ отпускахъ и, не смотря на ходатайство Канцлера, императоръ Николай Павловичъ не соизволилъ дать разрѣшеніе и посовѣтовалъ отложить поѣздку до болѣе благопріятнаго времени, а оно наступило для меня не ранѣе 1860 г.

По части исторіи русской литературы помѣщалъ я статьи въ Современникѣ (*Державинъ*), въ Спб. Вѣдомостяхъ („*Фонъ Визинъ*" князя Вяземскаго). По части исторіи въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія (*Дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники?* Также нѣсколько библіографическихъ статей).

Въ пособіе къ преподаваемымъ мною предметамъ напечаталъ я на шведскомъ языкѣ первоначальный учебникъ русскаго языка для начинающихъ финляндцевъ (Theoretisk och praktisk Lärobok i ryska språket) въ 1848 и второе изданіе его въ 1849, а также *Русскую Исторію* (Ryska Rikets historia) до Петра Великаго.

Въ томъ же 1848 году собралъ я напечатанныя въ „Звѣздочкѣ" Ишимовой [1]) статьи мои въ прозѣ и стихахъ подъ заглавіемъ Rysk Läsebok innehållande smärre arbeten på prosa och vers af J. Grot. Helsingf., 1848. Къ этой книжкѣ издалъ я въ томъ же году составленный мною небольшой русско-шведскій Словарчикъ: Lexikon till Rysk Läsebok, Helsingf. 1848. Эта же книжка напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и для русскихъ читателей подъ заглавіемъ: *Литературные Опыты Я. Грота*, книжка I-я. Чтеніе для юношества. Гельсингфорсъ, 1848.

По отношенію къ филологіи чрезвычайно благопріятнымъ для меня обстоятельствомъ было сближеніе мое съ Каэтаномъ Андреевичемъ Коссовичемъ, впослѣдствіи профессоромъ С.-Петербургскаго универси-

[1]) Съ Ал. Ос. Ишимовой, талантливой и плодовитой писательницей для дѣтей († 1881 г.) Я. К. познакомился и сблизился черезъ П. А. Плетнева въ эпоху своего переселенія въ Финляндію (1840) и пребыванія тамъ, переписывался съ ней, а съ 1842 г. сталъ ея дѣятельнымъ сотрудникомъ въ основанномъ ею журналѣ „Звѣздочка". *Ред.*

тета. Давно чувствовалъ я неудобство незнанія греческаго языка и, кажется, это незнаніе удерживало меня отъ болѣе постоянныхъ занятій филологіей; время же не позволяло мнѣ приняться за этотъ языкъ хорошенько.

Лѣтомъ 1849 г., въ началѣ іюня совершилъ я сначала поѣздку на Валаамъ съ А. В. Головнинымъ [1]), который просилъ у брата рекомендательнаго письма ко мнѣ, а около половины іюня я поѣхалъ вторично въ Москву съ намѣреніемъ оттуда продолжать путешествіе на югъ Россіи. Но познакомившись съ Коссовичемъ, а черезъ него съ началами санскритскаго и греческаго языковъ, я уже отложилъ намѣреніе ѣхать далѣе и остался въ Москвѣ. Я рѣшился прогуляться только по Московской губерніи и предложилъ Коссовичу мѣсто въ своемъ экипажѣ. Съ обыкновеннымъ своимъ радушіемъ онъ принялъ мое предложеніе и мы вмѣстѣ посѣтили Можайскъ, Бородино, Саввинъ монастырь, Звенигородъ, Рузу, Новый Іерусалимъ и нѣкоторыя другія мѣста. На переѣздахъ, между привалами Коссовичъ со свойственнымъ ему увлеченіемъ и по самой удобнѣйшей методѣ объяснилъ мнѣ греческую грамматику, заставляя меня постепенно повторять выслушанное. Такимъ образомъ получилъ я понятіе о всей этимологіи греческаго языка. По возвращеніи изъ поѣздки, я подъ его же одушевленнымъ руководствомъ началъ разбирать Иліаду, а самъ про себя читалъ Кюнерову грамматику,—чтеніе, которое потомъ продолжалъ во всю дорогу изъ Москвы до Гельсингфорса, пока не кончилъ этой грамматики. Незадолго передъ тѣмъ вышла Одиссея въ переводѣ Жуковскаго. Можно представить себѣ, съ какимъ наслажденіемъ сравнивалъ я нѣкоторыя пѣсни съ подлинникомъ.

Такимъ то образомъ, благодаря обстоятельствамъ столько же, сколько и себѣ самому, положено было твердое основаніе моимъ филологическимъ занятіямъ и сравнительному изслѣдованію русскаго языка. Къ предпочтенію этого рода занятій побуждаетъ меня ясное сознаніе, что къ языкамъ у меня наиболѣе способностей. При изслѣдованіяхъ въ этой вѣтви знанія я всегда по чутью слѣдовалъ тѣмъ началамъ, которыя многіе почерпаютъ только изъ книгъ. Кругъ моихъ изслѣдованій обнимаетъ теперь болѣе или менѣе всѣ главные индо-европейскіе языки. Извѣстны мнѣ изъ нихъ: съ дѣтства русскій, нѣмецкій, французскій въ равной степени. Изъ лицея сверхъ того—латинскій и итальянскій, послѣдній почти въ равной степени, какъ и первые. Латинскій же сперва только для чтенія, въ должности же профессора я уже могъ свободно экзаменовать на немъ. Послѣ лицея почти наравнѣ съ другими живыми языками усвоилъ я себѣ англійскій; потомъ еще въ бо́льшей степени ближе всего къ русскому, французскому и нѣмец-

[1]) Впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія.

кому — шведскій; другіе скандинавскіе языки — книжнымъ образомъ. Такимъ же образомъ изучилъ я польскій языкъ (въ немъ первыя знанія пріобрѣлъ я отъ С. И. Барановскаго), греческій и первыя начала санскритскаго. Финскій языкъ знаю я отчасти и практически, но рѣдко имѣлъ случай говорить на немъ. Въ Гельсингфорсѣ же изучилъ я грамматически церковно-славянскій языкъ и нѣкоторыя славянскія нарѣчія, изъ коихъ позже имѣлъ хорошій случай изучить особенно чешскій языкъ и войти въ сношенія съ Прагой и тамошними учеными.

Я не говорю подробнѣе о результатахъ моей профессорской дѣятельности въ Гельсингфорсѣ и моихъ объѣздовъ финляндскихъ училищъ, испытавъ на самомъ себѣ, что распространеніе и утвержденіе русскаго языка въ иноплеменномъ краю не можетъ быть дѣломъ одного человѣка. Конечно, присутствіе въ Финляндіи русскаго ученаго, которому открытъ былъ міръ скандинавской науки и къ которому въ каждомъ сомнительномъ случаѣ касательно Россіи здѣшніе ученые могли обращаться за объясненіями, было не безъ значенія. Но прочные успѣхи русскаго языка могутъ быть достигнуты только послѣдовательными и терпѣливо направляемыми къ тому мѣрами самого правительства и его учрежденій, поддерживаемыхъ собственнымъ сознаніемъ страны въ ихъ необходимости.

Самымъ важнымъ результатомъ моего опредѣленія въ Гельсингфорсскій университетъ я считаю то, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все населеніе Гельсингфорса, пріобрѣло русскую библіотеку, основанную моими стараніями и изъ которой всякій можетъ безплатно получать книги. Удобствомъ этимъ пользуются особенно военные и свеаборгскіе моряки, но есть и другіе читатели. Прочіе результаты остаются до сихъ поръ въ области возможности.

Со всѣми сослуживцами моими я былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Въ консисторіи мнѣніе мое всегда принималось съ уваженіемъ, хотя я имѣлъ правиломъ высказываться прямо и независимо. Большинство профессоровъ нашихъ были люди съ высокимъ достоинствомъ, и между ними у меня было много друзей: кромѣ Тенгстрёма, — Лаурель, Рейнъ, Гейтлинъ, Нервандеръ, Ильмони, Лилле [1]). Въ 1847 году была рѣчь объ избраніи меня въ почетные доктоpы, и всѣ единогласно одобрили это. Даже въ мою пользу говорилъ наиболѣе чуждый мнѣ старый профессоръ (*краснорѣчія*) Линсе́нъ. Но кромѣ меня предложено было нѣсколько другихъ извѣстныхъ именъ и по поводу одного изъ нихъ возникли горячіе споры и пререканія. Такимъ образомъ, чтобы не ласить слишкомъ рѣзкія мнѣнія, рѣшились оставить все это дѣло.

[1]) Ив. Як. Тенгстрёмъ — профессоръ философіи; Аксель Лаурель — богословія. Гавр. Рейнъ — исторіи; Гавр. Гейтлинъ — восточныхъ языковъ; Иванъ Як. Нервандеръ — физики; Эмм. Ильмони — теорет. и практ. медицины; Б. Лилле — церковной исторіи. *Ред.*

Да я и не желалъ воспользоваться честью, въ которой будетъ отказано людямъ высоко цѣнимымъ соотечественниками.

Съ самаго моего переселенія въ Финляндію я былъ очень радушно принимаемъ въ высшемъ кругу тамошняго общества, имѣлъ много дружескихъ связей въ ученомъ мірѣ и можетъ быть навсегда остался бы въ этомъ краю, еслибъ обстоятельства не сложились самымъ благопріятнымъ образомъ, чтобъ возвратить меня въ отечество. Хотя я постоянно по два раза въ годъ ѣздилъ въ Петербургъ на нѣсколько недѣль, однакожъ признаюсь, что въ чуждой для меня средѣ финской жизни я чувствовалъ себя одинокимъ и, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Гельсингфорсѣ, меня сильно влекло на родину. Это влеченіе еще усилилось, когда въ одно изъ моихъ пребываній въ Петербургѣ, въ началѣ 1850 года, я женился на русской (*Натальѣ Петровнѣ Семеновой*) [1]) и вмѣстѣ съ нею вернулся въ Гельсингфорсъ. Лѣтомъ того же года ѣздили мы съ женою въ деревню, въ Рязанскую губернію къ роднымъ ея, у которыхъ она, будучи сиротою, провела нѣсколько лѣтъ по выпускѣ изъ института. Въ первый разъ удалось мнѣ прожить болѣе двухъ мѣсяцевъ въ настоящей русской деревнѣ и узнать ближе коренной русскій сельскій людъ. Весною 1852 года родился у насъ сынъ Николай [2]), и съ тѣхъ поръ желаніе наше возвратиться въ Россію сдѣлалось конечно еще сильнѣе. Но такъ какъ старушка маменька для меня переселилась въ Финляндію, то мы съ женою положили не помышлять ни о какой перемѣнѣ, пока она жива. Такъ прожили мы въ Гельсингфорсѣ мирно и счастливо около трехъ лѣтъ. Маменька сама крестила малютку и послѣдніе мѣсяцы жизни наслаждалась посланною ей Богомъ радостью увидѣть наконецъ желаннаго внука.

Осенью 1852 года (24 августа) старушка скончалась отъ свирѣпствовавшей въ тотъ годъ въ городѣ эпидеміи, а въ концѣ октября получилъ я отъ Броневскаго, директора Александровскаго лицея, предложеніе занять въ лицеѣ каѳедру русской словесности, чего давно желалъ принцъ Ольденбургскій. Я однако не рѣшался слишкомъ опрометчиво на такой промѣнъ каѳедры университетской на лицейскую, не будучи увѣренъ, зачтутся ли мнѣ годы моей финляндской службы на полученіе пенсіи и переписывался объ этомъ съ Плетневымъ, который тѣмъ горячѣе желалъ моего перехода въ Петербургъ, что въ октябрѣ лишился единственной, любимой дочери, бывшей замужемъ за В. Б. Лакіеромъ. Когда

---

[1]) Дочери Петра Николаевича Семенова, служившаго въ Измайловскомъ полку, автора пьесы „Жидовская корчма“, пародіи „Митюха Валдайскій“, и проч. (умеръ въ 1832 г.). Братья ея — Николай и Петръ Петровичи Семеновы, нынѣ сенаторы, а второй — и членъ государственнаго совѣта. *Ред.*

[2]) Н. Я. Гротъ, будущ. профессоръ-философъ, † 23 мая 1899 г. *Ред.*

я еще колебался принять вызовъ лицея, вдругъ получаю письмо отъ Плетнева, которое начиналось такъ: „Только два слова: уже два года у меня лежало на сердцѣ доставить въ лицѣ твоемъ Государю Наслѣднику достойнѣйшаго наставника для его дѣтей, какимъ былъ Жуковскій для него самого". Далѣе говорилось, что генералъ Зиновьевъ пріѣзжалъ къ нему совѣтоваться о выборѣ учителя русскаго языка, на что Плетневъ выразилъ мысль, какъ важно сосредоточить ученіе въ вѣдѣніи одного лица и повторилъ эту мысль Великому Князю Наслѣднику, призвавшему его къ себѣ. Августѣйшему Канцлеру нашему эта мысль понравилась, и онъ велѣлъ Плетневу окончить дѣло съ Зиновьевымъ. Но послѣдній умолялъ Плетнева упросить меня на первый разъ не требовать званія инспектора, пока онъ лично не познакомится со мною и не приметъ въ сердце убѣжденія, что можетъ безбоязненно передъ Россіей назвать меня инспекторомъ ученія будущаго наслѣдника престола. Плетневъ, вѣря въ благородство его, и что онъ оцѣнитъ меня и труды мои, подался на его убѣжденія и заключалъ письмо свое словами: „Пріѣзжай же скорѣе. Теперь два побужденія".

Итакъ, взглянувъ на такое стеченіе обстоятельствъ, какъ на промыслъ свыше направляющій судьбу мою, я тотчасъ отправился въ Петербургъ. Тутъ я узналъ отъ Зиновьева, что такъ какъ Великая Княгиня находитъ, что въ возрастѣ Августѣйшихъ дѣтей ея всего полезнѣе, чтобы бо́льшая часть преподаванія была сосредоточена въ рукахъ одного лица, то онъ можетъ предложить мнѣ пока должность преподавателя нѣсколькихъ предметовъ, именно: русскаго языка, исторіи всеобщей и русской, географіи и нѣмецкаго языка съ тѣмъ, что всѣми этими предметами я долженъ заниматься отдѣльно съ каждымъ изъ двухъ старшихъ великихъ князей: Николаемъ и Александромъ Александровичемъ. При этомъ онъ прибавилъ, что я, какъ человѣкъ, носящій нѣмецкую фамилію и мало извѣстный, не могу по предположенію Плетнева занять мѣсто инспектора классовъ, а долженъ довольствоваться званіемъ учителя.

Неопытный въ дѣлахъ дворскихъ и привыкши думать болѣе о наилучшемъ исполненіи взятаго на себя дѣла, чѣмъ о своей личной выгодѣ, я не сдѣлалъ заранѣе никакихъ условій и принялъ предлагаемое скромное положеніе, по которому мнѣ назначено было за всѣ предметы преподаванія вмѣстѣ — даже менѣе, чѣмъ я имѣлъ въ Финляндіи, такъ что при дороговизнѣ петербургской жизни сравнительно съ гельсингфорсской, невозможно было жить на эти средства [1]). Вотъ что вынудило меня принять вмѣстѣ и лицейскую каѳедру, хотя это совершенно разрывало мое время и не позволяло употребить свои силы исключительно на высокое служеніе дѣтямъ будущаго Государя.

[1]) Довольно сказать для сравненія, что мы, имѣя въ Финляндіи 2.500 р., нанимали особній домъ въ 10 комнатъ съ большимъ дворомъ и садомъ, держали экипажъ пару лошадей и при отъѣздѣ кое-какъ сбыли ихъ за безцѣнокъ. *Н. Г.*

Наслѣдникъ, Канцлеръ нашъ, которому я представился и которому, конечно, выставленъ былъ главнымъ поводомъ моего вызова лицей, обошелся со мной очень милостиво, разспрашивалъ объ университетѣ, выразилъ сожалѣніе, что я его покидаю, и надежду, что я буду такъ же полезенъ заведенію, въ которомъ воспитывался. Разговоръ заключилъ онъ словами: „Поручаю вамъ моихъ ребятишекъ и увѣренъ, что вы съ совершеннымъ успѣхомъ будете заниматься ими". При этомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы я переѣхалъ какъ можно скорѣе, и началъ свои уроки, если можно, въ концѣ января.

Разоривъ свое гнѣздо въ Гельсингфорсѣ и наскоро продавъ имущество, мы пустились въ Петербургъ въ сильнѣйшіе морозы съ 9-тимѣсячнымъ малюткой сыномъ и благополучно прибыли на мѣсто, а съ 1-го февраля я уже приступилъ къ новымъ занятіямъ. Въ Петербургѣ началась для меня новая жизнь, не легкая по множеству лежавшихъ на мнѣ обязанностей.

Поступивъ одновременно профессоромъ въ лицей и наставникомъ къ великимъ князьямъ, я четыре дня въ недѣлю долженъ былъ заниматься во дворцѣ съ 7-ми часовъ утра и до 2-хъ съ небольшими промежутками для отдыха, а остальные два утра читать лекціи въ двухъ старшихъ курсахъ лицея. Служба эта была особенно трудна отъ мая до ноября, а иногда даже и до декабря, такъ какъ я долженъ былъ либо ѣздить въ Царское Село, Петергофъ и даже Гатчину уже наканунѣ, чтобъ быть во дворцѣ въ 7 часовъ утра, либо, переѣзжая съ семействомъ, заранѣе нанимать себѣ квартиру въ мѣстахъ загороднаго пребыванія, откуда два раза въ недѣлю переноситься въ лицей. Стоявшіе тогда во главѣ воспитанія генералы: Н. В. Зиновьевъ и Г. Ѳ. Гогель не считали нужнымъ освободить меня отъ матерьяльныхъ заботъ, очень сложныхъ и обременительныхъ при необходимости частой перемѣны мѣста, и объявили мнѣ, что я, какъ *учитель*, не имѣю права на квартиру за городомъ. А между тѣмъ, лѣтніе мѣсяцы (каникулъ у великихъ князей не полагалось) воспитатели особенно пользовались моимъ присутствіемъ, чтобъ замѣнять другихъ, уѣхавшихъ на лѣто преподавателей, и мнѣ приходилось брать на себя ихъ уроки, напримѣръ, по французскому и англійскому языку и вообще повторенія по всѣмъ предметамъ. При поѣздкахъ же въ Гапсаль и на коронацію въ Москву къ занятіямъ со мною присоединился и Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Особенно трудно было мнѣ въ первый годъ новой дѣятельности. За неимѣніемъ въ то время хорошихъ учебниковъ, я самъ писалъ для каждаго великаго князя, сообразно со степенью его развитія и знаній, — *записки* по всѣмъ предметамъ и в то же время составлялъ подробный курсъ русской литературы для двухъ старшихъ классовъ лицея. Этимъ всегда спѣшнымъ и напряженнымъ трудомъ объясняется болѣзнь правой руки моей (Schreib

krampf), начавшаяся еще въ 1853 году, постепенно усиливаясь, и уже лѣтомъ 1854 г. заставившая меня прибѣгнуть къ упражненію лѣвой руки [1]). Только съ 1865 года я вполнѣ освободился отъ этой болѣзни [2]).

Такъ продолжалось три года, когда въ концѣ 1856 года призванъ былъ для завѣдыванія ученьемъ великихъ князей бывшій константинопольскій, а теперь штутгардскій посланникъ В. П. Титовъ, который сдѣлалъ меня своимъ помощникомъ и облегчилъ мои занятія по преподаванію. Получивъ должность наблюдателя классовъ при всѣхъ четырехъ старшихъ великихъ князьяхъ, я присутствовалъ на урокахъ другихъ преподавателей, на приготовленіяхъ великихъ князей, наблюдалъ за порядкомъ распредѣленія часовъ, съ обязанностью замѣнять отсутствующихъ учителей. Но такъ какъ теперь частое присутствіе мое во дворцѣ становилось еще необходимѣе, то я передалъ въ лицеѣ половину лекцій (въ младшемъ курсѣ) вмѣстѣ съ половиной жалованья Перевлесскому: такимъ образомъ матерьяльное положеніе мое улучшилось только тѣмъ, что мнѣ стали давать квартиру за городомъ (въ Петергофѣ въ натурѣ, а въ Царскомъ Селѣ деньгами). Изъ предметовъ преподаванія я сохранилъ только исторію, а русскій языкъ переданъ былъ Классовскому, но за болѣзнію его отъ конца 1858 г. до сентября 1859 г. возвратился ко мнѣ. При Титовѣ сдѣлано было множество перемѣнъ въ ходѣ ученія, приглашено множество новыхъ лицъ для преподаванія, еще болѣе дѣлалось самыхъ разнородныхъ проектовъ, и наконецъ имъ же вызванъ былъ изъ-за границы для какихъ-то воспитательныхъ совѣщаній нѣкто г. Гриммъ, вовсе не знавшій русскаго языка, но слывшій почему-то отличнымъ педагогомъ. Онъ былъ въ числѣ наставниковъ великаго князя Константина Николаевича и проживалъ на пенсіи въ Дрезденѣ. Пребываніе Титова при дворѣ было кратковременно (отъ осени 1856 г. до весны 1858 г.) и вскорѣ послѣ появленія г. Гримма — этотъ новый педагогъ занялъ его мѣсто на всѣхъ правахъ, которыя его предшественникъ, какъ бывшій посланникъ, себѣ выговорилъ. Я сохранялъ свое прежнее положеніе до совершеннолѣтія Наслѣдника, когда участіе мое въ воспитаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ кончилось (8-го сентября 1859 года) [3]). По просьбѣ графа Строганова составлена была мною

[1]) Яковъ Карловичъ имѣлъ терпѣніе начать учиться писать лѣвой рукой по всѣмъ правиламъ каллиграфіи съ черточекъ, кружковъ, крупныхъ буквъ между двумя линейками и достигъ того, что лѣвой рукой владѣлъ вполнѣ свободно, писалъ четко, хотя и не такъ скоро и красиво, какъ правой. Не только „записки“ великихъ князей, но и ть трудовъ по изданію Державина написаны имъ лѣвой рукой. *Ред.*

[2]) Живя въ деревнѣ въ Рязанской губ., гдѣ Якову Карловичу съ женою удалось ить маленькое имѣніе (Красная Слободка) и гдѣ онъ въ саду часто работалъ то-мъ и пилою. *Ред*

[3]) См. ниже „Мысли, посвященныя Наслѣднику въ день совершеннолѣтія“. *Ред.*

краткая записка о ходѣ ученія Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, о его познаніяхъ, свойствахъ ума и способностяхъ.

Государь былъ такъ милостивъ, что оставилъ мнѣ въ пенсію все жалованье, которое я получалъ послѣднее время какъ наблюдатель классовъ (т. е. 3.000 р.). Въ 1862 году рѣшился я оставить службу и въ лицеѣ, чтобъ имѣть возможность посвящать все свое время ученымъ занятіямъ при Академіи Наукъ, куда я былъ избранъ въ члены въ 1855 году по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности [1]).

По смерти И. И. Давыдова, когда предсѣдательствующимъ Отдѣленія въ 1859 году назначенъ былъ покойный П. А. Плетневъ, мнѣ поручено было по вызову моему и по составленному мною плану заняться полнымъ критическимъ изданіемъ сочиненій Державина въ повременномъ порядкѣ. При содѣйствіи родственниковъ поэта и множества другихъ лицъ, сочувственно откликнувшихся на предпріятіе Академіи, мнѣ удалось вскорѣ собрать всѣ сохранившіяся послѣ знаменитаго писателя бумаги, составившія вмѣстѣ съ другими документами, до него относившимися, огромную коллекцію рукописей. Приготовительная разработка ихъ въ связи съ исторіею событій, въ которыхъ онъ участвовалъ (напр. Пугачевщины), и съ литературой, относящейся къ его дѣятельности, потребовала нѣсколько лѣтъ. Много времени было употреблено мною, между прочимъ, на изученіе подлинныхъ документовъ въ государственномъ архивѣ. Задача еще усложнялась тѣмъ, что къ изданію опредѣлено было приложить рисунки, найденные при рукописныхъ тетрадяхъ поэта. Кромѣ того, для подготовленія полной біографіи Державина, я посѣтилъ постепенно всѣ мѣста, гдѣ въ разныя эпохи протекала жизнь его, именно приволжскія губерніи, отъ Казани до Саратова, Тамбовъ, Петрозаводскъ и Званку. Изъ архивовъ петрозаводскаго и тамбовскаго извлечено мною много матерьяловъ для біографіи поэта.

Съ наступленіемъ 1864 года начали появляться томы приготовленнаго такимъ образомъ роскошнаго изданія сочиненій Державина съ моими примѣчаніями. Съ того времени почти ежегодно выходило по одному тому, а въ 1872 году VII томомъ, содержащимъ труды Державина въ прозѣ, закончилось изданіе самыхъ сочиненій его. Затѣмъ въ 1880 году готовъ былъ VIII томъ, въ который вошла біографія поэта, и вскорѣ затѣмъ IX съ примѣчаніями и указателемъ. Согласно съ первоначальнымъ планомъ, появилось и другое общедоступное изданіе безъ рисунковъ.

Работая надъ изданіемъ Державина, я не оставлялъ однакоже

---

[1]) Уже въ 1852 г. (находясь еще въ Гельсингфорсѣ) Я. К. былъ избранъ въ *члены-корреспонденты* Академіи Наукъ по II Отдѣленію, а еще въ началѣ того же года приглашенъ къ участію въ изданіи „Извѣстій“ II-го Отдѣленія. *Ред.*

своихъ изслѣдованій по языку, которыя и изданы были въ 1873 году отдѣльнымъ томомъ подъ заглавіемъ: *Филологическія Разысканія*. Вскорѣ понадобилось второе изданіе этой книги. По этому поводу одна изъ статей ея, касавшаяся исторіи русскаго правописанія, была совершенно переработана мною по новымъ изслѣдованіямъ о звукахъ языка на физіологическомъ основаніи. Мнѣ казалось необходимымъ приложить къ русскому языку плодотворное направленіе филологіи, въ послѣдніе годы получившее столь значительное развитіе въ западной Европѣ. Передѣланная съ этой точки зрѣнія статья моя разрослась въ цѣлую книгу, такъ что второе изданіе моихъ Филологическихъ Разысканій и вышло въ 1876 году уже въ двухъ томахъ.

Въ 1865 году празднованіе столѣтней годовщины смерти Ломоносова было началомъ цѣлаго ряда юбилеевъ знаменитыхъ русскихъ дѣятелей прошлаго времени. Академія Наукъ принимала участіе въ этихъ литературныхъ празднествахъ. Въ 1866 году она устроила торжественное собраніе въ честь Карамзина, въ 1867 году Отдѣленіе русскаго языка и словесности почтило нѣсколькими рѣчами память митрополита Евгенія. Въ 1868 г. Академія праздновала столѣтній юбилей Крылова, въ 1872 двухсотлѣтнюю годовщину дня рожденія Петра Великаго [1]). На всѣхъ этихъ торжествахъ я принималъ участіе въ произнесеніи посвященныхъ этимъ дѣятелямъ рѣчей. Кромѣ того, къ юбилею Карамзина было приготовлено мною вмѣстѣ съ Пекарскимъ изданіе подлинныхъ писемъ нашего историка къ Дмитріеву, а по поводу юбилея митрополита Евгенія издалъ я собраніе его писемъ къ Державину и другимъ лицамъ.

Послѣ того, печатая по переданнымъ мнѣ рукописямъ сочиненія и неизвѣстныя до тѣхъ поръ письма Хемницера, я прочелъ въ одномъ изъ годичныхъ собраній Академіи составленное мною жизнеописаніе его, а въ другомъ — характеристику Державина, какъ поэта. Въ подобныхъ же академическихъ засѣданіяхъ, въ предшедшіе годы читалъ я, въ составѣ написанныхъ мною отчетовъ о дѣятельности Отдѣленія, некрологи Востокова, графа Блудова, Шевырева и Плетнева. Въ 1871 году принялъ я участіе въ спорѣ нашей журналистики о классическомъ и реальномъ образованіи; двѣ статьи мои въ пользу перваго были напечатаны въ „Голосѣ“ и въ „Спб. Вѣдомостяхъ“.

Съ 1867 по 1871 г. я былъ предсѣдателемъ Литературнаго фонда.

Въ 1872 году, по случаю смерти Пекарскаго, Русское Историческое Общество, избравъ меня въ свои члены, предложило мнѣ принять на себя продолженіе изданія бумагъ Екатерины II, два первые тома изъ которыхъ были напечатаны покойнымъ. Такъ какъ еще далеко не

[1]) Позже отпразднованы съ участіемъ Якова Карловича юбилеи Жуковскаго (1883) и Пушкина (1887), а въ Москвѣ открытіе памятника Пушкину (1880). *Ред.*

всѣ рукописи императрицы были извлечены изъ государственнаго архива, то прежде всего надлежало дополнить это собраніе въ исправныхъ копіяхъ. Давно уже съ особеннымъ интересомъ изучая жизнь и царствованіе великой государыни, я принялъ предложеніе. Въ теченіе пяти лѣтъ работалъ я въ архивѣ и напечаталъ съ примѣчаніями еще два тома Историческаго Сборника, именно: во 1-хъ, бумаги Екатерины II отъ 1771 до 1774 года, и во 2-хъ, письма ея къ Гримму на французскомъ языкѣ, обнимающія 22 года (1774 — 1796 г.) и составившія не менѣе 44 печатныхъ листовъ. При открытіи памятника Екатеринѣ II въ 1873 году я произнесъ въ Общемъ собраніи Историческаго Общества рѣчь о литературной перепискѣ Екатерины съ другими лицами. Кромѣ того, въ годовыхъ собраніяхъ общества, подъ предсѣдательствомъ Высокаго Покровителя его и Предсѣдателя Государя Александра III, читалъ я относящіяся къ Екатеринѣ II изслѣдованія: о *занятіяхъ ея русскою исторіею*, о *перепискѣ съ Сенакъ де-Мельяномъ*, о *сотрудничествѣ ея въ Собесѣдникѣ княгини Дашковой*, о *перепискѣ ея съ Гриммомъ*.

Занятія мои по изданію Державина и по Историческому Обществу подали мнѣ поводъ написать еще нѣсколько монографій, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, именно: 1) *Воспитаніе Екатерины II*, гдѣ разсмотрѣны обстоятельства ея жизни, предшествовавшія ея воцаренію, въ смыслѣ вліянія, которое они должны были имѣть на ея развитіе (въ „Древней и Новой Россіи"); 2) *Екатерина II и Густавъ III*, взаимныя отношенія обоихъ и переписка между ними, по подлиннымъ документамъ (тамъ же, въ „Русской Старинѣ" и въ „Запискахъ Академіи Наукъ" и 3) *Филологическія занятія Екатерины II* — ея участіе въ составленіи словаря, изданнаго Палласомъ (въ „Русскомъ Архивѣ"). Изъ другихъ эпохъ русской исторіи въ послѣдніе годы обработаны мною статьи: *Дѣти Анны Леопольдовны* (въ „Русской Старинѣ"), *Происхожденіе Екатерины I* и *Неизвѣстный до сихъ поръ текстъ Нейштадскаго договора*, снимокъ котораго приложенъ къ этой статьѣ въ „Запискахъ Академіи Наукъ".

Къ исторіи образованія относятся статьи мои, напечатанныя въ „Складчинѣ": *Первенцы Царскосельскаго Лицея* (къ біографіи и перепискѣ Пушкина) и *Царскосельская Старина* („Р. Архивъ") [1].

Жизнь ученаго заключается большею частью въ трудахъ его, и потому-то я позволилъ себѣ исчислить съ нѣкоторою подробностью главное изъ того, что написано мною съ того времени, какъ я могъ исключительно посвятить себя академической дѣятельности. Впрочемъ конечно и тутъ я не счелъ нужнымъ упоминать обо всѣхъ напечатанныхъ мною трудахъ. Другое важное проявленіе жизни ученаго составляютъ пу-

[1] Перечень послѣдующихъ трудовъ и статей Я. К. см. Библіографическій списокъ трудовъ въ упомянут. книжкѣ „Я. К. Гротъ. Нѣск. Данныхъ", Спб. 1895 г.

тешествія. Изъ любознательности я не разъ предпринималъ поѣздки по разнымъ краямъ Россіи, по Швеціи и западной Европѣ. Я уже упоминалъ о подробномъ изученіи Москвы и ея древностей въ 1838 году съ помощію молодыхъ людей, вышедшихъ изъ тамошняго университета, и въ 1849 году московской губерніи съ извѣстнымъ нашимъ эллинистомъ и санскритологомъ К. А. Коссовичемъ, а отчасти съ Д. С. Протопоповымъ. Въ 1847 году объѣхалъ я порядочную часть Швеціи и слушалъ лекціи въ Упсальскомъ университетѣ. Статьи мои объ этомъ путешествіи появились въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; въ 1860 г. въ первый разъ посѣтилъ я многія страны Европы отъ Копенгагена до Швейцаріи, до Лондона и Парижа, въ Германіи слушалъ университетскія лекціи и велъ дневникъ, часть котораго была напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ; въ 1876 году побывалъ наконецъ въ Италіи, для посѣщенія которой приготовился еще въ лицеѣ изученіемъ языка ея; въ 1877 году ѣздилъ опять въ Швецію, на этотъ разъ депутатомъ отъ Академіи Наукъ по случаю 400-тъ-лѣтняго юбилея Упсальскаго университета, и отдалъ въ этой поѣздкѣ отчетъ въ Запискахъ Академіи. [1]).

По смерти Плетнева въ 1865 году занялъ я мѣсто предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности.

Въ Академію поступилъ я въ 1855 году, въ послѣднее время секретарства академика Миддендорфа, который послѣ моего избранія въ адъюнкты привѣтствовалъ меня нѣсколькими весьма лестными строками, относившимися столько же къ трудамъ моимъ, сколько и къ нравственному характеру. Весьма естественно, что Миддендорфъ, какъ остзейскій уроженецъ, поддерживалъ антирусскій духъ Академіи

---

[1]) Кромѣ этихъ поѣздокъ, Академія Наукъ еще два раза командировала Якова Карловича на археологическіе съѣзды: въ Кіевъ въ 1874 году и въ Тифлисъ въ 1881, и это дало ему благопріятный случай ознакомиться съ Кіевомъ, Кавказомъ и южнымъ берегомъ Крыма.

Въ автобіографіи не упомянута еще одна общественная заслуга Якова Карловича. Ему обязано наше общество иниціативой къ возобновленію подписки на памятникъ Пушкина и сооруженію его въ Москвѣ. На товарищескомъ обѣдѣ воспитанниковъ первыхъ курсовъ лицея 19 октября 1870 года, ожививъ память поэта, генію котораго онъ всегда горячо поклонялся, онъ предложилъ возобновить заглохшую подписку на памятникъ. Единодушно откликнулись товарищи на это предложеніе и съ Высочайшаго одобренія образованъ былъ, по мысли К. К. Грота, Комитетъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ Е. В. Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, подъ предсѣдательствомъ бар. М. А. Корфа и при участіи Матюшкина, товарищей Пушкина по лицею. Душою этого комитета былъ Яковъ Карловичъ: всѣ проекты сношеній и протоколы писаны его рукою; раздача книжекъ и подписка пошли такъ быстро, что памятникъ уже въ 1880 году красовался въ Москвѣ на Тверской площади. Оставшаяся по сооруженіи памятника сумма употреблена была на образованіе при Академіи Наукъ премій имени Пушкина за выдающіяся литературныя произведенія.

Ред.

и тщательно охранялъ германскую науку и въ ней издавна занятое ея представителями положеніе. Старинныя традиціи не измѣнились и послѣ него, и Отдѣленіе русскаго языка и словесности даже въ печати называлось *состоящимъ при Академіи Наукъ*.

При гр. Уваровѣ и гр. Литке господствующее направленіе въ Академіи Наукъ можетъ быть выражено словами: поклоненіе германскому ученому міру. Графъ Уваровъ былъ ослѣпленъ блескомъ западной цивилизаціи. Дорожа славой европейскаго ученаго и покровителя европейской, преимущественно нѣмецкой науки въ Россіи, онъ подчинился вліянію непремѣннаго секретаря Фусса и вообще нѣмецкихъ академиковъ. Русскихъ ученыхъ и труды ихъ, за весьма немногими исключеніями, онъ мало цѣнилъ, чему можетъ служить доказательствомъ то странное положеніе, какое онъ далъ въ средѣ Академіи Наукъ Отдѣленію русскаго языка и словесности, — положеніе, которое въ настоящее время, черезъ 40 лѣтъ послѣ его учрежденія, является уже полнымъ анахронизмомъ.

Графъ Блудовъ, по другимъ важнымъ обязанностямъ, не могъ посвящать много времени Академіи Наукъ. Взглядъ его на ея назначеніе лучше всего видимъ изъ рѣчи, произнесенной имъ при вступленіи въ должность президента: не отрицая необходимости науки въ чистомъ ея значеніи, онъ, однакоже, особенно дорожилъ ея популяризаціей, мечталъ о томъ, чтобы наука, въ сочетаніи съ изящной литературой, становилась достояніемъ общества; однимъ изъ главныхъ призваній Отдѣленія русскаго языка и словесности, по мнѣнію графа Блудова, было изданіе сборниковъ или выбранныхъ мѣстъ изъ русскихъ писателей... Къ счастью, гр. Блудовъ не былъ упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ и не настаивалъ на осуществленіи этихъ мыслей.

Гр. Литке былъ такъ же, какъ и гр. Уваровъ, горячимъ почитателемъ германской науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ совершенно чуждъ суетности и славолюбія. И въ его глазахъ также — настоящую Академію составляли только физико-математическое и историко-филологическое отдѣленія,—и онъ постоянно участвовалъ въ ихъ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ, никогда не присутствуя въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности. Такое отношеніе его къ послѣднему было тѣмъ страннѣе, что гр. Литке нѣкогда былъ горячимъ любителемъ русской литературы и прилежно изучалъ ея писателей; напримѣръ, когда появилась Одиссея въ переводѣ Жуковскаго, онъ внимательно читалъ ее и отмѣчалъ стихи, въ которыхъ вмѣсто шести стопъ было ихъ семь. По какому-то непонятному предубѣжденію, которое, конечно, было ему внушено, онъ считалъ занятія русской и славянской филологіей менѣе почтенными, чѣмъ занятія какою бы то ни было другою отраслью языкознанія... Но я спѣшу прибавить, что гр. Литке съ такимъ взглядомъ въ дѣйствіяхъ своихъ соединялъ рѣдкое безпристрастіе и справедливость: онъ ни-

когда не только не затруднялъ дѣятельности Отдѣленія, но и всѣ ходатайства его всегда исполнялъ съ величайшею готовностью. Бывъ въ теченіе всѣхъ 18-ти лѣтъ его президентства и съ самой смерти Плетнева исполнявшимъ должность предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи и его докладчикомъ, я ни разу не встрѣчалъ съ его стороны отказа. Слѣдуетъ однакожъ оговорить, что когда въ 1869 году приняты были мѣры къ улучшенію штатовъ по I-му и III-му Отдѣленіямъ, то я лишь случайно узналъ о томъ. Такъ какъ дѣло было уже въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, то я счелъ своей обязанностью представить Товарищу Министра (въ то время И. Д. Делянову) записку о необходимости увеличить при этомъ случаѣ средства II-го Отдѣленія, но къ Президенту отправилъ я копію съ этой бумаги. Къ чести гр. Литке, я долженъ упомянуть, что онъ нисколько не оскорбился этимъ и способствовалъ къ исполненію моего ходатайства прибавленіемъ 5000 р. къ отпускавшимся Отдѣленію суммамъ [1]).

---

[1]) На этомъ прерываются эти позднѣйшія (нач. 80-хъ гг.) автобіографическія заки Якова Карловича, составляющія краткое продолженіе ранѣе (въ нач. 50-хъ овъ) написаннаго имъ очерка, и лишь нѣсколькими отрывочными фразами говорится ступленіи въ управленіе Академіею графа Д. А. Толстого. Такимъ образомъ для лѣдняго десятилѣтія, къ сожалѣнію, не имѣется автобіографическихъ замѣтокъ. слѣдніе три года своей жизни (Я. К. † 24 мая 1893 г.) Я. К. состоялъ вице-преомъ Академіи Наукъ. *Ред.*

МЫСЛИ ПОСВЯЩЕННЫЯ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШЕМУ ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ВЪ ДЕНЬ ЕГО СОВЕРШЕННОЛѢТІЯ [1]).

1859.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Послѣ шестилѣтняго участія въ умственномъ образованіи Вашего Императорскаго Высочества, могу ли остаться равнодушнымъ свидѣтелемъ вступленія Вашего въ первую важную эпоху жизни, — эпоху, съ которой должно начаться Ваше окончательное приготовленіе къ самостоятельной дѣятельности.

Высокое положеніе Ваше не можетъ не внушать серіозныхъ думъ всякому мыслящему сотруднику въ священномъ для Россіи дѣлѣ Вашего воспитанія. Руководимый ими, какъ горячо желалъ я пробудить въ юной душѣ Вашей взгляды и чувства, достойные Вашего предназначенія! Нѣкоторыя изъ возникавшихъ при этомъ размышленій старался я развивать во время устныхъ бесѣдъ съ Вами; другія излагалъ письменно, и такимъ-то образомъ составилась настоящая тетрадь. Примите ее, какъ усердное привѣтствіе одного изъ Вашихъ настав-

---

[1]) Напечатаны были впервые въ кн. „Я. К. Гротъ. Нѣсколько Данныхъ“, Спб. 1895. Эти „Мысли“, написанныя въ альбомѣ, поднесенномъ Наслѣднику въ 1859 году, были и ранѣе читаны въ разное время обоимъ старшимъ великимъ князьямъ. „По кончинѣ Наслѣдника Цесаревича, говоритъ Н. П. Гротъ, альбомъ, сколько намъ извѣстно, перешелъ въ руки въ Бозѣ почившаго Императора Александра Александровича. Нынѣ подлинникъ его сохраняется въ библіотекѣ села Ильинскаго“.

Ред.

никовъ, какъ слабое выраженіе пламенныхъ его желаній и молитвъ о Васъ и Вашемъ будущемъ.

По самому Вашему рожденію вся жизнь Вашего Высочества, а слѣдовательно и годы воспитанія Вашего принадлежатъ уже исторіи: да пошлетъ Вамъ Провидѣніе силъ и мудрости, чтобъ занять въ ней достойное мѣсто по стремленіямъ и дѣламъ Вашимъ. Исторія назоветъ и тѣхъ, которые были призваны къ участію въ Вашемъ образованіи. Какъ бы ни была различна степень этого участія, всѣ они будутъ нести бо́льшую или мéньшую долю отвѣтственности передъ потомствомъ. Въ виду этой-то отвѣтственности не долженъ и я оставлять подъ спудомъ мыслей, можетъ быть выраженныхъ неискусно, но положенныхъ мнѣ на сердце любовію къ Августѣйшему Питомцу, при которомъ я былъ поставленъ съ первыхъ лѣтъ Его воспитанія.

I.

Молитва Цесаревича.

8-го сентября 1859 г.

Все Царство Русское отъ сна возстало нынѣ
Съ единой мыслію — и мысль та обо мнѣ:
Могу ли же и я къ торжественной годинѣ
Достойно приступить безъ думы о себѣ?
О Господи! дай силъ на нѣсколько мгновеній
Молитвой теплою, въ глубокой тишинѣ,
Духъ юный оградить отъ суетныхъ волненій,
И въ размышленіяхъ о наступившемъ днѣ
Проникнуться его святымъ знаменованьемъ,
Понять великій долгъ и взвѣсить тяжкій трудъ,
Отнынѣ связанный уже съ моимъ призваньемъ,
И предстоящій мнѣ въ потомствѣ строгій судъ.

Я вступаю въ совершеннолѣтіе въ такомъ возрастѣ, когда другіе считаются еще незрѣлыми юношами. Поставленный Провидѣніемъ и юнами Государства въ такое необычайное положеніе, я долженъ нять и великость сопряженныхъ съ нимъ требованій.

Отнынѣ я долженъ строже прежняго обдумывать свои дѣйствія и зѣчать за нихъ. Я сдѣлался совершеннолѣтнимъ не для того, чтобъ едаться безпечности и удовольствіямъ, а для заботъ и трудовъ.

Прошли годы, въ которые мнѣ было позволено смотрѣть легкомысленно на мое будущее; отнынѣ каждое мгновеніе мое должно быть проникнуто сознаніемъ моего предназначенія и обязанностей, которыя оно на меня налагаетъ.

Во всѣхъ моихъ поступкахъ пусть выражается благородная степенность, пусть не покидаетъ она меня вполнѣ, даже посреди развлеченій и забавъ. Да присоединится къ ней энергическая твердость воли и неизмѣнное самообладаніе. Готовясь нѣкогда управлять другими, я долженъ прежде всего научиться управлять самимъ собою, побѣждать свои слабости, не давать воли страстямъ. Да не будетъ надо мной имѣть власти пагубная наклонность къ бездѣйствію, къ нѣгѣ и къ наслажденіямъ. О, я знаю, какія великія искушенія ожидаютъ меня, какъ нужна мнѣ Твоя святая помощь, Господи, чтобъ противостоять имъ. Дай мнѣ поддерживать въ себѣ благія стремленія вѣрой и молитвой! Дай мнѣ любовь къ тихимъ занятіямъ, внуши мнѣ любознательность, которая бы не давала мнѣ покоя, которая бы побуждала меня учиться и читать, пока еще время. Пошли мнѣ любовь къ правдѣ и умѣнье отличать людей преданныхъ ей отъ лживыхъ и суетныхъ. Но особенно, Господи, молю Тебя объ одномъ: зажги въ сердцѣ моемъ теплую любовь къ человѣчеству. Даруй мнѣ сердце любящее, исполненное участія къ ближнему. На высотѣ величія, въ нѣдрахъ обилія и роскоши не дай мнѣ забывать страданій и несчастій, ежеминутно претерпѣваемыхъ вдали отъ меня; дай мнѣ помнить что Ты поставилъ меня такъ высоко не для собственнаго моего счастія, но для того, чтобъ я способствовалъ къ распространенію счастія между другими, чтобъ я былъ орудіемъ Твоей воли для утвержденія на землѣ царства добра и истины. Дай мнѣ наблюдать за собою зорко и бодрствовать неусыпно, чтобъ и посреди заботъ и трудовъ не изсохло мое сердце, чтобы я всегда оставался нѣжнымъ, благодарнымъ сыномъ и любящимъ братомъ.

Сегодня глядитъ на меня вся Россія, глядитъ съ любовію и надеждой; отнынѣ она будетъ внимательнѣе прежняго слѣдить за каждымъ шагомъ моимъ. О, дай мнѣ любить ее со всѣмъ жаромъ вѣрнаго ея сына; дай мнѣ помнить святыя узы, которыя Ты при самомъ рожденіи моемъ установилъ между мною и ею, дай мнѣ помнить священный долгъ, ожидающій меня въ будущемъ: заботиться о ея благѣ, посвящать ея пользѣ и величію всѣ минуты моего существованія. Пусть мысль о миломъ отечествѣ, о дорогомъ русскомъ народѣ поддерживаетъ меня всегда на томъ пути, который я сегодня избираю по долгу доброй волѣ — на пути правды, чести и славы. Да возлюблю я русскій народъ такъ же горячо, какъ онъ любитъ своихъ Царей и да буду съ такимъ же вниманіемъ изучать его, съ какимъ онъ сегодня устремляетъ на меня свои взоры.

II.

Особенность Вашего положенія.

Молодой человѣкъ, рожденный въ обыкновенной сферѣ жизни, не знаетъ, что́ его ожидаетъ въ будущемъ: если онъ рано полюбилъ трудъ и воодушевленъ стремленіемъ къ усовершенствованію самого себя, онъ видитъ вдали прекрасную цѣль, онъ мечтаетъ о блестящемъ положеніи въ свѣтѣ, о славѣ; но ничто ему не ручается за исполненіе его мечтаній и надеждъ; его будущее невѣрно и, не смотря на то, онъ работаетъ неутомимо, борется съ препятствіями, побѣждаетъ трудности.

Пусть же съ этимъ молодымъ человѣкомъ, поставленнымъ на скромное поприще жизни, сравнитъ себя тотъ, который уже съ колыбели предназначенъ для самой блистательной дѣятельности, который рожденъ для извѣстности не только передъ своимъ народомъ, но передъ цѣлымъ человѣчествомъ, не только въ настоящемъ, но и въ грядущихъ поколѣніяхъ.

Ваше Императорское Высочество! Сравните Свое положеніе съ положеніемъ обыкновеннаго юноши: онъ долженъ создать себѣ поприще, Ваше поприще уже готово въ будущемъ; онъ долженъ трудами и борьбою съ препятствіями проложить себѣ путь, Вашъ путь уже проложенъ; онъ долженъ для стяжанія успѣха привлечь на себя вниманіе общества, на Васъ уже обращены взоры цѣлаго народа. Сравните окружающія Васъ условія съ тѣми, въ которыхъ онъ находится, и скажите, кто изъ обоихъ долженъ сильнѣе чувствовать побужденіе стремиться къ своему развитію, къ пріобрѣтенію познаній, къ добру, къ правдѣ, ко всему высокому и прекрасному.

Дайте Себѣ самому отвѣтъ безпристрастный и, положа руку на сердце, скажите по совѣсти, дѣйствительно ли Вы усерднѣе, сознательнѣе всякаго другого стараетесь воспользоваться годами юности для своего воспитанія, точно ли болѣе всякаго дорожите временемъ, бдительнѣе всякаго храните чистоту своего сердца, изощряете свой умъ, напрягаете свое вниманіе, — ищете сравниться съ высшими образцами человѣчества, которые представляетъ исторія. Слава ждетъ Васъ; но помните, что рядомъ съ нею стоитъ и безславіе. Въ этомъ отношеніи Ваше мѣсто гораздо опаснѣе, нежели положеніе всякаго частнаго лица. Если молодой человѣкъ, съ которымъ я сравнивалъ Васъ, измѣнитъ впослѣдствіи своимъ благороднымъ стремленіямъ, онъ оста[ва]я въ неизвѣстности, онъ исчезнетъ въ тысячахъ ему подобныхъ, [не] оставивъ по себѣ слѣда... Но Ваше имя уже заранѣе занесено на с[тра]ницы исторіи. Вы должны либо прославить, либо обезславить его; т[ре]тьей нѣтъ середины: Вы или оправдаете мѣсто, которое опредѣлено [Вам]ъ самимъ рожденіемъ,—тогда Вы прославитесь, или Вы покажете

Себя недостойнымъ этого мѣста, — тогда Вы унизите Свое имя; для Васъ будутъ позоромъ не одни темныя дѣла и ошибки: для Васъ самое отсутствіе великихъ дѣяній будетъ уже безславіемъ.

Мы живемъ въ такое время, когда Россіи предстоитъ рѣшеніе великихъ задачъ, борьба съ вѣковыми заблужденіями и трудностями. Сѣмена этой жатвы должны зрѣть въ цѣломъ настоящемъ молодомъ поколѣніи; но особенно важны тѣ изъ нихъ, которыя положены въ Вашу душу. Будьте же Сами заботливымъ ихъ хранителемъ, бодрствуйте и трудитесь, и помните, какая великая отвѣтственность возложена на Васъ Провидѣніемъ.

III.

Время летитъ.

Текутъ дни за днями, годы проходятъ одинъ за другимъ невозвратно. Въ важныя эпохи жизни хорошо останавливать вниманіе на прошломъ и обозрѣвать будущее.

Ваше Высочество пережили нынѣ возрастъ дѣтства и отрочества: оглянитесь же мысленно на пройденный Вами путь и посмотрите, сколько времени уже протекло въ сравненіи съ тѣми немногими годами, которые Вамъ еще осталось посвятить Своему воспитанію. И при этомъ не радость необдуманная должна наполнить Ваше сердце, но разумно-тревожное чувство, основанное на сознаніи Вашего положенія, но глубокое смиреніе предъ великостью предстоящихъ Вамъ обязанностей. Если уже и въ минувшіе годы Вашему вниманію и трудолюбію безпрестанно представлялись препятствія и искушенія, не будутъ ли слѣдующіе годы неминуемо сопровождаться еще бо́льшими развлеченіями? Положеніе Ваше блистательно: оно окружаетъ Васъ обиліемъ и роскошью, удовольствіями и наружными успѣхами; но оно враждебно простотѣ и тишинѣ, враждебно уединенному труду и плодотворному размышленію, враждебно скромности и внутреннимъ, невидимымъ побѣдамъ духа, однимъ словомъ, многому, что нужно для образованія ума и сердца къ высшей, къ обширнѣйшей на землѣ дѣятельности. Сфера Васъ окружающая по необходимости представляетъ иногда преграды къ цѣли Вашего воспитанія: не даетъ Вамъ предаваться занятіямъ съ увлеченіемъ, съ любовію, слишкомъ часто отрываетъ Васъ отъ труда и вводитъ въ кругъ разнообразныхъ, обольстительныхъ впечатлѣній.

Ужели же нѣтъ средствъ противъ столькихъ препятствій, нѣ убѣжища отъ такихъ развлеченій? Къ утѣшенію Вашему скажу: *ест* Вы найдете это убѣжище, если захотите. Но знайте: никто не може Вамъ дать его, кромѣ Васъ самихъ; скажу болѣе: оно не извнѣ, о въ самихъ Васъ. Соберитесь же съ силами, сдѣлайтесь достойнымъ Свое

положенія; полюбите трудъ для плодовъ, которые онъ приноситъ, — для наслажденія, которое онъ доставляетъ. Да, трудъ доставляетъ великое наслажденіе: Вы легко убѣдитесь въ томъ на опытѣ, если будете дорожить всякою минутою, которую можете посвятить ему, если будете трудиться съ охотою и усердіемъ. Повѣрьте, что тогда вниманіе Ваше будетъ напряженнѣе, умъ проницательнѣе и самая память надежнѣе.

IV.

Правдивость.

Чистая младенческая душа не можетъ не быть правдива; всякое уклоненіе отъ правды означаетъ уже нѣкоторое нарушеніе душевной чистоты. Что первоначально побуждаетъ насъ къ лживости? Наше самолюбіе, наша корысть и жадность. Мы боимся повредить себѣ правдою и употребляемъ ложь; мы боимся сознаться въ ошибкѣ и прикрываемъ ее ложью; къ ней же прибѣгаемъ мы, чтобъ получить желаемое, когда видимъ, что правдою не достигнемъ этого. Зачѣмъ будетъ облекаться ложью тотъ, кто мало заботится о самомъ себѣ и хочетъ только добра? Ложь есть признакъ низкаго себялюбія и оружіе слабости; правда знаменуетъ самоотверженіе, великодушіе и силу:

„Свѣтелъ щитъ ея, какъ солнце, ясный ликъ ея открытъ“.

Поэтому, чѣмъ кто выше по своему положенію и власти, тѣмъ дороже должна ему быть истина. Въ самомъ дѣлѣ, кто, если не сильные міра въ особенности, обязаны блюсти правду и распространять ея царство на землѣ? Какъ высоко должны они цѣнить счастье быть поборниками того, въ чемъ выражается воля Провидѣнія, быть на землѣ представителями этой воли! Какъ должны они покровительствовать и поддерживать тѣхъ, которые любовью къ правдѣ становятся ихъ естественными, надежнѣйшими помощниками и сотрудниками! Какъ должны они ненавидѣть и чуждаться тѣхъ, которые посредствомъ лжи, козней и лести заявляютъ себя врагами ихъ чести и славы, врагами отечества, общаго блага и самого Провидѣнія, ибо вооружаться противъ правды значитъ дѣйствовать противъ вѣчныхъ цѣлей Божіихъ!

Но если неправда презрительна и ненавистна въ подданномъ, который, чувствуя свою немощь, ищетъ въ обманѣ беззаконнаго оружія силы, что́ сказать о вождѣ народовъ, который бы отъ юности не полюбилъ правды со всѣмъ жаромъ чистой души? Для вѣнценосца нѣтъ тѣхъ соблазненій, которыя заставляютъ частное лицо прибѣгать ко лжи. Ему говорить правду, ему не нужно даже рѣшимости. Кого трепетать ему, кромѣ Бога? Предъ кѣмъ не посмѣетъ онъ высказать правдиваго слова, совершить правдиваго дѣла? Но для него нужно другого

рода мужество: онъ долженъ умѣть *выслушивать* правду, искать ее, узнавать и принимать безъ гнѣва, даже и тогда, когда бы въ ней заключалось противорѣчіе его собственнымъ мыслямъ и желаніямъ.

Могущественный примѣръ Государя долженъ рѣшить торжество правды или лжи въ цѣлой странѣ, ибо если знамя его — правда и щитъ его свѣтелъ какъ солнце, то невѣжество и коварство не смѣютъ выползать изъ темныхъ убѣжищъ своихъ; а если въ тѣни престола его гнѣздится мракъ лжи, то и нигдѣ въ его царствѣ не восходитъ солнце правды и все царство его есть царство тьмы.

V.

Минутный призракъ жизнь земная,
И блескъ и шумъ ея обманъ;
Но тайна скрыта въ ней святая
И смыслъ Божественный ей данъ.

Тому, что́ зритъ плотское око,
Ты легкой вѣры не давай,
Но въ сокровенное — глубоко
Духовнымъ взоромъ проникай,

И вѣдай: многое, что́ низко,
Стоитъ предъ Богомъ высоко,
И часто въ жизни то къ намъ близко,
Чего мы ищемъ далеко.

О, воспитай въ себѣ умѣнье
Въ пучинѣ призраковъ и лжи
Провидѣть истины явленье
Очами зоркими души.

VI.

О значеніи Русской Исторіи.

Нѣкоторые иностранные писатели утверждаютъ, что содержаніе русской исторіи маловажно и незанимательно и что даже, собственно говоря, это не исторія.

Разсмотримъ, справедливо ли такое мнѣніе.

На обширной равнинѣ восточной Европы обитаютъ въ 9-мъ столѣтіи разноплеменные народы, между которыми по многочисленности и природнымъ способностямъ первенствуютъ Славяне. У нихъ нѣтъ никакой

общественнаго благоустройства. Они между собой враждуютъ и для возстановленія у себя порядка призываютъ правителей изъ сосѣдней страны. Съ прибытіемъ Варяжскихъ князей брошено въ славянскую почву сѣмя общественнаго развитія; но много еще русскій народъ долженъ выдержать бореній и внутреннихъ и внѣшнихъ, пока онъ достигнетъ цѣли, для которой въ минуту историческаго вдохновенія сдѣлалъ шагъ, рѣшительный для всей его будущности. Разновластіе и усобицы, татарское владычество, потеря древнихъ областей, пресѣченіе царственной династіи и, вслѣдствіе того, длинный рядъ смутъ съ иноземнымъ господствомъ — таковы бѣдствія, которыя русскій народъ долженъ послѣдовательно вынести на пути къ своей гражданской организаціи и къ своему образованію. Бѣдствія эти были такого рода, что посреди ихъ русскій народъ долженъ былъ или погибнуть, или вырасти исполиномъ. Онъ не погибъ даже и посреди безначалія, приведшаго въ Россію иноземцевъ; въ эти-то дни опасности онъ обнаружилъ всю свою неистощимую силу и воспрянулъ въ небываломъ величіи. Съ этой поры занимается надъ нимъ заря новой жизни — начинается плодотворное общеніе его съ Европой; въ соприкосновеніи съ другими націями, въ знакомствѣ съ невѣдомыми дотолѣ обычаями приняты имъ сѣмена новыхъ идей, новыхъ потребностей.

Непомѣрно быстрое развитіе русскаго государства со временъ Петра Великаго есть явленіе, единственное во всей исторіи человѣчества и объясняющееся только необыкновенными способностями нашего народа, необыкновенною его воспріимчивостью къ образованію. Въ этотъ періодъ, благодаря послѣдовательности началъ, руководившихъ правительствомъ, благодаря успѣхамъ воинскаго искусства и мужеству русскихъ, предѣлы нашей государственной области быстро расширяются и округляются, духовныя силы народа крѣпнутъ, наука и искусство прививаются къ нему, общество начинаетъ стремиться къ самосознанію, наконецъ зарождается общественное мнѣніе.

Таковъ путь, пройденный русскимъ народомъ, таково разстояніе, отдѣляющее настоящій моментъ его жизни отъ той великой минуты, когда Славяне въ соединеніи съ Чудью и Весью рѣшились пригласить къ себѣ Варяжскихъ князей. И могутъ говорить, что у этого могучаго народа нѣтъ исторіи! Какъ? повѣсть о страданіяхъ Руси подъ игомъ татаръ и о спасеніи ея собственными силами отъ этого ига — не есть исторія? Чудотворная сила вѣры и патріотизма, спасшая ее отъ самозванцевъ, отъ иноплеменнаго владычества, отъ Шведовъ, отъ Поляковъ, [illegible] Наполеона — не принадлежатъ Исторіи? Многостороннее развитіе [illegible]ванскаго быта подъ управленіемъ Петра и Екатерины, пробужденіе [illegible]овной дѣятельности и народнаго самосознанія, оживленіе литера[illegible]ы, появленіе даровитыхъ писателей почти во всѣхъ ея сферахъ, [illegible]емленіе ее къ народности — все это недостойно глубокомысленныхъ изслѣдованій историка?

Ужели не заслуживаетъ названія исторической націи народъ, одаренный столь счастливой организаціей, соединяющій столько силы и бодрости съ такимъ христіанскимъ смиреніемъ, съ такой покорностью Провидѣнію и земной власти, съ такою любовію къ своимъ Царямъ? Ужели недостоинъ великой будущности народъ, готовый по одному мановенію просвѣщеннаго Государя стать на стезю нравственнаго очищенія и правды, правды, которой ему до сихъ поръ недоставало и которой отсутствіе онъ самъ чувствовалъ, но безропотно оплакивалъ?

Но, говорятъ иноземцы, содержаніе русской исторіи маловажно, ничтожно въ сравненіи съ значеніемъ исторіи другихъ европейскихъ народовъ; оно лишено общечеловѣческаго интереса. Безспорно, исторія древней Руси отъ Рюрика до Іоанна Грознаго не такъ разнообразна и богата содержаніемъ, не такъ поучительна для европейца, какъ исторія западныхъ государствъ; но самая особенность первой не представляетъ ли много занимательнаго для мыслителя, который понимаетъ, какъ несправедливо искать одного и того же хода развитія въ судьбахъ всѣхъ народовъ? Для него будетъ ясно, что отлученность Руси отъ запада въ первый періодъ ея существованія была необходимымъ слѣдствіемъ ея географическаго положенія, и онъ безпристрастно оцѣнитъ жизненныя силы націи, которая, будучи безпрестанно увлекаема впередъ лучшими своими представителями, наконецъ преодолѣла естественныя преграды, отдѣлявшія ее отъ запада, и побѣдоносно вступила въ систему европейскихъ государствъ.

Со временъ царя Іоанна и даже со временъ дѣда его картина русской исторіи становится болѣе и болѣе яркою, теряетъ постепенно характеръ своей исключительности, а отъ Петра Великаго политическое бытіе Россіи пріобрѣтаетъ всемірное значеніе. Впрочемъ, все сказанное въ предыдущемъ служитъ уже и опроверженіемъ замѣчанія о незначительности русской исторіи: такъ ли мыслили о ней тѣ просвѣщенные иностранцы, которые сочли ее достойнымъ предметомъ изученія всей своей жизни, каковы были Миллеръ, Шлёцеръ, Лербергъ, Эверсъ, Кругъ, Германъ и др.? „Русская исторія, сказалъ Шлёцеръ, стала мечтою всѣхъ образованныхъ европейцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій подступилъ къ берегамъ Балтійскаго моря и привелъ весь міръ въ изумленіе своими славными дѣлами“. Но допустимъ даже, что изученіе судебъ нашего отечества не привлекательно и не важно для иностранцевъ; для русскихъ всегда будетъ священна, дорога и исполнена высокаго интереса наука, которой Карамзинъ посвятилъ болѣе половины своей благородной жизни.

VII.

О любви народа къ Монарху.

Зачѣмъ Монарху заботиться о томъ, чтобы его любили? Онъ стоитъ такъ высоко, онъ такъ могущественъ, что ему и безъ того должны оказывать всѣ знаки любви и благоговѣнія, а какое ему дѣло до того, что̀ люди при этомъ думаютъ и чувствуютъ въ душѣ?

Но если Государь хочетъ жить для блага и счастія людей, то не можетъ не желать, чтобы его любили искренно, ибо нелюбовь къ Монарху есть уже несчастіе для народа.

Въ любви выражается единство мыслей, чувствъ, желаній и стремленій съ обѣихъ сторонъ; но каково же положеніе страны, въ которой Государь и народъ думаютъ иначе, желаютъ разнаго, стремятся къ различнымъ цѣлямъ?

Государь и народъ должны составлять одно. Нѣтъ на землѣ союза величественнѣе и важнѣе этого, потому что отъ него зависитъ благоденствіе милліоновъ; но нѣтъ также союза могущественнѣе, потому что онъ ведетъ государства къ величію и славѣ. Вѣчная хвала тому Государю, который понялъ это, который счастіе своего народа поставилъ задачею жизни, для котораго внутреннее благосостояніе Государства выше блеска оружія, выше шума побѣдъ и завоеваній. На сколько бы онъ ни осуществилъ счастіе подданныхъ, но одна забота его о благѣ столькихъ людей прольетъ на него благословенія потомства, яркими чертами впишетъ имя его въ скрижали исторіи.

Нелюбовь народа къ Государю печальна не только сама по себѣ; она доказываетъ, что и Государь не любитъ народа, ибо любовь пріобрѣтается любовью же. Она доказываетъ, что Государь мало думалъ о своемъ народѣ, мало его изучалъ, не понялъ его нуждъ, однимъ словомъ не узналъ и не оцѣнилъ его; но она доказываетъ также, что онъ не возлюбилъ выше всего правды и добра, потому что народу всегда дорогъ Государь, которому они священны.

Съ любовью народа бремя правленія легко даже въ тяжкія времена, и самыя трудныя обстоятельства можно переносить бодро, опираясь на любовь народную. Она есть отрада и утѣшеніе во всякой невзгодѣ или печали.

Вотъ почему Государю нужно, чтобы его любили, вотъ почему восходящійся къ высшему на землѣ сану долженъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобъ пріобрѣсти любовь народную. Съ нею сопряжено счастіе всей его жизни, она будетъ для него воздухомъ и хлѣбъ. Ему любовь нужнѣе, нежели всякому другому человѣку, который живетъ въ тѣсномъ кругу и не связанъ такъ, какъ онъ будетъ

нѣкогда связать всенародныя узы съ каждымъ изъ многочисленныхъ гражданъ своего Царства, ибо земное благо каждаго изъ нихъ будетъ зависѣть отъ его свойствъ и дѣлъ.

VIII.

Зачѣмъ учиться.

Если человѣкъ съ ранней уже молодости имѣлъ вѣрное понятіе о вещахъ, какъ охотно онъ бы учился, какъ заботился бы самъ о своемъ образованіи! Но что мы видимъ обыкновенно? Молодой человѣкъ, слыша, что ему твердятъ о пользѣ труда и знаній, и размышляя о своемъ будущемъ положеніи, не вѣритъ совѣтамъ людей опытныхъ. Если онъ знаетъ, что его въ будущемъ ожидаетъ роль довольно блестящая, или даже только обезпеченное состояніе, онъ думаетъ: „все это справедливо для большинства; но зачѣмъ мнѣ столько трудиться и мучиться? Къ чему мнѣ всѣ эти знанія? Меня будутъ и безъ того уважать и слушаться; слава Богу, я не лишенъ способностей: при моемъ умѣ не нужно мнѣ будетъ большихъ свѣдѣній, чтобы все понять, чтобъ найтись во всякомъ положеніи и приучиться къ дѣламъ".

Но правильно ли такое разсужденіе? Точно ли можно обойтись безъ разнородныхъ и особенно основательныхъ свѣдѣній, чтобы все понимать и на все вѣрно глядѣть, чтобы знать толкъ въ дѣлахъ и дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ какъ слѣдуетъ?

На этотъ вопросъ только одинъ отвѣтъ: чѣмъ выше роль, которая предназначена человѣку, тѣмъ ему нужнѣе пріобрѣсти заблаговременно многообразныя и особенно основательныя познанія. Конечно, умъ человѣческій такъ созданъ, что онъ можетъ часто и безъ искусственнаго образованія дѣйствовать правильно: даже простолюдинъ, не получившій никакого воспитанія, иногда изумляетъ насъ вѣрностью своихъ сужденій и благоразумiемъ поступковъ. Но съ другой стороны умъ человѣческій такъ ограниченъ, что въ естественномъ своемъ состояніи онъ достаточенъ и годенъ только для самаго простого быта, для самой низкой среды человѣческаго общества. Чтобы сдѣлать его способнымъ для болѣе сложной дѣятельности, необходимо расширить его предѣлы, развить его силы напряженіемъ, доставить ему много предметовъ для сравненія и выводовъ. Чѣмъ болѣе кто знаетъ, тѣмъ менѣе онъ стѣсненъ въ естественныхъ границахъ своего ума, тѣмъ шире будетъ и взглядъ его на жизнь. Человѣкъ, которому предстоитъ обширный и высокій кругъ дѣйствія, будетъ тѣмъ менѣе зависѣть отъ другихъ, чѣмъ богаче будетъ запасъ его собственныхъ свѣдѣній, по тому что при недостаточныхъ и нетвердыхъ познаніяхъ онъ долженъ будетъ слишкомъ много довѣрять другимъ. При томъ же скудост

свѣдѣній лишитъ его надлежащей увѣренности въ самомъ себѣ: открывая часто превосходство другихъ надъ собою, онъ не будетъ имѣть довольно ясныхъ убѣжденій, слѣдовательно ему будетъ недоставать главной основы для рѣшимости и твердости въ дѣйствіяхъ.

Лучшее доказательство важности многосторонних познаній находимъ мы въ любознательности великихъ людей. Отчего Петръ Великій съ дѣтства побуждаемъ былъ неудержимою страстью къ ученію? Оттого, что онъ геніемъ своимъ безсознательно постигалъ необходимость познаній для простора своихъ способностей и дѣлъ. Кому же сама природа не вложила въ душу столь могучаго стремленія, то пусть старается убѣдить себя всѣми доводами разума, что познанія для жизни необходимы и тѣмъ необходимѣе, чѣмъ жизнь будетъ сложнѣе въ своемъ составѣ и выше въ своей сферѣ.

IX.

Чѣмъ пріобрѣтается общая любовь.

Для того, чтобы внушать любовь, необходимѣе всего теплое сердце. Тотъ, кто самъ не согрѣтъ благоволеніемъ, чувствомъ участія и доброжелательства къ другимъ, тотъ, отъ кого вѣетъ холодомъ и равнодушіемъ, не можетъ быть предметомъ горячей любви.

Теплое сердце выражается во всемъ существѣ человѣка и невольно обнаруживается между прочимъ въ ежедневномъ его обращеніи съ другими. Если при такой сердечности онъ держитъ себя естественно и непринужденно, то каждое слово его, каждое движеніе дышитъ привѣтливостью. О, какъ привѣтливость пристала каждому человѣку, какъ она краситъ сильнаго и высокопоставленнаго! Но въ особенности, какъ она къ лицу юношѣ! Какъ прискорбно видѣть, когда человѣкъ въ возрастѣ пылкихъ и благородныхъ порывовъ надѣваетъ на себя маску расчитанной холодности и даже въ выраженіи своихъ чувствъ къ самымъ близкимъ лицамъ сдерживается соображеніемъ разныхъ внѣшнихъ отношеній, а не слѣдуетъ прямо собственному своему влеченію, основанному на привязанности, довѣріи или благодарности. Итакъ, любовь снискивается прежде всего теплотою сердечною, благоволеніемъ, которыя извнѣ проявляются не только въ добрыхъ дѣлахъ, но и въ самомъ обращеніи съ людьми, въ привѣтливости.

Другое необходимое условіе для пріобрѣтенія любви есть чистота в[illegible]ѣреній и прямодушіе дѣйствій. Нужно, чтобъ все, что исходитъ о[illegible] насъ, было внушаемо одною справедливостью, однимъ желаніемъ и[illegible]иного блага. Если же въ поступкахъ нашихъ будутъ выражаться [illegible]кіе расчеты самолюбія или другихъ личныхъ побужденій, то неи[illegible]уемо поколеблется уваженіе и довѣріе къ намъ. Чтобы сдѣлаться

въ полной мѣрѣ любимымъ, не довольно быть добрымъ и любящимъ, надо быть сверхъ того въ высшей степени благомыслящимъ и искренно великодушнымъ.

X.

Всегда впередъ.

Какъ ни важны познанія, однакожъ они сами по себѣ еще не достаточны. Познанія — мертвый капиталъ, если не служатъ къ нашему развитію, если не усиливаютъ и не изощряютъ нашего ума, не укрѣпляютъ нашей воли, словомъ, не дѣлаютъ насъ мудрѣе и лучше. Всякое ученіе только тогда истинно полезно, когда оно заставляетъ насъ трудиться и примѣнять къ дѣлу пріобрѣтаемыя знанія. Въ подробностяхъ своихъ они могутъ забываться, но развитіе, съ помощью ихъ достигнутое трудомъ, остается за нами, какъ неотъемлемая собственность и какъ ступень для дальнѣйшихъ духовныхъ успѣховъ нашихъ.

Умственная цѣнность каждаго заключается не въ томъ, что̀ онъ знаетъ, а въ томъ, что̀ онъ въ состояніи сдѣлать съ помощью своихъ познаній. Высшая окончательная цѣль воспитанія во 1-хъ: научить всякаго работать самостоятельно, то-есть однѣми собственными силами, безъ посторонняго руководства, во 2-хъ: сообщить всякому охоту и умѣнье итти самому впередъ и продолжать свое усовершенствованіе.

Всѣхъ людей, по основному характеру ихъ дѣятельности, можно бы раздѣлить на двѣ главныя, совершенно противоположныя между собой категоріи, которыя проходятъ черезъ всѣ званія и роды занятій. Одну составляютъ люди, постоянно стремящіеся впередъ, чувствующіе потребность въ самоусовершенствованіи и болѣе или менѣе удовлетворяющіе ей; къ другой принадлежатъ тѣ, которые успокоились на извѣстной достигнутой ими степени развитія и, по непреложному закону духовнаго міра, не подвигаясь далѣе, идутъ назадъ.

Потребность стремленія впередъ, потребность самоусовершенствованія есть необходимѣйшее условіе величія и даже всякаго истиннаго достоинства; это неразлучный спутникъ всякаго дѣйствительнаго таланта и отличіе, въ которомъ люди самыхъ разнородныхъ состояній — правители, полководцы, государственные умы, писатели и художники — должны сознать свое духовное братство. Какое бы мѣсто кто ни занималъ въ обществѣ, онъ достоинъ сожалѣнія, если, довольный собо[й] и оказываемой ему честью, онъ остановился въ своемъ развитіи [и] беззаботно сложилъ руки въ созерцаніи своего собственнаго досто[ин]ства. Жалокъ и тотъ, кто, сознавая свое несовершенство, не имѣе[т] однакоже довольно силъ, чтобы преодолѣть бездѣйствіе свое и р[а]-

нуться впередъ. Способность самоусовершенствованія (perfectibilité) свойственна людямъ въ разной степени. Счастливъ тотъ, кто щедро надѣленъ ею: она можетъ вознаградить его за многіе недостатки образованія!

Пусть же высшимъ честолюбіемъ всякаго истинно просвѣщеннаго человѣка будетъ достиженіе внутреннихъ духовныхъ успѣховъ, а девизомъ его — два многозначительныя слова: *всегда впередъ*. Чѣмъ выше будетъ его гражданское положеніе, чѣмъ обширнѣе его кругъ дѣйствія, тѣмъ этотъ девизъ будетъ знаменательнѣе: ибо, стремясь впередъ въ своемъ собственномъ внутреннемъ мірѣ, такой человѣкъ не можетъ не проявить своихъ успѣховъ дѣлами. Такимъ образомъ онъ въ своемъ движеніи будетъ увлекать за собою всю ту массу общества, на которую простирается его вліяніе.

XI.

Какъ узнавать правду.

Чѣмъ обширнѣе дѣятельность и вліяніе человѣка, чѣмъ выше онъ по своему званію стоитъ надъ большинствомъ людей, тѣмъ болѣе онъ долженъ дорожить умѣньемъ узнавать правду, потому что тѣмъ важнѣе она для правильной дѣятельности и тѣмъ съ другой стороны труднѣе узнавать ее.

Конечно, первое условіе, чтобы научиться открывать правду, есть искреннее желаніе знать ее. Кто оживленъ этимъ желаніемъ, тотъ безъ сомнѣнія найдетъ и способы осуществить его. Однакоже предметъ этотъ такъ важенъ, что неизлишне будетъ посвятить ему нѣсколько замѣчаній.

Отчего правда легко затмевается передъ людьми высоко стоящими и сильными? Оттого, что они по большей части сносятся только съ такими лицами, которыя на лѣстницѣ общественныхъ званій и должностей стоятъ всего ближе къ нимъ. Такъ какъ не всѣ эти избранные побуждаются въ своихъ дѣйствіяхъ однимъ стремленіемъ къ правдѣ, и нѣкоторые изъ нихъ напротивъ бываютъ движимы своими страстями, личными видами, заботою о собственной своей пользѣ, то естественно, что эти нѣкоторые стараются скрыть или представить въ ложномъ свѣтѣ все то, что́ несогласно съ ихъ собственной выгодой. Итакъ человѣкъ высоко стоящій находится безпрестанно въ опасности быть обманутымъ, часто даже касательно самыхъ важныхъ и близкихъ для [illegible]го интересовъ, и это тѣмъ болѣе, что между окружающими его есть [illegible]ди, всячески старающіеся удалять отъ него тѣхъ, которые могли бы [illegible]крыть ему глаза.

Отсюда ясно, что главное средство узнавать истину заключается въ [illegible]авилѣ: не гнушаться общенія съ людьми, гораздо ниже насъ стоя-

щими. Часто немногія слова, обмѣненныя съ такимъ человѣкомъ, могутъ озарить нашъ умъ внезапнымъ свѣтомъ и вывести насъ изъ долговременнаго заблужденія. Эту истину понимали многіе великіе люди; назову только Петра Великаго, Екатерину II, Генриха IV, Фридриха II, которые не только не избѣгали, но даже искали случаевъ вступать въ разговоръ съ людьми всѣхъ сословій. Такимъ образомъ для лицъ, высоко стоящихъ по своему званію, единственное средство узнавать правду есть доступность, то-есть легкость, съ какою всякій, имѣющій надобность въ ихъ защитѣ, можетъ найти возможность лично объяснить имъ свое дѣло или желаніе.

И не должно думать, чтобы такая доступность и вообще снисходительность въ сношеніяхъ съ низшими могла сколько-нибудь вредить сильнымъ въ должномъ къ нимъ уваженіи. Напротивъ, доступностью пріобрѣтается общее сочувствіе и довѣріе, потому что она свидѣтельствуетъ о любви къ ближнему и вниманіи къ его нуждамъ. Сильнаго человѣка любятъ тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ доступнѣе и привѣтливѣе; въ этомъ заключается тайна дѣйствительной и прочной власти, а вмѣстѣ и тайна все видѣть и знать и доходить до сокровеннѣйшей правды. А что можетъ быть дороже правды для того, кто облеченъ властію и желаетъ добра? Зачѣмъ и власть, если не для содѣйствія торжеству правды на землѣ?

ПУТЕВЫЯ УЧЕНЫЯ ЗАМѢТКИ

и

ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

НѢСКОЛЬКО УЧЕНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ

ВО ВРЕМЯ ЗАГРАНИЧНАГО ПУТЕШЕСТВІЯ [1]).

1860.

I.

Между классическими писателями другихъ европейскихъ литературъ только немногіе изданы съ довольно обширными примѣчаніями. По идеѣ предпринятаго нами труда [2]) до сихъ поръ издаваемы были большею частью только писатели древніе, да еще Дантъ и Шекспиръ.

У датчанъ чаще другихъ писателей издаваемъ былъ составляющій ихъ гордость *Гольбергъ* (ум. 1754); но ни одно изъ изданій его не обогащено коментаріями, ни одно не отличается особенно даже и съ внѣшней стороны; притомъ большею частію издавались однѣ его комедіи.

Удивительно, что и у нѣмцевъ ни одинъ изъ ихъ писателей не изданъ еще по плану, принятому нами для изданія Державина. Первое начало такого труда недавно сдѣлано у нихъ надъ *Лессингомъ*, который изданъ покойнымъ профессоромъ Лахманомъ въ Берлинѣ отъ 1838 до 1840 г., въ 13-ти частяхъ. Но это не критическое изданіе и отчасти лишь библіографическое; въ немъ почти нѣтъ никакихъ примѣчаній. Сочиненія Лессинга расположены тутъ по родамъ и въ каждомъ родѣ размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ. Къ изданію не приложено никакихъ указателей, кромѣ обыкновеннаго оглавленія. При первомъ томѣ находится гравированный портретъ Лессинга.

Ни Гете, ни Шиллеръ еще не изданы предполагаемымъ нами образомъ. Изъ сочиненій Гете только его мелкія стихотворенія напечатаны съ объясненіями Фигофа, въ Дюссельдорфѣ, отъ 1846 до 1853 г. подъ главіемъ: Göthe's Gedichte erläutert und auf ihre Veranlassungen,

---

[1]) Извѣстія Втор. Отд. Имп. Ак. Н., т. IX (1860), вып. III, стр. 139—160.

[2]) Т. е. изданія Державина.

Quellen und Vorbilder zurückgeführt nebst Varianten-Sammlung und Nachlese, въ 3-хъ частяхъ.

Къ идеѣ подобныхъ изданій въ нѣмецкой литературѣ приближаются еще двѣ книги, но онѣ содержатъ въ себѣ не труды отдѣльныхъ поэтовъ, а поэтическіе сборники или хрестоматіи. Первая составлена по источникамъ съ біографическими и литературными объясненіями и съ варіантами и напечатана въ Лейпцигѣ 1849 г. подъ заглавіемъ: Elf Bücher deutscher Dichtung aus den Quellen, mit biographisch-literarischen Einleitungen und mit Abweichungen der ersten Drucke, von Karl Gödeke. Другая — Des Minnesangs Frühling, издана Лахманомъ и Гауптомъ въ Лейпцигѣ 1857 г.

Въ англійской литературѣ нѣкоторые писатели уже были издаваемы съ обильными коментаріями. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны: изданіе Шекспира, сдѣланное Ридомъ (Reed) въ 1803 г. въ 21-мъ томѣ, изданіе Попа 1804 г. въ 6-ти томахъ, и изданіе Мильтона 1848 г. въ одномъ томѣ.

Подобными изданіями богаче другихъ націй французы. Всего чаще издавались у нихъ такимъ образомъ Жанъ-Жакъ Руссо и Вольтеръ. Я разсмотрѣлъ многія изъ этихъ изданій, и въ нѣкоторыхъ видѣлъ прекрасное выполненіе идей, положенныхъ въ основаніе нашего плана. Сверхъ того, я нашелъ въ нихъ и такія стороны, которыхъ мы еще не имѣли въ виду и которыя, слѣдовательно, могутъ послужить къ дополненію нашего плана. Безполезно и утомительно было бы исчислять всѣ такія изданія. Но я упомяну объ одномъ изъ нихъ, которое, конечно, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ. Оно носитъ заглавіе: Oeuvres de J. J. Rousseau avec des notes historiques, Paris, 1819 — 1820, и заключается въ 22 томахъ. Имя издателя G. Petitain. Въ этомъ изданіи заслуживаютъ нашего особеннаго вниманія два послѣдніе тома, содержащіе въ себѣ разнаго рода *указатели*, которые непремѣнно будутъ приняты мною въ соображеніе при изготовленіи изданія Державина.

Просматривая разныя изданія французскихъ писателей, я убѣдился, что явленіе, происходящее нынѣ у насъ въ отношеніи къ Державину, бывало и въ другихъ литературахъ. Разумѣю неумѣренно жесткія сужденія о Державинѣ, которыя безпрестанно слышатся въ нашей современной журналистикѣ, по поводу изданія въ Москвѣ Записокъ его. Амаръ, одинъ изъ издателей сочиненій Жанъ Батиста Руссо, произноситъ на счетъ его слова, которыя могутъ быть отчасти примѣнены и къ Державину: „Знаменитый поэтъ, говоритъ онъ, до сихъ поръ былъ предоставленъ суду страстей, и потому слишкомъ превозносимъ былъ одними и непомѣрно унижаемъ другими. Какъ человѣкъ, онъ былъ менѣе извѣстенъ и болѣе осуждаемъ клеветою, нежели какъ поэтъ, и потому особенно въ первомъ отношеніи нужно было пересмотрѣть

ego дѣйствительныя вины и тѣ, которыя ему приписывала злоба: надо было выяснить характеръ человѣка, разсмотрѣть его нравственное поведеніе съ полнымъ безпристрастіемъ судьи, который стремится къ одной истинѣ".

Все изложенное мною до сихъ поръ показываетъ, что вообще иностранныя литературы не представляютъ большого обилія образцовъ для нашего предпріятія. Нѣтъ сомнѣнія, однакожъ, что подобныя изданія классическихъ писателей составляютъ дѣйствительную потребность во всѣхъ литературахъ и что потребность эта будетъ, съ теченіемъ времени, болѣе и болѣе удовлетворяема.

Г. Вильменъ, которому я сообщилъ о планѣ нашего Отдѣленія издавать старинныхъ русскихъ писателей, замѣтилъ, что, по его мнѣнію, такое дѣло вполнѣ соотвѣтствуетъ назначенію академій, и прибавилъ: Вольтеръ совѣтовалъ французской академіи заняться изданіемъ нашихъ классиковъ [1]). Такъ и бывшая Россійская Академія смотрѣла на одну изъ обязанностей своихъ; въ уставѣ ея находился между прочимъ слѣдующій параграфъ: „Академія старается творенія знаменитыхъ писателей, не существующихъ болѣе, и если они права печатанія оныхъ никому не оставили, вновь издавать, съ описаніемъ жизни сочинителя и съ полезными для языка и словесности примѣчаніями на оныя. Таковымъ твореніямъ академія есть природная покровительница и наслѣдница". Для лучшаго ознакомленія со всѣми потребностями критическаго изданія произведеній прежняго времени, я входилъ въ личныя сношенія съ нѣкоторыми изъ наиболѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, именно въ Галле съ извѣстнымъ издателемъ Данта, профессоромъ Витте, и съ г. Бланкомъ, авторомъ Vocabolario Dantesco и опыта объясненія Данта на однихъ филологическихъ основаніяхъ. Г. Витте печатаетъ Данта, при пособіи нѣсколькихъ мало извѣстныхъ рукописей, въ двоякомъ видѣ: in 4^0 — это будетъ ученое изданіе, и in 8^0 — маленькое, съ сокращенными примѣчаніями. Въ Лейпцигѣ видѣлся я съ профессоромъ Генелемъ (Hänel), издателемъ многихъ средневѣковыхъ законоположеній, и въ Парижѣ съ англій-

[1]) Вольтеръ вызвался издать и дѣйствительно издалъ, по порученію Академіи, сочиненія Корнеля въ пользу внучки знаменитаго трагика. Предлагая Академіи свои услуги по этому дѣлу, Вольтеръ, между прочимъ, писалъ секретарю ея Дюкло: „Après le dictionnaire je ne connais point d'entreprise plus digne de l'académie et plus honorable pour la littérature que celle de donner nos auteurs classiques avec des notes instructives. — Les meilleurs graveurs de Paris entreprendront les vignettes et les estampes à un prix d'autant plus raisonnable qu'il s'agit de l'honneur des arts et de la nation. — L'imprimeur m'enverra des caractères qu'il aura fait fondre par le meilleur fondeur de Paris; il me fera venir aussi le meilleur papier de France; il m'enverra un habile compositeur et un habile ouvrier. Ainsi tout se fera par des Français et chez des Français. (См. Соч. Вольтера, изд. Beuchot въ 72 томахъ, Paris, 1829 — 1840, т. 59, стр. 407).

скимъ ученымъ, докторомъ Карловомъ, приготовляющимъ, подобно Витте, новое изданіе Данта съ коментаріемъ и варіантами. Сверхъ того, я говорилъ о подобныхъ трудахъ съ Яковомъ Гриммомъ въ Берлинѣ и съ Гервинусомъ въ Гейдельбергѣ. Бесѣды со всѣми этими учеными еще болѣе укрѣпили меня въ мысли печатать все, что осталось послѣ Державина: всѣ труды его въ совокупности, не смотря на свое неодинаковое достоинство и значеніе, будутъ служить матеріалами для изученія хода его развитія и вообще литературы его времени.

Для соображеній относительно бумаги, на которой всего удобнѣе окажется печатать изданіе Державина, я посѣтилъ указанныя мнѣ книгопродавцами Фоссомъ и Фридлендеромъ бумажныя фабрики: въ Лейпцигѣ Sieler и Vogel [1]); а въ Берлинѣ Leopold Ullstein [2]), и выбранные мною тамъ образцы бумаги уже представлены мною Отдѣленію.

II.

Для дополненія свѣдѣній нашихъ о ходѣ словарныхъ трудовъ у другихъ народовъ, я занялся въ Копенгагенѣ вопросомъ: въ какой мѣрѣ потребность въ словарѣ родного языка уже удовлетворена у датчанъ? Оказалось, что сверхъ словаря покойнаго Мольбека, они имѣютъ еще подобный трудъ, начатый болѣе 80 лѣтъ тому назадъ королевскимъ обществомъ наукъ, но до сихъ поръ неоконченный. Еще въ 1745 г., вскорѣ послѣ основанія общества, въ немъ возникъ вопросъ о составленіи словаря; — но не прежде какъ черезъ 30 лѣтъ, именно въ 1776 году, окончательно согласились въ основаніяхъ этого труда: положено было составлять словарь по идеѣ англичанина Джонсона. Въ самомъ началѣ уже дѣло шло вяло, редакторы мѣнялись и къ концу 1780 г. отпечатана была только буква A. Первый же томъ (до конца буквы E) явился не прежде 1793 г., при чемъ тогдашній редакторъ подавалъ надежду, что весь трудъ будетъ конченъ чрезъ 15 лѣтъ. Но какъ это было возможно, когда на одинъ первый томъ употреблено было болѣе времени? Дѣйствительно, словарь и послѣ подвигался тихо; назначенная для изданія его комиссія дѣйствовала безъ всякаго одушевленія и усердія, пересматривала изготовленныя буквы медленно, часто мѣнялась въ своемъ составѣ и избирала редакторовъ не всегда удачно, такъ что выходившія части словаря справедливо подвергались строгой критикѣ и не удовлетворяли требованіямъ науки. Такъ продолжается дѣло до сихъ поръ: теперь печатается 7-я часть словаря, доведеннаго до буквы U; наконецъ, уже виденъ берегъ; но это будетъ мозаика, весьма неудовлетворительная въ цѣломъ, какъ и въ частяхъ Въ числѣ нынѣшнихъ членовъ словарной комиссіи есть люди съ вы

[1]) Grimmaische Strasse, 14.
[2]) Brüderstrasse, 13.

сокимъ ученымъ достоинствомъ и съ громкимъ именемъ, но они не могутъ смотрѣть съ любовью на дѣло, начатое безъ нихъ и успѣхъ котораго отъ нихъ уже не зависитъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія шла рѣчь о томъ, чтобъ оставить это дѣло; однакожъ, ученое общество не сочло себя въ правѣ отказаться отъ предпріятія, на которое было положено столько трудовъ и издержекъ и которое, сверхъ того, было начато и ведено по волѣ правительства.

Словарь Датскаго общества наукъ служитъ новымъ доказательствомъ истины, въ которой мы и прежде уже убѣдились: что такое сложное и трудное дѣло, болѣе всякаго другого требующее постоянныхъ, напряженныхъ усилій и единства въ исполненіи, не можетъ быть съ успѣхомъ ведено многими; не можетъ быть также поручаемо тому или другому лицу, которое не чувствуетъ особаго къ тому побужденія и принимается за это дѣло не по призванію, а по какимъ нибудь внѣшнимъ соображеніямъ. Вообще въ умственныхъ трудахъ, требующихъ присутствія одной мысли и таланта, коллективная работа невозможна. Идея, будто цѣлое ученое общество можетъ общими силами трудиться за однимъ какимъ-нибудь предпріятіемъ, ошибочна. Фенелонъ желалъ, чтобы Французская Академія составила піитику; но, замѣтилъ г. Вильмень, разсуждая со мною объ этомъ, есть ли возможность, чтобы люди, имѣющіе каждый свой самостоятельный образъ мыслей, сошлись по такому предмету, который допускаетъ наиболѣе разнообразія мнѣній и вкуса? На вопросъ мой Якову Гримму, кѣмъ онъ замѣнитъ покойнаго брата своего въ изданіи словаря, онъ отвѣчалъ мнѣ, что будетъ стараться обойтись безъ сотрудника, потому что только братъ его и былъ способенъ трудиться съ нимъ вмѣстѣ, не мѣшая ему.

Въ Копенгагенѣ нашелъ я человѣка, который, подобно Якову Гримму, но въ неизвѣсности, трудится надъ словаремъ своего народа. Это—г. Левинъ, уже 30 лѣтъ собирающій матеріалы для такого труда. При мнѣ онъ былъ занятъ выписываніемъ словъ и выраженій изъ писателей, изъ историческихъ и юридическихъ актовъ. Составившіяся такимъ образомъ карточки, — каждая носитъ одно только слово съ одною выпискою — распредѣляются по шкапикамъ, изъ которыхъ въ каждомъ по 96-и ящичковъ. Въ выпискахъ г. Левину помогаютъ два студента и, по его увѣренію, такіе два молодые сотрудника могутъ очень легко быть пріучены въ совершенствѣ къ подобному труду. Если г. Левинъ съ своимъ рѣдкимъ трудолюбіемъ и любовію къ избранному дѣлу соединяетъ такую же свѣтлость мысли и пониманіе этого дѣла, то можно надѣяться, что трудъ, который онъ совершаетъ въ одиночествѣ, далеко превзойдетъ словарь общества наукъ.

III.

Пребываніемъ въ Копенгагенѣ воспользовался я, между прочимъ, и для того, чтобы поискать въ тамошней публичной библіотекѣ неизвѣстныхъ рукописей русскихъ или относящихся къ русской исторіи. Изъ найденныхъ мною здѣсь рукописей на русскомъ языкѣ, любопытны, хотя по содержанію и неважны, двѣ собственноручныя записки Петра Великаго, которыя и привожу здѣсь безъ измѣненія ихъ правописанія.

1. „Наше мнѣніе о послѣдующемъ предлагаетца Его королевскому Величеству дацкому;

Понеже перемирье выходитъ а мы еще не случились непріятель проситъ на три мѣсяца еще перемирія. Но сие великое продолженіе не есть потребно. Но разсуждаетца хотя б и учинить то б на двѣ или на три недѣли, дабы тѣмъ временемъ могли лучше отдохнуть (такъ утружденныя войска) и между собою по случению согласитца что нынѣ и впредь чинити, ибо непріятель какъ видимо ищетъ иттить въ Польшу. которого при наступающихъ морозахъ трудно будетъ устеречь не имѣя тогда паіовъ а перемирьемъ онои принужденъ будетъ удержатца, что все кладетца на разсуждение Его Величества.

Дано в Вардоу въ 28 д. Ноября 1712.) 9 Декабря“. Петръ

При этой запискѣ слѣдующее примѣчаніе генерала Лѣверѣрна на датскомъ языкѣ:

„Это написано собственною рукою Его Царскаго Величества и было дано мнѣ въ видѣ промеморіи, когда я былъ посланъ къ нему въ Мекленбургъ, а король шелъ съ своею арміею изъ Голштиніи въ Мекленбургъ, чтобы атаковать шведскую армію подъ начальствомъ Стенбока“.

2. „Господину полковнику Левенгорну [1]) и генералу адютанту его королевскаго Величества Дацкаго.

Monsieur [2]).

Понеже соединенныя флоты давно в море вышли. о чемъ уже чаю вы вѣдаете, того для какъ возможно скоряя старайтесь транспортныя суды отъ Страязунта отправлят къ Ростоку для транспорту х Копенгагену нашей пѣхоты.

Петръ.

Скорабля Питер. Моландъ. Отъ Борнгольма. Августа въ 13 д. 1716“.

Еще стóитъ упомянуть о русской рукописи, заключающей въ себѣ неизвѣстный доселѣ трудъ Адама Васильевича Олсуфьева, бывшаго

[1]) т. е. Лёверёрну.

[2]) Это французское слово приписано другою рукою.

кабинетъ-министромъ при Екатеринѣ II. Это переводъ датской исторіи Гольберга, впрочемъ, далеко не конченный. Онъ писанъ рукою переписчика [1]).

Болѣе значительно число хранящихся въ библіотекѣ датскихъ и нѣмецкихъ рукописей, имѣющихъ нѣкоторую связь съ русской исторіей. Покуда могу сообщить одни заглавія ихъ, потому что время не позволило мнѣ заняться на мѣстѣ просмотромъ, а тѣмъ болѣе выписками изъ нихъ. Но я распорядился объ изготовленіи съ нихъ вѣрныхъ копій и надѣюсь въ скоромъ времени получить ихъ. Вотъ между тѣмъ заглавія рукописей съ означеніемъ нумеровъ ихъ въ каталогахъ библіотеки.

(въ Gamle Kgl. Samling.)

2688 : Hans Oldelands sidste Reise til Muscho fra Martü til Juni 1659, beskréven af Andreas Rhode (Tydsk, uden Begyndelse og Ende).

2323 : Beschreibung der Reise auf Sibirien und weiter ins Land 1666 (Grammio adnotante) durch Fr. v. Gabell.

2324 : Anonymi Sendschreiben von dem jetzigen Zustande Moscoviae, dat. Amsterdam 1698.

2325 : Anonymi Beschreibung einer Reise von Moskov nach Kopenhagen nach Czarischem Befehl 1702.

2778 : Mylius's Samlinger til Fredrik. 4-s Historie (om Peter den Stores Besög i Kjöbenhavn).

(въ Tottske Samling).

1669 : Om Tsarens og hans Gemahls Ankomst til Kjöbenhavn 1716.

(въ Ny Kgl. Samling).

553 : Areboes Efterretning om Rysland [2]).

Въ Копенгагенской библіотекѣ найдены мною еще слѣдующія двѣ библіографическія рѣдкости:

1. Русская азбука, напечатанная въ Стокгольмѣ въ четверку, 28 страницъ безъ нумераціи, подъ заглавіемъ: „Alfabeta Rutenorum, Tryckt i Stockholm hos Peter Vanseslaw“. Сначала объяснено произношеніе буквъ; потомъ идутъ слоги, а въ заключеніи помѣщены молитвы и выписки изъ Св. Писанія съ шведскимъ переводомъ. Годъ напечатанія этой

[1]) Вотъ заглавіе этой рукописи: „Датская исторія, сочиненная г. барономъ Лудвигомъ Голбергомъ, а с дацкаго языка на Россійской перѣведена чрезъ Адама Олсуфьева въ Спб. Октября 14 дня 1750 года“. Въ Словарѣ митрополита Евгенія не сказано объ этомъ переводѣ въ числѣ литературныхъ трудовъ Олсуфьева.

[2]) Копіи какъ этихъ рукописей, такъ и означенной ниже (см. стр. 64) были доставлены мнѣ въ 1861 г. и переданы въ Императорскую Публичную Библіотеку. (*Позднѣйш. примѣчаніе Я. К. Грота*).

книжки не означенъ; но вѣроятно ея изданіе относится къ царствованію Густава-Адольфа или Христины, когда шведское правительство не разъ печатало русскія книги, особливо духовныя, съ тайной цѣлью распространенія протестанской религіи въ пограничныхъ русскихъ областяхъ.

2. „Лексиконъ Россійской и Французской, въ которомъ находятся почти всѣ Россійскія слова по порядку Россійскаго алфавита". Напечатанъ въ Спбургѣ 1762 года, въ осьмушку; двѣ части: въ 1-й части 376 стр., во 2-й, начинающейся съ буквы О, продолжается та же нумерація страницъ до 753-й включительно. Сверхъ того, въ концѣ 2-й части 16 страницъ опечатокъ. Весь словарь напечатанъ въ два столбца; въ каждой строкѣ особое русское слово, за которымъ иногда слѣдуютъ примѣры, каждый опять въ особой строкѣ.

Начальникъ библіотеки конференцъ-секретарь Верлауфъ и помощникъ его, совѣтникъ юстиціи Бѣллингъ говорили мнѣ съ большимъ сожалѣніемъ о бѣдности русскаго въ ней отдѣла [1]) и изъявляли желаніе получить для нея хотя нѣкоторыя изъ тѣхъ ученыхъ изданій, которыя напечатаны въ Россіи учрежденными отъ правительства обществами. Упоминаю объ этомъ въ томъ предположеніи, что общества и лица, интересующіяся успѣхами нашей литературы въ другихъ земляхъ, узнавъ о такомъ желаніи, охотно доставятъ въ Копенгагенскую публичную библіотеку изданія, которыми они могутъ располагать.

Въ связи съ поисками моими въ Копенгагенской библіотекѣ долженъ я упомянуть и о посѣщеніи мною Дрезденской королевской библіотеки, гдѣ, какъ мнѣ давно было извѣстно, находится списокъ Буссовой хроники о Дмитріи Самозванцѣ, которая долго приписывалась у насъ пастору Мартину Беру. Объ этой рукописи упоминалъ я еще въ 1849 г. и представилъ изъ нея тогда [2]) нѣсколько отрывковъ по выпискамъ, помѣщеннымъ въ 3-мъ томѣ Русской исторіи Германа. „Окончательное рѣшеніе вопроса (т. е., кто настоящій авторъ хроники), сказалъ я въ заключеніи своей статьи, предоставимъ тому времени, когда ближайшее знакомство съ дрезденскою рукописью доставитъ возможность сравнить ее въ цѣлости съ текстомъ, приписаннымъ Беру". Съ тѣхъ поръ, однакожъ, ничего еще не было сдѣлано для приведенія въ извѣстность упоминаемаго здѣсь списка Буссовой хроники. Вотъ почему, находясь въ Дрезденѣ, я обратился къ директору тамошней королевской библіотеки съ просьбою приказать списать эту рукопись для библіотеки Академіи Наукъ. Г. Клеммъ весьма

[1]) Изъ нашей новой литературы здѣсь находятся только сочиненія Пушкина Гоголя, и то неполныя, да „Библіотека для чтенія" съ 1834 по 1853 г.

[2]) Въ статьѣ: „Дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники", напечатанной Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1849, № 5 (См. „Труды Я. Грота", т. IV).

радушно обѣщалъ мнѣ исполнить эту просьбу и выслать мнѣ свѣренную имъ самимъ копію хроники, какъ скоро она будетъ готова.

IV.

Давно было извѣстно, что въ 18 столѣтіи, особливо во 2-й половинѣ его, многіе русскіе ѣздили учиться въ университеты Кильскій и Лейпцигскій.

Находясь въ Килѣ и Лейпцигѣ, я старался привести въ извѣстность имена такихъ русскихъ. Это казалось мнѣ нужнымъ, какъ средство для дополненія біографическихъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ лицахъ, занимающихъ болѣе или менѣе важное мѣсто въ исторіи русскаго общества 18 вѣка. Киль, какъ главный городъ Голштейнъ-Готторпа, имѣлъ особенное значеніе въ то время, когда эта часть герцогства принадлежала царствующему въ Россіи дому (Петру III, Екатеринѣ II и Павлу I). Университетъ Кильскій праздновалъ свой 100-лѣтній юбилей въ 1765 г., когда Екатерина II правила Голштиніей за несовершеннолѣтняго сына своего великаго князя Павла. Нынѣшнее университетское зданіе построено ею именно по случаю этого торжества. О 10-тилѣтнемъ управленіи императрицы Голштиніею есть особая брошюра, написанная Кильскимъ профессоромъ Гане (Hane) въ 70-хъ годахъ. На просьбу мою сообщить мнѣ для просмотра альбомъ университета за все время его существованія, нынѣшній ректоръ его, пр. Карстенъ, отозвался, что большая часть книгъ альбома находится у доктора Фольбера, который недавно помѣстилъ въ Кильскомъ ученомъ журналѣ статью о числѣ студентовъ тамошняго университета [1]).

Я обратился къ г. Фольберу: продолжая еще въ то время свои занятія по исторіи Кильскаго университета, онъ обязательно вызвался выписать изъ альбома имена всѣхъ студентовъ, пріѣзжавшихъ въ этотъ университетъ изъ Россіи. Впослѣдствіи онъ доставилъ мнѣ составленный имъ такимъ образомъ списокъ. Изъ этого списка видно, что до 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія русскіе вовсе не посѣщали Кильскаго университета; изъ предѣловъ нынѣшней Россіи отправлялись туда только уроженцы Остзейскихъ провинцій, принадлежавшихъ частью Польшѣ, частью Швеціи. Съ 1745 года начинаютъ являться между Кильскими студентами русскія фамиліи, и именно [2]):

[1]) Mittheilungen über die Frequenz der Universität Kiel, von Dr. Friedrich Behr въ „Jahrbücher für die Landeskunde". Томъ I, книж. 3 и т. III, кн. 2.

[2]) Списки, составленные г. Фольберомъ въ Килѣ и мною въ Лейпцигѣ, помѣщаются не цѣликомъ въ видѣ приложеній къ этой статьѣ; здѣсь же заимствуются изъ нихъ только русскія имена.

1745. Иванъ Политика.
— Василій Ханенко.
1752. Дмитрій Борисовъ.
1754. Матвѣй Жураковскій.
1758. Яковъ Подвысоцкій.
1759. Ефимъ Гарновичъ.
1760. Максимъ Барановичъ.
1766. Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ [1]).
— Григорій Гулямицкій.
— Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ.
— Даніилъ Александровъ.
1767. Петръ Волконскій.
1770. Ѳедоръ Григорьевичъ Турнтаевскій.
1770. Максимъ Дунинъ-Барковскій.
1771. Петръ Чижовъ.
1773. Иванъ Озеровъ.
— Александръ Мошковъ.
— Павелъ Дмитревскій.
1774. Григорій Темченко.
— Михаилъ Потаповъ.
1781. Иванъ Сербиновичъ.
1789. Никита Майборода.
1801. Сергѣй Кошелевъ.

Во время двухдневнаго моего пребыванія въ Лейпцигѣ я просмотрѣлъ альбомъ тамошняго университета почти за все 18-е столѣтіе и особенно за время отъ 50-хъ до 80-хъ годовъ, какъ періодъ, въ который русскіе чаще, нежели прежде или послѣ, посѣщали этотъ университетъ. Еще гораздо ранѣе Лейпцигскій университетъ пользовался великою славой въ сѣверной Европѣ, такъ что, напримѣръ, изъ Швеціи и Финляндіи пріѣзжало туда большое число слушателей, и многія лица, прославившіяся въ исторіи этихъ странъ, получили здѣсь свое образованіе.

Студенты Лейпцигскаго Университета раздѣлялись въ старину на 4 націи: на саксонцевъ, мейсенцевъ, баварцевъ и поляковъ (Poloni). Русскіе постоянно записываемы были въ послѣднюю. Между именами студентовъ 1-й половины 18-го вѣка встрѣчаются въ 1713 году: Петръ Постниковъ и князья: Сергѣй и Владиміръ Долгорукіе. Съ 1751 г. записаны въ университетскій альбомъ слѣдующіе русскіе:

---

[1]) Въ Словарѣ Бантыша-Каменскаго нѣтъ извѣстія, что кн. Куракинъ учился Килѣ, а сказано только, что въ 1790 г. онъ отправился въ Лейденскій университ

1751. Семенъ Котельниковъ.
1752. Иванъ Козицкій.
— Петръ Бѣлющенко.
— Михаилъ Бѣлющенко.
1753. Арсеній Безбородко.
— Иванъ Клечановъ.
1763. Гр. Владиміръ Орловъ.
1765. Петръ Ивановичъ Богословскій (?)
1767. Кн. Александръ Несвицкій.
— Кн. Василій Трубецкой.
— Ѳедоръ Ушаковъ.
— Михаилъ Ушаковъ.
— Николай Зиновьевъ.
— Алексѣй Кутузовъ.
— Чилищевъ.
— Андрей Рубановскій.
— Александръ Радищевъ [1]).
— Сергѣй Яновъ.
— Иванъ Насакинъ.
1769. Сергѣй Олсуфьевъ.
— Козадавлевъ.
— Николай Петровичъ Хлоповъ.
— Алексѣй Григорьевичъ Тепловъ.
1771. Гр. Николай Матюшкинъ.
— Василій Мельгуновъ.
— Николай Волковъ,
— Гр. Александръ Владиміровичъ Орловъ.
1772. Сергѣй Подобѣдовъ.
— Аѳанасій Каверзневъ.
— Иванъ Бродовскій.
1774. Алексѣй Щурлинъ (?)
— Андрей Баташевъ.
— Петръ Гнѣдичъ Паскевичъ.
1777. Ѳедоръ Паскевичъ.
1778. Ѳедоръ Петровичъ Моисеенковъ.

[1]) Радищевъ въ своемъ сочиненіи „Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова“ сообщаетъ нѣкоторыя подробности пребыванія молодыхъ людей въ Лейпцигѣ. Изъ его разсказа видно, что они были отправлены правительствомъ для изученія правъ, но, по его словамъ, опредѣлено было послать въ Лейпцигскій университетъ 12 человѣкъ, а не это число, которое записано въ альбомѣ. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ въ сочиненіи Радищева означены начальными буквами, которыя теперь, съ помощію предлагаемой описки, легко дополнить. См. Соч. А. Н. Радищева (М. ч. V, 1811 г.), и въ Соврем. 56 г. № 8, Библіограф. Записки М. Н. Лонгинова (XXVI).

*

1789. Яковъ Паскевичъ.
1781. Григорій Галаганъ.
— Гр. Петръ Шуваловъ.
1782. Никита Новосильцевъ.
1791. Кн. Василій Трубецкой.
— Павелъ Мезенцовъ.
1795. Иванъ Чагинъ [1]).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЗАМѢТКАМЪ.

I. Verzeichniss der aus den Kaiserlich Russischen Staaten stammenden Studirenden auf der Kieler Universität.

Auszug aus dem Album academicum [2]).

1.	1665. Nov.	Ernestus Tyman Curonus.	(relegatus est ad unum *annum.*).
2.	1666. Octob.	Johannes Adolphus Hallenhagen.	Goldinga-Curonus.
3.	1667. Juni.	Caspar Henricus Cunitius.	Revalia-Livonus.
4.	„ Sept.	Fridericus Bitiskius.	Masovienso-Polon.
5.	„ Dec.	Johannes Wilcken.	Revalia-Livonus.
6.	1668. Aug.	Valentius a Cracovia Patre	Bieleczki.
7.	1672. Sept.	Fridericus Statius à Dahlen.	Semmegallus.
8.	„ „	Mauritius Rennenkampff.	Piga-Livonus.
9.	1673. Mai.	Theodorus Friderici.	Riga-Livonus.
10.	„ „	Daniel Ferfeldt.	Curlandus.
11.	„ „	Johannes Richmannus.	Riga-Livonus.
12.	„ „	Heinricus Brabender.	Curlandus.
13.	1674. Jan.	Johannes Gantkowski	Russus-Leopoliensis
14.	„ „	Stanislaus Johannes Mulczowski.	ex Palatinatu Melmensis in minore Polonia nobilis.
15.	„ Juni.	Bruno Hauenfeldt.	Riga-Livonus.
16.	„ Juli.	Joachim Saever.	Riga-Livonus.
17.	„ Aug.	Guilhelmus Cleyhils.	Riga-Livonus.
18.	„ Sept.	Georgius Kühnradt.	Curonus.
19.	1675. Jan.	Jean de Mullern.	Gentilhomme Livonien.
20.	1676. Sept.	Jacobus Johannes Müllerus.	Livonus.
21.	1677. Juli.	Johannes Reinholdus a Pattkull.	Livonus.
22.	„ „	Christoph Zeigener.	Riga-Livonus.
23.	„ Aug.	Bernard Wilhelm à Geldern.	Revaliensis.

[1]) Систематически Лейпцигскій университетскій альбомъ просмотрѣнъ мною отъ 1750 до 1783 года; за предыдущее и послѣдующее время выписки мои могутъ быть неполны.

[2]) Г. Фольберъ помѣстилъ въ этомъ спискѣ имена всѣхъ лицъ, пріѣзжавшихъ въ Кильскій университетъ изъ областей, нынѣ составляющихъ Русскую Имперію. Въ этомъ видѣ списокъ помѣщается и здѣсь. Нѣкоторыя имена въ университетскомъ альбомѣ записаны такъ неразборчиво, что и здѣсь являются, можетъ быть, не совсѣмъ исправно. Они могутъ быть повѣрены тѣми, которые будутъ ими интересоваться.

24.	1677.	Nov.	Otto Arnold von Paykül.	Livonus.
25.	1678.	„	Bartholomaeus Badendick.	Bausco-Curland.
26.	1679.	Apr.	Casparus Wirdig.	Livonus.
27.	1680.	März.	Johannes Cantius Kuejankowicz.	Russo-Polonus.
28.	„	Nov.	Gebhard Salemann.	Revalia-Livonus.
29.	„	Dec.	Magnus de Moliw.	Revalia-Livonus.
30.	1681.	Aug.	Johannes Ruhendorff.	Trikaten-Livonus.
31.	„	„	Petrus Koch.	Revalia-Livonus.
32.	„	„	Petrus Kniper.	Reval: Livonus.
33.	„	„	Adrianus Virginius.	Dorpat. Livon.
34.	„	„	Richardus Ludovici.	Riga Livonus.
35.	„	„	Hinricus Haltermann..	Riga Livonus.
36.	„	„	Johann Hornung.	Liv.
37.	„	„	Andreas Hornung.	Rev. Livonus.
38.	„	„	Isaacus Hutinus.	Rev. Livonus.
39.	1682.	Mai.	David Ükermann.	Riga Livonus.
40.	„	Sept.	Salomon Morkenhagen.	Narva-Livonus.
41.	„	„	Antonius Güldenstädt.	Riga-Livonus.
42.	„	„	Liborius Depkin.	Riga-Livonus.
43.	„	Oct.	Simon de Lühr.	Reval-Livonus.
44.	„	Nov.	Augustinus Bartholini Dons.	Wiburgensis.
45.	1684.	„	Melchior Martens.	Livonus.
46.	1685.	Apr.	Gerhardus a Meisenheim.	Rev: Livonus.
47.	1687.	Mai.	Arrhias Henricus Nicolai.	Hapsaliâ-Livonus.
48.	„	Sept.	M. Constans à Geldern.	Rev. Liv.
49.	„	Oct.	Christophorus Seyfard.	Riga-Livonus.
50.	1690.	Sept.	Heinricus Götzsch.	Wendensis Livonus.
51.	1691.	Aug.	Johannes Depkin.	Riga-Livonus.
52.	„	„	Georg Diedrich Grott.	Livonus.
53.	„	„	Andres Forsell.	Livonus.
54.	„	Sept.	Johannes Henricus Kohlmeyer.	Estho-Harringius.
55.	1692.	Mai	Christianus Clajus.	Dorpato-Livonus.
56.	„	Sept.	Adrianus Preussmann.	Rigâ-Livonus.
57.	„	„	Johannes Christophorus Prienn.	Goldingâ-Curlandus.
58.	„	„	Georgius Adolphus Prienn.	Goldungâ-Curlandus.
59.	„	„	Diedericus Krüger.	Revalia-Livonus.
60.	„	„	Henricus Brüningk.	Narva-Livonus.
61.	1693.	Dec.	Michael Andreas Hoffmannus.	Curonus.
62.	1694.	Juli.	M. Gabriel Berger.	Riga-Livonus.
63.	1695.	Juni.	Gotthard Christian Hartmann.	Ervalâ Curlandus.
64.	„	Juli.	Theodorus Johannes Huneke.	Pitino-Curlandus.
65.	„	„	Jacobus Schüttler.	Windavia Curl.
6.	1696.	Juni	Johann Luther Windhorst.	Mitoâ Semgallus.
7.	„	Dec.	Martinus Hintz.	Narva-Livonus.
8.	1697.	Juli.	Ericus Bartholdus Gummert.	Dorpat. Livonus.
9.	„	„	Christer John.	Riga-Livonus.
0.	„	Aug.	Johannes Crügerus.	Dorpato-Livonus.
1.	1698.	Apr.	Petr. Anthon: Udam.	Revaliensis S: S: Theol: stud:

72.	1698.	Juli.	Gotthard Friedrich Trübensee.	Semgallia-Curlandus.
73.	„	„	Christianus Trübensee.	Semgallia-Curlandus.
74.	„	Sept.	Johannes Eberhardus Udam.	Revaliâ Livonus.
75.	„	Nov.	Adamus Pohlmann.	Riga Livonus.
76.	1699.	Mai.	Johannes Deutenius.	Livonus.
77.	„	Juni.	Otto Johann Grotthuss.	Nobilis Curonensis.
78.	„	Oct.	Matthias Lemcken.	Dorpat. Livonus.
79.	„	Nov.	Nicolaus Beckburg.	Livonus.
80.	1700.	Sept.	Franciscus Johannes Singelmann.	Dorpatensis Livonia.
81.	„	„	Christianus Singelmann.	Dorpatensis. Livonia. **Junior.**
82.	„	„	Johannes Bachmann.	Wolmariâ-Livonus.
83.	„	Dec.	Paulus Witte.	Riga-Livonus,
84.	1701.	Juni.	Johannes Christianus Kenckel.	Riga-Livonus.
85.	„	Juli.	Claudius Gustavus Nothhelffer.	Livonus.
86.	„	Aug.	Michael Henricus Volck.	è Segwolda Livon.
87.	„	Sept.	Bartholomaeus Cuhl.	Rev. Livonus.
88.	„	„	Henricus Gutzlaff.	Rev. Livonus.
89.	„	„	Henricus Dahl.	Reval-Esthonus.
90.	„	„	Willhelmus Christophorus Schmid.	Windaw. Curlandus.
91.	„	Juli.	Johannes Jacobus Schmidt.	Windaw. Curlandus.
92.	„	„	Henricus Adolphi.	Mitoa Curonus.
93.	„	Nov.	Johann Middendorff.	Revaliensis,
94.	1702.	Juli.	Andreas Erichsohn.	Revaliensis.
95.	„	„	Friedrich Hoffmeister.	Livonus.
96.	„	„	Michael Pollenske.	Revaliensis.
97.	„	„	Joachimus Spieker.	Aboensis.
98.	„	Oct.	Johannes Olrau.	Livon.
99.	„	Dec.	Stephanus de Derenthal.	Pernavia-Livonus.
100.	„	„	Georgius Schmaltzen.	Estho-Revaliensis.
101.	1703.	Juli.	Hermann Johann Heitzig.	Reval-Livonus.
102.	„	„	Johann Hermann Hagen.	Revaliensis.
103.	„	„	Heinrich Stuelmacher.	Revaliensis.
104.	1704.	„	Nicolaus Hasseberch.	Revaliensis.
105.	„	„	Johannes Dahl.	Revaliensis.
106.	„	Aug.	Nicolaus Holm.	Revaliensis.
107.	1705.	Mai.	Eberhardus Reimers.	Revalia-Livonns.
108.	„	Sept.	Christian Anthon. Ketler.	Revaliensis.
109.	„	„	Anthon thor Hèlle.	Revaliensis.
110.	1706.	Jan.	Ericus Notmann.	Sueco-Livonus.
111.	„	Oct.	Theodorus Winckler.	Revalia-Livoni.
112.	„	„	Reinhold Winckler.	
113.	1708.	Juni.	Samuel Stricker.	Revaliensis.
114.	1709.	„	Heinricus Christophorus Wrede.	Estho-Revaliensis.
115.	„	„	Bernhard Cappell.	Libavia Curonus.
116.	„	Juli.	Joachim Ernst Cappell.	Libavia Curlandus.
117.	„	Sep.	Gustav Wilhelm Tabor.	Dorpatensis.
118.	1710.	Juli.	Petrus Schwabe.	Revaliâ-Livonus.
119.	„	Aug.	Christianus Plützner.	Esto.

120.	1710.	Aug.	Casparus Michael Frantz.	Livonus Salisburgensis.	
121.	„	„	Jacobus Kirchner.	Livonus Rigensis.	
122.	„	„	Johannes Philipp Frantz.	Livonus Salisburgensis.	
123.	„	„	Johannes Fridericus Vossbeck.	Livonus.	
124.	„	Dec.	Axel Caspar Reimers.	Aestho-Livonus.	
125.	„	„	Johann Peter Simonius.	Palaeo: Wenda: Livonus.	
126.	1711.	Sept.	Johann Schröder.	Riga. Livonus.	
127.	1713.	Oct.	Gustavus Reinholdus Kohlius.	Livonus Arensburgensis.	
128.	1716.	Sept.	Johann Ucke.	Livono-Pernaviensis.	
129.	1720.	Nov.	Frantz Reinecken.	Riga-Livonus.	
130.	1724.	Mai.	Georgius Ernestus Hornius.	Leoburgo-Russus.	
131.	1726.	Juni.	Fridericus Wilhelmus de Biselstein.	Semigallus.	
132.	1728.	Dec.	Joachimus Johannes de Thieren.	Nob. Esthonus.	
133.	1729.	Oct.	Johann Andreas Frese.	Revalensis	
134.	1734.	Juni.	Adrian Heinrich Frese.	Esto-Revalensis.	
135.	„	Oct.	Christiernus Alenius	Finlandus Viburgensis	(gratis).
136.	1737.	Dec.	Peter Buchner.	Curonus.	
137.	1741.	Juli.	C. F. v. Staal.	Eques Livonus.	
138	1742.	„	Carolus Alexander a Gadomovo-Gadomski.	Nobilis Polonus veritatis confessor	(gratis).
139.	„	Sept.	Heinricus Christianus Hojer.	Mitoa-Curlandus	(gratis).
140.	„	„	Samuel Alopaeus.	Petropolitanus.	
141.	„	„	Jacob Alopaeus.	Petropolitanus.	
142.	1743.	Dec.	Carl. Friedrich Richardi.	Petropolitanus.	
143.	„	„	Laurent Rothovius.	Petropolitanus.	
144.	1744.	Mai.	Carl. Friedrich Dannenberg.	Petropolitanus.	(gratis).
145.	„	Sept.	Petrus Hoppius.	Petropolitanus.	
146.	„	Oct.	Carl Friedrich Negelein.	Petropolitanus.	
147.	„	„	Christoph Forsmann	Rigensis.	(gratis).
148.	1745.	Febr.	Carolus Gustavus Melartopoeus.	Wiburgensis.	
149.	„	Oct.	Basilio de Chanenco.	Nobilis Rossiacus.	
150.	„	„	Johannes Gregorius. Politica.	Nobilis Rossiacus.	
151.	1746.	Mai.	Christian Reinhold Winckler.	Revalia-Livonus.	
152.	1747.	Nov.	Jac. Limonius.	Careliensis.	(gratis).
153.	„	Juli.	Jos. Henr. Krogius.	Wiburg.	
154.	„	Aug.	Stanislaus Chrisanófski.	Med. Studios.	(gratis).
155.	„	Dec.	Godofredus Seel.	Windava Curonus	(gratis).
156.	1749.	Aug.	Johann Adolph de Rosenthal.	Eques Livoniae.	
157.	„	Oct.	Carl Gustav Couper.	Wiburgensis.	
158.	„	„	Carl Jaenisch.	Wiburgensis.	
159.	1750.	Aug.	Heinrich Cramer.	Revaliensis.	
160.	1751.	Juni.	Israele Ztrecus (unleserlich).	Petropolitanus	(dimidium).
1.	„	Aug.	Godofredus Ludolphus Appelgreen.	Petropolitanus.	
2.	„	„	Fridericus Wilhelmus Appelgreen.	Petropolitanus.	
3.	„	Sept.	Gustav Johan Elephant.	Wiburgensis.	
4.	1752.	Apr.	Demetry Borisow.	Mohiliowiensis.	

165. 1752. Apr.	Carolus Adamus Mueck.	Livonus.	
166. 1753. Juli.	Fridericus Wilhelmus a Kruse.	Livonus.	
167. „ „	Otto Cristianus von Stackelberg.	Livon.	
168. 1754. Feb.	Mathias Schurakowsky.	Cosacus.	(semigratis).
169. 1756. Oct.	Ananias Gabriel Pell.	Moscow-Russus	(gratis).
170. 1757. Sept.	Franciscus Bernhardus Franck.	Riga-Livonus.	
171. 1758. Apr.	Jacobus Podwisotzki.	Ucrania-Ruthenus.	
172. „ Sept.	Carolus Johannes Ursinus.	Wiburgensis.	
173. 1759. Mai.	Joachimus Harnowitz.	Ucrania-Ruthenus.	
174. „ Juli.	Jacobus Johannes Pflug.	Dorpato-Livonus.	
175. „ „	Otto Hermann ab Howen.	Curlandus.	
176. „ Oct.	Caspar Friedrich Hayn.	Livonus.	
177. 1760. März.	Maximus Baranowitz.	Ucraniensis.	
178. „ Oct.	Johannes Eberhard Pell.	Moscow Russus.	(gratis).
179. „ Nov.	Johann Friedrich Schulin.	Livonus.	(gratis).
180. „ „	Burchard Levin de Korff.	Curlandus.	
181. 1762. Aug.	Gottlob a Sievers.	Eques Livonus.	
182. „ „	Eberhardus Carolus a Sivers.	Eques Livonus.	

(Bemerkung: Söhne eines aus Livland stammenden Edelmannes waren die im Jahre 1778 inscribirten *Petrus* de Sievers, Holsatus, und Carolus Fridericus de Sievers, Holsatus. Ersterer ward Amtmann zu Neumünster in Holstein † 1839, uud hinterliess 2 Söhne, von denen noch lebt R. v. Sievers, Kirchspielvogt zu Kaltenkirchen in Holstein).

183. 1763. April.	Johannes Sehdens.	Rigensis.	
184. „ „	Johannes Gustavus Ditmar.	Livonus.	(gratis).
185. 1765. Aug.	Ernestus Fabianus Nordströhm.	Russus.	
186. 1766. Juli.	Princeps Alexander Borisowitz Kurakin.	Russus.	
187. „ „	Alexius Grigorievitz de Teploff.	Russus.	
188. „ „	Daniel Alexandroff.	Russus.	(gratis).
189. „ Dec.	Gregorus Hulamicky.	Ukraino-Ruthenus.	
190. 1767. Oct.	Samuel Stamp.	Petropolitanus.	
191. 1768. Apr.	Petrus Wolchonsky.	ex Ukraina Russus.	
192. „ Juni.	Petrus de Sixtel.	Petropolitanus	(gratis)
193. „ Juli.	Johann David Chalenius.	Livonus.	
194. „ „	Carl Jacob Chalenius.	Livonus.	
195. „ Oct.	Petrus Bastian.	Petropolitanus.	
196. „ Nov.	Nathanael Holst.	Riga-Livonus. Stud. juris.	
197. 1769. Juli.	Gustav Friedrich Deutsch.	Russia-Wiburgensis. Stud. theol.	
198. „ Oct.	Georgius Jacobus Rosenberg.	Neunburgo curonus. Theol stud.	(grat receptus).
199. 1770. Apr.	Teodorus Grigorowitz Turontaewskoy.	Wologda-Russus.	

200.	1770. Juli.	Maximus Dunin Borkowski.	Ukrainia-Russus.	
201.	„ „	Carolus Markloffsky.	Estonia-Livonus.	
202.	1771. März.	Wilhelm Christian Lorentz. Lange.	Petropolitanus.	(gratis).
203.	„ Apr.	Petrus Csisszow.	Russus.	(gratis).
204.	1772. „	Carolus Gustavus Nordstern.	Livonus.	
205.	„ Juni.	Friedericus Guilielmus Leuckfeld.	Riga-Livonus. Stud. Theol.	
206.	1773. Apr.	Johannes Daniel Oserow.	Ruthenus.	
207.	„ „	Alexander Paulus Machkow.	Moscoviensis.	
208.	„ „	Paulus Johannes Dmitrevski.	Jaroslaviensis.	
209.	1774. Oct.	Gregorius Temtschenko.	Russus. Medicinae studiosus.	
210.	„ „	Michael Potapow.	Russus. Medicinae studiosus.	
211.	1775. Apr.	Fridricus Samuel Luchs.	Esto-Livonus. Theologiae Studiosus. (obiit d. 14. Jan. 1776).	
212.	„ „	Christophorus Fridericus Fuhrmann.	Estho-Livonus. Theologiae studiosus.	
213.	„ Oct.	Arend Gottlieb Elster.	ex Esthonia natus. Studiosus theologiae.	
214.	1776. März.	Georgius Nicolaus Lindelöf.	(ohne Heimatsangabe). Elegantium literarum stud.	
215.	„ Mai.	Carolus Roos.	Curonus. Studiosus Matheseos.	
216.	„ Juni.	Johannes Friedericus Schultz.	Esthonius. Studiosus theologiae	
217.	1777. März.	Wilhelmus Henricus Kerstens.	Moscovia-Russus, naturalisatione Patris Holsatus. Elegant. lit. stud. (siehe d. Bemerk. zu d. Folgenden).	
218.	1777. März.	Johannes Christianus Kerstens.	Moscovia Russus naturalisat. Indigena Holsatus. Elegant. lit. stud.	
		(Bemerkung:) Joh. Chr. Kerstens starb als Arzt zu Kiel. Er war, so wie der vorige, ein Sohn des ord. Professors der Medicin Johann Christian Kerstens. Dr. ph. und med., der von 1757 bis 1770 Professor der praktischen Medicin und Chemie und Arzt des Krankenhauses der Universität zu Moskau war und 1801. als D. und Prof. ord. d. Medicin in Kiel starb).		
219.	„ Oct.	Henricus Joan. Paucker.	Revalia Livonus. Theologiae Cultor.	
220.	1778. Mai.	Justus Johann Riesenkampff.	Livonus.	
221.	„ „	Carolus Augustus Roth.	Livonus. Stud. jur.	
222.	„ Juli.	Johannes Gotthardus Kleinenberg.	Curonus. Theol. stud.	
[illegible]	„ „	Guilielmus Rottgerus Pfeil.	Curonus. Theol stud.	
[illegible]	„ „	Adolphus Guilielmus Oom.	Esth. Stud. juris.	
[illegible]	„ „	Johannes Theophilus Kettlerus.	Livo: Estonus. Theologiae studio.	
[illegible]	„ „	Gustavus Reinhard Wagner.	Esth. Theol. Stud.	
[illegible]	„ „	Christian Gottlob Baranius.	Esth. Theol. Stud.	

228. 1778. Juli. Augustus Leopoldus Wagner. Esthonus. Theol. Stud.
229. „ Sept. Magnus Heinrich Prawe. Esthonus. Juris Studi.
230. 1779. Apr. Nathanael Bahrt. Livonus. Stud. theol.
231. „ Juli. Joannes Ernestus Strobell. Livonus. Theol. studiosus.
232. „ Oct. Gotthardus Hermannus Josephi. Riga Livonus. Stud. theol. Regiomont: jam inscript.
233. „ Nov. Johann Paul Stückel. Aus Liefland. Stud. theol. (gratis ob paupertatem).
234. 1781. Mai. Fridericus Wallmoden. (Weitre Angaben fehlen).
235. „ Oct. Johan Serbinowitsh. Russus.
236. 1783. Aug. Christoph Gottfried Ploth. Pernavia-Livonus. Juris studiosus.
237. „ „ Daniel Christoph Dalldorff. Petersburgensis. Medicinae studiosus.
238. 1785. Sept. Jac. Fridr. Rostkovis. Curonus. Theol. stud.
239. „ Oct. Godfried Reinhold Geyser. Reval. Estho. (gratis)

G. R. Geyser, geb. 28. Oct. 1777. zu Reval, gest. im 19. Jahr zu Kiel, war ein Sohn von Sam. Godf. Geyser. der von 1770—1777. Prof. d. Theol. in Reval war, 1808 als dän. Kirchenrath und erster Professor d. Theol. zu Kiel starb.—G. R. Geyser ward unter dem Prorectorat des Vaters bereits in seinem 8. Jahre inscribirt. nach einer bei Verwandten von Professoren mehrfach vorgekommenen Sitte. Mit Prof. Geysers Uebersiedelung von Reval nach Kiel hängt vielleicht die ungewöhnlich grösse Zahl zusammen, die das Jahr 1778 oben aufweist

240. „ „ Carolus Gustavus Schultz. Revalia in Livonia. Stud. theol (gratis ob paupertatem).
241. 1788. Sept. Carolus Johannes Witte. Livonus. S. S. Theol. studiosus.
242. 1789. Dec. Nicetas Jacobus Mayboroda. Rossus.

ob turpes mores hujus nomen deletum est d. XXXI. Mai. CIↃIↃCCLXXXX.

243. 1791. Mai. Johannes Christianus Georgius Kuhlmann. Holsatus. Collegior. Imperii Ruthenici Assessor et divisionis exercitus Ruthenici Photochirurgus. Med. Doctorandus.
244. 1793. Nov. Johannes Carblom. Estho. Stud. theol. (Jenae jam inscriptus).
245. 1794. Apr. Georg Friedrich Sahlfeldt. Livon. Jur. stud. (Jenae inscriptus).
246. 1794. Oct. Joannes Eduard Pohrt. Riga-Livonus. Stud. Theol. (jam Jenae inscript.).
247. 1795. Oct. August Baron von Borck. Aus Mogilew in Russland.
248. 1797. Sept. Joannes Eiffler. Riga-Livonus. Studiosus jur.
249. 1799. Juli. Johannes Petrus Amandus Waghufrad. Natus ex Mingrelia. Medicinae studiosus ex universitate Caesarea Mosquensi.
250. 1801. Sept. Serge de Kascheloff. de Petersbourg. Juris studio
251. 1804. Apr. Jacob Friedrich Schmid. aus Narva. Theologiae Matheseos cultor.
252. 1813. Mai. Gotthard Wilhelm Staffort. aus Libau in Curland Stud. j

253. 1814. Oct. Lodovicus Augustus Struve. Altonanus. Medic. stud (jam Dorpati inscript.).

254. 1836. Nov. Georg Christian Adalbert von Löwenstern. aus Reval. 20 Jahr alt. Jurisprudenz. (Sohn von Georg Heinrich von Löwenstern, königl. dänischem ausserordentlichem Gesandten und bevollmächtigten Minister am k. k. œsterr. Hofe in Wien († 1856 in Kiel). (G. C. A. v. Löwenstern ist jetzt Landmann im Herzogthum Schleswig).

255. 1842. „ Carl Benjamin Stavenhagen. aus Strandhof in Curland. 21 Jahr. stud. med. jam. insc. Dorpat. Vater. Benjamin Stavenhagen Milizofficier aus Goldingen. || (Erblieb. 1. Semester).

256. 1846. Juni. Conrad Georg Moritz von Grünewaldt. aus Esthland. 21. Jahr. Schule: Reval. juri-stud. jam inscriptus Dorpati. Vater: Civil-gouverneur Joh. v. Grünewaldt. || (Er war im Winter 1846—47. nicht mehr anwesend).

257. 1847. März. Georg Alexander Francke. aus Dorpat 18. Jahr. Schule Kiel. Stud. juris.

(G. A. Francke ist jetzt Advokat in Kiel. Er ist ein Enkel des 1839 als Kirchenrath und ord. Prof. der Theol. in Kiel verstorbenen Georg Sam. Francke, und Sohn von Joh. Valentin Francke, der 1792 zu Husum geboren ward und als kaiserl. Collegienrath und Prof. d. Philologie etc. zu Dorpat starb).

258. 1848. Apr. Israil Scheiriff. aus Spolle im Gouvernement Kiew. 38 Jahr. Stud. med: || (Er blieb 4 Semester auf der hiesigen Universität).

II. Выписка изъ Matricula Academiæ Lipsiensis.

1751. *Rectore Dr. Joh. Henr. Wincklero, P. P.*

Num.	Natio.	Inscriptionis dies.	Nomina Inscriptorum.	Patria.	Locus et tempus depositionis.
218.	P.	23. Sept.	Kotelnikoff, Simeon.	Petropolis.	Lipsiae.

1752. *R. Joh. Friderico Christio, P. P.*

158.	P.	5. Sept.	Kositzki. Johannes.	Kioviensis Russus.	„
192.	„	14. Oct.	Biluschenko, Petrus.	Poltava.	„
193.	„	14. „	„ Michail.	„	„

1753. *R. Dr. Antonio Guilielmo Plazio, P. P.*

	P.	25. Jun.	Besborodkoff, Arseneus, Conversus.	Perieslawa Russus.	„
3.	„	7. Sept.	Kleczanow, Johannes.	Kiov. Russ.	„

1754. *R. Dr. Joh. Gottlieb Sigelio, P. P.*

39.	P.	31. Dec.	Demiani Christianus Traugott.	Musskov.	Viteb.

1756. *R. Chris. Aug. Crusio, P. P.*

224.	P.	2. Oct.	Trefurt, Jo. Carol. Laurentius.	Petropolit.	Lipsiae.

1763. *R. Joh. Henrico Winscklero.*

228.	P.	9. Julii.	Comes ab Orlow, Vlodomir.	ex Russia.	„

1765. *R. Ant. Guil. Plazio.*

268.	P.	24. Aug.	Ivanovitz, Petrus. Bojaslovskoj.	Russ.	„
274.	„	4. Sept.	Mürke, Andreas.	Moscuensis Russus.	

1767. *Rect. Joh. Frid. Bahrdtio.*

93.	P.	26. Febr.	Celsiss. Princeps Alexander Neswitzkoj.	Moscov.	
			D°. D°. Basilius Trobetskoy.	D°.	
			d'Ouschakoff, Theodor.	Equ. Novogard.	
			D°. „ Michail.	D°.	
			de Zinofieff, Nicolaus.	D°.	
			de Coutousoff, Alexis.	Equ. Moskov.	
			de Tschilischtscheff.	Equ. Smolenscens.	
			de Rubanofsky, Andreas.	„ Petropol.	
			de Radischteff, Alexand.	„ Moscov.	
			de Janoff, Sergius.	„ Calugiens.	
			de Nasaquin, Joannes.	„ Casanens.	

1769. *R. Christ. Gottlieb Ludwig.*

96.	P.	21. Apr.	ab Olsoufieff, Sergius.	Petropolit.	
97.	„	21. „	a Kazadawleff.	Moscoviensis.	

R. Anton. Guil. Plazio.

198.	P.	11. Sept.	a Chlopoff, Nicola Petrowicz.	Petropolit.	Lipsiae.

R. Joh. Aug. Ernesti a die Galli *) 1769.

13.	P.	25. Oct.	Teploff, Alexius Greegorievitz.	Petropolit.	Kilov

*) 16 Oct.

Num.	Natio.	Inscriptionis dies.	Nomina Inscriptorum.	Patria.	Locus et tempus depositionis.
			1771. *R. Ant. Guil. Plazio.*		
207.	P.	8. Aug.	de Matuschkine Nicolas, Comes.	Petropolit.	Lipsiae.
208.	P.	8. „	de Melgounow Basilius.	„	„
209.	„	8. „	Wolkoff, Nicolas.	„	„
286.	„	12. Sept.	Comds ab Orloff, Alexander Wlodomirowitz.	„	„
			R. Joh. Cottlieb Segero, P. P.		
24.	P.	22. Oct.	Ungebauer, Andreas.	„	„
25.	„		D°. Johann.	„	„
67.	P. 1772.	8. Mart.	Podobedoff, Sergius.	Moscovia. Russus.	
			R. Joh. Gottlob Boehmio.		
168.	P.	9. Oct.	Kawersniew, Athanasiis.	Smolensk. Russus.	
169.	„	9. „	Brodowskoy, Johannes.	D°.	„
			R. Georgio Henric. Borzio.		
47.	P.	11. Nov.	Lups, Hermannus Johannes.	Moscovia Russus.	
			1774. *R. Ernesto Gottlob Bosio.*		
110.	P.	22. Apr.	Schurlino, Alexius.	Moscuensis Russus.	Lipsiae.
111.	„	22. „	Botascheff, Andreas.	Tulaensis Russus.	
			R. Aug. Guil. Ernesti.		
195.	S.	16. ?	Paskewitsch, Petrus Gniditsch.	Pultawiensis.	„
			1777. *R. Henr. Gottlieb Frankio.*		
72.	P.	8. Mai.	de Paskewitsch, Fedor.	Pultawa Russus.	
			1778. *R. Joh. Christ. Pohlio.*		
48.	P.	19. Nov.	de Moiseiencow, Feodor Petroff.	Petropolitan.	Liv.
			1779. *R. Aut. Guil. Plasio.*		
1).	P.	20. Mai.	Pasckewitsch, Jacobus.	Pultauens. Misn.	Lipsiae.
			1781. *R. Christ. Aug. Clodio.*		
	P.	25. Apr.	Comes a Sievers, Carolus.	Petropolit.	Lugdu. Batav.

34.	P.	9. Mai.	Eckardtus, Joh. Godofred.	Petropolit.	
210.	„	21. Aug.	de Galagan, Gregorius.	Ucrano Russus.	
220.	„	21. Sept.	Comes a Schuwalow, Petrus.	Petropolit. Russus.	

1782. *R. Aug. Guil. Ernesti.*

98.	P.	25. Jun.	Novosilceff, Nicetas.	Moscovi-ensis.	Kyov.

1783. *R. Joh. Frider. Burschero.*

30.	P.	8. Apr.	Ploss, Guil. Godofr.	Petropolit. (до конца 1783 г.).	Viteb.

ИЗЪ ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА ВЕДЕННАГО ЗА ГРАНИЦЕЙ [1]).

1861.

Въ Копенгагенѣ нашелъ я много расположенія къ русскимъ, къ языку ихъ и литературѣ. Въ университетѣ недавно славянскіе языки введены въ число предметовъ преподаванія, и доцентомъ по этой части опредѣленъ г. Смитъ, путешествовавшій по нѣкоторымъ славянскимъ землямъ и написавшій весьма хорошую польскую грамматику. Нѣсколько студентовъ усердно посѣщаютъ его лекціи. Другой здѣшній литераторъ, г. Торсонъ, издалъ на датскомъ языкѣ собраніе повѣстей, переведенныхъ имъ съ русскаго, польскаго и чешскаго языковъ: въ числѣ первыхъ главное мѣсто занимаютъ произведенія Гоголя и Загоскина.

Между тѣмъ обѣ здѣшнія библіотеки, королевская и университетская, очень бѣдны русскими книгами. Въ первой просмотрѣлъ я эту часть по каталогу и нашелъ въ ней, сверхъ разнаго хлама, изъ новой нашей литературы только сочиненія Пушкина и Гоголя, и то неполныя, да *Библіотеку для Чтенія* съ 1834 по 1853 г., подаренную вѣроятно Сенковскимъ.

Королевская библіотека помѣщается уже лѣтъ двѣсти въ особомъ флигелѣ Христіансборга, главнаго копенгагенскаго дворца, гдѣ бо́льшую часть года живетъ король. Число томовъ ея доходитъ нынѣ уже до 500.000, и помѣщеніе становится тѣснымъ. Главная зала этой библіотеки замѣчательна своею обширностью. Читальная зала (во 2-мъ этажѣ) не велика, да здѣсь нѣтъ и надобности въ болѣе просторной, потому что книги выдаются всякому желающему на домъ, лишь бы

[1]) Русск. Вѣстн. 1862, № 1 и 2.

онъ представилъ поручительство какого-нибудь служащаго или дру-
гого надежнаго лица. Книги получаютъ изъ библіотеки тотчасъ по
требованію. Библіотека открыта ежедневно, кромѣ воскресенья и
праздничныхъ дней, но только отъ 11-ти часовъ до 2-хъ. По средин
читальной залы находится большой овальный столъ, за которы
располагаются посѣтители: въ тотъ день, когда я занимался въ ней,
насъ было всего семь человѣкъ, не считая троихъ служащихъ при
библіотекѣ, находившихся тутъ же за другими столами. Каждый раз
когда у двери раздавался звонокъ, одинъ изъ посѣтителей, занимавшій
ближайшее къ выходу мѣсто, вставалъ и впускалъ новое лицо. Вообще
въ этой библіотекѣ все устроено чрезвычайно просто, и ничего не
сдѣлано для внѣшности. Внизу, въ пріемной комнатѣ, гдѣ сидятъ
начальникъ библіотеки, почтенный старецъ, конференцъ-секретарь
Верлауфъ, и его помощникъ, совѣтникъ юстиціи Беллингъ, находятся
шкапы со всевозможными библіографическими пособіями и справоч-
ными книгами. Въ слѣдующей комнатѣ — каталоги самой библіотеки:
систематическій, составляющій 200 фоліантовъ, переплетенныхъ съ
большимъ запасомъ пробѣловъ, и алфавитный, состоящій изъ *биле-*
товъ, которые наполняютъ 600 папковыхъ футляровъ.

Всѣ образованные люди, съ которыми мнѣ довелось здѣсь *разго-*
варивать, отзывались съ особеннымъ участіемъ и уваженіемъ объ
ожидаемыхъ въ Россіи улучшеніяхъ, объ успѣхахъ нашей литературы
и великомъ будущемъ, котораго можетъ ожидать наше отечество.

Въ университетѣ кончилась уже лекціи весенняго полугодія, когда
я пріѣхалъ въ Копенгагенъ. Онѣ прекращаются 9 іюня, и до октября
продолжаются вакаціи. Университетъ, основанный въ 1479 году (вскорѣ
послѣ Упсальскаго), помѣщается въ новомъ зданіи, въ одной изъ луч-
шихъ частей города. Сверхъ того, въ Копенгагенѣ есть нѣсколько
казенныхъ домовъ, въ которыхъ недостаточные студенты живутъ
на счетъ правительства. Они занимаются совершенно свободно, безъ
опредѣленнаго времени для курсовъ, и только при экзаменахъ оказы-
вается, къ какому факультету кто изъ нихъ принадлежитъ. Датскіе сту-
денты ведутъ себя скромно и тихо; мнѣ сказывали, что бывающія у нихъ
собранія, для которыхъ есть особое помѣщеніе съ читальною залой,
очень замѣчательны и сопровождаются прекрасными пѣснями. Въ день
пріѣзда моего въ Копенгагенъ, я поспѣшилъ прежде всего посѣтить
здѣшній университетъ и пріобрѣлъ у вахмистра (старшаго служителя)
программу лекцій. Изъ этой брошюры узналъ я, что здѣсь пять фа-
культетовъ: 1) богословскій, 2) правъ и государственныхъ наукъ; 3)
медицинскій, 4) философскій и 5) математическій и естественныхъ
наукъ. Далѣе, изъ этого каталога видно, что, кромѣ публичныхъ
лекцій, почти всѣ профессора имѣютъ такъ называемыя экзаминаторіи,
то есть назначаютъ своимъ слушателямъ, отъ времени до времени,

бесѣды по нѣкоторымъ частямъ науки для повѣрки, все ли понято и усвоено, какъ слѣдуетъ, и для дополненія лекцій. Это очень употребительно. Многіе изъ здѣшнихъ профессоровъ читаютъ свои лекціи послѣ обѣда, отъ 5 до 6 и отъ 6 до 7 часовъ; одинъ изъ нихъ объяснилъ мнѣ, что это время преимущественно избирается по такимъ предметамъ, по которымъ слушаніе лекцій не такъ обязательно, — чтобы не отнимать у студентовъ важныхъ для нихъ утреннихъ часовъ, въ которые многіе изъ нихъ сами даютъ уроки для прокормленія себя.

Въ первый же день послѣ обѣда я попалъ на лекцію г. Гаука, который въ этотъ семестръ объяснялъ значеніе датскаго драматическаго писателя Эвальда. Въ немъ узналъ я старого знакомаго, съ которымъ въ сороковыхъ годахъ встрѣчался въ Стокгольмѣ у извѣстнаго писателя Бескова; тогда Гаукъ занималъ каѳедру датской литературы въ голштинскомъ городѣ Килѣ и, разумѣется, былъ очень недоволенъ своимъ положеніемъ. Къ удивленію моему, я нашелъ на лекціи его семнадцать дамъ и только четверыхъ молодыхъ людей. Профессоръ кончалъ чтеніе перваго акта одной піесы Эвальда; онъ разбиралъ нѣкоторыя мѣста, и потомъ распространился о *павосѣ*. Это была послѣдняя лекція его въ весенній семестръ и потому то, вѣроятно, собралось у него на этотъ разъ такъ мало университетскихъ слушателей.

Такъ какъ многія изъ любопытнѣйшихъ для меня лекцій уже не читались, то я и не посѣщалъ болѣе университета; но я былъ въ библіотекѣ его, которая, такъ какъ и обсерваторія, помѣщается до сихъ поръ въ такъ-называемой круглой башнѣ, но вскорѣ будетъ перенесена въ особое зданіе, которое строится при университетѣ. Въ этой библіотекѣ болѣе 200.000 томовъ, и особенно замѣчательно богатѣйшее въ Скандинавіи собраніе исландскихъ рукописей, изъ которыхъ самыя древнія писаны въ XII-мъ столѣтіи особымъ, въ Исландіи изобрѣтеннымъ письмомъ. Многія изъ этихъ рукописей уже напечатаны здѣшнимъ обществомъ сѣверныхъ древностей; нѣкоторыя рукописи этого рода, но въ гораздо меньшемъ числѣ, хранятся въ королевской библіотекѣ. Университетъ обязанъ этимъ собраніемъ извѣстному Финнъ-Матусену, который, родясь въ Исландіи, съ дѣтства былъ страстнымъ охотникомъ до памятниковъ старинной литературы, и впослѣдствіи принесъ всѣ собранныя имъ рукописи въ даръ Копенгагенскому университету.

Башня, въ которой покуда еще находится университетская библіотека, построена Христіаномъ IV, королемъ, участвовавшимъ въ Тридцатилѣтней войнѣ, и примыкаетъ къ церкви Св. Троицы. Это та знаменитая башня, на которую подымаются по вьющемуся внутри ея винтомъ гладкому мощеному всходу: по этому-то всходу Петръ Великій, будучи въ Копенгагенѣ въ 1716 году, въѣзжалъ верхомъ, а супруга его

въ каретѣ. Съ вершины башни прекрасный видъ на весь городъ съ его окрестностями.

Назову теперь тѣхъ изъ профессоровъ философскаго факультета, которые болѣе замѣчательны въ какомъ-либо отношеніи.

Верлауфъ, начальникъ королевской библіотеки, сеніоръ университета, профессоръ исторіи, освобожденъ отъ лекцій; онъ написалъ подробную исторію старѣйшаго изъ многочисленныхъ копенгагенскихъ ученыхъ обществъ.

Вестергардъ, извѣстный санскритистъ.

Петерсенъ, профессоръ скандинавскихъ языковъ, уже достигшій глубокой старости, уважаемый за нѣсколько превосходныхъ сочиненій, какъ то: исторію датскаго и шведскаго языка; подробную исторію датской литературы, въ семи томахъ, доведенную имъ теперь до 1800 г. и лучшую книгу о скандинавской миѳологіи.

Скернъ, профессоръ исторіи, открылъ слѣды славянскихъ колоній на датскихъ островахъ.

Алленъ, профессоръ исторіи, написалъ исторію Даніи въ двухъ видахъ: какъ книгу для чтенія, составляющую толстый томъ, напечатанный убористымъ шрифтомъ, и какъ сокращенный учебникъ.

Гисласонъ, профессоръ старо-скандинавскаго языка, глубокій знатокъ древне-германскихъ нарѣчій, отличающійся удивительною памятью и необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Онъ издалъ двѣ небольшія книжки по своему главному предмету, но важнѣйшій его трудъ — большой датско-исландскій словарь, напечатанный въ 1851 г. Теперь Гисласонъ занятъ двумя новыми предпріятіями: исландскимъ словаремъ и христоматіей этого языка. Первый трудъ будетъ особенно важнымъ пріобрѣтеніемъ для ученаго міра, потому что до сихъ поръ только и есть одинъ исландскій словарь Бьерна Гальдорсона, далеко не удовлетворительный.

О *Смитѣ* я уже говорилъ: онъ началъ свое преподаваніе польскимъ языкомъ, потомъ намѣренъ перейти къ церковно-славянскому и еще позже къ русскому. Сверхъ упомянутой выше польской грамматики, онъ издалъ на датскомъ языкѣ брошюру о сербской народной поэзіи и книгу о датскомъ писателѣ Гольбергѣ (басни котораго переведены у насъ Фонъ-Визинымъ), да на латинскомъ разсужденіе о нѣкоторыхъ формахъ прибалтійскихъ языковъ, которое онъ еще и теперь продолжаетъ.

Изъ профессоровъ прочихъ факультетовъ — самый замѣчательный по общему голосу *Мадвигъ*, котораго часть классическая филологія. Вотъ еще нѣсколько подробностей о Копенгагенскомъ университетѣ.

Число здѣшнихъ студентовъ трудно знать въ точности, потому что они, разъ записавшись, не подлежатъ никакому контролю и, выбывая изъ университета, не обязаны заявлять о томъ. Такимъ образомъ одни

поступаютъ въ разныя гражданскія должности, другіе въ инженерное вѣдомство, третьи въ военную службу, четвертые — учителями въ разныя учебныя заведенія. Если предположить, что въ университетъ ежегодно поступаютъ отъ 150 до 160 человѣкъ, и что въ немъ всегда до пяти поколѣній, то число студентовъ можно считать отъ 750 до 800. Университетъ не имѣетъ никакой собственной юрисдикціи; всѣ студенты подлежатъ общей полиціи: въ случаѣ важнаго поступка, она увѣдомляетъ университетское начальство о виновномъ, и отъ университета зависитъ исключить его (релегировать, по употребительному во всѣхъ скандинавскихъ университетахъ выраженію). Изъ среды студентовъ не выходятъ и тѣ лица, которыя поступили уже въ число преподавателей университета или въ государственныя должности; они продолжаютъ считаться студентами, и принадлежатъ къ студентскому клубу. Отъ того происходятъ особенно близкія отношенія между университетскою молодежью и преподавателями и вообще старшимъ поколѣніемъ, что, конечно, имѣетъ свою хорошую сторону, но представляетъ также ту невыгоду, что молодые люди, увлекаясь преждевременно въ кругъ дѣятельности, чуждой ихъ положенію, не всегда могутъ развиваться съ полною самостоятельностію. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили мнѣ нѣкоторые изъ профессоровъ. Студентскій клубъ (förening) состоитъ человѣкъ изъ пятисотъ, которые вносятъ ежегодную плату и собираются въ особомъ нанимаемомъ ими помѣщеніи, гдѣ находится библіотека съ газетами, гдѣ бываютъ публичныя чтенія, студентскіе концерты и драматическія представленія, на которыя по билетамъ приглашаются студенты и „ихъ дамы“ (то-есть матери, сестры и другія близкія родственницы). Правительство позволяетъ студентамъ всякія частныя общества, потому что они никогда не обнаруживали вреднаго или опаснаго направленія, хотя въ послѣднее время и стали принимать участіе въ политикѣ, что, безъ сомнѣнія, неблагопріятно дѣйствуетъ на занятія. У студентовъ есть хорошій хоръ, который иногда ѣздитъ въ другіе города и даетъ концерты, но вообще уступаетъ хорамъ шведскихъ университетовъ, доведеннымъ до высокой степени совершенства. Въ Швеціи вообще пѣніе болѣе процвѣтаетъ (Jenny Lind, Nissen и др.)

По поступленіи въ университетъ, студентъ первый годъ готовится къ экзамену изъ философіи, и потому почти исключительно слушаетъ лекціи по этой части, да развѣ еще по одному или двумъ предметамъ, которыми хочетъ со временемъ спеціально заниматься. Выдержавъ экзаменъ изъ философіи, который однакожъ не даетъ ему никакой с[illegible]пени, студентъ уже переходитъ къ факультетскимъ занятіямъ. [illegible]очемъ, онъ не имѣетъ прямой обязанности быть на всѣхъ лекціяхъ [illegible] своему факультету: при факультетскихъ экзаменахъ требуется [illegible]ько засвидѣтельствованіе, что студентъ прослушалъ нѣкоторую [illegible]ть курса по главнымъ наукамъ; стипендіатъ же обязанъ слушать

лекціи по крайней мѣрѣ по двумъ наукамъ. Степени магистра здѣсь вовсе нѣтъ; въ старину она здѣсь, какъ и въ Швеціи, была соединена съ докторскою (magister artium et doctor). Теперь существуютъ здѣсь, правда, степени лиценціата и доктора, но рѣдко кто ищетъ ихъ; большею частію одни медики дорожатъ этимъ титуломъ, и то не всѣ: въ Даніи есть много искусныхъ врачей, не имѣющихъ докторскаго званія, тѣмъ менѣе пріобрѣтаютъ его юристы и богословы; вообще онъ считается необходимымъ только для тѣхъ, которые готовятся въ университетскіе преподаватели. Экзамены производятся въ концѣ семестра публично, безъ предварительнаго домашняго экзамена (tentamen), необходимаго въ шведскихъ университетахъ [1]). На юридическомъ экзаменѣ присутствуетъ, сверхъ преподавателей, членъ высшаго суда. По каждой наукѣ требуется много, и отъ того полный курсъ продолжается семь лѣтъ.

Наибольшее число студентовъ принадлежитъ къ юридическому, богословскому и медицинскому факультету, но первенство въ отношеніи къ численности колеблется между двумя первыми періодически. Въ настоящее время болѣе всего юристовъ; но лѣтъ десять тому назадъ *было* болѣе богослововъ. Въ датской части государства, на островахъ, въ Ютландіи и сѣверномъ Шлезвигѣ, можно считать до 1.200 пасторовъ; отъ того долгое время происходило такое стремленіе къ этимъ должностямъ, что при университетѣ множество кандидатовъ богословія, выдержавшихъ экзаменъ, оставалось безъ мѣстъ. Вакансіи открывались для каждаго не прежде, какъ лѣтъ черезъ двѣнадцать по окончаніи курса. Между тѣмъ, всѣ эти лица дѣлались старыми студентами, не учились, были не довольны своимъ положеніемъ и, разумѣется, имѣли вредное вліяніе на молодыхъ товарищей. Слѣдствіемъ этого было то, что число богослововъ уменьшилось, и теперь едва достаетъ людей для всѣхъ открывающихся въ церкви вакансій. Большое число изучающихъ медицину происходитъ оттого, что край хорошо населенъ, что даже крестьяне по большей части зажиточны, и потому требуется много врачей не только въ города, но и въ села. Въ Даніи вообще до $2^1/_2$ мил. жителей. Изъ этого числа на датскія собственно земли приходится до двухъ милліоновъ, и мѣстами на одной квадратной милѣ живетъ болѣе 3.000 человѣкъ.

Профессора, сверхъ публичныхъ лекцій, могутъ читать приватныя,

---

[1]) Въ шведскихъ университетахъ, а по ихъ примѣру и въ нашемъ Гельсингфорсскомъ, всякому публичному экзамену, на который смотрятъ только какъ на формальность, предшествуетъ строгое домашнее испытаніе: въ продолженіе нѣсколькихъ час профессоръ спрашиваетъ одного или нѣсколькихъ студентовъ изъ цѣлаго курса, и т рѣшастъ, могутъ ли они быть допущены на публичный экзаменъ и какую отмѣтку служиваютъ. Юридическій экзаменъ требуется не для всѣхъ должностей, но высшихъ административныхъ мѣстъ, для адвокатуры и для судебныхъ должностей.

за которыя студенты должны по-настоящему вносить небольшую плату; но на самомъ дѣлѣ и приватныя лекціи читаются даромъ. Только занятія privatissime происходятъ по особой просьбѣ желающихъ, которые за полугодіе вносятъ по 10 доллеровъ, что̀ на наши деньги составляетъ не болѣе 6 р. Казенное содержаніе старшихъ профессоровъ простирается до 2 т. руб. сер.; въ эту сумму, сверхъ жалованья, входитъ прибавочный окладъ, возрастающій чрезъ каждое трехлѣтіе, потомъ особая сумма на освѣщеніе и другіе небольшіе доходы. Жизнь въ Копенгагенѣ относительно дорога (хотя и дешева въ сравненіи съ петербургскою), и многіе профессора имѣютъ еще постороннія должности; напримѣръ, профессоръ Мадвигъ — инспекторъ частныхъ училищъ; онъ же, по назначенію короля, членъ или даже чуть ли не президентъ государственнаго совѣта; засѣдаетъ и въ другихъ собраніяхъ по управленію, такъ что это отвлекаетъ его отъ науки. Вслѣдствіе политическаго движенія послѣднихъ лѣтъ всего болѣе разрабатываются въ университетѣ скандинавская литература, исторія и древности. Имъ посвящаютъ труды свои Петерсенъ, Гисласонъ, Алленъ, Ворсо. Послѣдній пріобщенъ къ университету, но не несетъ всѣхъ профессорскихъ обязанностей, не экзаменуетъ и получаетъ менѣе всѣхъ жалованья. Онъ нѣчто въ родѣ инспектора надъ древностями, разсѣянными по всему краю, — охраняетъ старинныя зданія, рунические камни и совершаетъ путешествія для раскопа кургановъ. Ему же поручено храненіе старинныхъ принадлежностей ольденбургскаго дома въ Розенборгскомъ дворцѣ, гдѣ онъ и живетъ. Надобно знать, что самъ король особенно интересуется скандинавскими древностями, лично участвуетъ въ обществѣ по этому предмету, сносится съ лицами, которыя имъ занимаются, и собираетъ относящіяся къ нему драгоцѣнности.

Киль, какъ главный городъ Готторпскаго герцогства, имѣлъ особенное значеніе, когда эта часть Голштиніи принадлежала царствующему въ Россіи дому (Петру III, Екатеринѣ II и Павлу). Тамошній университетъ, основанный въ 1665 году, помѣщается въ зданіи, которое построено было по случаю его столѣтняго юбилея императрицей Екатериной: она въ теченіе десяти лѣтъ управляла этимъ краемъ за несовершеннолѣтняго сына своего, великаго князя Павла Петровича [1]). Черезъ четыре года Кильскій университетъ будетъ слѣдовательно праздновать свой 200-лѣтній юбилей. Онъ всегда принадлежалъ къ разряду маленькихъ нѣмецкихъ университетовъ и число его студентовъ, въ] жнее время, простиралось отъ 200 до 300 человѣкъ; но особенно] ньшилось оно послѣ 1848 г., когда датское правительство стало

[1]) О времени управленія Голштиніи Екатериной есть брошюра, написанная въ десятыхъ годахъ профессоромъ Гане (Hane).

стараться привлекать молодыхъ людей изъ Шлезвига въ Копенгагенъ. Такъ, между прочимъ, придумана мѣра, что на пасторскія мѣста въ Шлезвигѣ опредѣляются только лица учившіяся въ Копенгагенѣ. Отъ этого шлезвигскіе уроженцы, которые прежде составляли половину всѣхъ студентовъ этого университета, теперь составляютъ едва одну треть ихъ, то-есть человѣкъ 50: всѣхъ студентовъ не болѣе 150. Пріемные экзамены бываютъ въ концѣ каждаго семестра. Они довольно строги, но чтобъ университетомъ могли пользоваться и тѣ молодые люди, которые получили домашнее воспитаніе и не имѣютъ намѣренія поступить на службу, а хотятъ пріобрѣсти только общее университетское образованіе, на пріемномъ экзаменѣ не требуется безусловно гимназическій курсъ: требуются только вообще такія свѣдѣнія, съ которыми студентъ могъ бы слѣдить за лекціями. Такимъ образомъ, въ университетъ могутъ поступать напримѣръ и сыновья помѣщиковъ, желающіе заниматься преимущественно сельскимъ хозяйствомъ. Но тѣ молодые люди, которые намѣрены итти по ученой части, должны напередъ выдержать въ такъ называемой ученой школѣ (гимназіи) удовлетворительный экзаменъ: иначе они, впослѣдствіи, и въ университетѣ не имѣютъ права экзаменоваться на ученую степень. Впрочемъ, степень доктора здѣсь пріобрѣтается почти исключительно только по философскому факультету; по медицинскому обыкновенно довольствуются степенью лиценціата. Вообще всѣ экзамены, кромѣ философскихъ, называются здѣсь *служебными* (Amts-examina). Ректоръ университета, профессоръ Карстенъ, снабдилъ меня нѣсколькими довольно толстыми брошюрами, печатаемыми ежегодно подъ заглавіемъ *Chronik der Universität zu Kiel*. Сверхъ того профессоръ Ратьенъ написалъ исторію этого университета, а докторъ Фольберъ статью о числѣ студентовъ, посѣщавшихъ его въ разное время.

Въ Килѣ посѣтилъ я, между прочимъ, извѣстнаго профессора классическихъ древностей, Форхгаммера. Онъ разсказывалъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ писалъ въ наше географическое общество о посѣщенныхъ имъ странахъ Греціи и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ обществу мысль свою объ обязанности, которая лежитъ на русскихъ: описать въ точности мѣстность Колхиды и ходъ временъ года въ этомъ краю, что́ необходимо для повѣрки свѣдѣній, переданныхъ о немъ древними. Форхгаммеръ выразилъ сожалѣніе, что русское географическое общество, повидимому, не обратило вниманія на его мысль.

Онъ завѣдываетъ кильскимъ музеемъ искусствъ, главное богатство котораго составляютъ гипсовые слѣпки многихъ замѣчательныхъ и· изведеній древности: между прочимъ знаменитаго фарнезскаго быка торсовъ, вывезенныхъ лордомъ Эльгиномъ изъ Аѳинъ. Замѣчатель хорошо составленъ каталогъ музея, обогащенный миѳологическ объясненіями, и продаваемый за безцѣнокъ при входѣ. Такіе ка· логи при заграничныхъ музеяхъ — вещь обыкновенная.

Какъ не вспомнить, при этомъ случаѣ, превосходныхъ описаній берлинскаго зоологическаго сада и копенгагенскаго этнографическаго музея? Въ первомъ при имени каждаго животнаго помѣщены всѣ нужныя свѣдѣнія о его бытѣ, мѣстѣ происхожденія и т. п. Въ послѣднемъ разсѣяны любопытнѣйшія этнографическія подробности о народахъ всѣхъ частей свѣта. Этнографическій музей въ Копенгагенѣ, единственный въ мірѣ по своему богатству, замѣчателенъ не только въ этомъ отношеніи, но и по прекрасному размѣщенію всего, что̀ въ немъ содержится. Въ нынѣшнемъ состояніи своемъ онъ есть созданіе г. Томсена, который завѣдываетъ имъ уже лѣтъ пятнадцать, и помощника его, г. Стейнгауера, составителя упомянутаго мною каталога. Въ одно изъ посѣщеній лишь этого музея, г. Стейнгауеръ водилъ по безчисленнымъ его комнатамъ воспитанниковъ какого-то училища. Надо было видѣть, съ какимъ одушевленіемъ г. Стейнгауеръ объяснялъ имъ всѣ предметы и съ какимъ вниманіемъ молодые люди слушали его. Вотъ какими способами, а не однимъ мертвымъ ученіемъ въ классной комнатѣ, уставленной рядами лакированныхъ скамей, но лишенной всякихъ живыхъ пособій, возбуждается въ молодомъ поколѣніи любовь къ наукѣ и распространяется въ націи свѣтъ знаній.

Къ числу людей, съ которыми я познакомился въ Килѣ, принадлежитъ также докторъ Клаусъ (то-есть Николай) Гротъ (Groth), доцентъ университета по нѣмецкой литературѣ, который недавно пріобрѣлъ въ Германіи большую извѣстность народными стихами на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи (plattdeutsh). Въ этихъ стихахъ много поэтическаго таланта и прекрасно выражается народная жизнь. Отъ извѣстнаго аллеманскаго поэта Гебеля, котораго переводилъ Жуковскій, Клаусъ Гротъ отличается тѣмъ, что его особенность — не младенческое простодушіе, а глубокое сочувствіе всѣмъ сторонамъ народной жизни. Лирическія піесы его нѣсколько сентиментальны и гораздо слабѣе. (Собраніе его стихотвореній напечатано нѣсколько разъ подъ заглавіемъ: *Quickborn*; это имя одной голштинской деревни и значитъ живой ключъ.) Онъ сынъ мельника, и родился въ 1819 году близъ Глюкштадта, въ западной части Голштиніи, извѣстной подъ именемъ Дитмарсенъ. Въ молодости онъ съ трудомъ добывалъ себѣ пропитаніе, давая уроки иногда по 40 часовъ въ недѣлю. Потомъ онъ хотѣлъ приготовиться къ высшему преподаванію и учился въ Кильскомъ университетѣ. Его *Quickborn* доставилъ ему званіе почетнаго доктора въ университетѣ Боннскомъ.

Поэтъ водилъ меня по красивымъ окрестностямъ Киля, орошаемъ рѣчкою Sventine, которой славянское имя (святыня: *я* въ первъ слогѣ звукъ первоначально носовый) остается однимъ изъ немногихъ памятниковъ пребыванія здѣсь въ отдаленное время славянъ. Замѣчательно еще названіе одной деревни близъ Киля; ее зовутъ

Russee по небольшому озеру того же имени. Вотъ, стало-быть, еще Русь на берегахъ Балтійскаго моря!

Всѣ сословія въ Голштиніи громко осуждаютъ дѣйствія датскаго правительства въ отношеніи къ этой странѣ и къ Шлезвигу. Трактирщикъ маленькаго города Плёна, куда я ѣздилъ изъ Киля, жаловался, что оно хочетъ отнять у Шлезвига даже родной языкъ, и прибавилъ: Es gährt Alles (все въ броженіи)! Профессоръ Михельсонъ въ Іенѣ, прежде бывшій при Кильскомъ университетѣ и много занимавшійся исторіею Голштиніи, говорилъ мнѣ, что по мнѣнію покойнаго датскаго ученаго Мольбена, все населеніе Ютландіи — германское; только въ восточной части ея языкъ въ грамматическомъ отношеніи образовался по скандинавскому типу.

Въ Берлинѣ хотѣлось мнѣ получить понятіе о нѣкоторыхъ знаменитостяхъ тамошняго университета. Я посѣтилъ лекціи тѣхъ изъ профессоровъ, которые читали въ удобные для меня часы.

Раумеръ читалъ при мнѣ о монархической власти и сеймахъ среднихъ вѣковъ. Тиранніи въ собственномъ смыслѣ тогда не было, власть была ограничена, но не существовало еще въ точности опредѣленныхъ конституцій; сеймы собирались то тутъ, то тамъ, и въ нихъ участовавали то одни лица, то другія. Дѣла рѣшались не такъ, какъ теперь, ариѳметическимъ расчетомъ числа голосовъ, а моральнымъ перевѣсомъ тѣхъ или другихъ мнѣній. Представительство многихъ немногими (депутатами) придумано въ первый разъ императоромъ Фридрихомъ II.

Раумеръ — человѣкъ небольшого роста, сѣдой, довольно полный, съ пріятнымъ выраженіемъ лица: говоритъ скоро и не очень громко; во всемъ изложеніи его много простоты и ясности. Слушателей у него было въ этотъ разъ человѣкъ двадцать пять. Послѣ лекціи нѣкоторые студенты стали подходить къ нему съ какими-то листами, прося его расписаться. Одинъ изъ нихъ объяснилъ мнѣ, что всякій студентъ имѣетъ списокъ лекцій, которыя онъ намѣренъ посѣщать: противъ каждаго предмета должна быть расписка профессора, и въ концѣ семестра дѣлается повѣрка, дѣйствительно ли заявившіе желаніе слушать посѣщали его лекціи. Въ аудиторіяхъ все очень просто, скамьи старыя и довольно грязныя; на верхней доскѣ каждой изъ нихъ выставленъ номеръ; студенты вѣшаютъ свои шляпы у дверей.

Мишеле (котораго не должно смѣшивать съ французскимъ профессоромъ этого имени) читаетъ исторію философіи, или, вѣрнѣе, философическую исторію XVIII вѣка. У него живые пріемы и веселый видъ; онъ преподаетъ съ жаромъ и часто прибѣгаетъ къ жестам иногда читаетъ по бумагѣ, низко наклоняя голову. Предметомъ лек его при мнѣ было начало французской революціи. Вотъ, въ нем гихъ словахъ, содержаніе этой лекціи. Значеніе трехъ собраній: с

stituante, legislative, conventive; характеристическіе признаки: 1) появленіе tiers état вообще; 2) борьба tiers état съ 4-мъ сословіемъ, пролетаріатомъ, 3) торжество tiers état. Характеристика Людовика XVI: онъ заплатилъ за вины своихъ предковъ; самъ образецъ семейныхъ добродѣтелей, но вмѣстѣ лицемѣренъ, двуличенъ. Хотѣлъ реформъ; преобразованія сверху самыя благотворныя; главное дѣло не въ образѣ правленія, а именно въ томъ, чтобы существующее правительство понимало, чего требуетъ время и дѣлало нужныя преобразованія. Людовикъ понималъ это и избралъ популярныхъ министровъ, но онъ былъ подъ вліяніемъ придворной партіи (camarilla), къ которой принадлежала и королева. Поэтому онъ вскорѣ отмѣнилъ свое распоряженіе и уволилъ министровъ. Назначенъ былъ Калоннъ. Этотъ требовалъ новыхъ налоговъ, но парламентъ и народъ въ нихъ отказали. Такіе налоги, какъ послѣднее средство къ спасенію государства, служатъ дурнымъ предзнаменованіемъ; понимая это, народъ противится имъ. Преемникъ Калонна, Бріеннъ, также не имѣлъ успѣха въ требованіи налоговъ. Тогда вновь назначенъ былъ одинъ изъ прежнихъ популярныхъ министровъ Неккеръ. Созванные имъ *notables* не берутся обременять народъ новыми налогами и составляютъ бюджетъ, который обнаруживаетъ отчаянное положеніе финансовъ. За этимъ профессоръ Мишеле перешелъ къ развитію главныхъ подробностей времени учредительнаго собранія (Constituante), находя ихъ необходимыми по важности этой эпохи. Qu'est-ce que le tiers état? C'est la nation. Въ этомъ словѣ, по мнѣнію профессора, заключается вся революція, вся исторія нашего столѣтія. Лекція Мишеле продолжалась два часа, съ отдыхомъ между ними на четверть часа.

У Боппа прослушалъ я лекцію о санскритскихъ суффиксахъ, при чемъ онъ приводилъ сравненія изъ другихъ языковъ. По спеціальности предмета этой лекціи, не стану о ней распространяться.

Экзаменъ для поступленія въ университетъ производится въ гимназіяхъ и продолжается до пяти дней; въ первый день экзаменующіеся пишутъ латинское сочиненіе и остаются за этою работой часовъ пять взаперти. Во второй день они пишутъ нѣмецкое сочиненіе; потомъ переводятъ письменно же съ латинскаго на нѣмецкій языкъ, также съ греческаго и даже съ еврейскаго. По окончаніи письменнаго экзамена начинается устный, при чемъ предлагаютъ по четыре вопроса изъ разныхъ наукъ. Такъ всѣ поступающіе въ университетъ, для внесенія именъ ихъ въ матрикулу (университетскій альбомъ), должны
ѣть *научное образованіе*. Только въ видѣ исключенія допускаются на
ственныя лекціи, съ разрѣшенія профессора, и сторонніе молодые люди,
горые желаютъ временно слушать преподаваніе по какой-нибудь
сти. Профессоръ долженъ напередъ узнать степень ихъ образованія
разговору съ ними; они посѣщаютъ университетъ только для до-

полненія общаго образованія, но не могутъ пріобрѣтать степеней. Отдѣльной степени магистра давно уже нѣтъ въ германскихъ университетахъ; она присоединена тамъ къ степени доктора. Кандидатомъ же называется тотъ, кто готовится держать экзаменъ на степень по какому-нибудь факультету. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что строгость требованій при пріемѣ въ университетъ необходима; естественно, что молодые люди, слабые при поступленіи въ студенты, остаются по большей части слабыми и въ званіи студентовъ. При слабой подготовкѣ большинства слушателей, и лекціи профессоровъ должны болѣе и болѣе принимать характеръ элементарнаго ученія. Отъ степени же образованія между студентами много зависитъ и степень ихъ умственной и нравственной зрѣлости, слѣдовательно весь духъ университета. Въ примѣръ вліянія слабыхъ требованій при вступленіи въ университетъ можно привести Францію, гдѣ молодые люди поступаютъ въ Collége de France безъ всякихъ условій этого рода, и вслѣдствіе того навсегда остаются, въ общей массѣ, лишенными истиннаго научнаго образованія. Но спрашивается, какъ поступать въ странѣ, гдѣ уровень гимназическаго и вообще приготовительнаго ученія низокъ? Не будутъ ли тамъ слишкомъ строгія требованія для пріема въ университетъ неумѣстны, потому что при такихъ требованіяхъ университеты будутъ рисковать оставаться пустыми? Подобное опасеніе справедливо: въ такой странѣ нѣкоторое снисхожденіе при пріемѣ въ университетъ должно составлять временную мѣру, необходимое зло, и для устраненія его всѣ усилія должны быть устремлены къ тому, чтобъ улучшить способы преподаванія въ училищахъ. Но съ этимъ зломъ неизбѣжно связано и другое: низкая степень общаго развитія студентовъ, недостатокъ въ нихъ самостоятельности, зрѣлости и любви къ труду.

Штейнталь читаетъ исторію греческой грамматики. Когда я былъ на его лекціи, онъ диктовалъ ее, разбирая изъ разговора Платона нѣкоторыя слова, съ примѣненіемъ къ этикѣ древнихъ. Штейнталь совершенно молодой человѣкъ; слушателей у него было не болѣе четырехъ.

Наконецъ я былъ еще на лекціи Ранке. Такъ какъ онъ читаетъ только частныя лекціи, то надо было напередъ испросить у него позволенія присутствовать на одной изъ нихъ. Я познакомился съ нимъ на университетскомъ дворѣ, гдѣ онъ прогуливался передъ своею лекціей. Это маленькій человѣчекъ, довольно полный и приземистый, рябой, и тѣмъ болѣе некрасивый, что держится криво. Сказавъ мнѣ очень любезно, что для входа въ его аудиторію совсѣмъ не нуж было его позволенія, онъ сталъ разспрашивать меня о русской ли ратурѣ, и между прочимъ замѣтилъ, что у насъ теперь нѣтъ велики писателей. „Есть и теперь замѣчательные, отвѣчалъ я, но они ма

извѣстны за границей". „Однакожъ не такіе, какъ Карамзинъ и Пушкинъ", отвѣчалъ Ранке. Между тѣмъ пора было начинать лекцію, и мы вошли въ зданіе. Ранке читалъ о реформаціи, но я не разслышалъ и половины его лекціи. Онъ сидѣлъ развалившись и закинувъ голову назадъ, говорилъ то громко, то тихо, то скоро, то медленно и иногда замахиваясь рукою, вообще съ таинственнымъ видомъ и вопросами, произносимыми вполголоса. Слѣдить за его лекціей очень трудно; надобно прежде привыкнуть къ его манерѣ, чтобъ имѣть возможность слушать его съ интересомъ и пользой.

Дройзена, къ сожалѣнію, въ то время не было въ Берлинѣ.

Въ Берлинѣ посѣтилъ я также публичную библіотеку. На лѣвой сторонѣ сѣней, внизу было окошечко, изъ котораго выдавали книги. Служитель, попросивъ меня расписаться въ книгѣ, повелъ меня къ директору, тайному *регирунсрату*, доктору Перцу, по порученію котораго одинъ изъ библіотекарей показалъ мнѣ библіотеку; порядокъ выдачи книгъ изъ нея очень простъ и легокъ: люди, имѣющіе право получать книги (по поручительству), могутъ два раза въ день вкладывать свои письменныя требованія въ особый выставленный передъ библіотекой ящикъ. Дежурный custos (еженедѣльный) распредѣляетъ эти билеты, или карточки, по отдѣламъ библіотеки, и custos каждаго отдѣла отыскиваетъ книги: въ каждую книгу вкладываетъ онъ одну изъ полученныхъ карточекъ, на которыхъ находится заглавіе книги и подпись требователя, и книга кладется на столъ отдѣла. Дежурный слуга подбираетъ всѣ такія книги съ закладками, и онѣ посредствомъ особаго механизма опускаются въ нижній этажъ, гдѣ раскладываются по алфавиту именъ требователей и выдаются имъ чрезъ окошечко, которое я видѣлъ при входѣ. Карточки, содержащія требованіе, напередъ вынимаются: на каждую налагается печать библіотеки, и карта получаетъ значеніе расписки. Ящикъ, куда опускаются требованія, открывается въ 9 или въ 12 часовъ дня, и кто вложилъ свою карточку до 9 часовъ, можетъ получить книгу уже въ 11; кто чрезъ 4 недѣли не возвратитъ полученной книги, тотъ обязанъ заплатить нѣкоторый штрафъ.

Между берлинскими учеными, которыхъ я посѣтилъ, былъ и знаменитый филологъ Яковъ Гриммъ; онъ живетъ въ отдаленной части города, за Бранденбургскими воротами. У дверей его, въ сѣняхъ, бѣлая доска съ крупною черною надписью: *Grimm*. Пожилая женщина отворила мнѣ дверь, я далъ ей свою карточку, и она тотчасъ же воротилась съ приглашеніемъ въ кабинетъ. При самомъ входѣ въ го, я былъ встрѣченъ маститымъ хозяиномъ, шедшимъ ко мнѣ на трѣчу; я былъ пораженъ его прекрасною головой, съ греческимъ помъ въ чертахъ лица, сіявшаго веселою привѣтливостью посреди ровыхъ сѣдинъ. Гриммъ съ участіемъ разспрашивалъ меня о состояніи лологіи въ Россіи, о занятіяхъ 2-го отдѣленія академіи наукъ и по-

ложеніи его членовъ; пожелалъ также узнать, кто изъ русскихъ занимается теперь литовскимъ языкомъ. На мой вопросъ о ходѣ о словаря, Гриммъ отвѣчалъ мнѣ, что безпрерывно надъ нимъ работаетъ и что надѣется издать вскорѣ еще выпускъ, что смерть брата его Вильгельма нѣсколько замедлила работу, но что впрочемъ онъ не ищетъ новыхъ сотрудниковъ, потому что совокупный трудъ можетъ итти успѣшно только при совершенномъ единодушіи участвующихъ въ немъ, какъ было, пока былъ живъ его братъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ надежду, что если самъ онъ не успѣетъ кончить свое скромное предпріятіе, то найдутся люди, которые приведутъ его къ окончанію. Видъ этого почтеннаго труженика посреди нескончаемой работы, наполняющей всю его жизнь, произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Онъ живетъ только для своей идеи и въ выполненіи ея находитъ свое счастье и свою награду; готовя своей націи великое наслѣдіе, онъ не боится ни разнорѣчивыхъ толковъ критики, ни самой смерти, которая, какъ онъ твердо надѣется, не пресѣчетъ его предпріятія. Понимая всю цѣну времени Якова Гримма, я поспѣшилъ проститься съ нимъ, и отъ сердца пожимая ему руку, не могъ удержаться отъ замѣчанія о значеніи, какое его труды имѣли для успѣховъ филологіи въ Россіи, и о славѣ, какою его имя у насъ пользуется. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я былъ опять въ Берлинѣ и видѣлъ бюстъ Гримма въ комнатахъ Александра Гумбольта посреди вещей покойнаго, которыя слуга и наслѣдникъ его сбирался продавать съ публичнаго торга. Бюстъ Гримма поразилъ меня своимъ сходствомъ и живымъ выраженіемъ. Онъ возбудилъ во мнѣ желаніе побесѣдовать еще разъ съ ветераномъ нѣмецкой филологіи, но я не рѣшился безпокоить его вторично.

Мѣсто, гдѣ живетъ Гриммъ, отыскалъ я по берлинскому адресъ-календарю. Эта книга, издаваемая подъ заглавіемъ: *Wohnungsanzeiger*, находится въ каждомъ берлинскомъ домѣ. Подобныя есть и во всякомъ порядочномъ германскомъ городѣ, не говоря уже о главныхъ столицахъ Европы. Берлинская адресная книга составляется особенно тщательно и заключаетъ въ себѣ наиболѣе свѣдѣній. Чтобы дать о ней сколько-нибудь точное понятіе, сообщу коротко содержаніе ея. Въ ней, послѣ списка королевской фамиліи, заключается:

1) Указатель для отысканія всѣхъ жителей, за исключеніемъ рабочихъ поденщиковъ и слугъ.

2) Указатель для отысканія всякаго нумерованнаго дома, съ означеніемъ жильцовъ и владѣльца, а также улицъ, какъ онѣ взаимно пересѣкаются.

3) Списокъ всѣхъ занимающихся торговлей и промыслами.

4) Указатель всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, публичныхъ учрежденій и зданій, а также замѣчательнѣйшихъ частныхъ заведеній.

5) Списокъ улицъ и площадей Берлина и его окрестностей, съ означеніемъ полицейскихъ частей, городскихъ округовъ, комиссій для бѣдныхъ и церковныхъ приходовъ.

6) Списокъ городскихъ округовъ, окружныхъ старшинъ, третейскихъ судей, комиссій для бѣдныхъ, начальниковъ этихъ комиссій и врачей для бѣдныхъ.

7) Списокъ членовъ верхней камеры (Herrenhaus).

8) Списокъ членовъ камеры депутатовъ.

9) Адресный указатель для Шарлоттенбурга (загороднаго дворца и селенія).

Неужели существованіе подобной книги въ одномъ Петербургѣ невозможно? Впрочемъ, для распространенія такого изданія у насъ очевидно не достаетъ одного необходимаго условія — общей грамотности, обстоятельство, которое долго еще будетъ препятствовать въ Россіи многимъ полезнымъ учрежденіямъ. Между тѣмъ отсутствіе адреснаго указателя безпрестанно чувствуется. Отчего, напримѣръ, не прививается къ нашему быту обычай означать адресы жителей выставленными на домахъ нумерами? Ясно, что это возможно только при существованіи адресной книги, потому что безъ помощи ея нельзя помнить множество цифръ, принадлежащихъ домамъ, въ которыхъ каждый изъ насъ имѣетъ надобность.

Замѣчательный признакъ большаго распространенія грамотности въ западной Европѣ составляютъ надписи, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу, и снаружи, и внутри домовъ. Встрѣчаются иногда и такія, которыя смѣшны, потому что онѣ излишни и предполагаютъ черезчуръ большую недогадливость въ прохожемъ, напр. въ берлинскихъ университетскихъ сѣняхъ, у самаго входа, внизу стѣны вы читаете: *Для чистки ногъ*. Другія надписи забавны по тону или мелочности заключающагося въ нихъ напоминанія, напримѣръ въ Берлинѣ же есть и такія: *Запирайте дверь* (Thür zu!), или: *Просятъ запирать дверь тихонько*. Въ Копенгагенѣ, Берлинѣ и Парижѣ, но не въ Лондонѣ, всего чаще попадается на стѣнахъ домовъ въ разныхъ видахъ надпись, которая на нѣмецкомъ языкѣ обыкновенно читается такъ: „Dieser Ort darf nicht verunreinigt werden“. Иногда частица *nicht* бываетъ нарочно затерта какимъ-нибудь шалуномъ. Есть и такія надписи, которыя доказываютъ печальную истину, что съ успѣхами образованія объ руку идутъ и успѣхи плутовства. Подъѣзжающаго въ первый разъ къ Берлину непріятно поражаетъ надпись, повторяющаяся въ нѣсколькъ мѣстахъ станціи: *Берегитесь карманныхъ воровъ* (Man hüte sich r Taschendieben). Нѣкоторыя надписи характеризуютъ націю, посреди горой онѣ встрѣчаются; въ Лондонѣ, на площадяхъ и улицахъ начинаютъ появляться домики, подобные тѣмъ, которыхъ такъ много всѣяно по Парижу; въ одномъ изъ нихъ встрѣчается такая надпись:

„пожалуйста, поправьте свой туалетъ, прежде чѣмъ выйдете (please, adjust your dress before leaving).“

Объявленіе о таксѣ извозчиковъ находится внутри публичныхъ экипажей во всѣхъ странахъ западной Европы, но Берлинъ переще-голялъ всѣ другіе города въ мѣрахъ къ соблюденію такой таксы и въ подробности экипажныхъ объявленій. Надпись внутри берлинскихъ дрожекъ начинается такими словами: „*денегъ за проѣздъ* никто не платитъ извозчику, если онъ не представитъ сѣдоку, при занятіи экипажа, карточку, на которой означена цѣна извѣстнаго рода переѣзда“. Наверху каждой карточки выставленъ нумеръ, показывающій, которую поѣздку извозчикъ дѣлаетъ съ утра. Въ Берлинѣ извозчичья такса очень низка, именно: за конецъ платится всего 5 серебряныхъ грошей (15 коп. сер.), въ Копенгагенѣ, который менѣе Берлина, такса выше: 25 к. сер. (2 марки) за конецъ; въ Гамбургѣ 20 коп. (8 шиллинговъ). Въ Берлинѣ сверхъ таксы за конецъ назначена такса по разсчету времени, начиная съ 20 минутъ; далѣе за 30, 40, 50 и 70 (т. е. за часъ съ прибавленіемъ 10 льготныхъ минутъ); если экипажъ берется на нѣсколько часовъ, то за одинъ 1-й часъ опредѣлена нормальная цѣна, за слѣдующіе же уменьшенная. Въ Лондонѣ троякая такса: 1) за конецъ 2) по разсчету времени и 3) по разсчету пространства, т. е. столько-то за милю, за $1^1/_2$, за 2 и т. д. Само собою разумѣется, для того, чтобы возможна была такса послѣдняго рода, разстоянія отъ извѣстнаго пункта должны быть размѣрены и означены. Парижская экипажная такса хорошо извѣстна. Можетъ ли твердая экипажная такса быть введена и у насъ? Что установленіе ея для нашихъ потребностей трудно, показалъ уже опытъ. Прежде всего должно очень внимательно разобрать всѣ обстоятельства, находящіяся въ связи съ установленіемъ таксы и вникнуть во всѣ различія нашей городской жизни съ заграничною; только тогда можно будетъ рѣшить, дѣйствительно ли такса этого рода возможна въ нашихъ столицахъ при нашихъ нравахъ и порядкахъ, и особенно при безграмотности, почти общей въ нашемъ простомъ народѣ, и если такая такса возможна, то на какихъ именно основаніяхъ [1]). Теперь позволю себѣ замѣчаніе совсѣмъ другого рода: отчего во всѣхъ германскихъ странахъ на материкѣ Европы, отъ Швеціи до Швейцаріи, небольшіе публичные экипажи (крытые вездѣ, кромѣ Швеціи) называются русскимъ именемъ — *дрожками* (eine Droschke)? Кажется, проще всего предположить, что легкія русскія дрожки были когда-то вывезены въ сосѣднія страны, можетъ быть въ Кенигсбергъ, Любекъ или Гамбур а оттуда распространились въ другіе города, потомъ были усовершенствованы, но сохранили и въ новомъ видѣ прежнее свое назван

[1]) Извозчичья такса въ Петербургѣ теперь уже отмѣнена. *Ред.* „*Р. В.*“

Впрочемъ, возможно также, что названіе *дрожки* распространилось по Европѣ черезъ Польшу: въ Варшавѣ также извѣстны *дрожки*; конечно, ихъ знали и въ Данцигѣ, когда этотъ городъ еще принадлежалъ Польшѣ, а съ Данцигомъ германскіе города всегда находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Наконецъ, путемъ для этого заимствованія могли послужить и наши остзейскія провинціи.

Къ этимъ замѣчаніямъ о наемныхъ экипажахъ кстати будетъ присоединить два слова и объ омнибусахъ. Изумительнаго развитія достигли сообщенія этого рода въ Лондонѣ. Тамъ всѣхъ публичныхъ экипажей, какъ мнѣ говорили, до 12 тысячъ, и между ними число омнибусовъ превышаетъ уже 7.300: эту цифру я самъ видѣлъ на одномъ изъ лондонскихъ омнибусовъ. Въ Парижѣ такихъ публичныхъ каретъ гораздо менѣе, и онѣ превосходятъ лондонскія только бдительностью своихъ кондукторовъ во взысканіи платы съ пассажировъ, для чего парижскіе кондукторы безпрестанно влѣзаютъ на имперіалъ и прогуливаются по ногамъ сидящихъ. Можетъ быть, еще одно преимущество парижскихъ омнибусовъ состоитъ въ томъ, что снаружи ихъ можно всегда прочитать, есть ли въ нихъ еще свободныя мѣста и сколько именно: по крайней мѣрѣ я не примѣтилъ этого въ Лондонѣ. Зато въ Лондонѣ всякій омнибусъ со всѣхъ сторонъ покрытъ крупными надписями, по которымъ прохожій издали узнаетъ его направленіе. Кучеръ знаками и крикомъ приглашаетъ встрѣчныхъ присоединиться къ поѣзду. Кондукторъ чрезвычайно услужливъ, и по первому требованію всякаго готовъ остановиться, что̀ въ Лондонѣ не примѣтно задерживаетъ ѣзду при ея удивительной быстротѣ; денегъ кондукторъ никогда не требуетъ впередъ, и всякій расплачивается когда ему удобнѣе. Цѣна мѣсту въ лондонскихъ омнибусахъ бываетъ по большей части въ 4 пенса (11 коп. сер.), но есть и такіе омнибусы, въ которыхъ платятъ по 3 и даже по 2 пенса. Прежде, когда ихъ было не такъ много, мѣсто стоило 6 пенсовъ (около 17 к. сер.), но увеличившееся совмѣстничество повлекло за собой пониженіе платы. Теперь, по тѣмъ направленіямъ, гдѣ болѣе ѣзды, тянутся иногда цѣлые ряды омнибусовъ, такъ что пѣшеходу негдѣ пробраться между ними. Устройство ихъ такъ крѣпко, удобно и опрятно, ихъ везетъ пара такихъ дюжихъ и прытких лошадей, что весело смотрѣть на этотъ поѣздъ, и въ каждомъ омнибусѣ всегда можно найти хорошее общество, состоящее не только изъ мужчинъ, но и изъ дамъ. Обыкновенно бываетъ 12 мѣстъ внутри и 34 снаружи, то-есть на имперіалѣ и возлѣ кучера; [illegible]гда бываетъ еще рядъ открытыхъ мѣстъ впереди кареты за кучеромъ; число всѣхъ мѣстъ внутри и снаружи всегда бываетъ объявлено [illegible]бою надписью. Для входа на имперіалъ и спуска оттуда висятъ [illegible]бые толстые ремни, очень облегчающіе эту операцію. И тамъ сидятъ по большей части образованные люди, и у многихъ вы видите

газеты въ рукахъ. Въ образованныхъ странахъ понимаютъ цѣну времени: тамъ на чтеніе газетъ многіе употребляютъ потерянныя минуты на улицѣ, въ театрѣ и пр. Въ креслахъ и партерѣ всѣ читаютъ газеты въ антрактахъ.

Говоря о парижскихъ омнибусахъ, я ничего не упомянулъ о такъ называемой *корреспонденціи*, то-есть о возможности переходить изъ одного омнибуса въ другой, идущій по другому направленію; для этого можно брать билеты изъ особыхъ конторъ, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ города. Бывъ въ Парижѣ только короткое время, я не успѣлъ ближе ознакомиться съ этимъ учрежденіемъ, но понятно, какъ велико доставляемое имъ удобство сообщеній.

Не великолѣпны германскіе театры съ ихъ тѣсными ложами и партерами, гдѣ экономія мѣста доходитъ до того, что для пропуска сосѣда зритель долженъ не только встать самъ, но и поднять свое сидѣніе, чтобы смиренно пріютиться между ножками креселъ. Всѣ эти театры, равно какъ и бо́льшая часть парижскихъ, очень скромны; *но* зато на нихъ можно видѣть піесы Гёте, Шиллера, Расина и Мольера, что̀ и дѣйствительно случилось со мной: въ Галле веймарскіе актеры сыграли при мнѣ *Ифигенію въ Тавридѣ*, въ Висбаденѣ видѣлъ я *Марію Стюартъ*, въ Берлинѣ *Фауста* Гёте, въ Парижѣ *Britunicus*, *Tartuffe* и *Le Medecin malgré lui*. Однакожъ не объ этихъ представленіяхъ сбираюсь я говорить, а намѣренъ сказать нѣсколько словъ о юмористической пьесѣ, которую видѣлъ на одномъ изъ частныхъ берлинскихъ театровъ, именно на загородномъ (Vorstädtisches Theater), что̀ за гамбургскою заставой. Сцена и мѣста для зрителей устроены въ саду; передъ скамьями — столы, уставленные пивными кружками, или стопами разнаго размѣра, начиная отъ самыхъ огромныхъ, въ которыя входитъ бутылки три и за которыми иной охотникъ прохлаждается нѣсколько часовъ сряду. Сверхъ того, въ длинныхъ узенькихъ стопахъ, съ деревянными ложками, подается тутъ чай. Все это получается изъ двухъ палатокъ, изъ которыхъ одна служитъ кондитерскою, а другая — рестораномъ. Человѣкъ, который раздавалъ билеты, подсунулъ мнѣ, какъ пріѣзжему, самое дорогое мѣсто, то-есть стоившее около полтинника въ proscenium: это балконъ возлѣ сцены, что-то въ родѣ нашихъ литерныхъ ложъ. Отсюда я могъ свободно обозрѣвать и сцену, и зрителей, но зато и самъ, сидя одинъ впереди на возвышеніи, былъ у всѣхъ безпрестанно на глазахъ. Піеса называлась *Берлинскіе типографщики* и состояла изъ шести отдѣленій. Въ ней интрига плоха, и притомъ тутъ не одна, а двѣ интриги, но довольно хорошо представлены нѣкоторыя стороны берлинскаго быта. Сначала дѣйствіе происходитъ внутри типографіи, потомъ на улицѣ. Главное лицо *Zettelankleber*, то-есть приклеиватель объявленій, который рано утромъ является на берлинскихъ улицахъ съ кипой афишъ и съ мѣднымъ

груди ящикомъ для клейстера [1]). Это весельчакъ и острякъ. Другое лицо — русскій, Рузимовскій, человѣкъ, котораго вспыльчивость и самовластное обращеніе съ лакеемъ безпрестанно подаютъ поводъ къ разнымъ шуткамъ и остротамъ. Zettelankleber смѣется надъ его горячкой и говоритъ: „пріѣхалъ изъ Сибири и не можетъ выносить здѣшняго жаркаго климата". Предметомъ смѣха служитъ также и то, что Рузимовскій своего лакея всегда сажаетъ съ кучеромъ на козлахъ, когда ѣздитъ по городу. На сценѣ являются между прочимъ и небольшіе домики (Trinkhalle), недавно построенные мѣстами на берлинскихъ улицахъ для утоленія жажды прохожихъ. Въ этихъ домикахъ льются изъ кранновъ зельтерская и содовая вода, которую подаютъ сидящія за прилавкомъ дѣвушки, извѣстныя въ цѣломъ Берлинѣ подъ шуточнымъ названіемъ *kohlensaure Jungfrauen*, то-есть углекислыя дѣвы. Вся эта обстановка служитъ рамкой фарса очень сложнаго, часто безсвязнаго и грубаго, но вообще недурно сыгранаго. Однакожъ не совсѣмъ приличныя выходки не понравились нѣкоторымъ бывшимъ тутъ берлинскимъ дамамъ, и я самъ слышалъ, какъ одна старушка при выходѣ сказала своей сосѣдкѣ, что никогда больше не пойдетъ въ загородный театръ.

Хотя я и не охотникъ осматривать зданія, однакожъ рѣшился съѣздить въ Потсдамъ, какъ мѣсто, извѣстное въ цѣломъ мірѣ. Въ 11 часовъ отправился я на желѣзную дорогу, и для бо́льшаго удобства спросилъ билетъ въ Потсдамъ и обратно (ein Tagesbillet). Дѣйствительно, я заплатилъ цѣлый талеръ за проѣздъ туда и назадъ, но разсмотрѣвъ свой билетъ, замѣтилъ съ удивленіемъ, что онъ только на одинъ конецъ. Кассиръ, у котораго я потребовалъ объясненія, извинился въ ошибкѣ и подалъ мнѣ другой. Странная ошибка, подумалъ я: подобныхъ даже и у насъ не бываетъ! Между моими сосѣдями въ каретѣ былъ одинъ молодой человѣкъ, съ которымъ я случайно завелъ разговоръ. Я замѣтилъ въ немъ большую образованность и потому охотно принялъ его предложеніе соединиться съ нимъ для осмотра Потсдама. Это былъ, какъ я послѣ узналъ отъ него, молодой гамбургскій купецъ, который, по окончаніи воспитанія въ родномъ городѣ, путешествовалъ около двухъ лѣтъ (таковъ обычай между его соотечественниками), много видѣлъ и имѣлъ не только обширныя познанія, но и замѣчательно развитый вкусъ въ изящныхъ искусствахъ; онъ не разъ поражалъ меня своими сужденіями о статуяхъ и картинахъ, которыя мы разсматривали. Не стану разсказывать о дворцахъ, которымъ насъ водили, ни объ алчности и важномъ видѣ вожатыхъ,

[1]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по всему Берлину были разставлены особые, довольно красивые столбики для наклейки всякихъ объявленій, которыми прежде обклеивались дома, какъ и до сихъ поръ дѣлается въ Парижѣ и Лондонѣ.

которые какъ-будто считаютъ себя хозяевами этихъ зданій и обращаются съ публикою довольно безцеремонно. Упомяну только объ одномъ мальчикѣ, который водилъ насъ по Сансуси и безпрестанно смѣшилъ своими объясненіями, доказывавшими грубѣйшее невѣжество: такъ передъ однимъ фонтаномъ, поддерживаемымъ мальчиками, онъ увѣрялъ насъ, что это 12 апостоловъ — не учениковъ Іисуса Христа, объяснилъ онъ, а тѣхъ апостоловъ, которыхъ будто бы отправилъ Лютеръ „und die die ganze Welt arrangirt haben". Моему гамбургскому республиканцу многое казалось страннымъ въ королевскомъ Потсдамѣ, гдѣ даже образцовая ткацкая мастерская носитъ на вывѣскѣ эпитетъ Königliche. Однакожъ онъ отдавалъ берлинцамъ справедливость въ ихъ уваженіи къ закону, которое въ Гамбургѣ не такъ сильно развито; въ подтвержденіе своихъ словъ приводилъ онъ, что въ Гамбургѣ, напримѣръ, извозчики всегда стараются выманить у сѣдока больше денегъ, чѣмъ имъ по положенію слѣдуетъ; онъ цѣнилъ въ берлинцахъ также ихъ аккуратность и любовь къ порядку, чему именно они, по его мнѣнію, много обязаны своимъ политическимъ возвышеніемъ. Привожу эти замѣчанія, потому что они показались мнѣ особенно любопытными въ устахъ германскаго путешественника, который судитъ о своихъ соплеменникахъ; притомъ они и въ примѣненіи къ намъ не лишены нѣкотораго значенія. Его поражали большія площади передъ потсдамскими дворцами и пустыя пространства между сельскими домами въ окрестностяхъ, потому что въ Гамбургѣ, напротивъ, очень тѣсно, и даже около него чувствуется недостатокъ земли; подивился онъ также, что деревенскіе мальчики, близъ Берлина, въ воскресные дни бѣгаютъ босикомъ: этого около Гамбурга никогда не увидишь.

Городъ Потсдамъ очень напоминаетъ Царское Село, только что въ первомъ вовсе не видать деревянныхъ домовъ, и множество лавокъ свидѣтельствуетъ о большемъ движеніи промышленности; притомъ на каждомъ шагу кофейни и пивныя заведенія, передъ которыми тѣсные ряды скамеекъ и столовъ, и все облѣплено посѣтителями. Мой спутникъ при этомъ замѣтилъ, что обязательность до того развита въ Германіи, что одинокій человѣкъ можетъ подсѣсть къ незнакомому кружку и всегда будетъ хорошо принятъ. Мостовая потсдамскихъ улицъ въ родѣ петербургской, но тротуаръ только съ одной стороны, а по срединѣ улицы асфальтовая полоса для экипажей. Изъ мѣстъ, занятыхъ дворцами, лучшее Бабельсбергъ, гдѣ жилъ прежде принцъ-регентъ (нынѣшній король), — живописный уголокъ съ красивыми холмами и озерами.

Послѣ всѣхъ прогулокъ въ плохихъ потсдамскихъ дрожкахъ, запряженныхъ жалкими клячами, мы возвратились къ 9 часамъ вечера на желѣзную дорогу. Товарищъ мой долженъ былъ, по торговымъ

дѣламъ своимъ, отправиться въ Магдебургъ, а я назадъ въ Берлинъ. Къ удивленію нашему, вещи гамбургскаго купца, уже свѣшенныя въ Берлинѣ, здѣсь были снова положены на вѣсы, не смотря на протестъ владѣльца. Мы много смѣялись возраженіямъ станціоннаго служителя, производившаго эту операцію, и я не могъ не сказать про себя: Tout comme chez nous. Проводивъ добраго товарища, съ которымъ случайно прожилъ одинъ день моей жизни и едва-ли опять когда-либо встрѣчусь, я хотѣлъ воспользоваться первымъ поѣздомъ (Kurierzug) въ Берлинъ. Мнѣ сказали, что на это мой билетъ, стоившій однако цѣлый талеръ, не даетъ мнѣ права; я желалъ перемѣнить его: „а этого нельзя сдѣлать", отвѣчали мнѣ; итакъ пришлось взять новый, чтобы не ждать еще часа, а прежній подарилъ я какому-то бѣдному нѣмцу, который чрезвычайно обрадовался такой находкѣ. Поѣздъ тронулся по крайней мѣрѣ десятью минутами позже назначеннаго срока: опять tout comme chez nous! — съ тою однакожъ разницей, что въ Германіи случаи подобной неисправности составляютъ рѣдкія исключенія, а у насъ они принадлежатъ къ обычному порядку.

На другой день я посѣтилъ профессора Ю. Р., преподающаго древніе языки въ гимназіи; профессорскій титулъ данъ ему только въ видѣ отличія. Онъ печатаетъ приготовляемое имъ новое изданіе Аристофана, но жалуется, что занятія, которыми онъ обремененъ по преподаванію, не позволяютъ ему вести это дѣло съ желаемымъ успѣхомъ. По этому поводу разговоръ между нами коснулся окладовъ и пенсій по учебному вѣдомству въ Пруссіи. Старшіе преподаватели гимназій получаютъ тамъ до 1.200 талеровъ жалованья. Пенсіи всѣхъ вообще служащихъ образуются прибавочнымъ жалованьемъ: за первыя 15 лѣтъ прибавляется $^{5}/_{16}$ частей, и за каждыя слѣдующія 5 лѣтъ еще $^{1}/_{16}$, такъ что за 30 лѣтъ приходится $^{8}/_{16}$ или полъ-оклада, а за 50 лѣтъ $^{5}/_{4}$ оклада. Узнавъ нашъ порядокъ производства пенсій по учебному вѣдомству, Р. позавидовалъ намъ и замѣтилъ, что онъ ничего лучшаго не желалъ бы для Пруссіи. Въ Берлинѣ семь гимназій, и въ нѣкоторыхъ болѣе 600 учениковъ.

Въ тотъ же день вечеромъ готовился между студентами факельный ходъ. Я зналъ это и никакъ не хотѣлъ пропустить такого новаго для меня зрѣлища, а потому и спѣшилъ въ городъ изъ зоологическаго сада, гдѣ удивлялся прекрасному устройству звѣринца. Факельцугъ былъ въ честь профессора Ницша, по случаю празднованія его юбилея; университетскій судья запретилъ было эту манифестацію, подъ предлогомъ болѣзни короля; но министръ просвѣщенія разрѣшилъ студентамъ почтить такимъ образомъ престарѣлаго профессора. Въ 9 часовъ вечера вся широкая улица передъ университетомъ наполнилась народомъ; лѣстница зданія королевской библіотеки была покрыта толпами любопытныхъ; студенты уже собирались въ университетскомъ саду, съ

*

трудомъ проталкиваясь между народомъ; они были въ красивыхъ костюмахъ: въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ, съ цвѣтными шарфами, въ бѣлыхъ панталонахъ и ботфортахъ; на головѣ были у нихъ разноцвѣтные береты, а въ рукахъ знамена. Вокругъ университета, на дворѣ его и всюду явилась въ большомъ числѣ полиція. Сборы были очень продолжительны. Толпа все увеличивалась и начинала выражать свое нетерпѣніе; но особенно шумѣли мальчишки, которыхъ множество сбѣжалось къ самому университету: они взлѣзали на столбы и деревья, и безпрестанно оглашали воздухъ дикими криками и свистомъ. Наконецъ вдали, передъ самымъ университетомъ, стали показываться горящіе факелы; безпрестанно зажигались новые, безпрестанно ряды огней становились шире и длиннѣе, и мало-по-малу число факеловъ увеличилось, по крайней мѣрѣ, до двухсотъ. И вотъ, во мракѣ и дымѣ шествіе тронулось; хорошъ былъ видъ движущейся, дымящейся массы огней, подъ которыми тянулась и шевелилась чуть видная въ полумракѣ толпа...

Въ Галле посѣтилъ я между прочимъ извѣстнаго историка Лео, читающаго также лекціи по древне-скандинавскому языку. Слышавъ прежде, что онъ выучился по-русски, я спросилъ у него: правда ли это? „Да, отвѣчалъ онъ, это было во время крымской войны; я зналъ уже по-польски и меня интересовалъ русскій языкъ; мнѣ хотѣлось видѣть, что́ говорятъ противники англичанъ, которыхъ я ненавижу. Я принялся за *Сѣверную Пчелу* и сталъ понимать ее, кромѣ, однакожъ, фельетона, въ которомъ многія выраженія меня затрудняли. А первымъ поводомъ къ этимъ занятіямъ было то, что я, изучая кельтскій языкъ, искалъ пособій къ тому въ англійской литературѣ, и не нашедши никакихъ, былъ въ негодованіи на англичанъ за то, что они не пользуются для науки близостью остатковъ кельтскаго населенія. Но тутъ у меня родилась мысль: не то ли же и мы дѣлаемъ въ отношеніи къ славянамъ, когда миляхъ въ 20 отъ насъ живутъ венды? Тогда-то я рѣшился заняться славянскими языками. Прежде всего я обратился къ нарѣчію хорутанъ, какъ болѣе испытавшему вліяніе нѣмецкаго; потомъ перешелъ къ чешскому". По мнѣнію Лео, даже въ окрестностяхъ Галле и въ самомъ городѣ мѣстныя названія представляютъ остатки присутствія вендовъ. Таково названіе *Lucke* (мѣсто на берегу рѣки Саалы), въ которомъ онъ видитъ искаженное славянское слово *лука*. Имя улицы Rannische Strasse, по мнѣнію его, происходитъ отъ славянскаго корня *ран*, который въ чешскомъ языкѣ значитъ *восточный* (улица та идетъ въ восточномъ направленіи). Самое имя *Берлинъ* Лео признаетъ славянскимъ, находя начало его въ чешскомъ словѣ *brlo*, жезлъ, скипетръ, откуда *brljn*, рѣшетка (въ смыслѣ забора). Къ этому же корню относитъ онъ названіе встрѣчающагося во многихъ нѣмецкихъ городахъ мѣста: *Brühl*.

Я спросилъ у Лео, все ли еще онъ придерживается особенной орѳографіи, принятой имъ въ его курсѣ всемірной исторіи. „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, въ послѣднихъ изданіяхъ я бросилъ это правописаніе, по желанію книгопродавцевъ“. Такимъ образомъ вездѣ повторяется то же явленіе, что въ языкѣ обычай составляетъ силу несокрушимую, и что слишкомъ рѣзкія отступленія отъ него никогда не удаются.

II.

Пріѣхавъ въ Галле поздно вечеромъ, я на другой день (воскресенье), еще въ 7 часовъ утра, пошелъ осмотрѣть городъ, и по обыкновенію, прежде всего отправился въ университетъ, чтобы достать себѣ каталогъ лекцій; но тамъ мнѣ не могли дать его, и я долженъ былъ пойти за нимъ въ книжную лавку, открытую до обѣдни. Попавшійся мнѣ навстрѣчу студентъ проводилъ меня потомъ въ соборную церковь, гдѣ служба начиналась въ 8 часовъ и гдѣ въ этотъ день проповѣдывалъ извѣстный профессоръ богословія, Толукъ. Старинная большая церковь была уже биткомъ набита, и между слушателями множество студентовъ. Въ тотъ разъ была такъ-называемая академическая, то-есть университетская служба, бывающая черезъ каждыя двѣ недѣли. Для пѣнія псалмовъ, многіе держали въ рукахъ особые печатные листки. Толукъ сказалъ очень одушевленную проповѣдь о нравственномъ безсиліи человѣка, о томъ, что благія мысли и намѣренія человѣка приходятъ отъ Бога, но мы даемъ имъ пропадать безслѣдно; средство противъ этого — молитва, о свойствахъ которой и распространился проповѣдникъ. Въ заключеніе онъ молился о пробужденіи спящихъ духомъ, и если нужно объ испытаніи ихъ, для того, чтобы достиженіе блаженства было для нихъ не второстепеннымъ дѣломъ, а главною задачей жизни.

Двое изъ преподавателей университета въ Галле занимаются преимущественно критическою разработкою Данте; одинъ — профессоръ правъ, Витте, а другой — лекторъ французскаго языка, Бланкъ. Витте приготовляетъ новое изданіе *Божественной Комедіи*, котораго тогда вышло уже два тома. Онъ печатаетъ его въ двухъ видахъ: одно — ученое изданіе, въ четвертку, другое общедоступное, безъ примѣчаній, въ осьмушку. При этомъ онъ пользуется рукописями изъ Ватиканской и другихъ библіотекъ. Всѣ критическія примѣчанія намѣренъ онъ соединить въ особомъ вступленіи. У него собраны переводы Данте на всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ и русскіе переводы фанъ-Дима Мина [1]).

[1]) Впослѣдствіи я познакомился въ Парижѣ съ англичаниномъ, докторомъ Барловомъ, который также посвятилъ себя критическому изученію Данте и далъ мнѣ нѣсколько изданныхъ имъ по этому предмету брошюръ.

Бланкъ издалъ особый словарь для чтенія Данте и опытъ объясненія его съ помощію однихъ филологическихъ основаній. Теперь этому почтенному труженику уже восьмидесятый годъ, но онъ все еще бодръ и продолжаетъ прилежно работать, несмотря на слабѣющее зрѣніе. Онъ жаловался мнѣ, что итальянцы безъ его спросу перевели на свой языкъ словарь его, изданный имъ по-французски, и даже не прислали ему экземпляра этого перевода, такъ что онъ самъ долженъ былъ выписать его. Италіянскому языку выучился онъ уже лѣтъ двадцати отъ роду; онъ уроженецъ берлинскій, но предки его были французскіе эмигранты, поселившіеся въ Бранденбургѣ, вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта. „Я слышалъ, сказалъ онъ мнѣ, что въ южной Франціи фамилію Бланкъ даютъ незаконнымъ дѣтямъ“. На мое замѣчаніе, что въ Россіи былъ извѣстный архитекторъ Бланкъ, старикъ отвѣчалъ улыбаясь: „Мой родоначальникъ былъ знатнѣе, — онъ былъ обойщикъ“. Въ Галле Бланкъ уже около тридцати лѣтъ; попавъ туда въ качествѣ пастора, онъ и не думалъ сдѣлаться профессоромъ, но ему предложили каѳедру французской литературы, и онъ принялъ ее. Нѣсколько лѣтъ сряду онъ публично читалъ Данте въ тамошнемъ литературномъ обществѣ.

Извѣстный филологъ Поттъ живетъ за́-городомъ; онъ уже сѣдъ, такъ же какъ и Лео. Я навелъ разговоръ между прочимъ на его книгу о происхожденіи нѣмецкихъ фамильныхъ именъ; онъ смотритъ на это сочиненіе болѣе какъ на шутку, чѣмъ на серіозный трудъ: „я желалъ, говорилъ онъ, показать, что и фамильныя прозванія скрываютъ въ себѣ какой-нибудь смыслъ, и произошли не случайно. Затѣмъ мы толковали о нѣкоторыхъ филологическихъ вопросахъ и вспоминали троихъ почтенныхъ филологовъ Финляндіи, нѣкогда общихъ нашихъ знакомыхъ, умершихъ въ молодости: — Кастре́на, Валлина и Чельгре́на. При мнѣ къ Потту пришелъ профессоръ восточныхъ языковъ Рёдигеръ. Разговоръ коснулся вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, и Рёдигеръ замѣтилъ: „Конечно, мы теперь болѣе прежняго будемъ смотрѣть на русскихъ какъ на братьевъ европейской семьи“.

При здѣшнемъ университетѣ ректоръ избирается только на одинъ годъ; вновь, послѣ этого срока, онъ можетъ быть избранъ не иначе какъ съ особаго разрѣшенія правительства. Нынче занимаетъ эту должность Эрдманъ, уроженецъ лифляндскаго города Вольмара. Между студентами въ Галле мало развита разгульная жизнь, которая въ ходу при нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ университетахъ; учащіеся здѣсь по большей части бѣдные люди.

На другой день рано утромъ пошелъ я посмотрѣть знамениты соляные ключи на краю города близъ рѣки Салы. Работники на ва[ницахъ, такъ называемые *галлоры* (Halloren), принадлежатъ къ ос[обому рослому племени и отличаются оригинальною одеждой: ходят

въ чулкахъ и башмакахъ, черныхъ панталонахъ въ обтяжку и синихъ курткахъ. Они говорятъ на своемъ особенномъ нарѣчіи, славятся большою честностію и искусствомъ въ плаваніи и ныряніи, такъ что не разъ уже спасали жизнь утопавшимъ. Прежде считали ихъ потомками вендовъ (славянъ), но теперь бо́льшая часть ученыхъ, въ томъ числѣ и Лео, не признаютъ этого. Многіе полагаютъ, что галлоры кельтскаго происхожденія. Меня повели въ одну изъ варницъ, зданіе, гдѣ внизу топится печь, а вверху видны котлы и т. п. Въ огромномъ котлѣ кипитъ соляная вода; вокругъ такой жаръ, что работники ходятъ почти голые. Накипающая пѣна снимается и сбрасывается, или вѣрнѣе, скатывается въ особые сосуды, и потомъ въ другомъ котлѣ еще переваривается. Добытая соль сгребается въ назначенныя на то вмѣстилища надъ навѣсомъ котла, а оттуда сваливается въ завостренныя къ низу, круглыя корзины и переносится для сушки въ другія хранилища, откуда разсылается уже въ бочкахъ по Пруссіи и всей Германіи (бочка стоитъ 12 талеровъ). Изъ соляныхъ ключей вода проводится сюда подземными трубами; часть ея, превращающаяся въ паръ, и по охлажденіи снова претворенная въ воду, идетъ другими трубами назадъ и вливается въ мутную Салу. Замѣтимъ, что самое слово Галле значитъ: соль, соловарня. Отсюда и названіе галлоры.

Съ особеннымъ любопытствомъ отправился я осмотрѣть такъ-называемыя Франковскія заведенія (Franckesche Stiftungen), доставившія городу Галле, независимо отъ его университета, педагогическую славу въ цѣлой Европѣ. Они находятся въ особомъ предмѣстіи и составляютъ цѣлую улицу, по обѣ стороны которой идутъ зданія, занятыя училищами разнаго рода; сверхъ того на одномъ концѣ улицы стоитъ поперекъ ея домъ съ аптекой и книжною лавкой, а съ другого она замыкается еще однимъ учебнымъ заведеніемъ. Всего замѣчательнѣе происхожденіе всѣхъ этихъ учрежденій. Въ самомъ концѣ XVII столѣтія Франке, профессоръ здѣшняго университета и вмѣстѣ пасторъ предмѣстія Глауха, видя недостатокъ образованія и бѣдность своихъ прихожанъ, началъ учить дѣтей ихъ и вскорѣ взялъ къ себѣ въ домъ четырехъ сиротъ. Таково было начало предпріятія, которое, при необыкновенномъ христіанскомъ усердіи и неутомимой дѣятельности Франке, мало-по-малу разрослось въ огромные размѣры, такъ что еще при жизни его уже существовали почти всѣ заведенія, извѣстныя нынѣ подъ его именемъ. А между тѣмъ, онъ не употребилъ на нихъ ничего, кромѣ собственныхъ скудныхъ средствъ и частныхъ пожертвованій, которыя стали стекаться къ нему со всѣхъ сторонъ, когда распространилась молва объ этомъ дѣлѣ. Нашлись и люди, которые, одушевясь человѣколюбивыми идеями Франке, стали за самое ничтожное вознагражденіе трудиться съ величайшею ревностію въ созданныхъ имъ заведеніяхъ.

Всего тутъ семь училищъ: двѣ латинскія школы, то-есть гимназіи, и пять нѣмецкихъ школъ, между которыми три элементарныя училища (два для мальчиковъ и одно для дѣвочекъ), далѣе реальная школа и такъ называемый *педагогіумъ*, для сыновей достаточныхъ фамилій, съ платою за каждаго по 400 талеровъ въ годъ. Учениковъ во всѣхъ этихъ заведеніяхъ 3.200 слишкомъ, а учителей болѣе 90. Между учениками есть пенсіонеры, постоянно живущіе тутъ въ особыхъ домахъ; въ каждой небольшой комнатѣ помѣщается до пяти мальчиковъ, изъ которыхъ старшій имѣетъ надзоръ надъ прочими. Разумѣется, что все здѣсь очень просто и даже бѣдно, но въ каждой комнаткѣ есть не только столы и стулья, но и шкапы, а въ нѣкоторыхъ *даже* и фортепіано, конечно тоже очень простенькія. Каждыми пятью комнатами завѣдываетъ одинъ изъ учителей, живущихъ въ заведеніи (*многіе* нанимаютъ себѣ квартиры въ городѣ). Впрочемъ воспитанники содержатся свободно, безъ всякой внѣшней дисциплины и выправки. „Вамъ это можетъ показаться страннымъ, сказалъ мнѣ докторъ Экштейнъ, водившій меня очень услужливо по заведеніямъ: „но у насъ здѣсь управленіе совершенно отеческое; у насъ дѣти какъ въ родительскомъ домѣ и никому изъ нихъ не придетъ въ голову употреблять во зло довѣріе воспитателей". Докторъ Экштейнъ, — одинъ изъ двухъ директоровъ, управляющихъ заведеніемъ; они входятъ съ представленіями въ провинціальную коллегію, которая препровождаетъ дѣла на окончательное рѣшеніе въ министерство. Собственныя средства заведеній состоятъ въ деньгахъ, вносимыхъ платящими учениками, въ выручкѣ книжной лавки и аптеки, и въ доходахъ съ нѣкоторыхъ участковъ земли; но этихъ средствъ уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія оказалось недостаточно, и въ дополненіе къ нимъ правительство ассигновало 19.000 талеровъ. Все содержаніе стбитъ около 40.000. Плата учителямъ, которые всѣ исключительно принадлежатъ этимъ заведеніямъ, довольно низкая, и возвышенія ея ожидаютъ только въ будущемъ.

Мы подробно осмотрѣли реальную школу, помѣщающуюся въ сторонѣ отъ улицы заведеній, въ новомъ зданіи, покрытомъ снаружи порфиромъ и стоившемъ не болѣе 30.000 талеровъ. Удивительно, какъ при небольшихъ средствахъ это училище обладаетъ всѣми возможными, отчасти даже роскошными, пособіями; физическій кабинетъ недавно подаренъ училищу прусскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія [1]); далѣе, тутъ есть минералогическій кабинетъ, химическая лабораторія, гдѣ ученики сами работаютъ подъ руководствомъ учителя, и, наконецъ, библіотека, состоящая большею частію изъ книг которыя могутъ быть раздаваемы ученикамъ для чтенія въ свободи

[1]) Министерство предлагало на выборъ этотъ кабинетъ или гербарій: учил выбрало физическій кабинетъ.

часы; напримѣръ, я тутъ видѣлъ собраніе нѣмецкихъ классиковъ. Директоръ сдѣлалъ библіотекарю дружеское замѣчаніе, зачѣмъ брошюры стоятъ на полкахъ сплошными рядами, и что надобно расположить ихъ по предметамъ или авторамъ въ папкахъ. Библіотекарь спорилъ, но директоръ убѣдилъ его, сказавъ, что онъ уже на опытѣ, въ собственной своей библіотекѣ, удостовѣрился въ превосходствѣ предлагаемаго имъ порядка. „Переплетать брошюры въ цѣлый томъ, прибавилъ директоръ, неудобно, потому что когда ради одной брошюры ссудишь цѣлую книгу, то ее иногда всю и зачитаютъ".

Въ классѣ естественныхъ наукъ и математики скамьи расположены амфитеатромъ, чтобы, при показываніи опытовъ, и ученики послѣднихъ рядовъ ясно видѣли ихъ. Въ рисовальномъ классѣ, гдѣ мы разсматривали труды лучшихъ воспитанниковъ, директоръ ласково ободрялъ нѣкоторыхъ.

Въ зданіи общей всѣмъ учрежденіямъ библіотеки мы не были, но заходили въ книжную лавку, гдѣ главный предметъ продажи составляютъ библіи, издавна печатаемыя этими заведеніями и разсылаемыя по всей Европѣ; ихъ выписывается много и въ Россію (откуда также присылались сюда въ прежнее время дѣти для воспитанія). Въ типографіи, куда мы пошли изъ книжной лавки, было нѣсколько скоропечатныхъ станковъ; тамъ работаютъ и женщины; онѣ при насъ заняты были изготовленіемъ стереотиповъ для библіи. Процессъ этой работы очень простъ: сперва набираютъ текстъ, потомъ оттискиваютъ его въ гипсовыя формы, льютъ на нихъ металлическую массу и стереотипы готовы.

Хотя это было въ концѣ іюня, занятія въ училищахъ шли обыкновеннымъ порядкомъ; только въ іюлѣ учениковъ распускаютъ на одну недѣлю, чтобъ они могли полакомиться у родителей вновь собираемыми плодами (neues Obst). Въ каникулахъ нѣмцы не чувствуютъ надобности; у нихъ вмѣсто лѣтнихъ ферій бываютъ осеннія, совпадающія съ временемъ жатвы и собиранія винограда.

На учрежденія пастора Франке смотрятъ здѣсь какъ на послѣдній плодъ стариннаго христіанскаго благочестія; въ память основателя поставлена передъ зданіемъ сиротскаго дома (лѣтъ 30 тому назадъ) статуя его, съ надписью: „Онъ уповалъ на Бога". Въ числѣ здѣшнихъ сиротъ нѣтъ вообще такъ называемыхъ найденышей. Германія еще не заводила у себя воспитательныхъ домовъ въ смыслѣ тѣхъ, какіе существуютъ во Франціи, Австріи и у насъ въ Россіи. О томъ, нужны ли они, мнѣнія еще несогласны; большинство въ Германіи думаетъ, что они способствуютъ къ увеличенію числа незаконнорожденныхъ. Однако, Гамбургъ и Берлинъ доказываютъ, что то же самое можетъ быть и при отсутствіи такихъ заведеній.

Находясь въ Лейпцигѣ, я, между прочимъ, отправился въ близъ-

лежащій садъ Розенталь, любимое гульбище жителей. Вдоль крайней аллеи въ полѣ тянулся цѣлый рядъ палатокъ съ разными надписями; во всѣхъ стояли столы и скамейки для простого народа и главное угощеніе заключалось въ пивѣ и сосискахъ. Послѣднія въ разныхъ видахъ встрѣчаются на каждомъ шагу въ Саксоніи и Тюрингіи; здѣсь для русскаго становится понятнымъ, почему у насъ нѣмецъ получилъ прозваніе колбасника. Даже и въ самой опрятной и просторной палаткѣ, стоявшей поодаль отъ другихъ и не имѣвшей надписи, внутри выставлено было крупными буквами объявленіе: *франкфуртскія жаренныя колбасы*. На полѣ происходило ученіе національной гвардіи (Bürgergarde). Отъ одного изъ солдатъ, по ремеслу бочара, узналъ я, что она состоитъ изъ 17-ти ротъ, что въ каждой ротѣ по 30 человѣкъ, и что отъ поступленія въ нее очень многіе отговариваются, кто нездоровьемъ, кто другимъ вымышленнымъ предлогомъ; нѣкоторые, чтобъ освободить себя отъ этой службы, живутъ нарочно за городомъ, и т. п. Одинъ изъ колбасниковъ сказывалъ мнѣ, что національная гвардія нужна особенно на случай революціи, и дѣйствительно, я слышалъ потомъ отъ профессора ***, что въ 1848 году лейпцигская полиція вездѣ встрѣчала сопротивленіе, тогда какъ всѣ распоряженія національной гвардіи и производившіеся ею аресты принимались безпрекословно. Профессоръ самъ служилъ въ этой гвардіи.

Отъ него же узналъ я разныя подробности о Лейпцигскомъ университетѣ. Здѣсь болѣе 800 студентовъ. При пріемѣ экзаменуютъ только тѣхъ, которые не имѣютъ достаточныхъ свидѣтельствъ о приготовительныхъ знаніяхъ (Maturitäts-Zeugnisse). Строги бываютъ особенно къ поступающимъ для факультетскихъ занятій; отъ другихъ требуютъ только доказательствъ, что они въ состояніи пользоваться лекціями. Нынче бо́льшая часть студентовъ занимается здѣсь серіозно; въ послѣдніе годы старинный духъ разгулья и буйства очень ослабѣлъ. Этому много способствовало опредѣленіе, чтобы пребываніе въ университетѣ продолжалось три года и никакъ не долѣе пяти лѣтъ (въ Берлинѣ обыкновенный курсъ продолжается $2^1/_2$ года). Многіе студенты пользуются стипендіями, изъ которыхъ однѣ королевскія, а другія частныя, напримѣръ, познанскаго архіепископа; нѣкоторыя простираются до 300 талеровъ; иныя состоятъ въ квартирныхъ деньгахъ или даже въ квартирахъ натурой. Кромѣ того, въ зданіи университета находится особая столовая (Convict), куда допускаются недостаточные студенты и гдѣ собирается болѣе 250 человѣкъ; каждый профессоръ по-очереди предлагаетъ извѣстное число участниковъ столовыхъ стипендій. Студенты подчинены общей полиціи, и только в дисциплинарныхъ случаяхъ зависятъ отъ университетскаго суда. Профессора получаютъ хорошее содержаніе, нѣкоторые до 2.000 и дал до 3.000 талеровъ, что́ при дешевой жизни въ Лейпцигѣ составляет

чень много (профессоръ *** за просторную квартиру съ садомъ въ центрѣ города платитъ не болѣе 300 талеровъ); кромѣ того, они получаютъ съ слушателей особую плату за частныя лекціи или такъ-называемыя коллегіи. Правда, что зато у нихъ и дѣла очень много: они по большей части имѣютъ отъ трехъ до четырехъ лекцій въ день, и лекціи начинаются въ 6 часовъ утра; впрочемъ, кто хочетъ, можетъ читать не болѣе двухъ или четырехъ публичныхъ лекцій въ недѣлю. Мы разговорились о разныхъ способахъ чтенія лекцій. Профессоръ сказалъ мнѣ при этомъ, что онъ никогда не позволяетъ себѣ читать съ каѳедры безъ письменныхъ, хотя и краткихъ замѣтокъ: импровизируемыя лекціи, по его мнѣнію, часто не имѣютъ достаточной связи и полноты, и даже рѣдко обходятся безъ ошибокъ въ фактахъ. Въ примѣръ приведены были лекціи извѣстнаго Савиньи, по которымъ, при всей ихъ увлекательности, трудно было составлять связныя записки. Впрочемъ, г. *** сознался, что при всякихъ лекціяхъ очень многое зависитъ отъ индивидуальности профессора.

Посѣтивъ библіотеку университета, въ которой считается до двухъ сотъ тысячъ томовъ, я отправился въ комнату суда, чтобы тамъ просмотрѣть старинные университетскіе альбомы. Въ прежнія времена Лейпцигскій университетъ пользовался такою славой, что привлекалъ множество слушателей изъ разныхъ странъ Европы, такъ что въ теченіе года иногда записывалось въ его альбомы болѣе 600 студентовъ. Еще въ прошломъ столѣтіи тутъ бывали англичане, датчане, изрѣдка французы, часто лифляндцы, эстонцы и иногда русскіе; еще ранѣе пріѣзжали сюда въ большомъ числѣ шведы и финляндцы. Мнѣ хотѣлось узнать, кто именно изъ русскихъ посѣщалъ этотъ университетъ во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, и я выписалъ изъ альбомовъ сорокъ именъ нашихъ соотечественниковъ, учившихся здѣсь съ 1750 года до конца столѣтія. Между ними выдаются имена *Козицкаго* (1752), графовъ Владиміра и Александра Владиміровича *Орловыхъ* (1763 и 1771), *Радищева* (1767), *Козадавлева* (1769), Алексѣя Григорьевича *Теплова* (1769), который до того учился въ Кильскомъ университетѣ [1]), и *Моисѣенкова*. Вмѣстѣ съ Радищевымъ отправлено было въ Лейпцигъ, въ 1767 году, еще десять молодыхъ людей для изученія правъ. Въ одномъ изъ его сочиненій (*Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова*) имена нѣкоторыхъ изъ его товарищей означены только начальными буквами; вотъ они вполнѣ: князь Александръ *Несвицкій*, князь Василій *Трубецкой*, Ѳедоръ *Ушаковъ*, Михаилъ *Ушаковъ*, Николай *Зиновьевъ*, Алексѣй *Кутузовъ*, *Челищевъ*, Андрей *Рубановскій*, Сергѣй *Яновъ*, и Иванъ *Насакинъ*. Лейпцигскіе студенты въ

[1]) Между русскими, посѣщавшими Кильскій университетъ, особенно замѣчательно князя Александра Борисовича Куракина.

старину раздѣлялись на четыре націи: саксонцевъ, мейсенцевъ, баварцевъ и поляковъ; русскіе всегда причислялись здѣсь къ польской націи [1]).

Лейпцигъ и его окрестности богаты военно-историческими воспоминаніями. Въ самомъ городѣ есть башня обсерваторіи Плейсенбургъ, на которую взбираются, чтобъ издали посмотрѣть въ подзорную трубу на знаменитое поле сраженія 1813 года: отсюда можно даже различить, хотя съ трудомъ, пирамидальный памятникъ воздвигнутый на этомъ полѣ. На этой башнѣ сошелся я, между прочимъ, съ человѣкомъ, который для той же цѣли явился туда съ другого конца свѣта — изъ Сѣверной Америки. Словоохотливый сторожъ объяснялъ намъ ходъ сраженія, со всѣми подробностями, на большой картѣ, разставляя особыя разноцвѣтныя дощечки, означавшія арміи.

По дорогѣ въ Іену видно Люценское поле, гдѣ палъ шведскій король Густавъ Адольфъ. Желѣзная дорога идетъ здѣсь по самымъ живописнымъ мѣстамъ, мимо горъ и виноградниковъ. Въ Апольдѣ, которая славится своими шерстяными чулками, я пересѣлъ въ омнибусъ и попалъ въ общество, состоявшее изъ профессора, купца и дамы съ дочерью. Мы ѣхали шагомъ по гористому краю; передъ глазами было опять поле битвы. Здѣсь, въ 1806 году, французская армія застигла врасплохъ нѣмецкую; пруссаки такъ были стиснуты и кровопролитіе такъ велико, что убитые не падали, а стоймя подпирали другъ друга, и цѣлые ряды оставались на ногахъ, прислоненные къ другимъ рядамъ мертвыхъ тѣлъ. До сихъ поръ на этомъ полѣ находятъ въ землѣ деньги, зарытыя во время сраженія прусскими солдатами, думавшими послѣ взять ихъ назадъ. Влѣво отъ дороги показываютъ мѣсто (три дерева), гдѣ въ 1808 году императоры Александръ и Наполеонъ сиживали вмѣстѣ во время охоты, и гдѣ Наполеонъ назначалъ пенсіи родственникамъ убитыхъ за два года передъ тѣмъ. И въ самой Іенѣ много разсказовъ о Наполеонѣ, напримѣръ какъ онъ заставилъ пастора-ботаника вести его на гору для помѣщенія артиллеріи.

Можно сказать, что Іена — городъ студентовъ и розъ: такъ этими цвѣтами украшены здѣсь садики, окружающіе почти всѣ дома. Пышно цвѣтутъ на своихъ высокихъ стебляхъ іенскія розы, а студенты здѣшніе сохраняютъ всѣ особенности прежняго быта своихъ собратій. Іена всегда была и до сихъ поръ остается центромъ и типомъ нѣмецкаго студенчества. Оно здѣсь сохраняетъ свой старинный, исторически развившійся характеръ. Іенскіе студены, которыхъ около 500, все еще раздѣляются на ландсманшафты, нынче называемые просто корпораціями, ихъ цѣль — поддержаніе студенчества въ извѣстномъ зн ченіи, выражающемся гулянками, попойками и дуэлями, но они

[1]) Полный списокъ русскихъ, учившихся въ означенный періодъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, помѣщенъ мною въ ст.: „Нѣсколько ученыхъ замѣтокъ“ (*см. выше, стр. 7*

имѣютъ никакого политическаго значенія [1]). Впрочемъ, далеко не всѣ студенты приписываются къ этимъ корпораціямъ, которыя отличаются одна отъ другой своими фуражками, отчасти очень фантастическими. Замѣчательны ихъ сборныя мѣста (Kneipen); въ главной изъ этихъ заверяъ развѣшены гербы корпораціи, портреты знаменитѣйшихъ сочленовъ, кружки, изъ которыхъ пили дѣды, оружія и проч.; все это хранится, какъ святыня. Еще не задолго до моего пріѣзда, здѣсь происходила одна изъ рѣдкихъ уже въ настоящее время дуэлей *на штосъ* (на шпагахъ); но что студенты въ Іенѣ рубятся еще довольно часто, доказываютъ картины подобныхъ сценъ, развѣшенныя въ окнахъ здѣшнихъ книжныхъ магазиновъ. Бываютъ также по-старому студенческіе поѣзды по городу въ колесницахъ съ разными символическими изображеніями и затѣйливыми костюмами для осмѣянія современныхъ лицъ или явленій; напримѣръ, недавно былъ поѣздъ, имѣвшій цѣлью представить, что нѣмцы только пишутъ, а ничего не дѣлаютъ. Отъ названныхъ корпорацій отличаются *буршеншафты*, которыхъ цѣль есть охраненіе чистой нѣмецкой національности и строгой нравственности. Управленіе университета тоже остается старинное: мѣстное начальство принадлежитъ проректору; главноначальствующій же, великій герцогъ, носитъ званіе ректора. Правила пріема въ студенты тѣ же, что и въ другихъ университетахъ, то есть, чтобы быть записаннымъ въ это званіе, нужно предъявить такъ-называемое свидѣтельство зрѣлости; но къ слушанію лекцій допускаются молодые люди и безъ этого условія.

Одинъ изъ любимыхъ здѣшнихъ профессоровъ есть Куно Фишеръ, преподающій философію. Я былъ у него на двухъ лекціяхъ изъ логики, которымъ онъ, не смотря на сухость предмета, умѣлъ придать чрезвычайную живость и увлекательность. На первой лекціи онъ говорилъ объ атомахъ, единицахъ и числахъ, разбиралъ значеніе ариѳметическихъ дѣйствій и доказывалъ, что счисленіе не подвигаетъ духа въ развитіи, а доставляетъ ему только извѣстный навыкъ (Fertigkeit). Предметомъ второй лекціи было опредѣленіе качествъ матеріи и различія между жидкими и плотными тѣлами. Въ бѣдной и даже не

---

[1]) Прежде студенты раздѣлялись на *ландсманшафты* по странамъ или областямъ, откуда они были родомъ; но такъ какъ впослѣдствіи въ каждый отдѣлъ стали принимать молодыхъ людей безъ строгаго различія ихъ мѣстнаго происхожденія, то въ новѣйшее время и отмѣнено первоначальное названіе этихъ отдѣловъ, которые, какъ, во многихъ мѣстахъ еще носятъ по старой памяти имена: саксонцевъ, франъ, вестфальцевъ, и т. п. Нѣмецкая литература не оставляетъ безъ вниманія ни ого явленія народной жизни, и въ прошломъ году появились двѣ книги, выставляюнаружу все безобразіе извѣстной стороны германскаго студенческаго быта. Вотъ ъ заглавія: 1) *Deutsche Studentenlieder des 17 und 18 Jahrhunderts*, von Keil 2) *Modernes Studententhum. Eine satirisch-didaktische Humoreske.*

совсѣмъ опрятной аудиторіи, посреди восьмидесяти молодыхъ людей, которые съ напряженнымъ вниманіемъ ловили каждое слово профессора, я чувствовалъ живо, что́ значитъ соединеніе науки и таланта, не поддерживаемыхъ никакими внѣшними приманками или соблазнами.

Я былъ также на двухъ лекціяхъ извѣстнаго филолога Шлейхера; онъ читалъ предъ немногочисленною аудиторіей о формахъ склоненія въ индо-европейскихъ языкахъ, показывая ихъ родство, и о старо-нѣмецкомъ языкѣ, и читалъ съ такою живостію, какую можетъ дать только истинная любовь къ наукѣ. Дѣятельность Шлейхера изумительна: читая въ университетѣ почти ежедневно по два часа, онъ прилежно участвуетъ въ изданіи филологическаго журнала и безпрестанно печатаетъ замѣчательныя изслѣдованія, въ кругъ которыхъ входятъ и славянскіе языки; но зато онъ встаетъ постоянно въ 5-мъ часу утра, и не знаетъ почти никакихъ другихъ развлеченій, кромѣ работы въ своемъ садикѣ и гимнастики. Онъ, какъ мнѣ показалось, человѣкъ правдивый, энергическій, всѣмъ интересующійся. Въ молодости готовился онъ въ богословы и уже проповѣдывалъ въ церквахъ, но страсть къ изученію языковъ увлекла его на нынѣшнее поприще; въ Іенѣ онъ еще недавно; прежде занималъ онъ лѣтъ семь каѳедру въ Пражскомъ университетѣ, но недовольный тамошнимъ своимъ положеніемъ, принялъ съ восторгомъ неожиданный вызовъ въ Іену. Домъ, въ которомъ живетъ Шлейхеръ, служилъ нѣкогда жилищемъ поэту Фоссу, имя котораго и читается въ крупныхъ буквахъ на одной изъ наружныхъ стѣнъ. Въ Іенѣ почти на каждомъ шагу встрѣчаются на домахъ имена прежнихъ славныхъ жильцовъ ихъ, съ означеніемъ и годовъ, когда они тутъ жили. Эти надписи подѣланы года три тому назадъ по случаю празднованія трехсотлѣтняго юбилея университета. Замѣчателенъ домъ, въ которомъ жилъ бывшій здѣсь профессоромъ Шиллеръ, статуя котораго при этомъ торжествѣ поставлена здѣсь въ саду; двѣнадцать дѣвицъ возложили на нее тогда вѣнки, ими самими плетенные, и пѣли хоромъ въ честь поэта. Близъ статуи положенъ гранитный камень, большая рѣдкость въ здѣшнемъ краю. Домъ Шиллера сохранилъ прежній видъ свой только съ наружной стороны; внутри все уже подверглось измѣненію. Дня два спустя я былъ въ Веймарѣ, гдѣ вы на каждомъ шагу встрѣчаете воспоминанія литературной славы этого города въ портретахъ и статуяхъ Гёте, Шиллера, Гердера, Виланда и др., разставленныхъ въ окнахъ магазиновъ; здѣсь и внутренность дома Гёте осталась неприкосновенною. Мнѣ хотѣлось проникнуть туда, но нынѣшній владѣлецъ дома, внукъ геніальна писателя, заперъ двери его для всѣхъ путешественниковъ, и ни д кого не допускаетъ исключенія: я долженъ былъ удовольствовать лѣстницею и собраніемъ разставленныхъ на ней художественны произведеній и рѣдкостей. — Говоря о надписяхъ на домахъ въ Іе

ельзя забыть и той, которая сдѣлана была мѣломъ надъ окномъ университетскаго карцера и долго красовалась тамъ: „гостиница академической свободы“.

Миновавъ Франкфуртъ на Майнѣ, перелетѣлъ я по знаменитой горной дорогѣ, посреди множества селеній, въ виду живописнаго Шварцвальда, черезъ рѣку Некаръ — въ Гейдельбергъ. Здѣшній университетъ, также сохраняющій до сихъ поръ старинный характеръ, основанъ въ 1346 году курфирстомъ Рупрехтомъ I, по образцу Парижскаго, съ монастырскими учрежденіями. Студенты жили по факультетамъ, подъ надзоромъ своихъ наставниковъ, въ особыхъ коллегіяхъ, которыя назывались бурсами. Такимъ образомъ это, рядомъ съ Пражскимъ, древнѣйшій въ Германіи университетъ. Онъ очень скоро пріобрѣлъ знаменитость, благодаря особенно своей богатой библіотекѣ, и уже въ первое время имѣлъ болѣе пятисотъ студентовъ. Онъ былъ преобразованъ въ эпоху реформаціи по мысли Меланхтона. Одинъ изъ курфирстовъ учредилъ особую коллегію, гдѣ недостаточные студенты находили безплатно жилище, содержаніе и книги. Къ числу здѣшнихъ профессоровъ нѣкогда принадлежалъ знаменитый Пуффендорфъ. Присоединеніе Гейдельберга къ Бэденскимъ владѣніямъ въ 1802 году было для университета счастливымъ обстоятельствомъ. Великій герцогъ Карлъ Фридрихъ, обогативъ его новыми средствами, сдѣлался какъ-бы вторымъ основателемъ его, почему съ тѣхъ поръ этотъ университетъ и носитъ названіе Ruperto-Carolina. Между здѣшними студентами, которыхъ болѣе шестисотъ, много достаточныхъ людей; въ корпораціи, подобныя іенскимъ, принимаютъ только такихъ молодыхъ людей, которые представятъ ручательство, что будутъ получать изъ дому не менѣе опредѣленной суммы въ годъ (чуть ли не 3000 талеровъ). Они щеголяютъ въ разныхъ формахъ, и одна изъ нихъ похожа на гусарскую: къ ней принадлежатъ ботфорты и шитая золотомъ куртка. Многіе носятъ бархатныя шапочки, шитыя также золотомъ и серебромъ, которыя продаются уже готовыя въ магазинахъ, и стоятъ болѣе десяти талеровъ каждая; ихъ надвигаютъ на лобъ и прикрѣпляютъ ремнемъ, проведеннымъ къ затылку.

Я нашелъ здѣсь знакомаго, молодого Б., который съ отличнымъ успѣхомъ занимался въ Петербургскомъ университетѣ и теперь доканчиваетъ въ Гейдельбергѣ свое образованіе. Онъ платитъ здѣсь за слушаніе лекцій по двумъ предметамъ 30 гульденовъ въ семестръ, да за пользованіе библіотекой $7^1/_2$ гульденовъ (гульденъ составляетъ 60 коп. серебромъ), такъ что все содержаніе обходится ему около 100 талеровъ въ мѣсяцъ, что, конечно, не дешево. Мы вмѣстѣ отправились на лекцію историка Гейссера (Häusser), читающаго о французской революціи. На каѳедру взошелъ здоровый, плотный мужчина, съ крупными чертами лица, и во все время говорилъ стоя. Мастерски охарактери-

зовавъ Робеспьера и вообще терроризмъ, онъ распространился о жалкомъ состояніи тогдашняго французскаго общества, въ которомъ все низошло на степень посредственности, такъ какъ всякое проявленіе таланта подвергалось неумолимому гоненію отъ тираническої власти. Картину несчастныхъ результатовъ терроризма Гейссеръ заключилъ замѣчаніемъ: „многіе думаютъ, что возрожденіе Германіи невозможно безъ пролитія крови; но справедливо ли это? что́ было послѣдствіемъ терроризма во Франціи? — диктатура Наполеона и военный деспотизмъ, возбудившій вскорѣ всеобщую ненависть". Эта лекція была такъ хороша, такъ богата фактами и вмѣстѣ замѣчательна самобытнымъ взглядомъ на нихъ, что я на другой день опять пошелъ слушать Гейссера. Лекціи его производятъ на слушателей сильное впечатлѣніе, что́ въ первый разъ и обнаружилось при мнѣ легкимъ постукиваніемъ ногъ при выходѣ профессора изъ аудиторіи. Онъ уже восемнадцать лѣтъ постоянно читаетъ лекціи по исторіи французской революціи, продолжая безпрерывно изучать источники; можно представить себѣ, какъ великъ накопившійся у него запасъ матеріаловъ, а при его искусствѣ въ разработкѣ ихъ, результатъ не можетъ не быть блистательный.

Въ Гейдельбергѣ живетъ еще другой извѣстный историкъ, нынѣ экспрофессоръ Гервинусъ, который пишетъ теперь исторію XIX столѣтія, но еще болѣе извѣстенъ своею подробною исторіей національной поэзіи нѣмцевъ.. Я его навѣстилъ въ его уютномъ домикѣ по ту сторону Неккара, на берегу рѣки. Мнѣ описывали его человѣкомъ страннымъ и необщительнымъ; я вовсе не нашелъ этого: мы бесѣдовали долго и между прочимъ о Россіи, настоящее положеніе которой очень интересуетъ его. При своемъ умѣренно-либеральномъ образѣ мыслей Гервинусъ высказалъ мнѣ по этому предмету нѣсколько очень здравыхъ замѣчаній.

Еще посѣтилъ я въ этомъ городѣ, чтобъ услышать добрый совѣтъ, знаменитость другого рода, доктора Хеліуса или, какъ здѣсь говорятъ Шеліуса. Въ 8 часу утра я уже не засталъ его: молодой человѣкъ, который мылъ на дворѣ экипажъ, сказалъ мнѣ что Herr Geheimrath отъ 7 до 8 часовъ читаетъ лекцію, а оттуда отправится въ госпиталь, потомъ будетъ ѣздить по городу, по своимъ больнымъ, въ часъ будетъ кушать; застать же его можно послѣ обѣда въ 3 часа. Когда я вторично пришелъ, въ назначенное время, человѣкъ, мывшій поутру экипажъ, теперь преважно сидѣлъ въ бѣломъ галстукѣ передъ входомъ въ покои г. тайнаго совѣтника, и показалъ мнѣ дорогу въ кабинетъ. Старикъ почтеннаго вида сидѣлъ у письменнаго стола и, казалось, ждалъ посѣтителей. Разспросивъ меня съ большимъ вниманіемъ и высказавъ свое мнѣніе, онъ съ привѣтливою улыбкой пожелалъ, чтобъ его совѣ послужилъ мнѣ впрокъ. Я уже прежде слышалъ отъ нѣкоторыхъ р скихъ хорошіе отзывы о Хеліусѣ; на меня онъ также произвелъ п

ктное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что его совѣтъ, устранявшій всякое строгое лѣченіе и открывавшій передо мною близкую перспективу знакомства съ Швейцаріей, совершенно соотвѣтствовалъ собственнымъ моимъ желаніямъ.

Чѣмъ далѣе паръ уносилъ меня на югъ, тѣмъ виды становились интереснѣе: горы смѣнялись долинами, по обѣ стороны дороги мелькали красивыя сторожки (оригиналы Петергофскихъ); наконецъ, явился намъ Рейнъ, въ плоскихъ берегахъ, но окаймленный цѣлымъ рядомъ городовъ и деревушекъ. Между пассажирами былъ еврей изъ Франкфурта на Майнѣ, который съ женой своей ѣхалъ во Фрейбургъ. Хотя одежда ихъ ничѣмъ не отличалась отъ общеупотребительной, однако нельзя было ошибиться въ ихъ національности, по рѣзкому типу ихъ лицъ. Мужъ былъ поразителенъ своимъ невѣдѣніемъ: я никакъ не могъ растолковать ему различіе между Фрейбургомъ Баденскимъ, куда онъ ѣхалъ, и Фрейбургомъ Швейцарскимъ, и хотя я прибѣгнулъ къ помощи карты, онъ продолжалъ все-таки смѣшивать оба города и въ своемъ дорожникѣ читалъ о швейцарскомъ Фрейбургѣ...

ПОѢЗДКА ВЪ ПЕТРОЗАВОДСКЪ И НА КИВАЧЪ [1]).

1868.

Послѣ прошлогодней поѣздки моей въ Тамбовскую и нѣкоторыя приволжскія губерніи для отысканія дополнительныхъ матеріаловъ къ біографіи Державина [2]), мнѣ оставалось въ нынѣшнемъ году посѣтить Петрозаводскъ, гдѣ онъ жилъ въ 1785 г., какъ правитель Олонецкаго намѣстничества.

16 іюля я отправился въ Петрозаводскъ на пароходѣ *Геркулесъ*, о рейсахъ котораго я узналъ изъ объявленій въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. Пріѣхавъ на пристань, услышалъ я, что туда же ходитъ еще и пароходъ другого общества, *Петрозаводскъ*. Отчего же, спросилъ я у одного изъ лицъ, принадлежащихъ къ управленію этого общества, *Петрозаводскъ* не публикуетъ о своихъ рейсахъ? — „Да *Геркулесъ* публикуетъ оттого, что онъ *ищетъ пассажировъ*“, отвѣчали мнѣ, „а *Петрозаводску* этого не нужно“. — Какъ не подивиться такому

---

[1]) Записки Имп. Ак. Наукъ, т. IV, 1863 г.

[2]) См. во II томѣ Записокъ Академіи (1862) статью „О дополнительныхъ матеріалахъ для біографіи Державина, собранныхъ въ путешествіи“.

странному взгляду? Не доказываетъ ли онъ совершеннаго непониманія отношеній къ публикѣ? Всякому члену ея столько же мало дѣла до *Петрозаводска*, сколько и до *Геркулеса*, пока не придетъ надобность воспользоваться однимъ изъ нихъ. Предполагать, что слава можетъ замѣнить объявленія или что всякій нуждающійся въ пароходѣ напередъ поѣдетъ на пристань справляться о днѣхъ отхода судна — есть заблужденіе, которое не можетъ не вредить успѣху предпріятія. Прочитавъ въ газетахъ о *Геркулесѣ*, я на немъ и отправился, ходя день отхода *Петрозаводска*, какъ я послѣ узналъ, былъ бы для меня удобнѣе.

Русское внутреннее пароходство, какъ и всѣ наши внутреннія сообщенія, находится еще на степени младенчества. Въ этомъ убѣдился я прошлаго года, плавая по Волгѣ; нынѣшнее мое плаваніе подтвердило это убѣжденіе. На Волгѣ самые удобные пароходы тѣ, которые принадлежатъ старому *Волжскому* обществу; но и на нихъ пассажиры перваго класса не пользуются большими удобствами, особенно на палубѣ, которая вся доступна пассажирамъ всѣхъ классовъ, такъ что, при обыкновенномъ большомъ стеченіи ѣдущаго народа, тѣснота мѣшаетъ свободному движенію. По крайней мѣрѣ, на пароходахъ *Волжскаго* общества билетовъ 1-го класса раздается не болѣе числа мѣстъ; а на пароходахъ *Самолета* и этого не соблюдается: часто во время Нижегородской ярмарки пассажировъ набирается такое множество, что не только въ каютѣ, но и въ рубкѣ негдѣ ни лечь, ни даже сѣсть, и люди какъ сельди въ боченкѣ. Прибавьте къ этому неопрятность, господствующую на большей части нашихъ пароходовъ и за которую надобно винить не одно ихъ управленіе, но и вообще нравы нашей публики, потому что для большинства ея чистота какъ и порядокъ въ домашнемъ быту, не составляютъ существенной потребности. Это недостатокъ, заключающійся, повидимому, въ самой натурѣ славянскихъ народовъ. Такъ, пріѣхавъ въ чешскую Прагу изъ Берлина и Дрездена, вы бываете поражены оборванными извозчиками и дрожками, у которыхъ дверцы безъ стеколъ и плохо затворяются, точь въ точь какъ въ Петербургѣ или Москвѣ. Подобныхъ и другихъ явленій неопрятности и неряшества вы не увидите не только у нѣмцевъ, но ни во Франціи, ни въ Англіи.

Удобства, которыя предлагаетъ *Геркулесъ* пассажирамъ 1-го класса, также очень ограничены, особенно въ отношеніи къ помѣщенію; такъ напр. дамы не имѣютъ отдѣльной каюты, и мѣста на одномъ полукругломъ диванѣ ничѣмъ не раздѣлены между собою. За то, однакожъ на палубѣ, не такъ какъ на волжскихъ пароходахъ, есть отгороженное мѣсто для 1-го класса, и нѣкоторый просторъ для движенія. Буфетъ на пароходѣ содержится очень порядочно, припасы бываютъ по большей части свѣжіе и съѣстное вообще отпускается дешево. Капитанъ

опытному моряку, А. И. Дергачеву должно отдать справедливость, что онъ умѣлъ соединить два рѣдко совмѣстимыя качества: строгость къ соблюденіи правилъ порядка и предупредительную внимательность къ пассажирамъ. Особенно понравилось мнѣ его обращеніе съ лоцманами на Свири: обычнымъ стаканомъ водки на прощанье онъ награждалъ только тѣхъ изъ нихъ, которыми оставался совершенно доволенъ; показавшихъ же недостаточное знаніе своего дѣла онъ отсылалъ безъ этого или даже высаживалъ на берегъ до окончанія станціи. Пониманіе важности своего званія и соединенной съ нимъ великой отвѣтственности еще не вполнѣ развиты между русскими лоцманами. Одинъ изъ свирскихъ навелъ насъ на камень, по которому корма парохода прокатилась со стукомъ, напугавшимъ все наше общество. Виновникъ тотчасъ же былъ замѣненъ помощникомъ капитана и не смотря на земные поклоны удаленъ съ угрозою, что на него будетъ подана жалоба. Подобныхъ случаевъ я никогда не видалъ въ Финляндіи, гдѣ однакожъ отъ лоцмановъ требуется еще гораздо болѣе искусства между шкерами и въ извилистыхъ, узенькихъ рѣкахъ, усѣянныхъ порогами.

Наша Свирь также порожиста и очень извилиста (отъ чего и происходитъ и названіе ея [1]), но она сравнительно широка; плывя по ней, мы справлялись съ картой ея теченія, приложенной къ сочиненію академика Озерецковскаго: „Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому“, изданному въ 1792 г. Съ тѣхъ поръ никто другой съ такою подробностью и точностью не описывалъ этихъ мѣстъ. Замѣчательно, что карта Ладожскаго озера въ первый разъ снята только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а карты Онежскаго озера еще и вовсе нѣтъ.

Пребываніе мое въ Петрозаводскѣ было посвящено собиранію свѣдѣній о кратковременномъ управленіи Олонецкой губерніи Державинымъ. Въ 1784 году бывшая Олонецкая область была преобразована въ губернію съ губернскимъ городомъ Петрозаводскомъ, куда только за два года передъ тѣмъ переведены изъ Олонца областныя присутственныя мѣста. 23 мая 1784 г. Державинъ, незадолго до того прославившійся одою „Фелица“, и по неудовольствіямъ съ генералъ-прокуроромъ кн. Вяземскимъ оставившій службу при сенатѣ, былъ назначенъ правителемъ этого новаго намѣстничества. Онъ прибылъ въ Петрозаводскъ не прежде какъ въ концѣ года: губернія была торжественно открыта только 17 декабря въ присутствіи его и генералъ-губернатора Архангельскаго и Олонецкаго, генералъ-поручика Тимоѳея Ивановича Тутолмина. Въ первое время оба начальника жили очень согласно и почти ежедневно проводили вечера другъ у друга; но такъ какъ Тутолминъ былъ очень гордъ и самовластенъ, а Державинъ хо-

[1]) *Свирять* значитъ то же что *вилять*; см. *Опытъ Областнаго Словаря*.

тѣлъ дѣйствовать самостоятельно, руководствуясь только закономъ, то между ними и открылся вскорѣ разладъ. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что предсѣдателемъ верхняго земскаго суда былъ родственникъ генералъ-губернатора, Николай Тутолминъ, котораго Державинъ не допускалъ пользоваться такимъ родствомъ для нарушенія порядка службы. Мало-по-малу отношенія между генералъ-губернаторомъ и правителемъ намѣстничества сдѣлались невыносимы для послѣдняго, и онъ въ октябрѣ 1785 г., окончивъ ревизію губерніи, выхлопоталъ себѣ отпускъ, уѣхалъ въ Петербургъ и болѣе не возвращался. Между тѣмъ императрица перевела его въ Тамбовскую губернію. Изъ бумагъ того времени видно, что составъ присутственныхъ мѣстъ въ Петрозаводскѣ распадался на двѣ партіи, что противъ Державина были также вице-губернаторъ Сергѣй Матвѣевичъ Зиновьевъ, прокуроръ Грейцъ, и даже нѣкоторые изъ чиновниковъ губернскаго правленія.

Передъ поѣздкою въ Петрозаводскъ я слышалъ отъ разныхъ лицъ, что тамошніе архивы находятся въ весьма жалкомъ положеніи, что они расхищены и что едва-ли стоитъ ѣздить туда для моей цѣли. Эти отзывы оказались, однако-жъ, въ значительной степени преувеличенными. Хотя изъ дѣлъ, производившихся тамъ въ Державинское время, дѣйствительно сохранились не очень многія, однако-жъ уцѣлѣли: всѣ журналы губернскаго правленія, реестръ входящимъ бумагамъ съ собственноручными резолюціями губернатора и другіе документы. Благодаря благосклонному содѣйствію нынѣшняго начальника губерніи Юлія Константиновича Арсеньева, вице-губернатора Аѳиногена Васильевича Виноградскаго, завѣдывающаго архивомъ Алексѣя Михайловича Рудницкаго, совѣтника губернскаго правленія Павла Николаевича Рыбникова и секретаря гражданской палаты Александра Ивановича Иванова, я пользовался на дому какъ этими матеріалами, такъ и нѣкоторыми дѣлами губернскаго правленія, гражданской палаты и приказа общественнаго призрѣнія, которымъ мнѣ предварительно были доставлены описи.

Сверхъ того, я обязанъ А. И. Иванову, бывшему редактору Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей и Памятной Книжки Олонецкой губерніи за нѣсколько лѣтъ, важнымъ документомъ, который считался невозвратно потерянным. Это — собраніе предложеній Державина, сбереженное г. Ивановымъ въ копіи, тогда какъ подлинникъ, составлявшій толстую тетрадь, дѣйствительно кѣмъ-то похищенъ. Къ сожалѣнію, у насъ встрѣчаются слишкомъ часто подобныя похищенія, д казывающія невѣжественное неуваженіе къ святынѣ архива и н наукѣ. Люди, позволяющіе себѣ такіе подвиги, иногда сами не пон маютъ, что они дѣлаютъ; такъ, по крайней мѣрѣ, надобно заключа: по ихъ наивнымъ разсказамъ о сдѣланныхъ этимъ путемъ пріобрѣт

ніяхъ. Другіе, напротивъ, хранятъ съ величайшею осторожностію тайну такихъ стяжаній, обыкновенно погибающихъ, не принося пользы никому, подобно тѣмъ кипамъ писемъ и другихъ любопытныхъ частныхъ бумагъ, которыя истлѣваютъ на чердакахъ и въ подвалахъ многихъ русскихъ домовъ.

Въ Петрозаводскѣ цѣлъ еще домъ, въ которомъ жилъ Державинъ,—одноэтажное строеніе съ мезониномъ, деревянное, но снаружи обложенное кирпичемъ, а внутри оштукатуренное. Это одно изъ казенныхъ строеній, принадлежащихъ управленію тамошняго пушечнаго завода и составляющихъ цѣлый рядъ домовъ на концѣ Англійской улицы. Противъ нихъ находится самый заводъ, а еще дальше два большія красивыя зданія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и нынѣшній губернаторскій домъ. Все это въ первоначальномъ видѣ построено еще лѣтъ за 10 до открытія Олонецкой губерніи. Домъ Державина сохраняетъ прежній видъ и только внутри подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Почтенный петрозаводскій старожилъ Иванъ Кирилловичъ Чудиновъ, почти 80-лѣтній старецъ (ровесникъ Олонецкой губерніи, онъ родился 1784 г.), но еще удивительно бодрый и дѣятельный, помнитъ старинное расположеніе комнатъ этого дома. Какъ любитель старины, занимающійся самъ собираніемъ историческихъ свѣдѣній и преданій о краѣ, онъ принялъ живое участіе въ предметѣ моихъ разысканій, водилъ меня по этому дому, который временно никѣмъ не занятъ [1]), и доставилъ мнѣ сдѣланный нарочно по этому случаю чертежъ, представляющій какъ наружный видъ, такъ и прежнее внутреннее устройство дома. Г. Чудиновъ сообщилъ мнѣ сверхъ того нѣсколько преданій о генералъ-губернаторѣ Тутолминѣ и показывалъ за городомъ въ *Древлянкѣ* гористое, живописное мѣсто, гдѣ былъ его домъ, построенный на барскую ногу и со всевозможными затѣями быта русскаго вельможи XVIII вѣка. Тутолминъ занималъ прежде ту же должность въ Екатеринославской губерніи и привезъ съ собой оттуда большое число дворянъ, такъ что въ Петрозаводскѣ вдругъ возникло довольно оживленное общество и на улицахъ его появилось болѣе экипажей, чѣмъ когда-либо въ послѣдующее время.

Такимъ образомъ съ помощію названныхъ лицъ мнѣ удалось пополнить многими любопытными чертами запасъ матеріаловъ для біографіи Державина. Конечно, собранныхъ мною свѣдѣній я никакъ не могу считать достаточными для полнаго изображенія административной дѣятельности Державина въ Олонецкой губерніи; по прошествіи стольких лѣтъ, когда въ обществѣ нѣтъ уже никакихъ живыхъ свидѣтельствъ о тогдашнихъ обстоятельствахъ, архивы же успѣли въ зна-

[1]) Нѣсколько времени тому назадъ въ немъ помѣщался клубъ; потомъ онъ служилъ недолго молельнымъ домомъ петрозаводскихъ протестантовъ.

чительной мѣрѣ оскудѣть, выполненіе такой задачи уже не лежитъ въ предѣлахъ возможности. Все, къ чему можно стремиться, ограничивается нѣкоторымъ запасомъ отдѣльныхъ фактовъ, которые позволяли бы судить о цѣломъ, и въ этомъ отношеніи я могу, кажется, быть доволенъ результатами моей поѣздки, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ мною лицъ обѣщали мнѣ и дальнѣйшее свое содѣйствіе въ занимающемъ насъ дѣлѣ.

Наконецъ, я долженъ публично изъявить мою признательность г. директору Петрозаводской гимназіи Ѳедору Николаевичу Фортунатову, который во все время моего пребыванія въ Петрозаводскѣ оказывалъ мнѣ дѣятельную помощь какъ сближеніемъ меня съ лицами, которыхъ указанія могли мнѣ быть полезны для моей цѣли, такъ и въ непосредственномъ ознакомленіи меня съ особенностями края.

Въ его же обществѣ ѣздилъ я на *Кивачъ*, прославленный стихами Державина. Онъ находится на сѣверо-западъ отъ Петрозаводска, въ 63 верстахъ оттуда. Верстъ 6 ѣхали мы сначала по Петербургской дорогѣ, потомъ по Повѣнецкой и напослѣдокъ своротили на Кончезерскую. Самая дорога къ Кивачу замѣчательна по характеру мѣстности, чрезъ которую она проходитъ, и которая, какъ и весь западный край губерніи, представляетъ въ полномъ смыслѣ типъ финляндской природы съ ея озерами, скалами и хвойнымъ лѣсомъ. Въ 17-ти верстахъ отъ города, переѣхавъ гору Сулажъ, мы очутились у перевоза чрезъ рѣку Шую, впадающую въ Логмозеро, соединенное посредствомъ протока съ Онѣжскимъ. По лѣвой сторонѣ ея расположено, на протяженіи 13 верстъ, до 12 деревень, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Шуи. Выше парома, предъ церковью, шумитъ и здѣсь большой порогъ. За этой рѣкой дорога тянется по длинному перешейку между двухъ озеръ: справа идетъ Кончозеро, а слѣва Укшозеро. Въ 15-ти верстахъ отъ Шуйскаго перевоза лежитъ деревня Кòссалма у протока того же имени, который въ этомъ узкомъ мѣстѣ перешейка соединяетъ оба озера и по довольно крутому скату льется изъ Кончозера въ Укшозеро: послѣднее значительно ниже перваго. Замѣчательно, что такимъ же образомъ расположены здѣсь цѣлые два ряда озеръ, изъ которыхъ одни на нѣсколько саженъ выше другихъ и вмѣстѣ выше уровня Онежскаго озера; по разсказамъ туземцевъ, нижнія озера гораздо спокойнѣе верхнихъ и усѣяны островами. Здѣшнія мѣстныя названія по большей части финскаго происхожденія, что̀ и естественно, такъ-какъ почти все пространство къ западу отъ Онежскаго озера считаетъ коренными жителями своими кореловъ. Это часть финской Кореліи, продолженіе которой заключено въ границахъ Выборгской и Куопіоской губерній. Такъ названіе Кòссалмы, — очевидно, финское, составленное изъ koski (порогъ) и salmi (проливъ), ибо деревня стоитъ у самаго ручья, съ шумомъ несущагося черезъ пороги. Судя по избѣ, въ которой мы остановились

здѣшніе крестьяне живутъ въ довольствѣ. Домовитая хозяйка, встрѣтившая г. Фортунатова какъ стараго знакомаго (онъ одно лѣто жилъ у нея здѣсь со всѣмъ своимъ семействомъ), проворно изготовила намъ цѣлый обѣдъ, состоявшій изъ *камитокъ* — тоненькихъ ржаныхъ лепешекъ съ гречневою кашей, — ухи, яичницы и ягодъ.

Далѣе, въ 13-ти верстахъ отсюда, еще замѣчательный пунктъ — Кончезерскій чугунно-литейный заводъ, который разумѣетъ Державинъ, когда говоритъ въ *Водопадѣ*:

> Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
> Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ.

Впрочемъ, въ этихъ стихахъ болѣе поэзіи, нежели истины: хотя Озерецковскій въ своемъ „Путешествіи“ и говоритъ, что съ 1750 года было на Кончезерскомъ заводѣ четыре домны, а для литья орудій разныя фабрики, но изъ *Подлинной записки*, которую велъ Державинъ во время поѣздки своей по губерніи, видно, что тогда эти заведенія были въ бездѣйствіи: „уже четыре года“, сказано въ запискѣ, „какъ онѣ не дѣйствуютъ и всѣ орудія ветхи и требуютъ поправленія“. Слѣдовательно Державинъ, подъѣзжая къ водопаду, не могъ слышать стука заводскихъ орудій; но, вѣроятно, ему разсказывали, что въ прежнее время шумъ отъ работъ сливался съ ревомъ водопада, и онъ воспользовался этой чертой для дополненія своей картины. Нынче производительныя силы завода очень ограниченны. Основанный Петромъ Великимъ въ 1707 году для плавки мѣди, открытой въ окрестностяхъ, онъ впослѣдствіи былъ назначенъ для обработки желѣза, а теперь приготовляетъ только чугунъ для пушечнаго завода, находящагося въ Петрозаводскѣ, и имѣетъ не болѣе одной доменной печи да одной кузницы. Въ обыкновенное время здѣсь выдѣлывается отъ 60 до 80 тысячъ пудовъ чугуна.

Мѣстоположеніе завода очень живописно: онъ лежитъ между озерами Пертъ-Наволоцкимъ [1]) и Кончезерскимъ, которое ниже перваго и принимаетъ изъ него рѣчку, прорѣзывающую узкій перешеекъ. Съ возвышенія, до котораго около версты оттуда, открывается прелестный видъ на оба озера, на заводъ и на окрестные дома и селенія. На двухъ противуположныхъ берегахъ Кончезерскаго озера двѣ деревни, извѣстныя въ народѣ подъ названіемъ: *восточной* (восточной) и *западной*.

Въ 14-ти верстахъ далѣе на берегу р. Суны деревня *Воронова*. Зѣсь ѣдущіе къ водопаду оставляютъ экипажъ и садятся въ лодку, которой плывутъ 7 верстъ по рѣкѣ, почти до самаго Кивача. Удобствами этого водяного пути проѣзжіе обязаны путешествію Государя въ 1858 году, которое вызвало вообще много построекъ и улуч-

[1]) Отъ слова *наволокъ*, которое въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ значитъ *мысъ*.

шеній въ средствахъ передвиженія по губерніи. Тогда сдѣланъ и паромъ, на которомъ теперь переѣзжаютъ черезъ Шую, тогда же возникла новая пароходная пристань въ Петрозаводскѣ, произведены разныя передѣлки въ губернаторскомъ домѣ и т. п. Все это совершено съ необыкновенною дѣятельностью тогдашнимъ губернаторомъ Н. П. Волковымъ, о которомъ многіе въ Петрозаводскѣ вспоминаютъ съ благодарностью. Съ 1858 года на пристани передъ деревнею Вороновою находятся къ услугамъ проѣзжихъ двѣ лодки, одна двухъ-, другая четырехвесельная. Мы избрали послѣднюю. Когда мы садились, между гребцами чуть не произошла драка: двое долго не хотѣли уступить другъ другу очереди. Наконецъ мы отправились. Вскорѣ открылось, что почти всѣ гребцы были пьяны; недавно возвратясь отъ Кивача съ другимъ обществомъ, они уже успѣли употребить по-своему полученныя деньги. Состояніе ихъ оказалось особенно неудобнымъ для насъ, когда, по миновании небольшого порога, надобно было тянуть бечевую: одинъ изъ взявшихся за это клалъ почти на каждомъ шагу земные поклоны, и изъ лодки безпрестанно раздавалось произносимое оставшимися въ ней двумя мужиками *засорило*, когда веревка задѣвала за кустъ или камень. Разъ даже во время такой остановки лодка наша такъ сильно покачнулась на бокъ, что мы ужъ не надѣялись-было увидѣть *Кивачъ*. Но вотъ уже стали показываться кружки пѣны, которые дѣлались все чаще и чаще и наконецъ, превратившись въ клочки, покрывали сплошнымъ слоемъ почти всю поверхность Суны. Шумъ водопада сталъ слышаться только версты за двѣ; но гребцы сказали намъ, что разстояніе, до котораго онъ долетаетъ, зависитъ отъ погоды, и что часто можно разслышать его даже за Вороновою, слѣдовательно далѣе 7-ми верстъ. По мѣрѣ приближенія къ водопаду все виднѣе становился столбъ водяной пыли, который подобно дыму подымался надъ деревьями. Поросшіе лѣсомъ берега Суны совершенно пустынны; на всемъ семиверстномъ протяженіи мы не видѣли ни одного человѣческаго жилища; только вправо отъ насъ тянулся вдоль берега узкій бечевникъ, означенный верстовыми столбами. Суна выходитъ изъ озера того же имени въ Повѣнецкомъ уѣздѣ и покрыта множествомъ пороговъ: выше Кивача можно насчитать ихъ, по словамъ нашихъ гребцовъ, до 30-ти, и одинъ, называемый Поръ-порогъ, какъ говорятъ, еще величественнѣе Кивача. Ширина Суны простирается отъ 30 до 60 саженъ, глубина мѣстами очень значительна. Верстахъ въ 25 ниже Кивача рѣка впадаетъ въ Онежское озеро.

Уже Кивачъ былъ близокъ, а поверхность рѣки все оставалась гладкою, и его не было видно. Это отъ того, что тотчасъ послѣ по денія рѣка круто поворачиваетъ въ сторону и водопадъ скрываетс за мысомъ. Надъ пристанью, съ правой стороны, показался красивы привѣтливый домъ, построенный въ 1858 г. Это опять одна изъ п

троекъ, возникшихъ по случаю ожиданія пріѣзда Государя. Было же около 10 часовъ вечера, когда мы вышли на берегъ и поднялись по легкой деревянной лѣстницѣ къ домику. Убѣдившись, что темнота и туманъ не позволяли теперь же ознакомиться съ водопадомъ, мы почли себя въ правѣ предаться матеріальнымъ заботамъ. Однако-жъ мы тотчасъ же увидѣли, что тотъ бы жестоко ошибся, кто по привѣтливому виду домика сталъ бы расчитывать на нѣкоторый комфортъ внутри его: роскошная мебель, увезенная отсюда тотчасъ послѣ недавняго посѣщенія Государя Наслѣдника, не замѣнена другою, болѣе скромною, и поэтому красивый домикъ не предлагаетъ путешественнику ничего, кромѣ нѣсколькихъ голыхъ скамеекъ. Приставленный къ домику сторожъ куда-то отлучился: съ трудомъ добились мы у жены его самовара и нѣсколькихъ чашекъ. Невольно переносился я въ мысляхъ на Иматру, гдѣ уже лѣтъ 20 тому назадъ путешественникъ находилъ гораздо большія удобства. Но за негостепріимный ночлегъ мы были на другое утро щедро вознаграждены природою. Въ 7 часовъ утра туманъ разсѣялся, и Кивачъ предсталъ намъ во всемъ своемъ великолѣпіи. *Алмазная гора* сыпалась передъ нами *четырьмя скалами* или, говоря прозой, четырьмя *уступами* съ высоты нѣсколькихъ саженъ. Озерецковскій, видѣвшій водопадъ въ одинъ годъ съ Державинымъ, насчитываетъ только три уступа; въ самомъ дѣлѣ, верхній уступъ такъ малъ, что можно усомниться, считать ли его особо или нѣтъ. Широкая полоса воды у подошвы большого утеса падаетъ бѣлою клубящеюся массою пѣны съ далеко летящими брызгами; на серединѣ высоты, при сіяніи солнца, образуется радуга, ярко рисующаяся на зелени прибрежнаго лѣса. Возлѣ главнаго полотна вода падаетъ по разсѣлинамъ скалъ нѣсколькими узкими струями. Не смотря на позднюю пору лѣта (во второй половинѣ іюля), воды въ нынѣшнемъ году здѣсь довольно, такъ что Кивачъ представляется лучше, нежели бываетъ обыкновенно въ это время; такъ на рисункѣ его, сдѣланномъ академикомъ Г. П. Гельмерсеномъ въ 1858 году, обнажены у вершины водопада нѣкоторые камни, бывшіе при насъ подъ водою. По обилію воды и по разнообразной живописной формѣ паденія съ довольно значительной высоты, Кивачъ есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ водопадовъ сѣверной Европы, безопасно выдерживающій сравненіе съ Иматрой и съ Троллгеттой [1]). Онъ достоинъ сдѣлаться цѣлью болѣе частыхъ прогулокъ по Ладожскому

[1]) Trollhätta — извѣстный водопадъ на рѣкѣ Готѣ въ Швеціи. Названіе его значитъ *шапка великана* и основывается на мѣстномъ преданіи, какія существуютъ и всѣхъ большихъ водопадахъ. Эта-то Троллгетта подала Батюшкову поводъ сказать, хотя и невѣрно: „На зеркальныхъ водахъ пустынной Троллетанн“. Описаніе Троллгетты см. въ статьѣ моей „Отъ Веттера до Венера“ въ *Отеч. Зап.* 1850, т. отд. VIII (см. также „Труды“, т. I).

и Онежскому озерамъ. На другомъ берегу рѣки устроена открытая бесѣдка для желающихъ осмотрѣть водопадъ и съ этой стороны; мы переправились туда на знакомой уже лодкѣ и гуляя по берегу смотрѣли, какъ гребцы бросали въ водопадъ огромные сучья и стволы, которые мгновенно исчезали въ кипящей пѣнѣ и потомъ выплывали изломанные. Вверху водопада остановилось нѣсколько бревенъ, задержанныхъ запонью, устроенною для того, чтобы направлять ихъ въ деревянное русло, сдѣланное въ 1838 г. для обхода водопада. Теперь этотъ каналъ, неизвѣстно почему, закрытъ, и лѣсъ, какъ прежде, сплавляется по самому Кивачу, причемъ однакожъ только меньшая половина бревенъ сохраняетъ цѣлость послѣ такого скачка.

Дика вся окрестность Кивача; но для того, кто видѣлъ ее, страненъ становится стихъ Батюшкова, относящійся къ Державину:

Онъ громокъ, быстръ и силенъ
Какъ Суна *средь степей.*

Суну окружаютъ не степи, а дремучіе лѣса, гдѣ во множествѣ водятся медвѣди, волки и олени.

Рисуя картину водопада, Державинъ не случайно вставилъ въ рамку ея волка и лань. Едва мы отплыли, на обратномъ пути, нѣсколько саженъ отъ Кивача, какъ слухъ нашъ былъ дѣйствительно пораженъ воемъ волка; за нѣсколько минутъ до нашего отъѣзда, одинъ изъ гребцовъ случайно узналъ, что лошадь его разорвалъ волкъ. Невольно приходили на память стихи:

Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится:
Огонь горитъ въ его глазахъ
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.
Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Идея присоединить и коня къ картинѣ водопада, вѣроятно, была внушена поэту тѣмъ, что прежде, когда средства сообщеній въ этомъ краю были хуже, къ Кивачу часто ѣздили верхомъ, и, чтобы посмотрѣть на него съ другого берега, переправляли туда лошадей.

Впрочемъ замѣтимъ, что какъ въ этомъ изображеніи животныхъ такъ и въ другихъ картинахъ, входящихъ въ составъ оды *Водопад* Державинъ воспользовался нѣкоторыми чертами изъ пѣсенъ бардов

ни одно изъ его произведеній такъ не проникнуто духомъ величественной поэзіи Оссіана, какъ *Водопадъ*.

Въ 1788 вышла въ Петербургѣ маленькая книжка подъ заглавіемъ *Поэмы древнихъ бардовъ*, переводъ А. Д. Чтеніемъ ея едва-ли не началось знакомство Державина съ этимъ міромъ поэзіи. Вскорѣ послѣ выхода этой книжки стали появляться и другіе переводы пѣсенъ бардовъ. Понятно, слѣдовательно, что во время сочиненія *Водопада* вниманіе Державина должно было особенно быть обращено на эту отрасль европейской поэзіи, которая подъ именемъ Оссіановской производила тогда такъ много шуму во всѣхъ странахъ. Впечатлѣніе, произведенное на нашего поэта *Поэмами древнихъ бардовъ*, отразилось на многихъ мѣстахъ *Водопада* образами, которыхъ первыя очертанія мы находимъ въ этой книжкѣ. Такое соотношеніе между обоими произведеніями будетъ подробно указано въ новомъ изданіи сочиненій Державина; здѣсь же, въ подкрѣпленіе сдѣланнаго замѣчанія, приведу слѣдующее мѣсто изъ *Описанія Октябрской ночи въ Шотландіи* [1]), составляющаго первый отдѣлъ *поэмъ*: „Елень лежитъ на мхѣ, растущемъ по горѣ; еленица покоится возлѣ него; она услышала отзывъ вѣтровъ, раздающихся въ рогахъ ея! Я вижу, какъ она, встревожась, вдругъ подъемлетъ свою голову и, приложа уши, окрестъ себя озирается; потомъ, увѣрясь въ безопасности, паки голову свою уклоняетъ. Дикая коза спитъ въ разсѣлинѣ горы. Тетеревъ сокрылъ свою голову подъ крыло“ и проч.

Съ картиною Кивача въ стихахъ Державина любопытно сблизить отрывокъ изъ упомянутой выше *Поденной записки* его, содержащей между прочимъ описаніе этого водопада. Отправясь для обозрѣнія губерніи 19 іюля 1785 г. съ служившими при немъ Николаемъ Эминымъ и Грибовскимъ (впослѣдствіи близкимъ къ Императрицѣ) [2]), онъ началъ свое путешествіе плаваніемъ по Онежскому озеру и вышелъ на берегъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Суна впадаетъ въ это озеро. Они на маленькихъ лодкахъ поплыли вверхъ по этой рѣкѣ и пристали при деревнѣ Вороновой.

Посѣтивъ Кончезерскій заводъ, куда ѣздили оттуда верхомъ, они воротились въ деревню и въ тотъ же день, „сѣвъ на лодки, поѣхали по рѣкѣ Сунѣ къ порогу, именующемуся Кивачемъ“. *Поденная записка* продолжаетъ: „Сей разстояніемъ отъ деревни находится въ 6 верстахъ: дикость положенія береговъ и безпрестанныя видовъ перемѣны ежечасно упражняютъ взоръ. Проѣхавъ три версты, рѣка была по-

---

[1]) Припомнимъ въ Водопадѣ стихъ:

Сошла октябрска ночь на землю...

[2]) Николай Ѳедоровичъ Эминъ, сынъ извѣстнаго писателя, былъ впослѣдствіи [illegible] оргскимъ губернаторомъ, ум. 1814 г.; объ Адріанѣ Моисеевичѣ Грибовскомъ см. [illegible] ію о моемъ прошлогоднемъ путешествіи въ Зап. Ак. (т. II).

крыта пѣною и чѣмъ ближе подъѣзжали, тѣмъ пѣна сія была гуще и, насѣдая на берега, казала оные какъ-бы унизанными бѣлыми каменьями. Въ верстѣ отъ пороговъ показался въ правомъ боку дымъ, который по мѣрѣ приближенія сгущался. — Наконецъ, приставъ, и взошедъ на гору, увидѣли мы пороги сіи: между страшными крутизнами черныхъ горъ, состоящихъ изъ темносѣраго крупнозернистаго кнейса, находится жерло глубиною до 8 саженъ. Въ оное съ горъ, лежащихъ къ востоку и полудню, падаетъ съ великимъ шумомъ вода, при паденіи разбивается въ мелкіе брызги, на подобіе разсыпанной въ множествѣ муки; пары столбомъ возстающіе досягаютъ до вершинъ двадцатипяти-саженныхъ сосенъ и оныя омочаютъ. Чернота горъ и сѣдина бѣющей съ шумомъ и пѣнящейся воды наводятъ нѣкій пріятный ужасъ и представляютъ прекрасное зрѣлище".

Въ *Поденной запискѣ* разсказъ этотъ отмѣченъ 21 іюля; случилось довольно странно, что мы, безъ всякаго преднамѣренія, поѣхали на Кивачъ того же числа и мѣсяца, ровно черезъ 78 лѣтъ послѣ Державина. Что касается до названія этого водопада, то оно, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ финскаго слова kivi — камень и, какъ кажется, составляетъ, или, по крайней мѣрѣ, прежде составляло мѣстное нарицательное, а не собственное имя, для означенія большого порога. Къ этой мысли приводитъ меня между прочимъ одно мѣсто изъ упомянутой *Поденной записки*, гдѣ въ статьѣ объ Онежскомъ озерѣ, названномъ тутъ „Великое Онего", сказано о рѣкахъ Шуѣ и Суйѣ: „Мѣстами проѣзжаютъ по онымъ малыми судами; свободнаго же, по причинѣ двухъ кивачей или большихъ, и множества другихъ малыхъ пороговъ, судоваго хода по нимъ нѣтъ".

ПИСЬМО ИЗЪ РИМА [1]).

1876.

18/30 сент. 1876 г.

Нелегка задача путешественника по Италіи, который въ короткое время долженъ осмотрѣть многое и успѣть записать хоть кое-что изъ своихъ наблюденій и впечатлѣній. Ходить или ѣздить изъ одного музея въ другой, изъ одной церкви въ другую, я нахожу и утомительнымъ, и мало полезнымъ. Прежде осмотра подробностей, я всегда

---

[1]) Славян. Сборникъ, т. II, 1877 г. съ слѣдующ. примѣчаніемъ его редакціи: „Любопытное письмо нашего высокоуважаемаго соотечественника, академика Я. Грота, даетъ намъ случай вспомнить другой, не менѣе знаменательный фактъ, характеризующій современное направленіе исторической жизни объединяющагося итальянскаго народа и отношенія его къ славянству. Разумѣемъ новое религіозное движеніе

увствую потребность напередъ ознакомиться съ мѣстностью въ главныхъ ея чертахъ, съ расположеніемъ улицъ новаго для меня города, особенно ихъ пунктовъ его, гдѣ находятся интереснѣйшія зданія или учрежденія. Затѣмъ уже я посѣщаю важнѣйшіе изъ памятниковъ или коллекцій.

Вопросъ: слѣдуетъ ли писать о странѣ, съ которою кратковременное въ ней пребываніе не позволяетъ ознакомиться основательно, — долго мѣшалъ мнѣ приняться за перо. Однако, желаніе подѣлиться нѣкоторыми впечатлѣніями съ моими соотечественниками, и особенно съ вами, заставило меня, наконецъ, преодолѣть эти сомнѣнія.

Незадолго передъ выѣздомъ изъ Россіи, мнѣ случилось прочитать въ одномъ изъ нашихъ журналовъ написанную лѣтъ шесть тому назадъ статью о современной Италіи. Авторъ охуждаетъ въ этой странѣ рѣшительно все, начиная съ климата, — нравы, учрежденія, бытъ, и сознается, что вынесъ оттуда совершенное разочарованіе. Я не могу съ нимъ согласиться, хотя нѣкоторые изъ его отзывовъ и справедливы. Правда, что самъ онъ не разъ выражаетъ надежду на разныя улуч-

проявившееся въ южной Италіи, именно, въ Неаполѣ. Какъ этимъ религіознымъ движеніемъ, такъ и движеніемъ, описываемымъ Я К. Гротомъ, часть итальянскаго народа сознательно противодѣйствуетъ духу папской гордыни, выразившейся въ провозглашеніи догмата непогрѣшимости папы, духу всякаго коварства, которымъ проникнуты всѣ дѣйствія папской политики, постоянно сѣющей между христіанскими народами вражду и употребляющей всѣ усилія держать ихъ въ духовномъ рабствѣ. Въ Неаполѣ образуется католическая народная итальянская, независимая отъ папской власти, церковь, которая стремится примкнуть къ православной греко-восточной церкви, имѣетъ уже свыше 10-ти т. членовъ, постоянно пріумножается и крѣпнетъ. На мѣсто недавно скончавшагося представителя этой церкви, о. Прота-Трабуко, единогласно избранъ ею Людовикъ Прота-Джіорлео, и возбуждено ходатайство, чтобы онъ былъ поставленъ во епископа соборомъ (синодомъ) русско-православныхъ іерарховъ. Органъ народной итальянской церкви „Emancipatore Cattolico“ напечаталъ рядъ статей, подъ заглавіемъ: „Римско-католическая и греко-русская православная церковь и въ чемъ онѣ различаются между собою“. Въ этихъ статьяхъ православной церкви оказывается величайшее уваженіе, основательно выяснено ея вѣроученіе и доказывается, что въ ней одной сохранилась апостольская церковь. Въ то же время авторъ указанныхъ статей съ безпощаднымъ осужденіемъ относится къ Римской куріи, которая, по его словамъ, поддерживаетъ и даже возбуждаетъ и распространяетъ тѣсный союзъ креста съ полумѣсяцемъ, Христа Сына Божія — съ обманщикомъ Магометомъ, преемника Петра — съ калифомъ Османовъ“. „Emancipatore Cattolico“ печатаетъ много статей о современномъ положеніи славянскаго міра. Въ одной изъ такихъ статей, между прочимъ, говоритъ: „Въ самомъ дѣлѣ, во имя какого принципа вступаетъ теперь въ войну и на первомъ планѣ колоссальная сѣверная держава — Россія? Во имя свободы христіанскаго народа, угнетаемаго и подавляемаго втеченіе вѣковъ ордою варварскихъ завоевателей, которыхъ религія состоитъ въ чувственности, моральность — обманѣ, будущность — зависитъ отъ слѣпой судьбы и которыхъ стремленія заключаются въ истребленіи всякой цивилизаціи и прогресса. Что же такое христіанство, е. религія угнетеннаго народа, который Россія желаетъ освободить? Это христіанство — истинная свобода, равенство всѣхъ предъ вѣчнымъ закономъ чести и правды, ука, неотъемлемое право разумнаго существа, неусыпное Провидѣніе Божіе, которое все установляетъ и управляетъ совершеннымъ образомъ. Это христіанство есть,

шенія вслѣдствіе объединенія Италіи и что со времени этого важнаго факта прошло болѣе пятилѣтія, но едва-ли въ нравахъ народа, установившихся вѣками, могутъ совершаться такія быстрыя измѣненія.

Въ сношеніяхъ съ итальянцами разныхъ сословій я не могъ до сихъ поръ замѣтить той нечестности и склонности къ обману, въ которыхъ многіе ихъ обвиняютъ; напротивъ, я часто былъ пораженъ умѣренностью ихъ требованій и правдивостью при покупкахъ и другихъ сдѣлкахъ; конечно, съ ними можно торговаться, и они обыкновенно дѣлаютъ уступки, но таковъ ужъ ихъ обычай въ торговлѣ. За то сколько въ нихъ добродушія, веселости, привѣтливости, услужливости. Я прежде уже слыхалъ, что между итальянцами и русскими много сходства (объ этомъ, помню, между прочимъ, печатное замѣчаніе Шевырева), но никогда не ожидалъ, чтобъ это сходство было такъ велико. Оно обнаруживается и въ національномъ ихъ характерѣ,

---

наконецъ, религія взаимной любви, которая дѣлаетъ изъ человѣческаго рода одно общее семейство, установленное вѣчнымъ опредѣленіемъ, въ которомъ сосредоточивается равновѣсіе всѣхъ интересовъ матеріальныхъ и моральныхъ: не дѣлай другимъ того, чего не желаешь самому себѣ".

Затѣмъ, упомянувъ о возможныхъ замыслахъ, приписываемыхъ Россіи различными органами европейской печати, и высказавъ свои предположенія относительно возможнаго исхода какъ-будто приближающейся на востокѣ борьбы, „Emancipatore Cattolico" заключаетъ: „Итакъ, остается только распространеніе политическаго протектората Россіи надъ союзомъ христіанскихъ государствъ, которыя, естественно, должны возникнуть на развалинахъ Турецкой имперіи. Теперь этотъ протекторатъ, оказываемый христіанскимъ княжествамъ державою существенно христіанскою, прежде чѣмъ быть опасностію для свободныхъ европейскихъ учрежденій, служитъ однимъ изъ ручательствъ болѣе прочныхъ и надежныхъ, такъ какъ христіанство, какъ уже было замѣчено, есть факторъ свободы, а не рабства, въ противоположность латинскому папству, которое есть самая сильная опора послѣдняго и даже его воплощеніе.

„Прибавляемъ, что только при помощи благодѣтельнаго вліянія этого протектората возможно допустить общее переустройство національныхъ католическихъ церквей на нашемъ Западѣ, составляющихъ болѣе прочное основаніе свободы политико-національной. Вотъ почему мы остаемся благодарными и признательными великой и христіанской мысли Россіи о войнѣ противъ самаго лютаго и грубаго врага христіанскаго имени и всякой цивилизаціи, и напутствуемъ нашими благословеніями, составляющими благословеніе всего цивилизованнаго міра, ополченія креста. Желаемъ великой православной имперіи тѣхъ побѣдъ и тріумфовъ, какіе Богъ даровалъ фалангамъ Константина Великаго надъ его врагами-язычниками, такъ какъ эти побѣды и тріумфы — побѣды истинной вѣры, цивилизаціи и разумнаго прогресса надъ тьмою и варварствомъ исламизма и папства".

Словакъ, Людевитъ Штуръ, одинъ изъ благороднѣйшихъ и даровитѣйшихъ славянскихъ дѣятелей недавняго прошлаго, обозрѣвая „Славянство и міръ будущаго", въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи подъ этимъ заглавіемъ, говоритъ: „Католическ церковь далеко, очень далеко отстала отъ требованій христіанства, даже отъ тр ваній лучшаго образованія нашего времени. Она истощилась, окаменѣла, не по зуется вѣрою и довѣріемъ народовъ: безжизненная, холодная и мертвая, идетъ с на встрѣчу своей судьбѣ къ разложенію и паденію" („Славянство и міръ будуща Москва, 1867 г., стр. 105)".

напр. въ ихъ живости, общительности, и во внѣшнемъ складѣ, даже въ одеждѣ простонародья, особенно женщинъ, которыя носятъ платья того же покроя, изъ такихъ же матерій, такіе же платки на головѣ, и любятъ тѣ же цвѣта, какъ наши деревенскія бабы. У итальянцевъ нѣтъ нѣмецкой аккуратности: это видно, напр., въ часахъ отхода и прихода поѣздовъ на ихъ желѣзныхъ дорогахъ; но зато у этого народа нѣтъ и нѣмецкой абсолютности и жесткости. Само собой разумѣется, что тутъ, какъ и вездѣ, есть исключенія, можетъ быть, даже исключенія нерѣдкія, но это все-таки не значитъ, чтобъ въ Италіи было одно дурное. Я долженъ упомянуть объ одномъ случаѣ довольно крупнаго плутовства, котораго самъ былъ жертвою. Въ отелѣ „Миланъ“ приморскаго города Спеціи, между Генуей и Пизой, у меня ночью вытащили изъ бумажника пачку ассигнацій на сто франковъ слишкомъ. Пріѣхавъ въ этотъ отель поздно вечеромъ, я не замѣтилъ, что комната, которую мнѣ дали, была въ связи съ другою, куда входъ остался открытъ. Воръ подсмотрѣлъ, вѣроятно, какъ я укладывалъ свои деньги въ ящикъ ночного столика, и ловко воспользовался своимъ наблюденіемъ: покражу замѣтилъ я только, садясь на другое утро въ вагонъ; останавливаться, безъ надежды на возвратъ денегъ, я не рѣшился, и вмѣсто того написалъ изъ Пизы объ этомъ воровствѣ нашему вице-консулу въ Спеціи г. Лардону; онъ отвѣчалъ мнѣ, что разспросы его, какъ я и ожидалъ, остались безплодными. Впрочемъ, я былъ благодаренъ вору за его умѣренность: онъ могъ бы, еслибъ хотѣлъ, вытащить гораздо больше.

Во время бѣглаго проѣзда черезъ Италію, я не могъ, къ сожалѣнію, заняться изученіемъ ея современной литературы, но я старался, по крайней мѣрѣ, насколько это было возможно, распространить свои познанія о ней чтеніемъ газетъ и посѣщеніемъ театровъ. Поселившись сперва на Лаго-Маджоре, въ Стрезѣ, я тамъ въ первый разъ сталъ читать миланскія газеты, и съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ, что наиболѣе распространенныя изъ нихъ (напр., „Il Secolo) по славяно-восточному вопросу рѣшительно на нашей сторонѣ: почти въ каждомъ нумерѣ была передовая статья, написанная въ этомъ духѣ. Тогда же я вычиталъ въ нихъ, что въ Миланѣ, по примѣру Рима, образовался комитетъ для пособія турецкимъ славянамъ. Такое же направленіе нашелъ я, при проѣздѣ черезъ Геную, въ тамошнихъ газетахъ, раскупаемыхъ на улицахъ и площадяхъ въ огромномъ количествѣ, а потомъ и во Флоренціи и въ Римѣ. Во Флоренціи говорилось о необходимости устроить и тамъ митингъ для выраженія сочувствія славянамъ, подобный бывшимъ до того въ Римѣ, Миланѣ, Туринѣ. Вамъ, конечно, извѣстно, что первый итальянскій митингъ съ этою цѣлью былъ 3-го сентября въ обширномъ театрѣ „Apollo“, въ Римѣ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, я былъ обрадованъ слѣдующимъ объявленіемъ, напечатаннымъ круп-

ными буквами, которое еще остается наклееннымъ на стѣнахъ почти во всѣхъ улицахъ и переулкахъ. Я списалъ его и привожу здѣсь въ дословномъ переводѣ: „Комитетъ пособія Славянскому дѣлу (Comitato di soccorso per la causa Slava). Площадь Бишіоне, 95".

„Граждане! Комитетъ, вызвавшій народное собраніе, бывшее 3-го текущаго мѣсяца въ театрѣ „Apollo", поручилъ нижеподписавшимся привести въ дѣйствіе его заключенія. Вы, испустившіе крикъ скорби о жестокостяхъ варварской войны и выразившіе чувство братства къ народамъ, желающимъ на Востокѣ защитить свою національность, дайте намъ средства исполнить возложенное на насъ порученіе. Не безплодными заявленіями, а великодушнымъ дѣломъ итальянскій народъ долженъ доказать свое сочувствіе страждущимъ и сражающимся. Комитетъ открываетъ публичную подписку на пожертвованія деньгами и вещами въ пользу сражающихся и ихъ семействъ: вамъ предстоитъ сдѣлать эти даянія достойными Рима, Италіи и дѣла, лежащаго на совѣсти всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ". Затѣмъ, слѣдуютъ подписи предсѣдателя (совѣтника Римской общины г. Біаджіо-Плачиди) и около 20 членовъ.

Въ связи съ этимъ нѣсколько дней тому назадъ, на одномъ изъ здѣшнихъ театровъ (teatro Valle) было дано экстренное представленіе въ пользу „Комитета пособія Славянскому дѣлу", за подписью котораго изданы и программы этого спектакля. Играли „Марію Стуартъ" Шиллера, въ извѣстномъ переводѣ Маффеи, причемъ роль королевы „любезно взяла на себя", какъ сказано въ афишѣ, „знаменитая артистка Гіацинта Пеццана Гвальтьери и театръ безвозмездно уступленъ содержателемъ его, г. Бараккини, а для оркестра обязательно предоставлена дивизіоннымъ начальствомъ военная музыка". Разумѣется, что я былъ на этомъ спектаклѣ и принесъ свою дань участія въ безконечныхъ рукоплесканіяхъ и превосходной артисткѣ, и отличной музыкѣ. Г-жу Гвальтьери я видѣлъ уже наканунѣ въ главной роли комедіи „Мессалина", недавно поставленной на сцену новой пьесы въ стихахъ г. Коссы, автора извѣстной трагедіи „Неронъ".

Сочувствіе къ славянамъ выражается также въ иллюстрированномъ сатирическомъ журналѣ „Papagallo" (попугай), который каждое воскресенье выходитъ въ Болоньѣ и продается, между прочимъ, на Старомъ мосту во Флоренціи, гдѣ я и купилъ нѣсколько нумеровъ его, изображающихъ въ лицахъ разные фазисы сербско-турецкой войны и европейской дипломаціи за послѣднее время. Кромѣ того, въ Миланѣ издается въ томъ же духѣ спеціально посвященный этому вопросу журналъ „La guerra d'Oriente, Croniса illustrata", съ весьма хорошими изображеніями. Очень жалѣю, что время не позволяетъ приложить нѣсколько выдержекъ изъ всѣхъ этихъ столь интересныхъ журналовъ. Можетъ быть я сдѣлаю это впослѣдствіи.

Въ возбужденіи между итальянцами движенія въ пользу славянъ особенное участіе принимаетъ Джакомо Линьяна, профессоръ сравнительной филологіи въ римскомъ университетѣ, знающій славянскіе языки и бывавшій въ Россіи. Для разъясненія вопроса онъ напечаталъ, съ подписью своего имени, цѣлый рядъ писемъ озаглавленныхъ: „Римъ и Славяне", въ которыхъ популярно и увлекательно изложилъ историческія свѣдѣнія, нужныя для правильнаго пониманія дѣла (см. „Il popolo Romano", №№ 239—244). Благодаря одной нашей соотечественницѣ, бывшей въ Римѣ во время появленія этихъ писемъ, они переведены по-русски, и этотъ переводъ скоро выйдетъ особой брошюрой, которая, конечно, будетъ и въ вашихъ рукахъ. Покуда скажу только, что г. Линьяна, приступая къ дѣлу, очень ловко вводитъ своего читателя въ церковь св. Климента, гдѣ хранятся мощи св. Константина, и наглядно обличаетъ папскую политику, успѣвшую съ самаго начала раздѣлить славянъ на два враждебные лагеря; она и теперь осталась вѣрною себѣ: боснійскимъ католикамъ послано запрещеніе участвовать въ возстаніи своихъ братьевъ. „Ужели, спрашиваетъ профессоръ, мы, итальянцы, захотимъ продолжать эту политику? Ужели, въ славянскомъ вопросѣ, мы соединимъ въ одну телеграфическую нить политику квиринала (т. е. нынѣшняго королевскаго дворца) съ Ватиканскою?" Разсказавъ ходъ проповѣди Кирилла и Меѳодія и ихъ заслуги по просвѣщенію славянъ, авторъ упоминаетъ о призваніи ихъ въ Римъ и говоритъ: „Черезъ 40 дней Кириллъ скончался. Эта смерть дала тотчасъ понять Меѳодію, что воздухъ Рима нездоровъ для Славянскаго апостола, и онъ вскорѣ возвратился въ Моравію. Была ли цѣль Римской куріи достигнута, или напротивъ? Мнѣ кажется, ни того, ни другого нельзя утверждать безусловно. Но, между тѣмъ, оба апостола пришли ad limina Petri, и Кириллъ здѣсь умеръ, и гробъ его былъ освященъ въ базиликѣ преподобнаго Климента. Это, конечно, не составляло всего, чего хотѣлъ папа, но это было хоть кое-что. Въ церкви св. Климента, въ Римѣ, охраняется самое священное воспоминаніе славянъ". Показавъ, потомъ, что папская политика восторжествовала въ Чехіи и Польшѣ, но различно, такъ что первая изъ этихъ странъ все болѣе и болѣе примыкаетъ къ славянскому востоку, а вторая, сохранивъ свою религіозную исключительность, сдѣлалась неспособною къ политической жизни, г. Линьяна возвращается къ современному вопросу и кончаетъ такъ: „Римское духовенство, вмѣсто того, чтобы выйти изъ своихъ церквей и своихъ [illegible]иликъ и преклонить колѣна предъ гробомъ, стоящимъ направо [illegible] алтаря св. Климента; вмѣсто того, чтобы достопамятнымъ под[illegible]онъ изгладить изъ памяти славянъ измѣну, совершенную имъ въ [illegible]вѣкѣ, костеръ Іоанна Гуса и Іеронима Пражскаго, и козни, и раз[illegible]ы, которые сѣялись въ Польшѣ, — римское духовенство повинова-

лось велѣніямъ Ватикана и молилось о дарованіи побѣды турецкому оружію и отвергло всякое чувство христіанскаго человѣколюбія. Если это несправедливо, если то, что утверждаютъ, — клевета, то пусть римское духовенство возвыситъ голосъ и откажется отъ солидарности съ Ватиканомъ. Но этого оно не сдѣлаетъ: мы, міряне, мы, итальянцы, наконецъ, объединенные въ Римѣ, убѣдимся, что настало время отдѣлить въ славянскомъ вопросѣ нашу отвѣтственность отъ отвѣтственности Ватикана. Базилика св. Климента заключаетъ въ своихъ стѣнахъ, въ своихъ иконахъ, въ своихъ гробницахъ идеалъ будущности христіанства. Мы знаемъ, что Россія въ своемъ историческомъ движеніи къ востоку исполняетъ великую задачу цивилизаціи, — знаемъ, что сердце Чехіи еще не умерло,—знаемъ, что Польша, исполненная религіознаго чувства, поэзіи, рыцарства, столько разъ обманутаго и преданнаго Ватиканомъ, — сумѣетъ найти способъ примириться, во благо всемірной цивилизаціи, съ своими славянскими братьями.

„Каковъ будетъ способъ этого преобразованія христіанства, этого объединенія славянъ въ будущемъ, мы не знаемъ; славяне въ исторіи прошли черезъ нѣсколько формъ, и почему имъ не найти такой, которая соотвѣтствовала бы ихъ характеру, ихъ историческому опыту, ихъ призванію въ дѣлѣ всемірной цивилизаціи... Ватиканъ отвѣтственъ передъ славянами въ ихъ прошломъ, мы — въ ихъ будущемъ.

„Россія не требовала у насъ отчета въ томъ, что со стороны Ватикана замышлялось противъ славянъ, но она обратилась къ намъ съ тѣмъ, чтобы мы своими симпатіями, своимъ живымъ національнымъ чувствомъ, составляющимъ наше право, приняли иниціативу въ соглашеніи Европы, въ содѣйствіи къ прекращенію кровавыхъ ужасовъ, которыми запятналъ себя исламизмъ, къ возстановленію правъ югославянскихъ народовъ. Россія, конечно, не забыла, что Галатская башня въ Константинополѣ построена итальянцами и что на этой башнѣ можетъ еще разъ водрузиться торговый флагъ Италіи. Средиземное и Черное моря должны быть открыты всѣмъ европейскимъ народамъ. На этомъ условіи почему бы Англія отказала въ своемъ содѣйствіи дѣлу мира и цивилизаціи? Россія и Англія — двѣ великія колоніальныя державы: одна изъ нихъ въ центральной Азіи, другая въ Индіи достигаютъ предѣловъ своего политическаго и торговаго распространенія, и въ то же время обѣ служатъ въ рукахъ Провидѣнія великимъ орудіемъ просвѣщенія азіатскихъ народовъ, и дѣло это совершается ими во благо и во славу всей Европы“.

Экземпляръ газеты, откуда я перевожу эти мѣста, полученъ мною отъ самого автора писемъ, у котораго я провелъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями его, вчерашній день въ Фраскати, но объ этомъ другой разъ.

ЗАМѢТКИ

о

РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ и ПЕЧАТИ.

ЗАМѢТКИ О РУССКИХЪ ЖУРНАЛАХЪ [1]).

1849.

Первыя книжки журналовъ встрѣчаются читателями каждый годъ съ особеннымъ любопытствомъ; издатели обыкновенно стараются щегольнуть въ первомъ нумерѣ самыми интересными статьями; тутъ же иногда можно найти обозрѣніе литературы за прошлый годъ. Такія обозрѣнія почти совсѣмъ было вывелись у насъ и даже сдѣлались предметомъ насмѣшекъ, но, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они опять возобновились, и нельзя не благодарить за то журналистовъ. Подобные отчеты, если они написаны добросовѣстно, не только любопытны и поучительны въ настоящемъ, но и важны для будущаго, потому что могутъ, со временемъ, служить пособіемъ къ изученію исторіи литературы. Прежде у насъ въ журналахъ разбирались однѣ книги. Это продолжалось даже и тогда, когда почти вся дѣятельность нашихъ литераторовъ сосредоточилась въ періодическихъ изданіяхъ. Съ нѣкоторыхъ поръ произошла и въ этомъ перемѣна: критика стала обращать надлежащее вниманіе и на труды, входящіе въ составъ журналовъ. Нынче почти ни одно сколько-нибудь замѣчательное сочиненіе, появляющееся въ періодическомъ изданіи, не остается безъ отзыва критики.

Передъ нами лежатъ первыя книжки: Отечественныхъ Записокъ, Современника, Сына Отечества и Москвитянина. Въ трехъ изъ этихъ журналовъ находятся статьи о прошлогодней литературѣ, и мы намѣрены прежде всего сказать нѣсколько словъ объ этихъ статьяхъ. Современникъ въ „Замѣткахъ о литературѣ прошлаго года“ ограничился одною изящною литературою и притомъ почти исключительно занялся только тѣми произведеніями этого рода, которыя предстаены были либо имъ самимъ, либо Отечественными Записками. Которому же отдаетъ онъ преимущество: помѣщеннымъ у себя, или протаннымъ въ чужомъ журналѣ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ ужить слова Современника: „Мы начнемъ съ О. З., гдѣ образовался

[1]) Русскій Инвалидъ, № 35. 16 февраля 1849 года.

кругъ молодыхъ писателей, создавшій уже довольно давно какой-то фантастически-сентиментальный родъ повѣствованій" и т. д. Засимъ слѣдуетъ строгій, но дѣльный разборъ трудовъ гг. Достоевскаго и Буткова, отъ которыхъ критикъ переходитъ къ своимъ сотрудникамъ по журналу. Отзываясь о нихъ съ большими похвалами, онъ однакожъ не все безусловно одобряетъ въ ихъ опытахъ, и такимъ образомъ ограждаетъ себя отъ упрека въ пристрастіи, который могъ бы взбрести на умъ иному недальновидному читателю. Впрочемъ, мы сами никакъ не отрицаемъ замѣчательнаго таланта въ большей части изъ этихъ литераторовъ, хотя и видимъ, что почти всѣ они стоятъ еще въ самомъ началѣ поприща, на которое выступили. Искренно желаемъ имъ оправдать надежды, возбужденныя первенцами ихъ авторской дѣятельности.

Почему же критикъ Современника такъ ограничилъ поле своихъ наблюденій надъ прошлогоднею литературою? „Мы думаемъ", говоритъ онъ, „что поступимъ весьма основательно, если не будемъ утомлять своихъ читателей полнымъ обозрѣніемъ небогатой литературной дѣятельности прошлаго года—однимъ изъ тѣхъ обозрѣній, которыя всегда неизбѣжно сбиваются на сухой перечень". Отечественныя Записки были другого мнѣнія по этому предмету и представили гораздо болѣе полную статью подъ заглавіемъ: „Русская литература въ 1848 году". Здѣсь критикъ раздѣляетъ всѣ труды нашихъ писателей за означенное время на беллетристику и руководства, а въ серединѣ между этими двумя отдѣлами ставитъ еще третій, къ которому относитъ историческія изысканія въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова. Нельзя сказать, чтобы такое раздѣленіе было основательно или удачно; авторъ самъ предвидѣлъ, что оно покажется страннымъ читателю. Зато столько же счастива, какъ и нова въ нашей критической литературѣ была мысль его опредѣлить цифрами взаимное отношеніе принятыхъ имъ разрядовъ книгъ съ ихъ подраздѣленіями. Чрезвычайно любопытны итоги, заключающіеся въ сравнительномъ счисленіи. Вотъ они: руководствъ (т. е. ученыхъ сочиненій различнаго содержанія) напечатано въ 1848 году 243, беллетристическихъ (т. е. принадлежащихъ къ отдѣлу изящной литературы) 82, историческихъ изысканій и т. п. 48. Руководства составляютъ почти двѣ трети всѣхъ книгъ, вышедшихъ въ 1848 году. Впрочемъ, исчисленіе это, къ сожалѣнію, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для сужденій нашихъ по разсматриваемому предмету, потому что критикъ тутъ вовсе не принялъ въ расчетъ журналовъ. Они могли бы доставить весьма занимательны данныя для статистики литературы. Называя потомъ замѣчательнѣ шія книги прошлаго года, критикъ останавливается на нѣкоторы изъ нихъ съ особеннымъ вниманіемъ. Читатели должны быть благ дарны ему за знакомство съ русскими народными стихами, собра

ными г. Кирѣевскимъ и напечатанными въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей въ Москвѣ“. До сихъ поръ нигдѣ еще не было рѣчи объ этомъ любопытномъ явленіи нашей народной поэзіи: „Чтенія“, какъ изданіе ученое, находятся въ рукахъ весьма немногихъ, а между тѣмъ русскіе народные стихи заслуживаютъ общаго участія. Въ мысляхъ о „Фонвизинѣ“ князя Вяземскаго легко замѣтить единство происхожденія съ разборомъ этой книги, помѣщеннымъ прежде въ О. З. Хотя мы не можемъ согласиться съ критикомъ, чтобы въ ней вовсе не видно было Фонвизина, какъ человѣка своей эпохи, однакожъ охотно отдадимъ рецензенту справедливость въ томъ, что представленное имъ въ прежней статьѣ его сближеніе между идеями Фонвизина и идеями Наказа Екатерины было удачно и умѣстно. Вовсе не раздѣляя нѣкоторыхъ предубѣжденій критики О. З., мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что она въ послѣднее время приняла направленіе несравненно болѣе дѣльное и положительное, нежели какимъ отличалась въ старые годы. Вообще духъ журнала улучшился, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и программа изданія О. З. въ 1849 году, написанная безъ всякой заносчивости и самохвальства. Въ этихъ новыхъ явленіямъ мы видимъ признаки, чрезвычайно отрадные для литературы: они могутъ доказать, что успѣхъ и на этомъ поприщѣ не всегда покупается крикливостью, шутовствомъ и систематическимъ осужденіемъ всего, что „не нашего прихода“. — Въ замѣчанія критика О. З. о „Фонвизинѣ“ вкралось странное выраженіе: „Мы смотримъ“, говоритъ онъ, „на сочиненіе кн. Вяземскаго какъ на автобіографію“. Что это значитъ? Обмолвка это, или опечатка?

Разсуждая о романахъ и новостяхъ, сообщенныхъ журналами, критикъ не отдѣляетъ сотрудниковъ Современника отъ сотрудниковъ Отечественныхъ Записокъ и не отдаетъ преимущества своимъ предъ чужими. Взаимныя отношенія этихъ двухъ журналовъ заслуживаютъ вниманія. По обыкновенному ходу дѣлъ въ нашей литературѣ, новый Современникъ, бывъ основанъ прежними соучастниками редакціи Отечественныхъ Записокъ, долженъ бы былъ вступить въ непріязнь съ послѣдними. Этого, однакожъ, не случилось. Причиною было, можетъ статься, съ обѣихъ сторонъ опасеніе борьбы съ сильнымъ противникомъ; на одной сторонѣ былъ вѣсъ, утвержденный и упроченный временемъ; на другой — отвага и предпріимчивость юности, знаніе всѣхъ человѣй и пружинъ успѣха, пріобрѣтенное въ той же школѣ, гдѣ собла опытность бывшаго союзника. Оба журнала поняли свое взаимое положеніе: они бросали другъ на друга безпокойные, ревнивые ляды, но боялись коснуться одинъ другого, и только изрѣдка поляли себѣ не совсѣмъ дружелюбные намеки и замѣчанія. Теперь временникъ нѣсколько отступилъ отъ благоразумной политики. Мы,

однакожъ, увѣрены, что чувство самосохраненія не позволитъ ему пойти далѣе и, что такимъ образомъ миръ между львами нашей журналистики не будетъ нарушенъ.

Наконецъ, и въ Москвитянинѣ есть „Обозрѣніе Русской Словесности въ 1848 году". Оно совершенно въ другомъ родѣ, нежели два предыдущія. Тутъ въ нѣкоторомъ порядкѣ исчислены книги, изданныя въ теченіе прошлаго года, съ краткими замѣтками о каждой изъ нихъ. Этотъ перечень довольно полонъ. Онъ начинается духовною литературой, о которой два остальные журнала ничего не упомянули; потомъ слѣдуютъ: филологія; изящная словесность (взятая въ обширномъ значеніи); исторія и археологія; географія и статистика; военная литература; разныя спеціальныя части и, наконецъ, учебныя руководства. О дѣятельности журналовъ нѣтъ ни слова въ обозрѣніи Москвитянина: напрасно. Но какъ несходно съ двумя своими собратьями этотъ журналъ смотритъ на ихъ сотрудниковъ — беллетристовъ, видно изъ сужденія его о романахъ гг. Достоевскаго и Гончарова. Впрочемъ, въ критическихъ воззрѣніяхъ Москвитянина произошла большая перемѣна противъ прежняго. Бывало, онъ усердно возставалъ на издателей Сѣверной Пчелы; нынче отзывается о нихъ дружелюбно. Конечно, зрѣлище мира всегда пріятнѣе зрѣлища войны, но въ области литературы сужденія не должны бы зависѣть отъ какихъ-нибудь установленныхъ отношеній между лицами. Только самостоятельность и твердость мнѣній даетъ литератору то достоинство, безъ котораго званіе его — въ сущности служеніе правдѣ — есть только ложь передъ обществомъ и не можетъ пользоваться уваженіемъ другихъ сословій. Мы отнюдь не ставимъ Москвитянину въ упрекъ его сочувствія къ Сѣверной Пчелѣ; мы сами далеки отъ того, чтобы не видѣть въ этой газетѣ ничего, кромѣ недостатковъ; мы вооружаемся только противъ систематическихъ споровъ. Впрочемъ наше замѣчаніе не основывается исключительно на обозрѣніи литературы, помѣщенномъ въ Москвитянинѣ; разные отзывы въ первыхъ двухъ книжкахъ журнала подали намъ поводъ сказать это.

Мы всегда съ особеннымъ участіемъ и уваженіемъ слѣдили за историческими трудами г. Погодина. Поэтому не безъ удовольствія увидѣли мы въ концѣ прошлаго года, что и Отечественныя Записки, въ статьѣ г. Кавелина, отдали заслуженную справедливость изслѣдователю Норманскаго періода, бывшему долго предметомъ постояннаго недоброжелательства со стороны этого журнала. Но почему же нельзя быть справедливымъ къ другимъ изслѣдователямъ русской исто[рии] хотя бы они и не раздѣляли нашихъ мнѣній? За что, напримѣ[ръ] всегдашнія нападенія на г. Соловьева? Мы не знаемъ, кто писа[лъ] „Обозрѣніе Русской Словесности" въ Москвитянинѣ, но и здѣсь ([на] страницѣ 11-й) мимоходомъ задѣтъ г. Соловьевъ. Между тѣмъ,

нашему мнѣнію, его труды, до сихъ поръ напечатанные, столько же замѣчательны, какъ и необыкновенная его дѣятельность. Правда, что онъ вообще слишкомъ спѣшитъ и потому иногда не избѣгаетъ промаховъ и даже противорѣчій; правда, что языкъ у него довольно небрежный; правда, что взгляды его не всегда новы: тѣмъ не менѣе въ изысканіяхъ его виденъ такой изслѣдовательный духъ, они показываютъ столько знаній, начитанности, наблюдательности, и заключаютъ въ себѣ такъ много остроумныхъ и разительныхъ догадокъ, что нельзя не признать въ немъ ученаго, отъ котораго русская исторія въ правѣ ожидать большихъ услугъ. „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова Дома“ не безъ основанія названа въ Отечественныхъ Запискахъ классическою книгою. Пусть идея о родовыхъ отношеніяхъ, господствовавшихъ въ древнихъ княжескихъ домахъ, первоначально принадлежатъ Эверсу: г. Соловьевъ развилъ и уяснилъ ее. Мы согласны, что у него есть любимыя иден, на которыя онъ слишкомъ налегаетъ; такова, наприм., мысль о новыхъ городахъ и другая — о борьбѣ новаго (государственнаго) начала съ старымъ (родовымъ); но самыя эти идеи, при всей своей преувеличенности, приводятъ г. Соловьева къ чрезвычайно любопытнымъ изслѣдованіямъ и результатамъ. Рядъ статей его объ эпохѣ Годунова и Самозванцевъ, представленный Современникомъ, не менѣе богатъ замѣчательными соображеніями и выводами. Впрочемъ и тутъ мысль, что Самозванецъ самъ былъ убѣжденъ въ своемъ царственномъ происхожденіи, не совсѣмъ нова; Карамзинъ былъ сперва этого же мнѣнія, какъ видно изъ одного письма Эверса къ Рюсу, писаннаго въ 1809 году [1]). Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ предположеній г. Соловьева, но и, не соглашаясь съ нимъ, нельзя отказать ему въ полномъ признаніи обнаруженныхъ имъ въ немногіе годы ученыхъ достоинствъ.

Съ Москвитяниномъ произошли разныя улучшенія. Самое существенное: онъ выходитъ теперь два раза въ мѣсяцъ; этимъ онъ съ выгодою отличается отъ всѣхъ другихъ журналовъ. Означеніемъ отдѣла на верху страницъ облегчена возможность отыскивать въ книжкахъ Москвитянина то, что указано въ оглавленіи. Особыя нумераціи для каждаго отдѣла очень затруднительны для читателя, но удобны для редакціи, которая такимъ образомъ можетъ печатать въ одно время всѣ отдѣлы независимо одинъ отъ другого. Вотъ почему всѣ журналы и держатся этой методы означенія страницъ. По примѣру своихъ петербургскихъ собратьевъ, Москвитянинъ обѣщалъ прилагать къ своимъ книжкамъ цѣлые романы. Этотъ обычай составляетъ чрезвычайно характеристическую черту въ нынѣшнемъ состояніи русской литературы и книжной торговли. Онъ доказываетъ, что у насъ жур-

[1]) См. Рюсову Исторію Швеціи, т. IV, стр. 77, примѣч.

налисты почти совершенно овладѣли монополіей снабжать публику чтеніемъ. Если публика довольна этимъ, то противъ такого обычая и сказать нечего.

Въ 1-й книжкѣ Москвитянина особенно замѣчательно путешествіе графа Ѳ. В. Ростопчина, поражающее оригинальностью разсказа въ автора и его веселымъ юморомъ. Въ выноскѣ, подъ заглавіемъ статьи, сказано, что рукопись относится вѣроятно къ 1784 году; между тѣмъ изъ многихъ замѣчаній графа Ростопчина видно, что онъ путешествовалъ послѣ кончины Фридриха II, слѣдовательно во всякомъ случаѣ послѣ 1786 года. Во второй книжкѣ Москвитянина сказано, что графъ Ростопчинъ встрѣтилъ въ Берлинѣ Мирабо, а Мирабо въ 1784 году жилъ въ Лондонѣ, и уже по возвращеніи оттуда посланъ былъ французскимъ правительствомъ въ Берлинъ, гдѣ провелъ полгода и оттуда пріѣхалъ назадъ въ 1787 г. Вотъ вѣрное указаніе для опредѣленія времени путешествія графа Ростопчина. Слѣдовательно ему было тогда не двадцать одинъ годъ, какъ думаетъ г. Погодинъ, а уже шелъ 25-й. Первыя книжки Москвитянина вообще богаты разнообразнымъ содержаніемъ. Между прочимъ тутъ есть прелестное стихотвореніе князя Вяземскаго „Зима“ и прекрасныя мысли Жуковскаго касательно Фауста Гёте. — Г. Шевыревъ приступилъ къ разбору перевода Одиссеи и началъ общимъ взглядомъ на Гомера, на переводы его твореній у разныхъ народовъ и на Одиссею въ отношеніи къ самому предмету. Занимаясь исторіею поэзіи ex-professo и зная греческій языкъ, г. Шевыревъ есть самый законный судья въ дѣлѣ разсмотрѣнія новаго труда Жуковскаго, и мы увѣрены, что онъ совѣстливо и успѣшно выполнитъ свою задачу. Духъ критики его уже виденъ; въ томъ же духѣ безусловнаго одобренія ветерана-поэта отозвался о новыхъ стихотвореніяхъ Жуковскаго и неизвѣстный рецензентъ въ 1-й книжкѣ Отечественныхъ Записокъ. Совсѣмъ иначе смотритъ на предметъ баронъ Розенъ въ Сынѣ Отечества. Строгость его не всегда справедлива: что за бѣда, напримѣръ, что нѣтъ никакой связи между 1-мъ и 2-мъ томомъ новыхъ стихотвореній Жуковскаго? Развѣ болѣе связи бываетъ часто между разными томами, принадлежащими къ собранію сочиненій одного и того же автора? Если въ другихъ замѣчаніяхъ критика и есть нѣкоторая истина, то сила ихъ очень ослабляется рѣзкимъ тономъ, котораго никакъ не слѣдовало бы позволять себѣ въ оцѣнкѣ маститаго поэта, любимаго и почитаемаго всею Россіею. Этотъ тонъ въ критикѣ, имѣющей притязаніе на ученость, тѣмъ предосудительнѣе, что у насъ и безъ того уже слишкомъ развился — литературѣ духъ отрицанія, и нѣтъ надобности давать ему еще бол пищи.

Помѣщенныя въ Современникѣ „Письма иногороднаго подписчи о русской журналистикѣ“ написаны умно и остро, но намъ сдает

то этотъ иногородный подписчикъ обрѣтается въ стѣнахъ столицы — ю Бѣлокаменной, а Невской, и притомъ весьма недалеко отъ самой редакціи журнала. Въ первой книжкѣ Современника,' какъ значится на оберткѣ еще прежде заглавія, $37^1/_2$ листовъ; но Отечественныя Записки перещеголяли его: въ ихъ первой книжкѣ, какъ значится равнымъ образомъ на оберткѣ журнала, 41 листъ: $3^1/_2$ листа разницы! Въ библіографической хроникѣ О. З. встрѣчаемъ нововведеніе, очень полезное и заимствованное изъ стараго Современника, издававшагося П. А. Плетневымъ: разбираемыя книги раздѣлены на три особые разряда — новыя сочиненія, новые переводы, новыя изданія. Тутъ замѣчается еще другая, внѣшняя перемѣна, распространенная и на отдѣлъ критики: черта, раздѣлявшая здѣсь страницы на два столбца, исчезла, и текстъ печатается сплошь во всю строку. Отъ этого, при выписываніи стиховъ, остаются пробѣлы, и глаза читателя не въ проигрышѣ.

ВЪ КАКИХЪ ИЗДАНІЯХЪ НАША ЛИТЕРАТУРА ОСОБЕННО НУЖДАЕТСЯ [1])?

1858.

Если мы станемъ безпристрастно сравнивать нашу литературу съ литературами другихъ европейскихъ народовъ — не только тѣхъ, которые стоятъ во главѣ современнаго просвѣщенія, но даже и второстепенныхъ, — то крайняя наша бѣдность поразитъ и смутитъ насъ. Куда ни посмотримъ, вездѣ, во всѣхъ отрасляхъ литературы найдемъ у себя обширные пробѣлы. Одна лирическая поэзія, да такъ называемая беллетристика, т. е. повѣствовательная литература, и еще изъ сферы положительныхъ знаній отечественная исторія представляютъ, сравнительно, замѣтное исключеніе. Наша періодическая литература въ послѣднія три десятилѣтія стала принимать размѣры довольно значительные; но и въ ней до самаго недавняго времени видно было мало самостоятельной дѣятельности: журналы наши, говоря вообще, и до сихъ поръ поддерживаются болѣе или менѣе переводами и передѣлками чужого. Впрочемъ, не въ этомъ главная бѣда: мы теперь еще и можемъ обойтись безъ обильныхъ заимствованій отъ образованнѣйшихъ народовъ, у которыхъ есть чѣмъ удовлетворить всякой потребности любознательнаго ума; но дѣло въ томъ, что журналы, по самому

[1]) Извѣстія Втор. Отдѣл. Имп. Ак. Н. 1858, т. VII, вып. 4.

характеру своему и цѣли, не могутъ вмѣщать въ себѣ многаго, что пополняло бы именно самые существенные недостатки младенчествующей литературы.

Разсмотримъ же, въ какихъ особенно частяхъ ей всего настоятельнѣе нужна скорая помощь, и чтобы удобнѣе сдѣлать это, раздѣлимъ нуждающуюся въ чтеніи массу націи по естественно-представляющимся въ ней степенямъ образованія, на слѣдующія категоріи: 1) простолюдины, 2) учащіеся и учащіе и 3) образованная публика вообще.

1. Изданія для простолюдиновъ.

У насъ много говорятъ и пишутъ о распространеніи грамотности въ народѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не согласиться съ тѣми, которые въ ней видятъ первое и необходимѣйшее условіе успѣховъ просвѣщенія въ низшемъ сословіи? И для него уже изданы у насъ кое-какія книжки, напр., Сельское чтеніе, имѣвшее нѣсколько изданій, Русская исторія, Солдатскіе разсказы, Разсказы изъ Св. Писанія, разныя назидательныя повѣсти; но собственно для облегченія первыхъ шаговъ въ механическомъ усвоеніи грамотности сдѣлано еще очень мало. Прежде доставленія простолюдину книгъ для чтенія, способовъ къ умственнымъ наслажденіямъ, надобно, во-первыхъ, выучить его читать и писать, приготовить ему средства учиться грамотѣ, а, во-вторыхъ, позаботиться объ удовлетвореніи умственныхъ нуждъ его въ практическомъ, вседневномъ быту. Въ первомъ отношеніи вопіющую потребность составляютъ *букваря*, во вторыхъ *ручные святцы* или мѣсяцесловы, которые бы заключали въ себѣ свѣдѣнія самыя необходимыя и занимательныя для крестьянина посреди его заботъ и трудовъ. Съ изданій въ этихъ двухъ родахъ всего разумнѣе было бы, конечно, начать постепенное составленіе небольшой библіотеки для простонародья. Скажутъ, что потребность грамотности еще слишкомъ мало ощущается въ этомъ классѣ на Руси, а потому покуда и не стоитъ предпринимать такихъ изданій. Но это возраженіе совершенно устраняется тою извѣстною истиной, что достиженію какой бы ни было цѣли должно предшествовать приготовленье соотвѣтствующихъ ей средствъ. Грамотность или, что̀ все равно въ отношеніи къ цѣлому народу, образованность не есть какая-нибудь случайная потребность, какая-нибудь прихоть человѣческаго духа: необходимость ея чувствуется глубоко всякимъ простолюдиномъ, котораго общественныя отношенія ставятъ въ болѣе или менѣе тѣсное соприкосновеніе съ слоями націи, пользующимися этимъ великимъ рычагомъ духовнаго общежитія житейскаго благосостоянія. Облегчите неграмотнымъ только средс пріобрѣсти это благо, и число грамотныхъ будетъ рости съ неимов ною быстротою. Но, безспорно, еще важнѣйшее условіе для рас

граненія грамотности въ народѣ есть умноженіе первоначальныхъ школъ, и только тогда, когда осуществится эта неотразимая потребность, изданіе книжекъ въ означенныхъ родахъ можемъ найти полное примѣненіе къ нуждамъ народнымъ. Въ настоящую минуту едва-ли не полезнѣе еще будетъ восполнить прежде всего недостатокъ въ изданіяхъ другого рода, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

2. Изданіе для учащихся.

Въ изданіяхъ для учащихся настоитъ на первый случай еще болѣе надобности, потому что чѣмъ основательнѣе будутъ свѣдѣнія, которыя пріобрѣтетъ воспитывающееся нынѣ поколѣніе, тѣмъ болѣе вліянія оно можетъ оказать со временемъ на образованіе общества. Народъ нашъ коснѣетъ въ безграмотности — правда, это очень прискорбно; но бѣдность нашего образованія чуть-ли не печальнѣе еще въ томъ отношеніи, что мы такъ нуждаемся въ педагогахъ и вообще въ пособіяхъ къ ученію. Учительское и даже профессорское званіе у насъ мало уважается въ обществѣ: отъ того ему немногіе и посвящаютъ себя. Хорошіе преподаватели вообще рѣдки; хорошіе русскіе преподаватели по весьма понятнымъ причинамъ еще рѣже: самая очевидная причина та, что ихъ мало, а въ маломъ количествѣ хорошаго всегда меньше, нежели въ большомъ; другая причина та, что они къ своему званію по большей части не вполнѣ приготовлены: наша педагогика еще въ пеленкахъ, наша педагогическая литература — новорожденный младенецъ. Третья и опять весьма важная причина состоитъ въ томъ, что у насъ не только нѣтъ руководства къ педагогикѣ, да почти нѣтъ и вовсе никакихъ хорошихъ руководствъ по разнымъ предметамъ общаго образованія. *Большинство* нашихъ преподавателей не только не слѣдовало до настоящаго времени никакимъ твердо установленнымъ наукою правиламъ преподаванія, но многіе изъ нихъ оказывались и сами недовольно знающими по своей части. Здѣсь мы имѣемъ въ виду не высшія наши учебныя заведенія, а болѣе низкую сферу общественнаго и особенно частнаго воспитанія. Однимъ изъ главныхъ источниковъ такого неутѣшительнаго явленія надобно, безъ сомнѣнія, признать указанный недостатокъ хорошихъ учебныхъ пособій. Всякій добросовѣстный преподаватель испытываетъ на каждомъ шагу, какъ трудно, несмотря на самую тщательную подготовку его уроковъ, достигать желаемыхъ результатовъ ученія при тѣхъ скудныхъ пособіяхъ, какія сіе время представляетъ наша учебная литература. Опытомъ до-но, что существеннымъ условіемъ твердыхъ и прочныхъ успѣховъ ника по какой-нибудь части служитъ хорошій печатный учебникъ рукахъ его. Какъ-бы силенъ ни былъ преподаватель въ своемъ дметѣ, какъ бы превосходна ни была его метода, онъ всетаки чув-

ствуетъ надобность въ такомъ пособіи, а самъ не всегда имѣетъ воз можность, даже и при самыхъ благопріятныхъ умственныхъ условіяхъ составить и особенно *издать* подобное руководство. Еще менѣе могутъ обойтись безъ этой опоры дюжинные учителя, которыхъ такъ много и которые по большей части знаютъ сами, если не менѣе, то, по край ней мѣрѣ, и не болѣе того, что заключается въ учебникѣ, употребляемомъ ими при преподаваніи. Но какіе же есть у насъ учебники? Возьмите любую науку: по каждой вы насчитаете два-три наиболѣе употребительныя руководства; но если захотите сдѣлать изъ нихъ выборъ того, что прилагалось бы къ извѣстной данной потребности воспитанія или соотвѣтствовало бы современнымъ требованіямъ науки, то съ грустью увидите, что выбирать не изъ чего. Такая бѣдность замѣтна, между прочимъ, и по двумъ главнымъ предметамъ общаго приготовительнаго образованія, по исторіи и географіи. Итакъ, вотъ съ чего слѣдовало бы начать разработку пустыннаго поля нашей *педагогической* литературы.

Иностранныя литературы, особенно же нѣмецкая, представили *бы* по этому предмету настоящую сокровищницу образцовъ и матеріаловъ. Но такъ какъ потребности воспитанія и ученія въ каждой націи различны по множеству условій, заключающихся въ свойствѣ духа и характера народа, въ степени его образованія, въ нравахъ, образѣ правленія и учрежденіяхъ страны, то не *переводить* слѣдуетъ пособія иноземной педагогики, а только пользоваться ими для составленія русскихъ учебниковъ. Въ иностранныхъ учебныхъ руководствахъ есть особенности, которыя въ русскомъ переводѣ сдѣлались бы положительными недостатками. Такъ, напр., почти всѣ нѣмецкія пособія *по* всеобщей исторіи занимаются съ особенною подробностію явленіями, касающимися Германіи, и обращаютъ, сравнительно, мало вниманія *на* исторію Франціи, Англіи, Италіи. Разумѣется, что въ русскомъ историческомъ учебникѣ такая несоразмѣрность частей была бы крайне неумѣстна. Но столько же ошибся бы тотъ, кто въ курсѣ всеобщей исторіи далъ бы слишкомъ большое развитіе судьбамъ Россіи, которая до XVIII вѣка играла въ отношеніи къ остальной Европѣ чисто-пассивную роль, да и послѣ того имѣла для другихъ государствъ исключительно политическое значеніе. Поэтому подобное изложеніе русской исторіи, какъ *отечественной*, должно составлять предметъ особыхъ, конечно, уже совершенно самостоятельныхъ, руководствъ.

Не будемъ здѣсь распространяться отдѣльно объ учебникахъ по разнымъ наукамъ. Наша цѣль — указать только на общую потребность и на чрезвычайно полезную отрасль педагогической дѣятельности, отрасль, по которой всякій дѣльный трудъ, конечно, сослужилъ бы истинную заслугу. Обильныя свѣдѣнія о лучшихъ нѣмецкихъ учебникахъ по разнымъ частямъ можно найти въ сочиненіи Дистерве

Wegweiser für den Deutschen Lehrer. Но, безъ сомнѣнія, приступая къ подобному предпріятію, надобно быть вполнѣ приготовленнымъ къ его трудности; для успѣшнаго выполненія задачи не довольно знаній и ума: нужно еще много такта, опытности и практическаго умѣнія.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній мы должны прибавить, что, если для пополненія важнаго недостатка въ нашей литературѣ предлагаемъ воспользоваться готовыми уже на другихъ языкахъ средствами, то это потому только, что не видимъ другого способа ускорить дѣло. Кто можетъ не понимать, что оригинальные учебники имѣли бы великое преимущество передъ составленными по иностраннымъ? но изготовленіе первыхъ требуетъ соединенія еще несравненно труднѣйшихъ условій и гораздо болѣе времени.

Въ тѣсной связи съ руководствами для учащихся находятся пособія для самихъ *преподавателей*. Они могутъ быть двоякаго рода: они должны заключать въ себѣ самую преподаваемую науку въ болѣе обширномъ объемѣ, нежели въ какомъ она сообщается ученикамъ и однакожъ безъ того полнаго и глубокаго развитія, какое дается ей въ сочиненіи, назначенномъ для ученыхъ. Такія пособія нужны учащимъ въ элементарныхъ училищахъ для приготовленія къ урокамъ, сберегая имъ время, которое они иначе принуждены употреблять на отысканіе въ обширныхъ сочиненіяхъ или мало доступныхъ монографіяхъ свѣдѣній, нужныхъ для урока. При этомъ не лишнимъ считаемъ напомнить, что какъ бы кто ни былъ знающъ въ своей наукѣ, все-же онъ не можетъ обойтись безъ особой подготовки къ преподаванію, потому что подробности всякаго предмета легко изглаживаются даже изъ самой счастливой памяти и требуютъ постояннаго обновленія. Другого рода пособія для преподавателей должны излагать правила преподаванія вообще (дидактику) и наставленія о преподаваніи такой то отдѣльной науки (методику). Пособіе послѣдняго рода издано у насъ только по части отечественнаго языка г. Буслаевымъ, да въ „Журналѣ для воспитанія“ прошлаго года (№№ 9 и 10) была помѣщена очень хорошая статья г. Орбинскаго о преподаваніи географіи [1]). А какъ-бы намъ нужны были такія наставленія и по другимъ наукамъ; какъ-бы полезно было у насъ изданіе руководства для русскихъ учителей, составленнаго хоть бы по примѣру сочиненія Дистервега. Не говоримъ уже объ общихъ педагогическихъ руководствахъ, въ которыхъ наша публика также имѣетъ надобность. У насъ теперь, благодаря Бога, издаются два педагогическіе журнала, но этого недостаточно: намъ нужны еще и систематическія изложенія науки воспитанія; кажется, этой потребности всего ближе удовлетворило бы сочиненіе въ родѣ книги Шварца и Куртмана (Erziehung und Lehre).

[1]) Въ Педаг. Вѣстникѣ № 4 нынѣшняго года только-что появилась еще статья о преподаваніи географіи; мы не успѣли ознакомиться съ нею.

3. Изданія для образованной публики вообще.

Свѣтскіе люди довольствуются, по большей части, легкимъ чтеніемъ, произведеніями такъ называемой беллетристики. Главную пищу для своей любознательности или средство для препровожденія времени они находятъ въ иностранныхъ литературахъ, однакожъ, прибѣгаютъ и къ русской, когда въ ней являются замѣчательныя или, по крайней мѣрѣ, возбуждающія общее вниманіе новости въ повѣствовательномъ родѣ или въ области поэзіи. Стоящіе выше на ступеняхъ образованія просматриваютъ, сверхъ того, нѣкоторые русскіе журналы и въ нихъ особенно останавливаются на отдѣлѣ критики, на статьяхъ, относящихся къ русской исторіи и вообще къ Россіи.

Что касается до поэтическихъ созданій, до повѣстей и романовъ, то обогащеніе словесности такими произведеніями требуетъ талантовъ особеннаго свойства, и мы не станемъ распространяться объ этомъ, какъ о предметѣ, который вовсе не зависитъ отъ частныхъ усилій со стороны. Но въ нашей литературѣ есть другіе два очень существенные пробѣла. Люди, ищущіе серьёзнаго чтенія, если знаютъ иностранные языки, обращаются для удовлетворенія этой потребности къ французской, англійской или нѣмецкой литературѣ. Но и для такихъ людей чрезвычайно полезно было бы русское изданіе популярныхъ курсовъ по разнымъ наукамъ, приноровленныхъ къ потребностямъ и степени образованія нашей публики. Тѣмъ болѣе они были бы нужны для лицъ, незнакомыхъ съ иностранными языками. Для трудовъ такого рода обильную жатву представили бы опять чужеземныя литературы; такъ, по части естественныхъ наукъ нельзя не упомянуть сочиненія Шёдлера „Das Buch der Natur“, которое въ Германіи почти ежегодно выходитъ новымъ изданіемъ. Сочиненіями этого рода богата и англійская литература.

Другое весьма важное для образованія пособіе, котораго намъ еще недостаетъ, составляютъ энциклопедическіе словари. Знающіе по-нѣмецки и по-французски, конечно, въ нѣкоторой степени пополняютъ этотъ недостатокъ иностранными книгами; но и они не могутъ не чувствовать его, потому что въ словаряхъ другихъ народовъ они не найдутъ удовлетворительныхъ и сколько-нибудь полныхъ свѣдѣній о предметахъ, касающихся Россіи, русской географіи, статистики, исторіи, литературы и пр. Незнающіе же иностранныхъ языковъ лишены въ такихъ словаряхъ существеннаго средства къ распространенію своихъ познаній.

Даже и тотъ, кто въ молодости получилъ самое основательное образованіе, не можетъ обойтись безъ подобныхъ энциклопедическихъ сборниковъ, потому что никто не въ состояніи обнять всѣхъ отрас

вѣдѣнія и память всякому болѣе или менѣе измѣняетъ посреди практической и часто разнообразной дѣятельности. Но сверхъ того, сколько такихъ людей (во всѣхъ образованныхъ государствахъ, а тѣмъ болѣе въ Россіи), которые въ молодые годы по обстоятельствамъ не могли воспользоваться или по своей винѣ не воспользовались надлежащимъ образованіемъ, а впослѣдствіи чувствуютъ сильную потребность въ распространеніи своихъ свѣдѣній. Для такихъ-то людей необходимы энциклопедическіе словари. У насъ на русскомъ языкѣ было только два опыта справочныхъ книгъ этого рода [1]), но оба не достигаютъ цѣли: одинъ, Энциклопедическій лексиконъ Плюшара въ 17 томахъ дошелъ не далѣе буквы Д и остался не конченъ; другой, Справочный словарь г. Старчевскаго, хотя и доведенъ до конца, но не избѣгъ неисправностей и неточностей. Мы никакъ не отвергаемъ услуги, которую оба издателя оказали этими опытами нашей литературѣ, однакожъ намъ кажется, что они, какъ начинатели въ этомъ дѣлѣ, должны были иначе понять свою задачу. На первый случай не нужно было давать такого обширнаго объема задуманному труду; полезнѣе и легче было бы начать изданіемъ словаря въ одинъ большой томъ или много въ два—три, положимъ даже въ 4 тома, но не болѣе. Надобность настоитъ въ такомъ энциклопедическомъ словарѣ, который бы заключалъ въ себѣ какъ можно болѣе разнообразныхъ предметовъ съ указаніями точными, но только существенными и краткими. Образцами для подобнаго пособія могли бы служить изданные на французскомъ языкѣ словари Bouillet и Laurent или Un million de faits, а на нѣмецкомъ Conversations-Lexicon für den Handgebrauch (Leipzig 1834) или еще лучше Volks-Conversations-Lexicon (Stuttgart 1845). Само собою разумѣется, что въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ, каковы бы ни были его размѣры, особенное вниманіе должно быть обращено на полноту статей, относящихся къ познанію отечества.

Исчисливъ тѣ роды изданій, которые по нашему мнѣнію удовлетворили бы самымъ настоятельнымъ нуждамъ нашей литературы, скажемъ, что вообще для нашего юнаго образованія очень было бы полезно, еслибъ у насъ чаще являлись хорошіе переводы дѣльныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ вѣдѣнія. Поэтому нельзя не одобрить мысли, почти одновременно возникшей въ редакціяхъ двухъ петербургскихъ журналовъ, объ изданіи на русскомъ языкѣ сборниковъ, составленныхъ изъ трудовъ знаменитѣйшихъ историковъ нашего времени. Желательно только, чтобы такіе переводы дѣлались не наскоро, а съ полнымъ знаніемъ и дѣла и языка, съ совершеннымъ пониманіемъ задачи и важности ея. Въ настоящемъ состояніи нашей литературы и обра-

[1]) Не считая военно-энциклопедическаго лексикона, который по своей спеціальной выходитъ изъ ряду изданій, назначаемыхъ для общаго употребленія.

зованности мы должны бы безпрестанно обогащаться переводами. Сколько могло бы у насъ найтись людей, способныхъ къ трудамъ этого рода: у насъ распространено въ сильной мѣрѣ знаніе языковъ, тогда какъ основательныя научныя свѣдѣнія и умѣнье работать самостоятельно, составляющія необходимыя условія для оригинальныхъ серьёзныхъ трудовъ, рѣдки въ нашемъ обществѣ. Ужели же одно самолюбіе, не позволяющее удовольствоваться скромною ролью переводчика, мѣшаетъ многимъ посвятить себя такой полезной дѣятельности? Хотя мы увѣрены, что дѣйствительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ это побужденіе лишаетъ насъ прекрасныхъ трудовъ, которые не вознаграждаются самостоятельными произведеніями, однакожъ конечно есть много важнѣйшихъ причинъ, почему наша современная литература бѣдна дѣльными переводными книгами. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе всѣхъ этихъ причинъ; замѣтимъ только, что одною изъ главныхъ надобно признать самую распространенность знанія иностранныхъ языковъ, которая у многихъ отбиваетъ охоту трудиться надъ переводами для класса читателей, сравнительно немногочисленнаго и по господствующимъ у насъ понятіямъ менѣе образованнаго. Сверхъ того отъ предпріятій такого рода удерживаетъ, конечно, и неувѣренность въ сбытѣ литературныхъ трудовъ. Журналы замѣтно отвлекаютъ публику отъ покупки книгъ, а они, какъ мы сказали въ началѣ статьи, отчасти поддерживаются переводами. Но какое несмѣтное множество иностранныхъ сочиненій — книгъ и брошюръ — остается и затѣмъ неизвѣстными и недоступными русской публикѣ! Переводы дѣлаютъ произведенія иностранныхъ писателей доступнѣе намъ не только по языку, но и потому, что не всякій, кто слѣдитъ за движеніемъ своей литературы, имѣетъ время или возможность замѣчать вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ заграничныя литературныя явленія. Вотъ еще новая сторона пользы переводовъ.

Съ этимъ естественно связывается вопросъ: въ какой степени современной русской публикѣ могутъ быть нужны и полезны переводы древнихъ писателей? У насъ, вообще говоря, любознательность въ отношеніи къ классической литературѣ, какъ греческой, такъ и римской, почти вовсе не пробуждена. И можетъ ли быть иначе, когда масса нашего юношества, начиная съ школьной скамьи и до окончанія курса, за исключеніемъ развѣ воспитывающихся въ университетахъ, смотритъ на древніе языки, особливо же на латинскій, не только равнодушно, но и враждебно; для нашего учащагося поколѣнія самое названіе *латынь* есть слово ненавистное, синонимъ скуки, педантизма и уче безплоднаго, неприложимаго къ жизни. Чрезвычайно любопытно бы бы подробно изслѣдовать причины этого явленія, которое составля самобытную черту русскаго образованія. Но такое изслѣдованіе сю не относится. Замѣтимъ только, что, какъ ни сложны, можетъ бы

эти причины, указанное явленіе, конечно, находится въ связи съ двумя другими: во-первыхъ, наше воспитывающееся юношество рѣдко любитъ трудъ серьёзный и настойчивый, во-вторыхъ, оно учится по большей части для внѣшнихъ житейскихъ цѣлей, а не для самаго ученія и существенныхъ плодовъ его. Положимъ, что въ позднѣйшіе годы жизни отношеніе русскаго образованнаго человѣка къ древней словесности и измѣняется; но такъ какъ у нашего общества (въ большемъ его составѣ — служащаго) времени на чтеніе не много, то естественно, что оно преимущественно читаетъ или произведенія текущей легкой литературы или книги, имѣющія болѣе соотношенія съ жизнію и съ кругомъ дѣйствія каждаго. Такимъ образомъ сочувствія къ древнимъ писателямъ, если исключить любителей, которыхъ число не можетъ быть значительно, остается искать у насъ только въ ограниченномъ кругѣ ученыхъ и литераторовъ. Переводы съ греческаго и латинскаго должны быть отнесены у насъ, по крайней мѣрѣ до времени, къ ограниченной области ученой и учебной литературы, въ которой они составятъ конечно отдѣлъ весьма полезный, но не вознаградятъ насъ за недостатки болѣе существенные и ощутительные.

Представленный выше очеркъ этихъ недостатковъ безъ сомнѣнія неутѣшителенъ. Но при этомъ можетъ родиться вопросъ: дѣйствительно ли наша литература нуждается въ пополненіи ихъ и не показываетъ ли такая бѣдность, что русское общество еще не чувствуетъ надобности въ указанныхъ пріобрѣтеніяхъ, потому что всякая истинная потребность народная находитъ себѣ непремѣнно и удовлетвореніе? Если не является подобныхъ изданій, не значитъ ли, что для нихъ не было бы покуда и достаточнаго числа потребителей? Или причины отсутствія такихъ общеполезныхъ трудовъ кроются въ обстоятельствахъ слишкомъ неблагопріятныхъ для частной дѣятельности и могли бы быть устранены только совокупными средствами общественной предпріимчивости или даже особымъ содѣйствіемъ правительства? Рѣшеніе этихъ вопросовъ не относится къ нашей задачѣ; мы имѣли въ виду только обозначить нѣкоторыя нужды нашей современной литературы; предоставляемъ другимъ соображенія о средствахъ къ успѣшному ихъ устраненію.

---

*

ЗАМѢТКА О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ [1]).

1861.

Періодическая литература наша много занимается общественными вопросами, но очень мало сама собою: часто высказываются въ печати мнѣнія объ отдѣльныхъ ея явленіяхъ; но чрезвычайно рѣдко объ общемъ ея ходѣ и о такихъ чертахъ, которыя характеризуютъ бо́льшую часть ея органовъ. Наша литература бойко затрогиваетъ все, что̀ лежитъ внѣ ея самой, но въ собственныя свои дѣла не вглядывается пристально. А между тѣмъ первый шагъ къ самоусовершенствованію есть самоизученіе, и для всего, что̀ живетъ и мыслитъ, самое полезное дѣло есть занятіе ближайшими предметами. Здравая и дѣльная критика и у насъ все еще не сдѣлалась насущною потребностью, необходимою принадлежностью литературы, хотя мы уже и далеко оставили за собой то время, когда критика считалась у насъ безполезною, когда даже лучшіе наши писатели, напримѣръ, Карамзинъ, съ намѣреніемъ уклонялись отъ критики и открыто высказывали свое мнѣніе противъ нея [2]). Въ наше время, конечно, никто уже не станетъ оспаривать пользу критики; едва-ли многіе не согласятся съ нами, что даже критика ошибочная лучше отсутствія всякой критики. Высказываніе какихъ бы то ни было сужденій даетъ поводъ къ спорамъ, а изъ споровъ рождается истина и здравое убѣжденіе,

---

[1]) Русс. Вѣстн. 1861, т. XXXI, № 2, стр. 905.

[2]) Въ „Письмѣ къ издателю“ въ № I *Вѣстника Европы* на 1802 г., между прочимъ, сказано: „Точно ли критика научаетъ писать, не гораздо ли сильнѣе дѣйствуютъ образцы и примѣры?.. Пиши, кто умѣетъ писать хорошо: вотъ самая лучшая критика на дурныя книги... глупая книга есть не большое зло въ свѣтѣ. У насъ же такъ мало авторовъ, что не сто́итъ труда и пугать ихъ“. Въ объявленіи о продолженіи *Вѣстника Европы* на 1803 г. (см. № 23 1802 г.) Карамзинъ говоритъ: „Что принадлежитъ до критики новыхъ русскихъ книгъ, то мы не считаемъ ее истинною потребностію нашей литературы (не говоря уже о непріятности имѣть дѣло съ безпокойнымъ самолюбіемъ людей). Въ авторствѣ полезнѣе быть судимымъ, нежели судить (!). Хорошая критика есть роскошь литературы: она рождается отъ великаго богатства; а мы еще не Крезы. Лучше что-нибудь прибавить къ общему имѣнію, нежели заняться его оцѣнкой. Впрочемъ не заказываемся говорить иногда о старыхъ и новыхъ русскихъ книгахъ; только не входимъ въ рѣшительное обязательство быть критиками“. Еще ограниченнѣе были мнѣнія нѣкоторыхъ писателей нашихъ, по этому предмету, въ прошломъ столѣтіи. Такъ, Богдановичъ, въ недавномъ „Начертаніи къ заведенію общества россійскихъ писателей“, предполагалъ между прочимъ „постановить, чтобы въ общество пріемлемы не были критики на какія-либо сочиненія, и критики, по правиламъ чести, должны быть сообщаемы писателямъ прежде изданія и свѣтъ ихъ сочиненій, а не тогда уже, когда правительство терпитъ ихъ печатаніе“.

тогда какъ молчаніе ведетъ только къ постепенному утвержденію ложныхъ понятій и началъ.

Движеніе, которымъ, лѣтъ шесть тому назадъ, оживилась русская литература, конечно, приведетъ ее къ самымъ счастливымъ результатамъ. Но что именно вслѣдствіе такого внезапнаго пробужденія она сдѣлалась и до сихъ поръ еще остается одностороннею, это, конечно, ясно всякому безпристрастному наблюдателю. Мы очень далеки отъ того, чтобы за это строго осуждать ее, мы отдаемъ ей полную справедливость въ томъ великомъ значеніи и въ той истинной заслугѣ, которыя она пріобрѣла въ короткое время. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ скрыть отъ себя, что она въ самыхъ благородныхъ порывахъ своихъ показала заносчивость, которая свидѣтельствуетъ о весьма еще не зрѣлой юности.

И можетъ ли быть иначе? Въ умственномъ мірѣ всѣ явленія такъ же послѣдовательны и необходимы, какъ и въ мірѣ физическомъ. Кто не помнитъ, какъ предъ крымскою войной, въ журналахъ нашихъ и газетахъ безпрестанно являлись стишки и статейки, въ которыхъ извѣстные и неизвѣстные авторы предсказывали врагамъ нашимъ неминуемую гибель и жестокое посрамленіе, грозили закидать ихъ шапками, однимъ словомъ, хвалились идучи на рать. Мы теперь смѣемся надъ этими ребяческими выходками; но вѣдь съ тѣхъ поръ прошло только семь лѣтъ; а въ семь лѣтъ радикально перераждается, какъ утверждаютъ физіологи, тѣло человѣческое, но отнюдь не общество. Въ семь лѣтъ оно можетъ подвинуться нѣсколько впередъ, но не преобразоваться въ самомъ сердцѣ своемъ, въ своихъ нравахъ.

Общество малоразвитое естественно страдаетъ недостаткомъ *гуманности*. У насъ это слово стало употребляться только недавно, слѣдовательно недавно появилось и самое понятіе. До сихъ поръ еще есть между нами люди, которые сомнѣваются въ законности этого слова. За слово мы стоять не будемъ; пожалуй, если не нравится иностранное, пусть его замѣнятъ русскимъ *человѣчность*. Но важно понятіе: оно заключаетъ въ себѣ совокупность внутреннихъ признаковъ, которые человѣка дѣлаютъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ. Присутствіе этихъ признаковъ даетъ себя чувствовать преимущественно въ нашемъ соприкосновеніи съ другими. Названіе гуманнаго заслуживаетъ тотъ, кто во всѣхъ сношеніяхъ своихъ обнаруживаетъ полное уваженіе къ другому, какъ къ такому же человѣку, какъ и самъ онъ, полное уваженіе къ личности, достоинству и правамъ другого, какъ человѣка вообще, а не какъ такого только, который пользуется извѣстнымъ внѣшнимъ положеніемъ или извѣстными преимуществами. Гуманность требуетъ глубокаго образованія [1]), и потому бываетъ разлита въ

[1]) Въ средніе вѣка, когда новые народы только-что выходили изъ состоянія варварства, необходимымъ условіемъ такого образованія сдѣлались древніе языки, и

массѣ только тѣхъ народовъ, у которыхъ образованіе успѣло развиться подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ.

Въ послѣдніе годы гуманность сдѣлала явные успѣхи въ нашемъ обществѣ; это выражается и въ частной, и въ публичной жизни нашей. Мы не имѣли случая, въ послѣдніе годы, наблюдать нашъ провинціальный бытъ; по крайней мѣрѣ, видимъ, что въ Петербургѣ многое въ нашихъ нравахъ начинаетъ измѣняться: начальники (говоримъ объ общихъ, а не о частныхъ явленіяхъ) стали иначе обращаться съ подчиненными, разныя офиціальныя мѣста стали иначе принимать публику, тонъ полиціи рѣшительно измѣнился, по крайней мѣрѣ въ обращеніи съ образованнымъ классомъ людей. Грубая матеріальная сила сознала превосходство духовныхъ началъ и необходимость имъ подчиняться.

Но странно, и однакожъ справедливо, въ журнальной критикѣ нашей менѣе, нежели въ общественной жизни, замѣтны успѣхи гуманности. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, въ нашей литературѣ утвердились извѣстные взгляды и мнѣнія, которые какъ-будто присвоили себѣ монополію обращенія въ печатномъ мірѣ. Съ этимъ соединяется, подъ личиною презрѣнія къ авторитетамъ и требованія свободы мысли, самое слѣпое раболѣпство передъ извѣстными именами. Приведемъ примѣръ не новый. Журналы, положимъ А и Б, въ которыхъ участвуетъ такой-то писатель, положимъ В, успѣли доставить ему *громадную популярность*. Попробуй кто-нибудь, напримѣръ Г, сказать печатно, что новое произведеніе этого писателя ему не нравится. Тотчасъ на Г. посыплются насмѣшки, ругательства, чуть не проклятія: онъ невѣжа, глупецъ, отсталой:

„Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!“

Вотъ вамъ и свобода мнѣній, и презрѣніе къ авторитетамъ, и благотворная гласность. Такимъ образомъ, въ критикѣ нашей на тронѣ гуманности возсѣдаетъ покуда заклятый врагъ ея, нетерпимость. Проповѣдуя свободу мнѣній, многіе журналы наши поступаютъ деспотически въ области мысли. Журнальная гласность должна быть обоюдуострая или, какъ богъ Янусъ, имѣть два лица, изъ которыхъ одно было бы обращено къ обществу, а другое къ самой литературѣ. Но, повторяемъ, наша литература любитъ преслѣдовать злоупотребленія только внѣ самой себя, а относительно собственныхъ своихъ темныхъ сторонъ предпочитаетъ скромное молчаніе.

Гуманность имѣетъ еще обширнѣйшее значеніе, нежели какое въ предыдущемъ признали за нею. Она выражается не въ одни

оттого-то до сихъ поръ еще предметы классическаго образованія называются у нѣмцевъ humaniora, — у французовъ: les humanités. Оттуда же и названіе гуманисты.

нашихъ сношеніяхъ съ лицами, но и въ томъ, какъ мы относимся къ цѣлому человѣчеству, къ чужимъ націямъ и къ собственному своему народу, къ его настоящему и прошлому. Истинная гуманность не презираетъ старины: она видитъ въ ней законное и необходимое звено цѣпи, гдѣ настоящее служитъ только продолженіемъ, чтобы самому сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ безчисленныхъ звеньевъ, изъ которыхъ слагается исторія. Можно не сочувствовать прошлому, можно осуждать его, — нашего прошлаго нельзя не осуждать; но безотчетно смѣшивать и ставить на одну доску всѣ его явленія безъ разбора, отрицать необходимость основательнаго и всесторонняго изученія его есть признакъ невѣжества и пристрастія. Такимъ образомъ недостаткомъ гуманности объясняется многое въ нашей современной журналистикѣ, между прочимъ и безусловное презрѣніе къ прежнимъ нашимъ писателямъ, даже къ тѣмъ, которые сами отличались высокою гуманностью. Такъ журнальная критика давно уже обнаруживаетъ очень мало сочувствія къ Карамзину и Жуковскому, хотя они оказали русской литературѣ величайшія услуги и были, можетъ быть, самыми гуманными ея личностями. Непониманіе достоинства этихъ истинныхъ образователей нашей литературы доходитъ до того, что недавно одинъ фельетонистъ позволилъ себѣ сказать, будто въ Карамзинѣ не было ничего *симпатичнаго,* — въ Карамзинѣ, который былъ надѣленъ самыми лучшими дарами природы, который съ самою пылкою, любящею душой соединялъ глубокій умъ, разностороннее образованіе и неутомимую дѣятельность. Гдѣ же симпатичные люди, если Карамзинъ не принадлежалъ къ разряду ихъ, и ужели точно симпатичнѣе тотъ, у котораго могло сорваться такое дикое мнѣніе? Нѣтъ, когда бы выше было наше образованіе, тогда мы иначе смотрѣли бы не только на этихъ писателей, но и вообще на нашу прежнюю литературу, при всѣхъ ея неоспоримыхъ недостаткахъ; тогда бы мы убѣдились, что не съ насъ же первыхъ начинается существованіе русскаго народа и русскихъ людей. Если бы мы болѣе изучали, нежели слѣпо вѣрили въ свою проницательность, если бы мы прилежнѣе знакомились съ исторіей литературы, и хоть бы изрѣдка заглядывали въ старые наши журналы, то увидѣли бы, что и прежде у насъ, на Руси размышляли и трудились, и что не всѣ прежнія мысли и труды никуда не годны, что во всѣ времена мнѣнія мѣнялись, что новое всегда считало себя лучше стараго, но, въ свою очередь, уступало мѣсто болѣе новому и дѣлалось старымъ; что во всѣ времена возникаютъ случайно огромныя репутаціи, но и падаютъ очень скоро, если не бываютъ основаны на истинныхъ заслугахъ обществу или отечеству. Сколько кумировъ нынѣшняго поколѣнія забудется, когда возстановится въ полномъ блескѣ честь многихъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые теперь въ пренебреженіи!

Упомянувъ о нынѣшнемъ поколѣніи, не можемъ не остановиться

еще на одномъ юношескомъ увлеченіи его. У насъ годность человѣка часто измѣряется только тѣмъ, принадлежитъ ли онъ къ старому, или молодому поколѣнію. Такимъ образомъ для оцѣнки внутренняго существа берется признакъ совершенно внѣшній. Нелѣпое мнѣніе, будто движеніе мысли, свойство убѣжденій, сила характера и степень дѣятельности зависятъ отъ возраста,—такое мнѣніе не встрѣчается ни въ одномъ вполнѣ просвѣщенномъ обществѣ. Добро бы еще, если бы людей различали у насъ по тому, принадлежатъ ли они, по своимъ понятіямъ, къ старому, или новому времени. Тутъ былъ бы смыслъ, но вѣдь и въ старомъ времени были люди почтенныхъ лѣтъ, понимавшіе его темныя стороны и потому встрѣтившіе радостно пробужденіе новаго, и въ новомъ времени довольно есть юношей, которые вмѣстѣ съ молокомъ матери всосали постыдныя наклонности и привычки прошлаго, и если не на словахъ, то на дѣлѣ всегда готовы оправдать мудрые уроки и примѣры своего воспитанія, да, конечно, и сами еще будутъ нѣкогда воспитывать своихъ чадъ въ тѣхъ же спасительныхъ преданіяхъ! Однимъ поколѣніемъ не могутъ быть вырваны съ корнемъ вѣковѣчные нравы и обычаи, и если на современномъ намъ молодомъ поколѣніи взоры наши не могутъ не останавливаться съ надеждою и любовію, какъ на поколѣніи, въ которомъ мы видимъ возможность осуществленія многихъ изъ лучшихъ нашихъ упованій, то мы не можемъ забыть и того, что не въ этомъ одномъ поколѣніи заключается все умственное богатство націи, что перевѣсъ благоразумія, опытности, зрѣлости, находится на сторонѣ людей, болѣе или менѣе перешедшихъ за черту молодости. Названіе „человѣка почтенныхъ лѣтъ“ сдѣлалось у насъ, въ устахъ многихъ, бранью, синонимомъ человѣка отсталаго, ни къ чему не годнаго. Не гораздо ли справедливѣе считать такимъ всякаго, кто лѣнью, безпечностію, легкомысліемъ отстаетъ отъ быстрыхъ шаговъ вѣка, кто не понимаетъ, что одна изъ первыхъ потребностей сложной современной жизни есть ученіе и знаніе, кто вмѣсто употребленія времени на духовное свое развитіе тратитъ его на потѣху своего самолюбія, своей самонадѣянности, своей любви къ праздности и наслажденіямъ, своего самообожанія? Такого человѣка, говорю, справедливѣе было бы называть отсталымъ и ни къ чему не годнымъ, будь онъ самый цвѣтущій юноша, будь онъ даже вѣчно юнъ, какъ сама Геба на Олимпѣ. Много остается нашему молодому поколѣнію сознать, много поработать надъ собой, чтобъ оправдать то обожаніе, которое часто воздается ему въ наше время.

И мы твердо надѣемся на это, несмотря на другое печальное и разительное явленіе, которое въ послѣднее время стало чаще и чаще повторяться въ нашей литературѣ: нѣкоторые наши журналы и газеты начали употреблять также въ видѣ насмѣшки и даже брани слово

ченый. Но не есть ли это большая ошибка и дурной расчетъ въ такую
юху, когда уваженіе къ наукѣ болѣе и болѣе распространяется, когда
ѣ сознаютъ ея потребность для молодого поколѣнія, когда безпре-
танно слышатся жалобы, что у насъ слишкомъ мало ученыхъ, что
ъ недостаткомъ ихъ пустѣютъ университетскія каѳедры, и что это
бстоятельство даже препятствуетъ полному успѣху нашихъ универ-
итетовъ? Было время, когда ненависть къ ученымъ исходила у насъ
изъ совершенно-другого лагеря,—это было грустное время, оставившее
яжелые слѣды въ исторіи нашего просвѣщенія и въ нынѣшнемъ,
ейчасъ нами указанномъ, состояніи нашихъ университетовъ. Теперь
ама литература, которая должна быть охранительницею знанія и
просвѣщенія, грозитъ намъ тѣмъ же вандализмомъ!

Въ оправданіе свое намъ скажутъ, что воюютъ только противъ мертвой науки, противъ сухой, безплодной учености. Если такъ, то зачѣмъ же безусловно употреблять слово ученый въ презрительномъ смыслѣ? Но развѣ и живая наука, то-есть плодотворная, примѣнимая къ жизни, возможна безъ долгихъ, сухихъ изслѣдованій? И не всякое ли изслѣдованіе, не всякій ли ученый трудъ кажется діллетанту мертвеннымъ и мертвящимъ? Въ жизнь входятъ только окончательные результаты науки, но сама наука должна обхватывать все, и мелкое и крупное; она не можетъ заранѣе съ полною ясностію опредѣлить, что̀ изъ всего этого приведетъ къ плодотворному результату; только медленнымъ шагомъ и всеобъемлющимъ, часто мелочнымъ, трудомъ она доходитъ до свѣта живой истины.

Конечно, нѣтъ такого нелѣпаго мнѣнія, которое бы не нашло своихъ приверженцевъ; но, къ счастію, такія благородныя поползновенія нашей журналистики уже не могутъ возбуждать общаго сочувствія въ публикѣ.

Вообще лучшая часть нашего общества часто совершенно расходится со взглядами нѣкоторыхъ органовъ нашей періодической литературы. Можетъ быть, масса нашихъ читателей еще питается и руководится журнальными мнѣніями, хотя ужъ и въ этой массѣ нѣтъ прежняго безусловнаго уваженія къ печатному слову. Но справедливо и то, что наше общественное мнѣніе, то есть итогъ сужденій мыслящихъ круговъ, образуется независимо отъ журналовъ и по большей части не согласно съ ними. Взгляды и приговоры общества гораздо болѣе здравы и вѣрны, нежели многіе журнальные отзывы. Тѣмъ значительнѣе разница между этими послѣдними и сужденіями здравомыслящихъ литераторовъ. Замѣчательно только, что рѣдко кто изъ этихъ литераторовъ рѣшается искренно высказывать свои мнѣнія въ печати. Причины того понятны. Съ одной стороны, они боятся утратить популярность въ одной или нѣсколькихъ, довольно многочисленныхъ журнальныхъ партіяхъ, а популярность есть идолъ весьма многихъ въ такое

время, когда массы начинаютъ пріобрѣтать вѣсъ и значеніе; съ другой стороны, нѣкоторые ужъ слишкомъ заботливо охраняютъ свое дорогое имячко отъ всякаго, даже и несправедливаго нападенія или упрека. Такимъ образомъ, люди, ясно понимающіе дѣло, уклоняясь отъ полемики, не выражаютъ своихъ мыслей о томъ, что̀ почти ежедневно видятъ въ литературѣ, и ложные взгляды развиваются на свободѣ.

Утѣшимся тѣмъ, что одна истина носитъ въ себѣ неодолимую силу живучести, и что во всякомъ человѣческомъ обществѣ она, посреди всѣхъ заблужденій, пролагаетъ себѣ путь хоть медленно, но твердо. Несмотря на частыя ея колебанія, несмотря на извилины, по которымъ общество подвигается впередъ, крѣпки еще и теперь, и всегда будутъ крѣпки вѣковыя основы его уваженія къ правдѣ и любовь къ добру, а противящіеся имъ похожи на тѣхъ безумцевъ, которые хотятъ забросать небо каменьями, но сами поражаются ими.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ ВОРОНЕЖЪ [1]).

Провинціальная печать.

1870.

I.

Воронежъ, мѣсто рожденія Болховитинова, Кольцова и Никитина, давно пріобрѣлъ у насъ репутацію литературнаго города. Года три тому назадъ желѣзная дорога приблизила его къ центрамъ образованія, что̀, конечно, не останется безъ значенія для дальнѣйшихъ умственныхъ успѣховъ края. Теперь онъ сдѣлался доступнѣе для любознательности путешественниковъ. Находясь уже въ Тамбовской губерніи и прочитавъ въ газетахъ, что въ Воронежѣ вышелъ второй выпускъ переписки Евгенія Болховитинова съ графомъ Румянцовымъ, я увидѣлъ въ томъ двойной поводъ побывать въ этомъ городѣ.

Мысль ѣхать въ самое мѣсто, гдѣ напечатана книга, чтобы пріобрѣсти ее, можетъ показаться странною — вездѣ, но не въ Россіи. Извѣстно, что у насъ ничего нѣтъ труднѣе, какъ купить въ столицѣ книгу, изданную въ провинціи. Книгопродавецъ обѣщаетъ вамъ выписать ее съ *первою* же почтой; вы приходите къ нему черезъ

---

[1]) Вѣстн. Европы 1870, № 11.

едѣли навѣдаться, не получена ли она? Онъ съ величайшею разязностію отвѣчаетъ вамъ, что еще нѣтъ и что самъ не понимаетъ ричины тому. То же самое повторяется при каждомъ требованіи ноой книги, и вы, наконецъ, потерявъ терпѣніе, отказываетесь отъ еланія знакомиться съ провинціальной литературой. Что́ бы стоило, азалось, какому-нибудь предпріимчивому книгопродавцу устроить въ воемъ магазинѣ складъ всѣхъ литературныхъ новостей, печатаемыхъ въ цѣлой Россіи? Но, къ сожалѣнію, по всему видно, что мы этого не скоро дождемся. Итакъ, покуда приходится ѣхать въ Воронежъ, чтобы добыть отпечатанную тамъ брошюру.

Отъ центральной станціи Грязи желѣзная дорога, въ весьма удобномъ вагонѣ (въ которомъ можно просидѣть безвыходно отъ самой Москвы), быстро перенесла меня до одного изъ крайнихъ пунктовъ этой линіи — Воронежа. Здѣсь я нашелъ прекрасное съ виду помѣщеніе во вновь отдѣланной гостиницѣ купеческаго клуба на одной изъ Дворянскихъ улицъ, которыми такъ богатъ этотъ городъ. Гостиница эта болѣе извѣстна подъ именемъ прежняго владѣльца своего Шванвича. Ужъ не потомокъ ли это, подумалъ я, того Шванвича, который при Петрѣ III слылъ первымъ силачемъ въ Петербургѣ (онъ побивалъ каждаго изъ Орловыхъ порознь и уступалъ только двоимъ вмѣстѣ), котораго сынъ, приставъ къ Пугачеву, сочинялъ для него нѣмецкіе указы? Но воронежская хроника молчитъ объ этомъ. Вполнѣ довольный сначала своимъ пристанищемъ, я, однакожъ, впослѣдствіи сдѣлалъ прискорбное открытіе, что въ комнатѣ не затворялось порядочно ни одно окно, а на улицѣ передъ самымъ домомъ происходилъ по ночамъ такой шумъ отъ криковъ и драки пьяныхъ мужиковъ, что невозможно было не просыпаться ежеминутно.

Пріѣхавъ въ субботу вечеромъ, я очень жалѣлъ на слѣдующее утро, что не могъ тотчасъ же отправиться въ книжныя лавки, полагая, что онѣ въ праздничные дни заперты. Первые часы дня посвятилъ я памяти Петра Великаго, т. е. осмотрѣлъ прежде всего монументъ его, открытый въ 1860 году и сооруженный въ концѣ той же Дворянской улицы. Это одно изъ произведеній извѣстнаго Клодта. Петръ Великій представленъ стоящимъ во весь ростъ на пьедесталѣ. Нельзя сказать, чтобы фигура его производила особенное впечатлѣніе; но непріятно поражаетъ невозможность прочесть на памятникѣ надпись, такъ какъ изъ нея, повидимому съ умысломъ, вырваны многія буквы. Такъ, отъ слова *дворяне* осталось только *воряне*, а вмѣсто *гражане* читается *ражае*. Какъ жаль, что не принято мѣръ для ограженія дорогого народнаго достоянія отъ посягательствъ невѣжества и ндализма.

Потомъ, съ возвышенной и главной части города, по отлогой улицѣ, мощеной, изрытой промоинами и обставленной деревянными домиками,

спустился я къ плоскому берегу рѣки Воронежа; тамъ на островѣ уединенно и мрачно стоитъ единственный остатокъ кипѣвшей здѣсь дѣятельности, когда геніальный Петръ трудился надъ осуществленіемъ одной изъ великихъ и любимыхъ идей своихъ. Это такъ-называемый цейхгаузъ, или, какъ произноситъ народъ, *чихаусъ*, длинное каменное зданіе, видомъ своимъ напоминающее какой-нибудь пакгаузъ или запасный магазинъ. При Петрѣ тутъ хранились необходимыя принадлежности кораблестроенія и помѣщался также, если вѣрить преданію, кабинетъ (рабочая палата), гдѣ государь занимался дѣлами. Нынѣ вокругъ цейхгауза устроены мойки для шерсти, — предметъ одной изъ главныхъ отраслей здѣшней промышленности; внутри же зданія складывается самая промываемая шерсть: подъ это употребленіе, лучше котораго ничего не придумано, воронежская городская дума отдаетъ цейхгаузъ съ публичныхъ торговъ за самую ничтожную плату [1]). Впрочемъ, и уцѣлѣло-то это историческое зданіе только случайно, или вѣрнѣе, благодаря прочности своей постройки: въ 1812 году оно уже было продано на сломъ въ частныя руки, да не нашлось орудія, чтобъ сокрушить его стѣны! Но какъ же бывшее адмиралтейство Петра Великаго перешло опять въ общественную собственность? Съ разъясненіемъ этого вопроса связано обстоятельство, служащее, къ сожалѣнію, однимъ изъ разительныхъ свидѣтельствъ того, какъ случайны и безплодны бываютъ иногда патріотическія вспышки нашего юнаго общества. Въ 1834 году, при губернаторѣ Д. Н. Бѣгичевѣ, все образованное населеніе Воронежа воодушевилось мыслію о совершенно особенномъ, небываломъ еще у насъ памятникѣ во славу великаго человѣка. Рѣшено было воспользоваться для этого петровскимъ цейхгаузомъ, устроивъ въ немъ драгоцѣнный музей предметовъ, относящихся къ эпохѣ и дѣятельности преобразователя. Составленъ былъ обширный проектъ не только исполненія самой этой идеи, но и разныхъ общественныхъ учрежденій и празднествъ, которыми думали обставить ее. Вотъ нѣкоторыя черты этого любопытнаго проекта, уже освященнаго въ свое время утвержденіемъ верховной власти. Предполагалось: отдѣлавъ и убравъ кабинетъ Петра во вкусѣ его эпохи, устроить здѣсь публичную библіотеку изъ книгъ, относящихся къ его дѣяніямъ, а также галлерею портретовъ и картинъ того же содержанія; въ остальныхъ комнатахъ учредить родъ инвалиднаго дома; кругомъ всего зданія и далѣе по берегамъ рѣки развести общественный садъ; на возвышенномъ бугрѣ (острожномъ) поставить памятникъ Петру въ видѣ обелиска; ежегодно въ день кончины его, 28 января, послѣ богослуженія дѣлать на счетъ города угощеніе бѣднымъ и, наконецъ, въ большіе царскіе дни устря

[1]) „Воронежъ въ историческомъ и современно-статистическомъ отношеніяхъ соч. Г. М. Веселовскаго. Воронежъ 1866, II, стр. 46.

ить на островѣ публичныя гулянья и празднества. Для примѣра, уже въ 1834 г., въ день рожденія императора Николая, отъ церкви Успенія былъ церемоніальный ходъ въ цейхгаузъ чрезъ построенный городскимъ головою временной мостъ. Около зданія было приготовлено для бѣдныхъ угощеніе, а вечеромъ на островѣ горѣла иллюминація. „Для приведенія въ исполненіе этого проекта — разсказываетъ Г. М. Веселовскій — составленъ былъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ воронежскаго губернатора. Комитетъ составилъ смѣту на возобновленіе зданія и укрѣпленіе острова, гдѣ оно находится, въ 37.146 р. 60 коп. Открылась подписка и была встрѣчена общимъ сочувствіемъ; пожертвованія какъ деньгами, такъ и вещами, поступали въ комитетъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Но потомъ медленная работа и слишкомъ неэкономное веденіе дѣла породили всеобщее охлажденіе къ пожертвованіямъ, и въ 1843 году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ оставленіи сооруженія памятника Петру I до имѣющейся открыться къ тому возможности; цейхгаузъ же обратить въ городское вѣдомство для употребленія по усмотрѣнію начальства". Отъ всей суеты по поводу этого проекта, нѣсколько лѣтъ волновавшаго Воронежъ, осталось только собраніе гравюръ петровскаго времени, сохраняемое въ тамошней Публичной библіотекѣ [1]).

Отъ Петра Великаго естественно было обратиться къ славному его современнику, Митрофану. Я поѣхалъ къ монастырю этого имени; извозчикъ мой сталъ подыматься по довольно крутой улицѣ, которая поразила меня своею мостовой изъ твердаго плитняка и гордо возвышающимися по обѣ стороны каменными стѣнами. Послѣ узналъ я, что это одинъ изъ трехъ замѣчательныхъ спусковъ, отдѣланныхъ въ достопамятное (1824—1826 г.) многими постройками время губернаторства Кривцова. Воронежъ, какъ извѣстно, городъ не древній. Страна, прилегающая къ среднему теченію Дона, до конца XVI-го столѣтія составляла одну изъ украинъ Россіи и называлась *полемъ*; только послѣ Ивана Грознаго русская колонизація пошла далѣе на югъ и юго-востокъ подъ прикрытіемъ новыхъ укрѣпленныхъ городовъ. Однимъ изъ нихъ былъ Воронежъ, построенный при Ѳедорѣ Ивановичѣ. Но еще долго край этотъ оставался въ полудикомъ состояніи и служилъ мѣстомъ ссылки государственныхъ преступниковъ, гдѣ, кромѣ того, искали спасенія холопы, бѣжавшіе отъ своихъ помѣщиковъ, и раскольники, преслѣдуемые правительствомъ. Для мирныхъ жителей здѣсь не было безопасности: поселенія подвергались нападеніямъ бѣглецовъ, которые сожигали ихъ, а людей уводили въ плѣнъ. Наконецъ, для противодѣйствія такой грубости нравовъ и успѣхамъ раскола, соборъ,

[1]) Описаніе ихъ можно найти №№ 34 — 38 Воронежскихъ Губерн. Вѣдом. 1 г.

созванный при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, положилъ учредить нѣсколько новыхъ епархій. Въ 1681 году повелѣно быть епископу въ Воронежѣ, и на эту каѳедру избранъ игуменъ макарьевскаго монастыря — Митрофанъ. Этотъ первый епископъ новой епархіи, котораго засталъ здѣсь Петръ Великій, успѣлъ снискать особенное его расположеніе своимъ содѣйствіемъ къ построенію флота: въ два пріема пожертвовалъ онъ на этотъ предметъ не менѣе 7 тыс. руб. изъ домовой казны своей и за то получилъ двѣ милостивыя царскія грамоты.

II.

Въ воскресенье, первый день моего пребыванія въ Воронежѣ, былъ праздникъ св. Сергія: въ монастырѣ Митрофана служилъ обѣдню самъ архіепископъ Серафимъ. Въ 1-мъ часу я засталъ церковь еще наполненною народомъ и былъ пріятно пораженъ чуднымъ пѣніемъ многочисленнаго хора, образованнаго заботливостью нынѣшняго преосвященнаго. Недалеко отъ иконостаса, съ правой стороны Благовѣщенской церкви, стоитъ величественная рака святого, мощи котораго найдены въ 1833 году, вслѣдствіе чего и учрежденъ монастырь его имени. Прочія церкви этого монастыря въ настоящее время перестраиваются. По окончаніи богослуженія я отправился въ изящно-построенный при Екатеринѣ II, по плану архитектора Гваренги, архіерейскій домъ, стоящій возлѣ колокольни, замѣчательной своею высотою. Я желалъ побесѣдовать съ преосвященнымъ, о которомъ весь Воронежъ отзывается съ любовью, и нашелъ у него довольно большое общество. Здѣсь я познакомился, между прочимъ, съ профессоромъ воронежской семинаріи Дмитріемъ Ивановичемъ Самбикинымъ, молодымъ священникомъ, уже вдовымъ. Ученый отецъ Дмитрій, церковь котораго находится близъ монастыря, прилежно занимается историческими трудами, особливо всѣмъ, что относится къ дѣятельности Петра Великаго въ Воронежѣ, и сбирался въ Петербургъ для дополненія своихъ изслѣдованій. Важный матеріалъ доставляютъ ему и мѣстные архивы, но, къ сожалѣнію изъ нихъ многое перешло уже въ руки Устрялова и Елагина (послѣдній писалъ исторію русскаго флота). Нѣкоторые касающіеся того же предмета документы хранятся, между прочимъ, въ архивѣ воронежской казенной палаты, приводимомъ нынѣ въ порядокъ, благодаря дѣятельному и просвѣщенному управляющему этой палаты А. Ѳ. Раеву. За завтракомъ у преосвященнаго разговоръ не могъ не коснуться знаменитаго воронежскаго уроженца, митрополита Евгенія, который въ молодости былъ учителемъ и префектомъ здѣшней семинаріи и издалъ въ 1800 году „Историческое, географическое и экономическое описаніе Воронежской губерніи“, книгу чрезвычайно рѣдкую въ настоящее время. Какъ было бы желательно, чтобы кто-нибудь

въ воронежскаго ученаго сословія или статистическій комитетъ вновь издалъ это сочиненіе съ примѣчаніями, которыя придали бы ему современный интересъ. Бывшее имѣніе князя Репнина, *Репьевка*, гдѣ Евгеній былъ нѣкогда сельскимъ священникомъ, — нынѣ казенная слобода Коротоякскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, мнѣ ничего не удалось узнать въ Воронежѣ о тамошнемъ пріятелѣ Евгенія, чиновникѣ и помѣщикѣ Македонцѣ, къ которому обращены любопытныя письма перваго, напечатанныя недавно въ *Русскомъ Архивѣ*. Но зато я услышалъ, что есть еще нѣсколько писемъ Евгенія къ другимъ лицамъ въ рукахъ преподавателя воронежской семинаріи г. Волкова и что въ архивѣ или библіотекѣ этой семинаріи хранятся интересные автографы Евгенія, — наставленія, которыя онъ писалъ для ея преподавателей. Говорятъ, что г. Николаевъ готовитъ подробную исторію этого учебнаго заведенія, и надобно надѣяться, что въ приложеніяхъ къ ней мы найдемъ нѣсколько новыхъ документовъ относительно первоначальной дѣятельности славнаго архипастыря.

Разставшись съ достопочтеннымъ святителемъ, я посѣтилъ устроенную при входѣ въ монастырь иконную и книжную лавку, гдѣ пріобрѣлъ, между прочимъ, *Жизнеописаніе* перваго воронежскаго епископа Митрофана, составленное отцомъ Самбикинымъ, и фотографическое изображеніе монастыря. Другихъ видовъ живописнаго Воронежа здѣсь не могли мнѣ дать. Послѣ уже я досталъ у фотографа Пономарева нѣсколько удачно сдѣланныхъ имъ изображеній разныхъ мѣстностей этого города.

Возвращаясь изъ монастыря, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что опасеніе мое не попасть въ этотъ же день въ книжныя лавки было напрасно: всѣ онѣ были открыты. Извѣстно, что въ русскихъ городахъ вообще очень хорошо помнятъ притчу Спасителя объ овцѣ, упавшей въ яму, которую надо вытащить, несмотря на субботу, и въ праздничные дни рѣдко воздерживаются отъ прибыльныхъ торговыхъ занятій. Россія въ этомъ отношеніи совершенная противоположность Англіи, гдѣ не только никто не торгуетъ въ праздники, но, по соглашенію особыхъ ассоціацій, многіе запираютъ лавки уже наканунѣ, передъ наступленіемъ вечера. Впрочемъ у насъ, при особенномъ усердіи народа къ обогащенію казны акцизными сборами, такая промышленная неугомонность имѣетъ свою хорошую сторону: обязательное пребываніе въ лавкахъ удаляетъ многихъ отъ храмовъ Вакха, которые, къ несчастію, посѣщаются русскимъ человѣкомъ прилежнѣе всякихъ другихъ храмовъ. Итакъ, удовольствіе мое при видѣ открытыхъ книжныхъ лавокъ не могло возмущаться даже благочестивыми соображеніями. Очень полезно было бы, еслибъ примѣру торговцевъ послѣдовали у насъ также хлѣбонашцы, и еслибъ вообще въ нашемъ народномъ и общественномъ быту число праздниковъ было значительно уменьшено.

Это совсѣмъ не маловажный вопросъ, и мы бы должны принять серьёзно къ соображенію тотъ чистосердечный, нескончаемый смѣхъ, которымъ недавно разразился одинъ китаецъ, узнавъ, какъ велико число праздниковъ, соблюдаемыхъ въ Россіи, сверхъ воскресныхъ дней.

Помня прочитанное въ газетахъ извѣщеніе, я въ первой попавшейся мнѣ на пути книжной лавкѣ спросилъ второй выпускъ издаваемой мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ „Переписки Евгенія съ Румянцовымъ". Къ крайнему удивленію моему, мнѣ отвѣчали, что эта книга еще не выходила. Удивленіе мое росло все болѣе по мѣрѣ того, какъ я получалъ тотъ же отвѣтъ и въ остальныхъ трехъ книжныхъ лавкахъ города Воронежа. Вообще легко было замѣтить, что всѣ онѣ не особенно хорошо снабжены произведеніями мѣстной литературы; даже не вездѣ можно найти новѣйшее популярное изданіе Кольцова; о прежнихъ изданіяхъ воронежскаго статистическаго комитета и говорить нечего. Болѣе всего эти книжныя лавки пробавляются спрашиваемыми часто учебниками, переводами популярныхъ книгъ да романами и повѣстями, — не совсѣмъ отрадное свидѣтельство о литературныхъ потребностяхъ воронежской публики. Меня увѣряли, что тамошніе книгопродавцы поддерживаютъ свою торговлю преимущественно продажею писчей бумаги, карандашей и т. п. канцелярскихъ припасовъ, безъ чего пришлось бы закрыть большую часть этихъ лавокъ. Итакъ, за вновь отпечатанными письмами Евгенія приходилось обратиться прямо въ статистическій комитетъ, а къ нему можно было получить доступъ не прежде завтрашняго дня.

III.

Пока займемся нѣкоторыми другими явленіями мѣстной литературы. Кромѣ Вѣдомостей губернскихъ и епархіальныхъ, въ Воронежѣ выходятъ три частныя періодическія изданія, именно двѣ литературныя газеты: *Воронежскій Телеграфъ* и *Донъ*, и одинъ журналъ — *Филологическія Записки*. Прежде издавался еще *Листокъ*, но онъ прекратился. *Донъ* и *Телеграфъ*, какъ естественные соперники, ведутъ между собою непрерывную войну: у каждаго изъ нихъ, однакожъ, до 300 подписчиковъ. Объ одной изъ этихъ газетъ сообщили мнѣ любопытное свѣдѣніе, очень знаменательное для сужденія о нашей провинціальной цензурѣ. Издатель, для избѣжанія ея безпощадныхъ запрещеній, посылаетъ въ Москву каждый нумеръ своего изданія въ рукописи. Подобное довелось мнѣ слышать о состояніи цензуры и въ другихъ губернскихъ городахъ. Чего нельзя ожидать отъ нея, когда, напр. въ области исторіи, она не допускаетъ самой легкой критики нѣкоторыхъ распоряженій Петра Великаго по постройкѣ флота, имѣвшихъ послѣдствіемъ обмелѣніе рѣки Воронежа! Въ интересахъ русскаго

разованія было бы въ высшей степени желательно, чтобы такому роизволу провинціальной цензуры былъ поскорѣе положенъ конецъ [1]).

Телеграфъ и *Филологическія Записки* издаются однимъ и тѣмъ же ицомъ, А. А. Хованскимъ. Должно отдать полную справедливость по-ояйству, съ какимъ онъ уже 9 лѣтъ ведетъ изданіе основаннаго имъ пеціальнаго журнала, который, конечно, можетъ имѣть только весьма граниченный кругъ читателей. Первоначальная мысль этого предпріятія принадлежитъ, какъ я слышалъ, М. Ѳ. де-Пуле; тѣмъ не менѣе честь ея выполненія вся остается за г. Хованскимъ. Съ ничтожными средствами онъ умѣлъ оказать русской филологіи существенную услугу сборникомъ, вмѣщающимъ въ себѣ уже множество полезныхъ и отчасти замѣчательныхъ трудовъ по этой части. Кромѣ статей нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ (Аѳанасьева, Буслаева, Котляревскаго, Потебни и др.) въ *Филологическихъ Запискахъ* явились первые опыты молодыхъ ученыхъ, обѣщающихъ стать достойными дѣятелями науки, какъ напр. Чудинова, К. Боборыкина, Желтова, Лавренка. Журналъ г. Хованскаго заслуживаетъ благодарность и поддержку всѣхъ любителей русскаго языка. Дай Богъ, чтобы почтенный издатель не охладѣлъ къ своему предпріятію; но для этого необходимо, чтобы число подписчиковъ его увеличилось.

Издатель *Дона*, Григор. Михайлов. Веселовскій, — такъ же, какъ и г. Хованскій, бывшій учитель Воронежской военной гимназіи, — авторъ двухъ дѣльныхъ сочиненій: 1) „Воронежъ въ историческомъ и современно-статистическомъ отношеніяхъ“ и 2) „Городъ Острогожскъ и его уѣздъ“. Первый изъ этихъ трудовъ изданъ въ 1866 году губернскимъ статистическимъ комитетомъ, а второй напечатанъ въ 1867 году въ губернскихъ вѣдомостяхъ и отдѣльными оттисками. Изъ предисловія къ послѣднему мы съ удовольствіемъ узнаемъ, что г. Веселовскій, посвятивъ себя изученію всего мѣстнаго края, намѣренъ мало-по-малу описать въ отдѣльныхъ очеркахъ всю губернію: каждый уѣздъ съ своимъ городомъ составитъ предметъ особой монографіи. Такое предпріятіе тѣмъ болѣе достойно поощренія, что къ общей цѣли ознакомленія съ краемъ авторъ присоединяетъ еще другую спеціальную: „своимъ трудомъ — говоритъ онъ — мы хотимъ дать подручный матеріалъ педагогамъ для мѣстнаго *отчизновѣдѣнія*. Будучи глубоко убѣждены въ громадномъ значеніи этого образовательнаго предмета, мы думаемъ, что чѣмъ скорѣе явится возможность ввести его въ курсъ нашихъ училищъ, тѣмъ ближе мы подойдемъ къ раціональному изученію какъ

[1]) Мы нѣсколько разъ выражали уже подобное желаніе и очень рады встрѣтить е снова, какъ результатъ наблюденій на мѣстѣ, сдѣланныхъ почтеннымъ авторомъ. (рый цензурный порядокъ уже пять лѣтъ тому назадъ признанъ неудовлетворительнымъ и замѣненъ лучшимъ; почему же неудовлетворительное для Петербурга и квы можетъ быть удовлетворительно для Россіи? *Ред. „Р. В.“*.

вообще исторіи и географіи, такъ въ особенности исторіи и географіи *отечественной*". Въ обоихъ названныхъ сочиненіяхъ г. Веселовскій пользовался не только свѣдѣніями и изслѣдованіями, разсѣянными въ разныхъ изданіяхъ, но и рукописными источниками, хранящимися частію въ воронежскихъ архивахъ, частію въ статистическомъ комитетѣ. Описаніе Воронежа раздѣляется на двѣ главныя части — историческую и статистическую. Въ первой, по всей справедливости, особенное вниманіе обращено авторомъ на ту эпоху существованія Воронежа, когда онъ былъ поприщемъ дѣятельности Петра Великаго. По этому поводу г. Веселовскій говоритъ, между прочимъ: „Пребываніе Петра въ Воронежѣ со всею его свитою, съ иностранцами, мастерами, не могло не имѣть вліянія на мѣстныхъ жителей. Воронежъ едва ли не прежде всѣхъ русскихъ городовъ долженъ былъ столкнуться съ реформою Петра, потому что наплывъ иноземнаго элемента въ такомъ громадномъ количествѣ въ такой, сравнительно, небольшой городокъ, не могъ невольно не отразиться на нравахъ и обычаяхъ воронежцевъ. Не даромъ мы встрѣчаемъ указанія на тотъ замѣчательный фактъ, что воронежское купечество при Петрѣ приняло европейскій оттѣнокъ и рѣзко отличалось отъ купечества всѣхъ другихъ городовъ. Пиры и празднества, бывшія въ Воронежѣ всякій разъ по пріѣздѣ сюда государя, — пиры, обставленные всѣми возможными иностранными обычаями и затѣями, часто шедшими въ радикальный разрѣзъ съ русскою стариною, —а тутъ еще цѣлые кварталы голландцевъ и нѣмцевъ, съ ихъ постоянною оригинальною, въ особенности въ глазахъ тогдашняго русскаго общества, жизнію, начиная отъ костюма и оканчивая языкомъ и пищею, — безъ всякаго сомнѣнія, возбуждали въ мѣстныхъ жителяхъ напряженное чувство; и если не захватывали этого чувства въ свою пользу, то, по крайней мѣрѣ, возбуждали борьбу, — реакцію, выразившуюся особенно рѣзко въ столкновеніяхъ тогдашняго мѣстнаго представителя русской жизни и православія, преосвященнаго Митрофанія, съ Петромъ... Исчезло ли вліяніе петровской поры на позднѣйшее поколѣніе воронежцевъ — это рѣшается само собою, если принять во вниманіе ту характерную особенность г. Воронежа, какая обособляетъ его въ средѣ другихъ губернскихъ городовъ этого географически глухого края. Казалось бы, Воронежу, отрѣзанному отъ современныхъ бойкихъ сообщеній, нужно было отстать отъ современной русской цивилизаціи, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ".

Въ статистической части сочиненія интересна, между прочимъ, глава о постепенныхъ измѣненіяхъ во внѣшности Воронежа, котор[illegible] наконецъ совершенно потерялъ прежній свой видъ. Большіе пожа[illegible] начиная съ 1703 года, постепенно уничтожали древнія особенно[illegible] города и развивали „мысль о необходимости раздвинуть предѣлы е[illegible] давъ ему тяготѣніе не къ рѣкѣ, какъ это было въ петровскую по[illegible]

по нагорью, въ поле". Новѣйшій характеръ построекъ сталъ особенно господствовать послѣ 1779 года, когда открыто въ Воронежѣ намѣстничество; съ этого времени здѣсь поселилось значительное число административныхъ чиновниковъ, а между тѣмъ и разбогатѣвшее купечество не мало содѣйствовало быстрой и хорошей обстройкѣ города каменными домами. По словамъ Евгенія Болховитинова, „видъ города изъ-за рѣки Воронежа прекрасенъ и представляетъ горы, украшенныя вышиною церквей и колоколенъ, а скаты и долины — усыпанные пестротою разныхъ зданій". Особенная строительная дѣятельность началась въ Воронежѣ съ 1824 года, когда назначенъ былъ туда губернаторомъ Н. И. Кривцовъ. Большая часть капитальныхъ улучшеній по внѣшней обстройкѣ города относится именно ко времени этого краткаго губернаторства. Открытіе мощей святителя Митрофана вызвало опять строительное движеніе, впрочемъ, преимущественно только въ монастырскомъ краю. Послѣднее значительное улучшеніе Воронежа произошло въ концѣ 1850-хъ годовъ при губернаторѣ Н. П. Синельниковѣ (янв. 1857 — авг. 1857 г.), имя котораго до сихъ поръ пользуется въ этомъ городѣ большою популярностью. „Къ сожалѣнію, всѣ постройки, сдѣланныя при Синельниковѣ, по отъѣздѣ ихъ виновника принимаютъ запущенный видъ, и только построенный при немъ новомитрофановскій мостъ и памятникъ Петру I еще держатся".

Къ историческому обозрѣнію Воронежа въ книгѣ г. Веселовскаго приложенъ, между прочимъ, списокъ управляющихъ краемъ губернаторовъ, начиная съ учрежденія въ 1708 г. губерній до нынѣшняго времени. Любопытно, что до конца прошлаго столѣтія тамъ смѣнилось въ этомъ званіи 18 лицъ и столько же перебывало ихъ отъ 1800 до 1870 года. Разбирая списокъ подробнѣе, мы находимъ, что долѣе всѣхъ мѣсто воронежскаго губернатора занималъ Иванъ Алексѣевичъ Потаповъ (1775 — 1791 = 16 лѣтъ), а за нимъ А. М. Пушкинъ (1748 — 1760 = 12 лѣтъ); въ настоящемъ же столѣтіи самыя продолжительныя губернаторства длились не болѣе 6-ти лѣтъ; это встрѣчается четыре раза; остальныя продолжались только отъ 5-ти до 2-хъ лѣтъ. Итакъ повидимому, губернаторская должность считается у насъ только переходною для полученія высшихъ назначеній. Неужели для благосостоянія края не важно, чтобы управленіе его, если оно въ хорошихъ рукахъ, было по возможности прочно? или, можетъ быть, всякій разъ оказывалось, что избранное лицо было не на своемъ мѣстѣ?

Описаніе уѣздныхъ городовъ Воронежской губерніи г. Веселовскій
в алъ съ Острогожска, второго по важности города въ цѣлой губерніи.
] ходясь въ южной ея части, Острогожскъ представляетъ въ своемъ
і еленіи преобладаніе малороссійскаго элемента, и авторъ сообщаетъ
ъ ъ много любопытнаго въ этнографическомъ отношеніи. Съ нетер-
] піемъ будемъ ожидать описанія остальныхъ 11-ти уѣздовъ въ твер-

дой увѣренности, что просвѣщенное губернское начальство и статистическій комитетъ, оцѣнивъ способности и трудолюбіе г. Веселовскаго, употребятъ всѣ средства къ поддержанію такого полезнаго предпріятія, важнаго и для науки и для практическаго знакомства съ Россіей. Нельзя не пожалѣть, что въ настоящее время г. Веселовскій принужденъ раздроблять свою дѣятельность и заниматься изданіемъ газеты, почти не имѣя сотрудниковъ.

Въ газетѣ *Донъ* прошлаго года появилась, между прочимъ, статья г. Сталинскаго: „Кольцовъ и Сребрянскій". Извѣстно мнѣніе нѣкоторыхъ, что *думы*, напечатанныя въ собраніи сочиненій воронежскаго поэта, принадлежатъ собственно перу его друга, Андрея Порфирьевича Сребрянскаго. Убѣжденіе это возникло вслѣдствіе открытыхъ въ недавнее время писемъ Сребрянскаго. Авторъ названной статьи, которая напечатана и отдѣльными оттисками, отвергаетъ возможность такого факта преимущественно на основаніи сравненія приписываемыхъ Кольцову *думъ* съ стихотвореніями, достовѣрно написанными Сребрянскимъ. Едва-ли такое доказательство достаточно. Спорный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только несомнѣнными документами. Говорятъ, что такіе документы есть въ пользу Сребрянскаго. Что же ихъ не публикуютъ?

Изъ книгъ, въ послѣднее время напечатанныхъ въ Воронежѣ, упомяну брошюру г. Кравцова, „Монографія углей", составляющую начало изданія, которое должно заключать въ себѣ цѣлый рядъ подобныхъ популярныхъ монографій по естествовѣдѣнію, подъ общимъ заглавіемъ: „Единство въ разнообразіи". Изданію этому можно предсказать успѣхъ, если только авторъ будетъ умѣть придать своему изложенію болѣе живого интереса и если притомъ цѣна брошюры будетъ умѣреннѣе: 50 коп. за маленькую книжку въ 100 стр. слишкомъ дорого.

Вниманія заслуживаетъ также напечатанный недавно „Указатель къ неофиціальности части Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" (съ 1838 по 1865 г.), составленный г. Исаевымъ. Важность подобнаго труда оцѣнитъ всякій, кто нуждается въ источникахъ для изученія Россіи. Такой примѣръ, поданный бывшею редакціею „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", долженъ быть принятъ въ руководство всѣми газетами этого рода по остальнымъ губерніямъ.

IV.

Въ понедѣльникъ утромъ я, наконецъ, пріобрѣлъ въ статистическомъ комитетѣ брошюру подъ заглавіемъ: „Переписка митрополита кіевск Евгенія съ государственнымъ канцлеромъ графомъ Николаемъ Пет вичемъ Румянцовымъ и съ нѣкоторыми другими современниками 1813 по 1825 г. включительно). Выпускъ второй". На оберткѣ с

читается между прочимъ: „Третій и послѣдній выпускъ, содержащій письма 1824 и 1825 годовъ, съ добавленіями и литографированными снимками съ рукописей, выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ 1870 года". Такъ какъ и о первомъ выпускѣ въ свое время было говорено очень мало, то здѣсь я разсмотрю обѣ до сихъ поръ вышедшія книжки.

Хотя это изданіе и не относится прямо къ кругу дѣятельности статистическаго комитета, нельзя не согласиться, что онъ напечатаніемъ названной переписки оказываетъ наукѣ большую услугу. Эта ученo-литературная переписка составляетъ отраднѣйшій фактъ въ исторіи русскаго образованія за первую четверть нынѣшняго столѣтія, и утрата ея была бы невознаградима. Можно, однакожъ, пожалѣть, что письма Евгенія и Румянцова изданы безъ всякихъ ученыхъ пріемовъ и представляютъ нѣсколько крупныхъ промаховъ, не говоря объ искажающихъ иногда смыслъ опечаткахъ. Въ самомъ началѣ уже читатель поставленъ въ недоумѣніе отсутствіемъ всякаго предисловія: онъ не видитъ, откуда почерпнуты эти письма, печатаются ли они съ подлинниковъ, или съ отпусковъ, какими правилами руководствуются при этомъ издатели, держатся ли они правописанія корреспондентовъ и т. п. Впрочемъ, можетъ быть, объясненіе по всѣмъ этимъ и подобнымъ вопросамъ будетъ приложено къ послѣднему выпуску. Особенно чувствуется недостатокъ пояснительныхъ примѣчаній къ тексту писемъ. На первыхъ страницахъ, правда, сдѣлана попытка къ такому комментарію, но едва читатель успѣлъ порадоваться нѣсколькими небезынтересными замѣтками біографическаго содержанія, какъ рядъ ихъ вдругъ обрывается безъ всякой оговорки, и послѣ того всѣ поясненія почти исключительно ограничиваются заявленіемъ, что такого-то упоминаемаго въ томъ или другомъ письмѣ приложенія въ бумагахъ не найдено. Иногда читатель не встрѣчаетъ даже и такихъ поясненій, которыя легко было бы извлечь далѣе изъ самой переписки. Такъ, на стр. 68 (2-й столбецъ), къ словамъ графа Румянцова: „Позвольте мнѣ занять васъ двумя французскими сочиненіями о древностяхъ Кимбрическаго Босфора, полученными мною отъ сочинителей", сдѣлано редакціею слѣдующее примѣчаніе: „какія это сочиненія — неизвѣстно" а между тѣмъ эти сочиненія названы ниже въ самыхъ письмахъ. На стр. 69 и 79 упоминаются книги: 1) Antiquités du Bosphore Cimmérien, par Raoul-Rochette, и 2) Келера о Босфорскихъ медаляхъ. Очевидно что это и есть тѣ два сочиненія, о которыхъ говорилось выше.

Изъ нѣкоторыхъ указаній въ первыхъ примѣчаніяхъ редакціи жно заключить, что вся эта переписка заимствована изъ бумагъ ставшихся по смерти Евгенія родственнику его Ст. Гр. Устинову. Письма Румянцова напечатаны, повидимому, съ подлинниковъ отчего же редакція приняла вездѣ не современную имъ орѳографію: *Румяниевъ*?); письма же Евгенія — съ отпусковъ, оставшихся въ

его бумагахъ. Число писемъ каждаго изъ обоихъ лицъ, еслибъ сосчитать ихъ, оказалось бы, вѣроятно, одинаковымъ. Заключающаяся въ двухъ первыхъ выпускахъ переписка обнимаетъ ровно 11 лѣтъ (1813 — 1823). По мнѣнію редакціи, всѣ письма, предшествовавшія 1813-му году, достались въ другія руки и, можетъ быть, уже уничтожены подобно многимъ другимъ бумагамъ, оставшимся послѣ Евгенія. То, что до сихъ поръ напечатано, представляетъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи литературы за означенное время. Конечно, большая часть писемъ по своимъ частностямъ могутъ быть любопытны только для спеціалистовъ, но многія другія исполнены высокаго интереса для всякаго образованнаго человѣка. По этой перепискѣ легко прослѣдить ученыя занятія и планы обоихъ высокопоставленныхъ лицъ; они постоянно сообщаютъ другъ другу все, что́ ихъ интересуетъ, всѣ новыя открытія свои, чтенія, мысли, ожиданія; мы видимъ тутъ въ самомъ возникновеніи и постепенномъ ходѣ многія предпріятія, прославившія Румянцова и Евгенія; они прилежно переписываются о Мстиславовой грамотѣ, Словарѣ писателей, Памятникахъ словесности XII вѣка, Собраніи государственныхъ грамотъ, Кормчей книгѣ, иногда же и о такихъ начинаніяхъ, которыя остались безъ исполненія. Они высказываютъ любопытныя сужденія о многихъ ученыхъ современникахъ и молодыхъ сотрудникахъ своихъ, тогда еще малоизвѣстныхъ: объ Анастасевичѣ, Кеппенѣ, Востоковѣ, Калайдовичѣ; о Кругѣ, Френѣ, Аделунгѣ, Келерѣ, Лобойко; о Карамзинѣ, Добровскомъ, Лелевелѣ, Линде и др.

Не касаясь здѣсь сообщаемыхъ письмами новыхъ подробностей объ извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ изслѣдованіяхъ, приведу нѣсколько выдержекъ, относящихся къ указаннымъ мною предметамъ общаго интереса. Въ 1817 году, и Румянцовъ и Евгеній заботятся уже о созданіи русской палеографіи и ищутъ способныхъ къ тому людей. Въ этихъ видахъ вниманіе обоихъ мало-по-малу остановилось на Востоковѣ. „Вы меня, преосвященнѣйшій владыко,—пишетъ Румянцовъ въ началѣ 1822 года — чрезвычайно одолжить изволили сообщеніемъ двухъ прелюбопытныхъ и преученыхъ писемъ г. Востокова; я къ вамъ ихъ возвращаю и не таю отъ васъ, ни отъ него, что прельщался ими до крайности; я съ нихъ снялъ списокъ. Давно уже я стараюся, но безъ успѣха, сблизиться короткимъ знакомствомъ съ г. Востоковымъ; онъ отъ того отказывался всегда тѣмъ, что, будучи страшный заика, очень страждетъ съ незнакомыми людьми, но далъ однако же мнѣ обѣщаніе сдѣлать для меня изъ манускриптовъ бывшей Залускаго библіотеки извлеченіе грамматъ нашихъ *великихъ князей*, коихъ мы не имѣемъ, и напечатать ихъ на мое иждивеніе подъ его надзоромъ; но чтожъ? Болѣе года миновало, а я не получилъ, какъ о томъ домогался, имъ хотя и не совершенную роспись... Я въ самой большой цѣнѣ держу давно г. Востокова. Александръ Ивановичъ Ермо-

каевъ и онъ конечно бы могли составить съ большимъ успѣхомъ *россійскую палеографію*, а силы преусерднаго къ просвѣщенію г. Кеппена отнюдь къ тому не достаточны" (стр. 56).

Евгеній, съ своей стороны, хотя и находитъ, что Востоковъ слишкомъ „развлеченъ многими должностями, ничѣмъ пристально не занимается, а сверхъ того и въ трудахъ медленъ и лѣнивъ" однакожъ находитъ нужнымъ „побольше снабжать сего нашего палеографа" древними рукописями. „Наконецъ, — пишетъ Румянцовъ 30 іюля 1822 г. — мнѣ удалось побѣдить то отвращеніе, которое г. Востоковъ имѣлъ со мною лично познакомиться единственно какъ страшный заика, и не однажды уже съ нимъ и съ г. Ермолаевымъ я у себя обѣдалъ; при первомъ свиданіи я доведу до свѣдѣнія его, что объ немъ писать ко мнѣ изволите" (стр. 59). Вскорѣ исчезло и предубѣжденіе Евгенія о недѣятельности Востокова, и въ концѣ 1823 г. онъ уже такъ выражается о нашемъ покойномъ академикѣ: „Сей трудолюбивый и единственный для нашей палеографіи надежный знатокъ можетъ насъ просвѣтить въ сей наукѣ. Побудите его в. с. скорѣе издать какія-нибудь правила для сей науки. У него ихъ много уже на примѣтѣ и никто больше в. с. не ободрить его и не поможетъ ему въ изданіи, а жизнь его болѣзненна" (стр. 85).

Въ отзывахъ о своихъ сотрудникахъ два знаменитые друга однакожъ не всегда такъ же щедры на похвалы. Отдавая справедливость любознательности и дѣятельности Кеппена, они съ нѣкоторымъ недовѣріемъ смотрятъ на свѣдѣнія и основательность этого молодого ученаго (стр. 19, 20, 86, 90). Евгеній не особенно благосклоненъ и къ Калайдовичу. Въ письмѣ отъ 13-го января 1822 г., онъ, указавъ на разныя ошибки въ „Памятникахъ словесности XII вѣка", замѣчаетъ: „На стр. 222 изъ желанія противорѣчить мнѣ, издатель даже солгалъ что мірское имя архіепископа Іоанна неизвѣстно... Въ предисловіи тоже лгалъ онъ изъ охоты поправлять историографа... Хвастливость, догадливость (не *досадливость*-ли?) и часто невѣрность сего любителя нашихъ древностей давно всѣмъ извѣстна" (стр. 54).

Особенно же достается Анастасевичу, впрочемъ совершенно справедливо, за небрежное изданіе „Словаря писателей". Въ 1817 г преосвященный познакомилъ съ нимъ Румянцова, который, благодаря его за это, называетъ Анастасевича достойнымъ; но въ октябрѣ слѣдующаго года канцлеръ пишетъ: „Когда г. Анастасевичъ принесъ мнѣ одинъ экземпляръ напечатаннаго важнаго (такъ ли? не *вашего* ли? словаря Духовныхъ Россійскихъ писателей, я восхищался тѣмъ, что состояніи былъ о появленіи сего преполезнаго сочиненія дать четъ вашему преосвященству; но радость моя скоро премѣнилась печаль, когда я усмотрѣлъ, что сіе для меня по многимъ причимъ драгоцѣнное сочиненіе издается въ свѣтъ такъ дурно, что едва-

ли есть хуже сего изданія; могъ ли я ожидать отъ г. Анастасевича, къ коему съ полною довѣренностію обратился я, сложивъ на него одного все попеченіе, такое явное небреженіе, и тѣмъ для меня удивительнѣе, что онъ вамъ кажется совершенно преданъ и мною быть довольнымъ имѣетъ причину. Я точно требовать буду, чтобы первый листъ всякаго тома перемѣненъ былъ; не принесетъ мнѣ то чести, а неминуемо подвергнетъ меня осужденію, что на сихъ листахъ сказано, что изданію таковому я причиною". Такимъ образомъ, мы здѣсь находимъ любопытное объясненіе, почему на заглавномъ листѣ Словаря не означено имя Румянцова, выставленное на другихъ, изданныхъ на его счетъ книгахъ. „Не смотря на несовершенство его (т. е. Словаря) — продолжаетъ канцлеръ — я надѣюсь, что совершенство самаго сочиненія все превозможетъ и что сіе изданіе разойдется; тогда вырученныя деньги употребятся на новое изданіе полнаго историческаго словаря россійскихъ писателей. Сливъ вмѣстѣ духовныхъ и свѣтскихъ подъ одинъ алфавитъ, можно будетъ дать ему форматъ in quarto и передать его печатать въ Москвѣ; тамъ мнѣ кажется исправнѣе здѣшняго занимается всякій своимъ дѣломъ" (стр. 13). Надежды Румянцова на скорый сбытъ этой книги однакожъ не оправдались, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки (стр. 16 и 19).

Любопытно, какъ знаменитый нашъ меценатъ самъ смотрѣлъ на свою дѣятельность. Извѣщая своего ученаго друга о ходѣ изданія въ Парижѣ приложеній къ путешествію Коцебу, онъ говоритъ: „Допустите меня, высокопреосвященнѣйшій владыко, отложа всякую скромность, препроводить здѣсь къ вамъ *возвѣщеніе отъ г. Мальтбрюна* о появленіи сего труда. Вы найти изволите, что страннымъ образомъ, но однакоже любопытнымъ, онъ *меня приплелъ тутъ къ дѣламъ Гишпанскимъ*, и меня, какъ сущаго *аристократа*, ставитъ въ укоризну аристократовъ нынѣшняго вѣка. Странно, что въ журналѣ Русскомъ и Литовскомъ [1]) вся сія часть отсѣчена и мнѣ оставлено только то въ честь, что кажутъ меня, какъ и всегда въ журналахъ нашихъ, единственно какъ щедраго *кассира Россійской словесности*. Винюсь, я о себѣ сужу что-то иное" (стр. 67). Изъ этой переписки мы узнаемъ, какую благоразумную бережливость Румянцовъ долженъ былъ соблюдать въ распоряженіи средствами, которыя употреблялъ на пользу науки. „Напрасно — писалъ онъ, — г. Селивановскій приписываетъ медленности Алексѣя Ѳедоровича (*Малиновскаго*), что не приступлено еще къ изданію третьей части Государственныхъ грамматъ. Сей ходъ удерживаю я: на одну бумагу надобно десять тысячъ руб. Я съ удовольствіемъ издерживаю по сему и подобнымъ предметамъ денегъ очень много; но отъ того только намѣренія свои исполнить могу, что издер-

[1]) Вѣроятно, *Сѣверномъ Архивѣ* Булгарина.

иваю ихъ не безъ разсчета и воздержанія" (стр. 27). Интересно алѣе сообщаемое имъ свѣдѣніе о способѣ, какъ онъ пріобрѣлъ двѣ амыя важныя рукописи Кормчей: „Обѣ я пріобрѣлъ денегъ не издерживая, а даровалъ единственному сыну того моего крестьянина, которому она принадлежала, *свободу безъ уплаты*" (52). Тутъ же мы получаемъ понятіе о предѣлахъ либеральности канцлера въ сообщеніи своихъ научныхъ сокровищъ другимъ. „Все, что къ вамъ я доставлялъ — говоритъ онъ — вы, конечно, властны вносить въ собственныя ваши сочиненія упоминаніемъ, ссылками и даже *полною копіею съ документовъ*; но покорно васъ прошу навсегда *не передавать другимъ*, именно *сочинителямъ журналовъ*: я не хвалю по журналамъ историческихъ преданій разсѣянность, хотя я обѣщалъ и самъ сочинителю Сѣвернаго Архива нѣкоторое вспоможеніе" (стр 52). Въ другой разъ онъ пишетъ: „Я радуюсь тѣмъ, что такъ хорошо могъ отгадать, что вамъ, м. г., угожу присылкою кенигсбергскихъ грамматъ. Онѣ принадлежатъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Посему я съ нихъ не могу допустить сдѣлать списка и для того покорно васъ прошу не начинать списывать тѣхъ, которыя вы хотѣли хранить въ библіотекѣ Кіевской академіи. Но не тужите, что я столь строго держусь сего справедливаго правила: онѣ всѣ напечатаны будутъ моимъ иждивеніемъ, какъ принадлежность бумагъ Московскаго государственнаго архива. Объ этомъ уже я веду съ сенаторомъ Малиновскимъ переписку" (стр. 91).

Взаимное уваженіе и чувство преданности обоихъ лицъ, связанныхъ между собою одною любовью въ наукѣ, выражались не обоюдными услугами только, но часто и горячими завѣреніями. Румянцовъ звалъ своего духовнаго друга въ Петербургъ, предлагалъ всю свою богатую библіотеку въ его распоряженіе; Евгеній, узнавъ, что канцлеръ сбирался въ Кіевъ поклониться гробу своего отца, приглашалъ его въ свой Софійскій домъ „дабы болѣе имѣть случаевъ наслаждаться его бесѣдою". Несмотря на такія дружескія отношенія, Румянцовъ однажды принужденъ былъ рѣшительно отказать въ просьбѣ Евгенія помѣстить двухъ дочерей почтамтскаго чиновника Михайлова воспитанницами на счетъ капитала, оставленнаго покойною теткою графа, Анной Никитишной Нарышкиной. Тетка эта, проживъ 20 лѣтъ въ его домѣ, умерла въ 1820 году [1]); ея кончина такъ опечалила его, что онъ удалился на нѣкоторое время въ Новгородъ искать утѣшенія въ совершенномъ уединеніи и архивныхъ занятіяхъ (стр. 29 и 35). На ходатайство лховитинова онъ, извиняясь, отвѣчалъ: „Всѣ мѣста по институтамъ,

[1]) Анна Никитишна, рожденная Румянцова, двоюродная сестра Задунайскаго, а вдова оберъ-шенка Александра Александровича Нарышкина, брата Льву Алеидровичу, умершаго въ 1795 г.

на которыя императрица меня допускать изволитъ дѣлать помѣщенія, мною предоставлены единственно небогатымъ сродницамъ покойной моей тетки, которыхъ она по материнскому колѣну имѣетъ много. Утвердя таковое правило, я отъ него не въ правѣ уже отстать" (36). Это, однакожъ, не помѣшало впослѣдствіи Евгенію исполнить подобную же просьбу Румянцова о принятіи въ кіевскую духовную академію, за умѣренную плату, пансіонеромъ его, одного изъ сыновей гомельскихъ священниковъ. На письмо о томъ митрополитъ отвѣчалъ полнымъ согласіемъ (87).

Такимъ образомъ, разсматриваемая переписка заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, и довольно данныхъ въ дополненіе нашихъ свѣдѣній о личности и жизни знаменитыхъ собесѣдниковъ. Такъ, напр., на вопросъ Румянцова Евгенію, свободно ли онъ читаетъ французскія книги, тотъ отвѣчаетъ, что онъ, „бывши долго при семинаріи (воронежской) *учителемъ сего языка* и много съ онаго переводивши, довольно свободно читаетъ на ономъ всякаго рода книги, а съ незнающими порусски иностранцами иногда ведетъ и переписку по-французски (стр. 42).

Относительно плановъ канцлера, не исполнившихся при жизни его, мы узнаемъ, напр., что по его желанію Малиновскій собиралъ для изданія всѣ древнія путешествія русскихъ людей. Это намѣреніе своего *друга* Евгеній назвалъ *патріотическимъ* (стр. 31, 32). Около того же времени въ 1820 году, Румянцовъ мечталъ объ учрежденіи общества писцовъ, которые „подъ надзоромъ мудраго вѣдателя Россійской исторіи", составили бы собраніе алфавитныхъ указателей къ лѣтописямъ, такъ чтобы каждый изъ нихъ занимался извлеченіемъ однородныхъ именъ и предметовъ. Для осуществленія же этого плана онъ указывалъ на учениковъ псковской семинаріи и на ея ученаго начальника. Евгеній, вполнѣ одобривъ эту мысль, совершенно уклонился отъ исполненія ея, за недостаткомъ времени, и умно прибавилъ: „По моему мнѣнію, это удобнѣе было бы исполнить, раздѣливъ лѣтописи по одиночкѣ многимъ для прочтенія и подчеркнувъ разноцвѣтными карандашами разныхъ матерій; а съ сихъ подчерковъ удобно можетъ все росписать по разнымъ тетрадямъ и одинъ писецъ на каждую лѣтопись. Сей механическій и прескучный трудъ чрезъ такое раздѣленіе могъ бы сдѣлаться не столь тяжелъ. Нужно только всѣмъ дать одинакій планъ" (33).

Извлеченные мною довольно многочисленные отрывки изъ первыхъ двухъ выпусковъ воронежскаго изданія могутъ показать каждому, какое драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей литературы составитъ эта переписка, когда она вся будетъ напечатана. Пожелаемъ, чтобы статистическій комитетъ, трудящійся на родинѣ славнаго Евгенія, поскорѣе

ривелъ къ окончанію свое прекрасное предпріятіе, которое уже и теперь, несмотря на нѣкоторые недостатки, заслуживаетъ нашу искреннюю благодарность. Очень было бы полезно, еслибы къ послѣднему выпуску были приложены, между прочимъ: 1) алфавитный указатель поминаемыхъ въ письмахъ личныхъ и географическихъ именъ и 2) писокъ вкравшихся въ изданіе, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ опечатокъ, какъ напр. *продолженіе* вм. предложеніе, *недостаточный* вм. недостойный, *натурный* вмѣсто натужный и т. п. Въ заключеніе позволю себѣ присоединить еще и другое желаніе: чтобы воронежскій статистическій комитетъ, по окончаніи этого труда, возвратился къ прерванному изданію историко-статистическихъ очерковъ Воронежской губерніи, отъ которыхъ, судя по началу, можно ожидать многаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо въ редакцію газ. „Ворон. Телеграфъ“ [1]).

(По вопросу о прекращеніи торговли въ воскресные дни).

По поводу напечатаннаго въ № 98 вашей газеты письма г. Ч—на, пользуюсь своимъ краткимъ пребываніемъ въ Воронежѣ, чтобы и съ своей стороны сказать нѣсколько словъ по вопросу, который не разъ занималъ меня.

Когда я одиннадцать лѣтъ тому назадъ въ первый разъ посѣтилъ вашъ городъ, мнѣ тяжело было видѣть, что по воскресеньямъ на площадяхъ и въ лавкахъ кипѣла та же торговая дѣятельность, какая замѣтна здѣсь въ прочіе дни [2]). Теперь мнѣ очень пріятно было узнать, что на этотъ предметъ обращено вниманіе, но меня крайне удивилъ результатъ, къ которому пришла упоминаемая въ письмѣ комиссія.

Оторваться одинъ день въ недѣлю отъ непрерывныхъ заботъ, интересовъ и трудовъ въ высшей степени благотворно для всякаго. Такой полный отдыхъ необходимъ каждому не только въ физическомъ, но и въ духовномъ отношеніи. Понятно, что постоянное напряженіе силъ въ одномъ какомъ-нибудь направленіи должно съ теченіемъ времени вредно отозваться на нашемъ здоровьи и настроеніи. Мы невольно становимся рабами извѣстнаго дѣла или интереса, становимся односторонними, стремимся безъ отдыха къ одной цѣли и болѣе ничего не видимъ ни направо, ни налѣво, какъ-будто въ Божіемъ мірѣ уже

---

[1]) „Воронежскій Телеграфъ“ 4 сент. 1881, № 100, съ слѣдующ. примѣчаніемъ редакціи: „Это письмо почтеннаго академика Грота мы получили 1 сентября, т. е. наканунѣ засѣданія думы по вопросу о прекращеніи торговли въ воскресные дни; но, къ сожалѣнію, оно не могло быть напечатано въ прошломъ 99 № „Телеграфа“, потому что большая часть № была уже отпечатана.

[2]) См. выше, въ самой статьѣ „Поѣздка въ Воронежъ“.

и нѣтъ ничего такого, что должно быть равно дорого каждому человѣку, к какому бы званію или роду занятій онъ ни принадлежалъ. Кто никогда не знаетъ отдыха или перерыва въ своихъ ежедневныхъ дѣлахъ, тому нѣтъ времени ни порядочно помолиться, ни прочитать что-нибудь дѣльное, или отрадное для души, ни, наконецъ, побыть беззаботно въ своей семьѣ, исполнить на досугѣ родственныя и даже общечеловѣческія обязанности. Да, *досугъ* для всякаго человѣка дѣло великое. Такимъ образомъ вседневная работа, повидимому обогащающая насъ съ одной стороны, въ другихъ отношеніяхъ напротивъ обѣдняетъ и, смѣло можно сказать, дѣйствуетъ разрушительно. Трудиться каждый день изъ года въ годъ, не пріостанавливаясь разъ въ недѣлю, значитъ непримѣтно подтачивать свои тѣлесныя силы и убивать высшія, нравственныя потребности. Итакъ пожертвовать мнимою выгодою, которую можно пріобрѣсти отъ лишняго дня работы въ недѣлю, есть — обязанность всякаго истинно образованнаго человѣка, особенно, если этимъ достигается улучшеніе быта столькихъ людей, которые охотно праздновали бы воскресенье, еслибъ имъ не мѣшала въ томъ воля другого.

Не даромъ же у восточныхъ народовъ, съ самой глубокой древности возникъ законъ, строго предписывающій посвящать одинъ день въ недѣлю отдыху, не даромъ и въ новѣйшее время у самыхъ просвѣщенныхъ народовъ, особенно у англичанъ, воскресенье чествуется свобожденіемъ отъ обязательнаго труда. На иностранныхъ языкахъ есть цѣлыя брошюры, разсматривающія вопросъ о необходимости праздновать (разумѣется честно и праведно, а не кутежемъ) воскресные дни. Могутъ возразить, что у насъ излишнее обиліе праздниковъ можетъ повести къ иному рѣшенію вопроса. На это можно отвѣчать: *требуйте* безусловно прекращенія торговой дѣятельности только въ воскресные дни; въ другіе праздники (кромѣ развѣ важнѣйшихъ) предоставляйте *свободу* открывать или запирать лавки. Обиліе праздниковъ не должно служить поводомъ къ уничтоженію всякой возможности законнаго отдыха.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно и у насъ восторжествуетъ истина, сознанная вѣковою мудростью другихъ народовъ, и публичная торговля въ воскресные дни будетъ прекращена. Не лучше ли же безотлагательно ввести порядокъ, за который многіе и весьма многіе скажутъ Воронежской городской думѣ спасибо.

Воронежъ.
1 сентября 1881 г.

РѢЧЬ ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНОВАНІЯ 150-ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ [1]).

1878.

Мм. гг. и г-ни!

Рѣшаясь сказать здѣсь нѣсколько словъ, я долженъ просить [illegible] схожденія у просвѣщеннаго собранія, такъ какъ мнѣ только сего [illegible],

[1]) Произнесена на праздникѣ въ Редакціи 15-го янв. 1878. См. С.-Петерб. [illegible] мости 1878, № 17.

притомъ въ довольно поздній уже часъ, вслѣдствіе одного непредвиднаго обстоятельства, было выражено желаніе, чтобы я принялъ его на себя. Несмотря на невозможность надлежащимъ образомъ приготовиться въ такой короткій срокъ, я однакожъ не счелъ себя въ правѣ отказаться отъ сдѣланнаго мнѣ предложенія, тѣмъ болѣе, что настоящій случай, какъ уже было справедливо замѣчено, касается не только „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, но и, вообще, всей нашей журналистики. Правда, что „С.-Петербургскія Вѣдомости“, нѣсколько времени тому назадъ, отошли отъ академіи наукъ, и въ этомъ легко было бы найти поводъ устраниться отъ дѣятельнаго участія въ празднествѣ, устроенномъ ихъ редакціею. Но если „С.-Петербургскія Вѣдомости“, официально отошедшія отъ академіи наукъ, желаютъ сохранить духовную связь съ нашимъ учрежденіемъ, то намъ нѣтъ причины уклоняться отъ нея, насколько это будетъ оказываться возможнымъ. При современномъ характерѣ умственной и общественной дѣятельности въ цѣломъ образованномъ мірѣ, при той силѣ общенія, которая составляетъ отличительную черту нашего вѣка и установляетъ тѣсную связь между всѣми отраслями жизни, наше ученое учрежденіе, особенно же отдѣленіе русскаго языка и словесности, все менѣе и менѣе можетъ считать себя стоящимъ совершенно внѣ общаго умственнаго движенія. 2-е отдѣленіе академіи наукъ, въ самое официальное названіе котораго входитъ имя *словесность*, никогда не признавало чуждымъ для себя развитіе русской литературы. Однимъ изъ признаковъ такого взгляда служитъ то, что наше отдѣленіе постоянно считало честью включать въ ряды своихъ членовъ-корреспондентовъ имена составившихъ себѣ почетное имя русскихъ писателей. И такъ вызовъ участвовать словомъ въ празднествѣ одной изъ представительницъ русскаго журнальнаго міра принятъ былъ мною съ полною готовностью исполнить выраженное тѣмъ желаніе.

Въ сегодняшнемъ № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ сообщены любопытныя свѣдѣнія о формѣ и содержаніи этой газеты какъ въ самое первое время ея изданія при академіи наукъ, такъ и черезъ сто лѣтъ послѣ того. Я позволю себѣ предложить нѣсколько дополнительныхъ къ тому замѣчаній относительно собственно учено-литературной дѣятельности академіи наукъ, почерпнутыхъ большею частью изъ ученыхъ ея Записокъ, изданныхъ А. А. Куникомъ. Прежде всего напомню, какъ великій основатель нашего учрежденія смотрѣлъ на первоначальное назначеніе его. При преобладающемъ практическомъ направленіи ихъ начинаній Петра Великаго, онъ никакъ не могъ думать объ ограниченіи цѣли существованія академіи наукъ чисто-ученою дѣятельностью, разработкою науки для одной науки. Въ основаніи его плана была идея положить прочное начало народному образованію, приготовить средства для проведенія въ жизнь результатовъ науки. Извѣстно,

что онъ, при составленіи проекта академіи, имѣлъ въ виду, чтобы отъ нея „чрезъ обученіе и размноженіе художествъ и наукъ польза въ народѣ впредь была“. Поэтому, независимо отъ того, что при академіи предполагалось учредить университетъ и гимназію, самая ученая цѣль ея должна была заключаться въ томъ, чтобы члены ея, „трудясь о совершенствѣ художествъ и наукъ, оказывали въ случаѣ надобности своими познаніями помощь присутственнымъ мѣстамъ и заботились о распространеніи и заведеніи вольныхъ художествъ и мануфактуръ“. Разумѣется, что къ этому присоединялась у Петра Великаго и мысль о томъ, чтобы ученые труды академиковъ, которые должны были издаваться на латинскомъ языкѣ, становились доступны русскому обществу. Каждому академику предписывалось дѣлать *экстракты* изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій по своей части и „систему или курсъ въ наукѣ своей въ пользу учащихся молодыхъ людей изготовить“. Эти экстракты должны были появляться и въ русскихъ переводахъ, для которыхъ при каждомъ изъ трехъ тогдашнихъ классовъ академіи предполагалось имѣть по одному переводчику, и самимъ Петромъ было подробно объяснено, чего слѣдуетъ требовать отъ этихъ переводчиковъ.

Несмотря на скудость своихъ первоначальныхъ средствъ и малое число своихъ членовъ, академія, хотя и возникшая послѣ Петра, умѣла понять задачу, возложенную на нее великимъ ея основателемъ, и, приступивъ къ своей ученой и литературной дѣятельности, она уже на первыхъ порахъ стала стремиться къ распространенію въ Россіи научныхъ свѣдѣній посредствомъ періодическихъ изданій. При этомъ, конечно, она не могла не встрѣчать, почти во всѣхъ частяхъ предпріятія, серьёзныхъ препятствій, которыя необходимо имѣть въ *виду* для оцѣнки ея первоначальной, вообще весьма сложной дѣятельности; не надо забывать, что тогда было еще труднѣе чѣмъ теперь совмѣщать чистую ученость съ практическими цѣлями. Годныхъ переводчиковъ найти было не легко, тѣмъ болѣе, что академикамъ не было предоставлено право на чины, и даровитые молодые люди охотнѣе шли на мѣста по другимъ вѣдомствамъ, гдѣ служащіе пользовались этимъ правомъ. Притомъ русскій литературный языкъ былъ еще вовсе не обработанъ; можно сказать, что онъ еще не существовалъ; нужно было создать его, а это было задачею тѣмъ болѣе трудною, что русскихъ ученыхъ собственно еще не было, а языкъ остальной массы народа не представлялъ готовыхъ для того матеріаловъ. Несмотря на то, замѣчаетъ академикъ Куникъ, академія уже въ первыя десятилѣтія немало издала переводныхъ, а позднѣе и оригинальныхъ русскихъ сочиненій“. Понятно, что языкъ этихъ первыхъ опытовъ поражаетъ нашъ современный слухъ множествомъ несообразностей и неловкостью своихъ тяжелыхъ выраженій. Такимъ образомъ академіи наукъ, при ея основаніи, предстояла, между прочимъ, не маловажная задача,

гѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія, создавать учено-литературный языкъ. Какъ бы она ни исполнила эту задачу, нельзя отрицать, что академія наукъ, еще до появленія въ ней Ломоносова, имѣла свою долю участія въ этомъ общенародномъ дѣлѣ.

Съ 1727 года началось при академіи наукъ изданіе мемуаровъ или, какъ они тогда назывались по-латыни, Commentarii. Первый томъ печатался очень медленно за неимѣніемъ въ Петербургѣ хорошо снабженной типографіи, почему тогда же рѣшено было учредить подобное заведеніе при самой академіи. Между тѣмъ, вошедшія въ этотъ 1-й томъ статьи переводились на русскій языкъ, вполнѣ или сокращенно, смотря по содержанію, болѣе или менѣе интересному для нашего общества; такъ, напр., историческія изслѣдованія Байера были передаваемы цѣликомъ. Извлеченія составлялись самими академиками съ присоединеніемъ вступительныхъ замѣчаній или поясненій. Приготовленный такимъ образомъ первый томъ появился въ одинъ годъ съ академическою газетою, но только не въ началѣ, а въ концѣ 1728 года подъ заглавіемъ: „*Краткое описаніе комментаріевъ академіи наукъ*“, при чемъ слово *описаніе* относилось, разумѣется, къ передачѣ содержанія подлинныхъ мемуаровъ. Въ приложенномъ предисловіи тогдашній начальникъ академической канцеляріи, пресловутый Шумахеръ, изложилъ цѣль русскаго изданія, — этого, какъ справедливо выразился г. Куникъ, „первенца русской ученой литературы“. Переводъ принадлежалъ перу извѣстнаго Ададурова, перваго русскаго адъюнкта академіи, который, къ сожалѣнію, не долго при ней оставался; впослѣдствіи онъ преподавалъ Екатеринѣ II, когда она еще была великою княгинею, русскій языкъ, а позднѣе былъ попечителемъ московскаго университета и умеръ сенаторомъ.

Предисловіе Шумахера было озаглавлено: „Доброхотному россійскому читателю радоватися“. Послѣ объясненія идеи изданія и исчисленія статей этого тома, говорилось между прочимъ: „И хотя тебѣ отъ всего сего довольно извѣстно есть, что профессоры время свое къ расширенію наукъ добрѣ и честнѣ употребили, но еще опасаемся, да не речеши: Богъ вѣсть, что сіе все между собою смѣшено? Не буди нетерпѣливымъ, любезный читателю, хотя сія вещь тебѣ и не весьма понятна: Прародители наши сего такожде не знали; дождешися оныя радости, что чада твоя со временемъ не точію тебѣ оное изъяснятъ, но и сами помощію Божіею, можетъ быть такіе же добрые плоды принесутъ“...

И далѣе: „Не сѣтуй же на переводъ, яко бы оный не вразумителенъ или не весьма красенъ, вѣдати бо надлежитъ, что весьма трудно есть вещь добрѣ переводити“. Кончалось предисловіе словами: „прочемъ, живи благополучно, и буди (благо)пріятенъ онымъ, иже всего инаго, кромѣ чести Божіей, сего великаго и сильнаго государства славы, приращенія и наукъ расширенія крайне желаютъ.“.

Къ сожалѣнію, однакожъ, надо сказать, что пріемъ, оказанный публикою этому русскому изданію мемуаровъ, не отвѣчалъ ожиданіямъ: по свидѣтельству академика Миллера, книгу никто не хотѣлъ похвалить: „не умѣли, говоритъ онъ, понять, что́ читали, и свое неумѣніе называли темнотою изложенія и невѣрностью перевода, вслѣдствіе чего изданіе и не продолжалось“. Чтобы объяснить холодность, съ какою оно было встрѣчено, надо припомнить, кромѣ недостатка образованныхъ читателей, еще и то, что оно вышло при Петрѣ II, когда враги всего сдѣланнаго Петромъ Великимъ опять ободрились и хотѣли уничтожить благія его преобразованія. Понятно, что въ этихъ людяхъ наука и ея органъ, академія, не могли найти себѣ поддержки.

Но, взамѣнъ этого, слишкомъ ученаго, какъ видно, изданія, явилось вскорѣ другое, болѣе доступное большинству публики, которое и дѣйствительно имѣло гораздо болѣе успѣха и удержалось долгое время, постепенно совершенствуясь и разрастаясь. Это были, какъ выразились бы въ наше время, „учено-литературныя *прибавленія* къ вѣдомостямъ“. Идея ихъ принадлежала неутомимому Миллеру, который и принялся за ихъ редакцію, завѣдывая уже и изданіемъ самой газеты. Эти прибавленія носили заглавіе: „*Историческія, Генеологическія и Географическія* примѣчанія“, являлись въ первое время только разъ въ мѣсяцъ и въ концѣ года составляли особый сборникъ. Съ 1729 года въ изданіи ихъ участвовали уже почти всѣ академики, а также и нѣкоторыя постороннія лица; они являлись и по-нѣмецки. Переводчиками были Ададуровъ, Тредьяковскій и др. Мало-по-малу въ этихъ прибавленіяхъ стали являться легкія статьи и стихи, такъ что собственно это изданіе, возникшее задолго до ежемѣсячныхъ сочиненій и переводовъ Миллера продолжавшееся до 1742 года, должно считаться пращуромъ русскихъ литературныхъ журналовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно въ свое время не лишено было значенія и вліянія на развитіе любознательности и вкуса, на распространеніе знаній въ молодомъ или, еще вѣрнѣе, младенческомъ русскомъ обществѣ.

Этими краткими замѣчаніями я хотѣлъ яснѣе выставить связь между нашею академіею наукъ и бывшею ея газетою. Да позволено мнѣ будетъ заключить выраженіемъ желанія, которое, конечно, всѣ присутствующіе раздѣлятъ со мною, чтобы „С.-Петербургскія Вѣдомости“ болѣе и болѣе отвѣчали тому особенному характеру, котораго мы вправѣ ожидать отъ нихъ по ихъ академическимъ традиціямъ. А къ этому, по значенію празднуемой годовщины русской журналистики вообще, присоединяется еще и другое искреннее желаніе: да продолжаетъ наша періодическая литература свое развитіе такими же быстрыми и твердыми шагами, какими она шла въ послѣднія два десятилѣтія, ибо никто не можетъ отрицать великаго успѣха, сдѣланнаго ею въ этотъ періодъ времени, какъ въ содержательности, такъ и въ

я значеніи для общества. Съ 50-хъ годовъ наша журналистика сдѣлалась силою; по поводу всѣхъ многозначительныхъ преобразованій нынѣшняго царствованія она принимала дѣятельное участіе въ разъясненіи важныхъ государственныхъ вопросовъ, и право ея на уваженіе общества несомнѣнно. Да продолжаетъ же она непрерывно расти въ служеніи дѣлу честнымъ и правдивымъ словомъ на просвѣщеніе и благо Россіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо къ Редактору „Новаго Времени“ [1]).

М. Г. А. С. Говоря въ сегодняшнемъ нумерѣ „Новаго Времени“ о собраніи, бывшемъ въ редакціи „С.-Петерб. Вѣдом.“ 15-го января, вы сдѣлали мнѣ честь привести изъ всего сказаннаго въ этотъ вечеръ одну только фразу, которая вспомнилась вамъ изъ моей рѣчи.

Позвольте мнѣ возстановить приведенную вами фразу совершенно въ томъ видѣ, какъ она была произнесена мною; я сказалъ: „право нашей журналистики на уваженіе общества несомнѣнно“. Почему это выраженіе явилось сегодня въ бывшей академической газетѣ нѣсколько измѣненнымъ („заслуга нашей журналистики передъ обществомъ несомнѣнна“), будетъ вамъ ясно изъ письма, посланнаго мною сегодня же для напечатанія въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ [2]).

Но здѣсь я считаю обязанностью пояснить, почему я колебался между двумя сейчасъ выписанными фразами, которыя обѣ были набросаны въ моемъ концептѣ: причина та, что явившееся въ печати выраженіе менѣе другого можетъ быть оспариваемо даже людьми, предубѣжденными противъ нашей журналистики. Извѣстно, что во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ есть свои несовершенства, ошибки, темныя стороны. Никто не станетъ отрицать, что и въ русской періодической литературѣ не все согласно съ требованіями строгой истины и высокаго безпристрастія. Но я разумѣлъ журнальное дѣло во всей его совокупности, въ лучшихъ его представителяхъ, какъ издателяхъ, такъ и сотрудникахъ. Въ знаменательную минуту празднованія годовщины этой отрасли литературы неумѣстно было бы давать болѣе вѣсу

[1]) Т. е. къ А. С. Суворину, см. „Новое Время“ 1878, янв. 19, № 680.

[2]) Какъ видно изъ этого письма, измѣненіе произошло вслѣдствіе корректурной ошибки.

промахамъ, слабостямъ и заблужденіямъ. Кто не помнитъ, какую службу сослужила обществу наша журналистика въ тѣ достопамятные годы, когда его волновалъ крестьянскій вопросъ, — годы, столь же незабвенные въ исторіи государства, какъ и въ исторіи литературы; потомъ во время подготовленія судебной реформы, въ эпоху польскаго возстанія и дипломатическаго похода западныхъ державъ противъ Россіи; далѣе въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, въ борьбѣ между классиками и реалистами, — борьбѣ, которая, при всѣхъ вызванныхъ ею увлеченіяхъ, все-таки много способствовала къ разъясненію спорнаго вопроса? Наконецъ, кто забудетъ роль нашей періодической литературы во время сербо-турецкой войны 1876 года, когда, подъ вліяніемъ свободно облетавшаго Россію печатнаго слова, сотни юношей добровольно покидали отечество, семью и привольную жизнь для борьбы за христіанскую идею спасенія страждущихъ братій.

Въ одномъ можетъ быть порицатели нашей журналистики *не безъ* основанія обвиняютъ ее: этотъ упрекъ заключается въ томъ, что почти каждое изданіе слишкомъ односторонне держится той рамки предвзятыхъ убѣжденій и взглядовъ, въ которой замкнута его программа: свобода высказывать въ газетахъ и журналахъ всякое мнѣніе, хотя бы подъ страхомъ строгой критики, у насъ почти не существуетъ; въ этомъ отношеніи цензура духа партій стѣснительнѣе правительственной. Бываютъ честные взгляды, почтенныя убѣжденія, которыя ни въ одномъ или почти ни въ одномъ изъ нашихъ періодическихъ изданій не могутъ найти себѣ выраженія. Малѣйшая разница, *даже* не въ сущности взгляда, а въ оттѣнкахъ его, заставляетъ большинство нашихъ редакцій отвергать всякую статью, которая не во всѣхъ подробностяхъ совпадаетъ съ ихъ образомъ мыслей.

Наконецъ, нельзя еще и въ наше время не согласиться съ замѣчаніемъ Ломоносова, что журналы могли бы приносить гораздо болѣе пользы, „еслибъ издатели были въ состояніи точно выполнить задачу, которую на себя приняли, и оставались въ настоящихъ предѣлахъ, предписываемыхъ имъ этой задачей. Талантъ и воля — вотъ чего отъ нихъ требуютъ. Талантъ нуженъ для того, чтобы основательно и съ знаніемъ дѣла обсуждать ту массу разнородныхъ предметовъ, которая входитъ въ ихъ планъ; воля — чтобы, не имѣя въ виду ничего, кромѣ истины, *ни*сколько не поддаваться предразсудкамъ и страстямъ“ [1]). Въ послѣднихъ словахъ высказана великая истина, и нельзя не пожелать нашей журналистикѣ болѣе и болѣе дѣятелей съ такимъ рѣдкимъ качествомъ.

Впрочемъ, Ломоносовъ, раздраженный отзывомъ иностраннаго жур-

[1]) См. статью Ломоносова „о должности журналистовъ“ въ „Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ“, изд. Куникомъ, ч. II. Извѣстно, что эта статья появилась на французскомъ языкѣ, съ котораго я и перевелъ ее.

ала о своихъ трудахъ, говоритъ собственно только объ обязанностяхъ здателей въ отношеніи къ учено-литературной критикѣ. Еслибъ онъ бнялъ свой предметъ шире и жилъ въ наше время, то можетъ быть казалъ бы еще, что журналистъ, вполнѣ понимающій свое призваніе, е долженъ служить только интересамъ минуты, не долженъ для своего успѣха льстить страстямъ и увлеченіямъ современнаго общества, но стоять впереди его на стражѣ самыхъ дорогихъ интересовъ человѣчества и, незамѣтно для самихъ читателей, подымать ихъ за собою все выше и выше въ умственномъ и нравственномъ развитіи.

Надѣюсь, что вы не откажетесь напечатать это письмо, какъ дальнѣйшее развитіе и поясненіе приведеннаго вами отзыва моего о русской журналистикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не лишнимъ считаю пояснить, что непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, побудившимъ меня явиться предъ многочисленнымъ и блестящимъ собраніемъ съ приготовленною наскоро рѣчью, была неожиданно заявленная К. С. Веселовскимъ въ самый день празднества невозможность по болѣзни участвовать въ немъ своимъ присутствіемъ и словомъ, о чемъ мнѣ было сообщено, съ настоятельною просьбою замѣнить достоуважаемаго сотоварища, только около трехъ часовъ пополудни.

Примите и проч.

ЗАМѢТКИ

ПО ВОПРОСАМЪ

ОБРАЗОВАНІЯ И ВОСПИТАНІЯ.

ЗАМѢТКА О ЗНАЧЕНІИ ИДЕАЛОВЪ ВЪ ВОСПИТАНІИ [1]).

1858.

Кто изъ людей, подвизающихся съ убѣжденіемъ и жаромъ въ какой бы ни было отрасли общественной дѣятельности, не помнитъ одной отрадной черты изъ эпохи своего воспитанія? кто не помнитъ, что въ годы развитія духа и пробужденія сознанія, онъ не могъ безъ увлеченія слѣдить за дѣлами, за жизнью того или другого историческаго лица, не могъ безъ восторга произносить того или другого имени, искалъ въ біографіи государственнаго мужа, вождя или писателя образцовъ для самого себя въ будущемъ, и избравъ идеалъ, пламенно стремился къ осуществленію его въ собственной своей жизни?

Незрѣлый умъ можетъ ошибаться въ своемъ назначеніи, а слѣдовательно и въ выборѣ своего идеала; но несмотря на то, такая потребность молодой души заслуживаетъ всегда уваженія. Одинъ мечтаетъ сравниться нѣкогда съ Ганнибаломъ или Сципіономъ, другой беретъ въ образецъ Аристида или Сократа, тотъ плѣняется славой Шекспира или Шиллера: пусть ни первый, ни второй, ни послѣдній не сдѣлаются никогда ни Шекспиромъ, ни Аристидомъ, ни Ганнибаломъ, — все-же стремленіе уподобиться лучшимъ представителямъ человѣческаго рода есть, конечно, одно изъ благороднѣйшихъ побужденій юной души, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ залоговъ ея усовершенствованія впослѣдствіи.

Давно признано, что въ воспитаніи самое могучее средство есть примѣръ: онъ сильнѣе убѣдительнѣйшихъ наставленій, сильнѣе науки увлекаетъ молодого человѣка въ ту или другую сторону нравственнаго міра. Но кругъ примѣра не ограничивается однимъ непосредственнымъ окруженіемъ воспитывающагося, ни даже однимъ настоящимъ; обильный источникъ примѣровъ представляетъ и прошедшее, и лучше, наука о прошедшемъ — исторія. Нашъ пытливый вѣкъ, на

---

[1]) Журн. для воспитанія. 1858 г., т. IV, стр. 207. Эта и слѣдующія двѣ замѣтки я недавно перепечатаны мной въ особой брошюрѣ: „По поводу школьной реформы". Спб. 1901. *Ред.*

все набрасывающій тѣнь сомнѣнія, сталъ отвергать уже и пользу исторіи; но если дѣйствительно государственные люди почерпаютъ изъ нея мало поученій для рѣшенія важныхъ общественныхъ вопросовъ, то все-таки неоспоримо, что для образованія юноши надлежащее изученіе исторіи чрезвычайно плодотворно. Тамъ неиспорченная душа находитъ обильную пищу для удовлетворенія своей потребности создавать идеалы и увлекаться ими, тамъ встрѣчаетъ она образцы, достойные подражанія и воодушевляется желаніемъ возвыситься до нихъ.

Но въ этомъ отношеніи юношѣ полезно не одно знакомство съ дѣйствительно совершившимися явленіями: ему полезно и всякое чтеніе, въ которомъ изображается свѣтлая, идеальная сторона жизни, въ которомъ онъ можетъ находить отрадные примѣры добра, мужества, правдолюбія, словомъ возвышенныхъ свойствъ и прекрасныхъ дѣлъ человѣка. Вы говорите своему сыну: будь великодушенъ, будь умѣренъ, помогай бѣднымъ; но вмѣсто отвлеченныхъ наставленій *представьте* ему живые примѣры этихъ добродѣтелей, и они подѣйствуютъ на него гораздо сильнѣе всѣхъ словъ. Въ молодой душѣ живетъ чудная способность, всего лучше свидѣтельствующая о божественномъ происхожденіи нашемъ, — способность наслаждаться всѣмъ, что есть прекраснаго въ духовномъ мірѣ: надо только умѣть пробудить и поддержать эту способность. Въ тѣсной связи съ нею находится и другая сила, составляющая естественную принадлежность почти всякаго ребенка, которому съ самаго начала не дано превратнаго направленія: это любовь и воспріимчивость къ прекрасному въ мірѣ нравственномъ — къ добру. При такомъ спасительномъ свойствѣ развивающейся души ни одинъ благой примѣръ, въ непосредственно ли окружающей *ее* существенности, въ области ли исторіи или вымысла, не можетъ остаться безъ дѣйствія на питомца.

Художественная критика давно представила смѣшными или подозрительными тѣ вымышленные разсказы, которые пишутся съ нравоучительною цѣлью, въ которыхъ добродѣтель является торжествующею или награжденною, а порокъ наказаннымъ. Но если въ самомъ дѣлѣ такія произведенія въ отношеніи къ искусству имѣютъ мало цѣны и даже составляютъ ложный родъ, то однакожъ еще остается рѣшить, такъ же ли безусловно они заслуживаютъ осужденіе въ смыслѣ педагогическомъ, въ литературѣ, назначенной для первыхъ возрастовъ жизни, когда эстетическое чувство въ человѣкѣ еще требуетъ менѣе возбужденія, нежели чувство нравственное. Несправедливо, говоритъ критика, представлять въ повѣстяхъ добродѣтель торжествующею, а порокъ наказаннымъ, когда въ дѣйствительности безпрестанно бываетъ на оборотъ. Замѣтимъ, что здѣсь самое слово добродѣтель является съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ смѣшного, потому что понятіе о ней, какъ трудно осуществимое въ жизни, само почти отнесено свѣтомъ къ об-

асти вымысла или по крайней мѣрѣ преувеличенія. Но замѣнимъ азванія добродѣтель и порокъ, какъ изображающія двѣ крайности равственнаго міра, другими словами, легче примѣнимыми къ жизни аждаго, какъ напр. добрый и злой нравъ, хорошія или дурныя привычки, благородныя или низкія чувства, и посмотримъ, точно ли въ дѣйствительности счастіе и несчастіе отдѣльныхъ лицъ, такъ же какъ благосостояніе или бѣдственное положеніе цѣлыхъ обществъ, окончательно не зависитъ отъ преобладанія той или другой стороны развитія. Не лежитъ ли поэтому на родителяхъ и воспитателяхъ священная обязанность стараться всѣми мѣрами поселить въ молодомъ сердцѣ непоколебимое убѣжденіе, что честность, правдолюбіе, милосердіе и все доброе должно быть цѣлью всегдашнихъ нашихъ стремленій, не потому только, что эти свойства сами по себѣ прекрасны, но и потому, что безъ нихъ человѣкъ не можетъ быть счастливъ, что съ ними только всякій успѣхъ, всякое внѣшнее благо могутъ доставлять намъ полное наслажденіе жизнью, что ими только пріобрѣтается прочное уваженіе другихъ людей. А если это непреложная истина, то не должна ли она выражаться и въ литературѣ, назначенной для возрастающаго поколѣнія? Но чтобъ эта истина была понятнѣе, пусть она предлагается ему не отвлеченно, а въ живыхъ, осязательныхъ образахъ, которые бы отвѣчали наклонности его къ составленію себѣ идеаловъ. Какая была бы польза выставлять дѣйствительность во всей ея наготѣ передъ неопытнымъ умомъ, еще не посвященнымъ во всѣ ея тайны и неспособнымъ понять ихъ? Не лучше ли рисовать дѣтскому воображенію свѣтлую, утѣшительную сторону жизни, оставляя мрачную до той поры, когда сердце уже не будетъ въ опасности испытать преждевременное разочарованіе?

Счастливъ тотъ, кто съ дѣтства въ окружающей его средѣ встрѣчаетъ образцы, достойные подражанія; но увы! такихъ счастливцевъ такъ мало въ свѣтѣ. И въ семействѣ и въ обществѣ дѣти видятъ по большей части примѣры, въ которыхъ нѣтъ ничего ни назидательнаго, ни услаждающаго душу. Съ одной стороны выше всего ставятся деньги и внѣшнія отличія, а съ этимъ неразлучно связаны искательство, низкопоклонничество, угодливость; — съ другой стороны преобладаетъ страсть къ наслажденіямъ и роскоши: на первомъ планѣ стоятъ балы, карты, лошади, театръ и наряды! и тутъ и тамъ такая атмосфера, въ которой легко погибаетъ зародышъ всякаго благороднаго стремленія, и сердце рано пріучается заглушать въ себѣ всякую высшую потребность, увлекаясь общимъ настроеніемъ. Вотъ почему недостатокъ идеальныхъ образовъ въ дѣйствительности долженъ по возможности вознаграждаться изображеніями изъ міра исторіи или вымысла.

Въ такое время, когда все чисто духовное утратило почти всякое чувствіе посреди матеріальныхъ стремленій и успѣховъ, посреди го-

неній, хотя и справедливыхъ, но односторонне воздвигаемыхъ на нѣкоторыя язвы общества, значеніе идеаловъ для воспитанія должно пріобрѣтать особенную важность въ глазахъ каждаго мыслящаго педагога.

О КЛАССИЧЕСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

1871.

I.

Въ чемъ сущность вопроса? [1]).

Въ № 100-мъ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостей“ почтенный профессоръ А. Н. Бекетовъ напечаталъ замѣтку, въ которой онъ окончательно приходитъ къ выводу, что общее образованіе должно предпочтительно основываться на естественныхъ наукахъ и что, при быстро усиливающемся развитіи ихъ, онѣ современемъ вытѣснятъ во всей Европѣ другую основу общаго образованія — древніе языки.

Спокойный топъ этой замѣтки вызываетъ на дальнѣйшее обсужденіе спорнаго вопроса. Мнѣ кажется, что, если оставаться на почвѣ однихъ логическихъ доводовъ, сохраняя полное уваженіе къ противоположному взгляду, то каждый, составившій себѣ ясное въ дѣлѣ убѣжденіе, обязанъ заявить его. Устраняя себя отъ всякой полемики и не входя въ подробный разборъ замѣтки г. Бекетова, я позволю себѣ только, по поводу ея, представить въ самой сжатой формѣ нѣсколько соображеній, которыя могутъ привести къ иному заключенію.

Изученіе человѣка, во всей его полнотѣ, можетъ, пожалуй, также быть относимо къ естественнымъ наукамъ; но въ человѣкѣ есть внутренняя сторона — жизнь его духа, изученіе которой такъ обширно, что оно въ своемъ развитіи образовало особенный циклъ наукъ, обнимающихъ языкъ человѣческій, исторію народовъ и государственный бытъ.

При сравненіи этого круга знаній съ науками естественными, едвали можно отрицать, что послѣднія даютъ собственно одни факты (конкретные — въ явленіяхъ, и отвлеченные — въ законахъ ихъ), факты, которые хотя и выведены изъ ряда наблюденій и изслѣдованій, то примѣнимы непосредственно только къ житейскимъ потребностямъ пользамъ, тогда какъ первыя, т. е. историко-филологическія зна

[1]) Голосъ 1871, № 102.

богащаютъ духъ матеріаломъ, плодотворнымъ *для дѣлъ* въ мірѣ нравственномъ, гражданскомъ и политическомъ.

Математика, физика, химія и т. п. науки развиваютъ умъ для наблюденія и анализа и удовлетворяютъ одну сторону любознательности нашей, но не возбуждаютъ дѣятельности высшихъ способностей души, не даютъ никакого отвѣта на ея эстетическія и моральныя потребности.

Къ этому служатъ науки другого разряда, занимающіяся психическою стороной человѣка и всѣмъ, что̀ на ней зиждется.

Основу приготовительнаго высшаго образованія издавна составляютъ, въ западно-европейской цивилизаціи, древніе языки. Враги ихъ совѣтуютъ обратиться лучше къ *глубокому* изученію языковъ новѣйшихъ; но развѣ оно возможно безъ изученія древнихъ? Иные предлагаютъ усилить, насчетъ классической литературы, преподаваніе исторіи; но развѣ и ее можно изучать вполнѣ основательно безъ знанія древнихъ языковъ? Наконецъ, намъ говорятъ, что методъ послѣднихъ легко замѣнить такимъ же или еще лучшимъ методомъ въ естественныхъ наукахъ; но могутъ ли онѣ доставить ту пищу для духа, какую даетъ чтеніе древнихъ писателей, какъ основа историческаго и философскаго образованія?

Естественныя науки сами по себѣ, конечно, не ведутъ къ матеріализму; но, будучи слишкомъ рано выдвинуты на первый планъ въ умственномъ образованіи, онѣ ничѣмъ не замѣнятъ тѣхъ благотворныхъ для молодой души, полныхъ содержанія элементовъ, которые вносятся въ нее изученіемъ такъ-называемыхъ „humaniora“.

Давно уже въ Западной Европѣ, въ кругахъ мыслящихъ людей, слышатся жалобы на то, что науки математическія и естественныя даютъ образованіе слишкомъ одностороннее, когда онѣ становятся уже въ молодомъ возрастѣ преобладающими, съ устраненіемъ другихъ отраслей знанія, имѣющихъ гораздо бо̀льшее значеніе для психическаго развитія человѣка.

Но зачѣмъ древніе языки тому, кто идетъ на математическій или естественный факультетъ?

При поступленіи въ гимназію мальчикъ еще не можетъ опредѣлить, какая область вѣдѣнія понадобится ему для университета. Если способности и охота побудятъ его избрать, положимъ, историческій или юридическій факультетъ, то онъ, безъ знанія древнихъ языковъ, будетъ лишенъ того основанія, для пріобрѣтенія котораго (что̀ бы ни говорили противники классицизма) время уже упущено. Если же онъ святитъ себя математическимъ или естественнымъ наукамъ, зная евніе языки, то хотя знаніе ихъ, конечно, не будетъ имѣть для него кого непосредственнаго значенія, но то, что̀ они ему дали, не остася безплоднымъ: въ нихъ онъ на всю жизнь сдѣлалъ пріобрѣніе, безъ котораго онъ, вращаясь въ европейскомъ ученомъ мірѣ,

всегда бы чувствовалъ невознаградимый пробѣлъ въ своемъ образованіи. Ужели всякій долженъ съ дѣтства учиться только тому, что нужно для хлѣба? Я видѣлъ медиковъ, которые въ свободные часы страстно занимались литературой, и этой отрадой они обязаны были своему первоначальному гуманистическому образованію. Человѣкъ сильный только въ естественныхъ наукахъ, всегда будетъ въ умственномъ развитіи уступать тому, который присоединяетъ къ нимъ классическую основу образованія. Понятно, что общеобразовательными знаніями можно считать только тѣ, которыхъ предметъ — духовная сторона человѣка, въ обширномъ смыслѣ, а не тѣ, которыя обнимаютъ одну внѣшнюю природу, потому что эти послѣднія, какъ бы ни были они глубоки, не вводятъ въ святилище природы, а знакомятъ не болѣе, какъ съ ея дѣйствіями или, пожалуй, и съ ея законами, но только въ ихъ *внѣшнемъ* проявленіи. Принять естественныя науки за основу общеприготовительнаго образованія вмѣсто древнихъ языковъ было бы *то же*, что дать перевѣсъ бездушной природѣ надъ высшею духовною жизнью. Англичанинъ Попъ сказалъ великую истину, которая никогда не утратитъ своего значенія: „The noblest study of mankind is man“ (благороднѣйшій предметъ изученія для человѣчества есть человѣкъ).

II.

По поводу вопросовъ о предметахъ общаго образованія [1]).

Многоуважаемый издатель „Вѣстника Европы“ почтилъ мою краткую замѣтку о сущности классическаго образованія [2]) довольно обширнымъ возраженіемъ („Спб. Вѣд.“ № 109), въ которомъ онъ, между прочимъ, обращается ко мнѣ съ нѣсколькими вопросами. Не желая утомлять вниманія читателей и зная, что испоконъ-вѣку всѣ людскіе споры кончаются тѣмъ, что каждая изъ сторонъ остается при своемъ убѣжденіи, постараюсь объясниться какъ можно короче.

Въ первой замѣткѣ своей я коснулся только одной стороны дѣла, именно гуманистическаго содержанія классическихъ литературъ въ сравненіи съ реальными науками, имѣющими предметомъ одну внѣшнюю природу. Это подало М. М. Стасюлевичу поводъ сказать, что дѣло, слѣдовательно, не въ классическомъ, а въ литературномъ образованіи, которое можетъ быть лучше достигаемо изученіемъ новѣйшихъ языковъ. Поэтому, сознавая превосходство литературнаго образованія надъ реальнымъ, онъ предлагаетъ въ основу перваго поста-

[1]) „СПб. Вѣдомости“ 1871, № 117.
[2]) См. выше, стр. 186.

ть, вмѣсто древнихъ языковъ, новые съ ихъ богатыми литературами геніальными писателями. Но при этомъ почтенный возражатель какъ-будто не хочетъ припомнить того, что̀ столько разъ высказывалось замѣчательными педагогами объ образовательномъ дѣйствіи самыхъ языковъ древняго міра. Итакъ, я долженъ прежде всего попытаться выяснить въ немногихъ словахъ взглядъ на ихъ значеніе.

Человѣку всего ближе и доступнѣе міръ собственнаго его мышленія и слова. Изъ всѣхъ языковъ нашей индо-европейской расы греческій и латинскій, установившись и завершивъ свое развитіе въ древности, отличаются отъ позднѣйшихъ своимъ самобытнымъ и правильнымъ строемъ. Система ихъ законовъ составляетъ настоящую *науку* слова въ приложеніи къ двумъ образцовымъ его организмамъ. Работа ума надъ уразумѣніемъ этихъ законовъ и потомъ надъ примѣненіемъ ихъ въ устныхъ и письменныхъ упражненіяхъ дѣйствуетъ плодотворно на умственное развитіе и укрѣпленіе навыка ко всякому серіозному умственному труду. Изученіе древнихъ языковъ, наравнѣ съ математикой, представляетъ неистощимый матеріалъ для самодѣятельнаго и послѣдовательнаго напряженія мысли. Человѣкъ, получившій хорошее классическое образованіе, уже въ школѣ пріобрѣтаетъ, въ бо̀льшей или меньшей степени, то терпѣніе и самообладаніе, ту стойкость и выдержку въ работѣ, которыя, безъ этого прочнаго основанія, развиваются позднѣе только путемъ упорныхъ и многолѣтнихъ усилій. Справедливость этого замѣчанія лучше всего доказывается примѣромъ тѣхъ училищъ, гдѣ классы раздѣляются на два отдѣленія — классическое (или ученое) и реальное: въ такихъ училищахъ сдѣлано наблюденіе, что превосходство по *всѣмъ* предметамъ (не говоря уже о языкахъ) принадлежитъ ученикамъ перваго изъ названныхъ отдѣленій. Вотъ въ чемъ заключается общечеловѣческое педагогическое значеніе двухъ языковъ, которые неоспоримо должны быть признаны совершеннѣйшими языками европейскаго міра на всемъ протяженіи его культурной исторіи.

Новѣйшіе языки, по богатству своихъ литературъ, могутъ, конечно, соперничать съ древними, но, по своимъ формамъ и строю, они не представляютъ тѣхъ же преимуществъ для школы. Во всѣхъ ихъ замѣчается бо̀льшее или меньшее искаженіе древнихъ формъ человѣческой рѣчи; въ нихъ слишкомъ много неорганическаго, случайнаго и условнаго. Притомъ, не только въ романскихъ языкахъ, но также въ германскихъ и славянскихъ, греческія и латинскія слова составляютъ такую значительную пропорцію, что отчетливое преподаваніе современныхъ намъ европейскихъ языковъ просто немыслимо безъ помощи древнихъ. Вотъ другая сторона общеевропейскаго, а слѣдовательно и общечеловѣческаго значенія послѣднихъ. Русскій — также нѣмецъ, и языкъ его принадлежитъ къ тому же корню, какъ и

классическіе языки. Еслибъ мы оставались отчужденными отъ Европы, тогда имѣли бы право сказать, что у насъ мало общаго съ греко-римскимъ міромъ; но когда изученіе языковъ нынѣшняго европейскаго запада, рядомъ съ усвоеніемъ его быта, нравовъ, учрежденій и изобрѣтеній, составляетъ господствующую черту нашей умственной жизни, то какъ намъ не признать, что мы вмѣстѣ съ Европою стоимъ на одномъ и томъ же культурномъ основаніи? какъ намъ отказаться отъ связи съ первобытной европейской цивилизаціей? или мы предпочтемъ не имѣть подъ собой никакой культурной почвы, кромѣ развѣ старо-болгарской письменности?

По поводу предположенія г. Бекетова ввести въ гимназіяхъ, вмѣсто древнихъ языковъ, *глубокое* изученіе новыхъ, я замѣтилъ, что *такое* изученіе ихъ было бы невозможно безъ знанія первыхъ. Но „возможно ли", спрашиваетъ г. Стасюлевичъ, „глубокое изученіе самихъ классическихъ языковъ, латинскаго и греческаго, безъ *предварительнаго* изученія языка санскритскаго?" Слѣдовательно, заключаетъ онъ, и этотъ языкъ долженъ быть преподаваемъ въ гимназіяхъ? Несеріёзность такого вывода очевидна для всякаго. *Глубокое* изученіе древнихъ языковъ нужно только для филолога и невозможно въ гимназіяхъ; для общаго образованія требуется только основательность: изученіе санскрита ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть *предварительнымъ*; это предметъ спеціальной учености, который составилъ бы излишнее бремя и безсмысленную роскошь въ приготовительномъ образованіи. Языки греческій и латинскій оказываются вполнѣ достаточными для предположенной цѣли; они важны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что не только не затрудняютъ, но чрезвычайно облегчаютъ изученіе новыхъ языковъ. Человѣкъ, получившій хорошее классическое основаніе, легко и скоро овладѣваетъ всякимъ другимъ языкомъ. Странно было бы, еслибъ русскіе, одаренные вообще особенными лингвистическими способностями, предпочли поверхностное основательному для избѣжанія труда, которому Европа разумно подвергаетъ свою молодежь. Мы имѣемъ передъ собою еще ближайшій примѣръ скандинавскаго сѣвера и Финляндіи, гдѣ классическое образованіе особенно цѣнится и оказало великія услуги просвѣщенію. Тамъ общеобразовательная классическая подготовка продолжается еще и въ университетахъ, такъ что никто по спеціальнымъ факультетамъ не имѣетъ права экзаменоваться на степень доктора, если не пріобрѣлъ предварительно степени магистра или доктора же по факультету философскому, въ которомъ знаніе древнихъ языковъ составляетъ краеугольный камень. Степень же доктора правъ считается необходимою для занятія высшихъ государственныхъ должностей по законодательной и судебной частямъ.

По увѣренію реалистовъ, классическое образованіе на Западѣ

шаетъ уже колебаться и должно будетъ рано или поздно уступить
ѣсто реальнымъ наукамъ. Но въ сущности оно вездѣ крѣпко дер-
ится, отказываясь только отъ исключительнаго господства и признавая
раво реализма на законный просторъ. Само собою разумѣется, что
амъ, гдѣ классицизмъ, какъ въ Англіи, подавляетъ развитіе другихъ
наній, онъ долженъ быть ограниченъ; а тамъ гдѣ, напротивъ, онъ
лишкомъ слабъ, его слѣдуетъ укрѣпить. Строить теоріи на гада-
еленомъ будущемъ — невозможно; обращаясь къ исторіи, мы должны
ознаться, что умственное величіе и могущество Европы, не исклю-
чая и успѣховъ естествознанія, выросло на почвѣ классицизма. Мы
знаемъ, что Западная Европа, при этой основѣ общаго образованія,
дала міру много великихъ мыслителей, политиковъ, администраторовъ,
законодателей, наконецъ ученыхъ по *всѣмъ* отраслямъ знанія; Восточ-
ная же Европа, при полномъ почти отсутствіи того же элемента, была
относительно бѣдна людьми на всѣхъ поприщахъ умственной и госу-
дарственной дѣятельности. Тотъ славянскій народъ, который сталъ
впереди всего своего племени, чехи, началъ тѣмъ, что усвоилъ себѣ
западно-европейскую систему образованія.

Есть довольно распространенное мнѣніе, что литературу древнихъ можно вполнѣ изучить по переводамъ на новѣйшіе языки. Неоспоримо, что произведенія ума безъ большого ущерба для смысла читаются въ переводахъ. Но нельзя того же сказать о произведеніяхъ фантазіи и вкуса, напр., о гомерическомъ эпосѣ. Непосредственное знакомство съ художественною стороной древней литературы составляетъ для всякаго одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній въ молодости, когда воображеніе и эстетическое чувство сохраняютъ всю свою свѣжесть и воспріимчивость. Такое знакомство не теряетъ своего живительнаго дѣйствія и въ позднѣйшіе годы положительныхъ занятій и стремленій. По этой причинѣ первоначальное классическое образованіе должно имѣть еще бо́льшую цѣну для того, кто послѣ посвящаетъ себя изученію предметовъ совершенно другого рода или чисто-практической дѣятельности. Для утилитарныхъ цѣлей такая подготовка, конечно, не служитъ ему непосредственно, но при этомъ духовномъ запасѣ онъ всегда будетъ человѣкомъ болѣе образованнымъ, нежели тотъ, кто съ ранней молодости осужденъ на сухое и холодное изученіе однѣхъ положительныхъ наукъ.

Изъ давняго опыта нашихъ среднихъ училищъ уже извѣстно, какъ плохо удается въ нихъ преподаваніе новыхъ языковъ: для успѣшности) нужна практика, которой тамъ недостаетъ; одно книжное изученіе ыхъ языковъ, какъ мертвыхъ, не удовлетворяетъ самихъ ученик въ и не поддерживаетъ ихъ любознательности. Даже во французомъ, котораго знаніе привлекательно для массы общества, немногіе з нихъ сколько-нибудь успѣваютъ. Что касается до нѣмецкаго, о

необходимости котораго мой уважаемый противникъ желаетъ знать мое мнѣніе, то на этотъ счетъ можетъ, конечно, быть только одинъ отвѣтъ; но, къ крайнему сожалѣнію, этотъ почтенный языкъ, наравнѣ съ латынью, до сихъ поръ въ бо́льшей части нашихъ училищъ не пользуется ни малѣйшимъ сочувствіемъ. Вотъ тутъ-то обнаруживается во всей полнотѣ наша бѣдность въ педагогахъ, способныхъ преодолѣть укоренившееся предубѣжденіе и возбудить охоту къ языку, безъ котораго, въ самомъ дѣлѣ, будущему студенту какого бы ни было факультета обойтись невозможно. Наконецъ, относительно родного языка замѣчу, что какъ ни полезно раннее и сознательное его изученіе въ связи съ церковнославянскимъ, однакожъ и съ этимъ дополненіемъ онъ, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, никогда не можетъ замѣнить древнихъ языковъ; его преподаваніе должно предшествовать и сопутствовать изученію греческаго и латинскаго, но не исключать ихъ.

Мы видимъ поэтому, что мысль ввести, вмѣсто древнихъ языковъ, новые не такъ счастлива, какъ можетъ съ перваго взгляда казаться. Съ другой стороны, поборники реализма утверждаютъ, что естественныя науки могутъ доставить въ среднихъ училищахъ такой же годный матеріалъ для умственнаго развитія, какъ древніе языки. Трудно понять, какимъ образомъ естествознаніе въ гимназіи, особливо въ низшихъ классахъ, могло бы преподаваться такъ, чтобъ ученики въ своихъ занятіяхъ по этому предмету (именно по естественной исторіи, какъ предлагаетъ г. Бекетовъ) находили достаточное упражненіе въ самодѣятельности ума и въ примѣненіи правилъ къ дѣлу. Желательно было бы, чтобъ кто-нибудь изложилъ хоть въ общихъ чертахъ программу первоначальнаго преподаванія естественныхъ наукъ. Мы понимаемъ, что самостоятельная разработка ихъ, какъ всякое серіёзное наблюденіе и изслѣдованіе, требуетъ большого напряженія ума и вполнѣ достойно ученаго; но то, что изъ естествознанія доступно раннему возрасту, — описаніе предметовъ, классификація ихъ по признакамъ и номенклатура, — едва-ли можетъ составить занятіе особенно плодотворное для умственнаго развитія.

М. М. Стасюлевичу угодно было назвать *личнымъ* моимъ мнѣніемъ тотъ взглядъ, который по сіе время соединяетъ въ свою пользу большую часть мыслящихъ людей Европы. Инымъ кажется, что вопросъ уже рѣшенъ окончательно большинствомъ русскаго общества. Замѣтимъ однакожъ, что даже и въ ученой Германіи публика, по педагогическимъ вопросамъ, не имѣетъ рѣшающаго голоса: у насъ же предубѣжденіе значительной части общества противъ классицизма много происходитъ отъ того состоянія, въ какомъ находится преподаваніе древнихъ языковъ въ большей части гимназій. Неумѣніе многихъ учителей взяться за дѣло, непомѣрное обремененіе учениковъ уроками, излишнія требованія, безпощадные экзамены — все это должно

ло вооружить противъ классицизма не только учащихся, но и ихъ дителей.

Отсюда слѣдуетъ, что въ настоящемъ положеніи нашихъ среднихъ илищъ есть сторона, которая, независимо отъ вопроса о системѣ бразованія, настоятельно и неотложно требуетъ коренной реформы. то несоразмѣрность числа предметовъ и объема курсовъ съ силами чащихся. Пока будетъ продолжаться это гибельное зло въ устройствѣ ашихъ классическихъ гимназій, до тѣхъ поръ положенная въ основаніе ихъ система не получитъ своего истиннаго значенія. Хорошіе преподаватели и руководства, нормальное распредѣленіе учебныхъ занятій и задаваемыхъ уроковъ, измѣненіе способа испытаній, наконецъ введеніе гимнастики — вотъ предметы, заслуживающіе самаго заботливаго вниманія правительства и столь же важные, какъ установленіе той или другой системы ученія. Только при этихъ условіяхъ будетъ возможно судить о результатахъ вводимаго у насъ классическаго образованія.

Въ заключеніе нужнымъ считаю, — чтобъ предупредить всякое недоразумѣніе, — выставить основные пункты моего взгляда на дѣло:

1) Классическая система имѣетъ глубокое значеніе для умственнаго развитія молодого человѣка, и потому незамѣнима въ образованіи не только ученыхъ и педагоговъ, но и вообще людей, предназначающихъ себя къ высшимъ духовнымъ задачамъ общественной дѣятельности.

2) Важность классическаго образованія не устраняетъ необходимости дать широкій просторъ реальному образованію, которое доступнѣе для большинства и нужно какъ для всѣхъ отраслей технической, такъ и для разныхъ родовъ практической дѣятельности.

3) При томъ низкомъ уровнѣ, на какомъ у насъ до сихъ поръ находилось педагогическое дѣло (такъ что въ образованіи, собственно говоря, не было *никакой* системы), введеніе классицизма во всей его абсолютной строгости невозможно и должно происходить постепенно.

4) Требованіе, чтобъ всѣ поступающіе въ университеты знали оба древніе языка, не можемъ вполнѣ достигать своей цѣли, пока будутъ существовать, какъ полнѣйшее тому противорѣчіе, привилегированныя учебныя заведенія, откуда воспитанники, послѣ поверхностнаго 6-ти или 7-ми лѣтняго курса и въ сравнительно незрѣломъ возрастѣ, допускаются къ важнѣйшимъ отраслямъ государственной службы, не получивъ классическаго образованія.

и 5) Немедленно слѣдовало бы устранить гибельныя условія для з ювья, для умственнаго и физическаго развитія, въ какія поста- в ю въ нашихъ гимназіяхъ молодое поколѣніе, сверхъ силъ обреме- н ное уроками и невыполнимыми для большинства требованіями, ко- т ія не поддерживаются, по большей части, ни раціональнымъ пре-

подаваніемъ, ни удовлетворительными учебниками: обыкновенно масса подробностей подавляетъ сущность, и излишеству мелочей приносится въ жерту основательное знаніе. Совершенно упускается изъ виду, что главная задача не въ сообщеніи полнаго запаса фактовъ, а въ подготовленіи почвы для дальнѣйшихъ пріобрѣтеній въ жизни.

PS. Въ послѣднее время стало высказываться у насъ мнѣніе о какомъ-то будто бы аристократическомъ характерѣ классическаго образованія. Тутъ кроется прискорбное недоразумѣніе. Примѣръ всѣхъ странъ Европы показываетъ, что чрезъ классическія гимназіи съ особеннымъ успѣхомъ и самыми видными результатами проходятъ, большею частью, именно люди не только средняго, но низшаго сословія, т. е. тѣхъ слоевъ общества, гдѣ упорный трудъ составляетъ потребность и привычку, а не тѣхъ, которые стремятся къ легкому наслажденію жизнью съ возможно-меньшимъ напряженіемъ силъ. Если классицизмъ дѣйствительно ведетъ къ какой-нибудь аристократіи, то развѣ только къ аристократіи ума, трудолюбія и знанія, а въ ней — единственно твердый оплотъ противъ преобладанія аристократіи всякаго рода внѣшнихъ благъ и невѣжества.

ЗАМѢТКИ ПЕДАГОГА.

I [1]).

1870.

Слыша со всѣхъ сторонъ жалобы общества на излишнее обремененіе нашихъ учениковъ занятіями, я въ теченіе долгаго времени старался повѣрять эти заявленія и мало-по-малу убѣдился, что они вполнѣ справедливы.

Совершенно устранить зло, конечно, зависитъ не отъ насъ, преподавателей; но, вдумываясь въ дѣло, я нашелъ, однакожъ, что мы можемъ много содѣйствовать къ ослабленію вреда отъ существующихъ неудобствъ, и потому рѣшаюсь предложить почтеннымъ собратьямъ нѣсколько мыслей къ соображенію.

Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшнія программы преподаванія страдаютъ разными недостатками, изъ которыхъ главные — съ одной стор[о]н[ы]

---

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1870 г., № 333, подъ заглавіемъ: „Зам[ѣтки] гимназич. учителя для мыслящихъ собратій“.

помѣрное множество предметовъ, а съ другой — слишкомъ большая ширность и подробность въ изложеніи нѣкоторыхъ наукъ.

Многіе разсудительные люди, просматривая программы нашихъ редникъ учебныхъ заведеній, не могутъ надивиться, какая ученость ребуется отъ русской молодежи. Да съ такими познаніями, говорятъ ни, наши юноши должны бы перещеголять въ образованіи своихъ верстниковъ въ цѣлой Европѣ! На дѣлѣ, однакожъ, мы видимъ не то.

Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ молодые люди сидятъ ежедневно болѣе часовъ, нежели во многихъ другихъ просвѣщенныхъ странахъ, и что имъ задается столько трудныхъ уроковъ, что они для удовлетворенія своихъ наставниковъ должны и дома проводить почти все время въ приготовленіяхъ.

Оттого ихъ умственныя способности, напрягаемыя сверхъ мѣры, лишенныя всякой свободной самостоятельности, притупляются; охота къ ученію, любознательность пропадаетъ, физическое развитіе подавлено; зрѣніе преждевременно испорчено, и не одинъ гимназистъ уже носитъ въ себѣ начало будущихъ хроническихъ болѣзней съ общею слабостію организма.

Наши курсы и требованія должны быть существенно измѣнены. Но такъ какъ всѣ неоднократно высказанныя о томъ желанія до сихъ поръ остаются безъ исполненія, а между тѣмъ годы проходятъ и вредное дѣйствіе настоящаго порядка продолжаетъ обнаруживаться на нашемъ молодомъ поколѣніи, то пора намъ, преподавателямъ, серьёзно задать себѣ вопросъ: не обязаны ли мы и не можемъ ли въ собственной своей дѣятельности найти средства облегчить хоть въ нѣкоторой степени положеніе ввѣренной намъ молодежи?

Чѣмъ многочисленнѣе предметы ученія и чѣмъ пространнѣе курсы каждаго изъ нихъ, тѣмъ настоятельнѣе становится для насъ нравственный долгъ соразмѣрять массу и качество сообщаемыхъ и требуемыхъ нами свѣдѣній съ силами учениковъ.

Мы должны помнить, что задача наша состоитъ не въ томъ, чтобъ передать имъ весь запасъ познаній, пріобрѣтенныхъ нами самими въ долгіе годы, и даже не весь тотъ запасъ, какой можетъ со временемъ понадобиться имъ для жизни: мы должны сообщить лишь столько, чтобъ ученикъ имѣлъ достаточный умственный капиталъ для дальнѣйшаго его приращенія; мы должны путемъ науки развить въ немъ плодотворную силу для труда и самоусовершенствованія.

Намъ слѣдуетъ помнить, какъ несправедливо требованіе, чтобъ по дмету, преподаваемому каждымъ изъ насъ, ученикъ становился ти такимъ же спеціалистомъ, какъ мы сами. Каждый изъ насъ ятъ только одной наукой, и занятъ ею постоянно всю жизнь: емъ ли же право требовать, чтобъ наши ученики знали почти то что́ знаемъ мы сами, и чтобъ на экзаменахъ они умѣли разрѣ-

шать вопросы, касающіеся не существеннаго въ наукѣ, а разныхъ тонкостей, мелочей и второстепенныхъ подробностей?

Будемъ постоянно имѣть въ виду, что́ собственно нужно знать не спеціалисту, а вообще образованному человѣку, и убережемся отъ безразсуднаго стремленія къ тому, чтобы наши несовершеннолѣтніе ученики знали то, чего не знаютъ не только большинство образованныхъ людей, но и многіе ученые.

Къ разряду такихъ познаній надобно отнести, напримѣръ, въ географіи — множество малоизвѣстныхъ рѣкъ и рѣчекъ, городовъ и мѣстечекъ съ ихъ такъ-называемыми примѣчательностями, педантически-точныя цифры численности населеній, мелкія статистическія данныя, градусы положенія странъ и проч.; въ исторіи — имена разныхъ незначительныхъ лицъ и мѣстъ, ничтожные факты съ цифрами годовъ, къ которымъ они относятся; такъ что приходится исчислять чуть не всѣ годы каждаго столѣтія; въ Законѣ Божіемъ — безчисленное множество названій и событій изъ исторіи евреевъ, множество текстовъ, объясненіе богослуженія до мельчайшихъ подробностей — въ объемѣ, нужномъ только для священно-служителей, и проч.

Не будемъ слишкомъ высоко ставить общій уровень развитія нашихъ, далеко еще незрѣлыхъ, учениковъ: они еще не студенты, не многіе изъ нихъ могутъ уже заниматься вполнѣ самостоятельно. Не будемъ же и мы представлять изъ себя университетскихъ преподавателей и воображать, что мы въ гимназіи призваны читать лекціи, которыя наши слушатели должны съ стенографическою точностью записывать и потомъ разработывать на досугѣ. У студента число посѣщаемыхъ имъ лекцій ограничено; онъ свободнѣе располагаетъ своимъ временемъ, онъ уже болѣе подготовленъ для подобной нелегкой работы.

Мы же, гимназическіе учителя, должны по возможности держаться опредѣленныхъ учебниковъ—это давно признано здравой педагогикой; мы обязаны только пояснить эти учебники; можемъ, пожалуй, дополнять или сокращать ихъ; во всякомъ случаѣ нашъ долгъ — стараться освобождать учениковъ, обремененныхъ уроками, отъ обязанности еще составлять записки и переписывать ихъ.

На нихъ и безъ того лежитъ обязанность писать сочиненія на разныхъ языкахъ. Къ сожалѣнію, большая часть изъ насъ, задавая темы, слишкомъ легко относится къ этому важному дѣлу, слишкомъ мало даетъ себѣ отчетъ въ цѣли такихъ упражненій, и въ томъ, что́ *можетъ* въ этомъ отношеніи удовлетворительно и съ пользой для себя сдѣлать ученикъ такого-то возраста и развитія. Нашему брату ничего нѣтъ легче, какъ черкнуть въ видѣ заглавія: *Разборъ Мертвыхъ Душъ*, или выписать изъ какой-нибудь книги глубокомысленный историческій или философскій вопросъ, едва разрѣшимый для самого преподавателя;

но надобно умѣть поставить себя на мѣсто ученика и прежде всего опредѣлить: что было бы ему подъ силу, что можетъ интересовать его, и что до поры до времени должно казаться ему недосягаемою мудростью? Онъ еще не жилъ; у него не можетъ еще быть ни интереса, ни точки опоры для пониманія, не говоря уже для рѣшенія многихъ вопросовъ, уясняемыхъ только опытомъ и многолѣтнимъ размышленіемъ.

Темы для ученическихъ сочиненій должны составлять предметъ особенной заботы и работы со стороны преподавателя: онѣ должны быть заранѣе строго обдуманы и приготовлены. Каждую такую тему задающій ее долженъ предварительно обсудить, разобрать вмѣстѣ съ своими учениками и устно хоть на половину разработать ее за урокомъ. Тогда только ихъ трудъ надъ нею будетъ дѣйствительно плодотворенъ; тогда не будетъ тѣхъ уродливыхъ и жалкихъ исчадій незрѣлаго ума, которыя, къ сожалѣнію, иногда встрѣчаются въ гимназическихъ тетрадяхъ. Есть преподаватели, до того лишенные здраваго смысла и такта, что, задавая сочиненіе отъ одной недѣли до другой, они требуютъ, чтобъ ученикъ или ученица для выполненія темы прочитали цѣлую книгу, а вмѣстѣ — чтобъ и сочиненіе вышло объёмистое. Разумѣется, что отъ этого происходитъ только разглагольствіе и фразерство.

При спрашиваніи уроковъ мы часто развиваемъ тотъ же печальный недостатокъ однимъ требованіемъ, которое неизвѣстно въ педагогикѣ западныхъ народовъ: мы хотимъ, чтобъ ученикъ не только зналъ, но еще умѣлъ бѣгло, плавно и краснорѣчиво (а иногда, просто, безостановочно) передать каждый заданный урокъ. Мы не довольствуемся тѣмъ, чтобъ онъ умѣлъ сознательно, но коротко и ясно, отвѣчать на предложенный ему вопросъ; мы хотимъ, чтобъ онъ какъ-бы прочиталъ цѣлую лекцію или тираду изъ лекціи. Мы хотимъ передъ тѣмъ или другимъ внушительнымъ посѣтителемъ блеснуть своими учениками. Это еще одинъ изъ многихъ (къ сожалѣнію) остатковъ нашихъ старыхъ, не легко искореняемыхъ порядковъ, такъ живописно отразившихся въ русской поговоркѣ: *продать товаръ лицомъ*. Но къ чему же ведетъ такое требованіе? Мы рискуемъ образовать краснобаевъ, смѣлыхъ говоруновъ, а не скромныхъ и основательныхъ людей.

Многимъ изъ насъ не излишне также напомнить, что часъ, назначенный для преподаванія, долженъ быть употребляемъ добросовѣстно и плодотворно. Мы должны заботиться о томъ, чтобъ уже въ продолженіе этого часа ученики усвоивали себѣ сколько можно болѣе положительныхъ познаній, которыя бы облегчали имъ трудъ дальнѣйшаго приготовленія; молодые люди должны же внѣ уроковъ находить время для отдыха и для пребыванія на чистомъ воздухѣ, а также и для свободнаго чтенія; наконецъ, они должны же сколько-нибудь принадлежать и своимъ родителямъ, участвовать въ домашней, семейной жизни.

При нынѣшнемъ объемѣ курсовъ въ высшихъ классахъ гимназій это (разумѣется, для вполнѣ добросовѣстнаго ученика) почти невозможно.

Вотъ почему всякое необдуманное разглагольствіе, всякая безполезная трата дорогого времени должны быть тщательно устраняемы изъ часовъ преподаванія, тѣмъ болѣе, что это мѣшаетъ постоянному повторенію пройденнаго, тому, что́ составляетъ истинную силу хорошей школы и облегчаетъ экзамены. У насъ передъ экзаменами молодые люди работаютъ до изнеможенія силъ, до одуренія, такъ что иной приходитъ въ отчаяніе и даже посягаетъ на свою жизнь, чему въ послѣднее время было нѣсколько примѣровъ. Предупрежденіе въ будущемъ повторенія подобныхъ печальныхъ случаевъ, конечно, много зависитъ отъ насъ. На экзаменахъ нельзя требовать тѣхъ же подробностей, тѣхъ же мелочей, которыя иногда входятъ въ курсъ при его преподаваніи: можетъ ли молодой человѣкъ, обязанный въ короткое время обособить въ себѣ разнообразныя знанія, пріобрѣтенныя въ теченіе нѣсколькихъ или хоть и одного года, можетъ ли и обязанъ ли онъ знать каждый предметъ такъ же обстоятельно, какъ мы сами? И не должны ли мы трудолюбіе и успѣхи, оказанные имъ въ теченіе цѣлаго курса, цѣнить выше тѣхъ отрывочныхъ отвѣтовъ, которыхъ видимая удовлетворительность можетъ зависѣть отъ столькихъ случайностей, и которые такъ же случайно выпадаютъ на долю того или другого ученика.

Не будемъ никогда забывать, какая непомѣрная власть, какое великое вліяніе на судьбу юноши предоставлено намъ правомъ экзамена, какой произволъ, какое опасное орудіе дается намъ въ руки этимъ широкимъ правомъ. Отъ нашей совѣсти, отъ умѣнья нашего пользоваться этимъ правомъ осмотрительно и честно, отъ большей или меньшей разсудительности, справедливости, гуманности, которыя мы положимъ въ это дѣло, можетъ зависѣть вся будущая дѣятельность, все будущее благосостояніе, иногда самая жизнь экзаменуемаго. Проникнемся же пониманіемъ тяжкой отвѣтственности, какая лежитъ на насъ, и, по крайней мѣрѣ, пока существуютъ нынѣшніе курсы и программы, будемъ стараться не затруднять, а облегчать занятія ввѣренныхъ намъ молодыхъ людей.

II [1]).

1871.

Недавно я имѣлъ случай быть на танцовальной вечеринкѣ, въ которой, вмѣстѣ съ нѣсколькими гимназистами, участвовали также воспитанники одного изъ нашихъ закрытыхъ заведеній. Мнѣ было особенно интересно слѣдить за поведеніемъ тѣхъ и другихъ, и много не совсѣмъ утѣшительнаго передумалъ я при этихъ наблюденіяхъ. Съ перваго же взгляда я могъ замѣтить, что гг. воспитанники (для краткости буду употреблять это слово безъ дальнѣйшихъ поясненій) немножко свысока, съ какимъ-то худо скрытымъ пренебреженіемъ относились къ гимназистамъ.

Отчего бы происходило, спрашивалъ я самого себя, такое странное пренебреженіе? Наши гимназисты трудятся, вообще говоря, гораздо серьёзнѣе, посвящаютъ ученію (если считать и послѣдующій университетскій курсъ) гораздо бо́льшее число лѣтъ, выходятъ въ свѣтъ съ несравненно высшимъ, основательнѣйшимъ образованіемъ; слѣдовательно, по настоящему, имъ было бы чѣмъ гордиться передъ воспитанниками. Но дѣло въ томъ, что послѣдніе за меньшій трудъ, при выносимомъ ими изъ заведенія меньшемъ запасѣ знаній, пользуются болѣе значительными привилегіями послѣ выпуска, и потомъ, благодаря, между прочимъ, обаянію чисто внѣшнихъ преимуществъ свѣтскаго образованія, гораздо легче выходятъ въ люди.

Въ самомъ дѣлѣ, какая благодать этимъ господамъ! Лѣтъ 13-ти они поступаютъ въ закрытое заведеніе, проходятъ въ немногіе годы извѣстный, не слишкомъ обременительный курсъ, который оставляетъ еще довольно времени для разныхъ увеселеній; посѣщаютъ театры и концерты не только въ праздничные, но и въ будніе дни, и, благополучно выдержавъ экзаменъ, съ сравнительно высокимъ чиномъ опредѣляются на службу: имъ открыты почти всѣ пути, всѣ вѣдомства; посмотришь, чрезъ 5—8 лѣтъ недавній воспитанникъ ужъ чуть не генералъ, а тамъ онъ быстро идетъ въ гору все далѣе, все выше и выше.

Бывшему гимназисту и студенту не такъ легко достается даже и сносное положеніе на службѣ. Въ гимназическіе годы онъ, почти не зная отдыха, сидитъ за книгою, проходитъ весьма обширный курсъ (мимоходомъ сказать, ужъ слишкомъ обширный по отношенію объема

---

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1871 года, № 42.

другихъ предметовъ къ двумъ древнимъ языкамъ, составляющимъ его основу), безпрестанно пишетъ сочиненія на заданныя темы, потомъ, готовясь къ экзаменамъ, напрягаетъ свои силы до истощенія; далѣе, по переходѣ въ университетъ, снова подвергается испытанію, четыре года серьёзно учится по профессорскимъ лекціямъ, и что же, наконецъ, бываетъ наградою высшаго образованія, добытаго такими продолжительными усиліями? При поступленіи на службу, его часто встрѣчаютъ холодно, недовѣрчиво, и если нѣтъ сильной руки, которая бы его поддержала на первыхъ порахъ, онъ остается долгіе годы на низшихъ ступеняхъ административной іерархіи.

Пока я предавался этимъ грустнымъ размышленіямъ, ко мнѣ подошелъ какой-то незнакомый пожилой господинъ. Это былъ, какъ я скоро узналъ изъ его разговора, отецъ одного изъ воспитанниковъ. Онъ сталъ съ любопытствомъ разспрашивать меня о гимназическихъ порядкахъ и горько жаловался на своего сына, отданнаго имъ въ закрытое заведеніе. Молодой человѣкъ, по словамъ отца, въ короткое время совершенно измѣнился: изъ тихаго, скромнаго мальчика онъ сдѣлался смѣлымъ, самонадѣяннымъ, страшно похудѣлъ и безпрестанно просилъ денегъ на издержки, въ которыхъ избѣгалъ отдавать отчетъ; прежде онъ любилъ читать, теперь же не бралъ книги въ руки, и вообще проводилъ время безъ дѣла, когда пріѣзжалъ на праздничные дни домой. При этомъ старикъ поразсказалъ мнѣ курьёзныя вещи.

А что, подумалъ я, если этотъ самый юноша, украшенный впослѣдствіи чинами и орденами, сдѣлается начальникомъ нѣсколькихъ бывшихъ студентовъ, которые въ одно время съ нимъ сдадутъ выпускной экзаменъ, но скоро отстанутъ на службѣ отъ бывшаго воспитанника? не возмущается ли чувство справедливости при мысли, что трудъ и истинное знаніе мало значатъ у насъ въ сравненіи съ совершенно случайными преимуществами, которыя достаются вслѣдствіе ненормальнаго порядка вещей? Такое положеніе дѣла становится еще прискорбнѣе, если справедливъ слухъ, что въ послѣдніе годы открылась возможность поступать прямо въ высшіе классы нѣкоторыхъ закрытыхъ заведеній, чтобъ только для виду окончить тамъ воспитаніе и такимъ образомъ еще съ меньшимъ, противъ прежняго, трудомъ пріобрѣсти обманчивый штемпель высшаго образованія.

При такой аномаліи, въ руки недостаточно свѣдущихъ людей, чуждающихся всякой спеціальной подготовки, могутъ попадать важнѣйшія должности и дѣла, которыя, при нынѣшнемъ усложненіи государственныхъ вопросовъ и общественныхъ задачъ, требовали бы самыхъ основательныхъ и глубокихъ свѣдѣній по каждой отдѣльной части. Нѣкоторые утверждаютъ, что число поступающихъ на службу воспитанниковъ не велико, въ сравненіи съ массою молодыхъ людей, выпускаемыхъ изъ университетовъ; но это только кажется: въ дѣйстви-

тельности же контингентъ служащихъ, ежегодно доставляемый университетами, совсѣмъ не такъ значителенъ, особенно, если принять въ расчетъ, что многіе студенты, по окончаніи курса, поступаютъ на такія поприща, которыя по своей спеціальности закрыты для воспитанниковъ, напр., на медицинское и педагогическое.

Многихъ поражаетъ, какой малый процентъ въ числѣ высшихъ гражданскихъ чиновъ составляютъ бывшіе питомцы нашихъ университетовъ. Кромѣ приведеннаго сейчасъ обстоятельства, это можетъ происходить и отъ того, что люди, прошедшіе университетскій курсъ, вообще смотрятъ на свое призваніе серьёзнѣе, не гоняются за внѣшними отличіями, и часто, если служба не удовлетворяетъ ихъ со стороны самой дѣятельности и должностныхъ отношеній, съ нею связанныхъ, добровольно покидаютъ ее, не достигнувъ виднаго мѣста.

Всѣ изложенныя неудобства и несправедливости особенно ярко выдаются въ настоящую минуту, когда рѣчь идетъ о введеніи у насъ общей воинской повинности. Что если молодежь, и безъ того уже такъ легко пріобрѣтающая исключительныя выгоды гражданской службы, вдобавокъ получитъ еще преимущества въ новомъ порядкѣ вещей, или хотя будетъ сравнена съ нашимъ истинно трудящимся, основательно образующимся университетскимъ юношествомъ, тогда какъ оно имѣетъ гораздо высшее значеніе для русской интеллигенціи? Слѣдуетъ желать, чтобъ былъ положенъ предѣлъ слишкомъ важнымъ привилегіямъ нѣкоторыхъ закрытыхъ заведеній, когда-то имѣвшимъ свой смыслъ, но уже давно составляющимъ въ нашемъ обновленномъ общественномъ строѣ вопіющій анахронизмъ. Это сознается еще нѣкоторыми изъ самихъ воспитанниковъ, которые, по окончаніи курса въ закрытомъ заведеніи, начали, особенно съ 1850 годовъ, поступать въ университеты для дополненія своего не довольно основательнаго образованія. Къ сожалѣнію, однакожъ, примѣры такого разумнаго стремленія къ знанію еще слишкомъ рѣдки.

Бесѣдовавшій со мной отецъ воспитанника, между прочимъ, спросилъ меня, какъ я смотрю на выраженное недавно въ печати однимъ педагогомъ мнѣніе, будто на закрытыхъ заведеніяхъ можетъ лежать только обязанность обученія, а никакъ *не воспитанія* молодыхъ людей? На это *я*, конечно, отвѣчалъ, что меня самого крайне озадачило такое заявленіе, хотя и подкрѣпленное ссылкою на Гегеля. Чтобъ вполнѣ обсудить, что хотѣлъ сказать Гегель, надобно бы прочесть приведенное изъ него мѣсто въ связи съ цѣлымъ ходомъ его мыслей о затронутомъ предметѣ. Притомъ, выведенное оттуда неизвѣстнымъ авторомъ заключеніе, можетъ быть, сколько-нибудь и примѣнимо къ Германіи, гдѣ общественное воспитаніе обставлено совершенно другими условіями, нежели у насъ. Тамъ, если не ошибаюсь, закрытыхъ заведеній въ точномъ смыслѣ слова почти и не существуетъ; во всякомъ

случаѣ, они имѣютъ тамъ совсѣмъ отличное устройство и управленіе, да и молодые люди, въ первоначальномъ домашнемъ воспитаніи, получаютъ совсѣмъ иную подготовку къ общественному образованію. Но у насъ, при той домашней средѣ, откуда выходятъ питомцы закрытыхъ заведеній, при тѣхъ требованіяхъ, съ какими родители обращаются къ этимъ заведеніямъ, при тѣхъ, наконецъ, выгодахъ, какими въ нихъ пользуются съ одной стороны воспитанники, а съ другой сами воспитатели и начальники, — слагать съ этихъ заведеній обязанность попеченія о нравственномъ развитіи ввѣренной молодежи, а слѣдовательно, и отвѣтственность за результаты этой стороны дѣла, не значитъ ли впадать въ явное противорѣчіе съ здравымъ смысломъ?

РѢЧЬ ОБЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ [1]).

1869.

Въ историческомъ очеркѣ профессора Григорьева, прочитанномъ вчера профессоромъ Андреевскимъ, высказана была между прочимъ мысль о превосходствѣ университетскаго образованія.

Давнишнее мое убѣжденіе въ справедливости этой мысли, утвердившееся особенно во время занятія мною одной изъ каѳедръ древнѣйшаго въ предѣлахъ россійской имперіи университета, побуждаетъ меня, въ нынѣшній знаменательный день, выразить желаніе, чтобы университетское образованіе получило въ русской общественной жизни подобающее ему значеніе; чтобы оно и въ самомъ законодательствѣ нашемъ признано было необходимымъ условіемъ для замѣщенія должностей по извѣстнымъ отраслямъ государственной службы. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ предъ собою примѣръ не только чуждыхъ намъ странъ европейскаго запада, но и той части нашей имперіи, гдѣ находится названный мною университетъ: тамъ сознанная правительствомъ и обществомъ необходимость университетскаго образованія принесла давно самые благіе плоды для народнаго просвѣщенія и администраціи.

Но желаніе мое имѣло бы мало значенія, еслибъ оно не сопровождалось положительной надеждой; эта надежда, въ свою очередь, основывается, во-первыхъ, на томъ, что университетское образованіе уже

---

[1]) Произнесенная на университетскомъ обѣдѣ 9 февраля 1869 года, см. „Юбилейный актъ С.-Петербургскаго университета“. Спб. 1869, стр. 166.

и въ Россіи требуется закономъ въ одной сферѣ гражданской дѣятельности, именно на педагогическомъ поприщѣ и во-вторыхъ — на тѣхъ истинно-царскихъ щедротахъ С.-Петербургскому университету, о которыхъ вчера, къ общему восторгу, возвѣстилъ г. министръ народнаго просвѣщенія и которыя служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что важность университетскаго образованія уже оцѣнена у насъ верховною властью и высшимъ правительствомъ.

Съ сегодняшнимъ университетскимъ празднествомъ естественно связывается желаніе, чтобы и общество наше болѣе и болѣе усвоивало себѣ правильный взглядъ на нормальное образованіе молодежи путемъ гимназій и университетовъ; чтобы тѣмъ самымъ облегчена была возможность введенія и въ Россіи порядка, издавна существующаго въ другихъ европейскихъ государствахъ и требующаго университетскихъ свидѣтельствъ для поступленія во многія должности. Позволяю себѣ провозгласить тостъ за осуществленіе этого желанія, за успѣхъ и распространеніе въ Россіи основательнаго университетскаго образованія!

Нѣсколько позже, въ письмѣ къ профессору М. И. Сухомлинову по вопросу о напечатаніи настоящей рѣчи въ „Юбилейномъ Актѣ“, Я. К. Гротъ вмѣстѣ съ изъявленіемъ на это своего согласія, сдѣлалъ къ ней слѣдующее прибавленіе:

Считаю нужнымъ присоединить нѣсколько пояснительныхъ словъ, чтобы устранить возникшія по поводу моей рѣчи недоразумѣнія.

Инымъ показалось, что смыслъ ея могъ быть оскорбителенъ для бывшихъ на обѣдѣ депутатовъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній по гражданской части, а также для тѣхъ изъ присутствовавшихъ лицъ, которыя, занимая значительныя административныя должности, не получили университетскаго образованія. Насчетъ опасенія за этотъ послѣдній разрядъ моихъ почтенныхъ слушателей замѣчу, что, еслибъ было такъ, то я самъ долженъ бы чувствовать себя униженнымъ своею рѣчью, такъ какъ и я не учился въ университетѣ, а между тѣмъ былъ двадцать лѣтъ профессоромъ, хотя для этого званія требуется не только университетское свидѣтельство, но даже докторскій дипломъ. Помянутыя лица не могли оскорбиться моими словами, потому что не сами они, конечно, избрали мѣсто своего воспитанія, выборъ котораго со стороны родителей всегда зависитъ отъ господствующихъ въ обществѣ понятій вслѣдствіе степени его развитія и всего быта его. Тысячи другихъ шли и еще идутъ тѣмъ же путемъ въ силу нашего государственнаго строя, который есть плодъ исторіи многихъ вѣковъ, а не дѣло отдѣльныхъ единицъ. Притомъ личныя способности и свойства такъ же точно опредѣляютъ судьбу человѣка, какъ и его образованіе. Наконецъ, если кто въ молодости не посѣщалъ университета, это еще не значитъ, чтобъ онъ впослѣдствіи не восполнилъ недостаю-

щихъ ему свѣдѣній самостоятельнымъ ученіемъ. Здѣсь кстати повторить старое присловье: нѣтъ правила безъ исключеній; но и исключенія не ослабляютъ силы правила.

Что касается до депутатовъ другихъ учебныхъ заведеній, то и для нихъ въ сущности слова мои не заключали въ себѣ ничего оскорбительнаго. Причины существованія и положенія нѣкоторыхъ изъ этихъ заведеній въ русскомъ обществѣ кроются опять-таки не въ томъ или другомъ дѣятелѣ ихъ, даже не въ виновникахъ ихъ основанія, а въ общемъ духѣ и организмѣ нашего общества. Когда въ общественномъ развитіи наступаетъ новая пора, неужели представители старыхъ учрежденій должны отстаивать ихъ только потому, что случайно принадлежатъ къ нимъ въ данную минуту? Такая мысль была бы для депутатовъ другихъ учебныхъ заведеній болѣе оскорбительна, нежели неопровержимая истина, на сторонѣ которой долженъ быть всякій, понимающій цѣну просвѣщенія, а тѣмъ болѣе всякій представитель науки. Развѣ въ заявленіи о превосходствѣ университетскаго образованія заключается охужденіе другихъ учебныхъ заведеній? Развѣ самое присутствіе этого собранія депутатовъ не было краснорѣчивымъ выраженіемъ общаго признанія значенія университетовъ? Развѣ юбилеи высшихъ закрытыхъ заведеній когда-либо празднуются съ такимъ почетомъ, какъ юбилеи университетскіе? Сознанное превосходство этихъ высшихъ разсадниковъ науки никакъ не можетъ служить указаніемъ къ закрытію другихъ учебныхъ заведеній. Даже и отживающія учрежденія не могутъ быть уничтожаемы вдругъ; сперва они подлежатъ преобразованію, и въ этомъ новомъ видѣ могутъ еще долго существовать съ пользою, служа переходомъ къ новому порядку вещей. Никто не станетъ отрицать, что въ настоящемъ положеніи русскаго общества закрытыя заведенія могутъ еще быть полезны и нужны; вопросъ — только въ ихъ устройствѣ и въ правахъ, которыя должны принадлежать имъ.

Теперь изложу въ немногихъ словахъ, почему высоко ставлю университетское образованіе.

1. Никакой путь ученія не можетъ замѣнить той постепенности въ развитіи умственныхъ способностей и въ пріобрѣтеніи знаній, какая доставляется послѣдовательно гимназіею и университетомъ.

2. Только на этомъ пути широкое общее образованіе подготовляетъ надлежащую почву для спеціальнаго, которое каждый, по окончаніи перваго, можетъ избрать съ достаточнымъ сознаніемъ своихъ способностей и наклонностей. Неудобства преждевременнаго опредѣленія будущей карьеры испыталъ я на самомъ себѣ, когда, по выходѣ изъ Царскосельскаго лицея, долженъ былъ поступить въ канцелярскіе чиновники и четыре года переписывать бумаги, тогда какъ я чувствовалъ сильнѣйшее влеченіе къ учено-литературной дѣятельности. Ко-

нечно, еслибъ я смолоду получилъ университетское образованіе, то не потерялъ бы времени на позднее приготовленіе къ своему настоящему призванію и сдѣлалъ бы гораздо болѣе. Едва-ли между бывшими воспитанниками высшихъ закрытыхъ заведеній (разумѣю людей мыслящихъ) найдется много такихъ, которые бы не чувствовали недостаточности своего научнаго образованія, если имъ не удалось во-время пополнить его. Даже и въ самыхъ стѣнахъ лицея, въ мое время воспитанники ясно сознавали превосходство образованія, получаемаго въ университетахъ, и умѣли цѣнить тѣхъ профессоровъ, которыхъ лекціи походили на университетскія.

3. Постепенность въ пріобрѣтеніи знаній и переходъ отъ общеобразовательныхъ къ спеціальнымъ обусловливаетъ основательность тѣхъ и другихъ, которая достается гораздо труднѣе, когда въ ученіи господствуетъ либо слишкомъ энциклопедическій характеръ, либо преждевременно спеціальное содержаніе. Университетскій профессоръ, не будучи обязанъ непремѣнно сообщить извѣстную мѣру знаній въ опредѣленный срокъ, имѣетъ возможность читать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя части своей науки съ особенною подробностію, захватывать предметъ глубже, разработывать его критически, по источникамъ, указывать самые пріемы самостоятельныхъ работъ и такимъ образомъ способствовать къ развитію своихъ слушателей гораздо болѣе, нежели на-сколько это во власти преподавателя закрытыхъ заведеній.

4. Лекціи, слушаемыя въ университетѣ по выбору студента, при возможности умственнаго между ними отдыха и самостоятельныхъ занятій или систематическаго чтенія, усвоиваются надежнѣе тѣхъ, которыя въ закрытыхъ заведеніяхъ обыкновенно слѣдуютъ одна за другой почти безъ промежутковъ и посѣщаются обязательно. Правда, этотъ порядокъ не составляетъ необходимой и существенной принадлежности закрытыхъ заведеній и можетъ быть измѣненъ тамъ, гдѣ онъ существуетъ; но затѣмъ все-таки еще останется въ нихъ довольно такого, что не подлежитъ измѣненію. Такъ, напримѣръ, въ университетахъ свобода и самостоятельность занятій влечетъ за собою общее уваженіе къ наукѣ и труду, которое въ закрытыхъ заведеніяхъ свойственно только немногимъ избраннымъ, да и тѣ не всегда могутъ открыто и вполнѣ удовлетворять своей любви къ ученію.

5. Наконецъ, самая продолжительность гимназическаго и университетскаго курсовъ, окончаніе которыхъ, въ ихъ совокупности, совершается уже въ возрастѣ довольно зрѣломъ, отличаетъ ихъ по бо́льшей части отъ курса закрытыхъ заведеній, гдѣ воспитанники обыкновенно кончаютъ свое ученіе для вступленія на службу не позже 20 лѣтъ отъ роду.

Во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ я разсматриваю образованіе того или другого рода только въ идеѣ, не касаясь частныхъ случаевъ и сто-

ронних̀ъ вопросовъ. Понятно, что для полнаго достиженія своей цѣли университеты должны быть прежде всего вполнѣ достойны своего названія: съ одной стороны, необходимо, чтобы всѣ каѳедры ихъ были заняты, чтобы курсы читались по возможности безъ большихъ перерывовъ и чтобы преподаватели, если не всею своею дѣятельностью, то по крайней мѣрѣ самою значительною ея частью принадлежали университету, чтобы они относились къ своему дѣлу добросовѣстно, съ горячею любовью къ наукѣ и къ молодости, съ постояннымъ и неутомимымъ стремленіемъ къ самоусовершенствованію и расширенію собственныхъ своихъ знаній. Съ другой стороны, и для поступающихъ въ университетъ слушателями необходима надлежащая степень подготовки, умственной и нравственной зрѣлости, вынесенная изъ гимназіи или домашней среды: все чуждое наукѣ и мирной ея разработкѣ должно быть далеко отъ университетской аудиторіи, и сами студенты должны быть проникнуты заботою о разумномъ употребленіи предоставленной имъ свободы занятій, объ уваженіи къ законности и порядку. Только при такихъ условіяхъ русскимъ университетамъ можетъ предстоять будущность; вопросъ объ основательной подготовкѣ русскихъ студентовъ есть вмѣстѣ и вопросъ русскаго просвѣщенія.

РѢЧЬ ПРИ ВЫПУСКѢ XXI-ГО КУРСА ИЗЪ ИМПЕРАТОРСКАГО АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ [1]).

1856.

Ваше Императорское Высочество и Милостивые Государи!

Сегодня собраны здѣсь въ послѣдній разъ юноши, покидающіе Лицей для вступленія на разные пути жизни. Сколько въ нихъ соединено предъ нами надеждъ, сколько разнородныхъ свѣдѣній и способностей! Черезъ нѣсколько мгновеній они разойдутся для дѣятельности и судьбы, столь же различныхъ! Въ этотъ торжественный часъ послѣдняго ихъ соединенія между собою и прощанія съ заведеніемъ, ихъ воспитавшимъ, съ ихъ начальниками и наставниками, да будетъ мнѣ позволено занять на полчаса вниманіе достопочтенныхъ слушателей напутною рѣчью быв-

[1]) Произнесенная на торжественномъ актѣ 6 іюня 1856 г. см. Памятная книжка Лицея 1856—57 г. Спб.

шимъ питомцамъ Лицея. Никакой предметъ изъ области науки не могъ бы имѣть прямого отношенія къ настоящему случаю. На порогѣ дѣйствительной жизни не всего ли приличнѣе встрѣтить ихъ бесѣдою о жизни? Пусть послѣднее слово, которое они услышатъ отъ бывшаго своего наставника, устремитъ мысли ихъ къ будущему и западетъ имъ въ душу плодотворнымъ воспоминаніемъ.

Не думайте, благородные юноши, что вы уже кончили свое воспитаніе. Теперь начинается для васъ воспитаніе болѣе трудное и болѣе строгое. Не глядите на жизнь легкомысленно: не ждите отъ нея однихъ успѣховъ и радостей. Для многихъ въ ней кроются и обманутыя надежды и огорченія, для всѣхъ — испытанія. Съ этими строгими спутниками она отнынѣ становится вашею наставницею; но чтобы ея важные уроки вполнѣ достигали цѣли, къ тому необходимо и собственное ваше содѣйствіе.

Итакъ предъ вами теперь великая задача, заключающаяся въ многозначительномъ словѣ: самоусовершенствованіе или, вѣрнѣе, самовоспитаніе. Задача эта лежитъ на всякомъ взросломъ человѣкѣ; но сколь не многіе сознаютъ и выполняютъ ее! Вамъ, пріобрѣтшимъ многостороннія знанія, непростительно было бы принадлежать къ обширному разряду людей, безпечно предающихся потоку жизни, не помышляя о ея значеніи.

Я сказалъ, что вы отсюда выносите *многостороннія свѣдѣнія*; я не рѣшился сказать: *многостороннее образованіе*. Не будемъ, увлекаясь общепринятымъ языкомъ, во зло употреблять это слово: смыслъ его слишкомъ важенъ! Вы приняли въ Лицеѣ сѣмена образованія, и сѣмена обильныя; но вамъ предлежитъ еще трудъ возрастить ихъ такъ, чтобы въ душѣ вашей созрѣлъ прекрасный плодъ образованія. Кого назовемъ мы истинно образованнымъ? Того ли, кто знаетъ разныя науки, говоритъ на разныхъ языкахъ, умно и пріятно разсуждаетъ обо всемъ и, обладая привлекательными формами въ обращеніи, умѣетъ занимать общество? Какъ часто подъ этимъ наружнымъ лоскомъ скрывается сердце порочное или низкое, умъ поверхностный, характеръ слабый! Какъ часто знатокъ наукъ и языковъ является въ своемъ семействѣ мелочнымъ и неуживчивымъ, а салонный ораторъ, побѣдитель сердецъ, при первой встрѣчѣ съ искушеніемъ, малодушно падаетъ, становится рабомъ своихъ страстей. Образованный въ глазахъ свѣта, онъ тогда передъ судомъ истины ничтожнѣе человѣка безъ всякаго воспитанія, но съ врожденнымъ нравственнымъ чувствомъ и страхомъ Божіимъ въ сердцѣ. Знанія, ловкость обхожденія свѣтскаго составляютъ принадлежность ума и соображенія, а умъ только одна изъ способностей духа; и потому въ этихъ условіяхъ заключается одна лишь сторона образованности. Душу дополняютъ чувство и воля: такъ

и для полноты образованія необходимы, сверхъ знаній, во-1-хъ, совершенное развитіе чувства нравственнаго и эстетическаго, — во-2-хъ, развитіе характера, какъ представителя воли. Образованъ въ полномъ смыслѣ тотъ, кто, обладая свѣдѣніями, болѣе основательными, нежели обширными, вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ имъ цѣну, понялъ всю ихъ недостаточность и подкрѣпивъ ихъ другими силами духа, достигъ въ самомъ себѣ такой гармоніи, которая отражается во всѣхъ сторонахъ его жизни: каково бы ни было его званіе, каковъ бы ни былъ родъ его способностей и дѣятельности, онъ прежде всего *человѣкъ*,— во всѣхъ его помышленіяхъ и дѣлахъ отражается человѣкъ въ лучшемъ своемъ значеніи.

Такое образованіе не бываетъ удѣломъ ранней молодости, и самое превосходное училище, ни даже университетъ, не могутъ сообщить его: тому противится самый возрастъ воспитывающихся. Такъ и вамъ, которымъ выпалъ жребій получить воспитаніе въ одномъ изъ первыхъ учебныхъ заведеній нашихъ, но которые не прожили еще и двухъ десятилѣтій, и вамъ остается еще много трудиться и многое испытать для довершенія своего образованія. Взглянемъ на поприще, которое вы должны пройти, чтобъ достигнуть этой цѣли.

Изъ родительскаго дома, конечно, почти всякій приноситъ въ училище нѣкоторую мягкость чувства: прекрасный даръ юности, который должно хранить и лелѣять какъ нѣжную почку дорогого цвѣтка, потому что этотъ первенецъ души бываетъ и опорою религіознаго настроенія и источникомъ самыхъ благородныхъ побужденій. Онъ поддерживаетъ святую любовь сына къ родителямъ, онъ рождаетъ въ молодомъ сердцѣ высокую потребность дружбы истинной и безкорыстной. Но приходитъ возрастъ именно тотъ, въ которомъ вы теперь находитесь, когда эта благодатная чувствительность встрѣчаетъ опаснаго врага въ юношескомъ сознаніи собственной силы, въ развитіи умственныхъ способностей. Какъ часто въ этой порѣ чувство силы производитъ самонадѣянность и высокомѣріе, а они влекутъ за собою очерствѣніе сердца, отсутствіе всякой любви, а, наконецъ, и безвѣріе. Вотъ чего, друзья мои, вы должны всего болѣе бояться! Какъ часто молодой человѣкъ, получившій блестящее воспитаніе, при возвращеніи подъ родимый кровъ, смотритъ съ пренебреженіемъ на все, что̀ его тамъ окружаетъ, и въ мечтѣ о превосходствѣ своего образованія, доходитъ даже до охлажденія своихъ сыновнихъ чувствъ. Скоро и храмъ Божій уже не влечетъ его къ себѣ, и призывный гулъ колоколовъ, сперва еще пробуждавшій въ немъ сладостныя воспоминанія дѣтства, уже ничего не говоритъ его сердцу. Но онъ поклоняется счастью и его любимцамъ, онъ втайнѣ мечтаетъ о власти и почестяхъ. И счастье награждаетъ своего искателя: его честолюбіе удовлетворено... Но гдѣ же, въ его отношеніяхъ къ людямъ, это теплое участіе, въ которомъ

такъ нуждается всякій, прибѣгающій къ лицу, взысканному судьбою,— это человѣколюбіе, умѣющее понять положеніе каждаго, и готовое подать руку помощи каждому, кто ищетъ его опоры? Гдѣ же уваженіе къ добру, независимо отъ внѣшней обстановки, уваженіе ко всему высокому и прекрасному въ духовномъ мірѣ? Сердце этого счастливца когда-то билось лучшими побужденіями юности; но ему теперь некогда возвращаться къ прошлому; всѣ нѣжныя ощущенія заглохли въ пустынѣ сердечной, гдѣ имъ не было пищи, увяли, изсохли подъ холоднымъ дуновеніемъ тлетворной страсти любочестія.

Свѣтъ, въ который вы вступаете, исполненъ опасностей для сердца. Первымъ врагомъ чувства я представилъ вамъ юношескую самонадѣянность со всѣми ея послѣдствіями. Вторымъ назову чувственность; ея влеченія—неизбѣжный спутникъ молодости. Въ этомъ отношеніи особенно гибельнымъ можетъ сдѣлаться примѣръ: предостерегаю васъ противъ его могущественнаго вліянія. Но чѣмъ же предохранить себя отъ дѣйствія этихъ двухъ непріязненныхъ силъ? Друзья мои, надобно поддерживать въ сердцѣ своемъ любовь ко всему, что́ любви достойно. Какъ это повидимому легко, но какъ оно въ самомъ дѣлѣ трудно, — трудно потому, что требуетъ теплоты душевной, а теплоту сохранять мудрено посреди мертвящаго холода свѣта. Любите Бога и родителей, имѣйте друга; любите то, что вы любили смолоду, когда душа ваша была чиста, любите науку и искусство, и все прекрасное, все дѣльное, и вы устоите противъ искушеній охлаждающаго высокоумія, унижающей чувственности.

Такое спасительное настроеніе души относятъ къ тройному чувству: религіозному, нравственному и эстетическому. Неиспорченный юноша, какъ уже видно изъ предыдущаго, долженъ заботиться только о сохраненіи и дальнѣйшемъ развитіи въ себѣ этихъ духовныхъ сокровищъ. Послѣднее — чувство эстетическое — требуетъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ замѣчаній. Стремленіе къ прекрасному составляетъ отличительное свойство пылкой молодости, но сознаніе истинно прекраснаго принадлежитъ позднѣйшему возрасту и зависитъ отъ вѣрнаго вкуса, который долженъ быть напередъ воспитанъ и образованъ. Указать для этого правила невозможно: нужна только готовность наслаждаться прекраснымъ, нужно сердце, открытое для лучшихъ впечатлѣній; надобно не только не избѣгать случаевъ къ эстетическимъ удовольствіямъ, но искать ихъ, и тогда умѣнье постигать, цѣнить прекрасное, вкусъ тонкій и образованный мало-по-малу разовьются сами собою. Разумѣю здѣсь прекрасное въ природѣ и въ искусствѣ. Что касается до красоты въ мірѣ нравственномъ, то ее благородная молодая душа чуетъ безсознательно, инстинктивно. Здѣсь нужно только прислушиваться къ тайному голосу сердца и неуклонно повиноваться его святымъ откровеніямъ. Будьте только вѣрны самимъ себѣ, каковы были вы въ дни

пламенныхъ стремленій къ идеалу, въ дни безотчетнаго воодушевленія къ благу, къ истинѣ и красотѣ, въ тѣ дни, которые вы конечно знали и еще будете знать, и о которыхъ одно воспоминанье такъ спасительно для души: тогда все безобразное, гнусное въ области духовной будетъ внушать вамъ отвращеніе, — все чистое и высокое находить въ васъ живой отголосокъ, и въ душѣ вашей будетъ свѣтло, какъ на зарѣ ея бытія.

Вѣнцомъ духовнаго развитія человѣка бываетъ неизмѣнное направленіе воли,—то, что называютъ *характеромъ*. Начало ему полагается конечно еще въ юношескіе годы, и въ этомъ отношеніи справедливо отдаютъ преимущество общественному воспитанію предъ домашнимъ. Но развитіе и окончательное образованіе характера совершается послѣ, въ школѣ жизни и опыта; онъ обнаруживается не столько въ чувствахъ и помышленіяхъ, какъ *въ дѣлахъ*. Характеръ заключается въ постоянномъ, опредѣленномъ образѣ дѣйствій, основанномъ на неизмѣнныхъ правилахъ. Тотъ, въ дѣйствіяхъ котораго нѣтъ такого постоянства, называется безхарактернымъ, слабымъ; но о человѣкѣ съ характеромъ можно напередъ знать, что онъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ поступитъ такъ, а не иначе. Основаніе характера составляютъ твердыя убѣжденія — плодъ вполнѣ развитаго религіозно-нравственнаго чувства, вѣрныхъ понятій и зрѣлыхъ познаній. Этому противится слабость человѣка, заставляющая его безпрестанно заботиться о видимыхъ благахъ вмѣсто истинныхъ, о своемъ внѣшнемъ благосостояніи, о своихъ наслажденіяхъ и удобствахъ, о своемъ положеніи въ свѣтѣ. Этимъ-то кумирамъ приносятся жертвы на счетъ сокровищъ болѣе существенныхъ: изъ-за матеріальныхъ пріобрѣтеній и выгодъ почти всѣ упускаютъ духовныя; изъ угожденія людямъ, отказываются отъ человѣческаго достоинства; стремясь къ спокойствію и независимости въ отдаленномъ будущемъ, лишаютъ себя того и другого въ настоящемъ, — какъ скупецъ, алкая богатства, добровольно налагаетъ на себя оковы бѣдности и нужды. Знать многое и знать хорошо еще недостаточно для образованія характера. Корень, на которомъ онъ вырастаетъ, есть любовь къ Богу и къ нравственному совершенству. Достигнуть этой опредѣленности разумнаго существа способенъ только тотъ, кто за всѣми случайными и мгновенными цѣлями здѣшней жизни видитъ одну необходимую и вѣчную цѣль, для которой мы созданы — самоусовершенствованіе для жизни высшей. Стремленіе къ этой цѣли сопряжено съ безпрерывнымъ трудомъ, съ лишеніями и борьбою: надобно бороться и съ самимъ собой, съ своими наклонностями, съ искушеніями; надобно бороться и съ обстоятельствами, съ людьми, съ свѣтомъ. Но къ чему, можете вы сказать, столько усилій, напряженій, страданій? не лучше ли беззаботно предаться игрѣ страстей, стремясь къ тому, что́ насъ влечетъ, падая иногда и снова поднимаясь?

Удовлотворяться такою жизнію, лишенною всякой самостоятельности, можетъ только духъ мелкій и слабый, какихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много въ свѣтѣ; но тотъ, кто при рожденіи получилъ благодать силы душевной, и въ комъ послѣ воспитаніе утвердило благое направленіе, тотъ будетъ самъ чувствовать потребность къ этой борьбѣ, безъ которой нѣтъ не только величія и достоинства, но и одного самоуваженія, перваго условія счастія для души, сколько-нибудь возвышенной. Въ такой борьбѣ крѣпнетъ воля и въ побѣдѣ надъ собою заключается истинная сила мужа, которую иные ошибочно полагаютъ въ какой-то грубости формъ, въ нескромности, въ рѣшительномъ и поспѣшномъ или даже шумливомъ проявленіи своей воли. Сила мужа даже не существенно состоитъ въ перенесеніи страданій душевныхъ и тѣлесныхъ: въ этомъ отношеніи слабая женщина нерѣдко превосходитъ насъ; сила мужа, повторяю, всего болѣе оправдываетъ себя въ самообладаніи.

Показавъ, что̀ предлежитъ вамъ въ отношеніи къ чувству и характеру, обращаюсь къ степени умственнаго развитія, на которой вы теперь находитесь. Юношескій умъ еще далекъ отъ зрѣлости; о многомъ онъ судитъ еще поверхностно и невѣрно; пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія, какъ бы ни были они разнообразны, еще не довольно тверды и глубоки, потому что не подкрѣпляются опытомъ. Въ настоящее время вы не можете вполнѣ оцѣнить справедливости этихъ словъ, но придетъ пора, когда вы сами убѣдитесь въ истинѣ ихъ. Вспомните, что вы еще въ томъ возрастѣ, когда многіе только-что начинаютъ университетское образованіе и посвящаютъ ему нѣсколько лѣтъ; вспомните, что величайшій мудрецъ древняго міра въ томъ только ставилъ свое превосходство надъ другими философами, что онъ сознавалъ ничтожество своихъ свѣдѣній, говоря: „я знаю только то, что ничего не знаю“. Каковы же, предъ судомъ такого ума, должны быть юношескія познанія? Но они не только слабы по своей незрѣлости: и самая мѣра ихъ не достаточна для жизни. Вы пріобрѣли значительный запасъ общихъ приготовительныхъ свѣдѣній: теперь надобно ихъ упрочить и разработать. Государство, въ довѣренности къ данному вамъ воспитанію, принимаетъ васъ въ составъ свой, какъ зрѣлыхъ гражданъ; но вамъ остается еще много трудиться надъ самими собой, чтобъ заслужить это довѣріе. Всякій, въ назначенномъ ему кругѣ дѣйствія, долженъ честно и добросовѣстно расширять и углублять потребныя преимущественно для этого круга свѣдѣнія. Ужели вы захотите уподобиться ученику, который, не помня себя отъ радости послѣ конченнаго экзамена, передъ отпускомъ къ родителямъ, рветъ и бросаетъ наскучившія ему книги и тетради, забывая, что черезъ нѣсколько недѣль онѣ ему опять понадобятся? Такъ же, хоть не столь ребячески, мыслятъ тѣ, которые, вступая въ свѣтъ, полагаютъ, что

имъ уже не нужно учиться и дополнять познанія, сообщенныя имъ въ училищѣ. Они считаютъ достаточнымъ, внѣ часовъ, занятыхъ службою, питать свой умъ такъ называемымъ легкимъ чтеніемъ, современными романами и повѣстями, газетами и развѣ еще журнальною критикой, чтобы, какъ говорится, слѣдить за литературой. Но какая это скудная пища для ума серьёзнаго и любознательнаго! Любознательность, конечно, всѣмъ вамъ болѣе или менѣе свойственна; она во всѣхъ васъ пробуждена наукою и чтеніемъ. Не давайте ей только ослабѣть и уснуть отъ примѣра людей, которые тьму предпочитаютъ свѣту, отъ убійственной суетности и отъ вліянія нѣкоторыхъ предубѣжденій. Одно изъ такихъ предубѣжденій есть распространенная въ обществѣ страсть къ новизнѣ. То, что не ново въ области литературы, считаютъ и нестоящимъ вниманія. Если вы мнимому любителю чтенія, жалующемуся на недостатокъ книгъ, предложите геніальное произведеніе прошлыхъ десятилѣтій, — не говорю уже: столѣтій — онъ вамъ презрительно отвѣтитъ: „какое старье!“ а между тѣмъ это старье никогда не бывало въ его рукахъ! Оттого превосходнѣйшія творенія прошедшихъ вѣковъ остаются неизвѣстными большей части нашихъ современниковъ. О новости произведеній литературы должны мы судить по отношенію къ намъ самимъ, а не къ времени, въ которое живемъ. Все прекрасное, созданное геніемъ, есть достояніе человѣчества, и мы не должны добровольно лишать себя этихъ плодовъ образованія, потому только, что они не принадлежатъ нашей эпохѣ. Какъ много между ними такихъ, которые несравненно выше всего, что пишется въ наше время, которыхъ дѣйствіе на умъ, сердце и вкусъ гораздо благотворнѣе, нежели прочтеніе цѣлыхъ десятковъ современныхъ разсказовъ, или фельетонныхъ статей. Другое предубѣжденіе нашего времени придаетъ слишкомъ много важности чтенію газетъ, которыя часто поглощаются совсѣмъ не изъ любознательности, а изъ суетнаго желанія щеголять знаніемъ всякой свѣжей новости и не дать другому упредить себя въ сообщеніи какого бы ни было извѣстія. За явленіями политическаго и духовнаго міра, конечно, каждый образованный человѣкъ долженъ слѣдить въ извѣстной мѣрѣ: это для него одна изъ живыхъ потребностей. Но если такое занятіе наполняетъ слишкомъ большую долю его жизни, то онъ не успѣваетъ уже удовлетворять инымъ, столько же важнымъ интересамъ ума и особенно для другого чтенія почти не остается свободныхъ минутъ. А между тѣмъ во сколько разъ занимательнѣе, напримѣръ, картина прошедшаго, изображаемая намъ строгою исторіею. Черты настоящаго, предлагаемыя намъ газетами, не только не образуютъ полной его картины, но заключаютъ въ себѣ одни отрывочные и очень часто загадочные матеріалы для составленія такой картины въ будущемъ. Это повѣсть безъ развязки, составляющаяся изъ недосказанныхъ словъ, заключающая въ себѣ много увле-

кательныхъ строкъ, но еще болѣе общихъ мѣстъ, многословныхъ тирадъ, скучныхъ повтореній и, гдѣ мы, къ сожалѣнію, сверхъ того нерѣдко встрѣчаемъ ложь, противорѣчія и сплетни. Итакъ слишкомъ усердное чтеніе газетъ столько же гибельно для времени, сколько, съ другой стороны, совершенное незнакомство съ ними противно образованности.

Одно изъ благороднѣйшихъ наслажденій доставляется намъ, еще и въ зрѣломъ возрастѣ, созерцаніемъ въ твореніяхъ лучшихъ писателей, разнообразныхъ явленій міра насъ окружающаго. Здѣсь обильную пищу душѣ приносятъ не одни труды мысли, но и плоды творческой фантазіи. Да не изсякнетъ въ васъ любовь къ поэзіи посреди житейскихъ заботъ, служебныхъ занятій, людскихъ страстей! Строгая, но и холодная дѣятельность чиновника или ученаго заставляетъ часто того и другого смотрѣть на поэзію, какъ на игрушку воображенія, годную только для юности или для праздности. Не увлекайтесь этимъ поверхностнымъ взглядомъ людей съ изсохшею душею. Дорожите всегда прекраснѣйшимъ искусствомъ, которое нѣкогда процвѣтало въ Лицеѣ, и до сихъ поръ высоко въ немъ цѣнится. Не къ творчеству въ поэзіи приглашаю васъ — и мысль о немъ должна быть далека отъ непризванныхъ; — но пусть поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ, а особенно наши отечественные поэты продолжаютъ воспитывать ваше эстетическое чувство, согрѣваютъ вашу душу, доставляютъ вамъ отраду и утѣшеніе въ заботахъ, огорченіяхъ и разочарованіяхъ жизни. Вообще русской литературѣ законно принадлежитъ преимущественное право на ваши досуги. Пренебрежете ли вы ею за то, что она не такъ богата, какъ другія болѣе счастливыя литературы Европы? Но она намъ родная и должна быть тѣмъ милѣе всякому русскому, что не только для будущаго ея, но и для изученія ея прошлаго еще такъ много остается сдѣлать; она нуждается не только въ дѣятеляхъ, но и въ любителяхъ.

Такимъ образомъ, часть вашихъ досуговъ наполнится благородными и плодотворными наслажденіями умственными, ими украсится вашъ домашній міръ. Въ жизни каждаго изъ насъ можно отличить три отдѣльныя сферы: служебную, общественную и домашнюю. Разсмотрѣнію ихъ посвятимъ послѣднія минуты нашей бесѣды. Начнемъ съ дома, какъ съ поприща, которому мы прежде всего принадлежимъ.

Счастливы тѣ изъ васъ, которые при вступленіи въ свѣтъ возвращаются въ домъ родительскій или входятъ въ семейство родныхъ. Правда, имъ предстоитъ болѣе обязанностей, но зато и болѣе отрадъ. Жизнь домашняя слагается изъ множества элементовъ; но это по преимуществу сфера для дѣятельности сердца. Если мы поставимъ въ паралель три разсмотрѣнныя нами стороны духа съ тремя сейчасъ названными сторонами жизни, то найдемъ, что, хотя духъ нераздѣльно дѣйствуетъ въ каждой изъ послѣднихъ, однакожъ, дому предпочти-

тельно соотвѣтствуетъ чувство, обществу — умъ, а службѣ — характеръ. Домъ есть въ собственномъ смыслѣ школа самоусовершенствованія: здѣсь отношенія къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ, даже къ слугамъ безпрестанно заставляютъ насъ обнаруживать самыя тайныя побужденія, самые глубокіе изгибы сердца. Здѣсь — не такъ, какъ въ обществѣ — нельзя *казаться* однимъ, а *быть* другимъ, нельзя носить маски, нельзя улыбаться и быть веселымъ, когда въ сердцѣ мракъ и горечь. Домашній міръ, семейное счастье возможны только тогда, когда взаимными отношеніями управляютъ лучшія чувства сердца человѣческаго. Семья — начало государства; гдѣ два человѣка сойдутся для общежитія, тамъ одинъ изъ нихъ уже долженъ отказаться отъ нѣкоторой доли своей свободы, своихъ личныхъ стремленій въ пользу другого; тѣмъ болѣе это необходимо въ семействѣ. Какое поприще для упражненія духа въ самоотверженіи, въ уступчивости, въ обладаніи надъ своими страстями! Только тотъ, кто умѣетъ управлять собою, въ комъ всѣ движенія сердца чисты и благородны, можетъ вполнѣ наслаждаться семейною жизнью. Зато сколько она доставитъ ему утѣшеній въ неудачахъ свѣта, сколько вознагражденій за всѣ внѣшнія тревоги и огорченія! Этого блага будутъ лишены тѣ изъ васъ, которые въ домашнемъ мірѣ осуждены на одиночество. Но тѣмъ болѣе будетъ у нихъ возможности продолжать образованіе своего ума усладительными и благотворными для души занятіями, и они должны тѣмъ усерднѣе пользоваться этою возможностью, для избѣжанія скуки и праздности и пагубныхъ развлеченій, которыхъ онѣ заставляютъ искать.

Жизнь семейная налагаетъ на насъ строгіе законы; но зато она исполняющему ихъ даритъ нравственное довольство и истинное счастье. Не таково общество: оно требуетъ отъ насъ большихъ жертвъ, но вознаграждаетъ за нихъ скудно и обманчиво; оно беретъ много, а даетъ мало. Кто желаетъ играть въ немъ роль, кто ищетъ его благосклонности, кто дорожитъ его удовольствіями, тотъ долженъ часто измѣнять обязанностямъ семейной жизни или своего внѣшняго круга дѣйствія. И что-жъ? благосклонность общества прихотлива и непрочна; на угожденіе его суетнымъ требованіямъ надо посвящать много времени, надо отказываться отъ наслажденій болѣе существенныхъ. Шумныя удовольствія, даруемыя свѣтомъ, не оставляютъ въ душѣ ничего, кромѣ пустоты, и имѣютъ только то благое дѣйствіе, что тѣмъ самымъ пробуждаютъ затаенную въ насъ потребность болѣе истинныхъ благъ. Но общество представляетъ и другую, болѣе утѣшительную сторону: оно открываетъ намъ возможность пріятнаго обмѣна мыслей, отраднаго участья сердца, благородныхъ привязанностей и чистыхъ удовольствій, доставляемыхъ созерцаніемъ добра въ другихъ, оцѣнкою чужого достоинства. Отсюда слѣдуетъ, что совершенно избѣгать общества — было бы непростительною ошибкою, значило бы лишать себя прекрасной стороны

жизни. Нельзя отвергать въ немъ важной образовательной силы, которою и должно пользоваться, ища въ общественной жизни освѣжительнаго развлеченія отъ трудовъ и заботъ, сопровождающихъ всякую дѣятельность. Но служить, поклоняться обществу, какъ кумиру — вотъ заблужденіе, столько же опасное для сердца, какъ и для счастья; для исключительныхъ жрецовъ своихъ оно становится гибельною школою суетности и тщеславія и неблагодарно казнитъ презрѣніемъ и клеветою тѣхъ, которые въ немъ искали единственной своей отрады, и во вниманіи его, въ успѣхахъ предъ нимъ полагали главную цѣль свою.

Наконецъ, перейдемъ къ службѣ. Къ этому поприщу лицейское воспитаніе спеціально готовило васъ, и потому здѣсь вы должны преимущественно оправдать попеченія правительства и начальства о вашей юности; здѣсь наиболѣе должны вы обнаружить любовь къ труду постоянному и полезному, пониманіе святости долга, составляющее существенное основаніе и условіе всякой доблести въ государствѣ; здѣсь обширное поле и для способностей, для знаній вашихъ — въ гражданской дѣятельности, и для характера — въ согласованіи ея съ вашими убѣжденіями, въ сохраненіи вашего нравственнаго достоинства; и для чувства — въ преданности и благодарности Царю, въ любви къ отечеству и къ согражданамъ, въ соблюденіи правды, въ доставленіи помощи и опоры вашей тѣмъ, которые будутъ въ ней нуждаться. Нашъ просвѣщенный и благодушный Монархъ неусыпно печется о возвышеніи благосостоянія Россіи, о распространеніи въ ней образованности и добрыхъ нравовъ, объ укорененіи во всѣхъ сословіяхъ уваженія къ обязанности и привычки къ совѣстливому ея выполненію. Пусть каждый изъ васъ, по мѣрѣ силъ своихъ, будетъ содѣйствовать къ достиженію цѣли мудрыхъ попеченій Государя. Да не будутъ въ службѣ главными предметами вашихъ усилій — успѣхъ ея для васъ самихъ, лестныя награды, такъ называемая *карьера*, наслажденіе обгонять другихъ въ чинахъ и титлахъ! Не будьте похожи на множество людей, которые въ жертву кумиру честолюбія приносятъ достоинство своего характера, и изъ угожденія тѣмъ, отъ кого зависитъ судьба ихъ, упускаютъ изъ виду свои важнѣйшія и священнѣйшія обязанности. Нѣтъ: идите въ путь съ готовностью не быть узнанными, не быть оцѣненными, даже съ увѣренностью, что истинная, но скромная заслуга рѣдко сознается и награждается по всей справедливости; имѣйте въ виду одно только: вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ, не смотря ни на какія внѣшнія выгоды, дѣйствовать благородно и добросовѣстно. Отечеству нужны безкорыстные поборники правды, нужны мужественные воины на полѣ чести гражданской: становитесь же твердо въ ряды этихъ воиновъ, подъ свѣтлыя знамена этой прекрасной борьбы: вамъ даровано государствомъ образованіе для того, чтобъ вы вѣрой и правдой служили государству: не могутъ между вами найтись измѣн-

ники долгу: иначе былъ бы позоръ образованію, позоръ наукѣ. Идите же въ путь долгій и трудный, молодые новобранцы правды и пользы гражданской, боритесь оружіемъ чести со всякимъ врагомъ ихъ явнымъ и тайнымъ, и не на устахъ только, но и въ сердцѣ носите многозначительный обѣтъ: служить по совѣсти Царю и Отечеству.

Только такимъ образомъ можете вы выразить всю глубокую благодарность, которою конечно преисполнено ваше сердце и къ Высокому Попечителю этого заведенія. Только такимъ образомъ можете воздать Ему за ту истинно-отеческую заботливость, съ которою Онъ неутомимо слѣдитъ за каждымъ лицейскимъ не только въ стѣнахъ заведенія, но и далеко за предѣлами ихъ, на томъ поприщѣ, какое каждый избралъ для своей дѣятельности. Да благословитъ же васъ Провидѣніе и да удержитъ васъ на прямомъ, хотя и трудномъ пути, который я въ этой прощальной бесѣдѣ старался указать вамъ.

РѢЧЬ ПРИ XXIII ВЫПУСКѢ ВОСПИТАННИКОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ [1]).

1859.

Послѣдніе годы вашего воспитанія относятся къ замѣчательному періоду въ ходѣ просвѣщенія Россіи, начавшемуся съ нынѣшнимъ достопамятнымъ царствованіемъ, и вы вступаете въ свѣтъ въ важный моментъ нашего общественнаго развитія. Въ стѣнахъ лицея до васъ долетали отголоски новыхъ идей и потребностей русскаго общества; вы не оставались чуждыми движенію, пробудившемуся въ нашей литературѣ; вы съ жадностью читали оживленныя новымъ духомъ страницы русскихъ газетъ и журналовъ.

Но при этомъ вы только увлекались общимъ стремленіемъ, не останавливаясь на этихъ явленіяхъ и не задавая себѣ вопроса: что̀ нужно, чтобы они сдѣлались дѣйствительно-важными и плодотворными. Теперь, когда вы готовитесь начать жить самостоятельною жизнію, я намѣренъ краткою бесѣдою съ вами облегчить вамъ пониманіе того, что̀ вокругъ насъ происходитъ, помочь вамъ отдать себѣ отчетъ въ той степени участія, какой общество имѣетъ право ожидать отъ васъ на пути къ своему усовершенствованію.

---

[1]) Произнесенная на торжественномъ актѣ въ лицеѣ 24 мая 1859 г. С.-Петербургскія Вѣдомости, 1859, № 138; Извѣстія II отдѣл. И. Ак. Н. т. VIII.

Въ истекшіе четыре года сказано много громкихъ, но и много правдивыхъ словъ о недостаткахъ нашего гражданскаго быта, пролито много желчи на эти недостатки; но сдѣлано ли что-нибудь самимъ обществомъ къ искорененію ихъ? Прежде всего, честь и благодарность правительству, допустившему откровенность въ обсужденіи нашего общественнаго состоянія. Самъ Государь Императоръ, обнаруживъ съ самаго восшествія своего на престолъ высокое стремленіе къ правдѣ, указалъ народу своему единственный путь, на которомъ для него возможно прочное преуспѣяніе. Тогда, ободренные примѣромъ вѣнценоснаго Покровителя просвѣщенія, всѣ истинно-образованные люди въ нашемъ отечествѣ оживились новыми надеждами, и литература наша съ одушевленіемъ заговорила о потребностяхъ русскаго общества.

Литература, какъ обыкновенно признаютъ, есть выраженіе общежитія. Нельзя предполагать, чтобы вся масса нашего общества вдругъ сознала свои недостатки; но въ голосѣ литературы, безъ сомнѣнія, отразилось воззрѣніе мыслящей части этого общества; изрѣдка слышались, правда, и голоса въ пользу неподвижнаго самодовольства, но эти голоса раздавались слабо, робко, уединенно и вскорѣ должны были умолкнуть. Житейская истина, сдѣлавшаяся, отъ частаго повторенія, пошлою, что сознаніе есть половина исправленія, пріобрѣтаетъ особенный интересъ въ примѣненіи къ обществу, начинающему пробуждаться отъ долгой нравственной дремоты. Но, милостивые государи, между сознаніемъ и дѣятельностью въ духѣ этого сознанія остается еще великое разстояніе, и я опасаюсь, что въ настоящемъ случаѣ этотъ промежутокъ долго не будетъ уничтоженъ, если наше молодое поколѣніе не приметъ къ сердцу самыхъ простыхъ и здравыхъ убѣжденій.

Осуждать чрезвычайно легко, и въ самомъ дѣлѣ, почему же не осуждать того, что достойно хулы, но надо, чтобы рядомъ съ осужденіемъ проявлялась и дѣятельность, которая давала бы право строго судить другихъ. Конечно, въ нашемъ обществѣ есть крупные недостатки, заслуживающіе безпощаднаго порицанія и гоненія. Ихъ давно преслѣдуетъ сатира; нужно ли называть ихъ? Они въ устахъ каждаго. Еще въ училищѣ современная намъ молодежь научается презирать взяточничество, произволъ, злоупотребленіе власти и права владѣнія, пристрастіе въ судахъ, спѣсь, основанную на однихъ внѣшнихъ отличіяхъ, наконецъ, всякую явную несправедливость и грубое невѣжество. Но видѣть въ темной сторонѣ нашихъ нравовъ одни рѣзко-выдающіеся недуги, или такъ называемыя язвы общества, не значитъ ли обнаруживать большую близорукость? И тотъ, кто удовольствуется преслѣдованіемъ ихъ, не будетъ ли походить на садовника, который, видя худую траву, станетъ срѣзать только стебли ея, а корни оставлять въ покоѣ?

Конечно, не всѣ мы лихоимцы, не всѣ мы злоупотребители власти,

гордецы и невѣжды, но вмѣсто того, чтобы, глядя съ презрѣніемъ на людей этого рода, подобно фарисею, благодарить Бога за то, что Онъ не далъ намъ сдѣлаться похожими на нихъ, не лучше ли намъ съ смиреніемъ мытаря низойти въ свое сердце и поискать въ немъ тайныхъ нитей, едва видимыхъ ростковъ, изъ которыхъ незамѣтно развиваются ненавистные пороки, принимающіе напослѣдокъ чудовищные размѣры? Здѣсь позволю себѣ обратить вниманіе ваше на нѣкоторыя довольно-обыкновенныя черты такого общества, которое, принявъ плоды просвѣщенія извнѣ, не успѣло еще вполнѣ усвоить себѣ сущность этого просвѣщенія.

Естественно, что въ глазахъ такого общества все *кажущееся* имѣетъ гораздо болѣе значенія, нежели *дѣйствительное*. Почти общая у насъ забота—*не быть* въ самомъ дѣлѣ, а только *казаться* тѣмъ или другимъ. Въ этомъ стремленіи заключается уже неправда, отражающаяся во всѣхъ отрасляхъ общественнаго быта, и въ воспитаніи, и въ государственной службѣ, и въ общежитіи. Молодого человѣка воспитываютъ по большей части не для того, чтобы онъ дѣйствительно сдѣлался знающимъ и образованнымъ, а для того, чтобы онъ казался такимъ, настолько, насколько это нужно для пріобрѣтенія извѣстныхъ правъ и положенія въ свѣтѣ. Въ такомъ духѣ, къ сожалѣнію, и самое молодое поколѣніе привыкаетъ смотрѣть на задачу своего воспитанія. Оттого, вообще говоря, въ нашемъ обществѣ рѣдки *люди:* русская нація, по даровитости своей, даетъ государству множество способныхъ чиновниковъ и вообще ловкихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ; но, повторяю, она образуетъ, сравнительно, слишкомъ мало людей, какъ моральныхъ личностей, вполнѣ развитыхъ, усвоившихъ себѣ твердое убѣжденіе и спеціально-приготовленныхъ для избранной каждымъ дѣятельности. У насъ,—какъ обыкновенно бываетъ въ молодыхъ обществахъ,—какъ-то легко смотрятъ на жизнь и на ея требованія: мы всѣ очень дорожимъ своими правами и твердо знаемъ ихъ, но о своихъ обязанностяхъ заботятся немногіе изъ насъ. Мы очень уважаемъ богатство, почести, блескъ всякаго рода, но мало обращаемъ вниманія на скромное достоинство, и когда случайно гдѣнибудь его откроемъ, то рѣдко умѣемъ, или хотимъ отличить его, потому что находимъ для себя полезнѣе поддерживать интересы другого рода, или боимся уронить себя въ глазахъ свѣта, который кумиромъ своимъ ставитъ успѣхъ. Скажу болѣе: какъ часто человѣкъ, извѣстный своею слишкомъ нестрогою нравственностью, своею недобросовѣстностью, или неспособностью, пользуется въ обществѣ величайшимъ почетомъ, вниманіемъ и знаками безусловнаго уваженія, потому только, что онъ, по какой-то ошибкѣ судьбы, осыпанъ ея ласками: онъ богатъ, знатенъ, живетъ въ высшемъ кругу и, можетъ быть, еще къ бо́льшему усиленію его вліянія, занимаетъ значительное мѣсто. И

напротивъ, какъ часто, рядомъ съ нимъ, честный гражданинъ, уже пріобрѣвшій нѣкоторыя заслуги предъ обществомъ, встрѣчаетъ со стороны его не только равнодушіе, но даже оскорбительное презрѣніе, потому что онъ не выдвигается изъ толпы своею внѣшнею обстановкой, да и не употребляетъ никакихъ особенныхъ усилій, чтобы выставить себя насчетъ другихъ. Вы можете возразить мнѣ, что это явленіе повторяется во всякомъ человѣческомъ обществѣ и нисколько не исключительно принадлежитъ нашему быту. Отвѣчаю: степень, въ какой общество обнаруживаетъ такую слабость человѣческой природы, означаетъ и степень развитія, на которой оно находится, и повѣрьте мнѣ, что чѣмъ глубже, истиннѣе и общѣе образованность государства, тѣмъ болѣе въ немъ уважается внутреннее достоинство, помимо всякихъ внѣшнихъ отличій, тѣмъ болѣе въ немъ подвергается нареканію и позору лицо, не оправдывающее честностію и благородствомъ своихъ правилъ и дѣйствій видное мѣсто, которое выпало на долю его.

Сдѣланное сейчасъ замѣчаніе приводитъ насъ къ несовершенству, наиболѣе распространенному въ обществѣ мало развитомъ: разумѣю нѣкоторый недостатокъ честности въ пониманіи своего долга. Это зло зараждается еще на школьной скамьѣ, когда въ томъ или другомъ учащемся нѣтъ убѣжденія въ пользѣ и необходимости труда, и онъ старается лживыми средствами похитить награду трудолюбія. Но не тотъ ли же недостатокъ честности должно признать и въ человѣкѣ, который въ государственной службѣ видитъ только средство къ своему собственному возвышенію, и въ отличіяхъ, которыя она приноситъ, видитъ не возмездіе за особыя заслуги, а какъ-бы обычную и условленную плату, которую государство обязалось выдавать поочередно всякому служащему? Сколько есть людей, весьма мало трудящихся по службѣ и между тѣмъ безпрестанно жалующихся, что они обижены, что другіе — ихъ сверстники — гораздо счастливѣе! Мы смотримъ на счастье этого рода, какъ на должную дань службы, независимо отъ нашихъ заслугъ, и недовольны судьбою, когда обманемся въ своихъ расчетахъ. — Спрашиваю: честно ли, разумно ли это, сообразно ли оно съ понятіями зрѣлаго общества?

Взглянемъ на себя теперь съ другой стороны. Произволъ и самовластіе, попирающіе законъ, возбуждаютъ въ насъ справедливое негодованіе; но не причастны лы мы сами этому злу въ болѣе мелкихъ его проявленіяхъ, въ нашемъ вседневномъ обращеніи съ низшими въ домашнемъ и служебномъ быту? Правда, нельзя не согласиться, что наше общество въ послѣднее время оказало замѣтный успѣхъ въ этомъ отношеніи. Самое слово *гуманность*, внезапно вторгнувшееся въ нашъ языкъ и, несмотря на насмѣшки, которымъ оно часто еще подвергается, болѣе и болѣе пріобрѣтающее у насъ право гражданства, служитъ отраднымъ свидѣтельствомъ перемѣны, происходящей въ

нашихъ нравахъ. Но эта перемѣна далеко еще не сдѣлалась общею; едва-ли она не ограничивается до сихъ поръ нѣкоторою частью нашего общества, да и тамъ нерѣдко гуманность болѣе уважается изъ приличія и для виду, нежели дѣйствительно соблюдается, какъ неизмѣнный законъ во всѣхъ гражданскихъ сношеніяхъ; она еще не проникла во всѣ закоулки нашего семейнаго и домашняго, а особенно служебнаго быта, и тамъ, гдѣ за нами не слѣдитъ зоркое око общественнаго мнѣнія, какъ охотно мы предаемся старымъ, закоренѣлымъ привычкамъ, какъ легко становимся притѣснителями въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ.

Есть понятія, которыя въ просвѣщенныхъ государствахъ до того сдѣлались общимъ достояніемъ націи, что входятъ тамъ какъ-бы въ духовную атмосферу ея и, уже начиная съ ранней молодости, признаются за непреложныя истины, но которыя у насъ составляютъ покуда только частное убѣжденіе немногихъ. Такова, между прочимъ, мысль о необходимости спеціальнаго приготовленія къ каждому роду дѣятельности. У насъ студенты разныхъ факультетовъ безпрестанно встрѣчаются на одномъ и томъ же поприщѣ, и словесникъ пользуется на немъ одинаковыми правами съ юристомъ. Мало того: высшее научное образованіе еще и не всегда считается необходимымъ условіемъ для занятія должностей. Такое снисхожденіе правительства въ отношеніи къ требованіямъ отъ служащихъ до сихъ поръ было вынуждаемо состояніемъ нашего просвѣщенія. Но теперь наступила пора, когда, вслѣдствіе пробуждающагося въ обществѣ сознанія, каждый членъ его долженъ уже самъ строго понимать свои обязанности и дополнять самостоятельнымъ, хотя и позднимъ ученіемъ, свое недостаточное школьное образованіе; особенно же всякій, кто становится главой семейства, долженъ стараться уберечь дѣтей своихъ отъ этого зла, которое иначе непремѣнно отзовется и въ ихъ будущей дѣятельности.

Вообще, какъ всегда, такъ и особенно въ настоящее время, каждый членъ общества долженъ всего болѣе заботиться о томъ, чтобы наилучшимъ образомъ *выполнять свое дѣло*. Въ такую эпоху, когда у всѣхъ встрепенулась мысль, когда явилось сознаніе въ стародавнихъ заблужденіяхъ и чувство новыхъ потребностей, естественно, что вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилась охота высказываться, и *слово* какъ-будто взяло перевѣсъ надъ *дѣломъ*: всѣ заговорили о томъ, что́ было, и о томъ, чему слѣдуетъ быть. Но подобное увлеченіе не должно быть слишкомъ продолжительнымъ; раскрывъ свои недостатки, перестанемъ довольствоваться одними словами и приступимъ къ самому дѣлу; мало отрекаться отъ стараго, на мѣсто его надо созидать новое. Но что́ же мы будемъ дѣлать? Гдѣ каждый найдетъ для себя подвигъ, достойный горячихъ стремленій и усилій?... Милостивые государи, зачѣмъ искать подвиговъ? Въ этомъ-то исканіи и заключается величайшее заблужде-

ніе. Подвиги представляются сами собой тому, кто призванъ къ нимъ обстоятельствами, или своимъ положеніемъ. Но лучшій, самый трудный и вмѣстѣ самый доступный для всякаго подвигъ есть совѣстливое и спокойное исполненіе долга въ томъ кругѣ дѣятельности, какой кому достался въ удѣлъ. Пусть только каждый трудится на своемъ поприщѣ ежедневно, неутомимо, съ веселымъ духомъ, не мудрствуя лукаво и помня, что важна не его отдѣльная дѣятельность, а сумма всѣхъ дѣятельностей, направленныхъ къ одной цѣли—общему благу. Пусть каждый трудится не для виду и личной корысти, а для истины и самаго дѣла, твердо вѣря, что все, совершенное въ духѣ правды, какъ бы незначительно оно ни казалось въ настоящемъ, переживетъ насъ и останется добрымъ сѣменемъ для будущаго. Пусть каждый, по мѣрѣ силъ своихъ, въ тишинѣ пользуется всякимъ случаемъ къ ослабленію тѣхъ ложныхъ началъ, на которыя я указалъ вамъ. Поймемъ, что и самыя блестящія способности не приносятъ плода и пропадаютъ безслѣдно, если онѣ проявляются въ однихъ неясныхъ стремленіяхъ, въ недовольствѣ собой и всѣмъ окружающимъ, или обнаруживаются только вспышками и порывами, не переходящими въ постоянную и ровную дѣятельность. При этихъ простыхъ убѣжденіяхъ мы всѣ сдѣлаемся дѣятельными, полезными членами общества, и насъ уже не упрекнутъ въ томъ, что мы болѣе говоримъ нежели дѣйствуемъ.

ПРИВѢТСТВІЕ ВЪ ДЕНЬ ОСНОВАНІЯ ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ [1]).

1864.

Собираясь ежегодно въ этотъ день, мы можемъ спросить себя: для чего собираемся? какая идея въ нашихъ собраніяхъ? или мы пользуемся только случаемъ, предлогомъ весело провести время въ кругу товарищей?

---

[1]) См. Спб. Вѣдом. 1864, № 239. съ такимъ предисловіемъ:

„Многіе изъ бывшихъ воспитанниковъ лицея до сихъ поръ собираются по курсамъ для празднованія 19-го октября, дня основанія его въ 1811 году. Уже нѣсколько лѣтъ сряду воспитанники 5-го, 6-го и 7-го курсовъ, выпущенные 1829, 1832 и 1835 гг., сходятся обѣдать въ этотъ день вмѣстѣ. Въ нынѣшнемъ году присоединилось къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ, кончившихъ курсъ около того же времени въ царскосельскомъ благородномъ пансіонѣ,—заведеніи, которое, имѣя почти одинаковое устройство съ лицеемъ, служило для него разсадникомъ. Не смотря на то, что столько

Намъ дорого 19-е октября, намъ дорога память лицея. Но почему? не потому ли, что намъ дорога наша юность со всѣмъ, что мы тогда любили, во что вѣровали, чего надѣялись, со всѣми, кого мы любили и уважали, съ товарищами и наставниками, со всѣми, насъ окружавшими.

Вы помните ли, какое очарованіе заключалось для насъ въ звукахъ: *лицей* и *19-го октября! Того* лицея давно уже нѣтъ, юность наша улетѣла, а 19-го октября по прежнему звучитъ для насъ могущественно: не значитъ ли, что въ немъ кроется идея, переживающая время?

Вы помните ли, какое высокое понятіе благородства и чести соединялось для насъ съ именемъ лицейскаго? Пусть въ этомъ понятіи была своя доля юношеской гордости и заносчивости; но оно носило въ себѣ уваженіе ко всему прекрасному, достойному, великодушному; оно опредѣляло наши стремленія, наши требованія не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя.

Празднуя 19-е октября, мы заявляемъ, что не разорвали связи съ нашею юностью, что сколько бы кого изъ насъ ни обманула жизнь, мы не съ презрѣніемъ и не съ ироніей относимся къ помысламъ, надеждамъ и мечтамъ нашей молодости, воспитанной лицеемъ!

Будемъ же и впредь соединяться въ память 19-го октября, покуда есть кому соединяться:

Судьба глядитъ, мы вянемъ, дни бѣгутъ!..
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...

сказалъ нашъ лицейскій ясновидецъ. Но пусть 19-е октября, не смотря на то, раздуваетъ въ насъ пламя незабытыхъ юношескихъ чувствъ; будемъ молодѣть хотя разъ въ году посреди тѣхъ, съ которыми вмѣстѣ были молоды, и въ ознаменованіе того выпьемъ за сохраненіе нашей духовной юности, за то, чтобы въ насъ никогда не состарѣлось и не потухло воодушевленіе при воспоминаніи лицея и 19-го октября.

лѣтъ протекло уже со времени воспитанія встрѣтившихся на праздникѣ, не смотря на различіе ихъ обстоятельствъ и положенія въ обществѣ, довольно многочисленное собраніе представляло веселую братскую семью, оживленную одною мыслію, одними воспоминаніями, одною радостью. Питомецъ 6-го курса Я. К. Гротъ прочиталъ за столомъ слѣдующія строки, которыя были приняты съ такимъ сочувствіемъ, что всѣ присутствовавшіе потребовали ихъ повторенія. Затѣмъ прочитаны были два извѣстныя стихотворенія Пушкина на этотъ праздникъ, исполненныя такого глубокаго смысла для царскосельскихъ лицеистовъ".

ПРИВѢТСТВІЕ КАНЦЛЕРУ АЛЕКСАНДРОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ [1]).

(При посѣщеніи имъ университета).

1842.

Ваше Императорское Высочество!

Александровскій университетъ, наконецъ, дождался вожделѣннаго счастія принять подъ кровъ свой Того, въ комъ онъ давно съ благоговѣйною любовью чтитъ своего Августѣйшаго Предстателя. Какими же словами можемъ достойно привѣтствовать столь Высокаго Гостя? Велика наша радость, но велико и смущеніе. Но и въ самомъ смущеніи одна мысль, одно чувство сохраняетъ въ душѣ нашей всю свою силу: мы такъ живо помнимъ все, чѣмъ цвѣтущее наше учрежденіе обязано мудрому возстановителю своему и въ Бозѣ почіющему брату его; мы такъ глубоко чувствуемъ всѣ ихъ безмѣрныя щедроты, всю ихъ неистощимую благость, даровавшую намъ и завидный жребій быть подъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Высочества. Можемъ ли же въ сіи незабвенныя мгновенія начать съ чего-либо иного, кромѣ вѣрноподданнической благодарности, коею мы проникнуты? И мы спѣшимъ исполнить предъ лицомъ Державнаго Хранителя нашего сладостный долгъ сердца, излить нелицемѣрную, безпредѣльную признательность нашу къ Высокому Дому Его. Но чѣмъ обильнѣе источникъ ея, тѣмъ скуднѣе слова, и наше чувство уже безмолвствуетъ.

Время, въ которое Ваше Императорское Высочество осчастливили Финляндію своимъ посѣщеніемъ, соединено съ важными воспоминаніями какъ для Гельсингфорса, такъ и въ особенности для нашего университета.

Въ настоящемъ году истекаетъ двухсотлѣтіе съ той поры, какъ Гельсингфорсъ стоитъ на нынѣшнемъ мѣстѣ своемъ. Основанный въ 1550 году верстахъ въ 6-ти отсюда, онъ вскорѣ испыталъ неудобство сего положенія, и въ 1642 году послѣдовало его перемѣщеніе.

Черезъ сто лѣтъ послѣ того рѣшился близъ сего города жребій

---

[1]) Напечатано было въ Современникѣ 1842 г. т. XXXVII, стр. 11, въ статьѣ П. А. Плетнева: „Первое посѣщеніе Александровскаго университета Августѣйшимъ его канцлеромъ. *Ред.*

войны между Россіей и Швеціей. При Гельсингфорсѣ воинство императрицы Елисаветы Петровны стяжало въ 1742 году безсмертную славу: непріятель, прижатый къ морю генераломъ Ласси, близъ нынѣшней Абовской заставы, принужденъ былъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ положить оружіе и отдать побѣдителю всю свою артиллерію.

Но особливо для университета настоящіе радостные дни напоминаютъ другую незабвенную эпоху.

Десять лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ, совершилось освященіе зданія, въ которомъ мы удостоиваемся привѣтствовать нашего Августѣйшаго Канцлера. Какъ блистательно судьба дозволяетъ университету праздновать окончаніе своего перваго десятилѣтія! Съ какою сугубою радостію онъ можетъ оглянуться на пройденный путь и принести Небу благодареніе за столько новыхъ благъ, имъ испытанныхъ! Самое зданіе сіе, въ своей величавой стройности, не служитъ ли краснорѣчивѣйшимъ памятникомъ великодушія просвѣщеннаго Монарха? И оно уже въ 1833 году удостоилось принять своего вѣнценоснаго основателя: еще въ 1830 г., осчастлививъ берега сіи своимъ присутствіемъ, Государь Императоръ чрезъ 3 лѣта послѣ того, какъ чадолюбивый отецъ, вновь благоизволилъ прибыть сюда въ сопровожденіи своей августѣйшей супруги.

Въ 1840 году университетъ, по Всемилостивѣйшему соизволенію Его Императорскаго Величества, совершилъ на семъ новомъ мѣстѣ празднество своего двухсотлѣтія. Начало 1841 года ознаменовано вожделѣннымъ вступленіемъ Вашего Высочества въ дѣйствительное управленіе дѣлами Александровскаго университета: вотъ обстоятельства, придающія особенный блескъ началу его существованія. Наконецъ, настоящее событіе достойно заключаетъ собою рядъ отрадныхъ явленій прошлаго десятилѣтія и, стоя на рубежѣ новаго, какъ-бы озаряетъ свѣтомъ надежды даль грядущаго. Невольно переносимся мыслію за 22 года назадъ и вспоминаемъ, какъ весною 1820 г. державный родитель Вашего Императорскаго Высочества, въ званіи Канцлера Финляндскаго университета, изволилъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ городъ Або и присутствіемъ своимъ увѣковѣчить засѣданіе консисторіи 31 мая 1820 года. Видя нынѣ продолженіе своего счастія, видя новый знакъ благоволенія Высокихъ Благотворителей своихъ, университетъ поистинѣ съ умиленіемъ возсылаетъ къ Небу пламенныя мольбы о славѣ и долгоденствіи августѣйшихъ виновниковъ своего счастія.

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА [1]).

(Корреспонденція изъ Рязанской губерніи).

1868.

Наша мѣстность занимаетъ въ южной части Рязанской губерніи центръ четыреугольника, котораго углы обозначаются на сѣверѣ Скопинымъ и Ряжскомъ, а на югѣ Данковомъ и Раненбургомъ. Главное селеніе этой мѣстности — большое село Мураевня, въ Данковскомъ уѣздѣ; около Мураевни расположены многія деревни и села съ господскими усадьбами, которыя въ лѣтнее время почти всѣ оживляются присутствіемъ своихъ хозяевъ.

Для народнаго образованія въ нашей сторонѣ, къ сожалѣнію, дѣлается не много; тѣмъ не менѣе, однакожъ, въ немъ замѣтно здѣсь нѣкоторое движеніе. Охота учиться постепенно растетъ сама собою между крестьянами; многіе начинаютъ понимать пользу грамотности и ищутъ случаевъ доставить это преимущество своимъ дѣтямъ. Число грамотныхъ мальчиковъ хотя и медленно, но увеличивается, и трудно повѣрить, какъ нѣкоторые изъ нихъ радуются, когда имъ обѣщаешь книжку, и съ какою поспѣшностью приходятъ за нею. Въ Мураевнѣ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ дѣятельный князь Долгорукій, бывшій тогда мировымъ посредникомъ, поднялъ вопросъ объ учрежденіи школы, и на мировой сходкѣ положено было пригласить учителя съ платою ему отъ каждаго семейства по два рубля въ годъ. Но несмотря на все усердіе князя и его супруги, которая одно время сама обучала крестьянскихъ дѣтей, дѣло подвигается тихо: приговоръ общества былъ послѣ отмѣненъ, и село до сихъ поръ остается безъ учителя. Впрочемъ, съ недавняго времени одинъ изъ тамошнихъ крестьянъ занимается обученіемъ своихъ односельчанъ и кое-какъ распространяетъ между ними грамотность.

Счастливѣе въ этомъ отношеніи село Урусово, лежащее на сѣверо-западномъ краю Раненбургскаго уѣзда, верстахъ въ семи отъ Мураевни. Здѣсь дѣло народнаго образованія горячо принялъ къ сердцу мѣстный священникъ. На самыя скудныя средства отецъ Михаилъ Ильичъ Дядьковъ [2]) построилъ близъ церкви училищный домъ, пріискалъ учителя, осталъ учебныя пособія, и теперь подъ его надзоромъ обучается уже

---

[1]) Современная Лѣтопись (Прибавл. къ „Моск. Вѣдом.“), 1868 г. 18 авг., № 28, тр. 10.

[2]) Нынѣ протоіерей въ соборѣ въ г. Раненбургѣ. *Ред.*

около 70-ти мальчиковъ. Урусовская школа была основана въ 1866 году; и здѣсь прихожане, сперва принявшіе нѣкоторое участіе въ содержаніи ея, скоро охладѣли къ этому дѣлу, такъ что изъ условленныхъ 60 руб. не собрано и половины; по случаю неурожая они перестали доставлять и топливо. Къ счастью, нѣкоторые изъ ближайшихъ помѣщиковъ поддержали училище своими пожертвованіями.

Живя по сосѣдству, я получилъ въ концѣ іюня мѣсяца приглашеніе присутствовать на экзаменѣ крестьянскихъ мальчиковъ въ домѣ урусовскаго священника. Въ Петровъ день ежегодно бываетъ въ этомъ селѣ, около самой церкви, ярмарка. Сюда съѣзжаются изъ всѣхъ окрестныхъ селеній, изъ Скопина, Раненбурга и Ряжска торговцы съ товарами всякаго рода, — матеріями, лентами, серьгами, шерстью, посудой, лошадьми, кренделями, пряниками и пр. Разумѣется, на этой ярмаркѣ не послѣднюю роль играетъ и водка, которая, кромѣ того, исключительно передъ всякими другими товарами, составляетъ здѣсь предметъ постоянной торговли въ шести кабакахъ, изъ коихъ два поселились близёхонько отъ церкви. А гдѣ заведется водка, тамъ неизбѣжны и шумъ, и брань, и всякое безпутство. Дѣйствительно, урусовская ярмарка рѣдко обходится безъ кровавыхъ сценъ... Тѣмъ отраднѣе было встрѣтить на слѣдующій день совершенно противоположное явленіе, праздникъ народной школы. 30-го числа, въ воскресенье, я поѣхалъ въ Урусово къ обѣднѣ. Несмотря на то, что по воскресеньямъ круглый годъ бываетъ въ Урусовѣ базаръ, на этотъ разъ вся площадь вокругъ церкви была пуста: ярмарка всегда продолжается только одинъ день; наканунѣ происходитъ такъ-называемое *подторжье*, а 29-го, послѣ обѣдни, пріѣхавшія съ товаромъ телѣги начинаютъ уже разъѣзжаться, опорожненныя, и къ вечеру площадь совершенно очищается.

Церковь была, по обыкновенію, биткомъ набита; паперть покрывали крестьяне и бабы, не нашедшіе мѣста внутри храма; въ сторонѣ отъ паперти, на травѣ, лежала ничкомъ крестьянка и, корчась, громко стонала. Я спросилъ у другихъ, что съ нею сдѣлалось. — „Испорчена!“ раздалось нѣсколько голосовъ. Красивая и довольно просторная урусовская церковь построена въ 20-хъ годахъ. Главною вкладчицей при этомъ была ближайшая помѣщица княгиня Пр. Ал. Кропоткина; наибольшее же участіе въ дѣлѣ своимъ личнымъ усердіемъ принялъ сосѣдъ ея по имѣнію, покойный капитанъ Петръ Николаевичъ Семеновъ, авторъ извѣстной пародіи *Митюха Валдайскій* и другихъ піесъ этого рода [1]). Получивъ воспитаніе въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, потомъ, послѣ отечественной войны, исходивъ съ арміей

[1]) См. *Библіографическія Записки* 1860 года. — Срв. о немъ „Труды“, III, стр. 425.

Германію и проживъ годъ въ плѣну у французовъ, онъ возвратился на родину съ новыми понятіями объ условіяхъ народнаго благосостоянія. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку, чтобы посвятить всю свою дѣятельность общественной пользѣ въ сельскомъ быту. Особенное вниманіе обратилъ онъ на улучшеніе крестьянскихъ жилищъ и выстроилъ всѣмъ своимъ крѣпостнымъ новыя избы (съ трубами, которыя, однакожъ, какъ увѣряетъ преданіе, вскорѣ послѣ того, какъ помѣщикъ умеръ, были уничтожены обывателями). Онъ заботился также объ образованіи и здоровьѣ поселянъ; въ холерный годъ самъ навѣщалъ ихъ и старался распространять между ними болѣе вѣрныя гигіеническія понятія. Къ несчастію, такая просвѣщенная дѣятельность была прервана въ самомъ ея началѣ: уже въ 1832 году П. Н. Семеновъ заразился тифомъ отъ слуги своего и умеръ 40 лѣтъ отъ роду къ истинному сожалѣнію своихъ крестьянъ и сосѣдей. Онъ похороненъ въ склепѣ подъ урусовскою церковью [1]).

Съ нѣкотораго времени отецъ Михаилъ, человѣкъ еще въ лучшей порѣ жизни, началъ послѣ каждой обѣдни говорить небольшія проповѣди, объясняя своимъ прихожанамъ простыя евангельскія истины, имѣющія ближайшее примѣненіе къ ихъ быту. Такъ я имѣлъ случай слышать, какъ онъ толковалъ имъ нравственный смыслъ заповѣди *Не убій*, а въ другой разъ значеніе брака, осуждая господствующее у крестьянъ грубое пониманіе роли жены единственно какъ работницы въ услуженіи мужа.

30-го іюня, послѣ службы, бывшіе въ церкви сосѣдніе помѣщики направились къ дому священника; туда же сельскій учитель, одѣтый въ длиннополое платье, бывшій дворовый человѣкъ, повелъ разставленныхъ по два въ рядъ крестьянскихъ мальчиковъ. Когда гости отпили чай, начался экзаменъ. Мальчики были вводимы въ домъ по два. Съ видимымъ чувствомъ смущенія и страха они входили въ комнату, гдѣ ихъ ожидали непривычные для нихъ слушатели и судьи. Каждый ученикъ, остановясь среди свѣтлицы, почтительно кланялся на всѣ стороны, а иной передъ тѣмъ еще и крестился, обратясь къ образу. Такое приличное поведеніе поражало тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ болѣе оно было въ противоположности съ грубою и бѣдною одеждой мальчиковъ: не на всѣхъ были даже кафтанъ и сапоги; нѣкоторые являлись въ рубахѣ и босые.

Мальчиковъ спрашивали изъ краткаго катехизиса и заставляли читать. По скуднымъ средствамъ преподаванія, успѣхи ихъ можно назвать удовлетворительными. По крайней мѣрѣ, почти всѣ ученики порядочно читаютъ и пишутъ. Письмо идетъ у нихъ особенно хорошо:

[1]) Изъ надписи надъ могилой его видно, что онъ родился 22-го октября 1791 г., а умеръ 28-го мая 1832 года.

у нѣкоторыхъ почеркъ даже красивый. Можно надѣяться, что учитель, съ пріобрѣтеніемъ большей опытности подъ руководствомъ умнаго священника, позаботится, чтобы мальчики болѣе вникали въ смыслъ затверживаемыхъ ими уроковъ. Чтобы привлечь его вниманіе въ этой сторонѣ обученія, я прочелъ мальчикамъ послѣ экзамена двѣ басни Крылова, съ тѣмъ, чтобъ они тотчасъ могли пересказать мнѣ своими словами прочитанное и отдать отчетъ въ пониманіи отдѣльныхъ словъ и выраженій. Для этого я выбралъ, разумѣется, такія басни, которыя болѣе другихъ примѣнимы къ крестьянскому быту, именно: быль *Два мужика* и басню въ собственномъ смыслѣ — *Волкъ и Котъ*. Обѣ прослушаны были съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ: мальчики, случайно вызванные для отвѣта, пересказали мнѣ ту и другую не только вѣрно, но и обстоятельно. Въ обѣихъ оказалось одно только неизвѣстное многимъ слово, а именно *калѣка*. Мораль и были и басни была понята прекрасно. Особенно одинъ изъ учениковъ поразилъ всѣхъ насъ, передавая басню про *Волка и Кота* почти тѣми же словами, какія у Крылова, хотя онъ слышалъ ее въ первый разъ.

Успѣхи, обхожденіе и вниманіе крестьянскихъ мальчиковъ, плоды стараній священника и помощника его, произвели на посѣтителей самое пріятное впечатлѣніе, которое немедленно выразилось маленькою складчиной въ пользу учителя и учениковъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ пожертвовали, сверхъ того, привезенныя ими книжки для сельскаго чтенія, тутъ же и розданныя отцомъ Михаиломъ отличнѣйшимъ изъ мальчиковъ. Данковскій мировой посредникъ, г. Б-нъ, подарилъ школѣ, при этомъ случаѣ, большой литографированный портретъ Государя Императора.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Урусова, въ сельцѣ Красной Слободкѣ [1]), роль сельскаго учителя выполняетъ сынъ поселившагося тутъ отставного солдата, самъ еще совершенно молодой парень. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ (остальные были на работѣ) онъ былъ позванъ въ нашу усадьбу на школьную бесѣду. Сюда заѣхалъ наканунѣ учитель гимназіи, г. Ш-нъ [2]), который уже много лѣтъ занимается собираніемъ народныхъ пѣсенъ [3]) и съ этою же цѣлью посѣтилъ теперь нашъ околотокъ. Его случайное присутствіе придало новый интересъ бесѣдѣ. Предложено было три чтенія. Сперва хозяйка усадьбы прочла по-славянски изъ евангелиста Матѳея часть нагорной проповѣди. Это доставило намъ возможность вывести нѣсколько любопытныхъ заключеній о степени умственнаго развитія и познаніяхъ

---

[1]) Имѣньѣ Я. К. Грота, гдѣ онъ съ семьей проводилъ почти каждое лѣто до самой кончины. *Ред.*

[2]) Извѣстный этнографъ П. В. Шейнъ, † 1900 г. *Ред.*

[3]) Первый отдѣлъ его сборника, *Дѣтскія пѣсни*, недавно напечатаны въ *Чтеніяхъ общ. ист. и древн.* (1868, кн. I).

мальчиковъ. Иногда очень простыя въ нашихъ глазахъ слова были имъ непонятны. Такъ довольно много труда стоило объяснить имъ различное значеніе словъ *алчущій* и *жаждущій*. Выраженія: *отверзъ уста* и *нищіе духомъ*, особенно первое, также потребовали пространнаго толкованія. Это чтеніе подало, между прочимъ, поводъ къ объясненію отличія русскаго языка отъ славянскаго, котораго самое названіе было ново для нашихъ собесѣдниковъ. Тутъ легко было еще разъ убѣдиться, какъ ошибочно мнѣніе многихъ, будто народъ нашъ такъ хорошо понимаетъ церковно-славянскій языкъ, что все на немъ писанное читаетъ охотнѣе, чѣмъ русскія книги и что поэтому нѣтъ надобности распространять Священное Писаніе на языкѣ народномъ. Если бы таковъ былъ дѣйствительно вкусъ простолюдина, то это бы только доказывало, что мало развитый умъ его еще не чувствуетъ потребности отдавать себѣ полный отчетъ въ томъ, что онъ читаетъ, и довольствуется пониманіемъ въ половину.

Г. Ш-нъ выбралъ для своего чтенія извѣстную балладу Пушкина *Утопленникъ*. Съ большимъ умѣньемъ и ловкостью растолковалъ онъ напередъ своимъ слушателямъ, что̀ значитъ *стихъ*, начавъ съ различія между пѣснью и простою рѣчью. По пѣсни всего удобнѣе было объяснить имъ ладъ и складъ въ стихѣ. Потомъ познакомилъ онъ ихъ съ именемъ Пушкина, какъ великаго мастера слагать стихи, и перешелъ къ значенію *повѣрья*, какъ понятія, къ области котораго относится содержаніе избранной пьесы. Замѣчательно, что слово *повѣрье* въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли употреблять его, было неизвѣстно здѣшнимъ крестьянскимъ мальчикамъ. Они для отысканія значенія его прибѣгали къ такимъ фразамъ: „повѣрить душу священнику“, „священникъ повѣряетъ ревизскія души“. Надобно было взяться за слово *примѣты*, чтобы растолковать имъ, что̀ такое *повѣрье*. Въ заключеніе, пишущій эти строки, для забавы деревенскихъ слушателей, прочиталъ имъ басню Крылова *Мартышка и Очки*, которая, къ удивленію нашему, оказалась уже извѣстною одному изъ мальчиковъ: онъ читалъ ее съ прежнимъ своимъ учителемъ, сельскимъ дьячкомъ. Разговоръ о значеніи басни и животныхъ, служащихъ ей содержаніемъ, открылъ намъ, между прочимъ, что здѣшніе крестьяне называютъ муравья преимущественно *комаръ*; общеупотребительное же названіе трудолюбиваго насѣкомаго имъ мало извѣстно (они говорятъ *муравьи*); такъ точно прежде, толкуя о сѣтяхъ, въ которыя попалъ утопленникъ, мы узнали новую для насъ по названью рыболовную снасть — *кубаны*. Такимъ-то разомъ общеніе съ народомъ представляетъ пользу обоюдную: принимая отъ насъ предлагаемыя ему свѣдѣнія, онъ самъ не остается въ долгу, доставляя и намъ умственную пищу, обогащая насъ новыми наблюденіями и знаніями.

Въ настоящемъ случаѣ насъ всѣхъ поразило, что вообще солдатскій

сынъ, хоть и обучающій другихъ, отвѣчалъ не такъ просто и прямо, какъ крестьянскія дѣти, его ученики, особливо одинъ изъ нихъ. Онъ видимо мудрилъ и уклонялся въ сторону отъ самыхъ простыхъ вопросовъ, часто путаясь въ понятіяхъ или какъ-будто желая блеснуть своими свѣдѣніями. Самъ онъ учился у сельскаго дьячка; но изъ такой же школы вышелъ и упомянутый мною крестьянскій мальчикъ: значитъ, разница между ними происходила отъ способа ученія. И здѣсь, и прежде, на урусовскомъ экзаменѣ, ясно представлялась мысль, какъ было бы важно, для народнаго образованія, неотложное приготовленіе *сельскихъ учителей*. Въ нынѣшнемъ положеніи дѣла это даже едва-ли не нужнѣе самаго учрежденія школъ и стоило бы серіознаго разсмотрѣнія. Охота учиться есть у многихъ: надобно дать ей пищу и направленіе. Когда будутъ подготовлены сельскіе учителя, ученіе грамотѣ въ селахъ слѣдовало бы сдѣлать обязательнымъ. Народу нашему даны гражданскія права, дана собственность и нѣкоторое самоуправленіе; но можетъ ли онъ разумно пользоваться этими правами, при томъ мракѣ невѣжества, который его почти вездѣ окружаетъ? Правда, инстинктъ добра, природный смыслъ въ немъ силенъ; но отъ этого еще далеко до того умственнаго развитія, которое необходимо всякому для достиженія извѣстной степени благосостоянія. Многіе въ крестьянскихъ семьяхъ сами уже чувствуютъ, чего имъ не достаетъ. Когда мы, прощаясь съ краснослободскими мальчиками, указывали имъ для примѣра на ихъ урусовскихъ сосѣдей, они отвѣчали намъ: „Да вѣдь тамъ есть школа; тамъ каждое воскресенье бываетъ проповѣдь, а у насъ ничего нѣтъ“. Какъ было бы хорошо, еслибы нашлось поболѣе священниковъ, которые, подобно отцу Михаилу, стали бы заботиться о школахъ и о наставленіи своихъ прихожанъ проповѣдью!

КЪ БІОГРАФІЯМЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

ДМИТРІЙ СТЕПАНОВИЧЪ ПРОТОПОПОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

1871.

Всякій, кому извѣстна дѣятельность Д. С. Протопопова, умершаго въ Павловскѣ 23-го прошлаго іюля, 63-хъ лѣтъ отъ роду, можетъ подивиться, что до сихъ поръ нигдѣ еще не появилось хотя краткаго очерка жизни этого замѣчательнаго человѣка, снискавшаго неоспоримое право на признательную память русскаго общества. Это долгое молчаніе объясняется только случайнымъ отсутствіемъ, во время его смерти, большей части близкихъ къ нему людей. Знавъ его коротко съ молодыхъ лѣтъ, считаю для себя отрадною обязанностью посвятить ему нѣсколько воспоминаній.

Почти все служебное поприще покойнаго принадлежало министерству государственныхъ имуществъ, въ которое онъ поступилъ вскорѣ послѣ его учрежденія, въ 1838 году. Въ 60-хъ годахъ онъ занималъ мѣсто директора одного изъ департаментовъ этого министерства, а потомъ, какъ уже и за нѣсколько времени до того, былъ членомъ совѣта министра. Но этою должностью, въ которой онъ оставался до конца, далеко не исчерпывалась его неутомимая дѣятельность. Благодаря своей опытности и рѣдкому знанію Россіи, онъ засѣдалъ въ нѣсколькихъ комиссіяхъ по важнымъ государственнымъ вопросамъ и, кромѣ того, отъ всей души посвящалъ себя дѣламъ благотворительности по обществамъ, въ которыхъ участвовалъ.

Изумительная скромность Протопопова и тщательное уклоненіе его отъ всякаго рода внѣшнихъ успѣховъ и отличій были главною причиной, отчего онъ не пріобрѣлъ болѣе обширной извѣстности. Таковъ онъ былъ и въ своихъ литературныхъ трудахъ: онъ писалъ не мало, особенно по занимавшимъ его общественнымъ вопросамъ, но въ печати являлся рѣдко, и почти всегда только съ начальными буквами своего

[1]) С.-Петербург. Вѣдом. 1871 г., 9 окт. № 278.

имени. Вышедши изъ духовнаго званія (отецъ его былъ протоіереемъ прихода Симеона Столпника въ Москвѣ), Протопоповъ, хотя и кончилъ съ отличіемъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, вовсе не былъ причастенъ тому лоску свѣтскаго образованія, который даетъ людямъ извѣстный общій покрой: напротивъ, онъ сохранилъ въ себѣ рѣзкія черты своеобразной личности и остался на всю жизнь образцомъ чисторусскаго человѣка, который безъ помощи иностранныхъ языковъ усвоилъ себѣ высшее духовное развитіе, соединенное съ независимостью характера и нравственнымъ достоинствомъ. Подъ наружнымъ покровомъ, лишеннымъ всего блестящаго, въ немъ таилась душа необыкновенно пылкая и нѣжная.

Д. С. Протопоповъ родился въ Москвѣ 11-го іюля 1808 года. Отецъ предназначалъ его въ духовное званіе и съ этой цѣлью помѣстилъ его въ Заиконоспасское училище. На 13-мъ году отъ роду онъ былъ переведенъ въ семинарію, учрежденную при Перервинскомъ монастырѣ. Мальчикъ отличался способностями, прилежаніемъ, рѣдкою правдивостью и былъ врагъ всякихъ покровительствъ. Случилось разъ, что его, по какому-то недоразумѣнію, оставили послѣ годового экзамена въ томъ же классѣ. Отецъ, зная, что это произошло не по винѣ ученика, сталъ хлопотать о переводѣ его въ высшій классъ. Дмитрій Степановичъ, услышавъ о томъ, воспротивился всякому ходатайству и настоялъ на исполненіи приговора. Вышедши изъ семинаріи однимъ изъ первыхъ учениковъ, съ хорошими познаніями, особливо въ древнихъ языкахъ, онъ не пожелалъ посвятить себя духовному званію и поступилъ въ 1828 году въ студенты юридическаго факультета. Отецъ его вскорѣ умеръ, оставивъ дѣтямъ небольшое наслѣдство. Дмитрій Степановичъ не захотѣлъ, однако, воспользоваться своимъ правомъ и уступилъ свою часть матери и прочимъ роднымъ, а самъ сталъ содержать себя частными уроками. Будучи крестникомъ князя Сергѣя Михайловича Голицына, онъ тяготился этимъ, не любилъ пышной обстановки Кузьминокъ, гдѣ ему иногда приходилось гостить, и открыто передъ самимъ сановитымъ хозяиномъ отдавалъ предпочтеніе скромному Марьину, имѣнію родной сестры князя, г-жи Ермоловой, гдѣ находилъ простоту, уединеніе и самое заботливое къ себѣ вниманіе.

Въ университетѣ онъ тщательно скрывалъ свое отношеніе къ князю Голицыну, бывшему тогда попечителемъ учебнаго округа, и князь увидѣлъ его тамъ въ первый разъ, когда его вызвали для полученія награды. Какъ одинъ изъ старшихъ и дѣльныхъ студентовъ, обладая здравымъ и зрѣлымъ сужденіемъ, Протопоповъ пользовался большимъ авторитетомъ между товарищами, хотя въ спорахъ и высказывался иногда очень рѣзко; основательностью своею онъ обращалъ на себя вниманіе профессоровъ, и написалъ на заданную тему по политической экономіи разсужденіе о кредитѣ и банкахъ, за которое получилъ золо-

тую медаль. По окончаніи университетскаго курса кандидатомъ, онъ чувствовалъ охоту вступить на ученое поприще, но судьба устроила иначе: въ исходѣ 1832 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и, по желанію князя Голицына, опредѣлился на службу въ канцелярію комитета министровъ. Но, глубоко чувствуя потребность въ серіозномъ и общеполезномъ умственномъ трудѣ, онъ не могъ найти удовлетворенія въ занятіяхъ канцелярскаго чиновника и вскорѣ перешелъ столоначальникомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Однакожъ, и тутъ не повезло ему по отношеніямъ къ начальнику, который не терпѣлъ противорѣчія.

Болѣе интересная дѣятельность открылась Протопопову съ переходомъ его въ статистическое отдѣленіе новообразованнаго министерства государственныхъ имуществъ, гдѣ онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ по редакціи журнала этого министерства и вскорѣ имѣлъ случай блистательно обнаружить свою подготовку къ новымъ занятіямъ обширною статьей о производствѣ хлѣба въ Россіи и торговлѣ имъ; этотъ замѣчательный трудъ сдѣлался впослѣдствіи основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по тому же предмету [1]). Графъ П. Д. Киселевъ въ короткое время оцѣнилъ человѣка, который, обладая такими способностями, познаніями и трудолюбіемъ, любилъ выше всего правду, всегда открыто высказывалъ свои убѣжденія и ни для какой сторонней цѣли не отступалъ отъ нихъ. Отсюда начинается рядъ почетныхъ порученій, возлагавшихся на Протопопова довѣріемъ министра, и мы видимъ въ постепенномъ возвышеніи его довольно рѣдкій примѣръ торжества однихъ личныхъ достоинствъ безъ всякой протекціи, безъ малѣйшихъ уступокъ со стороны самыхъ благородныхъ правилъ и задушевныхъ убѣжденій. Въ 1841 г. онъ былъ командированъ въ Московскую губернію для описанія положенія казенныхъ крестьянъ, а вслѣдъ за тѣмъ въ теченіе почти цѣлаго десятилѣтія участвовалъ въ комиссіяхъ для уравненія государственныхъ крестьянъ въ денежныхъ сборахъ, по губерніямъ Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Московской; во всѣхъ этихъ губерніяхъ онъ стоялъ во главѣ кадастровыхъ работъ, а въ послѣдней уже и съ титуломъ начальника комиссіи. Это дѣло какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его характеру, склонностямъ и неутомимой дѣятельности, въ особенности потому, что оно давало возможность изучить экономическія условія жизни русскаго народа. Онъ предался ему всей душой и увлекалъ за собой своихъ сотрудниковъ-подчиненныхъ, изъ которыхъ многіе сдѣлались и остались навсегда его друзьями. Отъ одного изъ нихъ (Я. А. Соловьева) мы слышали, что онъ до сихъ поръ не перестаетъ благо-

[1]) „Журналъ Мин. Гос. Имуществъ“ 1842 г., ч. V, стр. 85—136. Этою статьей воспользовался, между прочимъ, покойный гр. Тенгоборскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Les forces productives de la Russie“.

дарить судьбу, что его первымъ непосредственнымъ начальникомъ и руководителемъ по службѣ былъ Д. С. Протопоповъ [1]). Въ эти-то особенно годы Протопоповъ, постоянно разъѣзжая по Россіи и работая часто въ деревняхъ, пріобрѣлъ то знакомство съ бытомъ и потребностями народа, которое такъ отличало его. Въ одномъ письмѣ его ко мнѣ, писанномъ изъ Москвы, была набросана мѣткая характеристика русскаго крестьянина. Въ то время покойному Гоголю вздумалось отвсюду собирать устныя и письменныя замѣтки о русскомъ народѣ; по его желанію я сообщилъ ему, между прочимъ, отрывокъ изъ письма Протопопова и совѣтовалъ побесѣдовать съ авторомъ. „Благодарю впередъ", отвѣчалъ мнѣ Гоголь, „за престоящее знакомство съ Протопоповымъ, котораго я непремѣнно отыщу. Его замѣчанія о русскомъ народѣ, приложенныя въ вашемъ письмѣ, совершенно вѣрны, отзываются большою опытностью, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ясностью головы" [2]).

Впослѣдствіи, уже въ 50-хъ годахъ, Протопоповъ управлялъ палатою государственныхъ имуществъ, сперва въ Смоленскѣ, а потомъ въ Самарѣ. На этихъ двухъ постахъ открылось обширное поприще для его горячей любви къ сельскому люду; безпрестанно объѣзжая волости и оказывая во всѣхъ случаяхъ самую сердечную заботливость о судьбѣ крестьянъ, а вмѣстѣ и неуклонную справедливость, онъ умѣлъ въ такой степени снискать ихъ привязанность и благодарность, что когда чрезъ нѣсколько лѣтъ покидалъ Смоленскъ, то множество народу изъ всѣхъ волостей, старики, жены и дѣти, пришли въ городъ проститься съ нимъ и со слезами провожали далеко за заставу его экипажъ. Вскорѣ послѣ его назначенія въ Смоленскую губернію, тамъ открылся сильный недостатокъ въ продовольствіи, по случаю неурожаевъ, повторявшихся нѣсколько лѣтъ сряду. Энергическими своими распоряженіями Д. С. Протопоповъ достигъ того, что хлѣбъ былъ заготовленъ по возможно-выгоднымъ цѣнамъ и дошелъ своевременно и весь сполна до нуждавшихся въ продовольствіи крестьянъ. При тамошней палатѣ государственныхъ имуществъ онъ завелъ школу для обученія крестьянскихъ дѣтей, и самъ съ любовью и терпѣніемъ ежедневно давалъ имъ уроки. Нельзя опустить еще одну черту изъ его смоленской жизни. Имѣя право на просторную казенную квартиру при палатѣ, но будучи человѣкомъ одинокимъ, онъ предложилъ ее семейному сослуживцу, совѣтнику Сильванскому, а самъ нанялъ себѣ скромное помѣщеніе въ

---

[1]) Считаю долгомъ публично выразить мою благодарность бывшимъ товарищамъ и сослуживцамъ Протопопова: А. В. Назарову, П. И. Роговичу, А. П. Заблоцкому, Я. А. Соловьеву, Д. Д. Неелову, П. П. Семенову, А. К. Гирсу и др. за дополнительныя свѣдѣнія, доставленныя мнѣ ими о покойномъ, который не любилъ говорить о себѣ и умалчивалъ о многомъ, что могло служить къ его чести.

[2]) Этотъ отрывокъ изъ письма Протопопова напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1864 г., стр. 179.

городѣ. Графъ Киселевъ, посѣтившій въ это время Смоленскъ, захотѣлъ побывать у своего уважаемаго подчиненнаго, и не мало удивился убогой обстановкѣ, въ которую добровольно поставилъ себя управляющій палатою.

Когда министромъ былъ уже М. Н. Муравьевъ, въ 1858 г., въ Самару нуженъ былъ на эту же должность опытный человѣкъ для увеличенія доходности тѣхъ обширныхъ казенныхъ земель, которыя до того времени приносили государству мало пользы, и для организаціи направленныхъ въ тотъ край переселеній. Избранный для этой цѣли Я. А. Соловьевъ получилъ между тѣмъ другое назначеніе, и тогда мѣсто управляющаго самарскою палатой предложено было Д. С. Протопопову, который и здѣсь ознаменовалъ свою дѣятельность тѣмъ же характеромъ и такими же существенными результатами. Отдача въ аренду казенныхъ земель получила правильное устройство, переселеніе крестьянъ изъ другихъ губерній, особенно изъ Остзейскаго края, было обезпечено новыми, болѣе благопріятными для переселенцевъ, условіями, въ лѣсномъ хозяйствѣ сдѣланы важныя улучшенія. Въ то же время, непрерывными стараніями Протопопова, построено въ уѣздахъ (какъ и въ Смоленской губерніи) нѣсколько церквей; а при палатѣ государственныхъ имуществъ заведена школа, въ которой опять онъ ежедневно самъ занимался и на собственныя средства содержалъ учителя, не щадя издержекъ изъ своего же кармана на улучшеніе уѣздныхъ училищъ. Въ домѣ Протопопова сослуживцы его и многія другія лица находили въ назначенные дни, по вечерамъ, разумную бесѣду и развлеченіе отъ однообразнаго чиновническаго быта въ провинціи.

По званію своему управляющаго палатой государственныхъ имуществъ, онъ былъ членомъ самарскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Здѣсь, какъ и вездѣ, онъ отличался безпристрастіемъ, справедливостью и человѣчностью, которыми проникнуты были всѣ его дѣйствія. Здѣсь онъ познакомился и сошелся съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, который былъ членомъ отъ правительства въ самарскомъ губернскомъ присутствіи.

Нельзя не обратить вниманія еще на одинъ фактъ, который свидѣтельствуетъ о скромности Протопопова, можетъ быть даже излишней. Во время его пребыванія въ Самарѣ, открылась вакансія на должность самарскаго губернатора. Бывшій въ то время оренбургскій и самарскій генералъ-губернаторъ (А. П. Безакъ) самымъ настойчивымъ образомъ просилъ Дмитрія Степановича дать согласіе на представленіе его къ занятію губернаторской должности. Несмотря на лестное предложеніе, несмотря на всѣ убѣжденія друзей, Дмитрій Степановичъ остался непреклоннымъ и совершенно отказался дать требуемое согласіе.

Позднѣе, продолжая службу по тому же министерству въ Петербургѣ, Протопоповъ, по вызову Н. А. Милютина, ѣздилъ въ Варшаву для участія въ составленіи положенія о крестьянахъ Царства Польскаго. Во время этой поѣздки, будучи проѣздомъ въ Вильнѣ, онъ заинтересовался, между прочимъ, семинаріями западнаго края и потомъ усердно заботился о пополненіи ихъ ученическихъ библіотекъ добровольными пожертвованіями сочиненій и переводовъ, о чемъ написалъ особое посланіе къ своимъ московскимъ пріятелямъ.

Другую важную сторону его общественной дѣятельности составляло присутствіе, между прочимъ, въ комиссіяхъ: пенсіонной и для пересмотра рекрутскаго устава, а по закрытіи послѣдней—въ комиссіи объ общей военной повинности, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ въ отдѣлѣ, посвященномъ обсужденію мѣръ по самому устройству арміи. Здѣсь утрата этого высокопросвѣщеннаго дѣятеля, столь знакомаго на практикѣ съ прежнимъ порядкомъ пополненія войска и со всѣми условіями народнаго быта, конечно, оцѣнена во всемъ ея значеніи.

Несмотря на свое трудолюбіе и служебные успѣхи, Протопоповъ до недавняго времени находился въ довольно тѣсныхъ обстоятельствахъ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ обращалъ значительную часть своего очень умѣреннаго жалованья на вспоможеніе бѣднымъ родственникамъ, которыхъ поддерживать считалъ своею святою обязанностью. Даже и послѣ женитьбы своей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ продолжалъ помогать имъ по-прежнему. Но щедрость его простиралась не на однихъ родственниковъ: для всякаго нуждающагося у него всегда была готова помощь. Какъ часто онъ, несмотря на свои ограниченныя средства, выводилъ изъ затрудненія бѣдныхъ сослуживцевъ или и совершенно постороннихъ ему людей; особенную отраду находилъ онъ въ поддержкѣ и ободреніи способной, но безпомощной молодежи. Благотворительность Протопопова за послѣдній періодъ его жизни памятна особенно здѣшнему Андреевскому приходу, въ которомъ, по мысли А. П. Заблоцкаго и К. Д. Кавелина, при дѣятельномъ участіи Дмитрія Степановича, учреждено было попечительство о бѣдныхъ. Здѣсь онъ, по свидѣтельству самихъ его сотрудниковъ, сдѣлался вскорѣ душою всего этого дѣла. Никогда бѣдные не обращались къ нему напрасно; мало того: онъ самъ отыскивалъ ихъ и придумывалъ способы облегчать судьбу каждаго. Еще незадолго передъ смертью, его занимали заботы объ устройствѣ богадѣльни и хлопоты о дѣтяхъ тѣхъ женщинъ, которыя должны были поступить туда. Такъ же неутомимо участвовалъ онъ съ нѣсколькими другими благотворителями въ попеченіяхъ о бѣдныхъ училищахъ Гавани и не менѣе усердно дѣйствовалъ одно время въ Обществѣ покровительства животныхъ, а равно и въ городской санитарной комиссіи. Человѣколюбивое его вниманіе было особенно обращено на гибельныя для здоровья стороны быта

извозчиковъ, на судьбу фабричныхъ работниковъ и ихъ дѣтей. Самоотверженная любовь къ ближнему соединялась въ немъ съ глубокимъ благочестіемъ, чуждымъ всякаго ханжества и суевѣрія. Неистощимая доброта, горячее благоволеніе ко всѣмъ людямъ, доступность для всякаго, были господствующею чертой его характера. Во всѣхъ мѣстахъ своего служенія онъ пріобрѣталъ множество друзей, которые уже никогда послѣ не забывали его; рѣдко посѣщая общество, онъ, по переселеніи въ Петербургъ, постоянно видѣлъ у себя преданныхъ ему людей, иногда сходившихся у него съ разныхъ концовъ Россіи.

Посвятивъ себя преимущественно практической дѣятельности, Протопоповъ однакожъ никогда не былъ чуждъ той сферѣ умственной жизни, къ которой еще съ университетской скамьи чувствовалъ особенное влеченіе. Онъ всегда съ живымъ участіемъ слѣдилъ за всѣми явленіями русской литературы, читалъ все сколько-нибудь замѣчательное въ журналахъ, и даже находилъ время для авторства. Первымъ литературнымъ опытомъ его въ молодости былъ разборъ романа Лажечникова „Басурманъ“, напечатанный въ „Современникѣ“ П. А. Плетнева. Въ „Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ“ напечатано имъ нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ по народному хозяйству. Впослѣдствіи, уже по окончательномъ водвореніи въ Петербургѣ, онъ помѣщалъ почти во всѣхъ главныхъ газетахъ, какъ здѣшнихъ, такъ и московскихъ, и въ „Православномъ Обозрѣніи“ статьи по поводу современныхъ вопросовъ и реформъ. Особенно интересовалъ его, между прочимъ, по его происхожденію, вопросъ о духовенствѣ, быть котораго былъ ему такъ же хорошо извѣстенъ, какъ и положеніе простого народа. Въ оставшихся послѣ него рукописяхъ нашлось нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ относительно реформъ по духовному вѣдомству, также о книгахъ для народнаго чтенія, о продажѣ вина и проч. Въ послѣдніе мѣсяцы жизни, до своего предсмертнаго тяжкаго недуга, онъ писалъ статью о Сперанскомъ, по поводу напечатаннаго въ недавнее время труда г. Пыпина, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ ее кончить. Происходя и самъ изъ духовнаго званія, Протопоповъ выработалъ себѣ особенный взглядъ на знаменитаго дѣятеля и старался опредѣлить его истинное значеніе. Несмотря на увлеченіе службою, онъ никогда не переставалъ любить искусство и поэзію. Игра лучшихъ русскихъ актеровъ, особенно Щепкина и Мочалова, а также пѣніе Петрова и Воробьевой, приводили его въ восторгъ; замѣчательнѣйшія мѣста изъ Пушкина, особенно изъ „Полтавы“ и „Бориса Годунова“, зналъ онъ наизусть и любилъ декламировать ихъ передъ друзьями. Иностранная литература была извѣстна покойному болѣе по переводамъ. Съ французскимъ языкомъ онъ сталъ знакомиться уже послѣ университета, въ Петербургѣ, при помощи молодого друга и сослуживца; съ этою цѣлью онъ ходилъ въ то время слушать проповѣди реформатскаго проповѣдника

Аншпаха (послѣ православной обѣдни, которой никогда не пропускалъ по праздникамъ) и посѣщалъ французскій театръ. Такимъ образомъ онъ усвоилъ себѣ пониманіе этого языка, но никогда не говорилъ на немъ.

Въ дополненіе характеристики Протопопова приведу нѣсколько строкъ изъ письма, написаннаго по случаю его смерти бывшимъ университетскимъ товарищемъ его, нынѣ сенаторомъ П. И. Роговичемъ: „При глубоко честномъ направленіи онъ всегда дѣйствовалъ прямо, и потому всякая неправда его коробила, какъ самъ онъ любилъ выражаться... Еще въ первую эпоху своей службы, онъ, не смотря на благоволеніе начальства, тяготился нерѣдко узкостью канцелярскаго взгляда на дѣло и разными формальностями, опутывавшими его дѣятельность; тогда-то онъ началъ подумывать, какъ бы оставить Петербургъ, къ которому никогда не могъ привыкнуть, не смотря, какъ самъ онъ писалъ однажды, „на всѣ его украшенія, затѣи, удобства жизни и гражданственность“. Въ письмахъ его встрѣчаются мѣткіе отзывы о людяхъ, разумныя сужденія о дѣлахъ общественныхъ, которыя онъ всегда принималъ близко къ сердцу, и задушевныя изліянія о себѣ. Искренно религіозный и нравственный во всякомъ положеніи жизни, онъ былъ строгъ къ самому себѣ и неумолимымъ Катономъ для близкихъ своихъ пріятелей, которымъ правду всегда говорилъ въ глаза; за это мы не только его уважали, но и любили. Картъ онъ никогда не бралъ въ руки и еще въ молодости былъ далекъ отъ всякаго кутежа, хотя характеръ имѣлъ горячій; впрочемъ, въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ онъ не отказывался отъ бокала, и довольно бывало двухъ-трехъ рюмокъ, чтобъ развеселить его кипучую натуру и вызвать къ любимой имъ русской пѣснѣ. Онъ былъ жаркій поклонникъ всего хорошаго русскаго, но никогда не былъ квасным патріотомъ“.

Немногіе на своемъ вѣку потрудились такъ энергически и такъ честно, какъ Д. С. Протопоповъ; немногіе такъ смѣло, какъ онъ, отстаивали правду, не боясь за свои личные интересы; немногіе въ частной жизни сдѣлали такъ много добра при небольшихъ матеріальныхъ средствахъ; немногіе и въ своей общественной дѣятельности такъ безкорыстно послужили дѣлу и истинному благу. Безпрерывное напряженіе силъ, съ свойственнымъ ему жаромъ и самозабвеніемъ, давно подкосило его желѣзное отъ природы здоровье; давно таился въ немъ зародышъ неизлѣчимой болѣзни, сведшей его въ могилу— слишкомъ рано по той пользѣ, какую онъ могъ еще принести Россіи, въ такую пору, когда его заслуги начали пріобрѣтать общее признаніе и когда семейное счастье, наконецъ, озарило его труженическую жизнь. Онъ оставилъ честнѣйшее имя достойной вдовѣ и двумъ малолѣтнимъ дѣтямъ, которымъ, умирая, завѣщалъ искать счастья въ одномъ

трудѣ. Многочисленные друзья и всѣ ему обязанные за дѣла человѣколюбія не перестанутъ чтить и благословлять его память.

Тѣло Протопопова отвезено его вдовою въ Москву и похоронено, рядомъ съ могилой И. И. Лажечникова, въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ погребенъ и отецъ Дмитрія Степановича.

ПРИВѢТСТВІЯ АКАДЕМИЧЕСКИМЪ ДѢЯТЕЛЯМЪ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ДНИ.

1. ЗАСТОЛЬНОЕ ПРИВѢТСТВІЕ АВГУСТѢЙШЕМУ ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(29 декабря 1889 года).

Съ первыхъ шаговъ Вашего Императорскаго Высочества въ званіи Президента Академіи Наукъ мы поняли и оцѣнили святыя начала, положенныя Вами въ основу всѣхъ Вашихъ дѣйствій и отношеній. Вездѣ отражалась въ нихъ неусыпная заботливость о процвѣтаніи Академіи, о пользахъ каждаго изъ ея учрежденій, о благѣ каждаго изъ ея членовъ; во всемъ видѣли мы доказательства того пристальнаго вниманія, съ какимъ Ваше Высочество изучали всѣ подробности нашей академической жизни, — того просвѣщеннаго участія, съ какимъ слѣдили за всѣми нашими занятіями, вникали въ нашъ трудовой бытъ, сближались съ нашимъ товарищескимъ кругомъ. Мы радуемся случаю выразить Вашему Императорскому Высочеству нашу нелицемѣрную признательность и горячее желаніе, чтобы Провидѣніе даровало Вамъ силы продолжать съ неизмѣнною энергіей и полнымъ успѣхомъ подъятые Вами съ такою любовію и разумѣніемъ труды къ возвышенію достоинства и славы нашей Академіи. Будьте нашимъ Вождемъ къ этой для всѣхъ насъ дорогой цѣли —

И мы, подъ знамя Ваше ставъ,
Храня, по Вашему примѣру,
Любви спасительный уставъ
И въ благо пламенную вѣру,
Пойдемъ за Вами твердо вслѣдъ
Для мирныхъ умственныхъ побѣдъ,
Да насъ добромъ помянутъ внуки...

Но и среди заботъ науки
Пріятно отдохнуть подчасъ,
И вотъ мы нынѣ, всей семьею
Собравшись весело вкругъ Васъ,

Воскликнемъ дружною толпою:
Да вѣчно-юная живетъ
Поэзія сестрой Науки,
И гармоническіе звуки
Порой, въ часы восторга льетъ,
На радость нашего союза,
Младая царственная Муза!

Да здравствуетъ нашъ горячо-любимый Августѣйшій президентъ!

2. РѢЧЬ НА ЮБИЛЕЙНОМЪ ОБѢДѢ ВЪ ЧЕСТЬ АКАДЕМИКА В. Я. БУНЯКОВСКАГО [1]).

(19 мая 1875 г.).

М. г., Викторъ Яковлевичъ. Съ самаго утра мы слышимъ только похвалы вашимъ заслугамъ и достоинствамъ; но теперь они уже всѣ исчислены, вамъ отдана полная справедливость: пора оставить этотъ путь; я считаю своимъ долгомъ явиться вашимъ обличителемъ и обратить общее вниманіе на кое-какіе грѣшки, которые водились и за вами въ молодости.

Позвольте на минуту перенести васъ и всѣхъ участниковъ прекраснаго праздника вашего въ довольно отдаленную эпоху вашей жизни, когда, сравнительно еще молодой докторъ и экстраординарный академикъ, вы, увлекаясь поэзіей Байрона, возымѣли поползновеніе — съ важнаго академическаго кресла пересѣсть на быстролетнаго Пегаса, и головоломные логарифмы промѣнять на шаловливыя рифмы.

Помните ли, какъ вы позволили себѣ перевести изъ Чайльдъ-Гарольда прекрасное обращеніе „Къ морю“? Выборъ отрывка дѣлаетъ честь вашему вкусу; можетъ быть, тутъ была еще и особая причина — ваше пристрастіе къ флоту, въ которомъ, какъ вы могли уже предчувствовать, вамъ готовилось такое множество друзей и почитателей.

Надѣюсь, скромность ваша проститъ мнѣ, что я, не спросясь васъ, прочту вслухъ нѣсколько стиховъ изъ вашего перевода:

КЪ МОРЮ.

„Ахъ! еслибы я могъ отъ смертныхъ отложиться
„И съ добрымъ геніемъ въ пустынѣ дни вести,
„Дѣлить досуги съ нимъ, душою съ нимъ сдружиться
„И къ ближнимъ ненависть отъ сердца отвести.

[1]) Описаніе празднованія докторскаго юбилея вице-президента Импер. Академіи Наукъ, академика В. Я. Буняковскаго, Спб. 1876, стр. 27.

„Тамъ страсти бурныя и суеты мірскія
„Не волновали бы моихъ забытыхъ дней.
„Ужель не властна ты, державная стихія,
„Ты, породившая восторгъ въ груди моей,
„Переселить меня въ завѣтный край желаній?
„Иль, обольщенъ мечтой, я всуе созидалъ
„Пріюты тайные, мѣста очарованій
„И геніями ихъ по волѣ населялъ?..

Какъ ни привлекательно выражено здѣсь ваше тогдашнее желаніе удалиться въ пустыню, позвольте намъ порадоваться, что оно не исполнилось и что вы „всуе созидали пріюты тайные, мѣста очарованій“: потому что въ противномъ случаѣ мы не наслаждались бы сегодня вашею бесѣдой и не праздновали бы вашего докторскаго юбилея.

Далѣе слѣдуютъ въ той же пьесѣ другого рода стихи, которые такъ удачны, что трудно отказать себѣ въ удовольствіи привести что-нибудь и изъ нихъ:

. . . . . .
„Рядъ мощныхъ кораблей, какъ стая
„Китовъ огромныхъ на волнахъ,
„Несется, громомъ поражая
„Цвѣтущи грады на брегахъ.
„Народамъ возвѣщаетъ горе
„И цѣпи для владыкъ несетъ:
„Но для твоихъ порывовъ, море!
„Игралище — несмѣтный флотъ!
. . . . . .
„Судьбою грозною — державы
„Въ пустыни преобращены!
„Но ты въ теченьи тихомъ, бурномъ,
„Все тотъ же, мощный исполинъ!
„И на челѣ твоемъ лазурномъ,
„Вѣка не провели морщинъ:
„Какимъ ты былъ въ день міросданья,
„Таковъ и есть.....

Эти стихи напечатаны въ декабрской книжкѣ *Маяка* за 1840 годъ.

Нѣсколькими мѣсяцами ранѣе появилась въ томъ же изданіи за подписью: *академикъ Буняковскій*, статья въ прозѣ подъ заглавіемъ: „Мысли неосновательности нѣкоторыхъ понятій, относящихся къ общежитію“. Здѣсь авторъ выражаетъ сожалѣніе, что между людьми, даже такъ называемыми образованными, слишкомъ мало распространены многія полезныя и важныя истины, вытекающія изъ разныхъ отраслей знанія и имѣющія связь съ общежитіемъ. По его замѣчанію, многія изъ такихъ истинъ должны стать наравнѣ съ истинами, математически доказанными, и онъ мечтаетъ о популярной книгѣ, составленной соединенными силами нѣсколькихъ ученыхъ, гдѣ бы собраны

были въ систематическомъ порядкѣ этого рода истины. Вотъ собственныя слова Виктора Яковлевича: „Подобный *Сборникъ*, или *Руководство къ общественной жизни*, долженъ бы заключать въ себѣ общепримѣнительные результаты наукъ физическихъ, нравственныхъ и политическихъ". Для примѣра онъ представляетъ, въ видѣ афоризмовъ, нѣсколько истинъ объ играхъ и лотереяхъ, основывая свои выводы на анализѣ вѣроятностей. Мы видимъ здѣсь начало примѣненія того метода исчисленія, котораго разработка впослѣдствіи доставила автору такую громкую и заслуженную извѣстность.

Эти два труда даютъ намъ возможность заглянуть въ тогдашнюю внутреннюю жизнь нашего академика: съ одной стороны, онъ украдкою похищаетъ у своихъ строгихъ занятій нѣсколько минутъ для удовлетворенія высшимъ потребностямъ души, съ другой онъ посреди своихъ изслѣдованій погруженъ въ заботу о примѣненіи ихъ къ общественной пользѣ...

Я хотѣлъ обличать, но сознаюсь, Мм. Гг., что не умѣлъ выдержать своей роли и поневолѣ возвращаюсь на прежній путь. Поэзія и математика обыкновенно исключаютъ другъ друга и считаются несовмѣстными величинами; но нашъ юбиляръ на самомъ себѣ доказалъ, что это не что иное, какъ предразсудокъ: онъ умѣлъ примирить ихъ и посреди своихъ, повидимому, сухихъ занятій сохранилъ всю теплоту любящей и эстетически настроенной души; уравненія и выкладки не помѣшали ему не только любить поэзію, но и самому быть поэтомъ.

Въ прочитанномъ мною отрывкѣ нельзя не остановиться на желаніи: „къ ближнимъ ненависть отъ сердца отвести".

Вотъ черта, глубоко-характеризующая нашего почтеннаго юбиляра: это одинъ изъ тѣхъ людей, къ которымъ по всей справедливости примѣняется многознаменательное названіе: „человѣкъ благоволенія". Объ этомъ только одинъ голосъ, и какъ не повторить общаго свидѣтельства: кто изъ обращавшихся къ нему не встрѣчалъ съ его стороны теплаго участія, ласки и полной готовности помочь всякому и словомъ и дѣломъ?

Но я боюсь, Мм. Гг., утомить ваше вниманіе. Спѣшу заключить предложеніемъ тоста, чтобы въ лѣтописяхъ русской науки чаще и чаще являлись люди, которые бы ей посвящали себя такъ же всецѣло, какъ Викторъ Яковлевичъ, и подобно ему совмѣщали въ себѣ то, что трудно совмѣщается — рѣдкую ученость съ нравственнымъ достоинствомъ и чувствомъ изящнаго, глубину умозрѣній съ постояннымъ стремленіемъ обращать ихъ на пользу человѣчества, съ соблюденіемъ высокаго завѣта: „плодъ правды сѣется въ мирѣ"; чтобы, наконецъ, по всѣмъ отраслямъ науки Россія видѣла между своими сынами болѣе и болѣе дѣятелей, похожихъ на нашего Буняковскаго!

ВИКТОРУ ЯКОВЛЕВИЧУ БУНЯКОВСКОМУ.

7 мая 1878 года [1]).

Сегодня минуло полвѣка,
Какъ приняла въ свой мирный кругъ
И мудреца и человѣка
Въ Васъ Академія Наукъ.

Еще была покрыта мракомъ
Для Васъ даль жизни и труда,
Хотя счастливая звѣзда
Съ наукой чиселъ вѣчнымъ бракомъ
Ужъ сочетала Васъ тогда.

Но иксы жизненной задачи
И единицы и нули
Васъ не смущали въ той дали,
И вотъ къ рѣшенью Вы пришли,
Не потерпѣвши неудачи.

Вы къ цѣлямъ выкладокъ людскихъ
Стремились съ толкомъ, съ вѣрнымъ вкусомъ:
Зато теперь въ итогѣ ихъ
Остались Вы съ безспорнымъ плюсомъ,
Съ прекраснымъ плюсомъ благъ прямыхъ,—
Въ семействѣ дѣдушкой маститымъ,
Средь гражданъ мужемъ именитымъ.

Но жизни Вашей весь итогъ
Не подведенъ еще далеко:
О, пусть же Вамъ поможетъ Богъ
Держать по-прежнему высоко
Хоругви знанья и добра
Въ задачахъ жизни и пера!

---

[1]) Въ день празднованія 50-тилѣтняго юбилея его академической дѣятельности.

3. ПРИВѢТСТВІЕ АКАДЕМИКУ ѲЕДОРУ ѲЕДОРОВИЧУ БРАНДТУ

(въ день его 50-тилѣтняго юбилея 12 янв. 1876 г. отъ лица отдѣленія русскаго языка и словесности [1]).

Давно и много уже разъ было сказано, что наука роднитъ людей, что, благодаря наукѣ, люди, рожденные въ разныхъ концахъ земного шара, становятся братьями. Не этой ли истинѣ обязаны мы тѣмъ, что сегодня, на берегахъ Невы, приносимъ дань уваженія знаменитому уроженцу Ютербока, скромнаго германскаго городка, пріобрѣтшаго лишь случайную извѣстность въ исторіи реформаціи. Какое странное сочетаніе именъ и событій! Тамъ—первый поводъ къ одному изъ величайшихъ движеній въ развитіи человѣчества; здѣсь — славное поприще безсмертнаго просвѣтителя Россіи, основателя нашей академіи наукъ. Не онъ ли яснѣе всѣхъ понималъ истину, которою я началъ это привѣтствіе? не ею ли онъ руководился, когда, желая образовать свой народъ, постановилъ приглашать иностранцевъ для насажденія наукъ въ Россіи?.. Вы, достойнѣйшій Ѳедоръ Ѳедоровичъ, принадлежите къ числу тѣхъ, которыхъ прибытіе къ намъ было исполненіемъ плодотворной идеи Петра Великаго. Принявъ гостепріимный призывъ Россіи, вы не остались въ долгу у нея. Вы принесли ей въ даръ свои познанія и силы; вы обратили ихъ на пользу нашего отечества: кто не знаетъ, что главные, самые многочисленные и долговременные труды ваши были посвящены изученію и описанію русской фауны. Но трудясь на пользу Россіи, вы сдѣлали еще гораздо болѣе: отдавъ ей свои силы, вы отдали ей и сердце свое, вы полюбили свое новое отечество, вы всегда относились къ нему съ сочувствіемъ и благодарностью; вы воспитали въ любви къ нему своихъ даровитыхъ и трудолюбивыхъ сыновей и въ лицѣ ихъ дали ему новыхъ полезныхъ гражданъ. И Россія взаимно вамъ признательна: ваше имя не будетъ забыто въ лѣтописяхъ ея просвѣщенія. Залогомъ тому служитъ торжественная почесть, оказываемая вамъ сегодня всею академіею наукъ и другими русскими учрежденіями. Въ составѣ академіи, и отдѣленіе русскаго языка и словесности, высоко цѣня заслуги ваши по естествознанію, принимаетъ горячее участіе въ празднованіи вашего докторскаго юбилея. Да хранитъ васъ Провидѣніе еще много лѣтъ для пользы науки, для чести нашей академіи, на радость вашей семьѣ. Да пошлетъ оно вамъ счастье быть свидѣтелемъ будущихъ успѣховъ сыновей

---

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1876 г. № 13 (13 янв.).

вашихъ на избранныхъ ими поприщахъ. Да будетъ вамъ дано еще долго, среди занятій вашихъ, радостно оглядываться на этотъ знаменательный день вашей жизни и при воспоминаніи о немъ почерпать новыя сили, въ утѣшительномъ сознаніи, что вы трудились не даромъ, что ваша полувѣковая дѣятельность справедливо оцѣнена единодушнымъ приговоромъ не только сочленовъ вашихъ, но и всего ученаго міра.

РАЗНЫЯ МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

ОТВѢТЪ НА БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ВОПРОСЪ [1]).

1865.

Въ № 15 *Книжнаго Вѣстника* нынѣшняго года г. А. Ктлр., имѣя у себя *Хронологическій списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ произведеніяхъ* (напечатанный въ маломъ количествѣ экземпляровъ, безъ имени автора и всякихъ другихъ обычныхъ указаній) вызываетъ знающихъ что-либо о происхожденіи этой книжки разъяснить его недоумѣніе.

Получивъ въ 1841 году экземпляръ *Списка* отъ самого автора его, спѣшу исполнить желаніе г-на Ктлр. Этотъ *Списокъ* составилъ *П. А. Плетневъ*, преподавая русскую литературу нынѣ царствующему Государю Императору. Напечаталъ онъ его, кажется, уже позднѣе, сдѣлавшись профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Въ моемъ экземплярѣ есть нѣсколько своеручныхъ замѣтокъ и поправокъ составителя, которыя и выписываю:

На стр. 86 исправлены цифры въ означеніи годовъ смерти Шувалова 1797 и Хемницера (1784).

„ 108 показанъ годъ смерти Гамалеи: 1817.

„ 116 поправленъ годъ смерти Нартова (1813).
(Тутъ же прибавлены мною умершіе въ 1814 году: Ѳедоръ Эминъ и Николай Бантышъ-Каменскій).

„ 126 приписанъ Новиковъ, съ объясненіемъ въ скобкахъ: „по ошибкѣ напечат. на стр. 164“.

„ 128 противъ имени Карабанова выставленъ годъ его смерти: 1819.

„ 130 означено, что Озерецковскій умеръ въ 1827 г.

„ 134 означено, что Савостьяновъ умеръ въ 1824 г.

„ 136 поправлены года смерти князя Горчакова (1820) и Севергина (1826). Тутъ же въ послѣдней графѣ противъ имени Капниста показано, что сочиненія его были изданы сперва въ 1796 году.

---

[1]) Русскій Архивъ 1865, стр. 1400.

На стр. 138 выставлены годы смерти Павла Львова (1825) и Павла Кутузова (1828).

„ 164 сдѣланы во 2-й и 3-й графахъ слѣдующія приписки:

1835. Влад. Броневскій.
— графъ Дмитр. Хвостовъ.
1836. Алексѣй Перовскій.
1837. А. С. Пушкинъ.
— А. А. Бестужевъ.
— Митр. Евгеній.
— И. И. Дмитріевъ.
— А. Д. Илличевскій.
1839. Д. В. Давыдовъ.
— П. П. Свиньинъ.
— А. Ѳ. Воейковъ.
1840. И. И. Козловъ.
1841. А. С. Шишковъ.

Къ этому впослѣдствіи прибавлены мною слѣдующія имена и годы:

1841. Лермонтовъ.
1843. Квитка (Основьяненко).
1844. Крыловъ.
— Баратынскій.
— Ив. Петр. Мятлевъ.
— Кн. Элимъ Мещерскій.
— Петръ Александр. Корсаковъ.
— Андр. Гавр. Глаголевъ.
1845. Вас. Григ. Анастасевичъ.
— Дм. Ив. Языковъ.
1846. Князь А. А. Шаховской.
— Н. А. Полевой.
1847. Н. М. Языковъ.
— Э. И. Губеръ.
— М. Н. Макаровъ.
1848. А. И. Михайловскій-Данилевскій.
1849. М. С. Рыбушкинъ.

Этотъ добавочный списокъ вѣроятно не полонъ, но я счелъ нелишнимъ сообщить и его какъ матеріалъ, которымъ можетъ воспользоваться тотъ, кто вздумаетъ продолжать трудъ П. А. Плетнева. Если мнѣ удастся получить объ изданіи этой книжки болѣе точныя свѣдѣнія отъ автора, живущаго теперь въ Парижѣ, то я ихъ охотно доставлю въ *Русскій Архивъ* [1]).

[1]) Эта замѣтка сопровождена нижеслѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Благодаря усердно Як. К. Грота за такое *положительное* разъясненіе нашего библіографическаго недоумѣнія, мы позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь одно, быть можетъ,

ПЕРВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ ОБЩЕСТВА ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ [1]).

1860.

Вчерашній вечеръ будетъ памятенъ въ исторіи русскаго просвѣщенія; онъ долженъ быть навсегда отмѣченъ въ лѣтописяхъ нашей литературы. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ еще въ концѣ прошлаго года начало свои дѣйствія: вчера оно въ первый разъ вступило въ живое общеніе съ публикою, и это первое соприкосновеніе ознаменовалось такимъ сочувствіемъ со стороны публики, которое обѣщаетъ Обществу и прочное существованіе и полное достиженіе его прекрасной цѣли. Если это общество, само по себѣ, составляетъ уже явленіе, въ высшей степени знаменательное и отрадное для нашего времени, то успѣхъ чтенія, происходившаго въ немъ вчерашній вечеръ, долженъ еще болѣе радовать всякаго, кто дорожитъ дѣйствительными успѣхами просвѣщенія. Не буду много распространяться о самомъ чтеніи: тутъ прочитано было нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній самими авторами ихъ, гг. По-

---

не безполезное и не лишнее предположеніе: не былъ ли замѣчательный по своему времени трудъ П. А. Плетнева изданъ *во второй разъ?* Всѣ авторскія дополненія и поправки, указанныя Я. К. Гротомъ, находятся и въ нашемъ экземплярѣ и вездѣ, при поправкахъ, на поляхъ книги отмѣчено, на какую страницу и какимъ числомъ (по счету) слѣдуетъ занести писателя, *какъ будто составитель дѣлалъ указанія для типографскаго наборщика.* Сверхъ того, когда я нынѣшнимъ лѣтомъ показалъ свой экземпляръ И. И. Срезневскому и спросилъ его, не извѣстно ли ему чего о происхожденіи книги, онъ прямо назвалъ П. А. Плетнева ея составителемъ и прибавилъ, что и у него есть экземпляръ ея, но, *какъ кажется, въ другомъ изданіи.* За разъясненіемъ вѣрнѣе всего обратиться къ живому источнику, и какъ при этомъ случаѣ не пожелать, чтобы П. А. Плетневъ подѣлился съ публикой тѣмъ богатымъ запасомъ своихъ литературныхъ воспоминаній, которыя, по общему отзыву людей его знающихъ, такъ правдиво сберегаются его юношески-свѣжей памятью!

А. Котляревскій".

Прибавимъ отъ себя, что „Хронологическій списокъ", существовавшій — кстати сказать — лишь въ одномъ изданіи, былъ перепечатанъ въ 1880 г. съ экземпляра Я. К. Грота въ „Сборникѣ Имп. Р. Историческаго Общества", т. XXX, стр. 197—267.

Ред.

[1]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1860 года. Часть CV (январь). Новости и Смѣсь, стран. 95—98.

лонскимъ, Некрасовымъ, Майковымъ, Бенедиктовымъ; тутъ г. Тургеневъ прочелъ свою увлекательную статью о Донъ-Кихотѣ и Гамлетѣ, между которыми онъ, съ остроуміемъ и глубиною, проводитъ совершенно новое сближеніе; тутъ, наконецъ, г. Маркевичъ прочиталъ сцену изъ трагедіи Шекспира „Ричардъ III", переведенной г. Дружининымъ. Все слышанное публикою было принято ею съ громкими одобреніями и съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что при малѣйшемъ нарушеніи тишины раздавались энергическія шиканья; иное изъ слышаннаго уже напечатано, другое, вѣроятно, скоро появится въ печати. Что̀ и какъ было читано, конечно, не все равно; для выбора, какъ лицъ, занимавшихъ слушателей, такъ и того, что́ они читали, нуженъ былъ тактъ со стороны распорядителей вечера, и въ этомъ отношеніи нельзя не отдать имъ по̀лной справедливости. Только сцена изъ прекраснаго перевода Шекспира могла бы, кажется, быть выбрана удачнѣе. Тогда и извѣстный талантъ г. Маркевича въ драматической дикціи имѣлъ бы случай явиться съ большимъ блескомъ. Но какъ бы ни было, то, что́ выбирается для такой бесѣды, принадлежитъ болѣе или менѣе къ случайнымъ, измѣняющимся обстоятельствамъ. Не можемъ однакожъ не остановиться на двухъ или трехъ явленіяхъ этого вечера. Самыми живыми и продолжительными рукоплесканіями былъ встрѣченъ И. С. Тургеневъ. „Пріемъ такой лестный", сказалъ онъ, когда они наконецъ пріумолкли: „что я не смѣю никакъ принять его на свой счетъ и приписываю его вашему сочувствію къ литературѣ, отъ имени которой и имѣю честь благодарить". Находчивость этого отвѣта вызвала новыя рукоплесканія.

Изъ двухъ прочитанныхъ г. Бенедиктовымъ пьесъ, послѣдняя — *Борьба* возбудила самое большое сочувствіе. Выставляя въ ней повторяющееся во всѣхъ вѣкахъ явленіе — борьбу прошедшаго съ грядущимъ, поэтъ говоритъ, что тотъ, кто не сочувствуетъ стремленіямъ новыхъ поколѣній, не достоинъ жить: „умри, въ комъ будущаго нѣтъ"! Наконецъ, онъ сравниваетъ насъ, современниковъ, съ крестоносцами, но мы идемъ въ бой не для искупленія гроба Господня, а для освобожденія живого Христа. Общій восторгъ, выразившійся при окончаніи этого чтенія, послужилъ отраднымъ доказательствомъ, какъ хорошо была понята и оцѣнена слушателями глубокая мысль, заключающаяся въ послѣднихъ стихахъ пьесы. Безконечныя рукоплесканія и крики: *Борьбу*! не умолкали даже и тогда, когда г. Маркевичъ подошелъ къ столу съ отрывками изъ Шекспира. Г. Бенедиктовъ вынужденъ былъ появиться снова и прочесть во второй разъ свое превосходное стихотвореніе. Успѣху его способствовало и оживленное чтеніе автора. Но посреди всей частной обстановки этого вечера, мыслящаго слушателя должна была еще болѣе занимать общая идея и высокая цѣль столь новаго у насъ собранія. Сочувствіе публики къ этой новости вырази-

лось уже тѣмъ, что билеты для входа въ залу Пассажа, гдѣ происходило чтеніе, разобраны были въ самое короткое время. Образованіемъ ассоціаціи для пособія нуждающимся литераторамъ и сближенія ея съ публикою посредствомъ открытыхъ бесѣдъ въ области изящнаго знаменуется, такъ намъ кажется, окончательное вступленіе нашей литературы въ новую эпоху ея развитія. Русское общество, взявъ само на себя заботу обезпеченія отъ нужды тѣхъ изъ членовъ своихъ, которые посвящаютъ свою дѣятельность на служеніе слову, обнаружило тѣмъ зрѣлость, возможную только въ возрастѣ возмужалости. Не одни литераторы, но и всѣ истинно-просвѣщенные люди, доказывали участіемъ въ этомъ дѣлѣ, что чувствуютъ и понимаютъ святое его значеніе. Теперь исключительное занятіе литературой и наукой перестаетъ уже и у насъ быть неосуществимой мечтой — если еще не въ непосредственномъ настоящемъ, то, по крайней мѣрѣ, не въ слишкомъ отдаленномъ будущемъ. Мелькаетъ уже надежда увидѣть конецъ необходимому до сихъ поръ и, часто плачевному, соединенію въ одномъ и томъ же лицѣ литератора и чиновника. Примиреніе государственной службы съ поприщемъ писателя становится возможнымъ — въ ихъ разъединеніи. Подъ впечатлѣніями вчерашняго вечера, мы невольно пробѣгали мысленно разныя эпохи нашей литературы, и съ радостью отдыхали надъ ея настоящимъ. Было въ ней время меценатства и торжественныхъ одъ; было время мелочныхъ журнальныхъ партій и площадныхъ перебранокъ; было время гаерства и торжества крикливаго нахальства надъ всякимъ дѣльнымъ направленіемъ. Все это, къ счастію, уже перешло въ область прошедшаго, невозвратнаго, какъ мы твердо увѣрены. Теперь торжествуетъ здравое, честное направленіе, и если иногда, изъ какого-нибудь уголка, еще и раздается хриплый отголосокъ старины, то онъ скоро заглушается болѣе громкимъ общимъ тономъ. Въ публикѣ нашей замѣтно развивается вкусъ къ наслажденію въ литературѣ всѣмъ истиннымъ и дѣйствительно-изящнымъ; мы видѣли тому вчера нѣсколько доказательствъ, и съ особенною радостью слышали сзади себя чье-то многозначительное замѣчаніе: „Можно ли провести вечеръ лучше сегодняшняго? Нельзя представить себѣ высшаго наслажденія: мы знакомимся здѣсь съ личностью извѣстнѣйшихъ литераторовъ и слышимъ столько прекраснаго!“ Намъ остается только пожелать доброму началу такого же продолженія въ исполненіи прекрасной мысли, бывшей источникомъ вчерашняго вечера.

Надъ русской литературой восходитъ заря новой жизни: осуществляется надежда, съ которою многіе и посреди другихъ, болѣе мрачныхъ временъ ея глядѣли впередъ и которую самъ пишущій эти строки, много лѣтъ тому назадъ, выразилъ въ стихахъ, напечатанныхъ имъ при переводѣ скандинавской поэмы „Фритіофъ“. Да будетъ ему позволено повторить теперь окончаніе этихъ стиховъ:

И вѣрь: пройдетъ борьбы пора;
На мигъ лишь царство лжи и брани;
Ударитъ часъ—и твердо въ длани
Возьметъ державу богъ добра.
Возстанетъ онъ въ сіяньи новомъ,
И струны Брага [1]) запоютъ,
И свѣтъ и истина прольютъ
Свои лучи надъ русскимъ словомъ!

РОССІЯ И АНГЛІЯ [2]).

1854.

Предъ нашими глазами совершается явленіе, исполненное глубокаго смысла для исторіи человѣчества. Страна, которая до сихъ поръ пользовалась уваженіемъ всего міра и даже была предметомъ какого-то безотчетнаго удивленія, теперь, увлекаемая силою преобладающихъ въ ней побужденій, показываетъ себя въ истинномъ своемъ свѣтѣ. Правда, и прежде уже замѣчали, что англичане не только въ политикѣ, но нерѣдко и въ общежитіи болѣе всего руководствуются эгоизмомъ, корыстолюбіемъ и расчетомъ; угрюмая спѣсь и презрительная надменность выходцевъ Англіи въ обращеніи съ иноземцами всегда поражали мыслящихъ людей самымъ непріятнымъ образомъ; но въ дѣйствіяхъ англійскаго правительства всепоглощающее комерческое направленіе выражалось только отдѣльными, одинокими фактами: народы, ослѣпленные блескомъ успѣховъ Англіи въ промышленности и общественной жизни, легко забывали духъ, скрывавшійся въ основаніи всѣхъ ея предпріятій. Наконецъ, этотъ духъ обнаружился во всей своей наготѣ: открываются глаза у народовъ; вездѣ, на всѣхъ пунктахъ земного шара уже раздаются голоса, въ которыхъ высказывается благородное негодованіе на образъ дѣйствій Англіи.

Между тѣмъ и въ прежнее время слышались иногда замѣчанія, доказывавшія вѣрное пониманіе характера англійской націи въ области политики. Но никто въ этомъ смыслѣ не говорилъ съ такой поразительной истиной, какъ одинъ изъ современныхъ нашихъ писателей, который, за много лѣтъ предъ симъ, какъ-будто предугадывалъ на-

---

[1]) Скандинавскаго Аполлона.

[2]) „Сѣверная Пчела“ 1854 года, № 87, 20 апрѣля.

стоящія событія. Кто сомнѣвается, что поэтъ, въ лучшія минуты творчества, дѣйствительно можетъ иногда съ какимъ-то ясновидѣніемъ проникать въ будущее, тотъ убѣдится въ этомъ, прочитавъ написанныя уже давно два стихотворенія г. Хомякова: *Островъ* и *Россія*. Они, безъ сомнѣнія, извѣстны большей части образованныхъ соотечественниковъ нашихъ; но такъ какъ никто не вспоминалъ о нихъ нынѣ въ печати, то я рѣшился обратить на эти стихи вниманіе, котораго они заслуживаютъ во всякое время по своему высокому поэтическому достоинству, но особенно теперь, по примѣненію къ развивающимся событіямъ. Выписываю ихъ изъ книжечки: К. Э. *Стихотвореній А. С. Хомякова,* напечатанной ровно за десять лѣтъ передъ симъ.

Островъ.

Островъ пышный, островъ чудный,
Ты краса подлунной всей.
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя широко воды
Океанъ сѣдой разлилъ.
Онъ бездоненъ и просторенъ,
И враждуетъ онъ съ землей;
Но смиренъ, но покоренъ,
Онъ любуется тобой.
Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ.
И ласкаясь обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся брегъ.

Дочь любимая свободы,
Благодатная земля!
Какъ кипятъ твои народы.
Какъ цвѣтутъ твои поля!
Какъ державно надъ волною
Ходитъ твой широкій флагъ!
Какъ кроваво надъ землею
Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ!
Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой!
Какъ высоки пѣсенъ звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна.
И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ, какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что Церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Власти суетной земной:
Для тебя, морей царица,
День придетъ, и близокъ онъ,
Блескъ твой, злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ, какъ сонъ.
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,
Перестанетъ мечъ сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать.
И забывъ твой флагъ державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своенравно
Моря шумная волна.

И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ.

Россіи.

„Гордись“, тебѣ льстецы сказали:
„Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
„Земля несокрушимой стали,
„Полміра взявшая мечомъ!
„Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
„И прихотей твоихъ раба,
„Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
„Тебѣ покорная судьба,
„Красны степей твоихъ уборы,
„И горы въ небо уперлись,
„И какъ моря твои озеры...“
Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И пышенъ хлѣбомъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта.
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ алтайскихъ дикарей:
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И что же Римъ? и гдѣ Монголы?
И скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы
Дрожа надъ бездной Альбіонъ!
Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука.

И вотъ за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ славный далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ....
О, вспомни свой удѣлъ высокій!
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему: и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы:
Сіянье вѣры имъ пролей!..
И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный
Прозрачный Вышняго покровъ.

Къ этимъ стихамъ прибавлять нечего: они такъ полно, такъ краснорѣчиво выражаютъ все, что теперь на душѣ каждаго русскаго, особенно послѣ той торжественной минуты, когда мы, въ Высочайшемъ Манифестѣ отъ 11-го апрѣля, услышали съ Престола многознаменательныя слова, столь глубоко отозвавшіяся во всѣхъ сердцахъ, которыя бьются любовію къ Монарху и къ отечеству, слова, разоблачившія передъ вселенной коварную политику нашихъ западныхъ враговъ.

ГИМНАСТИКА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ [1]).

1859.

Къ числу предметовъ, которые гораздо болѣе извѣстны по имени, нежели по самому существу своему, надобно отнести между прочимъ и гимнастику. Въ самомъ дѣлѣ, кто не употребляетъ этого слова и какъ мало людей, имѣющихъ вѣрное понятіе о томъ, что̀ оно выражаетъ; еще гораздо менѣе такихъ, которые пользуются великимъ источникомъ здоровья, кроющимся въ гимнастикѣ.

Гимнастика была извѣстна еще древнимъ; но у нихъ она имѣла совсѣмъ другое значеніе. Правда, она пользовалась большимъ уваженіемъ и считалась однимъ изъ существенныхъ условій воспитанія юношества; но цѣлію ея было собственно развитіе силы, ловкости и красоты. Здоровье почти не входило въ расчетъ; притомъ гимнастика древнихъ основывалась только на медицинскомъ инстинктѣ, а не на точныхъ познаніяхъ. Съ паденіемъ греко-римскаго міра она была совершенно забыта и не прежде, какъ по прошествіи полуторы тысячъ лѣтъ, т. е. въ началѣ нынѣшняго вѣка, снова обратила на себя вниманіе: зато теперь она получила высшее развитіе и приведена была въ научныя формы. Въ настоящемъ своемъ значеніи это такое соединеніе науки и искусства, которое стремится, согласно съ законами природы, доставить человѣческому тѣлу посредствомъ движенія гармоническое развитіе въ возможно-высокой степени.

Это новое направленіе гимнастика первоначально получила въ Швеціи, благодаря знаменитому *Лингу*, необыкновенно даровитому человѣку, который прославился и въ литературѣ, какъ замѣчательный писатель. Окончивъ курсъ наукъ въ Упсалѣ, онъ долго путешествовалъ по Европѣ и въ борьбѣ съ нуждою возымѣлъ мысль привести въ систему законы движенія человѣческаго тѣла; по возвращеніи въ отечество, онъ нашелъ возможность приступить къ осуществленію этой идеи, получивъ мѣсто фехтовальнаго учителя въ Лундскомъ университетѣ. Мало-по-малу въ умѣ его возникъ вопросъ: нельзя ли тщательно придуманными движеніями исцѣлять тѣлесные недуги и недостатки? Рѣшеніемъ этой задачи онъ сталъ особенно заниматься, когда переведенъ былъ въ Стокгольмъ. Въ 1813 году подалъ онъ государственнымъ чинамъ записку о врачебной гимнастикѣ. По разсмотрѣніи ея сеймъ призналъ въ этомъ дѣлѣ національный интересъ и ассигновалъ сумму на учрежденіе въ Стокгольмѣ главнаго гимнастическаго

[1]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1859, № 12.

заведенія. Лингъ былъ назначенъ директоромъ его и завѣдывалъ имъ до самой смерти своей въ 1839 году. Преемникомъ его сдѣлался одинъ изъ учениковъ его профессоръ Брантингъ, который до сихъ поръ продолжаетъ развивать ученіе Линга какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ.

Какъ всякая новая идея, гимнастика, созданная Лингомъ, не могла съ самаго начала возбудить общаго сочувствія; сознаніе въ ея пользѣ распространялось медленно, но тѣмъ надежнѣе. Нынче почти во всѣхъ главныхъ городахъ Европы находится уже по нѣскольку гимнастическихъ заведеній. Изъ нихъ мы можемъ указать на слѣдующія: въ Стокгольмѣ три такихъ заведенія; въ Лондонѣ четыре; въ Берлинѣ четыре. Изъ Берлина врачебная гимнастика стала распространяться по всей Германіи: многіе изъ городовъ Пруссіи имѣютъ по одному заведенію, напримѣръ Штеттинъ, Данцигъ, Кенигсбергъ. Въ Австріи ихъ три: два въ Вѣнѣ и одно въ Прагѣ. Въ Саксоніи также три, и изъ нихъ два въ Дрезденѣ, а третье въ Фрейбергѣ. Такія же заведенія есть въ Штутгардтѣ, въ Мекленбургъ-Стрелицѣ, Гамбургѣ, Бременѣ, Касселѣ, Гиженѣ, Вюрцбургѣ. Сверхъ того начинаютъ ихъ устраивать при минеральныхъ водахъ; такъ это сдѣлано уже въ Мюнхенѣ и Эмсѣ. Наконецъ, въ Германіи врачебная гимнастика, какъ наука, стала проникать уже и въ кругъ университетскаго преподаванія: по крайней мѣрѣ въ 1855 году читались въ Прагѣ лекціи по этому предмету.

У насъ гимнастика ранѣе всего проникла въ Финляндію, какъ страну, ближайшую къ Швеціи и по мѣстоположенію, и по быту своему. При Гельсингфорсскомъ университетѣ устроена просторная гимнастическая зала, которою могутъ пользоваться всѣ городскіе жители, и въ числѣ штатныхъ преподавателей находится учитель гимнастики съ нѣсколькими помощниками. Въ недавнее время въ Гельсингфорсѣ возникло еще гимнастическое заведеніе при одномъ изъ училищъ. Подобныя заведенія существуютъ при гимназіяхъ и въ разныхъ другихъ городахъ Финляндіи, такъ же какъ въ Швеціи. Изъ Финляндіи гимнастика около 1830 года проникла и въ Петербургъ, гдѣ она уже тогда, хотя еще въ слабой степени, была введена при военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 30-хъ годахъ покойный Паули, шведскій уроженецъ, содержалъ здѣсь въ Петербургѣ большую гимнастическую залу, которая помѣщалась на углу Мѣщанской и Новаго переулка. По смерти Паули главнымъ двигателемъ гимнастики въ Петербургѣ явился соотечественникъ его Де-Ронъ, который и сдѣлалъ для нея много, но оказалъ бы ей, конечно, еще болѣе услугъ, если бы не столько увлекался излишнимъ, почти фанатическимъ жаромъ, заставлявшимъ его видѣть въ гимнастикѣ первое условіе благоденствія государствъ и народовъ. Де-Рону ввѣрено было завѣдываніе гимнастическими упражненіями въ столичныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ гвардейскомъ корпусѣ;

сверхъ того онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ получалъ отъ правительства значительное пособіе на содержаніе частнаго гимнастическаго заведенія, устроеннаго имъ для публики на Англійской набережной. Въ нынѣшнемъ году Де-Ронъ оставилъ Россію и заведеніе его перешло въ руки главнаго сотрудника его, доктора Берглинда, изучившаго гимнастику въ Швеціи. Такимъ образомъ жители Петербурга имѣютъ возможность пользоваться однимъ изъ важнѣйшихъ пособій для поддержанія и исправленія здоровья. Еще самъ Лингъ раздѣлилъ гимнастику на четыре разряда: 1) гимнастику для здоровыхъ, 2) военную, 3) эстетическую, имѣющую цѣлью выражать въ тѣлесныхъ движеніяхъ идею красоты, и 4) врачебную, которая исцѣляетъ болѣзни движеніями страждущаго, производимыми его собственною или постороннею силою.

Послѣдняя, т. е. врачебная гимнастика, заслуживаетъ особенное вниманіе: дѣйствительность и важность ея признается уже почти всѣми лучшими врачами въ Европѣ, которые смотрятъ на дѣло безпристрастно. Изъ числа извѣстнѣйшихъ германскихъ медиковъ многіе уже отдали ей полную справедливость въ своихъ сочиненіяхъ, наприм. Иделаръ, Рихтеръ, Вирховъ, Фроринъ, Вундерлихъ. Одинъ изъ нихъ, Рихтеръ, ознакомившійся съ этою отраслью гимнастики въ самомъ Стокгольмѣ, между прочимъ такъ отзывается о ней:

Благодаря изученію анатоміи и физіологіи, шведскіе гимнасты основали на познаніи человѣческаго организма новую науку о тѣлесныхъ движеніяхъ. Многочисленными, долголѣтними опытами они старались выяснить, какимъ образомъ каждое движеніе мускуловъ, а также и цѣлыя группы такихъ движеній дѣйствуютъ на отдѣльныя части тѣла и на весь остальной организмъ, напр. какіе мускулы участвуютъ въ этомъ прямо и какіе только для сохраненія равновѣсія; каково первичное дѣйствіе движеній; какія они имѣютъ послѣдствія при продолжительномъ, часто повторяющемся упражненіи; какъ оно отзывается на внутреннихъ частяхъ, на мозгѣ, на спинномъ хребтѣ, на развитіи легкихъ, на біеніяхъ сердца, на распредѣленіи крови въ отдѣльныхъ сѣткахъ волосныхъ сосудовъ и т. д. Этихъ опытовъ, которые началъ Лингъ, а продолжалъ Брантингъ, накопилось чрезвычайно много. Въ одной врачебной гимнастикѣ насчитываютъ до 2.000 такихъ, которыхъ дѣйствія съ точностію опредѣлены.

Поэтому гимнастика вовсе не состоитъ въ произвольномъ скаканіи, лазаньи, борьбѣ и тому подобныхъ движеніяхъ, которыя, напротивъ, осуждаются ею; она не состоитъ также въ фокусахъ, доказывающихъ силу или ловкость, и предоставляетъ ихъ акробатамъ. Она строго держится той основной мысли, что человѣкъ посредствомъ систематическихъ, органически-связанныхъ между собой упражненій, сначала простыхъ, потомъ болѣе и болѣе сложныхъ и трудныхъ, становится мало-по-малу способнымъ вполнѣ располагать своими тѣлесными силами. Врачебная

гимнастика не ограничивается лѣченіемъ тѣхъ, которые одержимы такъ называемыми тѣлесными недостатками, напр. кривобокихъ: она занимается исцѣленіемъ самыхъ разнообразныхъ недуговъ, какъ-то болѣзней нервной системы, кровяныхъ сосудовъ легкихъ, желудка и проч.

Послѣ подробнаго разспроса или осмотра каждаго больного, директоръ заведенія вручаетъ ему записку, какъ-бы гимнастическій рецептъ, гдѣ по порядку означены всѣ движенія, которымъ паціентъ или только страждущая часть тѣла будетъ подвергаться.

Движенія, ведущія къ облегченію больного, бываютъ *активныя* или *пассивныя*, т. е. либо самъ больной долженъ производить подъ надзоромъ гимнаста предписанныя движенія мускуловъ, либо гимнастъ приводитъ ихъ въ движеніе, между тѣмъ какъ больной только удерживается отъ произвольнаго употребленія своихъ мускуловъ. Есть еще *активно-пассивныя* движенія, происходящія при условленномъ участіи обѣихъ сторонъ.

Эти упражненія чрезвычайно разнообразны, но каждое изъ нихъ имѣетъ свою опредѣленную мѣру и продолжительность, смотря по предписанію. Въ промежуткахъ больные отдыхаютъ или прохаживаются по залѣ. „Всѣ они, говоритъ докторъ Рихтеръ, были въ веселомъ расположеніи духа и очень довольны ходомъ лѣченія. Между прочими, прибавляетъ онъ, мнѣ показали посланника одной изъ первостепенныхъ державъ, который, тщетно испробовавъ всевозможныя лѣкарства отъ застарѣлаго недуга, наконецъ обратился къ гимнастикѣ и совершенно исцѣлился“ [1]).

Швеція справедливо гордится своею національною гимнастикой и стокгольмскимъ институтомъ. Выше мы видѣли, какіе успѣхи сдѣлала уже и въ другихъ странахъ эта отрасль попеченія о народномъ здравіи. Пора ей и у насъ въ Россіи обратить на себя общее вниманіе. Военная гимнастика давно уже введена въ гвардейскомъ и гренадерскомъ корпусахъ, а также и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ другихъ городахъ. Мы слышали, что недавно и при Харьковскомъ университетѣ устроена гимнастическая зала и опредѣленъ преподаватель гимнастики. Желательно, чтобы и другіе наши университеты послѣдовали этому благому примѣру. Въ Петербургѣ гимнастическое заведеніе существуетъ уже болѣе двадцати лѣтъ, и нынѣ находится въ такихъ хорошихъ рукахъ, что можно смѣло надѣяться на прочный успѣхъ этого полезнаго дѣла въ Россіи. Директоръ заведенія, г. Берглиндъ, пройдя курсъ медицины въ Упсалѣ, ознакомился съ научными основаніями гимнастики въ стокгольмскомъ

---

[1]) Die Schwedische national-und medicinische Gymnastik. Dresden und Leipzig 1845.

институтѣ, гдѣ не только производятся упражненія, но и преподается гимнастика, какъ наука, для образованія искусныхъ по этой части руководителей. Главный помощникъ директора, г. Польманъ, былъ также воспитанникомъ этого института и потомъ содержалъ въ Швеціи свое собственное гимнастическое заведеніе, что̀ достаточно ручается за его опытность и знаніе дѣла. При нихъ еще нѣсколько помощниковъ, участвующихъ въ упражненіяхъ или наблюдающихъ за ними. Въ здѣшней гимнастической залѣ упражненія бываютъ двоякія: одни для здоровыхъ, другія для больныхъ, такъ что и посѣтители ея раздѣляются на два главные отдѣла. Третій, дополнительный отдѣлъ, составляютъ дѣти, которыми занимается особый помощникъ. Ежедневно по два раза эта просторная и свѣтлая зала, снабженная всѣми возможными гимнастическими снарядами, оживляется движеніемъ и говоромъ [1]). При дѣятельной заботливости и внимательности завѣдывающихъ ею, никто изъ посѣтителей не остается долго безъ дѣла: здоровые совершенствуются въ силѣ и ловкости, больные ведутъ методическую борьбу съ своими недугами, дѣти пріобрѣтаютъ бойкость и развязность, бѣгая, прыгая и перенимая съ веселыми кликами показываемыя имъ движенія. Даже и безъ намѣренія постоянно посѣщать это заведеніе, сто̀итъ побывать въ немъ, и мы совѣтуемъ всѣмъ образованнымъ людямъ, которымъ дорогъ всякій успѣхъ человѣчества, поближе ознакомиться съ гимнастикой: конечно, ее еще ожидаетъ со временемъ весьма важная роль въ развитіи народовъ.

Для полноты представленнаго нами обзора хода гимнастики въ Петербургѣ, мы должны заключить его свѣдѣніемъ, полученнымъ нами уже тогда, когда предыдущія строки были написаны: въ павиліонѣ Инженернаго Замка устроено еще гимнастическое заведеніе, подъ надзоромъ г. Вальфельта, преемника Де-Рона въ преподаваніи гимнастики по гвардейскому корпусу. Помѣщеніе обѣихъ залъ въ двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга частяхъ столицы открываетъ петербургскимъ жителямъ тѣмъ бо̀льшую возможность пользоваться гимнастикою.

---

[1]) Она помѣщается на Англійской набережной, въ Замятниномъ переулкѣ, и бываетъ ежедневно открыта по утру отъ 8 до 10 часовъ и пополудни отъ 2 до 4½ часовъ. Цѣны за посѣщеніе залы назначены весьма умѣренныя, именно по 15 р. въ мѣсяцъ съ лицъ, пользующихся гимнастикою врачебною, и по 10 съ остальныхъ.

ПО ПОВОДУ УЧРЕЖДЕНІЯ ГИМНАСТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ [1]).

1869.

Въ Петербургѣ образовалось недавно врачебно-гимнастическое общество. Нельзя не привѣтствовать его, какъ важный шагъ къ удовлетворенію одной изъ самыхъ существенныхъ потребностей нашей публики. Правда, что эта потребность ею самою еще не довольно сознается, но къ числу задачъ новаго общества именно и должно относиться, между прочимъ, распространеніе вѣрныхъ объ этомъ дѣлѣ понятій.

Гимнастика была извѣстна еще древнимъ; но у нихъ она имѣла совсѣмъ другое значеніе. Правда, она пользовалась большимъ уваженіемъ и считалась однимъ изъ существенныхъ условій воспитанія юношества; но цѣлью ея было собственно только развитіе силы, ловкости и красоты. Здоровье почти не входило въ расчетъ; притомъ, гимнастика древнихъ основывалась только на медицинскомъ инстинктѣ, а не на точныхъ познаніяхъ. Съ паденіемъ греко-римскаго міра она была совершенно забыта, и не прежде, какъ по прошествіи полуторы тысячи лѣтъ, т. е. въ началѣ нынѣшняго вѣка, снова обратила на себя вниманіе, зато теперь она получила высшее развитіе на научныхъ основаніяхъ. Въ настоящемъ своемъ значеніи это такое соединеніе науки и искусства, которое стремится, согласно съ законами природы, доставить человѣческому тѣлу посредствомъ движенія возможно-гармоническое развитіе.

Это новое направленіе дано было гимнастикѣ въ Швеціи знаменитымъ Лингомъ, необыкновенно даровитымъ человѣкомъ, который прославился и въ литературѣ, какъ замѣчательный писатель. Окончивъ курсъ наукъ въ Упсалѣ, онъ долго путешествовалъ по Европѣ и въ борьбѣ съ нуждою возымѣлъ мысль привести въ систему законы движенія человѣческаго тѣла; по возвращеніи въ отечество, онъ нашелъ возможность приступить къ осуществленію этой идеи, получивъ мѣсто фехтовальнаго учителя въ лундскомъ университетѣ. Мало-по-малу, въ умѣ его возникъ вопросъ: нельзя ли тщательно-придуманными движеніями исцѣлять тѣлесные недуги и недостатки? Рѣшеніемъ этой задачи онъ сталъ особенно заниматься, когда переведенъ былъ въ Стокгольмъ.

---

[1]) „Голосъ“, 1869, № 319. Хотя эта статья является до нѣкоторой степени повтореніемъ предыдущей, мы все-же не считаемъ удобнымъ ее исключить или сокращать, такъ какъ и появленіе ея спустя десятилѣтіе послѣ первой, и поводъ ея, и нѣкоторыя новыя въ ней данныя представляютъ матеріалъ для исторіи предмета.

Ред.

Въ 1813 году подалъ онъ государственнымъ чинамъ записку о врачебной гимнастикѣ. По разсмотрѣніи ея, сеймъ призналъ въ этомъ дѣлѣ національный интересъ и ассигновалъ сумму на учрежденіе въ Стокгольмѣ центральнаго гимнастическаго института. Лингъ былъ назначенъ директоромъ его и завѣдывалъ имъ до самой смерти своей, въ 1839 году. Швеція и теперь справедливо гордится этимъ заведеніемъ. Какъ всякая новая идея, гимнастика, созданная Лингомъ, не могла съ самаго начала возбудить общаго сочувствія; сознаніе ея пользы распространялось медленно, но тѣмъ надежнѣе. Нынѣ почти во всѣхъ главныхъ городахъ Европы находится уже по нѣскольку гимнастическихъ заведеній. Изъ нихъ своимъ устройствомъ особенно отличается находящееся въ Дрезденѣ.

Гимнастику, смотря по цѣли ея въ разныхъ примѣненіяхъ, раздѣляютъ на различные виды, какъ напримѣръ, на діэтическую, которою пользуются здоровые, педагогическую, военную, эстетическую, и т. п. Но самый важный видъ составляетъ гимнастика врачебная, которая исцѣляетъ болѣзни движеніями страждущаго, производимыми его собственною или постороннею силою. Дѣйствительность врачебной гимнастики признается уже почти всѣми врачами въ Европѣ, которые смотрятъ на дѣло безпристрастно. Изъ числа извѣстнѣйшихъ германскихъ медиковъ, многіе уже отдали ей полную справедливость въ своихъ сочиненіяхъ, напримѣръ: Иделаръ, Рихтеръ, Вирховъ, Фроріпъ, Вундерлихъ. Одинъ изъ нихъ, Рихтеръ, ознакомившійся съ этою отраслью гимнастики въ самомъ Стокгольмѣ, между прочимъ, такъ отзывается о ней:

„Благодаря изученію анатоміи и физіологіи, шведскіе гимнасты основали на познаніи человѣческаго организма новую науку о тѣлесныхъ движеніяхъ. Многочисленными, долголѣтними опытами они старались выяснить, какимъ образомъ каждое движеніе мускуловъ, а также и цѣлыя группы такихъ движеній дѣйствуютъ на отдѣльныя части тѣла и на весь остальной организмъ, напримѣръ, какіе мускулы участвуютъ въ этомъ прямо и какіе только для сохраненія равновѣсія; каково первичное дѣйствіе движеній; какія они имѣютъ послѣдствія при продолжительномъ, часто повторяющемся упражненіи; какъ оно отзывается на внутреннихъ частяхъ, на мозгѣ, на спинномъ хребтѣ, на развитіи легкихъ, на біеніяхъ сердца, на распредѣленіи крови въ отдѣльныхъ сѣткахъ, волосяныхъ сосудовъ и т. д. Этихъ опытовъ, которые началъ Лингъ, а продолжалъ Брантингъ, накопилось чрезвычайно много. Въ одной врачебной гимнастикѣ насчитываютъ до 2.000 такихъ, которыхъ дѣйствія съ точностью опредѣлены.

„Поэтому, гимнастика вовсе не состоитъ въ произвольномъ скаканіи, лазаньи, борьбѣ и тому подобныхъ движеніяхъ, которыя, напротивъ, осуждаются ею; она не состоитъ также въ фокусахъ, доказывающихъ

силу или ловкость, и предоставляетъ ихъ акробатамъ. Она строго держится той основной мысли, что человѣкъ, посредствомъ систематическихъ, органически-связанныхъ между собою упражненій, сначала простыхъ, потомъ болѣе и болѣе сложныхъ и трудныхъ, становится, мало-по-малу, способнымъ вполнѣ располагать своими тѣлесными силами. Врачебная гимнастика не ограничивается лѣченіемъ тѣхъ, которые одержимы такъ называемыми тѣлесными недостатками, напримѣръ кривобокихъ: она занимается исцѣленіемъ самыхъ разнообразныхъ недуговъ, какъ-то: болѣзней нервной системы, кровяныхъ сосудовъ, легкихъ, желудка, и проч.

Описавъ потомъ самый ходъ занятій въ стокгольмскомъ центральномъ институтѣ, докторъ Рихтеръ говоритъ о посѣтителяхъ, которыхъ ему случилось тамъ видѣть: „Всѣ они были въ веселомъ расположеніи духа и очень довольны ходомъ лѣченія. Между прочими — прибавляетъ онъ — мнѣ показали посланника одной изъ первостепенныхъ державъ, который, тщетно испробовавъ всевозможныя лѣкарства отъ застарѣлаго недуга, наконецъ, обратился къ гимнастикѣ и совершенно исцѣлился".

Точно такъ же и намъ самимъ довелось однажды встрѣтиться въ петербургскомъ гимнастическомъ заведеніи съ однимъ изъ извѣстныхъ нашихъ сановниковъ: онъ разсказывалъ намъ, что, долгое время страдавъ безсонницею, отъ которой ничто ему не помогало, прибѣгнулъ недавно къ врачебной гимнастикѣ и уже черезъ четыре дня началъ спать.

Надобно сознаться, что мы, русскіе, вообще говоря, слишкомъ мало понимаемъ важность физическаго воспитанія и діэтетики, а тѣмъ менѣе гимнастики. Въ этомъ отношеніи мы еще замѣтно отстаемъ отъ другихъ государствъ, гдѣ эти условія здоровья уже давно цѣнятся большинствомъ образованныхъ людей. У насъ, даже въ столицахъ, рѣдко кто съ молоду бываетъ пріученъ подчиняться, въ образѣ жизни, въ занятіяхъ, пищѣ и снѣ, здравымъ началамъ, которыхъ необходимость познана вѣками. Вниманіе къ такимъ правиламъ многіе считаютъ даже смѣшнымъ педантизмомъ. А между тѣмъ, отъ соблюденія ихъ зависитъ лучшее благо жизни — прочное здоровье и самая долговѣчность. Вотъ почему гимнастика у насъ оказывается особенно нужною, частью для предупрежденія болѣзней, происходящихъ отъ неправильнаго или сидячаго образа жизни, частью для исцѣленія развившихся уже недуговъ. Но что мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Наши гимнастическія заведенія посѣщаются, по большой части, людьми иностраннаго происхожденія; а если и покажется тамъ изрѣдка коренной русскій человѣкъ, то можно почти навѣрно сказать, что это будетъ ненадолго: онъ заплатитъ деньги, начнетъ ходить, но скоро ему это наскучитъ, и онъ, мало-по-малу, отстанетъ. Такъ-то въ насъ мало выдержки и терпѣнія!

Отъ отсутствія гимнастики всего болѣе страдаетъ у насъ возрастающее поколѣніе. Воспитанники нашихъ учебныхъ заведеній, по большей части блѣдные и худые, служатъ печальнымъ свидѣтельствомъ нашего невниманія къ ихъ будущему. И добро бы это вознаграждалось общимъ уровнемъ ихъ умственнаго образованія! Но можемъ ли мы похвалиться этимъ передъ Западною Европою, гдѣ молодые люди менѣе сидятъ, но болѣе знаютъ! Нашъ гимназистъ проводитъ 6 часовъ дня въ училищѣ, по большей части въ душномъ классѣ, сгорбившись надъ своими тетрадями; въ краткіе промежутки между часовыми уроками онъ рѣдко дышитъ чистымъ воздухомъ; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ ему даже нѣгдѣ пройтись на просторѣ, не говоря уже о томъ, чтобъ ему хорошенько размяться, побѣгать или повозиться. Когда онъ воротится домой, ему опять не до отдыха, не до прогулки: чтобъ успѣть приготовить заданные уроки, онъ долженъ иногда тотчасъ же опять засѣсть и работать вплоть до обѣда, а послѣ обѣда снова приняться за дѣло и сидѣть до поздняго вечера. Въ цѣлой Европѣ ни одинъ взрослый человѣкъ, ни государственный сановникъ, ни ученый не сидитъ въ сутки столько часовъ надъ рабочимъ столомъ, какъ нашъ бѣдный гимназистъ, если онъ хочетъ совѣстливо исполнить то, чего отъ него требуютъ, если у него есть благородное честолюбіе.

На помощь такимъ-то, между прочимъ, жертвамъ нашего порядка вещей является теперь новое гимнастическое общество. Первая попытка введенія гимнастики въ наши училища относится къ началу 30-хъ годовъ. Во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ были тогда настроены разнаго рода гимнастическіе аппараты, столбы, брусья, лѣстницы и т. п. Но вскорѣ, къ сожалѣнію, оказалось, что все это сдѣлано было, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, только для виду. Стало ясно, что начальствовавшія лица не оцѣнили благой идеи правительства и уклонялись отъ ея исполненія, вѣроятно, опасаясь съ одной стороны, лишняго расхода, а съ другой — нарушенія своего спокойствія ушибами, паденіями и тому подобными случайностями, при которыхъ уже нельзя было бы сказать, что «все обстоитъ благополучно». Черезъ нѣсколько лѣтъ, однакожъ, благодаря переселенію къ намъ изъ Швеціи нѣсколькихъ усердныхъ гимназіарховъ, дѣло пустило здѣсь корни. Подъ руководствомъ этихъ лицъ подготовлено было въ военномъ вѣдомствѣ изъ бывшихъ кантонистовъ довольно большое число практическихъ учителей гимнастики, которые много лѣтъ и преподавали ее, съ умѣньемъ и ловкостью, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Нельзя при этомъ случаѣ не помянуть съ благодарностью двухъ шведовъ, гг. Паули и Де-Рона, которые одинъ за другимъ содержали въ Петербургѣ главное гимнастическое заведеніе и своей ревностью къ дѣлу много способствовали первоначальному успѣху его въ Россіи. Де-Рону ввѣрено было завѣдываніе гимнастическими упражненіями въ столичныхъ военно-учеб-

ныхъ заведеніяхъ и въ гвардейскомъ корпусѣ; сверхъ того, онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ получалъ отъ правительства значительное пособіе на содержаніе частнаго гимнастическаго заведенія. Въ 1858 году Де-Ронъ оставилъ Россію, и заведеніе его перешло въ руки главнаго сотрудника его, доктора Берглинда, окончившаго курсъ медицины въ упсальскомъ университетѣ и пріобрѣвшаго учено-практическое знаніе гимнастики въ стокгольмскомъ заведеніи подъ руководствомъ Брантинга. Въ настоящее время Петербургъ имѣетъ четыре гимнастическія заведенія: одно, прежде принадлежавшее г. Берглинду, а теперь перешедшее въ завѣдываніе новаго гимнастическаго общества (на углу Невскаго проспекта и Большой Садовой); другое — г. Вальфельта (въ павильонѣ инженернаго замка); третье доктора Бенезе (въ адмиралтействѣ) и четвертое — г. Клевезаля (у Синяго моста). Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, сколько намъ извѣстно, употребляются одни и тѣ же пріемы шведской гимнастики.

Послѣ подробнаго разспроса или осмотра каждаго больного, директоръ заведенія вручаетъ ему записку, какъ-бы гимнастическій рецептъ, гдѣ по порядку означены всѣ движенія, которымъ паціентъ или только страждущая часть тѣла будетъ подвергаться.

Движенія, ведущія къ облегченію больного, бываютъ активныя или пассивныя, т. е. или самъ больной долженъ производить подъ надзоромъ гимнаста предписанныя движенія мускуловъ, или гимнастъ приводитъ ихъ въ движеніе, между тѣмъ, какъ больной только сдерживается отъ произвольнаго употребленія своихъ мускуловъ. Есть еще активно-пассивныя движенія, происходящія при участіи обѣихъ сторонъ.

Эти упражненія чрезвычайно разнообразны, но каждое изъ нихъ имѣетъ свою опредѣленную мѣру и продолжительность, смотря по предписанію. Въ промежуткахъ больные отдыхаютъ или прохаживаются по залѣ. У каждаго гимназіарха (учителя гимнастики) нѣсколько помощниковъ, участвующихъ въ упражненіяхъ и руководящихъ ими. Упражненія бываютъ двоякія: одни для здоровыхъ, другія для больныхъ, такъ что и посѣтители раздѣляются на два главные отдѣла. Третій, дополнительный отдѣлъ составляютъ дѣти, которыми занимается особый помощникъ. Ежедневно залы, снабженныя всѣми возможными гимнастическими снарядами, оживляются движеніемъ и говоромъ. При дѣятельной заботливости и внимательности директора, никто изъ посѣтителей не остается долго безъ дѣла: здоровые совершенствуются въ силѣ и ловкости, больные ведутъ методическую борьбу съ своими недугами, дѣти пріобрѣтаютъ бойкость и развязность, бѣгая, прыгая и перенимая съ веселыми кликами показываемыя имъ движенія. Даже и безъ намѣренія постоянно посѣщать эти заведенія, стоитъ побывать въ одномъ изъ нихъ, и мы совѣтуемъ всякому поближе ознакомиться съ гимнастикой. Можно надѣяться, что въ будущемъ ее ожидаетъ важ-

ная воспитательная роль въ развитіи обществъ; она должна пріобрѣсти государственное значеніе для физическаго воспитанія европейскихъ народовъ.

Въ нынѣшнее время число лицъ обоего пола, посѣщающихъ гимнастическія заведенія въ Петербургѣ, сравнительно, еще очень невелико; а главное — эти заведенія слишкомъ мало доступны для молодого поколѣнія и не выполняютъ важнѣйшей потребности — не доставляютъ учителей и учительницъ гимнастики.

Понятно, что безъ этого послѣдняго условія судьба гимнастики у насъ лишена своего главнаго обезпеченія, такъ какъ запасъ приготовленныхъ нѣкогда учителей безпрестанно истощается и все рѣже становятся люди, способные вести дѣло сознательно, на правильныхъ основаніяхъ. Вотъ почему докторъ Берглиндъ, полюбившій Россію, какъ второе свое отечество, возымѣлъ благую мысль учредить такое общество, которое, содѣйствуя вообще распространенію у насъ гимнастики, особенно поставило бы себѣ задачею: 1) подготовленіе спеціалистовъ для ея преподаванія и 2) облегченіе средствъ ею пользоваться, особенно воспитывающейся молодёжи.

Начало этого предпріятія увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: мысль г. Берглинда одобрена высшимъ правительствомъ, съ высочайшаго разрѣшенія учреждено врачебно-гимнастическое общество и уставъ его утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Теперь публикѣ предстоитъ поддержать это полезное дѣло. Нельзя сомнѣваться, что просвѣщенная администрація нашихъ гражданскихъ и военно-учебныхъ заведеній, а также и начальства женскихъ училищъ поспѣшатъ воспользоваться возможностью дать нашему молодому поколѣнію то, чего ему до сихъ поръ недоставало. Гимнастика — лучшая опора и сотрудница педагогіи. Учебное вѣдомство можетъ разными способами оказать поддержку возникающему гимнастическому обществу; такое содѣйствіе можетъ состоять или въ уступкѣ помѣщеній для устройства гимнастическихъ залъ, или въ присылкѣ учениковъ въ одинъ изъ такихъ отдѣловъ заведенія для упражненія за условленную плату, или, наконецъ, въ назначеніи лицъ, которыя, подъ надзоромъ дирекціи гимнастическаго общества, могли бы готовиться къ занятію со временемъ учительской, по этому предмету, должности. Главнымъ помѣщеніемъ врачебно-гимнастическаго общества служитъ бывшее заведеніе г. Берглинда. Кромѣ членовъ, могутъ пользоваться гимнастикою и сторонніе посѣтители. Свидѣтельство о бѣдности, представленное за подписью трехъ членовъ, освобождаетъ отъ всякой платы за посѣщеніе залы. Желающій поступить въ дѣйствительные члены предлагается двумя членами общества [1]); списокъ лицъ, предлагаемыхъ въ члены, до бало-

[1]) Каждый дѣйствительный членъ вноситъ въ первый годъ 25 р., а въ послѣдующіе 20 р.; желающіе же пользоваться не одною только діэтетическою (активною) въ

тировки вывѣшивается въ залѣ общества. Дѣлами его завѣдуетъ дирекція, состоящая изъ трехъ членовъ, гимназіарха (нынѣ доктора Берглинда) и врача заведенія; лица эти избираютъ изъ себя предсѣдателя. Дѣла, превышающія власть дирекціи, рѣшаются общимъ собраніемъ, въ которомъ участвуютъ съ правомъ голоса всѣ члены общества.

Пожелаемъ успѣха прекрасному дѣлу, за которое взялись люди, понимающіе всю важность его, готовые служить ему своими способностями и временемъ. Дай Богъ, чтобъ и тѣ, отъ которыхъ зависитъ содѣйствіе доброму начинанію, а особенно лица, стоящія во главѣ воспитанія, прониклись убѣжденіемъ, какую великую пользу они могутъ принести возрастающему поколѣнію средствами, предлагаемыми гимнастическимъ обществомъ.

ЗАМѢТКА ПО ВОПРОСУ О НАРОДНОМЪ ЛѢЧЕБНИКѢ [1].

1863.

Недавно въ Сѣверной Пчелѣ была напечатана небольшая статья, которая обрадовала всѣхъ понимающихъ пользу гомеопатіи и желающихъ блага человѣчеству: это было извѣщеніе о вновь изготовляемомъ лѣчебникѣ. Пріятное впечатлѣніе, произведенное этою статьею на весьма многихъ, было выражено кѣмъ-то въ № 289 Сѣверной Пчелы. Но другое лицо, занимающее значительное мѣсто въ медицинскомъ управленіи, сочло нужнымъ уничтожить такое пріятное впечатлѣніе протестомъ противъ офиціальнаго признанія гомеопатіи (Сѣвер. Пчела № 310, 1862 г.).

Это подаетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ — не въ защиту гомеопатіи (судьбу ея должно рѣшить будущее), а относительно общей идеи протеста и еще одной выраженной въ немъ мысли.

Вредна ли гомеопатія? Нѣтъ, и самые ожесточенные враги ея видятъ въ ней одну бѣду: она *вовсе* не дѣйствуетъ, ея дѣйствіе только воображаемое. Но вѣдь нѣтъ закона, который запрещалъ бы больному не лѣчиться, если онъ лѣчится безвреднымъ, хотя, положимъ, и безполезнымъ способомъ? Конечно, прямо этого и не запрещаютъ; однако-жъ, стараются противодѣйствовать распространенію невиннаго врачеванія.

общемъ отдѣленіи гимнастикою, но и врачебною, платятъ, сверхъ того, ежегодно по 20 рублей. Впослѣдствіи, какъ скоро окажется возможнымъ, эти взносы будутъ уменьшены.

[1]) Сѣверная Пчела 1863 г. № 72.

Запретить его нельзя: если государство терпитъ въ предѣлахъ своихъ, рядомъ съ господствующею вѣрою, и другія не только христіанскія, но и не христіанскія вѣроисповѣданія, то какъ же будетъ оно стѣснять свободу каждаго въ выборѣ того или другого способа возстановленія здоровья или спасенія жизни?

Извѣстно, что ничто въ мірѣ не пролагаетъ себѣ пути такъ медленно, какъ новыя истины.

Несовершенство старой медицины признается всѣми, даже и самыми органами ея. Представьте же себѣ, что вдругъ явилась бы другая медицина, противоположная первой и болѣе совершенная. Какъ вы думаете, легко ли новая медицина побѣдила бы старую, защищаемую цѣлой корпораціей медиковъ и аптекарей? Торжество новой медицины могло бы зависѣть только отъ одного изъ трехъ слѣдующихъ факторовъ: отъ правительства, отъ медиковъ или отъ общества.

Разсмотримъ, какъ можно короче, степень вѣроятія успѣха отъ каждаго изъ этихъ трехъ факторовъ.

Правительство можетъ дѣйствовать, разумѣется, только на основаніи мнѣній офиціальныхъ органовъ медицины, которые, конечно, не легко допустятъ въ ряды свои представителя новизны. Противное было бы несогласно ни съ общими свойствами человѣческой природы, ни съ исторіею. Случай, чтобы лица, облеченныя высшею властію, пріобрѣли собственное убѣжденіе въ превосходствѣ *новой* медицицы, и стали дѣйствовать вопреки офиціальнымъ представителямъ *старой*, можетъ составлять только весьма рѣдкое исключеніе. Слѣдовательно, не отъ правительства новая медицина могла бы ожидать успѣха.

Такъ, можетъ быть, отъ *медиковъ?* Само собой разумѣется, что пока новая медицина не пріобрѣтетъ полнаго признанія и всѣхъ правъ гражданства нельзя предполагать, чтобъ многіе изъ медиковъ стали переходить на сторону ея. Но что было бы, если бъ новая медицина угрожала представителямъ старой уменьшеніемъ ихъ дѣла и вообще сильной конкурренціей? Итакъ, со стороны послѣдователей старой школы можно ожидать только противодѣйствія новой. Что касается медиковъ новой школы, то они своимъ искусствомъ, своими удачными исцѣленіями, конечно, могли сами содѣйствовать распространенію своего способа лѣченія въ обществѣ; однако-жъ, при маломъ числѣ ихъ съ одной стороны, а съ другой при постоянномъ систематическомъ противодѣйствіи дѣятелей старой медицины и настраиваемыхъ ими правительствъ, понятно, что отношеніе новой медицины къ корпораціи медиковъ было бы также невыгодное.

Слѣдовательно, одна надежда остается ей на *общество*? общественный разумъ, общественное мнѣніе рѣшаютъ судьбу новыхъ идей. Общество не можетъ *теоретически* рѣшить, на сторонѣ ли старой или новой медицины правда. Больной, вѣрующій въ старую медицину, не

потому предпочитаетъ ее, что онъ изучилъ ея сущность, понимаетъ ея дѣйствіе, а потому, что онъ вѣритъ въ искусство того или другого дѣятеля ея, или потому, что онъ на себѣ самомъ испыталъ или видѣлъ на другихъ пользу той медицины. На томъ же самомъ, а не на чемъ другомъ, можетъ основываться предпочтеніе, отдаваемое больнымъ новой медицинѣ. Если число вѣрующихъ въ нее увеличивается, значитъ, что и число примѣровъ ея дѣйствительности растетъ. Рѣшеніе превосходства той или другой по теоріи невозможно для профановъ, и споры по этому предмету не ведутъ ни къ чему. Профаны могутъ судить только по опыту или наблюденію.

Все, что мы сказали о предположенной нами новой медицинѣ, можетъ быть отнесено къ гомеопатіи. Мы вовсе не утверждаемъ ея превосходства. Однако-жъ, если въ публикѣ давно есть *настоятельное требованіе* въ пользу этого способа лѣченія, не значитъ ли, что въ немъ есть какой-нибудь прокъ, и что рѣшеніе спора между старой и новой медициной именно и должно быть предоставлено обществу, или, по выраженію занимающаго насъ протеста, *публикѣ*?

Но есть часть публики, которая не знаетъ о гомеопатіи, и которой, однако-жъ, она могла бы оказывать большія благодѣянія. Мы разумѣемъ убогую, достойную состраданія *публику* нашихъ селъ и полей, безпомощную въ медицинскомъ отношеніи. Другъ человѣчества долженъ не только желать, но, сколько можетъ, и содѣйствовать, чтобъ нашему сельскому люду, опустошаемому болѣзнями всякаго рода, сдѣлался доступнымъ такой способъ лѣченія, средства котораго дешево обходятся, легко пересылаются чрезъ большія разстоянія и удобно сберегаются долгое время.

Если это лѣченье безвредно, то какая причина возставать противъ него? Въ такомъ вопросѣ нѣтъ мѣста голосу партій, и жестоко было бы лишить народъ единственнаго исхода изъ беззащитнаго его положенія передъ лицомъ болѣзни и смерти. Скажемъ болѣе: запрещеніе народнаго гомеопатическаго лѣчебника было бы вопіющимъ противорѣчіемъ общему человѣколюбивому духу нынѣшняго нашего правительства.

(*Подпись:* Кто-то изъ публики).

ПЬЯНСТВО И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

1883.

Въ Стокгольмѣ появилась недавно брошюра *О пьянствѣ и его послѣдствіяхъ*. Авторъ ея докторъ Хуссъ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ шведскихъ врачей, поясняетъ, что мысль написать ее возникла у него при посѣщеніи въ Стокгольмѣ собранія одного изъ обществъ трезвости, образовавшихся тамъ въ средѣ рабочаго люда. На этомъ собраніи кто-то изъ присутствовавшихъ съ удивительною ясностью представилъ, какъ было бы полезно издать краткое, простымъ языкомъ написанное сочиненіе о предметѣ, которому вслѣдствіе того и посвящена брошюра.

Въ ней разсматриваются вредныя дѣйствія пьянства, во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, которыя означены въ заглавіи [2]). По важности этого вопроса и для насъ, я намѣренъ сообщить нѣсколько извлеченій изъ книжки г. Хусса, любопытной уже и по свѣдѣніямъ, содержащимся въ ней о степени распространенія пьянства въ Швеціи.

„Что̀ такое опьяненіе? спрашиваетъ авторъ въ началѣ первой главы: это ни болѣе, ни менѣе какъ настоящее отравленіе. Проявленія хмѣля совершенно сходны съ тѣмъ, какія бываютъ вслѣдствіе отравленій разными травами, напримѣръ, бѣленой. При различныхъ степеняхъ опьяненія человѣкъ болѣе или менѣе теряетъ сознаніе: онъ позволяетъ себѣ насиліе, буйство, совершаетъ тяжкія преступленія, даже убійства“ и т. д.

Набросавъ рѣзкими чертами картину унизительнаго состоянія, до котораго доводитъ пьянство, г. Хуссъ многими примѣрами изъ своей практики показываетъ, что часто самое это состояніе влечетъ за собой смерть или побуждаетъ къ самоубійству. Пьяный нерѣдко подвергается особенному роду помѣшательства; всякія болѣзни или наружныя поврежденія принимаютъ гораздо болѣе серіозный и опасный характеръ, когда постигаютъ пьющаго; въ особенности же эпидеміи избираютъ наибольшее число жертвъ между людьми, предающимися этому пороку. Продолжительная нетрезвая жизнь всегда вызываетъ извѣстныя страданія желудка, печени, почекъ и легкихъ и нѣкоторыя изъ этихъ недуговъ оканчиваются водянкой и смертью. Кромѣ того, послѣдствіемъ

---

[1]) Москов. Вѣдом. 1883, № 231, 21 авг.

[2]) Om dryckenskapen och dess folider för den enskilde, för familien, för kommunen, för staten of Magnus Huss. (О пьянствѣ и его послѣдствіяхъ для частнаго лица, для семейства, для общины, для государства). Stockholm. 1882. 8°, 68 стр.

многолѣтней нетрезвости бываетъ особенное измѣненіе дѣятельности мозга и нервовъ, свидѣтельствующее о медленномъ отравленіи, а съ этимъ измѣненіемъ бываетъ сопряженъ замѣтный упадокъ какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ силъ. Наконецъ, въ пьяницѣ мало-по-малу пропадаетъ всякое благочестіе и религіозное чувство, на мѣсто которыхъ является полнѣйшее равнодушіе ко всему высшему.

По поводу часто употребляемаго выраженія, что такой-то „пьетъ умѣренно“ въ брошюрѣ разбирается истинное значеніе этихъ словъ. Ихъ обыкновенно относятъ къ тому, кто употребляетъ водку въ меньшемъ количествѣ нежели пьяница, или, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, къ человѣку, который употребляетъ крѣпкіе напитки не иначе, какъ съ пищей, или, наконецъ, къ тому, кто хотя не ежедневно пьетъ рюмочку предъ столомъ, а только изрѣдка, но можетъ иногда и переступить надлежащую границу. Авторъ указываетъ на опасность именно неопредѣленности этой границы для всякаго умѣренно пьющаго. Никто не дѣлается пьяницей вдругъ, выпиваемая порція мало-по-малу увеличивается, потребность въ охмѣляющемъ напиткѣ постоянно растетъ. Правда, что не всякій умѣренно пьющій становится пьяницей, но въ такъ называемой умѣренности кроется сѣмя невоздержанія, и слабый характеромъ не всегда можетъ устоять противъ часто возвращающихся искушеній. Правда, что большею частію не замѣтно вредныхъ послѣдствій отъ употребленія водки предъ столомъ, но въ теченіе долгаго времени, особенно при сидячемъ образѣ жизни, эта привычка влечетъ за собой ожирѣніе, желудочный катарръ, увеличеніе печени и живота, слизистые застои и геморрой, — недуги весьма серіозные, но обыкновенно приписываемые совсѣмъ другимъ причинамъ. Впрочемъ, всѣ эти неудобства ощущаются только самимъ потребителемъ крѣпкихъ напитковъ; гораздо важнѣе вліяніе, оказываемое примѣромъ его на болѣе или менѣе обширную среду, въ которой онъ вращается.

На вопросъ: можетъ ли пьяница исправиться и возвратиться къ порядочному образу жизни, авторъ брошюры отвѣчаетъ: и да, и нѣтъ. *Да*, если одержимый несчастною страстью во-время опомнится и поймeтъ всю опасность своего положенія. *Во-время*! Но когда же именно? Только пока онъ сохраняетъ сколько-нибудь нравственной силы и еще не сдѣлался рабомъ своей страсти. Но по мѣрѣ ослабленія нравственной силы и воли, возвращеніе къ трезвости становится все труднѣе и, наконецъ, дѣлается невозможнымъ. Какъ же долженъ поступить тотъ, кто въ началѣ гибельнаго пути захочетъ остановиться? Условіе, безъ котораго возвратъ невозможенъ, заключается въ рѣшительномъ зарокѣ не употреблять болѣе никакого охмѣляющаго напитка. Это отреченіе должно быть сдѣлано разомъ и вполнѣ, а не съ тѣмъ, чтобы постепенно уменьшить дозу выпиваемаго. Въ разное время и въ раз-

ныхъ странахъ врачи изыскивали средства къ излѣченію отъ страсти къ вину, но никакія усилія не приводили къ полному успѣху.

Во многихъ мѣстностяхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ учреждались заведенія для исцѣленія отъ пьянства. Въ этихъ заведеніяхъ съ несчастными обращаются какъ съ больными тѣломъ и духомъ, присоединяя къ тому религіозное и нравственное обученіе съ цѣлесообразными занятіями. Результаты въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, какъ утверждаютъ, были благопріятные; въ другихъ не такъ удовлетворительны. Опытъ показалъ, что изъ оставлявшихъ эти заведенія и считавшихся исцѣленными большинство скоро возвращались къ прежнему образу жизни. Въ Европѣ прибѣгали къ тѣмъ же средствамъ и, сколько извѣстно, съ тѣми же результатами. По мнѣнію доктора Хусса, причина неуспѣха заключается въ томъ, что при пріемѣ въ подобныя заведенія слѣдовали правилу, что пьяница долженъ самъ добровольно, безо всякаго внѣшняго принужденія, стараться о поступленіи въ нихъ и добровольно же оставаться тамъ, пока самъ найдетъ, что лѣченіе кончено. Не многіе, предававшіеся пороку, обладаютъ достаточною нравственною силой, которая бы спасала ихъ отъ новаго паденія. Что такія заведенія полезны — несомнѣнно, но чтобы они дѣйствительно достигали цѣли, необходимъ законъ, который бы обязывалъ пьяницу какъ вступать туда, такъ и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока попечителями будетъ признано, что онъ вполнѣ исцѣлился и тѣломъ и духомъ.

На одномъ изъ собраній общества трезвости, разсказываетъ далѣе Dr. Хуссъ, какой-то ораторъ (по ремеслу портной) доказывалъ, что наклонность къ спиртнымъ напиткамъ происходитъ отъ недостатка образованія, и что поэтому необходимо доставить рабочему классу возможность безплатнаго обученія. Противъ этого возражалъ кузнецъ, ссылаясь на то, что онъ, возвращаясь по вечерамъ съ работы, часто видѣлъ, какъ образованные господа выходили шатаясь изъ кофейни или изъ виннаго погреба, или даже были сажаемы на извозчика, потому что сами не могли итти. Онъ заключилъ убѣжденіемъ, что образованіе только тогда можетъ имѣть спасительное дѣйствіе, когда оно опирается на страхъ Божій, единственное вѣрное средство для поддержанія трезвости. Въ подтвержденіе этой мысли, авторъ брошюры, со своей стороны, прибавляетъ, что однажды ему случилось посѣтить деревню, которая поразила его своимъ привѣтливымъ видомъ. Вскорѣ онъ узналъ, что за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ жители этого селенія отличались пьянствомъ и безпутствомъ, но когда вновь назначенный къ нимъ молодой пасторъ горячо принялъ къ сердцу ихъ бѣдственное положеніе и неусыпно сталъ заботиться объ обращеніи ихъ на путь истины и словомъ и примѣромъ, то мало-по-малу все измѣнилось: сначала пьянство стало уменьшаться, а потомъ, на третій годъ, и

вовсе прекратилось: теперь населеніе отличается благочестіемъ и трезвымъ поведеніемъ.

Глава о послѣдствіяхъ пьянства для семьи и домашняго очага начинается выпиской изъ Притчей Соломона (23, 29, 30): „У кого горестныя восклицанія? у кого стоны? у кого ссоры? у кого пустословіе? у кого безвинные побои? у кого мутные глаза? — У тѣхъ, что̀ сидятъ до поздняго времени за виномъ, — у тѣхъ, что̀ ходятъ отвѣдывать напитка, растворенаго съ пряностями".

Въ этой главѣ разсматривается бытъ пьяницы: 1) какъ мужа или жены; 2) какъ отца или матери; 3) какъ господина и 4) какъ хозяина. Приведемъ отсюда только двѣ, три отдѣльныя черты. Точныя и долговременныя наблюденія въ разныхъ странахъ, особенно въ Англіи, доказали, что страсть къ хмѣльнымъ напиткамъ наслѣдственно переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ, точно такъ же, какъ разстройство умственныхъ способностей. Было множество примѣровъ тому, что дѣти лицъ, предававшихся пьянству, даже и тогда, когда они въ малолѣтствѣ были удаляемы изъ родительскаго дома, не могли устоять противъ наслѣдственной наклонности и рано или поздно сами становились пьяницами. Когда мужъ оставляетъ весь свой заработокъ или бо́льшую часть его въ кабакѣ, жена вынуждена сама заботиться и работать для содержанія дѣтей и хозяйства. Дѣти голодаютъ, зябнутъ отъ недостатка одежды. Къ довершенію бѣдствія, они заболѣваютъ. Неудивительно, если въ такихъ обстоятельствахъ душевныя силы женщины падаютъ, если ея отчаяніе переходитъ въ помѣшательство, и страданія приводятъ ее въ больницу. Изъ 716 женщинъ, которыя въ 1879 году находились на лѣченіи въ госпиталяхъ Швеціи, было 84 лишившихся ума вслѣдствіе описанныхъ обстоятельствъ, т. е. восьмая изъ жинщинъ, которыхъ пользовали въ домахъ сумасшедшихъ, впала въ умственное разстройство отъ домашняго горя.

Содержаніе 3-й главы — *Послѣдствія пьянства для общины.* Чѣмъ болѣе въ общинѣ мѣстъ, гдѣ производится продажа водки и другихъ спиртныхъ напитковъ, тѣмъ легче пріобрѣтать ихъ, тѣмъ свободнѣе процвѣтаетъ пьянство со своими спутниками. Послѣ многихъ числовыхъ данныхъ, подтверждающихъ это замѣчаніе тѣмъ, что число лицъ, осужденныхъ за пьянство въ городахъ и мѣстечкахъ несравненно значительнѣе нежели въ деревняхъ, гдѣ продажа вина производится только въ видѣ исключенія (такъ въ Швеціи), авторъ спрашиваетъ, каковы бываютъ послѣдствія пьянства для общины, и отвѣчаетъ: „Чѣмъ значительнѣе въ общинѣ число предающихся пьянству, тѣмъ болѣе въ ней бѣдныхъ и тѣмъ выше налогъ, который она должна нести въ пользу неимущихъ... Главною причиной нищеты является страсть къ хмѣльнымъ напиткамъ. Мало того, что самъ пьющій, становясь неспособнымъ къ работѣ, рано или поздно требуетъ попеченія, жена и дѣти

его должны также быть содержимы на счетъ общины. Слабыя, жалкія дѣти носятъ въ себѣ зародыши болѣзней и пороковъ, частію унаслѣдованные отъ отца или матери, частію вслѣдствіе голода, нужды и дурныхъ примѣровъ. Изъ всего этого выводится заключеніе, что община, желающая уменьшить лежащую на ней повинность въ пользу бѣдныхъ, должна затруднять доступъ къ вину, должна до возможной степени сократить число мѣстъ, гдѣ оно продается или, что̀ еще лучше, совсѣмъ уничтожить въ своихъ предѣлахъ продажу его. Существованіе такой продажи не только увеличиваетъ расходы общины на содержаніе бѣдныхъ, но и вызываетъ пьянство съ его спутниками: лѣностью, отвращеніемъ къ работѣ, распутствомъ, пороками и преступленіями, упадкомъ благочестія и пренебреженіемъ всѣхъ гражданскихъ обязанностей. Пусть же всякая общинная власть, прежде разрѣшенія продажи вина въ своемъ участкѣ, зрѣло обдумаетъ, какую отвѣтственность она беретъ на себя содѣйствіемъ къ распространенію пьянства со всѣми его пагубными послѣдствіями".

Всего важнѣе и интереснѣе въ книгѣ послѣдняя глава — *О послѣдствіяхъ пьянства для государства*. Сказавъ, что въ 1876—77 году на изготовленіе водки нормальной крѣпости пошло въ Швеціи 800.000 центнеровъ хлѣбнаго зерна и болѣе 11.000.000 кубическихъ футовъ корневыхъ плодовъ, авторъ спрашиваетъ: „На что̀ же употреблена эта водка? За исключеніемъ весьма небольшой части, потребовавшейся на разныя отрасли промышленности и на приготовленіе лѣкарствъ, все остальное употреблено какъ средство для наслажденія или опьяненія, т. е. *выпито* или, говоря яснѣе, прошло чрезъ горло въ желудокъ, а оттуда во всѣ ткани тѣла, на которыя оно, смотря по количеству проглоченнаго, дѣйствовало то какъ отрава, то какъ источникъ болѣзней, то какъ зародышъ смерти". Затѣмъ, полагая населеніе Швеціи въ $4^1/_2$ милліона и вычитая изъ этого числа большинство женщинъ и всѣхъ дѣтей, а также и мужчинъ умѣренно пьющихъ или вполнѣ воздерживающихся отъ вина, можно принять, что на каждаго жителя приходится отъ 9 до 10 каннъ [1]). „По истинѣ ужасающая пропорція! восклицаетъ докторъ Хуссъ. Отъ этого пьющаго населенія государство въ 1877 году, конечно, имѣло дохода не менѣе 13 милліоновъ кронъ (на русскія деньги, по нынѣшнему курсу, около 7 милліоновъ рублей) но съ какого сословія государство собрало эту богатую жатву? Не съ зажиточныхъ людей по городамъ или селамъ, не съ землевладѣльцевъ, а съ неимущихъ жителей, съ того сословія, которому суждено въ потѣ лица тѣлесною работой снискивать себѣ скудное пропитаніе. Это-то сословіе, которое всѣхъ болѣе подвержено пьянству. Чѣмъ болѣе ку-

[1]) Въ шведской каннѣ полагается $3^1/_2$ бутылки, слѣдовательно, всего на человѣка отъ 31 до 35 бутылокъ.

рится вина, тѣмъ большее количество его потребляется, тѣмъ болѣе ньется, тѣмъ большій доходъ получаетъ государство; или, выражаясь правдивѣе, можно сказать, что государство или его власти поддерживаютъ пьянство, конечно, лишь посредственно, путемъ законодательства, которое слишкомъ мягко относится къ винокуру и винопродавцу".

Что касается послѣдствій этого порядка вещей, то „здѣсь прежде всего насъ поражаетъ количество преступленій, совершенныхъ въ состояніи бо́льшаго или меньшаго опьяненія. Въ отчетахъ департамента (по нашему министерства) юстиціи уголовныя преступленія раздѣляются на три разряда: 1) тяжкія преступленія; 2) менѣе тяжкія, и 3) проступки. Изъ свѣдѣній и соображеній тюремнаго начальства оказывается, что изъ 31.600 человѣкъ, подвергшихся въ 1879 году уголовнымъ наказаніямъ по всѣмъ тремъ разрядамъ около 25.000, слѣдовательно 78 процентовъ либо совершили преступленіе въ нетрезвомъ видѣ, либо были осуждены за пьянство. Что же означаютъ эти 78 процентовъ? Они доказываютъ, что изъ *пяти* лицъ, приговоренныхъ по закону къ болѣе или менѣе строгому наказанію, не менѣе *четверыхъ* совершили преступное дѣйствіе подъ вліяніемъ хмѣльныхъ напитковъ. Таковъ печальный результатъ нынѣ дѣйствующихъ въ Швеціи законовъ о винокуреніи. Въ тѣхъ милліонахъ кронъ, которые государство и общины получаютъ посредствомъ акциза на вино, нельзя не видѣть посѣва, доставляющаго обильную жатву преступленій, безнравственности и растлѣнія общества".

Съ другой стороны, является вопросъ, не должно ли государство тратить значительную часть этого дохода на содержаніе приговоренныхъ къ обязательнымъ работамъ или къ тюремному заключенію за преступленія и проступки, совершенные въ пьяномъ видѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти расходы должны быть чувствительны для государства. Если къ ежегоднымъ издержкамъ на содержаніе заключенныхъ присоединить проценты съ милліоновъ употребленныхъ на постройку тюремъ, то расходы по попеченію о содержащихся въ нихъ преступникахъ окажутся еще гораздо значительнѣе; а рядомъ съ этими расходами нельзя не принять въ расчетъ и тѣхъ, которыхъ требуетъ содержаніе больницъ для умалишенныхъ вслѣдствіе пьянства и для женщинъ, подвергшихся помѣшательству отъ нетрезвой жизни мужей.

Далѣе надо считать прямымъ ущербомъ для народа употребляемые на винокуреніе растительные продукты, которые изъ *питательныхъ* веществъ превращаются въ *непитательные* хмѣльные напитки. Показанное выше количество идущаго на этотъ предметъ зернового хлѣба и корневыхъ плодовъ должно быть, по меньшей мѣрѣ, оцѣнено въ 8 милл. кронъ. Для государства было бы, конечно, выгоднѣе, если бы первый былъ продаваемъ за границу, а послѣдніе употреблялись на домашнее хозяйство въ странѣ.

Вліяніе пьянства на потомковъ предающагося ему составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ для государства вопросовъ. Опытомъ дознано, что нѣкоторые изъ многообразныхъ недуговъ, къ которымъ располагаетъ этотъ порокъ, переходятъ наслѣдственно на дѣтей и внуковъ. Дѣти пьющихъ родителей являются уже на свѣтъ съ ненормальными силами: они или умираютъ въ самомъ раннемъ возрастѣ или, если переживутъ это время, становятся болѣзненными и слабыми, или же поздно и плохо развиваются. Даже у зажиточныхъ родителей при означенномъ условіи, хотя бы другія внѣшнія обстоятельства были благопріятны, дѣти рѣдко избѣгаютъ этихъ признаковъ своего происхожденія. Замѣчено, что дѣти, родившіяся прежде, нежели отецъ или мать ихъ стали вести нетрезвую жизнь, бываютъ здоровѣе и крѣпче, нежели явившіяся на свѣтъ послѣ того. У дѣтей пьющихъ родителей развивается склонность къ спиртнымъ напиткамъ, даже при хорошемъ воспитаніи или и тогда, когда они были воспитаны далеко отъ всякихъ домашнихъ вліяній. Изъ Сѣверной Америки доставлено свѣдѣніе, что тамъ въ заведеніи, исключительно посвященномъ исправленію пьянствующихъ, изъ 380 содержимыхъ у 180 (что составляло 40 процентовъ) страсть къ вину была наслѣдственная. Въ одномъ изъ парижскихъ госпиталей то же наблюденіе сдѣлано надъ 174 лицами изъ 813 (21 процентъ). Одинъ знаменитый нѣмецкій врачъ сообщилъ, что между 24.000 заключенныхъ по тюрьмамъ онъ насчиталъ 11.000 предававшихся пьянству, и что изъ нихъ цѣлая четвертая часть (24 процента) получили эту страсть въ наслѣдство отъ родителей. Изъ Англіи имѣются однородныя показанія. Потомки нетрезваго человѣка бываютъ особенно расположены къ страданіямъ нервной системы, въ видѣ ли падучей болѣзни, или въ другихъ формахъ судорожныхъ недуговъ. Въ отдѣленіи одной парижской больницы, исключительно посвященномъ лѣченію дѣтей страждущихъ падучею болѣзнью, было всего 83 ребенка: у 60 изъ нихъ отецъ или мать, или же и тотъ и другая, предавались пьянству, и только у 23 родители были трезваго поведенія. Въ 60 семействахъ пьяницъ родилось всего 300 дѣтей, изъ которыхъ 132 померло. Между оставшимися въ живыхъ было (сверхъ 60 одержимыхъ падучею болѣзнью) 48 другихъ дѣтей, страдавшихъ разными судорожными явленіями. А такъ какъ изъ множества наблюденій извѣстно, что падучая болѣзнь и судорожные недуги въ высшей степени наслѣдственны, такъ какъ дѣти пьющаго бываютъ вообще болѣзненны, слабосильны и тощи, то слѣдуетъ, что потомки нетрезвыхъ родителей, въ свою очередь, производятъ на свѣтъ еще болѣе слабое поколѣніе, и что такимъ образомъ пьянство способствуетъ къ тѣлесному ухудшенію цѣлыхъ родовъ.

Кромѣ тѣлесныхъ недуговъ и расположенія къ нимъ, между дѣтьми пьющихъ нерѣдко встрѣчается умственное разстройство и врожден-

ное слабоуміе, происходящее отъ недостаточнаго развитія мозга, и извѣстное въ народѣ подъ именемъ юродства. Одинъ изъ лучшихъ французскихъ врачей по душевнымъ болѣзнямъ замѣтилъ, что „изъ числа всѣхъ слабоумныхъ и идіотовъ въ большихъ городахъ по меньшей мѣрѣ 50 процентовъ составляютъ дѣти нетрезвыхъ родителей". Почти къ такому же заключенію пришли нѣмецкіе и англійскіе врачи. Изо всѣхъ находящихся на излѣченіи въ заведеніяхъ для умалишенныхъ въ Германіи не менѣе 40 процентовъ наслѣдовали свой недугъ отъ родителей. Судя по этому, потомки пьянствующаго должны много содѣйствовать къ паденію рода и въ духовномъ отношеніи.

Опредѣлить среднюю продолжительность жизни нетрезваго человѣка трудно; мѣра его долговѣчности зависитъ отъ множества разнородныхъ условій, но повсемѣстный опытъ доказываетъ, что пьянство тѣмъ или другимъ образомъ сокращаетъ жизнь. Существующее въ Лондонѣ общество взаимнаго страхованія жизни имѣетъ два отдѣленія: одно для лицъ, совершенно отказавшихся отъ употребленія хмѣльныхъ напитковъ; другое для умѣренныхъ потребителей этихъ напитковъ. Пьянствующіе въ большей или меньшей степени вовсе не допускаются въ это общество. Страховая плата для обоихъ отдѣленій одна и та же; но въ каждомъ свое особое управленіе и своя касса; дивиденды же, выдаваемые въ концѣ года акціонерамъ, бываютъ очень различны. Сорокалѣтній опытъ показалъ, что отдѣленіе вполнѣ трезвыхъ всегда получало болѣе крупные дивиденды, и что, слѣдовательно, въ немъ умирало меньшее число людей, чѣмъ въ отдѣленіи умѣренно пьющихъ, дивиденды котораго были на 17 процентовъ ниже. Если изъ этого можно заключить, что вообще совершенно трезвый долговѣчнѣе умѣренно пьющаго, то тѣмъ съ большею достовѣрностью слѣдуетъ принять, что предающійся пьянству готовитъ себѣ болѣе или менѣе преждевременную могилу.

Извѣстный врачъ въ одномъ изъ маленькихъ городовъ Швеціи въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ записывалъ число умиравшихъ въ этомъ городкѣ мужчинъ отъ 21 до 60 лѣтъ отъ роду: ихъ оказалось 116. Въ этомъ числѣ было 38 трезвыхъ и 78 пьющихъ: слѣдовательно, изъ 116 умершихъ 33 процента вели трезвую жизнь и 67 процентовъ предавались пьянству. Изъ этихъ послѣднихъ 13 умерло исключительно отъ страсти къ вину, 15 отъ удара мозга, 22 отъ воспаленія дыхательныхъ органовъ, 6 отъ чахотки, 8 отъ водянки. Эти цифры не требуютъ поясненія: онѣ показываютъ, что смертность мужчинъ того городка, въ означенномъ періодѣ жизни, была вдвое значительнѣе между пьющими, чѣмъ между трезвыми. Было уже замѣчено, что и дѣти пьянствующихъ вообще умираютъ въ болѣе раннемъ возрастѣ, нежели дѣти ведущихъ трезвую жизнь. Обыкновенно непосредственною причиной смерти такихъ малолѣтнихъ бываютъ туберкулы въ

мозговой плевѣ. Для примѣра можно привести наблюденія того же самаго врача: изъ числа 27 дѣтей умершихъ отъ этой болѣзни, у двадцати родители предавались пьянству и только у семерыхъ были трезвые родители. Очевидно, что такимъ образомъ пьянство мѣшаетъ правильному ходу прибыли народонаселенія государства.

А сколько теряетъ общество отъ прекращенія пьяницей работы, то на нѣсколько часовъ въ сутки, то на цѣлые дни, или отъ того, что онъ по причинѣ преждевременнаго ослабленія и болѣзненности вовсе перестаетъ работать. О распространеніи, вслѣдствіе пьянства, нужды и нищеты въ народѣ, равно какъ и объ увеличеніи вмѣстѣ съ тѣмъ расходовъ государства на попеченіе о бѣдныхъ, было уже говорено выше.

Такъ какъ число преступленій въ Швеціи несомнѣнно растетъ съ каждымъ годомъ, то естественно возникаетъ вопросъ, въ какой степени вино служитъ тому причиной. На основаніи приводимыхъ вслѣдъ затѣмъ цифръ и того соображенія, что пьянство влечетъ за собой упадокъ религіознаго и нравственнаго чувства, соблазнъ въ семейной средѣ, дурное воспитаніе и испорченность дѣтей, авторъ брошюры приходитъ къ положительному выводу, что вину должно быть приписано сильное участіе въ умноженіи числа преступленій и переполненіи тюремъ не только взрослыми, но и несовершеннолѣтними преступниками.

Привожу почти цѣликомъ заключеніе доктора Хусса:

„Я старался поднять завѣсу, скрывающую отъ многихъ и отъ самой законодательной власти картину, представляющую послѣдствія пьянства. Эта картина мрачна и печальна, но она правдива. Наука и опытъ согласно подтверждаютъ ея вѣрность, согласно осуждаютъ то, что составляетъ прямо или посредственно причину описаннаго зла. Религія безусловно порицаетъ посѣвъ, который подъ именемъ хмѣльныхъ напитковъ ведетъ къ уничтоженію страха Божія и нравственнаго чувства. Другъ человѣчества оплакиваетъ звѣроподобное состояніе, въ которое эти напитки повергаютъ разумное существо, и сожалѣетъ, что государство и общество не могутъ или не хотятъ положить конецъ этому униженію. Не могутъ? не хотятъ? Отчего же? Пока государство будетъ смотрѣть на вино, какъ на одинъ изъ главныхъ источниковъ своихъ доходовъ,- пока государство не найдетъ другихъ средствъ удовлетворять своимъ потребностямъ, до тѣхъ поръ оно не будетъ въ состояніи, хотя бы и желало, уменьшить въ возможной степени пьянство. Пока классъ земледѣльцевъ и рабочихъ будетъ считать такъ называемое умѣренное потребленіе вина не только безвреднымъ, но и полезнымъ, даже нужнымъ, не видя въ хмѣльномъ состояніи ничего унизительнаго, до тѣхъ поръ въ ихъ домашнему быту штофъ будетъ занимать почетное мѣсто... Необходимы болѣе рѣшительныя ограниченія въ законахъ какъ о приготовленіи, такъ и о продажѣ

вина, чтобы шведскій народъ могъ отказаться отъ незавиднаго преимущества стоять на первомъ планѣ между пьющими водку народами. Но въ виду неоспоримой истины, что водка есть бѣдствіе для нашей страны, спрашивается, какими средствами можно бы, если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ ослабить этотъ источникъ частнаго и общественнаго разоренія. Отвѣчать на этотъ вопросъ не входитъ въ задачу настоящаго труда. Припомню только сказанное мной въ изданномъ 30 лѣтъ тому назадъ сочиненіи по тому же предмету: — Наши правительственныя власти учреждаютъ карантины и принимаютъ предосторожности для огражденія страны отъ заразительныхъ болѣзней, предписываютъ оспопрививаніе, назначаютъ пособія нуждающимся по поводу неурожая или голода, содержатъ сухопутныя и морскія военныя силы для обороны отечества отъ внѣшнихъ враговъ. Но развѣ какая-нибудь эпидемія бывала такъ опустошительна и по своимъ послѣдствіямъ такъ гибельна, какъ злоупотребленіе водкой? Развѣ голодъ когда-либо похищалъ такое множество людей или доводилъ до такого униженія, такъ искажалъ душу и тѣло безчисленныхъ массъ человѣчества? Развѣ какой-либо внѣшній непріятель такъ угрожалъ благосостоянію народа, какъ этотъ страшный внутренній врагъ? Отчего же не принимаются энергическія мѣры для борьбы съ этимъ внутреннимъ врагомъ? — Съ тѣхъ поръ, какъ писались эти строки, послѣдовало, конечно, одно чрезвычайно благотворное распоряженіе, именно отмѣнено домашнее винокуреніе; эта отмѣна была особенно полезна для сельскаго населенія, въ которомъ, благодаря ей, пьянство безспорно уменьшилось; но оно тѣмъ роскошнѣе процвѣтаетъ въ городахъ и мѣстечкахъ. Были и другія важныя законодательныя мѣры; но правительству остается еще сдѣлать многое: *возвысить, насколько возможно, цѣну водки, затруднить, какъ можно болѣе, доступъ къ ней, ввести строжайшій надзоръ за исполненіемъ законовъ, относящихся къ винокуренію, къ продажѣ и употребленію водки.* Только при осуществленіи этихъ желаній правительствомъ, общества трезвости и частныя лица могутъ дѣйствовать съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ было до сихъ поръ возможно".

Нужно ли къ этому прибавлять что-нибудь въ отношеніи къ Россіи? Если маленькая Швеція со своимъ четырехмилліоннымъ населеніемъ такъ страдаетъ отъ гибельныхъ послѣдствій пьянства, что́ сказать о степени бѣдственнаго вліянія, какое оно оказываетъ на жизнь въ двадцать разъ многочисленнѣйшаго населенія Россіи? Какъ не скорбѣть о томъ, что это зло, несмотря на сознанное правительствомъ значеніе его, почти безо всякихъ ограниченій продолжаетъ у насъ господствовать? Проводя каждый годъ два, три мѣсяца въ деревнѣ, вдали отъ столицы, я имѣю случай видѣть, какъ лучшая часть народа борется съ соблазнительнымъ порокомъ, понимая весь вредъ

его, но не можетъ одолѣть противодѣйствія темныхъ силъ, ищущихъ въ немъ своей прибыли? Въ ближайшемъ сельцѣ было одно время три кабака; впослѣдствіи, благодаря стараніямъ болѣе разумныхъ крестьянъ, остался только одинъ; теперь общество положило не имѣть ни одного. У насъ обыкновенно думаютъ, что на мѣсто кабака неминуемо явится тайная продажа вина, но если правительство твердо рѣшится не терпѣть ея, то конечно бдительный надзоръ со стороны мѣстныхъ властей найдетъ сочувствіе и поддержку въ самомъ населеніи и не останется безуспѣшнымъ. Въ тѣхъ селеніяхъ, откуда удалось совершенно изгнать кабаки, замѣчается въ короткое время быстрое улучшеніе хозяйственнаго быта жителей. Въ одномъ изъ сосѣднихъ съ нашимъ селеній помѣщикъ платитъ крестьянамъ по 25 р. въ годъ, съ тѣмъ, чтобъ они не держали у себя кабака, и состояніе ихъ уже значительно поправилось.

Года два тому назадъ мелькнула надежда, что будутъ приняты строгія мѣры противъ столь страшно распространеннаго въ Россіи пьянства; но скоро неудачный исходъ первой сдѣланной въ этомъ направленіи попытки отодвинулъ рѣшеніе вопроса на неопредѣленное время. Въ концѣ прошлаго года должны были заняться имъ какія-то комиссіи; но вотъ прошла уже половина еще одного года, и ничего не слышно. Въ провинціи интересуются дѣломъ; спрашиваютъ, въ какомъ оно положеніи. Но и мы, пріѣзжіе изъ столицы, ничего о томъ не знаемъ. Здоровье, благосостояніе, религіозная и нравственная жизнь, словомъ, судьба милліоновъ зависитъ отъ правильнаго и скораго содѣйствія правительства тому, чего желаютъ, ждутъ, просятъ эти милліоны народа, бѣдствующаго подъ игомъ гибельной страсти.

СТИХИ.

МАЗЕПА.

Поэма Байрона [1]).

1838.

I.

Замолкли громы подъ Полтавой;
Обманутъ счастьемъ пылкій шведъ;
Легли полки; съ земли кровавой
Уже не встать имъ для побѣдъ:
И сила съ славой боевою,
Непостоянныя вовѣкъ,
Какъ ихъ поклонникъ, человѣкъ,
Передались Царю-герою,
И Кремль грозы уже не ждетъ.
Но день, еще мрачнѣй, настанетъ,
Но прійдетъ памятнѣе годъ:
Москва стыдомъ и смертью грянетъ,
И врагъ, еще сильнѣй, падетъ;
Еще позорнѣй пораженье
Постигнетъ рати съ ихъ вождемъ:
Шумнѣе, гибельнѣй паденье,
Вождю ударъ, дружинамъ громъ.

---

[1]) Современникъ 1838, т. IX, стр. 94, срв. выше, Автобіограф. Зам., стр. 16—17. *Ред.*

II.

Такъ выпалъ жребій: Карлъ разбитый
Бѣжать впервые принужденъ;
И день и ночь стремится онъ,
Своею кровію облитый
И кровью подданныхъ своихъ.
За Карла тьмы погибли ихъ;
Уже предъ силой сокрушенной
Нестрашно правдѣ въ этотъ мигъ:
Но ни одинъ не слышенъ крикъ
Въ упрекъ гордынѣ униженной.
Подъ нимъ застрѣленъ конь его;
Отъ ранъ Гіэта [1]) умирая,
Монарху отдалъ своего,
Но палъ и тотъ изнемогая.
И чтожъ? въ глуши, во тьмѣ лѣсовъ,
Среди свѣтящихъ въ отдаленьѣ
Огней недремлющихъ враговъ,
Король находитъ одръ и кровъ.
Вотъ лавры, вотъ отдохновенье,
Вотъ для чего борьба племенъ!
Его несутъ подъ ближній кленъ:
Едва дыша, всѣхъ силъ лишенъ,
Недвиженъ, онъ отъ боли стонетъ.
И хладъ и мракъ со всѣхъ сторонъ,
И дрожь болѣзненная гонитъ
Съ его очей мгновенный сонъ.
Но опытъ горькаго паденья
Монархъ по-царски выносилъ,
И тѣла лютыя мученья
Могучей волѣ покорилъ.
Такъ и народы онъ недавно
Къ повиновенью приводилъ
Своею силою державной.

---

[1]) По свидѣтельству Вольтера (Hist. de Charles XII), полковникъ Гіэта, истекая кровію, отдалъ Карлу свою лошадь.

III.

Лишь горсть вождей: такъ день одинъ
Разсѣялъ сонмища дружинъ!
Но вѣренъ, доблестенъ кругъ тѣсный:
Нѣмые въ горести своей,
Садятся всѣ подъ кровъ древесный
Вкругъ государя, близъ коней.
Такъ люди съ тварью безсловесной
Дружатся въ общей имъ бѣдѣ;
Такъ всѣ равняются въ нуждѣ.
Въ числѣ другихъ Мазепа тоже
Подъ старымъ дубомъ стелетъ ложе:
Какъ дубъ и крѣпокъ и суровъ,
Едва-ли самъ его моложе
Отважный гетманъ казаковъ.
Потомъ онъ, отдыхъ забывая,
Отеръ коня, его лаская;
Подъ борзымъ листьевъ набросалъ,
Его по гривѣ потрепалъ,
И разнуздалъ, и любовался,
Какъ жадно онъ траву щипалъ.
Досель Мазепа опасался,
Что конь его ночной порой
Пренебрежетъ росистымъ злакомъ.
Но вѣрный конь, какъ самъ герой,
И не изнѣженъ и не лакомъ.
Хоть гордъ, всегда послушенъ онъ;
На все готовъ, легокъ, силенъ;
Съ татарской прытью онъ несется;
Онъ знаетъ голосъ полководца;
Къ нему торопится на зовъ;
Его отыщетъ межъ рядовъ;
И если бъ звѣздный лучъ затмился,
Съ заката солнца по разсвѣтъ
Во тьмѣ бы добрый конь стремился
Покорно воину во слѣдъ.

IV.

Мазепа плащъ на дернъ бросаетъ,
Становитъ къ дереву копье,
Потомъ оружье разбираетъ;
Взглянулъ, исправно ли ружье,
Пощупалъ сабли лезвее;
Отеръ ножны и рукоятку,
И словомъ, все добро свое
Пересмотрѣлъ онъ попорядку.
Потомъ баклагу взялъ съ кисой
И, приготовивъ ужинъ свой,
Монарха подчивалъ съ вождями,
Спокойнѣй духомъ, чѣмъ иной
Придворный въ пиршествѣ съ друзьями.
Отвѣдавъ скудныхъ яствъ, король
Хотѣлъ, скрывая скорбь и боль,
Веселымъ быть на зло судьбинѣ,
И улыбаясь началъ такъ:
„Никто во всей моей дружинѣ
Не превзошелъ тебя, казакъ!
Отъ Македонскаго понынѣ
Свѣтъ не видалъ такой четы,
Какъ съ Буцефаломъ этимъ ты.
Всю славу скиѳовъ помрачаетъ
Твоя удалая ѣзда!“
На то Мазепа отвѣчаетъ:
„Да будетъ вѣчно проклята
Та школа, гдѣ наукѣ конной
Учился я!“ И изумленный
Король спросилъ: „что такъ, старикъ?
Науку славно ты постигъ!“
„Есть быль; но нынче не до были,
Тотъ возразилъ: не двѣ-три мили
Еще скакать намъ отъ врага:
Вездѣ опасность отъ погони,

Пока не ступятъ наши кони
На заднѣпровскіе луга.
И, государь, тебѣ нужна же
Минута отдыха: я бъ сталъ
Передъ дружиною на стражѣ".
„Скажи ту быль, монархъ прервалъ,
О томъ прошу тебя. Проворно,
Быть можетъ, я подъ твой разсказъ
На мигъ сомкну усталый глазъ:
Дрема бѣжитъ меня упорно".

„Съ такой надеждой я готовъ:
Тогда, я думаю, годовъ
Мнѣ было двадцать... такъ, не больше;
И Казиміръ въ то время въ Польшѣ —
Янъ Казиміръ — былъ королемъ.
Я былъ шесть лѣтъ его пажемъ.
Ужъ то-то былъ монархъ ученый;
Съ тобой не сходствовалъ ни въ чемъ:
Онъ оставлялъ въ покоѣ троны,
Не бралъ, за то и не терялъ,
И, кромѣ ирѣній на діэтѣ,
Премирно царствомъ управлялъ,
Но кто безъ горя жилъ на свѣтѣ?
Онъ музъ и женщинъ обожалъ:
Онѣ жъ такъ гнѣвны, что порою
Войны желалъ бы Казиміръ;
Но онъ склонялся вновь на миръ
Предъ новой книгой иль красою.
Пирамъ, бывало, нѣтъ конца:
Народъ по улицамъ Варшавы
Бѣжитъ къ стѣнамъ его дворца
Взглянуть на пышныя забавы,
На блескъ вельможъ и дѣвъ и женъ.
Толпа поэтовъ Казиміру
Твердила: ты нашъ Соломонъ!
Одинъ лишь, помнится, сатиру

Скропалъ непризрѣнный пѣвецъ,
И хвасталъ тѣмъ, что онъ не льстецъ.
Дворъ веселъ, шуменъ былъ въ тѣ годы;
Въ немъ всѣ за вирши принялись;
Я самъ слагалъ порою оды
И ихъ подписывалъ: Тирсисъ.
Былъ нѣкто старый воевода:
Богатъ, какъ рудокопня, графъ
И очень древняго ужъ рода.
Онъ былъ невмѣру величавъ;
Сокровищъ онъ имѣлъ безъ счета;
Его любимая забота
Была надъ золотомъ сидѣть,
Иль въ родословную глядѣть:
И такъ зазнался онъ надъ ними,
Что счелъ, въ какомъ-то забытьи,
Заслуги предковъ за свои.
Жена, съ привычками иными,
Была годами тридцатью
Моложе, и кляла въ неволѣ
И власть его, и жизнь свою.
Сперва желанія, не болѣ,
Потомъ надежды, съ ними страхъ,
Стыда и сожалѣнья слезы,
Тамъ соблазнительныя грезы,
А дальше встрѣчи на пирахъ
Съ варшавской молодежью, глазки
Въ восторгахъ пѣнья или пляски:
Все это живо, быстро шло
И незамѣтно привело
Ее къ опаснѣйшей развязкѣ...

V.

Тогда я былъ въ моей веснѣ.
Скажу теперь подъ сѣдинами:
Межъ молодыми поляками
Немного равныхъ было мнѣ

Блестящей юности дарами.
Я веселъ былъ, могучъ, удалъ...
Теперь не то: я страшенъ сталъ;
Давно согнулся станъ мой стройный;
На мнѣ лѣта, заботы, войны
Свой слѣдъ глубоко провели.
Меня отвергли бы свои —
Такъ вечеръ мой несхожъ съ зарею!
И прежде, чѣмъ года мои
Прошли надъ этой головою,
Уже давно не тотъ я былъ.
Ты знаешь: возрастъ не убилъ
Во мнѣ ни храбрости, ни силъ —
Иль я бы сказкою ночною
Тебя теперь не веселилъ
Подъ черной неба пеленою.

Но далѣе. Терезы видъ...
Еще теперь такъ помню живо,
Что мнится, будто бы сидитъ
Она вотъ здѣсь подъ этой ивой.
Но гдѣ счастливыхъ словъ сыскать,
Чтобъ образъ милой описать?
Азійскихъ дѣвъ глаза и брови;
Слѣдъ примѣси турецкой крови,
Текущей въ жилахъ поляковъ —
Глаза темны, какъ тверди кровъ
Надъ нами. Но сквозь эти очи
Мерцалъ какой-то нѣжный лучъ,
Какъ новый мѣсяцъ въ часъ полночи
Украдкой брежжетъ изъ-за тучъ.
Любовь и томность выражая
И тая въ собственномъ огнѣ,
Тебѣ напомнили бъ онѣ
Святыхъ, которые, для рая
Томяся въ мукахъ на кострѣ,
Въ восторгѣ взоръ стремятъ горѣ.

Чело, какъ озеро въ день ясный,
Когда ни струйка не плеснетъ
И лучъ играетъ въ лонѣ водъ,
И въ нихъ глядится неба сводъ;
Уста и щеки — но напрасно...
Терезу я любилъ тогда,
Люблю теперь все также страстно,
И охладить меня не властно
Ничто — ни счастье, ни бѣда;
Люблю въ самомъ ожесточеньи,
И прошлое за мною вслѣдъ
До этихъ позднихъ жизни лѣтъ
Идетъ неотгонимой тѣнью.

VI.

Судьба свела насъ. Я взглянулъ.
Мой взоръ былъ встрѣченъ. Я вздохнулъ.
Она, стыдливая, молчала,
Но молча какъ-то отвѣчала.
Есть рѣчь безъ словъ, языкъ нѣмой,
Таинственный, неуловимый,
Для чувства только постижимый,
Для хладнаго ума чужой.
Невольно мысль души кипучей
Сверкаетъ искрами извнѣ;
Какъ-бы связуясь цѣпью жгучей,
Два юныхъ сердца вдругъ въ огнѣ:
Такъ быстро пламя сообщаетъ
Электризованный металлъ,
Но какъ? никто не постигаетъ.
Я мучился втиши, рыдалъ,
Нетерпѣливо ждалъ сближенья —
И скоро случай сблизилъ насъ:
И мы могли уже подчасъ
Поговорить безъ подозрѣнья.
О, какъ я жаждалъ объясненья!
Но мой языкъ коснѣлъ не разъ,

Пока не выждалъ я мгновенья,
Случилось какъ-то ей со мной
Наединѣ быть за игрой —
Какой? назвать ужъ не умѣю:
Игра пустая; но за нею
Дни убивали мы порой.
Въ тотъ разъ терялъ я то-и-дѣло;
Но что мнѣ было до того?
Со мною глазъ-на-глазъ сидѣло
Столь дорогое существо!
Какъ стражъ, за ней слѣдилъ я окомъ
(Будь наша стража такъ бодра!).
Она въ раздумiи глубокомъ
Склонилась на руку. Игра
Ея души не занимала.
Часы летѣли; но она,
Какъ-бы къ столу пригвождена,
Играть со мной не преставала.
И мысль въ сердечной глубинѣ
Какъ молнiя, сверкнула мнѣ:
Въ ней что-то шепчетъ о надеждѣ!
И въ этотъ мигъ, смѣлѣй чѣмъ прежде,
За мыслью рѣчь моя лилась
Несвязно, странно, торопливо;
Но ей внимали терпѣливо.
Чего жъ еще? Кто слушалъ разъ,
Тотъ и еще услышитъ насъ:
Ужъ сердце, значитъ, нельдяное;
Хоть и откажутъ, будь въ покоѣ,
Съ надеждой выслушай отказъ.

VII.

Я обожалъ. Меня любили.
Ты, государь — есть слухъ такой —
Ты нѣжной слабости людской
Не зналъ. Тебя бы утомили
Подробности сердечныхъ мукъ;

Тебѣ бъ смѣшонъ былъ мой недугъ:
Я повѣсть ихъ могу оставить.
Но всѣмъ нельзя жъ владѣть страстьми;
Не всѣ, какъ ты, умѣютъ править
Равно собою и людьми.
Я самъ глава надъ племенами,
Или вѣрнѣе — *былъ* главой;
По волѣ двигая рядами,
Велъ тысячи на смертный бой,
Но былъ невластенъ надъ собою.
Я обожалъ. Меня любили.
И признаюсь: любовь сладка,
Но отъ нея бѣда близка.
Свиданья наши тайны были.
Ихъ краткій часъ, о, какъ собой
Онъ искуплялъ мнѣ ожиданье!
И что предъ нимъ вѣкъ долгій мой!
На всемъ далекомъ разстояньѣ
Отъ юности до позднихъ лѣтъ
Ему въ моемъ воспоминаньѣ
Подобныхъ не было и нѣтъ.
Украйну бъ отдалъ я охотно,
Чтобъ на одинъ еще хоть разъ
Мнѣ воротить тотъ сладкій часъ;
Чтобы назваться беззаботно
Опять тѣмъ счастливымъ пажемъ,
Который — съ юностью златою
Богатъ въ убожествѣ своемъ —
Такъ дорожилъ своей судьбою,
Владѣя сердцемъ и мечемъ.
Я тайно лишь видался съ нею:
Свиданья тайныя вдвойнѣ
Пріятны многимъ, но не мнѣ.
Я, чтобъ назвать ее своею
Предъ цѣлымъ свѣтомъ и Творцомъ,
Не поскупился бъ жизнью всею —

И будто ядъ мнѣ сердце жгли
Свиданья тайныя мои.

VIII.

Но на влюбленныхъ много глазъ:
Такъ примѣчали всѣ и насъ.
Лазутчики насъ сторожили
И, на свиданіи заставъ,
Меня съ Терезой захватили.
Неистово былъ гнѣвенъ графъ.
Оружья не было со мною.
Но будь я съ головы до ногъ
Закованъ въ сталь, что бъ сдѣлать могъ
Я передъ дерзкою толпою?
Вблизи оттоль былъ графа домъ;
Надежды, помощи — ни въ комъ.
То было ночью предъ зарею.
Я думалъ: не видать мнѣ дня,
Часъ смерти близокъ для меня.
Межъ тѣмъ, какъ съ тихою мольбою
Себя ввѣрялъ я небесамъ,
Пришли мы къ графскимъ воротамъ.
Но что потомъ съ Терезой было,
Не знаю. Графъ разсвирѣпѣлъ.
Какой достался ей удѣлъ,
Того мнѣ время не открыло.

IX.

„Коня!“ И вмигъ онъ подведенъ.
Въ Украйнѣ былъ тотъ конь рожденъ;
Сіялъ онъ гордою красою,
И, мнилось, весь проникнутъ онъ
Безплотной мысли быстротою;
Но дикъ и робокъ, какъ олень.
Сталь бедръ его не заклеймила;
Онъ жесткаго не зналъ удила;
Онъ вольнымъ былъ еще за день.

Теперь храпя, щетинясь гривой,
Въ борьбѣ напрасной, но строптивой,
Весь въ пѣнѣ, яростью кипя,
Стоялъ сынъ степи предо мною.
Вотъ гнусной челяди толпою
Къ его хребту привязанъ я.
Ударилъ бичъ — и конь съ собою
Несетъ меня — впередъ! впередъ!
Быстрѣй потока бурныхъ водъ!

X.

Впередъ! впередъ! Я чуть дышалъ;
Куда летѣлъ онъ, не видалъ;
Ужъ солнце вышло надъ востокомъ;
Онъ дальше, дальше мчится скокомъ.
Послѣдній звукъ изъ устъ людскихъ
Былъ хохотъ ненавистно-дикій
Толпы мучителей моихъ:
За мною адскіе ихъ клики
Со свистомъ вѣтра разнеслись.
Рванулъ я въ гнѣвѣ головою —
На шеѣ связи подались,
И я, согнувшися дугою,
Врагамъ проклятье проревѣлъ.
Но скокъ коня окрестъ гремѣлъ:
Едва-ль мой крикъ до нихъ домчался.
О, жаль мнѣ, если не отмщенъ
Обидный хохотъ ихъ остался!
Нѣтъ, съ лихвой былъ отплаченъ онъ.
На мѣстѣ гордыхъ стѣнъ и башенъ,
Тяжелыхъ сводовъ и мостовъ,
И вала вкругъ глубокихъ рвовъ,
Теперь, среди заглохшихъ пашенъ,
На камнѣ камня даже нѣтъ;
Изглаженъ тамъ и жизни слѣдъ;
Былинки нѣтъ на всей равнинѣ;
Гдѣ-гдѣ обломки лишь стѣны

Терновникомъ осѣнены,
И путнику ничто тамъ нынѣ
Ужъ не напомнитъ о твердынѣ.
Я видѣлъ пламя по стѣнамъ;
Я слышалъ, какъ свергались съ трескомъ
Громады черныхъ башенъ тамъ;
Свинецъ, какъ дождь, съ багровымъ блескомъ
Лился съ дымящихся высотъ.
Не думалъ графъ въ день черный тотъ,
Когда на молньи быстробѣжной
Въ добычу смерти неизбѣжной
Онъ звѣрски обрекалъ меня,
Въ тотъ день не думалъ онъ, что я
Когда-нибудь къ нему явлюся
Съ десяткомъ тысячъ лошадей.
И съ нимъ за шутку расплачуся
Свирѣпой местію моей.
Со мной сыгралъ онъ шутку злую,
Тогда, какъ дикаго коня
Вожатымъ выбралъ для меня.
Сыгралъ и я съ нимъ удалую:
Мой долгъ былъ красенъ платежемъ!
Чего-то время не устроитъ!
Мгновенье лишь подстережемъ —
Врага отъ мести не укроетъ
Ничто. Неутомимый трудъ
И неусыпное гоненье
Того, кто помнитъ оскорбленье,
Вездѣ обидчика найдутъ.

XI

Впередъ, впередъ летѣли мы
На крыльяхъ вѣтра... Ужъ за нами
Остались села съ городами:
Такъ точно, въ часъ полночной тьмы,
Огни полярнаго сіянья
Скользятъ по завѣсѣ небесъ.

Нѣтъ ни жилья вокругъ, ни зданья;
Мы въ полѣ; съ края черный лѣсъ —
И человѣка слѣдъ исчезъ.
Гдѣ-гдѣ лишь башни укрѣпленій,
Вооруженныхъ искони
Противъ татарскихъ нападеній,
Порой виднѣются вдали.
Здѣсь за-годъ Спаги проходили,
И гдѣ копыта ихъ коней
Топтали свѣжій цвѣтъ полей,
Тамъ злакъ бѣжитъ кровавой пыли.
Подернутъ мглою небосклонъ;
Все спитъ: въ безмолвіи глубокомъ
Лишь вѣтерка прокрался стонъ.
Ему отвѣтилъ бы я вздохомъ;
Но конь летитъ впередъ, впередъ;
Не дастъ вздохнуть, ни помолиться;
Дождемъ съ главы моей струится
Ему на гриву хладный потъ.
А онъ, отъ ярости и страха
Храпя, несется легче праха.
Порою мнится мнѣ на мигъ,
Что бурный бѣгъ его утихъ:
Мечта! я слабый, изнуренный
Ничто для силы разъяренной;
Мой грузъ, какъ стали остреё,
Лишь только подстрекалъ ее.
Усилье каждое мое,
Чтобъ изъ убійственнаго плѣна
Исторгнуть вспухнувшіе члены,
Лишь умножало пылъ, испугъ
Въ конѣ. Я издалъ слабый звукъ —
Какъ отъ бича онъ заметался;
Чуть шорохъ — вздрагивалъ онъ вдругъ,
Какъ-будто громъ трубы раздался.
Межъ тѣмъ кровавая струя
Узлы ремней ужъ покрывала,

И жаждою гортань моя
Какъ въ яромъ пламени сгорала..

XII.

Предъ нами лѣсъ. Обширенъ онъ,
И нѣтъ конца со всѣхъ сторонъ:
Тамъ величаво возвышались
Верхи деревьевъ вѣковыхъ.
Напрасно бури ополчались
Съ пустынь Сибири противъ нихъ:
Они, нахмурясь, не склонялись
Неколебимою главой;
Но рѣдки были. Между ними
Кустарникъ свѣжій и густой
Шумѣлъ листами молодыми.
Еще въ то время не срывалъ
Ихъ вѣтеръ осени суровой;
Еще тогда не покрывалъ
Ихъ цвѣтъ безжизненно-багровый,
Подобный крови на тѣлахъ,
Лежащихъ кучами въ поляхъ,
Когда свершилось пораженье,
И зимней ночи дуновенье
На безмогильное чело
И снѣгъ и иней нанесло.
И волкъ щеку льдяную гложетъ,
А вранъ пробить ее не можетъ.
То чаща дикая была:
На ней межъ низкими кустами
Каштанъ и дубъ взнеслись мѣстами
И ель угрюмая росла.
Вотъ что спасло меня. Предъ нами
Кустарникъ гнулся, и вѣтвями
Слегка касался лишь меня;
Не могъ сорваться я съ коня;
Боль одолѣлъ я силой мужа,
А раны мнѣ стянула стужа.

Какъ вѣтръ, шумя среди листовъ,
Мы оставляли за собою
Кусты, деревья и волковъ.
Мнѣ слышенъ былъ ночной порою
Лѣсныхъ страшилищъ легкій скокъ
И шелестъ ихъ скользящихъ ногъ,
Тотъ бѣгъ, который охлаждаетъ
Борзыхъ свирѣпую вражду
И рвенье ловчихъ утомляетъ.
Вездѣ по конскому слѣду,
И предъ зарей не убѣгая,
Гналася жадно волчья стая.
Съ разсвѣтомъ, по лѣсу несясь,
Я видѣлъ ихъ за шагъ отъ насъ.
О, какъ желалъ я, чтобъ со мною
Мой вѣрный мечъ въ ту пору былъ.
Пусть я бы палъ, но палъ бы съ бою —
Враговъ бы много положилъ!
Я умолялъ судьбу сначала,
Чтобы скорѣй меня домчала
Къ предѣлу бѣга; но теперь
Я въ силѣ конской сомнѣвался.
Вотще: неукротимый звѣрь
Подобно горной сернѣ мчался —
И снѣгъ не падаетъ скорѣй,
Когда внезапно у порогу
Застанетъ жителя полей
И заградитъ ему дорогу,
Взоръ ослѣпляя бѣлизной:
Такъ несся въ чащѣ онъ лѣсной,
Все дикъ, все съ яростію равной,
Золъ, какъ ребенокъ своенравный,
Иль какъ упрямая жена,
Когда бѣснуется она.

XIII.

Миную лѣсъ. Ужъ полдень былъ,
Но лучъ іюньскій не палилъ.
Я дрогъ отъ стужи, иль, быть можетъ,
Уже моя хладѣла кровь:
Отвагу мука превозможетъ.
Въ ту пору былъ я не таковъ,
Какимъ тебѣ кажуся нынѣ.
Я былъ, какъ бѣшеный потокъ —
Страдать и радоваться могъ,
Не безпокоясь о причинѣ.
Меня снѣдали гнѣвъ и страхъ,
Морозъ и голодъ, стыдъ, досада:
Я былъ привязанъ, я былъ нагъ —
Я испыталъ терзанья ада.
Я созданъ весь въ отцовъ моихъ:
Встревожь лишь этотъ духъ могучій,
Воспламени въ насъ кровь — и вмигъ
Она кипитъ, какъ змѣй гремучій,
Когда притоптанъ онъ ногой.
Такъ мудрено ли, что и сила
Жестокой пыткѣ уступила?
Земля бѣжала подо мной,
А небо будто бы кружилось;
Стремглавъ я падаю, мнѣ мнилось;
Увы! я твердъ былъ на конѣ;
Но душно, тошно стало мнѣ,
Стихала кровь — остановилась...
Надъ головою небеса
Быстрѣй вращались колеса;
Древа шатались какъ хмѣльныя;
Сверкнули блестки огневыя
Въ глазахъ — и вдругъ все стало тьмой;
Исчезло все, и я живой
Ужъ смерть извѣдалъ надъ собой.
Рѣдѣла мгла и вновь сгущалась;

Я гналъ смертельный этотъ сонъ;
Но тщетно воля порывалась;
Мой духъ былъ мукой омраченъ.
Мнѣ было какъ въ морской пучинѣ
Пловцу, который, ко бревну
Прильнувъ, уносится въ пустынѣ,
Глотая хладную волну.
Какъ огнецвѣтныя видѣнья,
Являясь намъ въ полночный часъ,
Мелькнутъ и кроются изъ глазъ:
Въ жару недужнаго томленья,
Тамъ волновалась жизнь моя.
Теперь утихла боль, но я
Позналъ еще лютѣй ея
Невыразимое смятенье.
Признаться ль? сердцу мысль тяжка,
Что мнѣ въ предсмертное мгновенье
Грозитъ такая же тоска.
Быть можетъ, мигъ возврата къ праху
Еще мучительнѣй, грознѣй:
Но что мнѣ смерть? не я ль безъ страху
Стократъ леталъ навстрѣчу ей?

XIV.

Я ожилъ: гдѣ я? что со мною?
Морозъ; кружится голова;
По жиламъ медленной струею
Густая кровь течетъ. Сперва
Жизнь неприметно развивалась;
Вдругъ пробудилась боль онять,
И сердце судорогой сжалось
И стало снова замирать.
Межъ тѣмъ въ ушахъ звучало странно:
Я всматриваться начиналъ,
Но все мнѣ видѣлось туманно,
Какъ-бы глядѣлъ я сквозь кристалъ.
Мнѣ чудилось воды плесканье

И неба звѣзднаго сіянье.
Не сонъ ли? нѣтъ — я наяву
Черезъ рѣку съ конемъ плыву.
Потокъ, разлившійся широко,
Шумя, стремитъ за валомъ валъ:
Еще до берега далеко,
До тѣхъ нѣмыхъ и грозныхъ скалъ.
Водой студеной омоченный,
Я вырванъ былъ изъ забытья,
Минутной силой обновленный.
Мой конь, отвагою кипя,
Широкой грудью напираетъ;
Волна реветъ и отступаетъ.
Ужъ берегъ не вдали;
Вотъ наконецъ мы доплыли.
Но пристанью я не плѣнялся:
Все было мрачно позади;
Все ночь и ужасъ впереди.
Не знаю, долго ль продолжался
Мой смертный сонъ: я сомнѣвался,
Еще ль есть духъ въ моей груди.

XV.

Отъ влаги шерсть коня блеститъ,
А съ ребръ и гривы дождь стекаетъ,
Клубится паръ; онъ весь дрожитъ,
Но бодро мышцы напрягаетъ;
Летитъ по крутизнѣ.
Взбѣжалъ — вотъ берега вершина.
Въ ночной тѣни открылась мнѣ
Неизмѣримая равнина.
Какъ срашной бездны глубина,
Зіяющей въ видѣньяхъ сна,
Все далѣ, далѣе она
Тянулась, оку необъятна.
На ней, гдѣ-гдѣ, то бѣлизна,
То зеленѣющія пятна

Мелькали при лунѣ.
Но тамъ, въ пустынной тишинѣ
Ничто не говорило мнѣ
О мирномъ кровѣ хаты дымной;
Нигдѣ дрожащій огонекъ
Меня звѣздой гостепріимной
Издалека къ себѣ не влекъ,
Ни свѣтъ блудящій не явился
Мнѣ надъ болотомъ сквозь туманъ.
Увы! я тщетно въ имъ прельстился;
Но мнѣ бы сладокъ былъ обманъ,
Напомнивъ мнѣ въ моихъ мученьяхъ
О человѣческихъ селеньяхъ.

XVI.

Впередъ, но тихо влекся конь;
Погасъ въ немъ ярости огонь;
Онъ съ головою наклоненной,
Облитый пѣной, чуть ступалъ;
Теперь легко бы удержалъ
Его ребенокъ разслабленный.
Что пользы? я привязанъ былъ.
Но будь и воленъ — изможденный.
Къ спасенью гдѣ бы взялъ я силъ?
Однако, трепетной рукою
Оковы рвать пытался я;
Напрасно: только боль моя
Усилилась съ борьбою —
И бросилъ я безплодный трудъ.
Казалось, бѣгъ кончался тутъ.
Такого ль я желалъ предѣла?
Межъ тѣмъ заря уже алѣла
Предвѣстницею дня. Но день
Такъ тихо, тихо приближался!
Не встанетъ солнце — я боялся —
И не исчезнетъ ночи тѣнь.
Она такъ тихо проходила,

Пока пурпурное свѣтило,
Притекши въ сонмъ ночныхъ царицъ,
Назадъ не призвало сіянья
Отъ ихъ блестящихъ колесницъ
И не покрыло мірозданья
Съ престольной высоты своей
Красою собственныхъ лучей.

XVII.

Явилось солнце — и туманы
Исчезли предъ его лицомъ;
Вездѣ пустынныя лишь страны
Глазамъ представились кругомъ.
Увы! какъ долго я ни мчался,
Напрасенъ былъ ужасный бѣгъ.
Мнѣ здѣсь въ глуши не повстрѣчался
Ни дикій звѣрь, ни человѣкъ.
Здѣсь надъ роскошною землею
Не видно было ни слѣда
Людей, ни признака труда,
Нигдѣ тропинки подо мною.
Дремало эхо въ тѣхъ мѣстахъ;
Молчалъ кузнечикъ подъ травою,
И птичка съ утренней зарею
Не пѣла пѣсенки въ кустахъ.
Но версты мѣрилъ конь: казалось,
Съ дыханьемъ каждымъ у него
Въ мученьяхъ сердце разрывалось.
Вокругъ все глухо — никого.
Но чу! я въ рощѣ слышу ржанье;
Вѣтвями что-то шевелитъ.
Иль это вѣтра колыханье?
Нѣтъ, стадо лошадей бѣжитъ;
Оно копытами стучитъ;
Ряды волнуются, чернѣютъ —
И ближе, ближе каждый мигъ.
Хочу кричать; но замеръ крикъ:

Уста изсохшія нѣмѣютъ.
Какъ величаво кони рѣютъ!
Какъ поступь ихъ вольна, легка!
Но гдѣ же правящій конями?
Ихъ тьма — и нѣтъ ни ѣздока.
Играетъ вѣтеръ ихъ хвостами;
Ихъ гривы вьются высоко;
Раздуты ноздри широко;
Неокровавлены ихъ морды
Прикосновеніемъ удилъ;
Металлъ боковъ ихъ не браздилъ,
Ихъ рѣзвыхъ ногъ не тяготилъ.
Ихъ тьма: свободны, дики, горды,
Они какъ волны вслѣдъ волнамъ,
Толпясь, шумя, несутся къ намъ.
Усталый конь мой на мгновенье
Ихъ видомъ вновь былъ ободренъ:
Еще разъ силы собралъ онъ,
Но изнемогъ въ послѣднемъ рвеньѣ:
Онъ лишь пришельцамъ отвѣчалъ
Чуть внятнымъ ржаніемъ — и палъ.
Его глаза оледенѣли;
Храпя, недвиженъ онъ лежалъ —
Ужъ онъ навѣки отбѣжалъ!
Но вотъ къ намъ кони прилетѣли:
Предъ ними падшій ихъ собратъ
И я, опутанный ремнями,
Въ крови на немъ. Они стоятъ,
Дышатъ прерывисто ноздрями,
И ржутъ и пышутъ и храпятъ;
То легкимъ скокомъ удалятся,
И вихремъ по полю кружатся,
То вновь трепеща подойдутъ,
То, отпрыгнувъ, назадъ бѣгутъ —
И черный конь, высокъ и статенъ,
Съ блестящей шерстію безъ пятенъ,
Царемъ ихъ скачетъ впереди —

И съ дикимъ ужасомъ въ груди
Отъ человѣческаго взора
Они несутся въ сумракъ бора.
Одинъ съ отчаяньемъ нѣмымъ
На хладномъ трупѣ я томился;
Сопутникъ мой не тяготился
Докучнымъ бременемъ своимъ.
А я, на мертвомъ умирая,
Не чаялъ, чтобъ заря другая
Опять увидѣла меня
Бездомнымъ, круглымъ сиротою.

Отъ утра до заката дня
Тяжелые часы чредою
Влачились. Жизни у меня
Едва ли столько оставалось,
Чтобы увидѣть, какъ склонялось
Въ послѣдній разъ свѣтило дня.
Но кто съ бѣдою неизбѣжной
Не примирится наконецъ?
Съ душой покорно-безнадежной
Я видѣлъ близкій свой конецъ,
То, что пророческіе годы
Являютъ ужасомъ вдали,
Но что для бѣдныхъ чадъ земли
Благодѣяніе природы;
Чего, однако же, бѣжимъ
Мы всѣ съ стараніемъ такимъ,
Какъ будто бы страшились кова,
Который можно миновать
Усиліемъ ума людского;
Чего случается желать,
Иль остреёмъ меча искать;
Но что всегда для насъ пребудетъ
(Съ какимъ ни явится лицомъ,
И какъ ужасна жизнь ни будетъ)
Еще ужаснѣйшимъ концомъ.

И странно: кто до пресыщенья
Вкусилъ мірскія наслажденья,
Кто шумно тратилъ дни свои
Въ пирахъ и въ нѣгѣ и въ любви—
На смерть готовѣе порою,
Чѣмъ тотъ, кто былъ рожденъ страдать.
Одинъ успѣлъ ужъ испытать
Все, что ни мило подъ луною—
И все постыло для него,
И онъ не ждалъ ужъ ничего.
Другой—онъ дышитъ упованьемъ
Конца дождатся всѣмъ страданьямъ.
Ему бы другомъ смерть считать:
Нѣтъ, смерть въ глазахъ его какъ тать,
Къ нему явившійся, алкая,
Лишить его земного рая.
Назавтра былъ бы счастливъ онъ;
Забывъ судьбы удары злые,
Назавтра, сердцемъ обновленъ,
Не сталъ бы плакать онъ впервые—
И дней прекрасныхъ длинный рядъ
Уже сквозь слезъ ему открылся
Въ замѣнъ и горестей и тратъ;
Онъ завтра бъ съ міромъ примирился,
Блистать бы могъ, повелѣвать,
Карать, спасать своею силой—
И этотъ день... уже ли встать
Онъ долженъ надъ его могилой?

XVIII.

Ужъ солнце догорало. Я
Все былъ на трупѣ охладѣломъ
И мнилъ, что скоро съ конскимъ тѣломъ
Должна смѣшаться персть моя.
Къ спасенью не было надежды:
Предсмертный мракъ сходилъ на вѣжды.
Я устремилъ на небеса

Прощальный взоръ, и чтожъ? надъ нами
Голодный воронъ ужъ вился.
Онъ радостно махалъ крылами,
Онъ пожиралъ уже глазами
Почти готовый ужинъ свой.
То онъ порхалъ, то онъ садился,
То вновь надъ самой головой
Смѣлѣе прежняго носился —
И если бъ я владѣлъ рукой,
Я бъ могъ поймать его за крылья.
Но тихій шорохъ отъ усилья,
Но легкое движенье рукъ,
Да звукъ изъ горла одичалый
(Едва-ль былъ голосомъ тотъ звукъ),
Все это ворона прогнало.
Вотъ все, что знаю. Лишь одно,
Мое послѣднее видѣнье,
Еще мнѣ помнится темно:
Звѣзда горѣла въ отдаленьѣ,
И въ свѣтѣ трепетномъ плыла,
И на меня свой блескъ лила;
Потомъ мигъ жизни, мигъ смятенья,
Мигъ хлада, мрака, цѣпенѣнья,
И вновь къ ничтожеству возвратъ,
И вновь мгновенное дыханье,
И дрожь, и жизни колебанье,
Томительный на сердцѣ хладъ,
Летучихъ искръ въ глазахъ сверканье,
Единый вздохъ, единый стонъ...
А тамъ глубокій, долгій сонъ.

XIX.

Очнулся я; но гдѣ жъ? ужели
Ко мнѣ склонился взоръ людской?
Ужели кровъ надъ головой?
Ужель покоюсь на постели?
И точно ль человѣка ликъ

Такимъ сіяетъ умиленьемъ?
Я вновь закрылъ глаза на мигъ,
Боясь обманутъ быть видѣньемъ.
У стѣнки, въ хатѣ казака,
Сидѣла дѣва предо мною —
Стройна, прекрасна, высока,
Съ густой распущенной косою.
Оживъ, замѣтилъ я тотчасъ
Ея сверкавшій черный глазъ.
Она заботливо, порою,
Привставъ, бросала на меня
Взоръ быстрый, полный сожалѣнья —
И наконецъ повѣрилъ я,
Что то не призракъ сновидѣнья,
Что я живу, что ужъ теперь
Меня не тронетъ хищный звѣрь.
Узнавъ, что жизнь во мнѣ проснулась,
Моя казачка улыбнулась.
И я дрожащимъ языкомъ
Ей отвѣчать хотѣлъ, но тщетно.
Она жъ приблизилась привѣтно
И, сжавъ уста себѣ перстомъ,
Молчать велѣла, и съ любовью
Свою мнѣ руку подала;
Потомъ, склонившись къ изголовью.
Его слегка приподняла.
Потомъ, на цыпочкахъ пошла,
Дверь осторожно отворила
И тихо, тихо говорила,
И рѣчь ея сладка была,
Шаги гармоніей звучали.
Когда же ей не отвѣчали,
Она, еще мнѣ бросивъ взглядъ
Ушла, давая знакъ рукою,
Что вмигъ воротится назадъ:
Я вновь остался сиротою.

XX.

Но скоро съ матерью, съ отцомъ
Она пришла...

Чего же болѣ?
Я докучать не стану долѣ
Подробной повѣстью о томъ,
Что сдѣлалось со мной потомъ.
Меня полмертвымъ въ чистомъ полѣ
Казаки бѣдные нашли,
Въ жилище ближнее снесли
И попеченьями своими
Меня отъ гибели спасли—
Меня, котораго надъ ними
Судьба готовила главой.
И вотъ какъ извергъ изступленный
Насытилъ гнѣвъ ревнивый свой!
Глупецъ, на казни ухищренный,
Въ пустыню бросилъ онъ меня
Нагимъ, въ цѣпяхъ, въ крови, не мня,
Что я чрезъ степь шагну ко власти!
Кто угадаетъ свой удѣлъ?
Не унывай никто въ напасти!
Быть можетъ, Турціи предѣлъ
Мы завтра узримъ предъ собою—
И признаюсь, Днѣпромъ-рѣкою
Ужъ напередъ плѣняюсь я.
Покойной ночи вамъ, друзья!“

Казакъ простерся съ этимъ словомъ
На лиственномъ одрѣ своемъ,
Ему не жесткомъ и не новомъ:
Когда и гдѣ уснуть— о томъ
Онъ на вѣку своемъ суровомъ
Заранѣ думать не привыкъ.

Сонъ одолѣлъ Мазепу вмигъ.
Вамъ можетъ страннымъ показаться,
Что Карлъ *спасибо* не сказалъ;
Но могъ ли Гетманъ удивляться?
Король давнымъ-давно ужъ спалъ.

ЭПИЛОГЪ.

Къ Байрону.

О, если до тебя, вѣнчанный славой Бриттъ,
На брегъ Элизіи мой голосъ долетитъ —
Незрѣлыхъ силъ моихъ простишь ли покушенье?
Я слабою рукой твое произведенье
На почву родины дерзнулъ пересадить;
Напѣвъ твой я дерзнулъ смиренно повторить
На громкомъ языкѣ отеческой державы.
Онъ намъ принадлежитъ, напѣвъ сей величавый:
Въ немъ слухъ нашъ узнаетъ родныя имена,
Которыхъ блескомъ Русь навѣкъ озарена.
Въ немъ назвалъ ты Москву, Петра и день Полтавы,
Полтавы, гдѣ взошла денница Русской славы,
Полтавы, что воспѣлъ народный нашъ поэтъ,
Какъ ты судьбиной злой сраженный въ цвѣтѣ лѣтъ.
Но, чуждый намъ орелъ, какимъ же вдохновеньемъ
Ты въ край нашъ залетѣлъ? Гигантъ воображеньемъ,
Ты кистью мастерской картину начерталъ,
Какъ въ дебряхъ дикій конь съ Мазепою леталъ—
И яркой истины полна твоя картина.
Какъ часто этотъ конь, кипящій какъ пучина,
Уму напоминалъ могучій геній твой.
Свободный будто вихрь, какъ лава огневой!
Какъ онъ въ своихъ степяхъ, пролетнымъ метеоромъ
И ты мелькнулъ на мигъ передъ вселенной взоромъ;
Какъ онъ Мазепу несъ, свершая грозный бѣгъ,
Такъ влекъ ты за собой свой изумленный вѣкъ;

Какъ онъ, ты палъ стремясь; но цѣли вожделѣнной
Достигнуть не успѣлъ: ты умеръ утомленный
И жизнью и страстьми и славою своей!
Какъ онъ... нѣтъ, онъ рвался къ лѣсамъ своей *отчизны* —
А ты... Но ты великъ — и слово укоризны
Не вырвется изъ устъ надъ урною твоей,
И съ трепетомъ свой трудъ кладу я передъ ней!

Февраль.
1837.

ДАНЬ ПУШКИНУ [1]).

(Посвящено лицейскимъ товарищамъ).

1837.

Вотъ онъ, друзья, нашъ пѣвецъ бездыханенъ, недвиженъ и блѣденъ,
Сжаты навѣки уста, потрясавшія словомъ намъ душу;
Смолкнулъ плѣнительный голосъ, широкую Русь облетавшій,
Голосъ, коему съ дѣтства привыкли внимать мы съ улыбкой.
Ахъ! и не онъ ли впервые поэзіи жаръ пробудилъ въ насъ?
Помните-ль, братья, тѣ дни, какъ за тихой оградой Лицея,
Тамъ, гдѣ нѣкогда цвѣлъ вдохновенный Каменами отрокъ,
Съ жаждой прекраснаго въ сердцѣ пѣсни его повторялись?
Помните-ль, какъ ослѣпляясь громкой судьбою поэта,
Силъ не измѣривъ своихъ, мечтали порой мы о славѣ?
Помните ль, какъ онъ однажды, вѣрный завѣтному чувству,
Дѣдовскимъ ларамъ притекъ поклониться межъ внуковъ веселыхъ?
Мнилось, самъ богъ пѣснопѣнья съ горнихъ высотъ посѣтилъ насъ...
Други, его уже нѣтъ! Молодого, кипящаго жизнью,
Полнаго замысловъ пылкихъ Смерть удержала въ стремленьи!
Сколько прекрасныхъ начатковъ новой блистательной славы
Въ гробъ онъ уноситъ съ собой! Для чего же ты, Смерть, ненасытно
Цвѣтъ человѣчества косишь? Но безотвѣтна могила —
И передъ нами лежитъ облеченный савваномъ Пушкинъ.

---

[1]) Впервые напечатано въ книгѣ „Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ etc.“, Спб. 1895 г. стр. 75.

Муза уныло склонилась надъ прахомъ его и рыдаетъ,
Вѣтвь кипариса сплетая съ лавромъ надъ тихой главою.
Жизни обманчивый сонъ ужъ болѣ его не тревожитъ;
Жаркая кровь ужъ остыла; вмѣстилище мысли могучей —
Бренный сосудъ разрушенъ; но утѣшимся, мысль намъ осталась;
Древо разбито грозой, но плоды отъ него уцѣлѣли.
Младости бурной порывы, сердца печальныя думы,
Взглядъ самобытный на міръ, — на призывы природы свой откликъ, —
Все завѣщалъ намъ поэтъ и почилъ. Съ какою любовью
Юноши, дѣвы и старцы, влекомые генія силой,
Дань воздаютъ удивленья передъ гробницею ранней!
Миръ же тебѣ, о нашъ бардъ, за таинственной гранію Стикса,
Тамъ, гдѣ давно по тебѣ воздыхалъ, сиротѣя, Державинъ.
Дивныя тѣни! ликуйте жъ вмѣстѣ о юной Россіи,
Вами прославленной въ гимнахъ, васъ прославляющей нынѣ!

ПАМЯТИ ПУШКИНА [1]).

(Въ день пятидесятилѣтія лицея 19 окт.).

1861.

Живемъ мы, дюжинные люди,
А геніи давно ужъ нѣтъ,
И рвется нынѣ вздохъ изъ груди
Невольно по тебѣ, поэтъ!

Какъ скромный пиръ нашъ былъ бы громокъ,
Когда бъ тебя въ своемъ дому
Сегодня встрѣтилъ твой потомокъ,
И руку бъ ты пожалъ ему!

Но многіе ль на зовъ лицея,
И изъ товарищей твоихъ,
Душою снова молодѣя,
Сошлися въ память дней былыхъ?

О, сколькихъ дѣдовъ, сколькихъ братій
Ужъ смерти ранній зовъ увлекъ
Изъ нашихъ дружескихъ объятій,
И сколькихъ — жизненный потокъ!

И повторимъ мы стихъ поэта:
Кто не пришелъ? кого жъ изъ насъ

---

[1]) *Русск. Вѣстникъ* 1861 г., № 9, стр. 300 — 302 (также въ Памятной книжк Александровскаго лицея).

Увлекъ мертвящій холодъ свѣта?
И чей умолкъ на вѣки гласъ?

Онъ не пришелъ, пѣвецъ нашъ славный,
На нашъ полустолѣтній пиръ,
Чтобъ новой пѣснію заздравной
Вдругъ огласить весь русскій міръ.

О, какъ бы шли ему сѣдины!
Какъ былъ бы ясенъ и глубокъ
Подъ ними взоръ его орлиный
И строгихъ думъ полетъ высокъ!

Какъ въ нашу странную эпоху,
Гдѣ вмѣстѣ съ жаждою добра,
Мы видимъ мыслей суматоху,
Не достаетъ его пера!

Какъ онъ умѣлъ бы мѣткимъ словомъ
То разъяснить благую цѣль,
То въ пустозвонѣ безтолковомъ
Щелчкомъ разсѣять блажь и хмѣль;

Смирить надменнаго невѣжду,
Лжеца позоромъ заклеймить,
Иль у глупца отнять надежду
Законы міра измѣнить.

Онъ въ трупъ смердящій и холодный
Не превратилъ бы идеалъ
И чистоту струи народной
Въ искусствѣ свято бъ охранялъ...

И въ пробужденный духомъ вѣка
Животрепещущій вопросъ:
Раба возвысить въ человѣка —
Какъ много свѣта онъ бы внесъ!

Но съ молньей сходенъ пылкій геній:
И страсть, источникъ огневой
Его чудесныхъ вдохновеній,
Была для Пушкина грозой.

Властитель мощный въ царствѣ слова,
Онъ съ жизнію не совладалъ,
И отъ удара рокового,
Какъ крѣпкій дубъ, мгновенно палъ.

Одною съ нимъ судьбой отмѣченъ
Былъ имъ прославленный лицей:
Онъ былъ, какъ ты, не долговѣченъ,
Пѣвецъ его начальныхъ дней!

Другой лицей теперь пируетъ —
Въ другихъ стѣнахъ; но принялъ онъ
Все то, что прежній знаменуетъ;
Твоей онъ славой осѣненъ.

Благослови же, гость незримый,
Но здѣсь въ сердцахъ у всѣхъ живой,
Еще разъ твой лицей родимый,
И старый вмѣстѣ и младой.

Благослови, чтобъ цвѣлъ онъ сѣнью
Живой науки и труда;
Чтобъ тьма гордыни съ мертвой лѣнью
Ему осталася чужда.

Что бъ старой жизни новой вѣтвью
Въ немъ молодежь для дѣлъ росла
И обновленному столѣтью
Плоды сторицей принесла!

ЖУКОВСКОМУ [1]).

1839.

Благодарю тебя, возвышенный поэтъ!
Едва ступилъ я шагъ на поприщѣ, мнѣ новомъ, —
И вотъ ужъ слышу я твой ласковый привѣтъ,
И силъ мнѣ придалъ ты своимъ волшебнымъ словомъ.

Благодарю! священъ мнѣ мудрый твой совѣтъ:
Я душу закалить хочу въ трудѣ суровомъ,
Награды только въ немъ искать даю обѣтъ,
Отъ суетности онъ пусть будетъ мнѣ покровомъ.

Я радуюсь! сбылись давнишнія мечты:
Того, чье имя мнѣ такъ драгоцѣнно было,
Кто пѣлъ такъ сладостно, такъ звонко, такъ уныло,

Того узналъ и я: сей гласъ, сіи черты
Не въ силахъ я забыть; а съ памятью ихъ милой
Мнѣ будетъ спутникомъ и Геній красоты.

---

[1]) Написано по поводу одобреннаго Жуковскимъ перевода Фритіофа, см. Автобіографич. Замѣтки, стр. 20, 23. См. Сборн. Ак. Н. т. 32, 1883 г. и „Труды“, т. III.

ПРИВѢТСТВІЕ [1]).

(На обѣдѣ, данномъ русскими литераторами финляндскимъ по случаю празднованія 200-лѣтняго юбилея Александровскаго Университета въ Гельсингфорсѣ).

1840.

Сыны племенъ, когда-то враждовавшихъ,
Мы встрѣтились, какъ старые друзья,
На празднествахъ наукъ, толпы созвавшихъ
Въ гостепріимные сіи края,
И не давно-ль божественныя музы
Насъ подлинно сравняли межъ собой?
Привѣтъ же вамъ! скрѣпимъ святыя узы:
Кто чувствами возвышенъ, тотъ намъ свой.

Здѣсь, на концѣ Россіи исполинской,
Мы руку жмемъ вамъ нынѣ отъ души,
Вамъ, украшенье старой вѣтви финской,
Развившей сладкіе плоды втиши.
Межъ сихъ плодовъ сіяетъ цвѣтъ душистый:
То пѣсенъ даръ, излитый въ вашъ народъ,
Чтобъ радостнѣй являлся брегъ скалистый
И черный боръ и блѣдный неба сводъ.

Хвала тебѣ, о старецъ знаменитый!
На зло лѣтамъ, отъ Готовъ ты притекъ
Въ родимый край, тобой не позабытый,
Чтобъ вновь принять лавровый здѣсь вѣнокъ,

[1]) Соврем. 1840 т. XX, стр. 17 — 19, въ статьѣ Плетнева „Двухсотлѣтній юбилей Александровскаго Университета“ (См. также его Сочиненія, т. I, стр. 440—442), срв. выше Автобіогр. Замѣтки, стр. 25.

Живи, Франценъ! [1]) мы помнить будемъ вѣчно
Твой кроткій ликъ, твой внятно-тихій гласъ,
И прочитавъ твой стихъ простосердечный,
„Онъ весь тутъ“ мы проговоримъ не разъ.

Какъ вкругъ отца почтительныя дѣти,
Вокругъ тебя мы юные сидимъ.
Ты не исчезнешь въ памяти столѣтій:
Гордимся мы присутствіемъ твоимъ.
На поприщѣ, едва начатомъ нами,
Тобой пѣвецъ, достигнутъ ужъ предѣлъ;
Благослови жъ, покрытый сѣдинами,
Ты нынѣ насъ для свѣтлыхъ думъ и дѣлъ.

О Рунебергъ, [2]) безпечный другъ природы!
Тебя намъ сладко видѣть предъ собой:
Ты русскихъ музъ прекраснѣйшіе годы
Напомнилъ намъ и ликомъ и душой.
Въ твоихъ чертахъ есть что-то намъ родное,
Въ твоей груди любовь и теплота;
Съ участьемъ ты объемлешь все земное,
Но въ мысль твою не входитъ суета.

Ты Ленротъ! [3]) Богъ съ тобой въ путяхъ далекихъ,
Гдѣ ты свершаешь подвигъ вѣковой!
Прямой мудрецъ! въ своихъ лѣсахъ глубокихъ
Умѣешь ты пренебрегать молвой.
Домашній кровъ тебѣ давно былъ тѣсенъ:
Изъ школы ты съ клюкою въ степь побрелъ;
Ты ничего не жаждалъ, кромѣ пѣсенъ
И съ кантелой въ рукахъ назадъ пришелъ.

---

[1]) Знаменитый шведскій поэтъ, еписк. Гернесандскій, финляндскій уроженецъ, увѣнчанный на юбилеѣ 1840 года — магистерскимъ лавровымъ вѣнкомъ (черезъ 52 года послѣ перваго увѣнчанія).

[2]) Славный финляндскій поэтъ († 1877).

[3]) Знаменитый собиратель финскихъ народныхъ пѣсенъ, открывшій эпосъ *Калевалу* († 1884).

И вы, сподвижники сихъ трехъ избранныхъ!
Богъ помочь вамъ въ возвышенныхъ трудахъ!
Ихъ мзда — не шумъ похвалъ непостоянныхъ,
Но жатва истинныхъ, душевныхъ благъ!
Счастливцы! здѣсь, среди гранитовъ мшистыхъ
Корысти червь не пожираетъ васъ,
И чуждый вѣку жаръ стремленій чистыхъ,
Спасительный межъ нами не погасъ.

Друзья! нальемъ огнистой влагой чаши
И весело подымемъ ихъ къ устамъ.
„Да здравствуютъ“, воскликнемъ, „братья наши
По сѣверу и девяти сестрамъ“.
Отнынѣ намъ милѣе финновъ скалы;
Да будетъ ввѣкъ сей край благословенъ!
Ура! осушимъ полные бокалы
За дружество полуночныхъ Каменъ.

ПЕРО [1].

1841.

„Въ Финляндіи, наканунѣ Рождества, вечеромъ подкидывается втайнѣ много затѣйливыхъ подарковъ (julklapp), и виновника не всегда удается открыть".

Частное письмо.

„И незабвенъ былъ вечеръ сей
Подъ кровомъ набожныхъ людей;
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый Ангелъ пировалъ.
. . . . . .
Такъ было чудно, такъ свѣтло!"

Рунебергъ. Вечеръ на Рождество.

Вчера таинственно влетѣло
Ко мнѣ прекрасное Перо,
И стебль его изъ кости бѣлой,
И сталь внизу и серебро.
Вверху, подъ склономъ расширеннымъ,
Есть краткій стихъ и точекъ рядъ —
И много чувствамъ умиленнымъ
Слова простыя говорятъ.
Тамъ въ чуждыхъ звукахъ я читаю:
„Такъ было весело, свѣтло!.."
И дивный Вечеръ вспоминаю,
И вижу Ангела чело.

Но кто же ты, кто такъ прекрасно
Мнѣ вѣсть участья нынѣ шлешь,
И ободренья знакъ такъ ясно
И такъ умно мнѣ подаешь?
Кто-бъ ни былъ ты — счастливъ подаркомъ,
Я за него благодарю!

[1]) Соврем. 1841 г., т. XXI, стр. 22, по поводу святочнаго подарка, по финляндскому обычаю подброшеннаго автору отъ неизвѣстнаго. Срв. „Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ", Спб. 1896, т. I, 1841 г. *Ред.*

Когда въ уборѣ пестро-яркомъ [1])
Вдругъ посѣтилъ онъ сѣнь мою,
Казалось: въ вечеръ тотъ священный
И у меня былъ Ангелъ: да,
То будетъ „вечеръ незабвенный“
Въ моемъ жилищѣ навсегда!..

Кто-бъ ни былъ ты, прими въ отплату
Дань этихъ первыхъ строкъ Пера,
Тобою поданнаго брату
Съ завѣтомъ Правды и Добра.
О, я завѣтъ сей принимаю;
Я передъ Ангеломъ благимъ
Добру и Правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если низости змѣя
Когда-нибудь вползетъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчь моя,
Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ умчится, помрачась,
И стихъ исчезнетъ благодатный,
И Ангелъ скроется изъ глазъ!..

Но нѣтъ — я не страшусь паденья!
Когда душой дремать начну
Во мглѣ тоски или сомнѣнья,
Лишь на Перо твое взгляну;
Прочту завѣтныя три слова,
Блеснетъ мнѣ Ангела чело —
И у меня на сердцѣ снова
„Такъ станетъ весело, свѣтло!“

. . . . . .

Гельсингфорсъ, $^{25}/_{13}$ дек. 1840 г.

[1]) Въ бонбоньеркѣ съ малиновыми и серебряными клѣтками.

МАРКИЗѢ М. А. ДЕ ТРАВЕРСЕ [1]).

1841.

Изъ краевъ силъ безмятежныхъ,
Изъ среды сестеръ своихъ,
Отъ утесовъ нашихъ снѣжныхъ,
Отъ заливовъ ледяныхъ
Вы на новыя забавы
Улетите въ край другой,
Въ исполинскій, величавый
Градъ, стоящій надъ Невой.
Берегитесь: край болотный!
Градъ отравой напоенъ!
Не ввѣряйтесь беззаботно
Жизни, къ коей манитъ онъ.
Не берите жадно чаши,
Разносимой спѣсью тамъ, —
Иль уста поблекнутъ ваши,
Приложась къ ея краямъ!
Есть тамъ много дѣвъ цвѣтущихъ
И красавцевъ молодыхъ,
Пѣснь хваленья имъ поющихъ
И вздыхающихъ о нихъ;
Но подобной вамъ межъ ними
Ни одной, быть можетъ, нѣтъ:
Сколько чарами своими
Вы одержите побѣдъ!

[1]) Въ замужествѣ Паткуль. — Современникъ, 1841, т. XXI, стр. 236. Срв. „Переписка“, т. I, 1841 г.

О, внимайте осторожно
Лепетанью красныхъ словъ!
Много прелести въ нихъ ложной,
Мало въ нихъ души слѣдовъ.

Удаляясь, прочь веселье
Вы уносите отъ насъ;
Но мы вѣримъ: новоселье
Не измѣнитъ въ сердцѣ васъ,
И столичныя тревоги
Испытавъ, но не любя,
Вы чрезъ бѣлыя дороги
Возвратите намъ — *себя*.

БОРГО [1]).

1841.

„Блаженъ, кто на лонѣ природы заимствуетъ у нея любовь, слова и голосъ; блаженъ, кто въ странствіи своемъ не забылъ родного языка; онъ живетъ лишь грезами и говоритъ что ему грезится, но, самъ того не зная и не стѣсненный правилами, онъ видитъ во снѣ мудрость и говоритъ — пѣснями".

Рунебергъ (Дрозд).

Вдоль тѣсныхъ улицъ, грустно-безмятежныхъ,
Я въ сумерки блуждаю одинокъ;
Съ утра метель, и межъ сугробовъ снѣжныхъ
Потерянъ слѣдъ проложенныхъ дорогъ.
По сторонамъ угрюмыя жилища,
Гдѣ ранняго огня не тратитъ лѣнь;
Далеко вкругъ безжизненность кладбища;
Порой лишь путникъ промелькнетъ какъ тѣнь,
Иль тощій песъ залаетъ за калиткой,
Иль колокольчикъ вдругъ задребезжитъ,
Снѣгъ заскрипитъ подъ грузною кибиткой,
И конь, ее влекущій, пробѣжитъ...
Я здѣсь чужой, и гостемъ въ эти домы
Я не вхожу, и люди, въ ихъ стѣнахъ
Живущіе, со мною незнакомы;
Природа спитъ, нѣтъ радости въ поляхъ.
Но отчего жъ — хотя однообразно
Я дни веду въ сей мертвой тишинѣ.
Порой за книгою, но чаще праздно —
Такъ весело съ утра до ночи мнѣ?

[1]) Современникъ 1841, ч. XXII. стр. 176.

Здѣсь есть поэтъ [1]). Въ его пріютной сѣни
Я хороню крылатые часы;
Вокругъ него толпится рой видѣній,
Исполненныхъ привѣтливой красы.
Мудрецъ, отъ бурь житейскихъ удаленный,
Свой міръ онъ носитъ въ глубинѣ души,
Чудесный міръ, съ которымъ, вдохновенный,
И счастливъ онъ и гордъ въ своей глуши.
Но, самъ собой не полнъ въ уединеньи,
Онъ пламенно сочувствуетъ всему,
Что намъ Господь явилъ въ своемъ твореньи,
Что родственно иль сердцу иль уму.
Люблю съ нимъ весть живые разговоры,
Когда какъ искры сыплются слова,
А за-одно съ словами блещутъ взоры
И грудь кипитъ и пышетъ голова...
За часомъ часъ несется непримѣтно:
Незваннымъ гостемъ вдругъ подходитъ ночь...
Но дня не жаль: онъ прожитъ былъ не тщетно,
Когда ко сну иду я веселъ прочь.

Поэзія! непризнанное свѣтомъ,
Но мощное, святое божество!
Какъ въ бытіи, тобою не согрѣтомъ,
Должно быть все и блѣдно и мертво!
Но тамъ, гдѣ ты алтарь свой утверждаешь,
Хотя бъ то было въ царствѣ хладной тьмы,
Своей небесной силой побѣждаешь
Ты даже власть убійственной зимы.
О смертные, о родъ неблагодарный!
Когда жъ поймете вы, что все, чѣмъ дни
Для васъ порой бываютъ лучезарны,
Немилой вамъ поэзіи съ-родни?
Когда же вы поэта оцѣните?
Весна и радость, юность и любовь,
Все, отъ чего восторгомъ вы дрожите,
Все, что волнуетъ сладко вашу кровь,

[1]) Т. е. Рупебергъ.

Все то живой поэзіи владѣнье!
За что жъ поэта ненавидитъ вѣкъ?
Уже ль и впрямь такъ тяжко преступленье,
Что онъ въ чистѣйшемъ смыслѣ человѣкъ?
Онъ, торжество природы и науки,
Тревожимый творящей теплотой,
Для васъ невольно облекаетъ въ звуки
Міръ красоты, блестящій, но нѣмой?

Такъ, мрачный Борго, лишь своимъ поэтомъ
Ты радовалъ меня; ты озаренъ
Какъ-будто былъ какимъ-то чуднымъ свѣтомъ:
Мнѣ посреди тебя являлся *онъ*,
Какъ страннику, бродящему въ пустынѣ,
Цвѣтущій сиро надъ песками злакъ,
Какъ въ тьмѣ полночной на морской пучинѣ
Пловцу — вдали сверкающій маякъ.

. . . . . .

Теперь прости, пріютъ, хотя печальный,
Но милый мнѣ! Твой сумракъ покидать
Мнѣ право жаль. Прими жъ мой вздохъ прощальный:
Богъ вѣсть, когда увидимся опять!
Прости и ты, мой милый *братъ по чашѣ* [1])!
Благодарю за дружескій пріемъ!
Благослови, какъ пастырь, братство наше:
Пусть богъ любви хранитъ твой тихій домъ.
Прости, мудрецъ и строгій и безпечный!
Сто лѣтъ живи, мой добрый хлѣбосолъ!
Благослови мой стихъ чистосердечный!
Богъ пѣсенъ пусть хранитъ тебя отъ золъ!

Но для чего прощаюсь я съ тобою?
Не самъ ли ты, чуть встанетъ новый день,
Какъ *я*, помчишься къ западу съ женою,
Ввѣряя небу дорогую сѣнь

[1]) Въ Финляндіи есть обыкновеніе *пить братство*, послѣ чего говорятъ всегда другъ другу *ты*. *Ред.*

Съ толпой малютокъ, на недѣлю сирой.
Съ пенатами наслѣдственными ихъ
И, наконецъ, съ висящей въ розахъ лирой,
Вновь жаждущей звучать въ рукахъ твоихъ.
Ты помнишь, братъ мой: завтра день воскресный;
Счастливый путь сулитъ *Надежда* [1]) намъ.
Предчувствую: то будетъ день чудесный!
Отъ скалъ окружныхъ въ вашъ старинный храмъ
И шведъ и финнъ потянутся гурьбою,
А мы въ негрѣющемъ сіяньи дня
Покатимся надъ снѣжной пеленою,
Съ холма на холмъ коней своихъ гоня.
Начнутъ мелькать надъ бѣлою пустыней
То красный столбъ, дорогъ вѣщунъ нѣмой,
То елей пестрый рядъ: пушистый иней
Блеститъ надъ ихъ зеленой бахрамой.
Межъ тѣмъ какъ вихрь мы будемъ мимо мчаться.
Но прежде насъ свой путь окончитъ день,
И станутъ сумерки къ землѣ спускаться,
И вмѣстѣ съ вечеромъ мы вступимъ въ сѣнь
Утесистой и дѣвственной столицы —
Ты — чтобъ безсмертью скромно передать
Новорожденное дитя цѣвницы;
А я... Богъ вѣсть, чего мнѣ ожидать!

[1]) Заглавіе поэмы Рунеберга съ сюжетомъ изъ Русск. исторіи, см. Труды Я. К. Грота, т. I. *Ред.*

НОВЫЙ ДОМЪ [1]).

(Изъ Уланда).

Посвящено А. Веттергофу.

1841.

Вотъ новый домъ; но онъ стоитъ
Еще безъ стѣнъ и не покрытъ;
Дождю и свѣту солнца онъ
Отверзтъ еще со всѣхъ сторонъ.
Помолимся жъ Отцу добра,
Да Онъ съ небеснаго шатра
Лишь миръ и счастіе съ добромъ
Пошлетъ на сей открытый домъ.
Пусть въ кладовыя наперед
Онъ изобиліе пошлетъ;
Пусть благочестіе и трудъ
Въ покои новые сойдутъ;
Пусть кухнѣ чистоту, расчетъ —
Здоровье стойламъ Онъ пошлетъ,
А винамъ въ погребѣ — лѣта!
Пусть окна всѣ и ворота
Онъ освятитъ, чтобъ не могло
Чрезъ нихъ пройти какое зло,
И чтобъ изъ новыхъ сихъ дверей
Малютка выбѣжалъ скорѣй!
Теперь весь домъ благословенъ:
Эй, люди! къ окончанью стѣнъ!

---

[1]) Современникъ 1841 г., т. XXIV, стр. 70.

17-ГО АПРѢЛЯ 1841 Г. [1]).

На бракосочетаніе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича съ Маріей Александровной Гессенъ-Дармштадтской.

1841.

Намъ Александра и Маріи
Давно священны имена;
Союзъ ихъ памятенъ Россіи
Благословляетъ ихъ она:
Ахъ, звукъ ихъ сердцу знаменуетъ
И миръ, и благость, и любовь!..
О, пусть же нынѣ Русь ликуетъ:
Ихъ сочетало небо вновь
Предъ свѣтлымъ тономъ Николая,
Какъ-будто въ сладкій намъ залогъ,
Что охранять родного края
Ввѣкъ не устанутъ Царь и Богъ!
И вы пируйте съ нами, финны!
Васъ любятъ русскіе Цари,
Храня обычай вашъ старинный
И вашихъ предковъ алтари.
Помолимся о Царскомъ Сынѣ,
Покровѣ древнихъ нашихъ Музъ,
И о младой Его Княгинѣ, —
Да процвѣтетъ святой союзъ!
Мужай, мужай, Петра потомокъ,
И дѣтямъ нашимъ возсіяй
Равно могущъ и славой громокъ
И мудръ, и благъ, какъ Николай!

[1]) Напечатано было въ *Finlands Allmänna Tidning* 1841 г., мая 1-го, № 99, отдѣльными оттисками. Наслѣдникъ былъ канцлеромъ Александровскаго университета

КЪ ФРИТІОФУ [1]).

1841.

О ты, мой витязь, мой герой,
Возобнови свои походы
И, презирая непогоды,
Иди на Русь! Иди стезёй,
Которой нѣкогда варяги,
Твои собраты-земляки,
Безпечно сѣвъ на челноки,
Стремились — полные отваги.
Красивъ и юнъ, могучъ и смѣлъ,
Чрезъ много царствъ ужъ ты промчался,
И всюду славою вѣнчался,
И всюду нравиться умѣлъ.
Но занятъ дальними странами,
Ты близкимъ краемъ пренебрегъ,
И русскій Сѣверъ нашъ не влекъ
Тебя родимыми снѣгами.
Иди жъ къ намъ нынѣ! Самъ кипя
Въ груди широкой, духъ славянскій
Твоею удалью норманской
Плѣнится и пойметъ тебя. —
Но не съ враждою, не за данью
Ты, мой Норманъ, спѣши на Русь,
Да за тебя не устыжусь!
Ужъ нѣтъ ихъ, — дней, кипѣвшихъ бранью;

---

[1]) Этими стихами оканчивается предисловіе въ видѣ „Писемъ къ А. О. Ишимовой“ въ I изданіи перевода Я. К. поэмы Тегнера „Фритіофъ“, Гельсингфорсъ, 1841 г.
Ред.

Не тотъ ужъ вѣкъ и на Руси, —
И ты не мечъ, облитый кровью,
Но образъ Бальдера [1]) съ любовью
И арфу Брага [2]) къ намъ неси!
И невредимъ чрезъ наши долы
Пойдешь ты съ пѣснями въ устахъ,
И жаръ возвышенный въ сердцахъ
Да пробудятъ твои символы!
Когда же съ кликами войны
Вдругъ на тебя свои удары
Направитъ нѣкій витязь ярый
(Остатокъ дикой старины),
Понять тѣ знаки неспособный:
Съ улыбкой выставь ты свой щитъ;
Но будь спокоенъ какъ гранитъ,
Невозмутимъ какъ столпъ надгробный!
И вѣрь: пройдетъ борьбы пора;
Намигъ лишь царство лжи и брани;
Ударитъ часъ — и твердо въ длани
Возьметъ державу богъ добра.
Возстанетъ онъ въ сіяньи новомъ,
И струны Брага запоютъ,
И свѣтъ и истина прольютъ
Свои лучи надъ русскимъ словомъ!

[1]) Богъ добра и свѣта въ скандинавской миѳологіи.
[2]) Скандинавскій Аполлонъ.

ПРИГОВОРЪ [1]).

1841.

Когда порой съ горячими слезами
На блѣдный листъ ложатся предо мной
Внушенья сердца мѣрными строками,
Тогда я втайнѣ думаю съ тоской:
Ахъ! въ этотъ мигъ мнѣ данъ языкъ двоякій;
Но лишь слова переживутъ сей мигъ,
А вамъ исчезнуть, пламенные знаки!
Неуловимъ столь ясный вашъ языкъ.
Въ моихъ строкахъ никто васъ не примѣтитъ.
И, можетъ быть, иной, кто ихъ прочтетъ,
Съ усмѣшкой на вопросъ о нихъ отвѣтитъ:
„Стихъ гладокъ, но и холоденъ, какъ ледъ“.

[1]) Современникъ 1841 г., т. XXII, стр. 186.

ОПАСЕНІЕ [1]).

1841.

Не смерти я страшусь, не жизненныхъ тревогъ,
Блаженъ удѣлъ того, кто въ гробъ заранѣ легъ:
Надежной пристанью наречена могила.
Въ житейскихъ скóрбяхъ есть спасительная сила,
Въ нихъ сердце бдительнѣй блюдетъ само себя,
Усѣрднѣе молясь и пламеннѣй любя.
Но я порой страшусь той жизни безотрадной,
Когда мы на землѣ блуждаемъ тѣнью хладной;
Когда ни радости, ни страсти, ни мечты
Уже не населятъ душевной пустоты,
Какъ-бы въ развалину все сердце превратилось,
Любить, надѣяться и вѣрить разучилось!
Вотъ истинная смерть... смерть въ жизни: что предъ ней
Забвенье бытія — и горе отъ людей?

---

[1]) Современникъ 1841 г., т. XXII, стр. 190.

ЖРЕБІЙ [1]).

1841.

О, не ропщи на свой удѣлъ,
Когда онъ созданъ не тобою,
Когда не самъ своей рукою
Ты ткалъ бѣду изъ нити дѣлъ!

Пути судьбы покрыты тайной;
Но если вѣришь въ Божество,
Вѣрь также: въ жизни чадъ Его
Ничто не можетъ быть случайно!

Но плачь и сѣтуй о себѣ,
Когда ты знаешь въ дни несчастій,
Что самъ, покорный клику страсти,
Ты былъ отцомъ своей судьбѣ.

---

[1]) Современникъ 1841 г., т. XXIII, стр. 166.

ПѢСНЬ ФИНСКАГО СТРѢЛКОВАГО БАТАЛІОНА [1]).

(съ шведскаго).

1845.

О, день счастливый, незабвенный!
Какою новою красой,
Для сердца воина священной,
Ты увѣнчалъ нашъ вѣрный строй!
Мы Александра имя нынѣ
Твердимъ, усердіемъ горя...
Да, братья! весело дружинѣ,
Когда вождемъ ей Внукъ Царя.

Младенецъ царственный не можетъ
Еще поднять тяжелый мечъ;
Но время и Ему поможетъ
Чело въ цвѣтущій лавръ облечь.
Онъ оживится духомъ Дѣда,
И — блескомъ славы насъ даря, —
Намъ будетъ спутницей побѣда
Съ Тобой, о вождь нашъ, Внукъ Царя!

Твоимъ призывомъ окрыленный
Въ святой за родину борьбѣ,
Сынъ брани, кровью обагренный,
Еще подыметъ взоръ къ Тебѣ.

---

[1]) Написана по поводу назначенія новорожденнаго великаго князя, въ Бозѣ почившаго Императора Александра Александровича шефомъ финскаго стрѣлковаго баталіона. Напечатано въ „Звѣздочкѣ“ (ст. возр.) 1845 г., т. XVIII, стр. 100.

Всѣ за Тебя мы пасть готовы,
Всѣ, жребій свой благодаря,
И сокрушится врагъ суровый,
За тѣмъ, что вождь нашъ Внукъ Царя!

Въ добрѣ и въ правдѣ воспитаетъ
Тебя Отецъ державный Твой,
О Александръ! да возблистаетъ
Красою дѣлъ Твой путь земной!
Да здравствуешь! Твоя намъ младость
Надеждъ прекраснѣйшихъ заря;
Да много лѣтъ поемъ мы радость,
Что намъ вождемъ данъ Внукъ Царя!

ЦАРСКОЕ СЕЛО [1]).

1856.

Какъ чуденъ ты, пріютъ царей,
Въ красѣ садовъ твоихъ зеленыхъ
И ихъ озеръ и лебедей
Вокругъ чертоговъ золоченыхъ!
Но отчего-жъ души моей
Знакомый видъ не услаждаетъ
И весь твой блескъ волшебный въ ней
Одно унынье пробуждаетъ?
Врожу съ невольною тоской
Я по тропамъ уединеннымъ,
Когда-то славною стопой
Екатерины освященнымъ;
Стоите вы на зло годамъ
Столпы, воздвигнутые ею
Во славу доблестнымъ вождямъ!
Предъ вами я благоговѣю,
Но мыслью грустною смущенъ!
Ищу: гдѣ памятникъ тотъ славный,
Который былъ сооруженъ
Другою волею державной —
Вашъ младшій братъ, тотъ храмъ наукъ,
Который здѣсь задумалъ мирно
Екатерины кроткій внукъ?

---

[1]) Русская Бесѣда, 1859 г., кн. VI, стр. 6.

Своей имперіи обширной
Здѣсь онъ готовилъ новый свѣтъ
Подъ кровомъ самого престола,
Чтобъ легче въ ней изгладить слѣдъ
Невѣдѣнья и произвола.
Гдѣ-жъ этотъ храмъ, гдѣ нашъ Лицей?
Тамъ въ тишинѣ, вблизи къ природѣ,
Семья веселая друзей
Росла и зрѣла на свободѣ.
Какъ дружно мы, рука съ рукой,
Шли къ предназначенной намъ цѣли!
Какой любовію святой
Мы всѣ къ прекрасному горѣли!
Какъ вѣрный сынъ родной земли
Хранитъ отцовскія сказанья,
Мы какъ святыню берегли
Лицея милыя преданья.
И въ нихъ, какъ дорогой завѣтъ,
Сіялъ намъ образъ величавый:
То былъ безсмертный нашъ поэтъ
Въ лучахъ своей грядущей славы.
О, какъ Лицей гордился имъ!
Казалось, геніемъ поэта
Могучимъ, свѣжимъ, молодымъ,
Вся наша жизнь была согрѣта.
Тамъ отрокомъ игралъ онъ, тамъ
Онъ росъ, какъ богатырь народный,
Не по годамъ, а по часамъ,
А съ нимъ и стихъ его свободный!
Подъ сѣнью рощей тѣхъ густыхъ,
Надъ тѣми свѣтлыми водами
Впервые чудный этотъ стихъ
Пропѣтъ былъ вѣщими устами.
Казалось, тамъ, гдѣ нашъ поэтъ
Прошелъ когда-то вдохновенный,
Не исчезалъ горячій слѣдъ,
Его ногой напечатлѣнный.

И въ тайномъ шорохѣ аллей
Съ тѣхъ поръ жило какъ-будто эхо
Его пророческихъ рѣчей,
Его ребяческаго смѣха...
О, какъ намъ дорогъ былъ Лицей!
Онъ былъ для насъ зарею ясной
Таинственныхъ грядущихъ дней,
Онъ былъ намъ — родиной прекрасной,
Веселымъ міромъ бытія,
Гдѣ съ пылкой юношеской кровью
Слилась поэзіи струя!
Онъ былъ намъ — первою любовью...
И въ жизни сталъ онъ навсегда
Путеводящимъ намъ свѣтиломъ...
Но гдѣ-жъ ты, юныхъ лѣтъ звѣзда?
Ищу тебя въ краю намъ миломъ
И что-жъ? Тамъ нѣтъ тебя давно!
Гдѣ ты такъ радостно свѣтилась,
Теперь и пусто и темно!..
Тѣнь Александра омрачилась;
Безъ божества и безъ жрецовъ
Стоитъ угрюмо храмъ забытый,
Среди дряхлѣющихъ дворцовъ
Грозой безвременно разбитый.
Не достаетъ здѣсь одного
Изъ памятниковъ царской славы,
И какъ-то пусто безъ него,
И грустенъ видъ ихъ величавый!

БАРОНЕССѢ ОЛЬГѢ ѲЕДОРОВНѢ КОРФЪ [1])

(при поднесеніи ей портрета въ день ея рожденія).

1856.

Когда-то въ Вашъ семейный кругъ,
Въ которомъ все дышало счастьемъ,
Былъ принятъ съ лаской и участьемъ
Чужой Вамъ юноша, какъ другъ.
Судьбой ни въ чемъ не избалованъ,
Застѣнчивъ, даже нелюдимъ,
Но чутокъ сердцемъ молодымъ,
Онъ былъ внезапно очарованъ
Сердечной Вашей добротой,
Всей Вашей жизнію домашней
И нрава ясностью всегдашней
И дѣтски-чистою душой.
И жизнь ему съ веселымъ ликомъ
Предстала, Вамъ благодаря,
И путь свой началъ онъ, горя
Мечтой о славномъ и великомъ!
И дорогъ сталъ ему тотъ домъ,
Гдѣ онъ при первой встрѣчѣ съ свѣтомъ
Согрѣтъ былъ дружескимъ привѣтомъ,
Обласканъ, какъ въ дому родномъ...
Прошли года: томимъ желаньемъ
Суровой умственной борьбы,
Довѣрчивъ къ благости судьбы,

---

[1]) Супругѣ барона (позже графа) Модеста Андреевича Корфа, см. выше „Автобіограф. зам.“, стр. 12, 18, 16 и сл. Было впервые напечатано въ кн. „Я. К. Гротъ: нѣсколько данныхъ“ (1895).

Влекомъ властительнымъ призваньемъ,
Онъ смѣло сталъ на новый путь
Въ странѣ и чуждой и убогой,
Чтобъ утолить наукой строгой
Познаній жаждавшую грудь.
Господь Своимъ благословеньемъ
Его дорогу осѣнилъ
И далъ Онъ труженику силъ
Итти впередъ съ одушевленьемъ.
И вдругъ — блаженъ въ своихъ трудахъ,
Въ своемъ отшельничьемъ покоѣ,
Нашелъ онъ счастіе иное,
Невыразимое въ словахъ.

И вотъ съ подругой несравненной
Ужъ онъ опять въ родномъ краю:
Благослови судьбу свою,
Поклонникъ мудрости смиренной!
Тебя увлекъ могучій зовъ
На подвигъ честнаго служенья
Въ великомъ дѣлѣ просвѣщенья
Цвѣтущихъ царственныхъ сыновъ;
Не взысканъ властью ты опасной,
Но сердцемъ преданъ благу ихъ,
И не щадишь ты силъ своихъ
Для цѣли чистой и прекрасной!
Пусть будетъ скроменъ твой удѣлъ,
Пусть трудъ твой будетъ незамѣтенъ,
Будь бодръ и вѣрь, что онъ не тщетенъ,
Не гибнетъ жатва чистыхъ дѣлъ!
Люби свой путь; гордись сознаньемъ,
Что въ строгой съ жизнью борьбѣ
Всегда ты вѣренъ былъ себѣ
И словомъ твердымъ и молчаньемъ...

Таковъ и былъ и есть Вашъ другъ:
Пришелъ онъ съ прежнею душою

Въ Вашъ домъ, гдѣ той же теплотою
Все дышитъ вѣрный дружбѣ кругъ.
О, какъ его стѣснило время!
Какъ многихъ въ немъ не достаетъ!
За то какъ зрѣетъ и цвѣтетъ
Межъ тѣмъ поднявшееся племя!
О, пусть оно чтитъ свято бытъ
И нравы старины семейной
И ихъ блюдетъ благоговѣйно,
Какъ гость Вашъ въ сердцѣ ихъ хранитъ!
И вотъ черты его предъ Вами:
Вы въ нихъ найдете ясный слѣдъ
Промчавшихся такъ быстро лѣтъ,
Но вѣрьте — въ немъ самомъ съ годами
Не измѣнилось ничего:
По чувствамъ онъ все такъ же молодъ
И не проникнулъ жизни холодъ
Въ сокрытый міръ души его.

ДОБРАЯ ПАМЯТЬ [1]).

1859.

Вѣкъ правды, намъ твердятъ, насталъ, и вотъ предъ нами
Стоятъ отжившіе и требуютъ суда.
Да воздается же нельстивыми устами
И мертвымъ, какъ живымъ, заслуженная мзда.
Позоръ невѣжеству и горечь укоризны
Всѣмъ, кто ковалъ оковы на умы,
Кто ложью засѣвалъ поля своей отчизны
И будущимъ вѣкамъ готовилъ жатву тьмы!
Но доброй памятью и чистою хвалою
Мы отъ души того признательно почтимъ,
Кто честно велъ борьбу съ неправдой вѣковою
И освѣщалъ пути согражданамъ своимъ.
Кто въ обществѣ еще младенческомъ и новомъ
Будилъ живую мысль иль дѣломъ, иль перомъ,
Того мы не казнимъ враждебно-жесткимъ словомъ,
Но просвѣтителемъ народа назовемъ.
И не смѣшаемъ мы со славою правдивой,
Добытой подвигомъ всей жизни трудовой,
Минутной славы той, и суетной и лживой,
Которою успѣхъ вѣнчается порой.
И не пристанемъ мы къ толпѣ слѣпой и шумной,
Когда въ ребяческомъ забвеніи она
Пятнаетъ весело хулой своей безумной
Не даромъ чтимыя въ народѣ имена.

---

[1]) Русск. Вѣстникъ 1861 г., № 4, стр. 701.

Вы, судьи строгіе достойныхъ доброй славы
На пользу общую трудившихся отцовъ!
Чѣмъ вызванъ противъ нихъ вашъ приговоръ неправый
За что́ для нихъ всегда укоръ у васъ готовъ?
Вы въ прошломъ ничего не видите святого
И для всего, что́ въ немъ блистало и цвѣло,
Вы носите въ устахъ презрительное слово,
И недостойно васъ все то, что́ отжило!
И благородный трудъ, и лучшія стремленья,
И жизнь, прожитую для чести и добра,
Все рады вы попрать ногой безъ сожалѣнья,
Все зачеркнуть однимъ движеніемъ пера.
Въ дѣлахъ минувшаго никто для васъ не славенъ:
И Петръ Великій малъ и жалокъ Карамзинъ,
И пошлы и смѣшны Жуковскій и Державинъ;
Послѣдній же изъ васъ предъ ними исполинъ.
Скажите же, за что всѣ ваши имъ упреки,
Вы, настоящаго надменные сыны!
Повѣдайте намъ, чѣмъ вы сами такъ высоки
И вами подвиги какіе свершены?..

Но что за гулъ вдали? Не радостные ль клики,
Какъ-будто шумное какое торжество?
То вся Германія свершаетъ пиръ великій
Во славу дивнаго поэта своего! [1])
И въ пирѣ томъ слились, какъ братья, всѣ народы
Во знаменье, что нѣтъ различія племенъ
Въ отчизнѣ красоты и творческой свободы,
Что жертвенникъ искусствъ для всѣхъ равно священъ.
Да служитъ намъ ихъ пиръ примѣромъ и урокомъ!
Народъ разумный чтитъ избранниковъ своихъ;
Вѣнчанныхъ имъ вождей въ прекрасномъ и высокомъ
Онъ цѣнитъ и хранитъ съ любовью память ихъ.
Народу русскому да будутъ тѣмъ дороже,
Тѣмъ выше имена родныхъ его свѣтилъ,

[1]) Т. е. Шиллера, по случаю 100 лѣтней годовщины его рожденія. *Ред.*

Чѣмъ ими онъ бѣднѣй, чѣмъ онъ въ судьбахъ моложе.
Онъ храму свѣта лишь начало положилъ:
Ужели-жъ станетъ онъ, въ отвагѣ безразсудной,
Святого зданія основы разрушать?
Да продолжаетъ онъ степенно подвигъ трудный:
Цѣль юныхъ, бодрыхъ силъ да будетъ — созидать,
Иль безъ слѣда въ вѣкахъ онѣ исчезнутъ сами.
Богатъ наслѣдьемъ лѣтъ, да не глумится внукъ
Надъ неуспѣвшими всего свершить отцами
И имъ вины проститъ во имя ихъ заслугъ,
И если иногда смутится ихъ ошибкой,
Въ нихъ камня за нее не броситъ онъ, какъ врагъ,
Но снисходительно-разумною улыбкой
Онъ встрѣтитъ ихъ порой колеблющійся шагъ.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА 19 ОКТЯБРЯ [1]).

1865.

Былъ день суровый октября,
Но солнце ласково сіяло:
Въ чертогахъ кроткаго Царя
Благое дѣло возникало.
Въ тотъ свѣтлый, незабвенный день
(Его узнаютъ наши внуки!)
Царь открывалъ радушно сѣнь
Для скромныхъ подвиговъ науки.
И на могущественный зовъ
Вкусить ея струи живыя
Со всѣхъ отечества концовъ
Стеклися силы молодыя.
И тамъ, гдѣ всталъ ея алтарь, —
Средь изумленнаго чертога, —
Питомцевъ юныхъ встрѣтилъ Царь
Съ благословеньемъ у порога;
И въ рощахъ Царскаго Села,
Въ сѣни счастливаго покоя
Жизнь мысли бодро потекла
Безъ треволненій и застоя.

Друзья! мы — дѣти жизни той...
Давно уже въ мѣстахъ родимыхъ
Она погибла подъ грозой
Судебъ земли неотвратимыхъ;

---

[1]) Русскій Архивъ 1866 г., № 1, стр. 128.

Но мы, какъ тотъ знакомый цвѣтъ,
Который ликъ свой неустанно
Вращаетъ въ край, откуда свѣтъ,
Мы — будемъ такъ же постоянно
Взоръ устремлять въ тотъ милый край,
Гдѣ въ дружбѣ и трудѣ когда-то
Цвѣлъ нашей молодости рай!
Да, будемъ, братья, помнить свято
Завѣтъ, намъ данный жизнью той:
Какъ нѣкогда въ стѣнахъ лицейскихъ,
Пусть будетъ умственный застой
Намъ чуждъ на всѣхъ путяхъ житейскихъ!

ПРЕДВѢЩАНІЕ [1]).

1837.

Терпѣнье! скоро день настанетъ,
Что наша сѣверная рѣчь
Полміра собственностью станетъ
И загремитъ, какъ русскій мечъ.
Близка пора, что поколѣнья,
Которыхъ мы какъ дѣти чтимъ,
Отплатятъ подать удивленья
Давнишнимъ данникамъ своимъ.
Близка пора, что Западъ хилый
Къ Востоку взоры устремитъ,
Какъ старецъ безъ огня и силы
На бодрость юности глядитъ.

---

[1]) Напеч. въ книгѣ „Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ“, 1895, стр. 76.

СТИХИ и ПРОЗА

ДЛЯ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА.

СТИХИ [1].

1840—1846.

ПРИВѢТСТВІЕ НОВОМУ ТОВАРИЩУ [2].

Здравствуй, милое дитя!
Будь намъ свой и веселъ съ нами:
Здѣсь мы учимся шутя,
Межъ собой живемъ друзьями;
Поиграть да пошалить
Любимъ — что́ грѣха таить?
Но зато мы и работой
Занимаемся съ охотой.
Всѣ мы здѣсь одна семья,
Всѣ тебя полюбимъ нѣжно;
Ты же, доброе дитя,
Тѣмъ же самымъ намъ платя,
Будь уменъ, учись прилежно,
Старшихъ слушаться умѣй,
Какъ надежнѣйшихъ друзей:
О тебѣ они отнынѣ
Будутъ печься какъ о сынѣ!

---

[1]) Часть этихъ стихотвореній, напечатанная когда-то въ „Звѣздочкѣ“ А. О. Ишимовой, появилась въ 1848 г. въ книжкѣ „Литературные опыты Якова Грота“, Гельсингф. Въ настоящемъ составѣ, т. е. съ прибавленіемъ многихъ другихъ и въ этомъ порядкѣ, они были переизданы авторомъ въ книжкѣ „Стихи и Проза для дѣтей. Своимъ внукамъ и внучкамъ посвящаетъ Я. Гротъ“, выдержавшей при жизни автора два изданія (Спб. 1891, 1892 г.). *Ред.*

[2]) „Звѣздочка“, для младш. возр., 1846, VI, стр. 61.

ЗИМНЕЕ ВЕСЕЛЬЕ [1]).

Братцы! морозъ на дворѣ,
Русскій, трескучій морозъ!
Ели блестятъ въ серебрѣ;
Эй, берегите свой носъ!
Снова надъ глубью рѣки
Полъ намъ готовъ ледяной.
Братцы! подвяжемъ коньки;
Кто молодецъ, тотъ за мной!..
Ты что ворчишь тамъ въ углу?
Сидя за печкой, прозябъ?
Лягъ же ты грѣться въ золу:
Старыхъ не надо намъ бабъ.
Въ руки по палкѣ, друзья!
Мячикъ возьмемъ — и за нимъ,
По льду какъ вьюга скользя,
Взапуски всѣ побѣжимъ!
Или по зеркалу льда
Вензели станемъ писать...
Ну-те жъ, скорѣй, господа!
Долго ль еще мнѣ васъ ждать?..

[1]) Тамъ же, 1845, ч. I, стр. 190.

ЧИЖИКЪ [1]).

Бѣдный чижичекъ! давно ли
Ты по жердочкамъ порхалъ
И, не чувствуя неволи,
Въ клѣткѣ пѣсни распѣвалъ?
А теперь!.. Открой же глазки,
Встань, — взгляни, какъ плачу я!..
Не встаешь: мой зовъ и ласки
Не разбудятъ ужъ тебя.
Ужъ подъ крылышками холодъ,
Ножка рѣзвая смирна,
И къ зерну ужъ больше голодъ
Не приманитъ пѣвуна.
Спи, мой чижикъ! отъ тебя я
Въ память перышко беру!..
Скоро я тебя, вздыхая,
Въ тѣсный ящичекъ запру
И въ саду его зарою,
И могилку подъ кустомъ
Маргаритками покрою,
И прощусь съ моимъ пѣвцомъ!

---

[1]) Тамъ же, 1842, ч. II, отд. 2, стр. 50.

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА [1]).

Стучатся въ дверь.

Саша.

Кто тамъ стучится?

Голосъ за дверьми.

Я, гость крылатый, Новый Годъ.
Мнѣ Богъ велѣлъ къ тебѣ явиться:
Вѣдь Старый Годъ ужъ прочь идетъ.
Пока онъ въ дальнюю дорогу
Еще сбирается, — съ тобой
Хочу немножко у порогу
Потолковать, голубчикъ мой.

Саша.

Куда же Старый Годъ въ дорогу?

Новый Годъ.

Туда, мой другъ, куда ты самъ
И всѣ отправитесь вы — къ Богу,
Чтобъ дать отчетъ подробный тамъ:
Что́ здѣсь вы дѣлали, какъ жили,
Какъ здѣсь вы каждый день и часъ
И каждый мигъ употребили...

Саша.

Господь, я знаю, судитъ насъ;
Но — Годъ? зачѣмъ ему туда же?

[1]) Тамъ же, 1842, ч. I, стр. 43.

Новый Годъ.

Онъ долженъ въ небѣ описать
Все, все, что видѣлъ, слышалъ — даже
О малыхъ дѣтяхъ все сказать...
Теперь подумай, мой пріятель:
Какъ въ томъ году ты велъ себя?
Молись, молись, чтобы Создатель
Не прогнѣвился на тебя,
Когда къ престолу Благодати
Придетъ отсюда Старый Годъ
И о недобренькомъ дитяти
Разсказъ при ангелахъ начнетъ.

Саша.

Ахъ, Старый Годъ! передъ тобою
Я много, много согрѣшилъ:
Ты, щедрый, полною рукою
Мнѣ дни и мѣсяцы дарилъ;
А я... какъ часто безъ вниманья
Я тратилъ утро, вечеръ, день!
То я учился безъ старанья,
То мнѣ молиться было лѣнь.
Учась, я думалъ про игрушки;
Молясь, — про новенькій нарядъ;
Я нищимъ не далъ ни полушки,
Когда и сытъ былъ и богатъ!
Я часто маменьку не слушалъ,
Сердился, братцамъ досаждалъ,
То лгалъ, то слишкомъ много кушалъ,
То слугъ домашнихъ огорчалъ.
О Боже, Боже мой! какъ мало
Добра я сдѣлалъ въ цѣлый годъ!
Какъ много времени пропало!
О, дай мнѣ лучше быть впередъ!

Прощай, мой Старый Годикъ! Много
Ты въ небу жалобъ понесёшь:
Моли, моли за Сашу Бога:
Мнѣ стыдно, какъ я не хорошъ!

Войди же, Новый Годъ! и силы
Съ собой мнѣ новыя неси,
Чтобъ послѣ ты меня, гость милый,
Не могъ винить на небеси!

ШЛЯПА [1]).

Какой-то вѣтреный проказникъ —
Не помню, въ будень или въ праздникъ —
Гулять шелъ; только у дверей
Хватился шляпы онъ, и ну бѣжать скорѣй
Назадъ за ней.
Онъ отперъ шкапъ свой — что за чудо?
Нѣтъ шляпы тамъ
(Замѣтьте: у него все было по мѣстамъ).
„Ну, думаетъ онъ, худо!
Неужто кто укралъ?... Да нѣтъ, кому украсть?
И не булавка же, чтобъ такъ легко пропасть.
Найдется гдѣ-нибудь“... И вотъ онъ ищетъ, ищетъ;
Обходитъ двадцать разъ всѣ окна, всѣ углы
И стулья и столы;
Съ досады то ворчитъ, то морщится, то свищетъ,
А шляпы нѣтъ нигдѣ!
По счастью, зеркало висѣло на стѣнѣ.
Нечаянно глаза вдругъ поднялъ мой пріятель,
И видитъ онъ въ стеклѣ —
Повѣришь ли, читатель? —
Что шляпа у него давно на головѣ!

Не такъ ли точно мы, виня свою судьбину,
Стараемся всегда извнѣ найти причину
И горю своему и всѣмъ своимъ бѣдамъ?
Межъ тѣмъ, чтобъ прекратить такое заблужденье,
Лишь стоило бы намъ
Увидѣть въ зеркалѣ свое изображенье.

---

[1]) Тамъ же, 1843, ч. VII, стр. 122.

ПОРЯДОКЪ [1]).

Во всемъ порядокъ ты устрой —
Въ вещахъ своихъ, въ дѣлахъ вседневныхъ;
Тогда отраду и покой
Найдешь и въ помыслахъ душевныхъ.
Кто мудрымъ славится, — смѣшонъ,
Когда порядка онъ не любитъ:
„И мигъ намъ дорогъ!“ учитъ онъ,
А самъ часы напрасно губитъ,
Затѣмъ что въ собственномъ дому
Онъ какъ чужой нерѣдко бродитъ,
И гдѣ бы только взять ему,
Онъ ищетъ, ищетъ — не находитъ!
Заботы есть; но тутъ одну
Упуститъ онъ, а тамъ другую;
На память онъ кладетъ вину,
Но я то иначе толкую:
Семи хоть пядей будь во лбу, —
Когда порядка ты не знаешь,
Такъ развѣ сдѣлаешь въ гробу
Все то, что сдѣлать затѣваешь.

---

[1]) Тамъ же (для старш. возр.) 1845, ч. XVIII, стр. 11.

ХЕРУВИМЪ [1]).

За прилежное ученье
Сашѣ маменька его
Подарила въ награжденье
Двѣ монетки — рубль всего [2]).
Какъ онъ счастливъ! Что жъ такое
Купишь ты себѣ, богачъ?
Книжку, мячикъ иль съѣстное,
Пряникъ вяземскій, колачъ?
Или денежку оставишь
Ты на черненькій денёкъ,
Или нищенкѣ доставишь
Въ праздникъ радостный часокъ?
Нѣтъ, постойте: вотъ наступитъ
Скоро вербная пора;
Вербу Сашенька мой купитъ
У Гостинаго двора.

Въ небѣ солнышко сіяетъ,
Воздухъ вѣетъ теплотой,
И народъ честной гуляетъ
Вкругъ Гостинаго толпой.
Что за хитрыя приманки
Блещутъ въ грудахъ по столамъ!
Сласти, вербы, куклы, склянки —
И чего-то нѣту тамъ?

[1]) Тамъ же, 1842, ч. II, стр. 14.
[2]) Два пятиалтынныхъ составляли въ то время мѣдный или ассигнаціонный рубль.

Вербы всякія: простыя —
Вѣтки съ шишками, въ пучкахъ —
И головки восковыя,
Фрукты съ листьями, въ горшкахъ.
А народу-то, народу!
Давка, шумъ, нарядовъ смѣсь...
Не даетъ купецъ проходу
И кричитъ вамъ: „Баринъ! здѣсь!“

Въ шапкѣ, въ синенькомъ кафтанѣ,
Кушачкомъ цвѣтнымъ обвитъ,
Вотъ туда же съ милой няней
Саша маленькій спѣшитъ.
Много вербочекъ прелестныхъ
У друзей ужъ видѣлъ онъ,
Но изъ всѣхъ ему извѣстныхъ
Пуще онъ одной плѣнёнъ:
Все блеститъ передъ глазами
Херувимчикъ восковой,
Свѣжій, розовый, съ крылами,
Нѣжный — будто бы живой.
Вотъ зачѣмъ спѣшитъ мой крошка...
Вдругъ предъ нимъ ребенокъ; — ахъ,
Какъ онъ хилъ!.. больная ножка,
Весь въ лохмотьяхъ, чуть не нагъ!
Голосокъ, дрожа, раздался:
„Ради Господа Христа!
Добрый баринъ! я остался
Безъ родныхъ, я сирота!“
Мигъ лишь, только мигъ короткой,
Тотъ въ раздумьи простоялъ,
И уже передъ сироткой
Взоръ слезинкой засіялъ...
И ужъ верба дорогая
Прочь изъ мыслей прогнана,
И ужъ лепта трудовая
Вся бѣдняжкѣ отдана.

Что же? Сашѣ не достался
Херувимчикъ расписной?
Нѣтъ, но съ той поры остался
Херувимъ при немъ другой:
И въ весельи и въ печали
Тайный другъ его стерёгъ,
Чтобъ къ нему не приступали
Злыя мысли и порокъ, —
Другъ, лишь къ добрымъ приходящій,
Херувимъ, не восковой,
Безтѣлесный, но любящій,
Другъ незримый, но живой!

МАЛЕНЬКІЙ КУСТЪ [1]).

(Съ нѣмецкаго).

Кусточекъ милый, молодой!
Ты, говорятъ, ровесникъ мой;
Но отъ тебя отсталъ
Я далекó, какъ ты ни малъ.

Ужъ ты теперь даешь плоды;
Ужъ ты садовника труды
Умѣешь награждать:
Чего жъ онъ долженъ послѣ ждать?

Хочу подобенъ быть кусту:
Теперь я только что цвѣту;
Но, Боже! дай мнѣ силъ,
Чтобы и я плоды носилъ!

---

[1]) Тамъ, же 1846, ч. VI, стр. 71.

МИЛЫЙ УЧЕНИКЪ [1]).

(Изъ Рюккерта).

Учитель у себя учениковъ держалъ
И въ страхѣ Божіемъ, въ любви ихъ наставлялъ.
Съ заботой равною онъ наблюдалъ за ними,
Но шелъ одинъ изъ нихъ во всемъ передъ другими:
Изъ нихъ милѣе былъ учителю меньшой,
Затѣмъ, что всѣхъ другихъ добрѣй онъ былъ душой.
Другіе впереди его лѣтами были,
Дивилися и разъ учителя спросили:
За что меньшого ты предпочитаешь намъ? —
„Постойте, онъ сказалъ: вотъ порученье вамъ“.
Изъ гнѣздышка тогда онъ вынулъ нѣжныхъ пташекъ
И всѣмъ далъ по одной и имъ велѣлъ бѣдняжекъ
Въ мѣстечко снесть, гдѣ бъ ихъ ничей не видѣлъ глазъ,
И птичекъ тамъ убить и возвратить тотчасъ.
Пошли, и съ мертвыми потомъ явились смѣло,
Какъ будто сдѣлали они благое дѣло.
Но пташечку меньшой живую возвратилъ.
„Что́ значитъ, что ее ты, другъ мой, не убилъ?“ —
„Нигдѣ не могъ найти мѣстечка я, въ которомъ
Я былъ бы этотъ разъ ничьимъ не видимъ взоромъ.
Есть глазъ: равно глядитъ на всѣ онъ существа,
На птичку, какъ на насъ: затѣмъ она жива!“
Учитель посмотрѣлъ на всѣхъ — они молчали:
За что предпочиталъ онъ младшаго — всѣ знали...

---

[1]) Тамъ же, 1842, ч. IV, отд. II, стр. 72.

ЗВѢЗДЫ [1]).

(Съ швед., изъ Францѣна).

Разъ, любуяся звѣздами,
Крошка Фанни говоритъ:
„Мама, сколькими глазами
Богъ на Фанничку глядитъ!“

— Фанни! Богъ и здѣсь, и съ нами;
Видишь — вонъ съ цвѣтами лугъ:
Ими такъ же, какъ глазами,
Богъ на насъ глядитъ, мой другъ! —

„Мама, лишь теперь мнѣ ясно
Виденъ Богъ: привѣтливъ, благъ,
Онъ сіяетъ такъ прекрасно —
Знаешь гдѣ?.. въ твоихъ глазахъ!“

[1]) Тамъ же, 1842. ч. II, стр. 136.

СВѢТЛЯКЪ [1]).

(Оттуда же).

„Что это, маменька, въ травѣ
Такъ свѣтится? ужъ не звѣзда ли?
Сама я видѣла, какъ двѣ
Вдругъ съ неба давеча упали!“
Такъ, устремя глаза на мать,
Вскричала маленькая Оля
И побѣжала подымать
Звѣзду свѣтящуюся съ поля.
„Что это? ты ль — червякъ простой, —
Сіялъ такъ ярко и чудесно?
А я (стыжусь себя самой)
Сочла тебя звѣздой небесной!
Но нужды нѣтъ... пойдемъ ко мнѣ:
Тамъ у меня между цвѣтами
Ты поселишься на окнѣ
И безъ заботъ жить будешь съ нами“.
Взяла — и, прибѣжавъ домой,
Находку въ розу положила,
И всѣхъ созвавъ дѣтей въ покой,
Проворно свѣчку потушила:
„Не плачь ты, Юрій! видишь, вотъ
Тебѣ фонарикъ принесла я;
Проснешься ночью — онъ блеснетъ,
И улыбнешься ты, зѣвая.

[1]) Тамъ же, 1846, ч. VIII, стр. 57.

Какъ это, маменька, звѣрёкъ
Ничтожный ярко такъ сіяетъ?“
— Кто свѣтъ такой зажечь въ немъ могъ
Тотъ въ жизни будущей, дружокъ,
Вѣрь, и тебѣ предназначаетъ
Сіянье дивной красоты:
Будь только ты добра душою. —
„Ахъ, маменька! я вижу, ты
Теперь ужъ свѣтишь добротою!“

ПѢСНЯ ПРИ ЗАХОЖДЕНІИ СОЛНЦА [1]).

(Съ нѣмецкаго).

Солнце золотое!
Ты уходишь прочь;
Но душа въ покоѣ:
Не страшна ей ночь.

Твой закатъ глазами
Грустно провожать;
Но и въ тьмѣ надъ нами
Божья благодать.

Тотъ, чья тамъ палата,
Посреди небесъ, —
Нѣтъ Ему заката,
Господу чудесъ.

Боже! свѣтъ Твой вѣчный
Ты на насъ пролей,
И во тьмѣ сердечной
Не оставь дѣтей!

---

[1]) Тамъ же, 1846, ч. V, стр. 96.

ЦВѢТОКЪ [1]).

Въ покой,
Красиво убранный цвѣтами,
Вбѣжала дѣвочка со свѣтлыми глазами,
Съ кудрявой головой.
„Ахъ! вскрикнула она: какой здѣсь запахъ чудный!“ —
А знаешь ли, дитя, я у нея спросилъ:
Какой цвѣтокъ здѣсь такъ свой ароматъ разлилъ?
— „Какой цвѣтокъ? узнать его не трудно:
Конечно это тотъ,
Который всѣхъ милѣе!“
И руку протянувъ къ прелестнѣйшей лилеѣ,
Малютка съ живостью сказала: „Вотъ онъ, вотъ!“ —
Взгляни, прервалъ я: тамъ, поодаль, за другими
Есть чуть примѣтный, маленькій цвѣтокъ.
Онъ не блистаетъ красками живыми,
Имъ не любуется залетный мотылёкъ.
Не возвышаясь горделиво
Вѣнцеобразной головой,
Онъ низменно растетъ, опоры ждетъ стыдливо
И видомъ схожъ съ смиренною травой.
Не лилія, а онъ душистою струёй
Здѣсь воздухъ напояетъ;
Когда вхожу сюда,
Меня своимъ дыханьемъ окружаетъ
Не лилія, а онъ — простая р е з е д а. —

[1]) Тамъ же, 1843. ч. VI, стр. 78.

Тогда
Къ цвѣткамъ обоимъ чередою
Склонилася малютка у окна.
Лилею черезъ мигъ покинула она,
Но долго съ резедою
Разстаться не могла...

Пей, пей, дитя, ея благоуханье!
Сама цвѣтокъ, — у скромнаго цвѣтка
Учися скромности: она душѣ сладка,
Какъ нѣжное его дыханье.
Тому, кто чувствуетъ достоинство въ себѣ,
Не нужно ни красы, ни пышнаго убора.
Не привлекая взора,
Въ своей смиренной простотѣ
Онъ вкругъ себя отраду разливаетъ
И насъ, подобно резедѣ,
Невидимо собою услаждаетъ,
Межъ тѣмъ какъ красота и дорогой нарядъ
Подобно лиліи обманчиво блестятъ.

ТРУДЪ [1]).

Дѣти! надобно трудиться:
Богъ насъ создалъ для труда.
Ахъ, отъ праздности родится
Много горя и стыда!
Въ жизни лучшія мгновенья
Покупаются трудомъ;
Сладкій часъ отдохновенья
Лишь усталому знакóмъ.
Цвѣтъ здоровья возвышаетъ
Прелесть всѣхъ житейскихъ благъ;
Тотъ полнѣй его вкушаетъ,
Кто проводитъ день въ трудахъ.
Не въ богатствѣ счастье наше;
Но кому же нищета
И ея лохмотья краше,
Чѣмъ достатокъ, плодъ труда?
У прилежнаго веселье
Украшаетъ домъ и столъ;
Скуку лишь даритъ бездѣлье;
Праздный голоденъ и — голъ.
Тотъ, кто хочетъ доброй славы,
Долженъ хлѣбъ свой въ потѣ ѣсть:
Не за игры и забавы
Достается людямъ честь.
Безъ усилій, безъ терпѣнья
Не бывалъ никто великъ;
Трудъ — источникъ возвышенья:
Счастливъ, кто къ нему привыкъ!
Дѣти, дѣти, не лѣниться!
Трудъ всегда приноситъ плодъ:
Будешь смолоду трудиться —
Встрѣтишь старость безъ заботъ.

---

[1]) Тамъ же, 1846, ч. V, стр. 138.

БАБОЧКА [1]).

„Бабушка, милая бабушка! что́ я нашелъ, посмотри-ка!“
Такъ говорилъ запыхавшись Алёша, вбѣгая къ старушкѣ
Въ комнату, гдѣ у окошка сидѣла она за вязаньемъ,
И поднося осторожно ей что-то на маленькой ручкѣ.
„Ну, покажи, покажи мнѣ, что́ за диво такое!“
Тотчасъ на́ носъ надѣла очки баловница малютокъ,
Руку у внучка взяла и къ ней лицомъ наклонилась.
„Это, голубчикъ мой, куколка“. — „Куколка?“ — вскрикнулъ Алёша:
„Правъ же, стало-быть, Викторъ: а я, признаться, не вѣрилъ.
Вмѣстѣ со мною онъ по саду бѣгалъ; вдругъ я увидѣлъ
Что-то на ближнемъ кустѣ и взялъ осторожно, а Викторъ
Мнѣ говоритъ: „Не бери! вѣдь это куколка!“ — Что ты?
Я отвѣчалъ ему: развѣ такія куклы бываютъ?
Это что-то чудно́е... — „И точно чудно́е, сказалъ онъ:
Это кукла живая: отсюда бабочка выйдетъ.“—
Какъ возможно, чтобы чудеса такія случались?“
Бабушка, выслушавъ Алю, очки сняла и сказала:
„Правду, сущую правду ты слышалъ отъ Виктора, другъ мой.
Прежде нежели куколка эта на свѣтъ появилась,
Былъ червячокъ; сперва по травкѣ насилу онъ ползалъ,
Послѣ на вѣтку взобрался, повисъ на ней и состроилъ
Домикъ себѣ, въ которомъ ни двери нѣтъ, ни окошка.
Душно тамъ и темно́, какъ будто въ глухомъ подземельѣ;
Но червячку и не нужно ни Божьяго свѣта, ни пищи;
Крѣпко спитъ онъ, пока не настанетъ пора пробужденья.
День наступитъ — и вдругъ распадутся стѣнки темницы;
Но ужъ оттуда не выползетъ прежній червякъ безобразный,
Милая бабочка вылетитъ... О, съ какимъ наслажденьемъ

---

[1]) Тамъ же, 1843, ч. V, отд. 2. стр. 67.

Солнышко въ первый разъ увидитъ она, и свободно,
Рѣзво на крылышкахъ легкихъ подымется къ синему небу
И опустится вновь, и по пестрымъ цвѣтамъ, по душистымъ,
Весело станетъ порхать, упиваясь росою медвяной.
Могутъ ли, ты говоришь, чудеса такія случаться?
Малъ еще ты, Алёша; еще твой умишка не началъ
Думать о томъ, что́ мы видимъ вокругъ себя ежедневно.
Ахъ, не вся ли природа одни чудеса намъ являетъ?
Развѣ тотъ огненный шаръ, который каждое утро
На́ небо всходитъ, чтобъ людямъ свѣтить, когда для работы
Встанутъ они (мы живемъ, чтобы въ потѣ трудиться до гроба),
Развѣ всѣ твари, которыхъ умомъ мы себѣ покорили,
Развѣ мы сами — не чудо? Дивишься ты, Аля; послушай:
Правду еще я скажу тебѣ: другъ мой, ты знаешь ли, что́ мы?
Всѣ мы, слабые смертные, то же, что куколка эта!
Да, пока на землѣ мы, — въ тѣлѣ своемъ, какъ въ темницѣ,
Словно какъ твой червячокъ, живетъ душа невидимкой.
Тѣсно ей и темно́; настоящаго Божьяго свѣта
Къ ней не доходитъ, на сонъ вся жизнь земная похожа.
Но настанетъ минута: душа изъ тюрьмы на свободу
Вылетитъ вдругъ окрыленная, будто бабочка къ небу.
Весело будетъ тогда ей увидѣть вѣчное Солнце,
Солнце, которому имя — Создатель Вселюбящій міра.
Тѣло останется здѣсь и истлѣетъ какъ куколкинъ домикъ.
Вотъ отчего ту минуту мы смертью зовемъ, но невѣрно:
Та минута не смерть, а начало жизни безсмертной.
Пристально смотришь въ глаза ты мнѣ: да, удивительно, чудно
То, что тебѣ я сказала; но всё то — сущая правда,
И ужъ издревле, въ тѣ дни, которыхъ никто не запомнитъ,
Въ бабочкѣ умные люди призна́ли образъ безсмертья.
Душу тогда рисовать любили въ образѣ дѣвы,
И за плечами красавицы крылья бабочки были.
Такъ-то братъ твой тебѣ сказалъ, голубчикъ мой, правду“.
Бабушка тутъ приласкала сердечно-любимаго внучка
И прибавила: „Ну теперь, поди, отнеси ты
Куколку въ садъ и опять положи на прежнее мѣсто“.
Мальчикъ все время внимательно слушалъ старушку; глубоко

Въ душу его заронили слова ея свѣтлое знанье.
Молча, задумчиво, медленно вышелъ онъ въ садъ; на ладони
Бережно несъ онъ находку, въ которой теперь научился
Видѣть начало твари живой, человѣку подобной.
Въ садъ возвратясь, онъ легко отыскалъ то самое мѣсто,
Гдѣ свою куколку взялъ, и на тотъ же самый листочекъ
Снова ее положилъ и сказалъ: „Здѣсь, куколка, жди ты.
Скоро солнышко съ неба улыбкой тебя отогрѣетъ.
Дай тебѣ Богъ тогда счастли́во изъ этой темницы
Вырваться къ свѣту и весело жить на свободѣ, и долго,
Долго играть и рѣзвиться въ садахъ и долинахъ цвѣтистыхъ!“
Лѣтній зной наступилъ. Запестрѣлись бабочки въ полѣ;
Часто съ ними встрѣчался Алёша, и въ каждой какъ будто
Старую видѣлъ знакомку, и каждый разъ думалъ съ собою:
„Много, много чудесъ происходитъ въ Божіемъ мірѣ!
Я здѣсь тоже лишь куколка; нѣкогда бабочкой буду“.

НАСЪ СЕМЕРО [1]).

(Изъ Вордсворта).

. . . Какъ счáстливо дитя!
Какъ беззаботно, какъ рѣзво!
Въ немъ жизнь играетъ и кипитъ;
Смерть непонятна для него.
Я встрѣтилъ крошку близъ села.
Ей былъ седьмой лишь годъ; она
(Хоть въ бѣдномъ платьицѣ) была
Какъ ангелъ прелести полна.
У ней кудрявы волоса,
Румяно личико у ней,
И что за яркіе глаза!
Отъ нихъ мнѣ стало веселѣй!
„Скажи, малютка, сколько васъ
Въ семействѣ братьевъ и сестёръ?“
— Да сколько? семеро всѣхъ насъ, —
И на меня вперила взоръ.
„А гдѣ,“ спросилъ я: „гдѣ они?“
— Насъ семь у маменьки всего:
Живутъ два братца у родни,
Да двое въ морѣ... далекó!
Да на кладбищѣ двое спятъ:
Лежитъ сестрица тамъ моя
И съ нею маленькій мой братъ;
Седьмая же у мамы — я! —

---

[1]) Тамъ же, 1842, ч. I, стр. 131.

„Два у родни, ты говоришь;
Два на́ морѣ, да ты: вотъ пять;
А всѣхъ васъ семеро; скажи-жъ,
Какъ это, душенька, понять?“
Малютка снова начала́:
— Насъ, видишь, семь: сестра да братъ,
Что на кладбищѣ, вотъ ужъ два;
Они близъ хижины лежатъ. —
„Ты бредишь, свѣтикъ: мудрено
Твои мнѣ счеты разобрать;
Когда ужъ два схоронено,
Такъ, стало-быть, васъ только пять?“
— Могилы тамъ; взгляни хоть самъ,
Сказала дѣвочка: пойдемъ!
Вонъ отъ пути шагахъ въ пяти...
Тамъ положили ихъ рядкомъ.
Тамъ часто я чулокъ вяжу,
Или платочекъ свой рублю;
Тамъ подъ березкой я сижу
И братцамъ пѣсенки пою.
Какъ солнышко зайдетъ весной
И вечеръ такъ прекрасенъ, тихъ, —
Туда несу я ужинъ свой
И кушаю въ гостяхъ у нихъ...
Сначала Дженни померла:
Она стонала день и ночь,
Потомъ утихла и легла...
И унесли сестрицу прочь...
Зарыли гробъ ея; надъ нимъ
Цвѣточки послѣ я рвала,
И съ братомъ маленькимъ моимъ
Все лѣто тамъ вѣнки плела.
Пришла зима: ужъ братъ не могъ
Играть попрежнему со мной;
Закрылъ глаза и въ гробикъ легъ,
И спитъ онъ также подъ землёй. —

„Двоихъ взялъ Богъ!“ воскликнулъ я:
„Такъ сколько же васъ всѣхъ затѣмъ?“
На это дѣвочка моя:
— Ахъ, сударь! семь насъ, право, семь! —
„Но двое умерли, мой другъ:
Живетъ у Господа ихъ духъ;
Ужъ нѣтъ ихъ въ мірѣ!“ Но ничѣмъ
Не убѣждалася она
И все твердила: Нѣтъ, насъ семь!

МОГУ ЛИ Я УВИДѢТЬ БОГА [1]).

(Съ датскаго).

„Ахъ, маменька! могу ли я
Когда-нибудь увидѣть Бога
Среди небеснаго чертога?“
— Но развѣ ты, душа моя,
Его не видишь безпрерывно
Во всемъ, что вкругъ тебя живётъ,
Въ полётѣ птички, въ плескѣ водъ,
Въ цвѣткѣ, во всей природѣ дивной?
Когда, вставая иль ложась,
Сложивши ручки, ты читаешь
Свою молитву, всякій разъ
Тогда у Бога ты бываешь,
Ты видишь Господа... — „Но я
Желалъ бы, маменька, глазами
Его увидѣть тамъ, надъ нами,
Гдѣ рай, гдѣ бабушка моя.
Тамъ, няня говоритъ, въ сіяньи,
Въ великолѣпномъ одѣяньи,
Въ вѣнцѣ, на тронѣ золотомъ
Непостижимый возсѣдаетъ;
Витаютъ ангелы кругомъ
И хоръ ихъ Бога восхваляетъ.
Вотъ тамъ бы я когда-нибудь
Желалъ на Господа взглянуть!“
— Мой сынъ, будь добръ и чистъ душою:
Тогда увидишь ты Его,

[1]) Тамъ же 1842, ч. IV, стр. 173.

Не подъ одеждою земною,
О нѣтъ, прекраснѣе того,
Какимъ ты мнѣ Его представилъ.
Онъ Духъ; Его престолъ — весь міръ,
Которымъ Онъ любовь прославилъ,
Гдѣ вызвалъ жизнь на чудный пиръ!
Любить Его чистосердечно,
Его стараться познавать
И сходства въ духѣ съ Нимъ искать,
Есть видѣть Господа — и вѣчно!
Желаешь ли того? Учись,
Добра не оставляй дорогу,
Все совершеннѣй становись!
Тогда ты ближе будешь къ Богу,
Достойнѣй Вышняго Отца;
Тогда ты, сынъ мой — о блаженство! —
Увидишь свѣтлый ликъ Творца,
Затѣмъ, что ликъ тотъ — Совершенство!

ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Изъ Франце́на).

„Какая всюду тишина!“
Суббота молвитъ Воскресенью:
„И человѣкъ въ объятьяхъ сна
Предался весь отдохновенью.
Пора и мнѣ: устала я!
Приходитъ очередь твоя“,
Межъ тѣмъ двѣнадцать бьетъ въ селеньѣ,
И день субботній прочь идетъ.
„На смѣну!“ молвитъ Воскресенье,
Глаза рукою сонной третъ
И, мигъ помѣшкавъ за звѣздами,
Выходитъ тихими шагами.
Къ жилищу Солнышка оно
Идетъ съ свѣчою блѣдно-алой,
И постучавъ, кричитъ въ окно:
„Что, Солнышко, еще не встало?“
А Солнышко красавцу-дню:
„Ступай! я тотчасъ догоню“.
И день на цыпочкахъ оттолѣ
Пошелъ и, ставши надъ горой,
Окинулъ яснымъ взоромъ поле;
Чтожъ? все объято тишиной,
Все спитъ попрежнему такъ сладко,
И онъ спускается украдкой.
Пора вставать: дремоты лѣнь
Деревня гонитъ, оживляясь,
И видитъ: вотъ ужъ красный день
Къ ней въ окна смотритъ, улыбаясь,
Въ сіяньи солнца, веселъ, тихъ,
На шляпѣ пукъ цвѣтовъ простыхъ.
Онъ ненавидитъ шумъ, тревогу,

Онъ зла не хочетъ никому
И мыслитъ только: „Слава Богу,
Ужъ солнышко прогнало тьму".
Цвѣточки, внявъ его привѣту,
Приподняли головки къ свѣту.
Вечоръ умытыя, стоятъ
Въ саду красивыя бесѣдки,
Деревья зеленью блестятъ,
Прохлада вѣетъ съ каждой вѣтки.
Пчела работаетъ: у ней
Нѣтъ никогда воскресныхъ дней.
Все счастьемъ, все любовью дышитъ
Вокругъ спокойныхъ этихъ стѣнъ,
И вся окрестность будто слышитъ:
„Благослови! Благословенъ!
Господь, дѣла твои чудесны:
О, какъ прекрасенъ день воскресный!"
И птички спрятались въ тѣнь
И звонко Бога воспѣваютъ,
Какъ будто знаютъ, что за день.
То лучше всѣхъ ребята знаютъ
И неотступно просятъ мать
Имъ платья новенькія дать.
Къ обѣднѣ! въ третій разъ звонили!
Звонарь сегодня рано всталъ.
Друзья! свяжите пукъ изъ лилій,
Покуда вечеръ не насталъ.
На паперти я встрѣчу Машу,
Цвѣтами косу ей украшу.

СМЕРТЬ [1]).

Гуляя давеча, я встрѣтилъ
Прелестный гробикъ голубой
Съ вѣнкомъ, съ серебряной каймой,
И крестъ лежалъ на немъ такъ свѣтелъ!
Еще пустой былъ гробикъ тотъ;
Работникъ несъ его смѣяся,
И безъ вниманья, не крестяся,
Шелъ мимо гробика народъ.
Но у меня такъ сердце сжалось!
Ахъ! у кого-то — думалъ я —
Дитя любимое скончалось
И плачетъ бѣдная семья.
Какъ я, оно еще недавно
Рѣзвилось посреди родныхъ;
Порой бывало своенравно,
Но чаще радовало ихъ.
Оно, быть можетъ, походило
Во многомъ на меня... Но что,
Когда бъ угодно Богу было
(Чтобы дополнить сходство то)
Взять и меня отъ милыхъ вскорѣ
И смертію моей послать
Имъ неожиданное горе,
Чтобы ихъ вѣру испытать?
Да будетъ въ томъ Господня воля!
Я не боюся ничего:

[1]) Тамъ же, 1845, ч. III, стр. 101.

Увѣренъ я, что наша доля —
И жизнь и смерть — въ рукахъ Того,
Кто всѣхъ различными путями —
Чрезъ свѣтъ однихъ, другихъ чрезъ тьму,
Тѣхъ жизни моремъ, тѣхъ смертями
Ведетъ ко бла́гу одному!

ЗЕРКАЛО [1]).

(Изъ Франце́на).

„Чудно́е дѣло! ей не спится,
А какъ спокойна, какъ смирна!
Лежитъ-себѣ, не шевелится!
На что же такъ глядитъ она?
Чѣмъ Фанни такъ развлечена?
„Улыбкой ангельски-прелестной
У Фанни личико блеститъ;
Сіяя радостью небесной,
Какой огонь въ глазахъ горитъ!
За кѣмъ же такъ она слѣдитъ?
„Не птичка, не цвѣты въ окошкѣ,
Не зеркало съ его игрой
Такъ полюбились милой крошкѣ:
Ахъ, вѣрно ангелъ ей родной
Плыветъ надъ люлькой дорогой!
„Знать, видятъ больше насъ малютки;
Знать, есть — острѣе нашихъ глазъ —
У нихъ какой-то органъ чуткій;
Иль память рая — какъ отъ насъ —
Еще отъ нихъ не унеслась!“
Такъ говорила близъ дитяти
Ея кормилица съ собой;
А тайный ангелъ благодати

---

[1]) Тамъ же, 1842, ч. II, стр. 133.

На дѣлѣ былъ не кто иной,
Какъ мать, входившая въ покой.
На Фанни въ зеркало взглянула
Она въ дверяхъ, ушла опять
И снова въ зеркало кивнула,
Ахъ, съ радостью, какую знать
Конечно можетъ только мать.
Чудесно зеркало, въ которомъ
Лишь милый намъ предметъ заботъ,
А не себя мы ищемъ взоромъ!
Блаженъ, кто въ свѣтѣ такъ живётъ:
Онъ друга въ старости найдётъ!

ПѢСНЯ [1]).

Одинока и грустна
Маменька вечоръ сидѣла,
Молчаливо изъ окна
На небо глядѣла,
И я видѣлъ, какъ она
Отъ меня украдкой руку
Торопливо подняла
И слезинку отерла
Съ глазъ, гдѣ могъ прочесть я муку.
Скучно мнѣ съ минуты той;
Втайнѣ все боюсь, не я ли
Былъ виной ея печали;
Ужъ не шалостью ль какой
Я безъ умысла дурного
Огорчилъ родную снова?
Боже! Ты съ небесъ Твоихъ
Видишь нѣжность чувствъ моихъ;
Видишь, какъ бываетъ больно
Мнѣ всегда, когда невольно
Опечалю милыхъ я!
Боже! я молю Тебя:
Дай во всякое мгновенье
Мнѣ съ любовію хранить
Въ чистомъ сердцѣ попеченье:
Жить родимой въ утѣшенье,
Добрымъ сыномъ быть!

---

[1]) Тамъ же, 1845, ч. I, стр. 143.

КЪ ДРУГУ [1]).

Вчера ты, милый братъ,
Журилъ меня не даромъ.
Прости: я виноватъ,
Хотя и спорилъ съ жаромъ.
Нѣтъ, всякій твой совѣтъ
Приму я впредь съ любовью...
О! мы дадимъ обѣтъ,
Мы заключимъ условье:
Другъ въ другѣ одобрять
Лишь истинно-благое,
Но строго осуждать
Все низкое и злое.
Презрѣнъ будь тотъ изъ насъ,
Кто правдой оскорбится,
Иль кто льстецомъ хоть разъ
Изъ друга стать рѣшится.
Ахъ! путь добра тяжелъ!
Для слабыхъ насъ такъ нужно,
Чтобъ къ свѣтлой цѣли шелъ
Товарищъ съ нами дружно;
Чтобъ тамъ, гдѣ скользокъ путь,
Онъ поддержалъ насъ въ пору,
А гдѣ случится круть,
Нашелъ бы въ насъ опору.
О! мы обѣтъ дадимъ...
Когда насъ будетъ двое,
Бодрѣе совершимъ
Мы странствіе земное!

---

[1]) Тамъ же, 1845, ч. XVIII, стр. 145.

КЪ РѢЧКѢ [1]).

(Изъ Рунеберга).

Сижу, о рѣчка, надъ тобою
И все гляжу, какъ облака
Въ тебѣ смѣняются чредою,
Гонимы лѣтомъ вѣтерка.
Вотъ облачко — свѣтло, румяно,
Какъ алый розанъ... Но прости!
Прости! зачѣмъ бѣжишь такъ рано?
Тебѣ назадъ ужъ не притти.
Но вотъ другое — въ блескѣ злата
Еще пышнѣй горитъ оно...
Ахъ! такъ же быстро, безъ возврата,
И это прочь унесено!
Вотъ тучка вновь! Она не сходитъ,
Она влачится тяжело,
И вся темна, и тьму наводитъ,
О рѣчка, на твое стекло.
При видѣ струй непостоянныхъ
Я вспомнилъ о душѣ моей.
Какъ много облачковъ румяныхъ
Уже прости сказало ей!
Какъ много мрачныхъ приходило,
И ночь они съ собой несли,
И быстро ихъ явленье было,
А прочь они такъ тихо шли!

---

[1]) Тамъ же, 1842, ч. III, стр. 106.

Они являлись, уходили;
Я понималъ ихъ; ахъ! они
Минутныя лишь тѣни были
На зеркалѣ моей души.
Но свѣтъ и мракъ ея не вѣчно
Зависѣть будутъ лишь отъ нихъ:
Придетъ, о рѣчка, миръ сердечный;
Придетъ и миръ для струй твоихъ.

ПРИТЧА О БЛУДНОМЪ СЫНѢ [1]).

Лук. 15, 11 — 32.

У одного отца два сына было.
Меньшой сказалъ ему: „Родитель! дай
Принадлежащую мнѣ часть имѣнья.“
И имъ отецъ имѣнье раздѣлилъ.
Но вскорѣ младшій сынъ, собравши всѣ,
Пошелъ въ далекій край и расточилъ
Свое имѣнье тамъ, живя распутно.
Когда жъ онъ прожилъ все, великій голодъ
Постигъ тотъ край, и началъ онъ нуждаться.
И онъ пошелъ, и къ одному изъ гражданъ
Той стороны присталъ, а тотъ ему
Въ своихъ поляхъ велѣлъ свиней пасти.
Онъ кормомъ ихъ свое наполнить чрево
Былъ радъ, но не давалъ ему никто.
Пришедши же въ себя, сказалъ онъ: „Сколько
Наёмныхъ слугъ у моего отца,
Съ избыткомъ хлѣбъ имѣющихъ, а я
Мру съ голоду! Пойду назадъ къ отцу,
Скажу ему: Родитель! согрѣшилъ
Я противъ Бога и передъ тобою,
И недостоинъ болѣ называться
Твоимъ я сыномъ: ты прими теперь
Меня въ число наемниковъ твоихъ.“
И вставъ, пошелъ онъ къ своему отцу.
И былъ еще онъ далекó отъ дома,
Когда отецъ узналъ его и жалость
Въ душѣ почувствовалъ и побѣжалъ
На встрѣчу сыну и ему на шею
Самъ кинулся и цѣловалъ его.
Но сынъ сказалъ: „Родитель! согрѣшилъ

[1]) Тамъ же 1845, ч. XVIII, стр. 78.

Я противъ Бога и передъ тобою,
И недостоинъ болѣ называться
Твоимъ я сыномъ". Тутъ рабамъ своимъ
Отецъ сказалъ: „Вы въ лучшую одежду
Его одѣньте; на́ руку ему
Подайте перстень, на ноги же обувь,
И въ честь его откормленный телецъ
Пусть будетъ приведенъ и здѣсь заколотъ;
И станемъ мы, пируя, веселиться,
Затѣмъ, что онъ, мой сынъ, былъ мертвъ и ожилъ,
Что пропадалъ и нынѣ найденъ вновь".
И начали, пируя, веселиться.
Въ то время на́ полѣ былъ старшій сынъ,
И, возвращаясь, онъ вблизи отъ дома
Услышалъ пѣніе и ликованье,
И, одного изъ слугъ призвавъ, спросилъ,
Что́ значитъ то. Слуга сказалъ ему:
„Твой братъ пришелъ; отецъ же твой, увидѣвъ
Его здоровымъ, захотѣлъ, чтобъ тотчасъ
Заколотъ былъ откормленный телецъ".
Услышавъ то, братъ старшій осердился
И не хотѣлъ войти. Тогда отецъ,
Самъ вышедши, сталъ звать его. Но онъ
Сказалъ въ отвѣтъ отцу: „Я столько лѣтъ
Служу тебѣ и никогда я воли
Твоей не преступалъ ни въ чемъ, но ты
Ни разу не далъ и козлёнка мнѣ,
Чтобъ я съ друзьями могъ повеселиться.
А этотъ сынъ, который промоталъ
Твое имѣніе, живя распутно,
Едва пришелъ, и для него тобою
Заколотъ здѣсь откормленный телецъ."
На то отецъ сказалъ: „Вѣдь ты, мой сынъ,
Всегда со мной, и всё мое — твое.
Но какъ о томъ не веселиться намъ,
Что братъ твой былъ для насъ ужъ мёртвъ и ожилъ,
Что пропадалъ и найденъ нами вновь?"

ГРУСТЬ [1]).

Ахъ! кто мнѣ скажетъ, отчего —
Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ я сиротою
И жить такъ грустно безъ н е г о —
Нездѣшній міръ съ его красою
Мнѣ будто видится яснѣй
И Богу я въ душѣ унылой
Надъ драгоцѣнною могилой
Молюсь и чаще и теплѣй? —
Мой другъ! то плодъ святой печали.
О, посмотри на небеса:
Когда же звѣзды, ихъ краса,
При свѣтѣ дня на нихъ сіяли?
Но подождемъ вечерней тьмы:
Зажгутся звѣздъ тамъ милліоны —
И, въ прахъ упавъ, воскликнемъ мы:
„Вотъ перлы Божіей короны!“

[1]) Тамъ же, 1845, ч. XV, стр. 153, подъ заглавіемъ „Печаль“.

ПИСЬМО ИЗЪ ДЕРЕВНИ [1]).

Спасибо, другъ! ты описалъ
Мнѣ занимательно и живо
Блестящій вашъ столичный балъ.
„Такъ было весело!“ не диво,
Что ты безъ устали плясалъ.
Но, вѣришь ли, въ моей пустынѣ
Я не завидую тебѣ.
Ахъ, еслибъ ты со мной былъ нынѣ!
Здѣсь, въ нашей маленькой избѣ,
Есть все, чего душа желаетъ:
Картины, ноты, вдоволь книгъ;
День незамѣтно пролетаетъ,
Не знаю скуки ни на мигъ.
Когда къ занятьямъ нѣтъ охоты, —
Довольно есть утѣхъ вокругъ:
Бросаю кисти, книги, ноты,
Бѣгу къ рѣкѣ на мягкій лугъ...
О, пріѣзжай къ намъ: въ чистомъ полѣ
И у меня найдешь ты балъ.
Великолѣпнѣе и болѣ
Всѣхъ городскихъ палатъ мой залъ.
Въ немъ тьма цвѣтовъ: какъ ярки, пёстры!
Они дороже и пышнѣй
Поддѣльныхъ тѣхъ, что наши сестры,
Танцуя, носятъ межъ кудрей.
Нѣтъ недостатка въ освѣщеньѣ:
Съ утра на сводѣ голубомъ
Горитъ здѣсь люстра — заглядѣнье!
А къ ночи бездна свѣчъ на немъ.

---

[1]) Тамъ же, ч. XV, стр. 1.

Здѣсь есть оркестръ — какъ онъ чудесенъ!
Другъ милый! весь онъ состоитъ
Изъ громкихъ жаворонка пѣсенъ...
О, пріѣзжай!.. ужъ балъ открытъ:
Подъ звонъ воздушныхъ флейтъ въ полянахъ
Игриво пляшутъ вѣтерки...
О пріѣзжай! въ нарядныхъ тканяхъ
Ужъ вальсируютъ мотыльки!

ПРИЧТА О ПТИЦАХЪ И ЛИЛІЯХЪ [1].

Матѳ. 6, 25 — 34.

Къ чему о пищѣ, объ одеждѣ,
Живя, заботиться весь вѣкъ?
Не о душѣ ль ты долженъ прежде
Помыслить, бренный человѣкъ?
Взгляни на птицъ подъ небесами:
Не сѣютъ и не жнутъ онѣ,
Но сыты Божьими дарами.
Не выше ль ихъ ты на землѣ?
И кто себѣ, заботясь, можетъ
Еще хоть локоть росту дать?
И для чего тебя тревожитъ
Забота, гдѣ одежду взять?
Взгляни на лиліи, какъ въ полѣ
Онѣ красуяся растутъ:
Онѣ въ своей смиренной долѣ
Труда не знаютъ, не прядутъ.
Но имъ уборъ ихъ величавый
Самъ Богъ соткалъ: о, вѣрь ты мнѣ,
И Соломонъ въ сіяньи славы
Не одѣвался какъ онѣ!
Когда жъ такъ убранъ злакъ ничтожный,
Который завтра бросятъ въ печь, —
О, маловѣры! какъ возможно,
Чтобъ васъ Господь не сталъ беречь?

[1]) Современникъ 1846, т. XLIII, стр. 211.

Не говорите же въ заботѣ:
Во что одѣться? что намъ ѣсть?
Вы не въ язычествѣ живёте;
У васъ Отецъ всещедрый есть:
Что́ нужно вамъ — Ему извѣстно.
Ищите царствія Его;
Ищите правоты небесной,
И все то будетъ вамъ дано.
О завтра думайте спокойно:
День предстоящій самъ найдётъ,
О чемъ пещись ему. Довольно
Дню каждому своихъ заботъ.

ТЕРПѢНЬЕ [1]).

(Съ нѣмецкаго).

Посвящено Е. Ѳ. Келлеръ.

Усладою страданья
Намъ кроткій ангелъ данъ,
Въ семъ мірѣ испытанья
Пришлецъ изъ лучшихъ странъ.
Онъ носитъ миръ во взорѣ
И радостный привѣтъ;
О другъ! въ житейскомъ горѣ
За нимъ иди вослѣдъ.

Его зовутъ Терпѣнье.
Въ дни мукъ онъ насъ хранитъ
И сладко въ утѣшенье
Дни лучшіе сулитъ.
Порой ты унываешь,
Но твердъ сопутникъ твой,
И бодро подымаешь
Ты крестъ тяжелый свой.

Въ святое умиленье
Печаль превращена,
Въ отрадное смиренье
Душа погружена.
Въ ней бурю укрощаетъ
Твой неизмѣнный другъ
И раны исцѣляетъ
Надежно, хоть не вдругъ.

---

[1]) „Звѣздочка“ для старш. возр., ч. XIX, стр. 51.

И не мрачитъ онъ взора,
Когда рыдаешь ты,
И смотритъ безъ укора
На тихія мечты.
Когда жъ, въ скорбяхъ терзаясь,
Ты ропщешь: „для чего?“
Молчитъ онъ, улыбаясь,
Лишь поднятъ перстъ его.
На всякое сомнѣнье
Отвѣта не проси;
Завѣтное велѣнье
Хранителя: „Сноси!“
Ахъ, пристань недалёко:
За ангеломъ впередъ!
Тебя къ мѣтѣ высокой
Онъ скоро приведетъ.

ВЕЧЕРЪ НА РОЖДЕСТВО [1]).

(Изъ Рунеберга).

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ;
Голодный звѣрь въ ущельѣ выл;
Былъ слышенъ лай изъ дальнихъ селъ
Въ ту пору лѣсомъ путникъ шелъ
Въ пустыню, гдѣ былъ кровъ его.
Морозитъ; завтра Рождество.
Глухою, снѣжною тропой,
Усталый, онъ спѣшитъ домой
Къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ,
И хлѣбъ для праздника роднымъ
Несетъ онъ съ барскаго двора.
Ихъ хлѣбъ — древесная кора.
Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ:
Вдругъ отрокъ виденъ въ сторонѣ:
Къ сугробу молча прислоненъ,
Дыханьемъ руки грѣетъ онъ,
И мнится, пламя жизни въ немъ
Погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ.
„Куда твой путь, бѣдняжка мой?
Приди погрѣться къ намъ домой.“
И онъ иззябшаго беретъ.
Вотъ, наконецъ, онъ у воротъ;
Вотъ онъ вошелъ на пиръ къ роднымъ,
Съ гостинцемъ, съ другомъ молодымъ.

[1]) „Современникъ“ 1840, т. XVII, стр. 28.

У печки тамъ жена его
Младенца кормитъ своего:
„Какъ ты себя заставилъ ждать!
Приди жъ къ огню, поближе сядь;
Ты также!“ Ласкова, нѣжна,
Дитя къ огню ведетъ она.
И черезъ мигъ, послушно ей,
Взвивалось пламя ужъ рѣзвѣй;
Не помня нужды, весела,
Тогда свой хлѣбъ она взяла,
На столъ снесла его, потомъ
И крынку съ жидкимъ молокомъ.
Ихъ полъ, для жданаго денька.
Соломой былъ прикрытъ слегка.
Съ него всталъ рой ребятъ къ столу;
Одинъ лишь гость еще въ углу.
Хозяйка бѣднаго беретъ
И также къ ужину ведетъ.
Когда молитва отошла,
Хозяйка хлѣбецъ почала.
„Благословенъ убогихъ даръ!“
Промолвилъ отрокъ. Дивный жаръ
Съ слезой въ очахъ его сіялъ,
Когда свою онъ долю взялъ.
Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей,
Но хлѣбъ все цѣлъ да цѣлъ у ней.
На гостя юнаго она
Вперяетъ взоръ, изумлена;
И смотритъ, смотритъ: что же съ нимъ?
Внезапно сталъ онъ весь другимъ.
Въ очахъ, какъ на̀ небѣ, свѣтло;
Блеститъ таинственно чело;
Слетаетъ съ нѣжныхъ плечъ покровъ,
Какъ передъ утромъ паръ съ луговъ,
Привѣтный ангелъ обнажонъ;
Какъ Божій рай прекрасенъ онъ.

Денница радости взошла;
Въ сердцахъ надежда расцвѣла,
И незабвенъ былъ вечеръ сей
Подъ кровомъ набожныхъ людей.
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый ангелъ пировалъ.

Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ
И я былъ въ ночь предъ Рождествомъ.
Еще стоялъ смиренный кровъ,
И жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ.
И онъ ужъ старъ былъ, ужъ сѣдѣлъ,
Но у того жъ стола сидѣлъ.

Такъ чудно было, такъ свѣтло!
Жена сидѣла близъ него,
И рой дѣтей ихъ окружалъ:
Молитвой воздухъ тамъ дышалъ;
И вѣрилось — обитель та
Какъ Божій храмъ была свята.

Горѣла свѣчка на столѣ
(Одна лишь и была въ семьѣ!):
Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко;
Но ихъ не трогаетъ никто.
„Чьё это мѣсто?“ я спросилъ. —
„Тамъ“, мнѣ сказали: „ангелъ былъ“.

СЫНОВНЯЯ ДУМА.

Съ невольной грустью вижу я,
Какъ мой отецъ и мать моя,
Что день, то болѣе старѣютъ,
И кудри рѣдкія сѣдѣютъ
На ихъ усталой головѣ,
И бороздами злой кручины
Ложатся новыя морщины
На блѣдномъ, кроткомъ ихъ челѣ!
Увы! я понялъ, что угрюмой
Не даромъ старость названа:
Съ болѣзнью лютой, съ черной думой
О смерти къ намъ идетъ она...
И вотъ ее подводитъ время
Ужъ и къ возлюбленнымъ моимъ.
О Боже! облегчи Ты имъ
Годовъ и мукъ тѣлесныхъ бремя!
Не дай, чтобъ къ тяжести его,
Къ суровой старческой кручинѣ
Я новое прибавилъ зло —
Печаль о недостойномъ сынѣ!..
Но укрѣпляй и береги
Родимыхъ вянущія силы,
И мнѣ украсить помоги
Любовью вечеръ ихъ унылый!
Когда ихъ слабые шаги
Чужой потребуютъ опоры,
Пусть юной, крѣпкою рукой
Я поведу ихъ, и собой
Развеселю печальныхъ взоры!

Когда порою горькій мигъ
Досады, скорби или муки
Положитъ хилымъ на языкъ
Несправедливыхъ жалобъ звуки
Иль незаслуженный укоръ, —
Пускай любовью терпѣливой
Смирю я умъ мой горделивый
И пусть, ему на перекоръ,
Не помня слабости мгновеній,
Для милыхъ сердцу буду я
Заботливый хранитель - геній,
А не безжалостный судья!

СЧАСТЛИВАЯ СТАРОСТЬ [1]).

(Изъ Соутея).

„Ты, дѣдушка, старъ", ученикъ говорилъ:
„И сѣдъ, и волосъ ужъ не много сберёгъ;
„Лѣтами ты старъ, но здоровъ и не хилъ —
„Скажи: отчего, старичокъ?"
— Въ дни юности, другъ мой,—старикъ объяснилъ:
Я помнилъ, что юность летитъ, какъ стрѣла:
Не тратилъ я даромъ здоровья и силъ,
Чтобъ послѣ внезапно болѣзнь не пришла. —
„Ты, дѣдушка, старъ", ученикъ говорилъ:
„Вѣдь съ юностью кончится радости срокъ,
„А ты о прошедшемъ еще не тужилъ —
„Скажи: отчего, старичокъ?"
— Въ дни юности, другъ мой, — старикъ объяснилъ:
Я помнилъ, какъ юности дни коротки:
О будущемъ думалъ я, что́ ни творилъ,
Чтобъ прошлое могъ вспоминать безъ тоски. —
„Ты, дѣдушка старъ", ученикъ говорилъ:
„А жизнь коротка: твой конецъ не далёкъ...
„Ты веселъ; про смерть разговоръ тебѣ милъ —
„Скажи: отчего, старичокъ?"
— Да, другъ мой, я веселъ, и вотъ отчего —
Причину замѣть ты — старикъ объяснилъ:
Я въ юности помнилъ Творца моего,
А Онъ за то старость мою не забылъ.

[1]) Звѣздочка 1843 ч. VI, стр. 78.

ПѢСЕНКА [1]).

(Съ шведскаго).

На вѣткѣ лилейной, съ небесъ прилетя,
Сидитъ голубокъ бѣлоснѣжный,
Вотъ молится Господу ангелъ-дитя
И слушаетъ голубь такъ нѣжно.

Но вдругъ онъ, крылами взмахнувъ, поднялся
И съ жаркой молитвой дитяти
Къ Отцу непорочныхъ малютокъ взвился
Въ обитель живой Благодати.

Потомъ прилетѣлъ онъ на вѣтку опять
И милость Господню съ собою
Принесъ голубокъ, чтобъ тому передать,
Кто съ чистой молился душою.

Молись же, молись, дорогое дитя,
Спасителю благоговѣйно:
Тебя голубокъ, съ высоты прилетя,
Услышитъ на вѣткѣ лилейной.

---

[1]) Изъ романа Фредер. Бремеръ „Семейство“, въ гл. „Сирота“ (перев. Р. К. Гротъ). Современникъ 1843, т. XXIX, стр. 335; напеч. также въ „Звѣздочкѣ“ 1834, ч. VII, отд. 2, стр. 47.

ПРИВѢТСТВІЕ ФИНЛЯНДСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ КАНЦЛЕРУ УНИВЕРСИТЕТА. [1]).

(Съ финскаго, Линсѐна).

Юный Хранитель нашъ! свѣтлой надежды
Образъ прекрасный для юныхъ сердецъ!
Чистыя радости скромный привѣтъ
Съ трепетомъ нынѣ Тебѣ мы поемъ.

Сердце младое открыто и пылко:
Съ нашимъ не сходно ли бьется Твое?
Да! мы читаемъ такъ ясно обѣты
Нашего счастья во взорѣ Твоемъ.

О, какъ внушаетъ Твой видъ нетерпѣнье
Дѣломъ заботы Твои оправдать,
Съ цѣлью высокою выступить въ свѣтъ,
Правдѣ служить безкорыстнымъ трудомъ!

[1]) Современникъ 1842, т. XXVII, стр. 17.

ПРОЗА [1]).

1842—1846.

МАЛЕНЬКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СЦЕНА

при вставаніи человѣка [2]).

Слухъ. Бьетъ шесть часовъ.

Память. Да, ты вчера вѣдь рѣшился встать нынче въ 6 часовъ.

Воля. Вставай! вставай!

(Человѣкъ, зѣвая и потирая глаза, приподнимается слегка).

Лѣность. Полежи еще немножко! Такъ хорошо лежать подъ одѣяломъ. Вѣдь въ комнатѣ страшный холодъ: ты простудишься, если вдругъ раскроешься.

Память. Однакожъ, вѣдь ты обѣщалъ встать!

Лѣность. Но не слишкомъ ли рано? Вредно не досыпать; особливо людямъ твоего сложенія надо спать долѣе. Полежи еще крошечку.

Память. Вчера самъ ты разсуждалъ совсѣмъ иначе.

Лѣность. Ну, что значитъ нѣсколько минутъ? Что такое четверть часа въ цѣломъ днѣ? Посмотри, какъ еще темно. Вотъ — станетъ свѣтлѣе, тогда и подымешься.

---

[1]) Помѣщаемыя здѣсь статьи, явившіяся первоначально въ „Звѣздочкѣ“ А. О. Ишимовой, были собраны позже въ кн. „Литературные опыты Якова Грота“, Гельсингфорсъ 1848 г. Въ книжку „Стихи и проза для дѣтей“ (Спб. 1891 и 1892) авторъ внесъ только четыре изъ нихъ (Маленькая психологическая сцена; Негро и Васька, два друга; Что такое исторія? Воспоминанія о Петрѣ Великомъ). Но сюда, въ собраніе его сочиненій, мы считаемъ долгомъ включить и прочія появившіяся за его подписью статейки этого рода, за исключеніемъ лишь самыхъ незначительныхъ или прямо заимствованныхъ. *Ред.*

[2]) „Звѣздочка“ для стар. возр. 1845, ч. XV, стр. 168. — Психологіею называется наука о душѣ (отъ греческаго слова психе́, душа). Итакъ, подъ словомъ психологическій надобно разумѣть относящійся, служащій къ познанію души. Я. Г.

Память молчитъ.

Воля молчитъ.

Человѣкъ опять задремалъ; проснувшись, смотритъ на часы.

Зрѣніе. Ужъ четверть седьмого!

Воля. Да, теперь ужъ пора вставать!

Лѣность. Вотъ сейчасъ, сейчасъ!.. подожди.

Человѣкъ опять приподымается и беретъ чулокъ.

Лѣность. Да ужъ не поспать ли еще немножко? Видишь, какой пасмурный день. И что тебѣ за спѣхъ? Дѣло не уйдетъ.

Воля. Нѣтъ, надо торопиться.

Разсудокъ. Не то работа не поспѣетъ.

Лѣность. Все работа да работа! Ужъ будто человѣку нельзя иногда и понѣжиться немножко? Неумѣренное прилежаніе вредно. Успѣешь еще наработаться. Прилягъ-ка опять!

Воля замолкла.

Умъ замолкъ.

Человѣкъ опять задремалъ: проснувшись, смотритъ на часы.

Зрѣніе. О! ужъ половина седьмого! Ужъ совсѣмъ свѣтло!

Воля. Теперь непремѣнно надо встать.

Лѣность. Сію секунду!.. Но послушай: къ чему такая аккуратность? Излишество во всемъ вредно; не надо быть педантомъ! Четвертью часомъ позже — что́ за бѣда? Кто отъ этого пострадаетъ?

Человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ: что́ за бѣда?.. (Засыпаетъ и храпитъ).

Проснувшись, смотритъ на часы и говоритъ: Ого! сейчасъ семь часовъ! Ну, нечего дѣлать: проспалъ! (Начинаетъ обуваться, зѣвая и потягиваясь).

Совѣсть. Однакожъ, какъ ты жалокъ! У тебя нѣтъ ни малѣйшей власти надъ собою. Стыдись! Ну, что́ ты выигралъ отъ того, что пролежалъ часомъ долѣе, нежели слѣдовало?

Разумъ. Напротивъ, потерялъ очень много: во-первыхъ ты былъ бы свѣжѣе и бодрѣе, если бъ всталъ часомъ ранѣе: былъ бы доволенъ собою, и потому работалъ бы охотнѣе, веселѣе; во-вторыхъ, ты бы сберегъ частицу времени, которой потерю ничѣмъ ужъ не вознаградишь...

Самолюбіе. Но къ чему служитъ такая расчетливость во времени? Время, какъ деньги, дѣло наживное. Не сегодня, такъ завтра могу вознаградить потерянную минуту.

Разумъ. Такъ разсуждать можетъ только глупецъ или праздный. У расчетливаго человѣка не должно пропадать даромъ ни полушки, а у дѣятельнаго — ни минуты. Нѣтъ спора, что мы не должны жалѣть о времени, которое по необходимости употребляемъ для отдыха, для общества, даже для безвредныхъ удовольствій. Но вѣдь жизнь

наша коротка, а дѣла у насъ много!.. И день такъ коротокъ для того, кто не любитъ праздности! Простительно ли же бросать время только для угожденія лѣности, безъ всякой пользы ни себѣ, ни другимъ? Да и осталось ли у тебя хоть какое-нибудь пріятное воспоминаніе отъ лишняго часа, который ты провелъ въ постели? Нѣтъ, у тебя ничего не осталось отъ него, кромѣ тщетнаго сожалѣнія. Помни, что часъ, потерянный сегодня, ужъ не воротится завтра.

Совѣсть морщится и хмурится.

НЕГРО И ВАСЬКА, ДВА ДРУГА [1]).

Чудная собачка былъ маленькій Негро! Не столько былъ онъ красивъ, сколько милъ своею игривостью, понятливъ и покоренъ. На немъ была гладкая черная шерсть съ желтизною на груди и на оконечностяхъ лапъ. Крошечнымъ щенкомъ появился онъ въ нашемъ домѣ и съ самаго начала много забавлялъ насъ своею необыкновенною живостью. Съ какимъ любопытствомъ въ глазахъ повертывалъ онъ головкою, и какъ прислушивался, когда я свисталъ птичкой, или напѣвалъ пѣсенку!

Собака — удивительное животное. Между всѣми тварями она отличается самою утонченною способностью выражать то, что́ въ себѣ ощущаетъ. Сколько разныхъ измѣненій въ ея голосѣ, когда она хочетъ показать радость, тоску, желаніе! А какъ много говорятъ ея глаза, ея прыжки и вообще тѣлодвиженія! Наконецъ, совершенно особеннымъ, хоть и нѣмымъ языкомъ, служитъ ей хвостъ, то опущенный, то свитый въ кольцо, то быстро движущійся во всѣ стороны. Посмотрите на другихъ животныхъ: которое изъ нихъ можетъ говорить съ человѣкомъ такъ краснорѣчиво, какъ собака? Но вѣдь способность говорить — главный признакъ преимуществъ Божьяго созданія. Вотъ почему мнѣ кажется, что собака ближе всѣхъ другихъ тварей подходитъ къ человѣку. Не мудрено, что онъ и привязывается къ ней болѣе, нежели къ прочимъ безсловеснымъ. Онъ часто находитъ въ ней вѣрнѣйшаго друга, котораго потеря можетъ причинить ему истинную горесть.

Такъ и маленькій Негро умѣлъ говорить голосомъ, глазами, движеніемъ головы и ушей, всѣмъ, что́ было во власти его. Когда ему хотѣлось порѣзвиться на чистомъ воздухѣ, какъ выразительно ложился онъ, приникнувъ рыльцемъ къ полу, поджавъ одну изъ переднихъ но-

---

[1]) „Звѣздочка“ для млад. возр. 1846, ч. V, стр. 70.

жекъ подъ грудь, а другую протянувъ впередъ, и уставивъ глаза на дверь!

Когда его принесли къ намъ, у насъ жила старая кошка. Молоденькому звѣрьку очень хотѣлось познакомиться съ ней; ласково подбѣгалъ онъ къ кисѣ и, приподнявъ лапку, заигрывалъ. Но кошка не могла терпѣть его, вѣроятно, завидуя новому любимцу нашему. Всякій разъ, когда онъ приближался къ ней, она или убѣгала, или даже злобно фыркала. Но Негро не понималъ ея ненависти, и вновь принимался играть съ ней. Особенно занималъ его большой ея хвостъ, который онъ часто начиналъ ловить съ веселымъ лаемъ, не подозрѣвая той опасности, какой подвергался. Но когда онъ подросъ и кошка все болѣе обижала его, тогда и онъ сдѣлался ея непримиримымъ врагомъ. Едва увидѣвъ свою противницу, онъ нападалъ на нее съ рѣзкимъ лаемъ и не легко намъ было унимать его и спасать отъ дѣйствія грозныхъ когтей. Разъ ему такъ досталось отъ нихъ, что одинъ глазъ его, сильно оцарапанный, совсѣмъ было подернулся тусклою оболочкой, и мы ужъ думали, что Негро навсегда останется кривымъ, но упругая собачья натура восторжествовала надъ этой бѣдой.

Наконецъ мы рѣшились удалить кошку изъ нашего дома, потому что иначе маленькому Негро не было бы покоя у насъ, а мы его полюбили больше старой Машки. На мѣсто ея взяли мы котенка. Что за прелестная тварь былъ сѣренькій Васька! Онъ съ такой спокойной довѣрчивостью отдавался въ руки домашнихъ, какъ будто давнымъ-давно зналъ ихъ. И какъ умильно, свѣся головку на сторону, смотрѣлъ онъ мнѣ въ лицо, когда я иногда для шутки клалъ его себѣ за пазуху и, застегнувъ нижнія пуговки сюртука, такимъ образомъ носилъ Ваську будто въ карманѣ. Въ Васькѣ не было ни малѣйшей злобы, такъ же, какъ и въ Негро. Оттого они тотчасъ же и полюбили другъ друга. Скоро они сдѣлались такими пріятелями, что безпрестанно искали одинъ другого, и не ссорясь ѣли съ той же тарелки. А какъ они вмѣстѣ играли и возились! Они представляли войну: попеременно одинъ нападалъ, а другой защищался. Какія тутъ были смѣшныя и вмѣстѣ граціозныя эволюціи, аттаки, военныя хитрости, отступленія, бѣгства! Всего чаще Негро опрокидывалъ Ваську навзничь и начиналъ немилосердно теребить его за уши, за хвостъ, за́ ноги; онъ даже бралъ въ зубы всю морду Васьки и притворялся, будто грызетъ ее. И Васька преспокойно давалъ ему дѣлать все это, даже и тогда, когда Негро зубами таскалъ его по полу. Иногда Васька вдругъ принимался бѣжать, летѣлъ черезъ всѣ комнаты, прыгалъ по стульямъ и столамъ и наконецъ занималъ крѣпкую позицію на верхнемъ краю вышитой подушки дивана. Тутъ Негро начиналъ осаду, во время которой переднія лапки осажденнаго такъ и скользили, съ удивительною ловкостью, по пестрому узору подушки. Во время такихъ воинскихъ игръ Негро

безпрестанно издавалъ голосъ, то ворча какъ-то особенно, то лая; Васька же все молчалъ. Иногда, въ негодованіи на слишкомъ живого товарища своего, онъ взбирался на какой-нибудь высокій шкапъ, гдѣ бы ужъ тотъ никакъ не могъ потревожить его; а Негро садился на полъ передъ нимъ и звонкимъ голосомъ вызывалъ его на бой. Иногда они, ставъ на заднія лапки, схватывались передними и боролись, какъ люди, пока одинъ не опрокинетъ другого. Особенно забавны были нападенія Васьки: Негро сядетъ поодаль отъ него на всѣ четыре лапки, а Васька, приподнявшись на своихъ, какъ-то укоротитъ тѣло, начнетъ потихоньку подходить къ нему бочкомъ и вдругъ изо всей мочи на него бросится и лапкой ударитъ его по шеѣ. Тогда Негро, опустивъ хвостъ, отскочитъ также бочкомъ и ждетъ новаго нападенія, или вдругъ пустится со всѣхъ ногъ бѣжать и долго кружится безъ отдыха по всей комнатѣ, будто бѣшеный. Случалось, что Васька, валяясь на спинѣ подъ зубами Негро и стукая хвостомъ объ полъ, вдругъ нечаянно цапнетъ своего друга такъ, что тотъ запищитъ и начнетъ огрызаться. Тогда я обыкновенно прикрикну, и въ ту же минуту оба разойдутся: Васька величавымъ шагомъ уйдетъ въ кухню, а Негро спрячется подъ шкапъ, любимое прибѣжище его всякій разъ, когда ему угрожала какая-нибудь непріятность. Но чаще они, утомившись игрою, растянутся рядомъ середи пола или передъ затопленною печкой и, почти обхватившись передними лапками, уснутъ до новой тревоги. Можно было долго любоваться игрою Васьки и Негро, передъ дружбой которыхъ должны бы постыдиться многіе и не изъ породы четвероногихъ, и которые такъ явно опровергали старинную поговорку: „живутъ какъ кошка съ собакой“. Знакомые наши иногда нарочно приходили къ намъ для того, чтобъ посмотрѣть, какъ тѣшатся между собой маленькіе наши любимцы.

Мы пріучили Негро ѣздить съ нами въ экипажѣ. Какъ онъ былъ счастливъ, когда ему позволяли вспрыгнуть въ сани или въ крытыя дрожки! Громкимъ лаемъ начинался всегда выѣздъ: въ сильномъ волненіи шумливый Негро съ подушки, гдѣ мы сидѣли, такъ и рвался къ смирному гнѣдку, какъ-будто хотѣлъ вскочить къ нему на спину. Гнѣдко былъ также его пріятель: какъ любилъ Негро бѣгать въ конюшню, или суетиться въ сараѣ, пока закладывали лошадь. Собака принимаетъ участіе во всемъ домашнемъ быту; какъ настоящій членъ семейства, она роднится со всѣмъ, что́ ежедневно ее окружаетъ. Во все время ѣзды неугомонный Негро то бѣгалъ по фартуку экипажа, то уходилъ внизъ и ложился въ ногахъ у хозяевъ своихъ, то для перемѣны слѣдовалъ за лошадью бѣго́мъ. А если его оставляли дома, то онъ, сидя у окошка, нетерпѣливо дожидался нашего возвращенія; еще не видя дрожекъ, издали узнавалъ шумъ колесъ ихъ и съ радостнымъ лаемъ бросался къ намъ навстрѣчу.

Онъ блаженствовалъ и тогда, когда мы, выходя пѣшкомъ, брали его съ собой. Видя, что готовятся итти со двора, онъ съ безпокойствомъ ожидалъ своей судьбы и былъ внѣ себя отъ восхищенья, когда ему скажутъ: „*пойдемъ*“ или: „*гулять, Негро!*“ Тогда онъ опять начиналъ прыгать и шумѣть, какъ бѣснующійся; но когда онъ услышитъ грозное *нельзя*, то опуститъ хвостъ и въ унынiи сядетъ поодаль отъ дверей.

Бѣгать по улицѣ и знакомиться съ другими собаками было у него настоящею страстью. Этотъ крошечный звѣрекъ зналъ уже всѣ самые отдаленные закоулки города и отовсюду находилъ дорогу домой. Такъ какъ онъ всегда возвращался, гдѣ бы мы его ни оставили, то мы и не безпокоились насчетъ его, однакожъ никогда не выпускали его безъ ошейника. Разъ на прошлой недѣлѣ онъ опять выбѣжалъ. Не видя его долѣе обыкновеннаго, мы послали искать Негро; но его не докликались. Онъ не пришелъ и къ вечеру; не явился и на другой день, и вотъ уже двѣ недѣли пропадаетъ. Куда же онъ дѣвался? Укралъ ли его кто-нибудь? Растерзали ли его большiя собаки?.. Ничего не извѣстно; только и слѣдъ его пропалъ... Черезъ нѣсколько дней прочитали въ газетахъ и услышали на всѣхъ перекресткахъ города, при барабанномъ боѣ, наше объявленiе о маленькой черной собачкѣ съ краснымъ ошейникомъ... Но и послѣ того не было о Негро ни слуху, ни духу.

Какъ тихо стало въ домѣ безъ маленькаго Негро! Какъ жаль видѣть подушку, на которой онъ обыкновенно самъ стлалъ себѣ постельку, расправляя маленькое одѣяльце, нарочно для него сдѣланное, Грустно хозяйкѣ его вставать по утрамъ и не видѣть передъ собою Негро, который въ это время всегда подходилъ къ ней и ждалъ позволенiя полежать на ея кровати; когда же получалъ отказъ, то смиренно опять уходилъ на свою подушку. Грустно смотрѣть и на ошейнички, которые попеременно на него надѣвались, и на сѣру, изъ которой дѣлались для него катышки съ масломъ, очень здоровые для собакъ, и отъ которой онъ всегда прятался подъ шкапъ, когда замѣчалъ, что сбирались опять попотчевать его такою пилюлей. Но всего грустнѣе смотрѣть на сѣраго Ваську! Бѣдный Васька! кто такъ безжалостно отнялъ у тебя товарища, съ которымъ ты почти отъ самаго рожденiя игралъ ежедневно цѣлые два года? Ты ищешь его по всѣмъ угламъ въ домѣ и на дворѣ; ты весь день такъ жалобно мяукаешь; ты, ласкаясь ко мнѣ, какъ-будто спрашиваешь: „Гдѣ же мой другъ Негро?“

Не знаю, Вася, не знаю. И самому мнѣ жаль его. Все я какъ будто ищу его, и не нахожу. Часто я вспоминаю, какъ бывало обхвачу ладонью крошечное рыльце или тоненькую шею его или лапку и думаю: „Ахъ, маленькiй звѣрекъ! немножко бы стоило мнѣ стиснуть руку, и конецъ бы тебѣ; но ты меня не боишься, ты весь предаешься мнѣ;

кто же тебѣ внушаетъ эту довѣренность къ человѣку? Звѣрь тебя бы уничтожилъ; но человѣкъ тебя любитъ и нѣжитъ". А вотъ и нашелся злой человѣкъ, который укралъ нашего Негро, или звѣрь, который его уничтожилъ...

Ну полно же, Вася, такъ жаться ко мнѣ. Авось и найдемъ еще Негро. Вѣдь и самъ ты, бывъ котенкомъ, пропадалъ у насъ три недѣли, пока я разъ, идучи по улицѣ, увидѣлъ какъ тебя гнала прочь какая-то женщина. Тогда я поднялъ тебя, принесъ домой, и помнишь, какъ тебѣ весело было опять увидѣть добраго Негро и утолить голодъ изъ его блюдечка. Славная тварь ты, Вася мой! Никогда еще я не видѣлъ кота, кроткаго какъ ты; съ роду еще ты ни одного человѣка не оцарапалъ. Съ тобой нѣтъ житья только курамъ да цыплятамъ. Горе имъ, когда глазъ на́ глазъ встрѣтятся съ тобой!

Бѣдный Васька! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ осиротѣлъ, онъ все ищетъ нашего сообщества, будто находитъ утѣшеніе въ ласкахъ людей. Онъ съ нами гораздо чаще и охотнѣе прежняго. Такъ-то и животное умѣетъ чувствовать, хоть и не говоритъ. Да, теперь жизнь Васьки ужъ не та, что была прежде. Бывало веселье, бѣготня, шумъ; теперь ходи, повѣся голову, изъ угла въ уголъ, да знай — стереги, не заскребетъ ли гдѣ мышь. Служба хорошее дѣло, а все наскучитъ безъ развлеченія. Съ людьми не разыграешься: они и ласковы, а все-таки не то, что свой братъ, четвероногій! Такъ, воображаю я, разсуждаетъ Васька, когда онъ, закрывая глаза, сидитъ флегматически у печки и слушаетъ, какъ мыши пищатъ по́дъ поломъ.

А бѣдный Негро? Живъ ли то онъ и что-то онъ чувствуетъ, если живъ? Онъ такъ любилъ всѣхъ домашнихъ, которые его баловали, и вѣрно не скоро перестанетъ тосковать по насъ и по своемъ Васькѣ!

Ну, полно же, Вася, мяукать такъ жалобно.

Черезъ нѣсколько времени Васька сталъ чахнуть. Ему все становилось хуже и хуже; наконецъ онъ слегъ и больше ужъ не вставалъ. Только передъ самою смертью онъ, какъ-будто желая проститься съ хозяйкою, слѣзъ съ своей подушки и, насилу двигаясь, тихонько поползъ въ другую комнату. Но едва успѣлъ онъ добраться до порогу, какъ совсѣмъ выбился изъ силъ и тутъ же испустилъ духъ. Тоска по пропавшемъ другѣ убила его!

ИЗЪ ПИСЕМЪ УЧИТЕЛЯ КЪ УЧЕНИКАМЪ [1]).

Посылаю тебѣ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ, которыя я встарину писалъ ученикамъ моимъ. Славный былъ народъ! Какъ они внимательно читали мои замѣчанія, иногда очень сухія, и какъ старались исполнять совѣты, которые мнѣ внушала опытность и любовь къ этимъ молодымъ людямъ. Одинъ изъ нихъ (теперь уже онъ покойникъ!) даже завелъ особую тетрадь, куда переписывалъ цѣлыя страницы изъ моихъ писемъ. По смерти его эта тетрадь досталась мнѣ — теперь она переходитъ въ твои руки. Не могу безъ сердечной грусти смотрѣть на нее! Еслибъ тотъ, кому она принадлежала, лучше исполнялъ нѣкоторые изъ совѣтовъ, въ ней записанныхъ, конечно онъ былъ бы еще живъ и теперь. Бѣдняжка умеръ отъ излишняго переутомленія и трудовъ, которыхъ его слабое здоровье не могло вынести. Сообщи эту тетрадь своимъ товарищамъ, и если ты самъ или кто изъ нихъ пожелаетъ отъ меня какого-нибудь объясненія на мои замѣтки или какого-нибудь совѣта, пишите ко мнѣ смѣло, открыто, — съ удовольствіемъ буду отвѣчать вамъ. Вѣдь вы также мои ученики, какъ и тѣ, съ которыми я прежде велъ переписку. Правда, я съ того времени очень постарѣлъ, много перемѣнился; нѣтъ ужъ у меня прежней живости, но что вамъ до этого за дѣло? Старики опытны, а опытность говоритъ правду. Къ тому же я васъ люблю столько же, какъ любилъ и предшественниковъ вашихъ, изъ которыхъ до сихъ поръ еще многіе — теперь ужъ люди важные — меня жалуютъ и благодарятъ за добрые совѣты.

1.

Есть у насъ молодой человѣкъ, года три тому назадъ кончившій свое воспитаніе, Александръ Ивановичъ Блесткинъ. Онъ живъ, разговорчивъ, остеръ и любезенъ. Ему всегда бываютъ рады, когда онъ придетъ куда; онъ такъ умѣетъ всѣхъ забавлять своими шутками и выдумками, что часто развеселитъ и того, кто вовсе не расположенъ къ веселью. Притомъ же онъ хорошъ собой, ловокъ и одѣвается щегольски; это придаетъ ему еще болѣе пріятности въ обществѣ. Совсѣмъ не таковъ Владиміръ Павловичъ Р*: онъ на видъ довольно угрюмъ, смѣется рѣдко, говоритъ мало, не умѣетъ сказать кстати ни любезности, ни краснаго словца. Онъ неповоротливъ, одѣвается просто, въ наружности его нѣтъ ничего пріятнаго. А я его все-таки гораздо

[1]) Звѣздочка 1845, ч. XV, стр. 3.

больше люблю, нежели любезнаго Александра Ивановича, за которымъ знаю многія не очень-то похвальныя черты. При всей своей миловидности, Александръ Ивановичъ умѣетъ и лгать, и обманывать, и позволяетъ себѣ *за глазами* разныя штучки, вовсе не милыя. Способности у него хороши, и онъ все выучивалъ скоро въ училищѣ, и теперь онъ много читаетъ, но жаль только, что ни во что не вникаетъ порядочно. Онъ въ сердцѣ жестокъ; я самъ видѣлъ однажды, какъ онъ, не воображая, чтобы кто-нибудь наблюдалъ за нимъ, прибилъ маленькаго нищаго за то, что тотъ невзначай наступилъ ему на ногу и своей босой пяткой запачкалъ его глянцовитый сапогъ.

Владиміръ Павловичъ, не смотря на свою кажущуюся холодность, чувствителенъ; онъ готовъ отдать послѣднюю свою копѣйку, чтобы помочь другому. Все, что онъ ни сдѣлаетъ, бываетъ сдѣлано хорошо; когда онъ говоритъ, можно быть увѣреннымъ, что онъ говоритъ правду. Дарованія у него не блистательныя, но то, чему онъ учится, хочетъ онъ узнать основательно и ужъ никогда не забудетъ. Притворства и лицемѣрія онъ совершенно не знаетъ. Кто съ нимъ знакомъ коротко, тотъ не можетъ не любить его; а до мнѣнія тѣхъ, которые судятъ по наружности, ему дѣла нѣтъ.

2.

Молодой пріятель нашъ, Аркадій Синицкій, только учитъ свои уроки и ровно ничего не читаетъ: онъ вѣритъ, что въ тетрадкахъ и учебныхъ книгахъ его заключается вся мудрость, какой человѣку нужно. Пріятель его, Дмитрій Эльминъ совсѣмъ не учитъ уроковъ, а только читаетъ: ему кто-то вбилъ въ голову, что по тетрадкамъ учатся однѣ тупыя головы, а люди съ талантами должны образовать свой умъ чтеніемъ занимательныхъ книгъ. „Я не хочу долбить“, говоритъ онъ, или: „я не долбня.“ И Аркадій и Дмитрій оба ошибаются. Въ учебникахъ не можетъ быть сказано все, что намъ нужно знать въ жизни; къ тому же учебники сухи: душѣ нужна и такая пища, которая бы давала уму отдыхать, оживляла его пріятными впечатлѣніями, согрѣвала сердце и возбуждала въ немъ благородныя чувства, любовь къ добру и ко всему прекрасному. Все это можетъ производить только книга, написанная съ умомъ, но не въ видѣ сухого учебника. Какъ благодѣтельно дѣйствуетъ на насъ, напримѣръ, повѣсть, которой содержаніе составлено изъ такихъ случаевъ, какіе мы видимъ ежедневно. Люди, являющіеся въ ней, своими поступками и рѣчами заставляютъ насъ размышлять о самихъ себѣ, а это очень полезно! — Но книга, написанная для легкаго чтенія, никогда не можетъ замѣнить намъ уроковъ, которыми наука преподается въ цѣлости и въ системѣ. Тотъ, кто только вычитываетъ свои знанія то здѣсь, то тамъ, никогда не

можетъ достигнуть полныхъ и основательныхъ свѣдѣній. Онъ наберется отрывковъ, которыхъ связать не будетъ въ состояніи безъ помощи порядочнаго ученія.

Вотъ Евгеній такъ поступаетъ умно: всѣ уроки онъ выучиваетъ какъ нельзя лучше; прилежнѣе его трудно найти ученика; но онъ не довольствуется этимъ: какъ скоро онъ найдетъ свободный часокъ, онъ выбираетъ какую-нибудь хорошую книгу и занимается чтеніемъ. Зато и мало такихъ образованныхъ молодыхъ людей, какъ онъ.

3.

Можно знать много, очень много, а все-таки не быть въ состояніи здраво судить о предметахъ. Умъ и знанія — это два совершенно различныя достоинства. Конечно, знанія очень важны, но надобенъ умъ, чтобы управлять и пользоваться ими. Человѣкъ, который очень много знаетъ, но не умѣетъ употреблять своихъ знаній, похожъ на того, кто накопилъ большія богатства, но лишенъ здоровья, безъ котораго ими нельзя наслаждаться. У иного и есть умъ, да онъ не развитъ. А знаешь ли отчего? Отъ неумѣнія пользоваться чтеніемъ.

Видишь ли: всѣ наши силы, и тѣлесныя и душевныя, укрѣпляются отъ упражненія. Напримѣръ, чѣмъ чаще мы подымаемъ руками тяжести, тѣмъ наши руки дѣлаются сильнѣе. Такъ и умъ нашъ становится тѣмъ острѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ болѣе мы его напрягаемъ, чѣмъ чаще и внимательнѣе мыслимъ. И такъ, для укрѣпленія ума нужны занятія, которыя бы заставляли насъ много думать. Не таково чтеніе безъ выбора. Это по настоящему совсѣмъ не работа. Часто мы читаемъ и только принимаемъ то, что намъ сообщаютъ, а сами не дѣлаемъ особенныхъ усилій, — развѣ ужъ книга очень не ясно написана (а сидѣть за такой книгой не станетъ у насъ терпѣнія, да оно и подлинно скучно, часто и безполезно).

Вотъ отъ чего люди, которые безпрестанно неутомимо читаютъ, не всегда отличаются умомъ своимъ. Напротивъ, такіе *сидни* теряются часто въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ жизни и ведутъ себя, какъ дѣти. Для пользы чтенія необходимо, чтобы оно смѣнялось собственною нашею дѣятельностью, чтобы мы имѣли частыя и различныя сношенія съ людьми, чтобы заняты были дѣлами, требующими соображенія и разныхъ усилій. Такая жизнь можетъ сообщить намъ гораздо болѣе опытности и истинно полезныхъ знаній, нежели одно чтеніе.

4.

Для развитія ума необыкновенно полезно излагать свои мысли, т. е. писать. Желаніе выразить то, что мы думаемъ, заставляетъ насъ

тщательно выбирать слова и обороты. При этомъ часто открывается, что мы сами не вполнѣ понимаемъ то, что казалось намъ совершенно яснымъ. Тогда мы дѣлаемъ новыя усилія, размышляемъ сами съ собою, соображаемъ, обдумываемъ и, наконецъ, съ полною ясностію представляемъ себѣ предметъ. Ничѣмъ мы не можемъ лучше повѣрять, справедливы ли наши идеи, какъ стараясь выразить ихъ, а всего разборчивѣе и точнѣе выражаемся мы, когда пишемъ.

Поэтому тотъ, кто часто на письмѣ излагаетъ свои мысли, имѣетъ большое преимущество передъ тѣмъ, кто только много читаетъ.

5.

Чтеніе иной книги бываетъ модою. Всѣ другъ у друга спрашиваютъ: „Читали ли вы такую-то книгу?“ и потомъ начинаютъ выхвалять ее и разсуждать о томъ, что въ ней поразило ихъ. Такіе толки очень часто бываютъ совершенно ошибочны и для человѣка знающаго даже смѣшны, но неопытный, слыша, что всѣ хвалятъ книгу, получаетъ высокое мнѣніе о ней. Ему стыдно бываетъ отвѣчать, что онъ ее не читалъ, и вотъ хоть ему и недосугъ, онъ рѣшается прочесть ее, сидитъ надъ нею нѣсколько дней, даже нѣсколько недѣль и — окончивъ ее, часто сожалѣетъ о потерянномъ времени. И по дѣломъ ему! Зачѣмъ читалъ изъ тщеславія? И иной очень бываетъ счастливъ, что послѣ того также можетъ вмѣшиваться въ разговоры о модной книгѣ, можетъ вкривь и вкось судить о ней. Да, очень многіе читаютъ только для того, чтобы имѣть право сказать: „я читалъ эту книгу“. Но ты не подражай имъ и когда не находишь нужнымъ или возможнымъ прочесть какое-нибудь сочиненіе, какъ бы оно ни славилось, то говори смѣло: „Нѣтъ, я не читалъ его“. Осудить тебя за это можетъ только человѣкъ неразсудительный; а на хулу такихъ людей не стоитъ обращать вниманія.

6.

Часто говорятъ: „Какъ можно не знать этого? Ну, если въ обществѣ (а иной скажетъ еще: *въ компаніи*) зайдетъ рѣчь о томъ, вѣдь стыдно показаться невѣжей!“ Не для обществъ (или компаній) учимся мы, а для образованія себя, чтобъ быть самимъ совершеннѣе, слѣдовательно, счастливѣе, и болѣе въ состояніи приносить пользу ближнему, служить отечеству. Не много нужно знаній къ тому, чтобы казаться свѣдущимъ въ обществѣ, гдѣ нерѣдко люди самые ничтожные пользуются большимъ успѣхомъ, потому что умѣютъ кстати говорить, кстати и молчать. Это особаго рода искусство, которое также можетъ быть очень выгодно, но не имѣетъ ничего общаго съ внутреннимъ достоинствомъ человѣка, а къ этому достоинству относятся и основательныя, глубокія знанія.

7.

Отъ чего нашъ умница — Викторъ такъ блѣденъ и хворъ? Онъ слишкомъ много сидитъ и трудится. Между тѣмъ какъ товарищи его въ неклассное время бѣгаютъ и играютъ на чистомъ воздухѣ или отдыхаютъ за садовыми работами, онъ себѣ продолжаетъ сидѣть на своей учебной скамьѣ, да роется въ книгахъ. Конечно, иногда бываетъ очень полезно заняться чѣмъ-нибудь серьёзнымъ и въ свободное время, но когда въ этомъ не наблюдается мѣры, то здоровье терпитъ величайшій вредъ. Тѣло наше, для поддержанія своего, непремѣнно требуетъ движенья и воздуха; безъ нихъ оно увядаетъ, какъ цвѣтокъ безъ солнечныхъ лучей. Надобно помнить, что безпрестанное сидѣніе въ душныхъ комнатахъ не естественное состояніе. Наша настоящая стихія — чистый воздухъ подъ открытымъ небомъ; тамъ такъ легко и свободно дышится, тамъ такъ весело двигаться на просторѣ, когда и вѣтеръ, и дождь свой братъ; тамъ здоровому человѣку привольно, какъ рыбѣ въ морѣ. Наши теплые дома съ ихъ спертымъ воздухомъ — мы ихъ сами себѣ создали. Ихъ кровъ — одна изъ нашихъ первыхъ потребностей; въ нихъ защищены мы отъ ненастья и холода, отъ бурь и зноя; но никогда они не могутъ вполнѣ замѣнить намъ нашей родной стихіи—чистаго воздуха.

Спертый комнатный воздухъ дѣйствуетъ на насъ тѣмъ гибельнѣе, чѣмъ болѣе мы въ немъ сидимъ и работаемъ головою. Правда, что всякая сила или способность укрѣпляются упражненіемъ ея; но когда мы ее напрягаемъ черезъ мѣру, то напротивъ она слабѣетъ. По одному этому вредно заниматься слишкомъ много. Но сверхъ того всѣ органы нашего состава въ тѣсной связи между собою, и неумѣренно усиленная дѣятельность головы (мозга) не остается безъ дурного вліянія на другія тѣлесныя отправленія. Особенно страдаетъ при, этомъ желудокъ, который всегда во враждѣ съ головою. Чѣмъ она лѣнивѣе, тѣмъ онъ исправнѣе, и наоборотъ. Отъ того происходитъ что кто много сидитъ и думаетъ, тому надобно меньше другого ѣсть, а кто неумѣренъ въ пищѣ, тому нельзя много работать умомъ.

Суди же, какой вредъ причиняетъ себѣ тотъ, кто при многомъ сидѣніи еще и въ ѣдѣ невоздержанъ. А за Викторомъ нашимъ водятся оба грѣха; вотъ отъ чего онъ и здоровьемъ такъ плохъ, и блѣденъ въ лицѣ.

Въ молодости намъ обыкновенно не вѣрится, чтобы состояніе нашего тѣла зависѣло отъ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а между тѣмъ это такъ справедливо, что дѣйствіе ихъ въ молодые годы отзывается часто въ продолженіе всей жизни. Кто хочетъ быть всегда здоровъ и долго жить, тому надобно позаботиться объ этомъ въ молодости.

Если будешь *корпѣть* такъ, какъ Викторъ, то сдѣлаешься слабымъ и хворымъ человѣкомъ.

НѢСКОЛЬКО РАЗГОВОРОВЪ ВАСИЛІЯ ДМИТРІЕВИЧА СЪ АЛЕКСѢЕМЪ [1]).

I.

А. Посмотрите, Василій Дмитріевичъ, что за чудный экипажъ тамъ ѣдетъ! Какъ долженъ быть счастливъ тотъ, кто сидитъ въ немъ!

В. Д. Отъ чего же ты думаешь, что онъ долженъ быть счастливъ?

А. Странно вы спрашиваете! развѣ быть богатымъ, жить великолѣпно, ѣздить въ щегольской каретѣ — не есть счастье?

В. Д. Прекрасно! Признаюсь, я отъ тебя не ожидалъ такого сужденія...

А. Если это не есть счастье — скажите: отъ чего всѣ люди желаютъ быть богатыми и жить пышно?

В. Д. Во-первыхъ, совсѣмъ не всѣ, а во-вторыхъ: ежели бы и всѣ, то это еще не доказывало бы, что ты правъ: общее мнѣніе бываетъ часто самое ошибочное. Не надобно слѣпо вѣрить другимъ, а все повѣрять собственнымъ размышленіемъ. Я тебѣ легко могу доказать, что ты самъ хорошенько не понимаешь, чего тебѣ хочется, отъ того, что ты слишкомъ мало еще думалъ о томъ...

А. Мнѣ хочется быть счастливымъ.

В. Д. Это такъ. Всѣ люди хотятъ того же; или проще сказать: мы всѣ добиваемся, чтобъ намъ было *хорошо*. И *ты* хочешь, чтобъ тебѣ было хорошо — не такъ ли?

А. Конечно; кто же захочетъ, чтобъ ему было худо на свѣтѣ?

В. Д. Итакъ *хорошо* и *худо* — вотъ два словечка, въ которыхъ заключается все наше счастье или несчастье. Остается только узнать, что̀ хорошо и что̀ худо.

А. Это очень легко!

В. Д. Постой, не перебивай меня. Напротивъ, ничего нѣтъ труднѣе этого. Вотъ ты, напримѣръ, думаешь, что при богатствѣ намъ какъ нельзя лучше; а скажи мнѣ: было ли бы тебѣ хорошо, еслибъ ты сидѣлъ хоть въ золотой каретѣ, да не могъ бы пошевельнуться отъ боли въ ногахъ, или не былъ спокоенъ въ душѣ?

А. Само собою разумѣется, что первое дѣло — здоровье тѣла и спокойствіе духа.

В. Д. А скажи мнѣ: когда человѣкъ здоровъ и веселъ, бываетъ ли ему хорошо, хоть онъ и не богатъ?

А. Бываетъ, это нечего говорить; а только въ бѣдности...

---

[1]) „Звѣздочка“ для старш. возр. 1846, ч. XVII, стр. 112, XVIII, стр. 81.

В. Д. Подожди. Итакъ ты согласенъ, что безъ богатства намъ можетъ быть хорошо, а безъ здоровья и веселости (или спокойствія) не можетъ. Что же важнѣе: богатство или здоровье и веселость?

А. Это давно извѣстно...

В. Д. Тѣмъ лучше; но почему же, когда тебя спросятъ: чего ты всего болѣе желаешь? — то ты думаешь о деньгахъ, о богатыхъ экипажахъ и тому подобныхъ пустякахъ, а не о томъ, что̀ гораздо необходимѣе для счастья?

А. Потому, что это необходимѣйшее само собою разумѣется.

В. Д. Нѣтъ, мой другъ, повѣрь, совсѣмъ не по этой причинѣ, а потому, что всѣ мы теряемъ изъ виду то, что̀ *истинно*-хорошо въ жизни, и думаемъ болѣе о томъ, что хорошо только *съ виду*, что̀ блеститъ обманчивымъ свѣтомъ. Если само собою разумѣется, что веселость духа и здоровье тѣла — первыя блага на свѣтѣ, то отъ чего же мы не заботимся о нихъ болѣе всего, а напротивъ, безразсудно пренебрегаемъ ими?

А. Однакожъ хорошо и богатство.

В. Д. Ты все свое... Нѣтъ спору, что и богатство хорошо; объ немъ мы потолкуемъ когда-нибудь особо; на этотъ разъ, я надѣюсь, ты убѣдился, что оно не главное, и что оно одно не можетъ дать намъ счастья.

А. Это я понимаю.

II.

В. Д. Что ты сегодня такъ невеселъ?

А. Мнѣ что-то нездоровится.

В. Д. Я тебѣ вчера это предсказывалъ, когда ты, по обыкновенію, слишкомъ неумѣренно кушалъ.

А. Что дѣлать, Василій Дмитріевичъ! Духъ бодръ, но плоть немощна.

В. Д. Надобно помнить, что въ жизни за всякую неосторожность, за всякій поступокъ, неодобряемый разумомъ, намъ всегда приходится платить тѣмъ, что намъ всего дороже — нашимъ счастіемъ.

А. Но вѣдь мы счастливы, когда намъ хорошо, а какъ плотно покушаешь — такъ вѣдь очень хорошо себя чувствуешь (*самодовольно треплетъ себя по животу*).

В. Д. Стыдись этихъ словъ и еще болѣе — этой мимики: не все то хорошо, что намъ доставляетъ кратковременное удовольстіе, истинно-хорошее не влечетъ за собою страданія. А невоздержаніе — чѣмъ же хорошо, когда за нимъ слѣдуютъ муки и раскаяніе? Это ли счастіе?

А. Нѣтъ, ужъ видно я такъ созданъ, что мнѣ вѣчно страдать. Посмотрите на Сергѣя Блинова: онъ можетъ все себѣ позволять, ѣстъ сколько хочетъ, и никогда не бываетъ боленъ.

В. Д. Правда, онъ гораздо крѣпче тебя; но и ты, при слабомъ своемъ сложеніи, можешь все-таки быть всегда здоровъ, если будешь остороженъ. Замѣчай, что̀ тебѣ вредно, что̀ полезно; да и соображайся съ своими наблюденіями; не забывай также и того, что говорятъ тебѣ люди опытные.

А. Однако, что̀ за жизнь, когда надобно обдумывать каждый свой шагъ, безпрестанно думать о здоровьѣ и остерегаться, какъ-бы его не разстроить?

В. Д. А развѣ лучше страдать и лѣчиться? Развѣ легче заботиться о своемъ здоровьѣ, когда оно уже разстроено, нежели тогда, когда оно еще не испорчено? Притомъ, осторожность и умѣренность, какъ всякая добродѣтель, только сначала, пока мы ихъ еще не пріобрѣли, требуютъ много вниманія и труда; а послѣ онѣ обращаются намъ въ *привычку*, во вторую природу, и уже не сто́ятъ намъ почти никакого усилія.

А. Ахъ! какъ бы прекрасно было, еслибъ я могъ всегда быть умѣреннымъ! Но сначала это такъ трудно, это требуетъ почти сверхчеловѣческихъ силъ!

В. Д. Совсѣмъ нѣтъ: надобно только ясно понимать весь вредъ неумѣренности и живо представлять себѣ ея гибельныя послѣдствія. Кто же самъ себѣ врагъ? Кто нарочно вредитъ себѣ?

А. Но вотъ бѣда! Теперь я очень хорошо вижу, какъ дурна неумѣренность, а когда придется на дѣлѣ противиться ей, то она мнѣ вдругъ представится какъ-то совсѣмъ другою, и какъ-будто насильно заставитъ меня отступить отъ моего намѣренія.

В. Д. Ты только старайся, не теряй бодрости отъ неудачъ, борись и увидишь, что, наконецъ, восторжествуешь надъ собою.

А. Ахъ, если бъ только мнѣ опять оправиться поскорѣе послѣ вчерашняго. Несносно быть нездоровымъ! Ни за что не хочется приняться, бываешь не въ духѣ, ни въ какомъ удовольствіи нельзя участвовать.

В. Д. Видишь ли, что́ значитъ быть нездоровымъ, и сколько непріятныхъ послѣдствій можетъ произвести проступокъ по видимому самый ничтожный. Во-первыхъ, ты страдаешь, во-вторыхъ — теряешь время, въ-третьихъ — дѣлаешься въ тягость другимъ, въ-четвертыхъ... да конца нѣтъ всѣмъ неудобствамъ, происходящимъ отъ нездоровья.

А. Въ самомъ дѣлѣ, какое великое благо здоровье!

В. Д. Да просто сказать: жизнь не жизнь безъ здоровья. Послушай: вѣдь не правда ли, изъ всѣхъ благъ міра самое дорогое для насъ жизнь [1]); но чтобъ мы ею могли вполнѣ наслаждаться, для этого

[1]) Здѣсь необходимо предупредить недоразумѣніе: есть блага, предъ которыми жизнь теряетъ цѣну. Добру, правдѣ, отечеству, спасенію ближняго — должно жертво-

мы должны быть здоровы. Какъ скоро къ намъ прикоснется болѣзнь, — мы живемъ уже не надлежащимъ образомъ, мы уже наклоняемся къ смерти. Конечно, болѣзнь можетъ уничтожиться; но она уже сродни смерти, а не жизни; жизнь, въ чистомъ значеніи своемъ, то же, что здоровье. Здоровье есть жизнь безъ всякой примѣси смерти. Понимаешь?

А. Какъ не понимать? болѣзнь — это ужъ маленькая примѣсь смерти въ нашемъ тѣлѣ?..

В. Д. Да, именно. Чтобы жить совершенно такъ, какъ слѣдуетъ, надобно быть здоровымъ.

А. Я гдѣ-то читалъ, что отъ состоянія тѣла много зависитъ и состояніе души.

В. Д. Ну да какъ же? между тѣломъ и душою самая тѣсная, хотя и непонятная связь. Отсюда-то и происходитъ особенная важность здоровья: отъ него много зависитъ не только расположеніе духа, но и правильность самыхъ мыслей, весь нашъ характеръ, а слѣдовательно и образъ нашихъ дѣйствій. Конечно, сильная душа можетъ иногда побѣждать вліяніе тѣла, но по большей части это вліяніе для насъ самихъ непримѣтно и не можетъ быть отвращено нашею волей. Сумасшествіе, напримѣръ — ужаснѣйшая душевная болѣзнь — очень часто бываетъ слѣдствіемъ тѣлеснаго разстройства. Поврежденіе печени производитъ хандру, положеніе души, которое, будучи связано съ горестью, досадою, мнительностью, отравляетъ все наше существованіе. Какъ часто дурной поступокъ, несправедливое, жестокое обращеніе съ другими, гнѣвъ, лѣность, проистекаютъ единственно отъ какого-нибудь скрытаго безпорядка въ тѣлѣ! И какъ часто мы въ этомъ безпорядкѣ сами бываемъ виноваты своею неосторожностью, жадностью, своими порочными наклонностями! Ты вѣрно согласишься съ этимъ?

А. Я теперь вижу, что послѣ жизни для насъ всего драгоцѣннѣе здоровье: отъ него зависитъ и жизнь. Съ этого дня я буду всѣми силами стараться о томъ, чтобы всегда быть здоровымъ.

В. Д. И повѣрь, что твои старанія природа вознаградитъ щедрою рукою. Самое даже слабое здоровье можно значительно укрѣпить правильнымъ образомъ жизни, заботливымъ избѣжаніемъ всего, что намъ вредно, спокойствіемъ духа.

А. Спокойствіемъ духа? Слѣдовательно и на оборотъ, душа имѣетъ вліяніе на тѣло, какъ тѣло на душу?

В. Д. Какъ же, и очень замѣтное вліяніе. Это я со временемъ объясню тебѣ, сколько можно. Покуда имѣй только въ виду важность

вать жизнью. Что жизнь, когда она не украшается добродѣтелью? Но здѣсь все это не берется въ соображеніе и рѣчь идетъ только о жизни, какъ верховномъ благѣ по земнымъ понятіямъ, такомъ благѣ, безъ котораго мы бы не могли и наслаждаться другими.

здоровья, и чтобы болѣе обратить на это вниманія, запомни латинскую поговорку, которою выражается состояніе совершеннаго здоровья — и тѣлеснаго и духовнаго — *Mens sana in corpore sano*, что значитъ слово въ слово: *здравый духъ въ здравомъ тѣлѣ*.

А. *Mens sana in corpore sano*! Не забуду...

III.

В. Д. Ну, Алексѣй, теперь пойдемъ гулять. Одѣвайся-ка!

А. Какъ? *теперь*? такъ скоро послѣ обѣда?

В. Д. Такъ что же?

А. Вы недавно еще мнѣ толковали, какъ надобно заботиться о здоровьѣ; а докторъ мнѣ при васъ говорилъ, что послѣ обѣда надобно сперва посидѣть, по крайней мѣрѣ съ полчаса, а потомъ ужъ можно ходить и бѣгать.

В. Д. Я не спорю противъ этого, но никогда не должно слишкомъ строго придерживаться такихъ правилъ.

А. Отчего же, если они хороши?

В. Д. Оттого, что во всемъ надобно избѣгать *крайностей*. Конечно, заботиться о здоровьѣ должно; но что будетъ изъ насъ, если мы изъ-за этого будемъ расчитывать каждый шагъ свой съ утра до вечера? Не покажемъ ли мы тогда, что наша собственная особа ужъ слишкомъ дорога для насъ?

А. Слѣдовательно, можно иногда и повредить себѣ, чтобъ угодить другимъ?

В. Д. Конечно, если такимъ угожденіемъ мы можемъ оказать другимъ истинную пользу или благородное удовольствіе. Впрочемъ, не думай, будто я теперь для *моего* удовольствія требую, чтобъ ты шелъ со мной гулять. Я забочусь только о твоей пользѣ.

А. Но когда докторъ говоритъ, что тотчасъ послѣ обѣда *сидѣть* здоровѣе, нежели *ходить*?

В. Д. А какъ ты полагаешь: что̀ здоровѣе — быть веселымъ или хандрить и хмуриться?

А. Вотъ вы ужъ начинаете говорить совсѣмъ о другомъ.

В. Д. Ни мало: это относится прямо къ нашему разговору. Веселость имѣетъ очень замѣтное вліяніе на наше здоровье: она ему чрезвычайно помогаетъ. Но можетъ ли быть веселымъ тотъ, кто каждую минуту расчитываетъ, что̀ ему дѣлать изъ опасенія заболѣть? Напротивъ, такое безпрестанное расчитываніе и такая боязнь уже сами по себѣ доказываютъ, что человѣкъ не совсѣмъ здоровъ — по крайней мѣрѣ душевно.

(*Алексѣй, пораженный этими словами, проворно вскакиваетъ со стула*; *В. Д. продолжаетъ*:)

А я съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаю, что ты именно впалъ въ эту ошибку. Признайся.

А. Правду сказать, послѣ того нашего разговора — помните? — я сталъ, можетъ быть, слишкомъ внимателенъ къ моему здоровью.

В. Д. То-то и есть! Нѣтъ, милый, это недостатокъ, который всегда дуренъ, но особенно въ твои годы. И замѣть: люди, которые ужъ черезчуръ безпокоятся о своемъ здоровьѣ, обыкновенно ошибаются въ своихъ расчетахъ. Вотъ хоть бы и ты. Хочешь, по совѣту доктора, сидѣть послѣ обѣда, но ты не расчелъ, что часъ, весело и безпечно проведенный въ любимомъ обществѣ, принесетъ тебѣ гораздо болѣе пользы, нежели тотъ, который ты просидишь въ одиночествѣ съ тревожными и, можетъ быть, мрачными мыслями.

А. Этому я очень вѣрю. Такъ неужели же я въ самомъ дѣлѣ боленъ душою?

В. Д. Сохрани Богъ! но это легко *можетъ* случиться, если ты будешь часто хандрить. Надобно тебѣ знать, что вообще не годится пріучать себя къ слишкомъ правильному образу жизни. Представь себѣ человѣка, который и ѣстъ и пьетъ и сидитъ и стоитъ и ходитъ и все дѣлаетъ въ опредѣленное время, сегодня какъ вчера, и завтра какъ сегодня. Вдругъ встрѣтится неожиданный случай, который непремѣнно потребуетъ отступленія отъ этой жизни по ниточкѣ; тогда такое необыкновенное отступленіе легко можетъ совершенно разстроить здоровье. Конечно, хорошо вести правильный образъ жизни, но надобно всегда быть готовымъ уступить обстоятельствамъ и отказываться отъ своихъ привычекъ, потому что въ жизни одинъ день никогда не можетъ быть совершенно похожъ на другой.

А. Слѣдовательно, не нужно держаться никакихъ опредѣленныхъ правилъ въ образѣ жизни? Мнѣ кажется, это противорѣчитъ тому, что вы мнѣ говорили намедня...

В. Д. Кто тебѣ говоритъ, что не нужно никакихъ правилъ? Правила необходимы, но надобно помнить, что „нѣтъ правила безъ исключенія“; не должно быть слишкомъ упрямымъ въ ихъ соблюденіи, когда обстоятельства тому противятся. Однимъ словомъ, надобно держаться *середины*...

А. Итакъ можно иногда быть и неумѣреннымъ? а что вы мнѣ прежде говорили? А! вотъ я васъ и поймалъ!

В. Д. Ничего не поймалъ... Дѣло въ томъ, что правило правилу рознь. Конечно, есть такія правила, на которыя мы всегда должны смотрѣть, какъ на ненарушимые законы; есть другіе, менѣе важные. Умѣренность есть добродѣтель и должна отражаться во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ; ничто не должно быть въ состояніи отвратить насъ отъ нея.

А. А если меня такъ потчуютъ и такъ убѣдительно просятъ ску-

шать лишнее, то могу ли я отказаться? Не будетъ ли это значить, что я ради своей пользы, ради *моей собственной особы*, не хочу другимъ доставить удовольствія?

В. Д. И такого удовольствія, на которое они по своему гостепріимству имѣютъ право — не правда ли?.. Вздоръ, сударь мой! Удовольствіе, которое ты можешь доставить другимъ не иначе, какъ своимъ обжорствомъ и на счетъ своего здоровья, это слишкомъ жалкое, даже неблагородное удовольствіе. Если тебя любятъ, желаютъ тебѣ добра, то должны требовать совсѣмъ другихъ доказательствъ твоей благодарности. А кто будетъ принуждать тебя къ такой жертвѣ, тому ты можешь въ глаза сказать, что онъ тебя не любитъ.

А. Значитъ, не всегда можно держаться *середины*...

В. Д. Само собою разумѣется, что гдѣ дѣло идетъ о сохраненіи нашего достоинства, тамъ не можетъ быть все равно, такъ ли поступишь, или иначе.

А. Знаете ли что, Василій Дмитріевичъ? Теперь я готовъ итти съ вами гулять.

В. Д. Да теперь *я* не готовъ! Вишь какой умникъ! Полчаса проболталъ со мной, да еще бы ему гулять итти! Однакожъ прошу замѣтить: я сбирался гулять — встрѣтилось препятствіе, именно длинный разговоръ нашъ — и я отказался отъ своего намѣренія. Ты видишь, я самъ поступаю такъ, какъ другимъ совѣтую.

А. О! да вы извѣстный мудрецъ, Василій Дмитріевичъ: кто противъ этого споритъ?

В. Д. Ну, ну, такъ и быть, поди одѣвайся — да смотри — не копайся!

А. Вотъ еще и въ ремахъ!

(*Убѣгаетъ*).

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРІЯ? [1]).

I.

Замѣчаешь ли ты, милый читатель, какъ все вокругъ тебя *перемѣняется*? Ты, напримѣръ, всталъ сегодня при свѣчкѣ, потому что на дворѣ было темно, а часа черезъ два свѣчку твою погасили, потомъ что свѣтло стало — вотъ ужъ и *перемѣна*. Ты сидишь одинъ въ комнатѣ, вдругъ входитъ кто-нибудь и начинаетъ съ тобой говорить —

[1]) „Звѣздочка“ 1842, ч. I, стр. 81.

вотъ опять *перемѣна*. Короче, если ты будешь примѣчать, то увидишь, что все вокругъ тебя перемѣняется. И чѣмъ болѣе проходитъ *времени*, тѣмъ болѣе *перемѣнъ* случается. Вотъ отчего, когда ты долго не будешь видѣть какого-нибудь мѣста или человѣка, такъ послѣ ты, можетъ-быть, насилу узна́ешь это мѣсто или этого человѣка; а все оттого, что съ нимъ между тѣмъ случится много перемѣнъ, или хоть одна, да важная. Напримѣръ, ты три года тому назадъ былъ у дяди на дачѣ и гулялъ тамъ въ саду, а поѣзжай туда будущимъ лѣтомъ: ужъ сада не найдешь, да и стараго деревяннаго домика не увидишь, потому что вмѣсто него выстроенъ большой каменный домъ. Да и самъ дядя твой ужъ не тотъ: бывало, онъ былъ такой веселый и разговорчивый, шутилъ и игралъ съ тобой, а теперь цѣлый день сидитъ нахмурясь въ своемъ домѣ и ни съ кѣмъ говорить не хочетъ. Вотъ какая тутъ перемѣна случилась: и мѣсто и человѣка трудно узнать! Сдѣлалось это не вдругъ, а мало-по-малу, такъ что, если бъ ты все тутъ же былъ, то едва бы замѣтилъ, какъ это сдѣлалось.

Между тѣмъ ты, мой другъ, и самъ все перемѣняешься. Изъ ребенка ты сдѣлался мальчикомъ; изъ мальчика сдѣлаешься взрослымъ человѣкомъ; изъ взрослаго человѣка — старикомъ. Вотъ изъ какихъ перемѣнъ состоитъ жизнь. Вѣдь *перемѣняться* и значитъ *жить*. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы не перемѣнялся каждый день. Да! это кажется тебѣ страннымъ, однако справедливо. Всѣ мы съ каждымъ днемъ старѣемъ, хоть и непримѣтно; всѣ мы съ каждымъ днемъ становимся въ душѣ или *лучше*, или *хуже*, хоть намъ и кажется, что мы все тѣ же. Мы всѣ живемъ для того, чтобы день ото дня становиться *лучше*, и объ этомъ должны всякую минуту заботиться. Такъ и ты долженъ каждый день стараться, чтобы вечеромъ, ложась спать, былъ ты уже лучше, нежели какимъ всталъ поутру. Вѣдь всякій отдѣльный день составляетъ какъ-будто особую жизнь. Просыпаясь, ты какъ-будто родишься; потомъ живешь, а вечеромъ, засыпая, какъ-будто на цѣлую ночь умираешь. Передъ сномъ ты молишься Богу: тогда ты всякій разъ долженъ у себя спрашивать: „что́ я сегодня сдѣлалъ? что́ я сдѣлалъ хорошаго и что́ дурного?“ И если ты точно сдѣлалъ что-нибудь дурное, рѣшись завтра быть лучше и ужъ никогда болѣе не дѣлать того, въ чемъ упрекаетъ тебя совѣсть. Но когда тебѣ придется уснуть навѣки, т. е. умереть, тогда ужъ для тебя не будетъ завтрашняго дня, и ужъ тебѣ нельзя будетъ *перемѣниться*.

Я сказалъ тебѣ, что жить значитъ перемѣняться: однакожъ, не всѣ перемѣны въ жизни одинаково важны и занимательны. Черезъ нѣсколько лѣтъ перемѣнятъ покрой твоего платья; это будетъ также перемѣна въ твоей жизни, только совсѣмъ не важная. Но когда тебя отдадутъ въ какое-нибудь училище, это будетъ важная перемѣна, по-

тому что отъ этого много будетъ зависѣть вся твоя судьба, т. е. отъ этого произойдетъ много другихъ и, можетъ быть, важныхъ перемѣнъ въ твоей жизни. Судьбу вѣдь и составляютъ всѣ тѣ перемѣны, которыя одна за другою случаются въ чьей-нибудь жизни. Если перемѣна вдругъ обнаруживается какимъ-нибудь замѣтнымъ образомъ или даже дѣломъ, то она называется *случаемъ* или *происшествіемъ*. Происшествіе всегда бываетъ важнѣе случая. Если ты, напримѣръ, упадешь, то эта довольно непріятная перемѣна твоего положенія будетъ только *случай*, но если у твоего отца загорится домъ и пропадетъ большая часть имущества, то эта перемѣна — пожаръ — будетъ *происшествіе*, котораго ты вѣкъ не забудешь, потому что отъ этой перемѣны можетъ случиться множество другихъ перемѣнъ въ твоей жизни, и твое положеніе совсѣмъ перемѣнится.

II.

Ты не одинъ живешь на свѣтѣ. Когда кто спроситъ: какъ тебя зовутъ? ты скажешь сперва свое имя, потомъ свою фамилію. Эта фамилія принадлежитъ не одному тебѣ, но и родственникамъ твоимъ, которые вмѣстѣ съ тобою составляютъ *семейство*. Когда же кто спроситъ: нѣмецъ ли ты, или французъ? ты скажешь: „нѣтъ, я русскій!“ Это значитъ, что ты принадлежишь къ русскому *народу*.

Ты вѣрно знаешь, что человѣческій родъ состоитъ изъ разныхъ народовъ. А что́ такое народъ? Большое множество семействъ, которыя говорятъ однимъ языкомъ и обыкновенно имѣютъ одну религію, одни нравы и живутъ вмѣстѣ на одной землѣ. Каждый народъ есть особое, великое семейство. И какъ въ семействѣ всѣ подчинены отцу, такъ и цѣлый народъ всегда повинуется кому-нибудь главному, какой-нибудь власти. Иногда нѣсколько народовъ управляются одною и тою же властію. Такъ въ нашей Россіи, кромѣ русскихъ, есть и поляки, и финны, и татары, и другіе народы, а всѣ они имѣютъ одного общаго Государя. Такое огромное семейство, состоящее изъ одного или нѣсколькихъ народовъ подъ одною властью, называется *государствомъ*.

Народъ отъ времени такъ же перемѣняется, какъ и всякій отдѣльный человѣкъ. Поэтому можно сказать, что и народъ *живетъ*, имѣетъ свою жизнь, свою судьбу, и даже — вотъ что замѣчательно — народъ, какъ и всякій изъ насъ, имѣетъ свои возрасты. Сперва народъ бываетъ грубымъ, непросвѣщеннымъ, т. е. онъ еще не воспитанъ, онъ — младенецъ, мальчикъ. Потомъ онъ умножается, усиливается, умнѣетъ: онъ будто молодой человѣкъ. И такъ какъ всякій изъ насъ въ этомъ возрастѣ любитъ показывать свою силу, любитъ смѣлые поступки и даже опасности, такъ и народъ въ это время, чувствуя силы свои, часто

предпринимаетъ славныя дѣла, завоевываетъ чужія земли и увеличиваетъ свои владѣнія. Послѣ того народъ успокоивается, заводитъ у себя лучшій порядокъ, болѣе занимается хозяйствомъ, науками и искусствами, нежели походами; стало быть, онъ уже остепенился, *возмужалъ*. Вѣдь и всякій человѣкъ, послѣ молодыхъ лѣтъ, становится гораздо тише, разсудительнѣе. Наконецъ, и для народа настаетъ *старость*. Онъ слабѣетъ, приходитъ въ разстройство и напослѣдокъ *умираетъ*, т. е. обыкновенно покоряется какимъ-нибудь другимъ, молодымъ народамъ и съ ними смѣшивается.

Теперь ты знаешь, что народъ такъ же перемѣняется, такъ же живетъ, какъ и каждый изъ насъ; въ его жизни такъ же бываютъ случаи и происшествія, болѣе или менѣе важныя. Желалъ ли бы ты, чтобъ я тебѣ разсказалъ жизнь какого-нибудь народа, напримѣръ, хоть того, къ которому ты самъ принадлежишь? Только вѣдь этотъ разсказъ сдѣлался бы чрезвычайно длиненъ. Жизнь народовъ не такъ коротка, какъ жизнь отдѣльныхъ людей. Человѣкъ ужъ старъ въ 60, 70 лѣтъ; до ста почти никто не доживаетъ. А народы живутъ иногда по тысячамъ лѣтъ. Вотъ и русскому народу недавно минуло 1000 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнитъ себя, т. е. какъ нѣкоторые люди стали записывать всѣ перемѣны, какія съ нимъ случаются.

Если-бъ я тебя попросилъ разсказать мнѣ твою жизнь, сталъ ли бы ты описывать всѣ безъ исключенія перемѣны, всѣ случаи, какіе каждый день происходили съ тобой? Нѣтъ: ты вѣрно разсказалъ бы мнѣ изъ своей жизни только главныя перемѣны, особливо тѣ, отъ которыхъ послѣ случились и другія перемѣны. Такъ долженъ поступать и тотъ, кто захочетъ разсказывать жизнь цѣлаго народа. Онъ долженъ говорить только о тѣхъ перемѣнахъ или происшествіяхъ, въ которыхъ точно видна жизнь народа, а о ничтожныхъ случаяхъ не долженъ совсѣмъ и упоминать. Въ жизни всякаго есть много такого, что́ могло быть и иначе, а жизнь бы отъ того нисколько не перемѣнилась. Тебѣ, напримѣръ, вчера стригли волосы; но ты отъ этого не сталъ ни лучше, ни счастливѣе — и, разсказывая мнѣ свою жизнь, ты вѣрно не станешь описывать мнѣ, когда и гдѣ тебя стригли. Ежели, напротивъ, ты прочтешь какую-нибудь книгу, изъ которой узнаешь много новаго и полезнаго, то въ разсказѣ своемъ непремѣнно долженъ будешь упомянуть объ ней, потому что ты и въ мысляхъ и въ дѣлахъ своихъ, а слѣдовательно и въ перемѣнахъ своей жизни, почувствуешь вліяніе этой книги. Такъ и тотъ, кто разсказываетъ жизнь народа, пропускаетъ въ ней все маловажное, а останавливается только на замѣчательномъ; сверхъ того, онъ всѣ перемѣны, случившіяся у такого-то народа, разсматриваетъ въ ихъ взаимной связи, т. е. показываетъ, что́ отъ чего произошло.

Такой разсказъ о жизни народа составляетъ особую науку, назы-

ваемую *Исторіею*. Слово это греческое и по-настоящему значитъ просто: *разсказъ* или *повѣствованіе*. Можно разсказывать жизнь не только одного народа, но и многихъ, даже всѣхъ, которые когда-нибудь жили и теперь живутъ, но, разумѣется, только такихъ которые ужъ вышли изъ младенчества и составили государство. Вѣдь о жизни маленькихъ дѣтей нечего разсказывать: они ничего замѣчательнаго или достопамятнаго еще не могутъ дѣлать. Такъ и дикіе народы еще только начинаютъ свою жизнь; они для Исторіи не имѣютъ значенія, и она ими не занимается. Когда въ ней изображается судьба всѣхъ главныхъ народовъ, бывшихъ или еще и теперь существующихъ въ мірѣ, то называется *всемірною*. Изъ этого ты легко можешь заключить, что и въ цѣломъ человѣчествѣ происходятъ перемѣны, что слѣдовательно и оно живетъ. Да, и эта жизнь всего занимательнѣе для насъ. Что такое каждый изъ насъ въ сравненіи съ цѣлымъ человѣчествомъ? Не болѣе, какъ капелька въ океанѣ. Мы всѣ одинъ за другимъ умираемъ, а человѣчество все живетъ и будетъ жить, пока земля стоитъ.

III.

Какъ же для насъ должна быть важна всемірная Исторія! Изъ нея мы узнаёмъ, какъ и все человѣчество сперва было похоже на младенца, было грубо и невѣжественно; но потомъ мало-по-малу становилось образованнѣе и лучше. Какъ долго оно не знало истиннаго Бога! Наконецъ, Отецъ нашъ небесный сжалился надъ своими дѣтьми и открылся имъ,ославъ на землю Іисуса Христа. Вотъ послѣ этого-то родъ человѣческій сталъ особенно развиваться во всемъ, и теперь онъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ еще примѣтнѣе улучшаться. Въ самомъ дѣлѣ: возможно ли, чтобъ Создатель, заботясь о судьбѣ всякаго отдѣльнаго человѣка, оставилъ безъ попеченія судьбу всего человѣчества? Нѣтъ, участіе *Провидѣнія* ясно видно въ Исторіи. Но, разумѣется, Господь Богъ въ премудрости Своей часто употребляетъ средства, которыхъ мы не понимаемъ. Я тебѣ уже говорилъ, что и народъ, такъ же, какъ всякій человѣкъ, старѣетъ и, наконецъ, умираетъ. Однакожъ то добро, которое онъ сдѣлалъ, никогда ужъ не погибнетъ, а перейдетъ къ другимъ народамъ. Были, напримѣръ, греки и римляне. Теперь этихъ двухъ народовъ ужъ нѣтъ, но все, что́ они сдѣлали, вся ихъ жизнь, даже ихъ языкъ до сихъ поръ составляютъ собственность человѣчества. Такъ-то жизнь народа никогда не проходитъ безъ пользы для всего человѣческаго рода, который поэтому все и становится лучше. Ты, другъ мой, со временемъ увидишь, какое важное дѣло для каждаго изъ насъ — *опытность*, т. е. знаніе всякой всячины не понаслышкѣ, а по тому, что́ мы сами въ жизни испытали. Такъ и для

человѣчества чрезвычайно важна опытность. Этому насъ учитъ *всемірная Исторія*.

Когда разсказывается жизнь одного только народа, или хоть и всѣхъ, да въ какое-нибудь особое время, тогда Исторія называется *частною*. Такъ есть исторія Франціи, исторія Англіи, исторія Россіи и проч. Такъ же точно можетъ быть исторія, напримѣръ, 12-го, 16-го, 18-го и всякаго другого столѣтія.

Исторія — одна изъ самыхъ полезныхъ, одна изъ необходимѣйшихъ наукъ. Я ужъ объяснилъ тебѣ, какъ важна человѣку опытность. Суди же, во сколько умножится твоя опытность, когда ты въ Исторіи узна́ешь, какъ прожили не только многіе люди, у которыхъ надобно учиться жить, но и цѣлые народы. Слыша разсказы объ ихъ жизни, ты какъ-будто самъ вмѣстѣ съ ними переживаешь ее. Безъ Исторіи твоя собственная опытность всегда будетъ недостаточна.

А какъ занимательна Исторія! Сколько въ ней услышишь интересныхъ происшествій! Сколько въ ней узна́ешь замѣчательныхъ людей, и добрыхъ и злыхъ, и великихъ и низкихъ — такихъ, которымъ должно подражать, и такихъ, съ которыми должно бояться всякаго сходства! Кто не знаетъ Исторіи, тому все, что́ вокругъ него происходитъ, кажется новымъ и страннымъ; напротивъ, знающій ее сравниваетъ настоящее съ прошедшимъ, сличаетъ нынѣшнихъ людей съ прежними, обо всемъ можетъ судить правильно, даже иногда предвидѣть, чѣмъ какая-нибудь перемѣна кончится.

Теперь если бъ у тебя спросили: „Что такое Исторія?“ — подумай, что́ бы ты отвѣчалъ. По-мо́ему, тебѣ надобно отвѣчать вотъ какъ: Исторія есть наука, которая изображаетъ въ связномъ разсказѣ достопамятныя перемѣны въ жизни народовъ или государствъ. Со временемъ ты самъ, можетъ быть, еще лучше этого отвѣтишь на мой вопросъ; но покуда намъ и этого довольно.

Еще я долженъ замѣтить кое-что. Если бъ ты разсказывалъ мнѣ свою жизнь, ты бы не только говорилъ, что́ съ тобой случилось, но для полноты еще прибавлялъ бы: *когда* и *гдѣ* такая-то перемѣна произошла. Безъ этого я бы все-таки хорошенько не зналъ твоей жизни. Такъ и въ Исторіи не довольно описывать происшествія; надобно сверхъ того означать *время* и *мѣсто* ихъ. И читая Исторію, ты всегда долженъ стараться запоминать, во-первыхъ, *столѣтія* и *года когда* что было, а во-вторыхъ, *города*, *селенія*, *рѣки* и другія мѣста, *гдѣ* что было. Кто помнитъ годы и столѣтія, объ томъ говорятъ, что онъ знаетъ *Хронологію*, т. е. *счисленіе времени*. А кто твердо помнитъ замѣчательныя мѣста и умѣетъ находить ихъ на картѣ, тотъ знаетъ *Географію*, или землеописаніе. Слова: *Хронологія* и *Географія*, такъ же какъ и *Исторія*, взяты изъ греческаго языка.

ЧТО ТАКОЕ ГЕОГРАФІЯ [1])?

Любезный Коля! ты живешь въ Петербургѣ и знаешь въ немъ всѣ главныя мѣста; можешь безъ провожатаго и безъ извозчика попасть, куда бы ни было. Однакожъ, я не думаю, чтобы ты въ самомъ дѣлѣ хорошо зналъ Петербургъ. Вѣдь знать и знать — разница. Пожалуй, и всякая собаченка отыщетъ то мѣсто, гдѣ она разъ побываетъ; но ей Господь Богъ не далъ ума: отъ нея больше и требовать нечего; а у человѣка на то и есть умъ, чтобы онъ внимательно разсматривалъ все, что видитъ вокругъ себя. Такъ и обо всякомъ мѣстѣ надобно разсуждать: „Да всегда ли оно было такое же, какъ нынѣ? Когда-то и кѣмъ оно приведено въ настоящее состояніе?“ и тому подобное. Напримѣръ, думалъ ли ты когда-нибудь: когда и кѣмъ построенъ Зимній Дворецъ, и что прежде было на мѣстѣ его? или: какая въ Петербургѣ самая старинная церковь? — Я увѣренъ, что ты ничего въ этомъ родѣ не знаешь; ну, да ты еще маленькій: тебѣ оно простительно. А вотъ было бы худо, когда бъ ты и большой не зналъ хорошенько даже и тѣхъ мѣстъ, которыя всего *ближе* къ тебѣ. Берегись этого: мы всѣ, къ несчастію, таковы, что насъ гораздо больше занимаетъ *далекое*, нежели *близкое*. Но согласись, что смѣшно было бы, еслибъ ты, имѣя прекрасный садъ, вовсе не умѣлъ цѣнить его, а все гулялъ бы по чужимъ садамъ, до которыхъ отъ твоего дома довольно далеко.

Стыдно не знать хорошенько близкихъ мѣстъ, потому что всякій можетъ своими глазами видѣть ихъ и разсматривать, можетъ всегда справиться у знакомыхъ о томъ, чего самъ не знаетъ. Однакожъ, необходимо имѣть точное понятіе и о главныхъ между отдаленными мѣстами; ты и увидишь со временемъ, какъ часто тебѣ это будетъ нужно.

Чтобы самому видѣть и далекія мѣста, надобно *путешествовать*. Признайся, Коля, тебѣ очень хотѣлось бы поѣздить по бѣлому свѣту. Какъ весело было бы, думаешь ты, сѣсть въ коляску или на корабль, и ѣхать, ѣхать, ѣхать, пока не увидишь совсѣмъ другіе города и земли, другіе обычаи и нравы. Повѣрь мнѣ, однакожъ, что путешествовать вовсе не такъ пріятно, какъ оно кажется, покуда самъ на дѣлѣ не испытаешь, что значитъ быть странникомъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми удовольствіями встрѣчаешь тутъ столько неудобствъ и затрудненій, часто непредвидѣнныхъ, что путешественникъ иногда дорого заплатилъ бы, еслибъ вдругъ и навсегда могъ возвратиться въ свой родимый домикъ!

---

[1]) „Звѣздочка“, часть II, стр. 1 — 13.

Нѣтъ, Коля, ты не слишкомъ желай путешествовать и помни, что счастіе гораздо легче найти дома, въ кругу родныхъ и знакомыхъ, довольствуясь тѣмъ, что тебѣ посылаетъ Богъ, нежели все желать чего-то другого, желать перемѣны и мѣстъ и людей, съ которыми тебя соединило самое Провидѣніе. Впрочемъ, я согласенъ, что очень полезно и попутешествовать, только ужъ право не потому, чтобы въ путешествіи вѣрнѣе было найти счастіе, а единственно для того, чтобы сдѣлаться поумнѣе да поопытнѣе, или для здоровья. Помни русскую поговорку: „Не зачѣмъ далеко, мнѣ и здѣсь хорошо“. Можно и безъ путешествія узнать всѣ важнѣйшія не только изъ ближнихъ, но и изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. На это есть книги. Иную книгу прочтешь, не выходя изъ комнаты, а тебѣ покажется, что ты объѣхалъ весь свѣтъ. Можно и въ мысляхъ странствовать. Не хочешь ли сію же минуту отправиться со мной въ путешествіе? Изволь! да еще знаешь ли, какъ мы пустимся? не въ саняхъ, не въ каретѣ, не на лодкѣ, и не пѣшкомъ! Нѣтъ, мы съ тобой просто *полетимъ*, какъ птицы. Ты смѣешься и думаешь: „вотъ пустяки! у насъ крыльевъ нѣтъ“. Да помилуй: у насъ есть воображеніе. Ктожъ намъ запретитъ вообразить, что мы летимъ? Ну, Коля, возьмемся за руку да и пустимся прямо вверхъ.

Ахъ, батюшки-свѣты! какъ земля-то ужъ далеко! Видишь ли ты внизу этотъ огромный шаръ, на которомъ столько разноцвѣтныхъ пятенъ и полосъ; а люди суетятся, какъ мурашки? Это и есть наша земля, земной шаръ. Къ счастію, глаза воображенія видятъ издали такъ же хорошо, какъ вблизи, и мы можемъ даже отсюда ясно отличать все, что есть на землѣ. Видишь ли прямо подъ нами нашъ Петербургъ съ его огромными дворцами и другими зданіями? Только изъ-за зимы все въ немъ бѣло! Даже Нева чуть отдѣляется отъ береговъ своихъ, потому что и она одного цвѣта съ ними. Какое огромное бѣлое пространство около этого мѣста! все снѣгъ да ледъ! пространство это называется сѣверомъ. Узнаешь ли въ немъ нашу Россію? Посмотри, сколько въ ней городовъ и городковъ, а ни одного нѣтъ такого большого и стройнаго, какъ Петербургъ! Москва широка и великолѣпна, только совсѣмъ не то! Потомъ, сколько деревень и деревушекъ! А рѣкъ-то, рѣкъ-то! и какія между ними огромныя и какой-то рыбы въ нихъ нѣтъ, и какія-то суда по нимъ не ходятъ въ лѣтнюю пору! Однакожъ, не всѣ рѣки замерзли; видно въ Россіи не вездѣ такъ холодно, какъ въ Петербургѣ. Чего? въ иныхъ мѣстахъ ужъ и зелень пробивается! Лѣтомъ тамъ виноградъ будетъ расти на чистомъ воздухѣ! Ахъ, какія высокія и безконечныя горы! И все это Россія! и въ этихъ горахъ есть всякіе драгоцѣнные металлы и камни, есть золото, серебро, малахитъ! Лѣсовъ тьма тьмущая: довольно, слава Богу, всякаго дерева и на дрова, и на корабли. Ну, нечего сказать,

съ голоду не пропадетъ Россія. Боже мой! Сколько въ ней разныхъ народовъ и народцевъ, кромѣ настоящихъ русскихъ. Еслибъ изъ всѣхъ этихъ народовъ выбрать по одному человѣку, да посадить за одинъ столъ, дорогонекъ обошелся бы ихъ обѣдъ, и всѣ бы они играли въ молчанку, затѣмъ что у всякаго свой языкъ.

Послѣ Россіи взгляни, Коля, на другія земли. Такой обширной между ними ужъ не найдешь. Зато, видишь, во многихъ изъ нихъ люди живутъ гораздо тѣснѣе; городовъ и деревень настроено несравненно больше, и эти селенія ближе одно къ другому. И замѣть, во всякой землѣ есть одинъ какой-нибудь городъ, который, какъ нашъ Петербургъ, и огромнѣе и богаче всѣхъ прочихъ. Онъ вездѣ называется главнымъ городомъ. Еще замѣть: чѣмъ ближе одинъ городъ къ другому, тѣмъ больше движенія и суетливости между людьми; тѣмъ больше они работаютъ, покупаютъ, продаютъ. Вотъ что называется *промышленностію*. Видишь, какъ многія мѣста совсѣмъ не похожи на Россію: въ однихъ горы выше, въ иныхъ лѣса другого рода; въ третьихъ зимы вовсе нѣтъ и растутъ такія растенія, которыхъ у насъ земля не производитъ; въ четвертыхъ множество озеръ большихъ и малыхъ, такъ какъ только въ одномъ углу Россіи — въ Финляндіи. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ странахъ и люди-то даже на видъ совсѣмъ не такіе, какъ у насъ, черные! А разсмотри города: какое между ними разнообразіе! Одни старые; другіе новые; эти построены на такой-то ладъ; тѣ совершенно въ другомъ родѣ! Но во всемъ есть еще столько различій, которыхъ никакъ не откроешь глазомъ, напримѣръ, въ нравахъ и обычаяхъ, въ религіи жителей!

Многія земли, какъ ты видишь, отдѣляются одна отъ другой большими пространствами воды. Всѣ эти воды вмѣстѣ составляютъ *океанъ*, а по частямъ онѣ называются морями. Страны, же между ними лежащія, всѣ вмѣстѣ составляютъ такъ называемую *сушу*. Россія такъ огромна, что она одна примыкаетъ своими сторонами къ *пяти* различнымъ морямъ. А иная земля не прилегаетъ ни къ какому морю. Это невыгодно, потому что по рѣкамъ не всегда можно такъ легко принимать и отпускать корабли съ товарами, какъ моремъ; а когда еще и большой рѣки-то ни одной нѣтъ? тогда плохое дѣло! Посмотри, какъ весело корабли и пароходы во всѣхъ направленіяхъ стремятся по различнымъ морямъ! Они вмѣстѣ съ товарами разносятъ богатство по всему земному шару. Иная земля безплодна, а богата, потому что корабли ей приносятъ въ изобиліи все нужное. Чѣмъ больше судовъ у какой земли, тѣмъ она богаче. На земномъ шарѣ моря, озера и рѣки то же, что въ человѣкѣ кровь, которая безпрестанно разноситъ по всѣмъ частямъ тѣла теплоту и жизнь.

Однакожъ, мы до сихъ поръ видѣли земной шаръ только съ одной стороны, потому что никакого шара нельзя вдругъ осмотрѣть со всѣхъ

сторонъ. Для этого надобно или *его* повертывать передъ собой, или *самимъ* двигаться вокругъ него. Такъ и мы теперь могли бы перелетѣть на другую сторону земного шара, и тамъ опять увидѣли бы много новаго; но ты, конечно, ужъ усталъ? Не пора ли намъ спуститься, и на землѣ, дома, постараться узнать то, чего не успѣли разсмотрѣть на лету? Я думаю, это будетъ вѣрнѣе, тѣмъ болѣе, что на лету ничего и не успѣешь узнать хорошенько. Знаешь ли ты пословицу: *„тише ѣдешь, дальше будешь?“* Она всего справедливѣе, когда дѣло идетъ объ ученьѣ: спѣхомъ тутъ ничего не возьмешь.

Вотъ мы опять на нашей землѣ, въ нашемъ Петербургѣ. Теперь ты, милый мой Коля, послѣ нашего воздушнаго путешествія самъ можешь судить, какъ любопытно знать разныя мѣста, и близкія и далекія — особливо мѣста примѣчательныя. Представь себѣ, какъ пріятно, узнавъ, сколько разныхъ мѣстъ, сравнивать ихъ съ тѣмъ, гдѣ мы сами живемъ съ своими родными и знакомыми. Какъ пріятно (я ужъ не говорю о пользѣ), какъ пріятно знать, гдѣ лучше и гдѣ хуже, гдѣ люди богаче и гдѣ бѣднѣе, гдѣ какія важныя рѣки, горы и города, и что въ этихъ городахъ хорошаго. Все это станетъ еще вдвое занимательнѣе, когда тебѣ скажутъ, какъ гдѣ прежде было и когда произошло то, что тамъ теперь находится. Это все ты можешь узнать изъ книгъ. Пойдемъ-ка въ книжную лавку. Посмотри: вотъ стоитъ на особомъ станкѣ какой-то *шаръ*. Узнаешь ли ты, что это за шаръ? Ахъ, да какъ же ты обрадовался старому знакомому! Да, да, мой другъ! это именно малое изображеніе нашего огромнаго земного шара, который мы видѣли на лету. Видишь: вотъ суша, вотъ моря. Эти черты означаютъ рѣки; вотъ, этими темными полосами изображаются горы; а кружѣчками города: вотъ напримѣръ и нашъ Петербургъ. У него кружокъ больше другихъ, потому что это главный городъ, столица государева. Тебя удивляетъ, зачѣмъ тутъ столько разныхъ красокъ? Чтобы отдѣлить одну землю отъ другой, края у каждой выкрашены особымъ цвѣтомъ. Еще ты хочешь знать: на что въ каждой землѣ столько особыхъ цвѣтныхъ полосъ? Послушай, вездѣ нуженъ порядокъ, а для порядка прежде всего надобно дѣлить все большое на части. Отъ того, напримѣръ, всякій домъ раздѣляется на квартиры, а квартиры на комнаты. Каково было бы, еслибъ цѣлый большой домъ состоялъ изъ одной квартиры и даже изъ одной комнаты для всѣхъ жильцовъ? Какой бы тутъ былъ порядокъ? Такъ и каждая земля дѣлится на нѣсколько частей, которыя называются *провинціями*, или какъ у насъ въ Россіи, *губерніями* и *областями*. Границы между этими частями очерчены ясно только на бумагѣ.

Этотъ искусственный шаръ называется *глобусомъ* [1]). Разумѣется, на

[1]) Globus, латинское слово.

немъ представлены только самыя главныя мѣста, да и то въ общемъ только очеркѣ. Напримѣръ, изъ городовъ показаны одни важнѣйшіе, и при томъ только кружечкомъ, въ которомъ не увидишь ни улицъ, ни домовъ. Чтобы немного подробнѣе изображать разныя мѣста, рисуютъ на особомъ листѣ не только каждую землю, но даже и каждую провинцію отдѣльно. Тутъ ужъ бываетъ видно гораздо болѣе важныхъ мѣстъ, нежели на глобусѣ. Каждый такой листъ называется *картой*, а собраніе такихъ картъ, составляющее цѣлую тетрадь или книгу, зовутъ *атласомъ* (французское слово). Рисунокъ же особаго города, съ означеніемъ всѣхъ его улицъ, церквей и главныхъ строеній называется *планомъ* такого-то города.

Такъ-то мы съ тобой сегодня видѣли (хоть въ мысляхъ) и самый земной шаръ, и его изображеніе на *глобусѣ* и на *картахъ*. А все-таки ты еще не знаешь, какъ слѣдуетъ, ни близкихъ, ни далекихъ мѣстъ. Нѣтъ, батюшка, для этого надобно поучиться. Есть особая наука, которая съ помощію глобуса и картъ *описываетъ землю*, почему и называется *землеописаніемъ* или по-гречески *Географіею*. Ты самъ понимаешь, что она не можетъ разсматривать *всѣхъ* мѣстъ, какія только есть на землѣ, а занимается только главными. Замѣть при томъ, что *Географія* разсматриваетъ землю вообще, какъ жилище рода человѣческаго, и что потому эта наука должна не только показать положеніе всякой страны и главныя въ ней мѣста, но сверхъ того объяснить, тепло-ли гдѣ или холодно, плодородна ли тамъ почва и какія произведенія она приноситъ; также: сколько тамъ жителей, чѣмъ они промышляютъ и тому подобное,

Когда ты будешь учиться Географіи, помни, что *близкое* надобно всегда знать лучше и подробнѣе, нежели *далекое*. Иначе будешь смѣшонъ. Въ нашей же Россіи такъ много замѣчательнаго и она такъ огромна, что тѣмъ болѣе должна обращать на себя особенное вниманіе наше. Стыдно рваться за границу въ гости къ иностранцамъ, когда еще не знаешь своего собственнаго отечества, и особенно такого отечества, какъ Россія. Иной думаетъ, будто за границею все гораздо лучше, будто и люди-то въ чужихъ краяхъ совсѣмъ другіе. Это — нелѣпая и непростительная ошибка. Такъ не будешь ты думать, если узнаешь свой собственный край. Вотъ что!

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ФРАНКЛИНА [1]).

Изучать жизнь и мнѣнія такого человѣка, каковъ былъ знаменитый Франклинъ, чрезвычайно важно для всякаго, кто заботится о своемъ нравственномъ усовершенствованіи. Желающіе вполнѣ воспользоваться наблюденіями и мудрыми правилами его, пусть прочтутъ книгу: „Записки о жизни и сочиненіяхъ Веньямина Франклина", переведенную на многіе языки. Вотъ страница, взятая нами изъ англійскаго подлинника.

„Отецъ мой очень дорожилъ тѣмъ, чтобы за столомъ его какъ можно чаще находилось нѣсколько друзей или образованныхъ сосѣдей, съ которыми бы можно было потолковать о дѣлѣ, и всегда старался завести рѣчь о какихъ-нибудь полезныхъ или занимательныхъ предметахъ, такъ чтобы, слушая такой разговоръ, дѣти его становились умнѣе. Такимъ образомъ онъ рано ужъ обратилъ вниманіе наше на все, что въ жизни человѣка справедливо, разумно и спасительно. Никогда не говорилъ онъ о кушаньяхъ, какія подавали на столъ, и не входилъ въ изслѣдованіе, хорошо или дурно они приготовлены, вкусны или нѣтъ, много или мало въ нихъ пряностей, лучше они или хуже другой пищи въ томъ же родѣ. Такъ, я съ самаго ранняго дѣтства пріученъ былъ вовсе не заниматься подобными предметами, и никогда не думалъ о томъ, какое предо мною блюдо, да и теперь даже я на ѣду обращаю такъ мало вниманія, что мнѣ трудно бы было черезъ нѣсколько часовъ послѣ обѣда сказать, изъ чего онъ состоялъ. Изъ этой привычки извлекъ я особенную пользу въ путешествіи: часто случалось мнѣ находиться въ обществѣ людей, которые, бывъ избалованы въ пищѣ, должны были терпѣть много неудобствъ, тогда какъ я вовсе не находилъ своего положенія тягостнѣе обыкновеннаго.

„Отецъ мой часто водилъ меня смотрѣть, какъ работаютъ каменщики, бочары, мѣдники, столяры и другіе ремесленники, чтобы подмѣтить, къ чему я чувствую особенную склонность, и привязать меня къ занятію, которое бы удержало меня на родинѣ. Плодомъ этихъ посѣщеній было то, что я впослѣдствіи страстно любилъ смотрѣть, какъ искусные работники занимаются своимъ дѣломъ, и не мало извлекъ изъ того пользы, именно пріобрѣлъ свѣдѣнія, съ помощію которыхъ самъ могъ изготовлять разныя мелочи, и когда по близости не было ремесленника, могъ дѣлать маленькіе снаряды для моихъ физическихъ опытовъ.

„Съ другомъ моимъ спорилъ я часто, и оба мы такъ любили переубѣждать одинъ другого, что спорить — было для насъ самымъ пріят-

---

[1]) „Звѣздочка" для ст. возр. 1845, ч. XVI, стр. 124.

нымъ занятіемъ. Но такая охота спорить, замѣчу мимоходомъ, опасна: она легко обращается въ дурную привычку, и сообщество человѣка становится несноснымъ, когда онъ ни съ чѣмъ не можетъ согласиться безъ противорѣчія. Эта привычка вноситъ непріязнь и ожесточеніе, не только въ разговоръ, но и въ отношенія людей, которые по всему должны бы быть друзьями. Ко мнѣ привилась она въ родительскомъ домѣ отъ чтенія спорныхъ богословскихъ сочиненій. Послѣ я замѣтилъ, что люди съ умомъ рѣдко впадаютъ въ это заблужденіе и всячески старался освободиться отъ него. Наконецъ, я пріучился выражаться скромно, и утверждая что-нибудь такое, что могло быть оспариваемо, никогда не употреблялъ словъ: „безспорно“, „несомнѣнно“ или тому подобныхъ, которыя могли возбудить подозрѣніе, будто я упорно привязанъ къ своему мнѣнію. Я лучше говорилъ: „Думаю, полагаю“, „мнѣ кажется, что то и то по такой-то причинѣ вотъ какъ должно быть“, или „если мнѣ сказали правду, то дѣло вотъ какъ было“. Я нахожу, что эта привычка принесла мнѣ великую пользу въ тѣхъ случаяхъ, когда я хотѣлъ другихъ убѣдить въ моемъ мнѣніи или склонить ихъ къ принятію мѣръ, которыя я предлагалъ. И такъ какъ всякій, разговаривая, имѣетъ въ виду поучать или поучаться, то я бы желалъ, чтобы умные и благомыслящіе люди не выражались слишкомъ рѣшительно и рѣзко, чѣмъ почти всегда возбуждается неудовольствіе слушателей и противорѣчіе. Англійскій поэтъ (Pope) очень справедливо говоритъ: „Надобно такъ поучать людей, какъ-будто вовсе не имѣешь намѣренія поучать ихъ, и неизвѣстное надобно сообщать, какъ-будто только забытое“.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

8-го февраля 1842 года [1]).

Всѣ ли вы, господа, и вы, милостивыя государыни, знаете, что значатъ слова: *университетъ* и *студентъ*? А пора узнать это, потому что, безъ сомнѣнія, многіе изъ васъ или изъ братцевъ вашихъ со временемъ будутъ студентами. Вы знаете, что такое школа, училище, пансіонъ. Это заведенія, въ которыхъ дѣти или молодые люди обучаются разнымъ наукамъ и искусствамъ. Университетъ есть также учебное заведеніе, но высшее; туда поступаютъ только такіе молодые люди, которые уже многому выучились и которымъ остается пріобрѣсти одни

[1]) „Звѣздочка“ 1842, ч. I, стр. 212.

высшія знанія по всѣмъ наукамъ. Ученики въ университетахъ называются *студентами*, а главные преподаватели *профессорами*. Одинъ изъ профессоровъ, по выбору всѣхъ прочихъ, управляетъ дѣлами всего университета и называется *ректоромъ*. У насъ въ Россіи есть университеты не только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, но также въ Казани, Харьковѣ, Кіевѣ (и проч.). Есть такое учрежденіе и въ Гельсингфорсѣ, главномъ городѣ Финляндіи; тамошній университетъ называется Александровскимъ по имени незабвеннаго императора Александра, которымъ онъ былъ облагодѣтельствованъ.

Я намѣренъ разсказать вамъ скромное, но трогательное празднество, совершившееся при Александровскомъ университетѣ въ прошлое воскресенье. Между профессорами его есть одинъ почтенный старичекъ, который — хотя ему уже болѣе шестидесяти лѣтъ — еще сохраняетъ всю свѣжесть и тѣлесныхъ и умственныхъ силъ. Живя умѣренно, гуляя всякій день на чистомъ воздухѣ, а лѣтомъ переселяясь въ деревню, онъ, не смотря на постоянные труды свои, всегда здоровъ и веселъ. Своими изслѣдованіями природы г. Гельстремъ (Hällström — такъ его зовутъ) извѣстенъ ученымъ людямъ во всей Европѣ; но онъ такъ скроменъ, что по его обращенію никакъ нельзя догадаться, какъ онъ ученъ и славенъ. Его кротость, простота, привѣтливая и живая рѣчь снискиваютъ ему любовь и уваженіе всякаго. Принадлежа къ духовному званію, онъ всегда носитъ длинный черный кафтанъ, и отъ этой одежды сѣдые волосы его, блѣдное, выразительное лицо, словомъ, вся наружность Гельстрема кажутся еще почтеннѣе.

Этотъ замѣчательный старичекъ самъ учился нѣкогда въ финляндскомъ университетѣ. Въ прошедшее воскресенье минуло ровно пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ записался въ студенты. Весь университетъ съ искреннимъ участіемъ вспомнилъ это и захотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы изъявить любимому профессору свою непритворную привязанность. Надобно прибавить, что онъ во всѣ пятьдесятъ лѣтъ никуда не отлучался отъ университета (въ деревнѣ живетъ онъ только во время каникулъ), и въ продолженіе сорока одного года былъ профессоромъ, слѣдовательно, постоянно трудился.

Вотъ 8-го февраля, въ 9 часовъ утра, множество студентовъ, съ позволенія ректора, отправилось къ дому Гельстрема. Нѣкоторые изъ нихъ вошли въ домъ и отъ имени всѣхъ чистосердечно поздравили своего почтеннаго наставника; а другіе между тѣмъ, стоя на дворѣ, пропѣли стихи, написанные по этому случаю. Между тѣмъ пріѣхалъ и вице-канцлеръ [1]) университета, Александръ Петровичъ Теслевъ, чтобы также поздравить старца. Потомъ, по желанію этого

[1]) Главный начальникъ Александровскаго университета называется канцлеромъ, а слѣдующій за нимъ вице-канцлеромъ.

добраго начальника, который и самъ уже покрытъ сѣдинами, студенты подняли своего знаменитаго профессора на креслахъ и такимъ образомъ вынесли его на крыльцо, гдѣ онъ встрѣченъ былъ громкими ура всего собранія.

Этого было еще не довольно. Въ тотъ же день ректоръ далъ въ честь Гельстрема богатый обѣдъ, на который пригласилъ всѣхъ прочихъ профессоровъ, многихъ другихъ особъ и нѣсколькихъ студентовъ. Въ концѣ обѣда ректоръ всталъ съ своего мѣста и, объяснивъ краткою рѣчью, въ чемъ состояло дѣло, изъявилъ въ трогательныхъ словахъ общее уваженіе къ виновнику праздника и предложилъ всѣмъ выпить за его здоровье. Послѣ сердечнаго тоста студенты запѣли новые прелестные стихи опять въ честь профессора, который по окончаніи пѣнія всталъ и съ чувствомъ выразилъ свою благодарность за такіе знаки участія. Но всего пріятнѣе были поражены присутствовавшіе, когда онъ, кончая свою рѣчь, вынулъ изъ кармана сложенную бумагу, и въ шутку, но съ важнымъ видомъ подалъ ее ректору, говоря, что онъ, какъ и всякій другой студентъ, считаетъ долгомъ представить начальству документъ на свое званіе. Эта бумага была то самое свидѣтельство, которое онъ, ровно за пятьдесятъ лѣтъ, 8-го февраля 1792 года, получилъ при поступленіи въ студенты. Всѣ съ умиленіемъ улыбнулись при этой милой шуткѣ; ветхая бумага начала ходить изъ рукъ въ руки. Въ заключеніе всего всталъ вице-канцлеръ, который почтилъ этотъ обѣдъ своимъ присутствіемъ, и предложилъ тостъ за благоденствіе университета и всѣхъ къ нему принадлежащихъ.

Вотъ какъ истинное достоинство признается и цѣнится всѣмъ, что его окружаетъ. Молодой другъ! случится ли и тебѣ быть студентомъ, или судьба поставитъ тебя на другой путь, береги честь смолоду; старайся усердными, постоянными трудами заслужить въ своемъ кругу такое же уваженіе, какое снискалъ нашъ старичекъ; поступай всегда такъ, чтобы на старости имѣть въ утѣшеніе... по крайней мѣрѣ чистую совѣсть и доброе имя!

ЕПИСКОПЪ ФРАНЦЕНЪ [1]).

I.

Въ Швеціи, гдѣ почти всѣ жители — лютеране, дѣлами религіи завѣдываютъ епископы, изъ которыхъ главный, подъ именемъ архіепископа, всегда живетъ въ городѣ Упсалѣ. Что касается до осталь-

[1]) „Звѣздочка“, 1845, ч. II, стр. 79.

ныхъ, то каждый имѣетъ свою епархію и тамъ постоянно живетъ въ назначенномъ городѣ. Къ числу такихъ мѣстъ принадлежитъ и городокъ Гернесандъ (Hernösand) при Ботническомъ заливѣ, верстъ 450 къ сѣверу отъ Стокгольма. Нынѣшній Гернесандскій епископъ и есть — Францъ Михаилъ Франценъ (Franzén) [1]).

Помнишь ли ты, любезный другъ, старичка Гельстрема, котораго я тебѣ описалъ, разсказывая недавно о празднествѣ пятидесятилѣтняго студента? Ну, такъ теперь я скажу тебѣ, что между нимъ и Франценомъ много общаго. Оба они старички, только Франценъ еще постарше: ему въ прошломъ февралѣ мѣсяцѣ минуло 70 лѣтъ! Оба они финляндцы, оба учились (почти въ одно время) въ томъ же университетѣ и потомъ были профессорами при немъ, оба умные, почтенные люди, и оба носятъ черный пасторскій кафтанъ. Даже и въ наружности и въ обращеніи ихъ есть нѣкоторое сходство: Франценъ также не высокъ и худощавъ, также скроменъ и привѣтливъ; только въ немъ (даромъ что онъ старше) еще болѣе живости, а въ его рѣчи убѣдительная сладость.

Франценъ родился въ отдаленномъ финляндскомъ городѣ Улеаборгѣ. Тамъ отецъ его занимался торговлею. Маленькій Францъ Михаилъ былъ живъ и рѣзовъ, однакожъ не пренебрегалъ и ученіемъ; напротивъ, онъ былъ очень прилеженъ и съ жадностію читалъ всѣ книги, какія могъ достать: ему не нравилось званіе отца и ужъ тогда хотѣлось сдѣлаться ученымъ. На четырнадцатомъ году отъ рожденія онъ, благодаря своимъ хорошимъ способностямъ и старательности, имѣлъ уже столько познаній, что могъ опредѣлиться въ университетъ. Здѣсь всѣ молодые финляндцы, которые готовятся къ званію чиновника, пастора, ученаго, получаютъ окончательное образованіе. Въ то время финляндскій университетъ находился въ старинномъ городѣ Або, гдѣ онъ былъ учрежденъ въ 1640 году. Сдѣлавшись студентомъ, Франценъ началъ трудиться еще усерднѣе, и черезъ четыре года выдержалъ блестящій экзаменъ. Прошло еще три года, и двадцатилѣтній Франценъ былъ уже въ числѣ младшихъ преподавателей университета, а когда ему минуло 26 лѣтъ, онъ назывался уже профессоромъ и преважно читалъ съ каѳедры лекціи о литературѣ.

Это было въ 1798-мъ году, а еще до того онъ назначенъ былъ на должность библіотекаря при университетѣ. Между тѣмъ успѣлъ онъ побывать и въ чужихъ краяхъ, и въ одинъ годъ объѣздилъ Данію, Германію, Францію и Англію.

II.

Бывши при университетѣ, Франценъ однакожъ находилъ время и для удовольствій, особенно послѣ того, какъ выдержалъ экзаменъ и

[1]) Это писано въ 1842-мъ году; въ 1847-мъ Франценъ скончался.

сталъ свободнѣе. Пока надобно учиться, не много остается досуга на забавы: тутъ только лѣнтяю или глупому простительно убивать время пустяками. Но и послѣ Франце́нъ былъ необыкновенно дѣятеленъ и рѣдко позволялъ себѣ отдыхъ. Это доказывается удивительнымъ множествомъ ученыхъ разсужденій (диссертацій), которыя онъ, бывъ при Университетѣ, сочинилъ въ разное время на латинскомъ языкѣ.

Можетъ быть, слова: разсужденіе, сочиненіе кажутся тебѣ дикими, и ты съ ужасомъ помышляешь о томъ времени, когда и тебѣ придется сочинять, да еще разсужденія! Однакожъ повѣрь мнѣ: это напрасный страхъ. Я тебѣ скажу, что сочинять и говорить значитъ одно и то же. Зачѣмъ ты говоришь? затѣмъ, чтобъ выразить то, что думаешь, чувствуешь, чего желаешь или требуешь. Ну, для того же и сочиняютъ. Но разумѣется, необходимо напередъ самому хорошенько знать то, о чемъ хочешь говорить или сочинять. Когда не знаешь, что сказать, то иногда запутаешься въ словахъ. Такъ-то и сочинять трудно тому, у кого въ головѣ нѣтъ мыслей, а когда самъ ясно понимаешь дѣло, то слова такъ и льются. Вотъ отчего теперь, когда ты еще только начинаешь развиваться, тебѣ, конечно, не легко, да и невозможно было бы сочинить что-нибудь дѣльное. Поучись же ты нѣсколько лѣтъ прилежно и умно, т. е. такъ, чтобы всякое словечко понимать, а не только заучивать, да привыкни самъ размышлять обо всемъ, что видишь, слышишь или читаешь, однимъ словомъ, привыкни думать: увидишь, какое простое дѣло — сочинять! — Перо у тебя пойдетъ по бумагѣ, какъ сыръ по маслу!

III.

Есть люди, которые отъ природы надѣлены особенною легкостью сочинять. Такою способностью отличался и Франце́нъ съ самой молодости. Съ 1794-го года началъ онъ издавать Абоскую газету. Вѣроятно, ты самъ еще не читаешь газетъ; однакожъ ты, конечно, часто ужъ видывалъ то, что такъ называется. Но размышлялъ ли ты когда-нибудь: что это за вещь? Видишь ли: всякому человѣку хочется знать не только то, что вокругъ него дѣлается, но и то, что происходитъ въ другихъ, близкихъ и далекихъ мѣстахъ. Вездѣ живутъ такіе же люди, какъ мы, и хоть есть разные народы, во многомъ на насъ не похожіе, но все-таки они намъ не чужіе; у всѣхъ жизнь одна и та же, у всѣхъ одно солнце, одинъ Богъ. Итакъ наше любопытство очень естественно. Сверхъ того, многое нужно знать, напримѣръ: гдѣ что достать, гдѣ что продается, и тому подобное. Кто со многими людьми видится, тотъ многое узнаетъ изъ разговоровъ, но ему и этого еще не довольно; а кто все сидитъ дома да остается одинъ, тотъ и со-

всѣмъ не услышитъ ничего новаго. Вотъ для чего иные люди рѣшились собирать всѣ новости, которыя поважнѣе да позанимательнѣе, и печатать ихъ въ назначенные сроки для всѣхъ любопытствующихъ. Такіе-то листы съ разными извѣстіями и получили названіе *газетъ*, или *вѣдомостей*. Однакожъ, какъ иной разговоръ бываетъ вялъ, скученъ, или наполненъ сплетнями, даже враньемъ; такъ и газета иная бываетъ такова же. Надобно умѣть выбирать ихъ.

Газета, которую Францёнъ началъ издавать, заключала въ себѣ не однѣ новости, но и разныя мелкія сочиненія. Она выходила въ свѣтъ два раза въ недѣлю маленькими полулистами.

Въ ней Францёнъ часто печаталъ между прочимъ свои стихи. Да, онъ отъ природы получилъ необыкновенное дарованіе писать стихами. Странное дѣло: всему на свѣтѣ можно научиться — будь только прилеженъ и терпѣливъ; а искусству писать стихи никакъ не научишься, какъ ни ломай голову, какъ ни натуживайся: для этого непремѣнно надобно родиться съ особеннымъ талантомъ, который дается рѣдко — надобно родиться поэтомъ. Правда, и съ талантомъ нужно много еще трудиться, много пріобрѣсть навыка, чтобы писать стихи въ полномъ смыслѣ прекрасные; правда и то, что иной, хоть и не родился истиннымъ поэтомъ, можетъ большими усиліями, наконецъ, набить себѣ руку и писать стихи очень изрядные. Однакожъ, есть въ стихахъ настоящаго поэта, даже и того, который еще не успѣлъ хорошенько образоваться, что-то такое, чѣмъ онъ рѣзко отличается отъ стихотворца безъ дарованія, и чего никакъ нельзя перенять. Это, мой другъ, то, что называется *поэзіей* и что такъ трудно опредѣлить.

Нѣкоторые воображаютъ, что поэзія есть что-то мудреное, высокопарное, понятное только для немногихъ. Совсѣмъ нѣтъ: все, что нравится нашей душѣ, что трогаетъ или тревожитъ ее, все, что ей какъ-будто бы сродни, все то относится къ поэзіи. Часто въ стихахъ ничего нѣтъ необыкновеннаго; въ нихъ говорится только о самыхъ ежедневныхъ вещахъ и притомъ говорится очень просто, а между тѣмъ всѣ или почти всѣ восхищаются этими стихами, и всѣ согласны, что въ нихъ много поэзіи. Ну, да напримѣръ басни Крылова... Не правда ли, онѣ и тебѣ нравятся? А что же въ нихъ нравится тебѣ? замысловатыя выдумки, пріятный, простодушный разсказъ и описанія, въ которыхъ такъ много правды и живости, что тебѣ кажется, будто ты все самъ видишь своими глазами! Вотъ въ чемъ состоитъ поэзія басенъ Крылова. Стало быть, поэзія есть во всемъ, и въ важномъ и въ неважномъ, и всякій болѣе или менѣе чувствуетъ ее, хоть иногда и самъ того не предполагаетъ. Но выражать ее, сочинять поэтическіе стихи — вотъ искусство, для котораго надобно родиться поэтомъ.

Многіе, замѣчая въ себѣ нѣкоторое расположеніе къ поэзіи, воображаютъ, что у нихъ есть и талантъ къ стихотворству. И они дѣй-

ствительно пишутъ стихи, но такіе, въ которыхъ нѣтъ поэзіи. Не понимая настоящаго ея значенія, эти люди по большей части выбираютъ для своихъ стиховъ предметы самые необыкновенные, даже страшные, и силятся выразить чувства, которыхъ сами никогда не испытывали. Отъ того въ ихъ стихахъ читатель находитъ какія-то странныя идеи, не такія, которыя сами собой, безъ принужденія, родятся въ разумной душѣ человѣческой; выраженія и слова у нихъ все такія принужденныя, вычурныя, кудрявыя; короче, ни въ чемъ нѣтъ ни правды, ни простоты.

Такихъ стиховъ, къ несчастію, является гораздо болѣе, нежели хорошихъ, и отъ того многіе, не понимая, что это стихи-уроды, смѣшиваютъ ихъ съ поэзіею и презираютъ ее. Но отъ чего же люди такъ часто берутся не за свое дѣло и насильно хотятъ быть стихотворцами? Ихъ привлекаетъ слава настоящихъ поэтовъ; но они становятся только рифмачами, стихоплетами, вмѣсто славы наживаютъ одинъ стыдъ и насмѣшки. Эти же люди — еслибъ занялись чѣмъ-нибудь другимъ, что́ по ихъ силамъ — могли бы сдѣлаться полезными и даже дѣйствительно пріобрѣсти славу. Я надѣюсь, что молодой мой читатель не захочетъ принадлежать къ числу такихъ жалкихъ людей и никогда не начнетъ писать стиховъ для того только, чтобъ прослыть поэтомъ. Лучше, мой другъ, займись хорошенько науками, а о сочиненіи стиховъ и не думай, чтобъ не терять времени.

Но любить поэзію, любить стихи, въ которыхъ она есть — это дѣло другое, это должно быть свойственно всякому образованному и чувствительному человѣку.

Еслибъ ты могъ читать Франце́на въ подлинникѣ, то — повторяю — многое у него понравилось бы тебѣ. Вотъ онъ-то особенно выбиралъ всегда для стиховъ самые простые предметы, въ которыхъ обыкновенный человѣкъ никогда бы и не замѣтилъ ничего занимательнаго. Но Франце́нъ всегда умѣетъ или найти въ нихъ поэтическую сторону, или показать между ними такую неожиданную связь, что его стихи производятъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе.

IV.

Возьмемъ для примѣра *лицо человѣческое*. Сколько лицъ всякій изъ насъ безпрестанно встрѣчаетъ, и знакомыхъ и новыхъ, иногда безобразныхъ, иногда обыкновенныхъ, но часто и красивыхъ! Однакожъ, кому изъ насъ приходило въ голову сочинить стихи на человѣческое лицо? кто изъ насъ нашелъ его поэтическую сторону? — А Франце́нъ былъ догадливѣе насъ! Да; одно изъ лучшихъ его стихотвореній написано имъ въ молодости о лицѣ нашемъ. Постараюсь показать тебѣ, какъ онъ понялъ человѣческое лицо.

Сначала онъ воображаетъ, что насталъ седьмой день творенія; земля и небо уже блестятъ своими сокровищами; „но еще природѣ недостаетъ лучшаго украшенія, творенію не достаетъ вѣнца. Наконецъ человѣкъ изъ пыли поднялъ лицо свое, поднялъ глаза.

„Снѣгъ на горахъ потерялъ бѣлизну свою, утренняя заря померкла; прекрасное свѣтило дня не захотѣло долѣе оставаться надъ землею“ (отъ того, что все это чувствовало ничтожность своей красоты предъ лицомъ человѣческимъ и какъ-будто стыдилось ея).

„Звѣри благоговѣйно преклонились предъ глазами, поднявшимися изъ праха, предъ глазами, въ которыхъ улыбались красота и любовь, въ которыхъ вмѣстѣ съ слезами горести сіяла и безсмертная надежда“ (да, потому что на землѣ больше горя, нежели радости, больше слезъ, нежели смѣха, и одно утѣшеніе — надежда на будущую жизнь. Замѣть еще: въ этихъ глазахъ сіяютъ красота и любовь, отраженіе Божества, то, чего нѣтъ въ глазахъ у звѣрей, которые поэтому и склонились передъ человѣкомъ).

„Ангелы“ (слышишь: даже ангелы!) „стоятъ въ изумленіи, видятъ говорящія прелести и смотрятъ на Творца. Онъ наложилъ свою печать на твореніе Свое, и въ немъ видитъ Свой образъ, и улыбается“.

„Вы, которые восклицаете: въ веществѣ не скрывается души, все — только прахъ! Безумцы! подите къ источнику: въ немъ посмотрите на лицо свое — замолчите и стыдитесь!“ и такъ далѣе.

Потомъ въ концѣ онъ еще говоритъ:

„Отблескъ неба на землѣ, образъ ангельскій между безсловесныхъ тварей, лицо человѣческое! однихъ ли смертныхъ ты украшаешь? не будешь ли ты еще и въ вѣчности сіять то слезами, то улыбкой?

„О, да! лицо моей Сельмы“ (подъ этимъ именемъ онъ разумѣетъ, вѣроятно, знакомую красавицу) „приведетъ въ умиленіе и ангеловъ, когда они въ своемъ хорѣ услышатъ ея голосъ. Сельма! еще и въ чертогахъ небесныхъ мнѣ можно будетъ любоваться тобою!“

Вотъ, мой читатель, какъ поэтъ смотритъ на лицо человѣческое: онъ не просто видитъ въ немъ носъ, ротъ и глаза: нѣтъ, онъ видитъ въ немъ выраженіе Вѣчнаго, Премудраго Творца: въ глазахъ видитъ безсмертную душу, а съ нею и умъ и любовь и красоту и все, что намъ даетъ право называть себя дѣтьми Божіими.

Въ подлинникѣ пьеска: *Лицо человѣческое* написана прелестными стихами. Вообще всѣ первыя стихотворенія Францѣна поражали шведовъ, которые въ то время привыкли къ сочиненіямъ совсѣмъ другого рода. Вдругъ они услышали стихи, въ которыхъ не было ничего натянутаго, поддѣльнаго, мудренаго, а все такъ естественно, просто, мило, и вмѣстѣ легко, благозвучно. Они тотчасъ признали Францѣна настоящимъ, рѣдкимъ поэтомъ, и имя его вскорѣ стало извѣстнымъ во всей Швеціи. Я забылъ сказать тебѣ, что въ то время Финляндія

была шведскою областію, почему ея жители и говорили (какъ и теперь еще говорятъ) по-шведски. Особенно понравилось всѣмъ стихотвореніе: *Лицо человѣческое*. Чтобы судить, какъ имъ восхищались, выслушай маленькій анекдотъ. Въ городѣ Лундѣ (тамъ есть университетъ) былъ необыкновенно ученый и немного странный профессоръ, Норбергъ. Францѣнъ, пріѣхавъ въ Швецію, счелъ обязанностью посѣтить его. „Какъ тебя зовутъ?“ спросилъ довольно сухо Норбергъ, и когда услышалъ имя Францѣна, то продолжалъ съ живостью: „Тотъ ли это, что написалъ *Человѣческое лицо*?“ Утвердительный отвѣтъ чрезвычайно расшевелилъ профессора. Онъ тотчасъ выбѣжалъ изъ своего кабинета; растворилъ настежь дверь въ комнату своей жены и дочерей, и едва дыша отъ радости, закричалъ имъ: „Сегодня у насъ будетъ праздникъ! У насъ въ гостяхъ тотъ, кто написалъ *Человѣческое лицо*!“

Въ 1810 г. Францѣнъ издалъ въ первый разъ цѣлую книжку своихъ стихотвореній, и почти всѣ они прелестны. Въ нихъ столько дѣтской невинности и простоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и столько глубокаго смысла. Францѣнъ всегда сочинялъ очень свободно и скоро, не такъ какъ тѣ рифмоплеты, о которыхъ нашъ извѣстный поэтъ Дмитріевъ говоритъ:

„Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно ужъ весь приложитъ разумъ свой!
. . . . . .
Судите-жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
. . . . . .
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
. . . . . .
Такъ громко, высоко!.. а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!“

Впрочемъ, просто выражаться не всякому такъ легко, какъ Францѣну. Иногда и истинному поэту много надобно ломать себѣ голову, пока удастся выразить мысль, какъ можно вѣрнѣе и проще. Хоть ты и не поэтъ, однакожъ, и тебѣ я бы совѣтовалъ: что бы ты ни писалъ, хотя простое письмо или даже записочку, всегда придумывай такія слова, чтобъ ужъ лучше, т. е. яснѣе, короче и проще никто не могъ выразиться. Ты увидишь, какъ зато послѣ тебѣ легко будетъ писать, если послушаешься моего совѣта.

Съ 1811 г. Францѣнъ живетъ въ Швеціи. Поступивъ еще прежде въ духовное званіе, онъ получилъ тамъ мѣсто пастора. Въ этой должности написалъ онъ много прекрасныхъ проповѣдей и другихъ рели-

гіозныхъ сочиненій. Сверхъ того, онъ избранъ былъ въ члены двухъ Академій, и оказалъ новую заслугу множествомъ ученыхъ сочиненій; между ними особенно замѣчательны *Жизнеописанія* знаменитыхъ людей: съ 1812-го года онъ до сихъ поръ каждый годъ приготовлялъ по одному такому жизнеописанію. Онъ еще написалъ множество самыхъ разнообразныхъ сочиненій, которыя, однакожъ, не всѣ равно превосходны. Еще и теперь, не смотря на свою глубокую старость, онъ такъ бодръ духомъ и такъ дѣятеленъ, что часто прибавляетъ новые труды къ прежнимъ.

V.

Но ты до сихъ поръ слышалъ отъ меня все только о сочиненіяхъ, объ учености и способностяхъ Францѣна, а еще не можешь судить объ его характерѣ и дѣлахъ. Между тѣмъ въ нихъ-то и состоитъ вся важность. Иногда можно быть отличнымъ сочинителемъ и дурнымъ человѣкомъ. Мы рождены не на то, чтобъ сочинять, а чтобы упражняться въ добрѣ и все становиться лучше. На томъ свѣтѣ у насъ не спросится, что мы сочинили или написали, а что сдѣлали.

Есть люди, которые говорятъ и пишутъ одно, а дѣлаютъ другое. Къ счастію, о Францѣнѣ этого нельзя сказать. Онъ всегда былъ такой же добрый христіанинъ, какъ и умный писатель. Еще въ молодости онъ всѣмъ нравился своею почти дѣвическою скромностію, хотя въ то же время въ характерѣ его была чрезвычайная живость. Всякій, кто знакомился съ нимъ, тотчасъ начиналъ и любить его. Онъ не только никого не оскорблялъ своимъ обращеніемъ, но и втайнѣ никогда не гордился своимъ достоинствомъ и талантомъ: онъ слишкомъ хорошо понималъ, что всѣмъ, что въ насъ есть лучшаго, мы обязаны не себѣ, а Богу и только съ Его помощью можемъ сдѣлать что-нибудь годное. Но какъ нѣтъ человѣка безъ слабостей, такъ и у Францѣна были свои недостатки. Напримѣръ, онъ всегда былъ чрезвычайно разсѣянъ. Вообрази, что однажды онъ собрался итти со двора въ халатѣ, и когда ему кто-то въ сѣняхъ замѣтилъ это, то онъ воротился и только поправился передъ зеркаломъ, въ которомъ увидѣлъ себя — такъ ему казалось — одѣтымъ, какъ слѣдуетъ: что-жъ это было за чудное зеркало?.. Это былъ — его портретъ, гдѣ живописецъ представилъ его въ пасторскомъ одѣяніи! — Видно, портретъ былъ очень удаченъ, когда Францѣнъ могъ принять его за свое отраженіе въ зеркалѣ. Къ счастію, на ту пору вошелъ кто-то въ комнату, и вывелъ его изъ заблужденія.

Не стану распространяться о нравственномъ достоинствѣ Францѣна: его душа вся вылилась въ его сочиненіяхъ. Правда (какъ я сказалъ), что человѣкъ на письмѣ иногда можетъ притворствовать; но все-же, какъ кто ни хитри, а невозможно въ сочиненіи показать доброе сердце

и благородный образъ мыслей, когда на дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другого. Обманъ непремѣнно обнаружится въ самомъ способѣ, какъ выражаешься. Почти всегда можно узнать человѣка по тому, что онъ пишетъ.

Стало быть, Францѣнъ не даромъ носитъ — ужъ одиннадцатый годъ — званіе епископа, т. е. высшее духовное званіе въ Швеціи, и не даромъ грудь его украшена двумя почетными орденами. Еще есть у него два сокровища, которыми онъ не менѣе дорожитъ. Ты вѣрно знаешь, что въ древности самою лестною наградою служилъ лавровый вѣнокъ, почему онъ и нынѣ еще означаетъ *славу*. Вотъ при финляндскомъ университетѣ есть обычай, что молодой человѣкъ, выдержавшій экзаменъ въ опредѣленныхъ наукахъ, торжественно увѣнчивается лавровымъ вѣнкомъ. Такъ-то и Францѣнъ получилъ въ 1798 году такой же вѣнокъ. Еще есть въ томъ университетѣ обыкновеніе, что кто удостоился этого отличія, тотъ черезъ 50 лѣтъ можетъ опять туда явиться и обновить свой вѣнокъ, т. е. вмѣстѣ съ молодыми людьми, въ первый разъ заслужившими его, опять быть увѣнчаннымъ. Въ 1840 году были въ Александровскомъ университетѣ большіе праздники по тому случаю, что тогда прошло 200 лѣтъ со времени его основанія. Тогда же многіе молодые люди получили тамъ лавровые вѣнки, а между ними сидѣлъ и старичекъ Францѣнъ, который нарочно для того пріѣхалъ изъ Швеціи. Вотъ какимъ образомъ ему досталось два лавровыхъ вѣнка, и онъ хранитъ какъ ихъ драгоцѣнность, потому что одинъ напоминаетъ ему первую заслугу молодости, купленную благородными усиліями, а другой — ту общую радость, то непритворное почтеніе, съ какими онъ черезъ полвѣка послѣ того былъ принятъ въ мѣстѣ своего воспитанія.

Въ Францѣнѣ ты узналъ человѣка, который не только по своему таланту и сочиненіямъ, но и по другимъ заслугамъ своимъ занимаетъ важное мѣсто между замѣчательными европейцами нашего времени. Къ нему можно примѣнить тѣ же слова — не помню чьи — которыми воспользовался нашъ поэтъ Батюшковъ, говоря о трудахъ добродѣтельнаго Михаила Никитича Муравьева:

„Счастливъ тотъ, кто можетъ жить, какъ писалъ, и писать, какъ жилъ!“ —

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ ДЛЯ БѢДНЫХЪ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ [1]).

I.

Иностранцы, осматривающіе Петербургъ со вниманіемъ, особенно удивляются тому множеству богоугодныхъ заведеній, какое онъ вмѣ-

---

[1]) „Звѣздочка“, 1842, ч. VI, стр. 81.

щаетъ въ себѣ. Ни въ одной изъ другихъ столицъ Европы нѣтъ такого изобилія въ домахъ, гдѣ безпріютные находятъ кровъ, сирые и вдовы — призрѣніе, бѣдные — пропитаніе, больные — врачебную помощь, а молодые люди — всѣ способы къ образованію. Ни въ какомъ другомъ краѣ правительство не печется съ такою отеческою любовію, съ такими великими пожертвованіями о благоденствіи народа. Конечно, русскій Государь богатъ, но зато сколько у Него и подданныхъ!

Всякій разъ, когда рѣчь идетъ о человѣколюбивыхъ учрежденіяхъ въ Россіи, можно ли не благословить снова памяти покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны! Ея спасительная рука посадила въ нашемъ отечествѣ исполинское древо благотворительности, которое своими широкими вѣтвями конечно еще много вѣковъ будетъ осѣнять нуждающихся дѣтей Россіи, и котораго плоды, безъ сомнѣнія, изъ году въ годъ будутъ обильнѣе. Желающіе имѣть понятіе о неимовѣрной дѣятельности этой доброй Государыни на пользу страждущаго человѣчества, могутъ прочесть о томъ въ другомъ мѣстѣ. Мы напомнили о ней только какъ о главной виновницѣ дѣла, которое и нынѣ продолжается съ прежнимъ блескомъ и даже безпрестанно совершенствуется подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Посѣтивъ недавно одно изъ прекрасно-устроенныхъ заведеній, имѣющихъ счастье состоять подъ верховнымъ управленіемъ Ея Величества, мы пользуемся случаемъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Дѣло идетъ о *Демидовскомъ домѣ призрѣнія трудящихся*. Это заведеніе находится на Мойкѣ, противъ Новой Голландіи, и существуетъ съ 1833-го года. Оно названо по имени своего основателя, Анатолія Николаевича Демидова, извѣстнаго множествомъ значительныхъ пожертвованій на благотворительныя или другія полезныя учрежденія. Вотъ примѣръ богачамъ: многіе ли изъ нихъ такъ благородно употребляютъ свои огромныя средства? Имѣть много денегъ — еще не великое достоинство; но имѣя, обращать ихъ ко благу человѣчества, на пользу просвѣщенія, въ пособіе неимущимъ — это государственная и очень важная заслуга. Въ числѣ подобныхъ благодѣяній А. Н. Демидовъ назначилъ 500.000 рублей на учрежденіе въ Петербургѣ такого дома, гдѣ бѣдные люди всякаго званія могли бы спокойно трудиться и безъ хлопотъ сбывать свои труды. Съ такою цѣлію оно было открыто въ 1833-мъ году; мало-по-малу назначеніе его распространялось, и теперь Демидовскій домъ состоитъ изъ четырехъ отдѣленій. Давно уже зная его по наслышкѣ, мы въ одно воскресенье отправились осмотрѣть его. Директоръ заведенія, А. П. Турчаниновъ, который какъ истинный отецъ печется о людяхъ, ввѣренныхъ его надзору, и дѣятельно способствуетъ къ улучшенію судьбы ихъ, принялъ насъ очень радушно и самъ водилъ по всѣмъ отдѣленіямъ. Сперва вошли мы въ столовую,

гдѣ за длинными столами обѣдало множество молодыхъ дѣвушекъ, просто, но опрятно одѣтыхъ. Это были воспитанницы камеръ-юнгферской школы, учрежденной при Демидовскомъ домѣ. Здѣсь бѣдныя дѣвушки, отчасти сироты, готовятся служить со временемъ камеръ-юнгферами въ частныхъ домахъ; онѣ за самую умѣренную плату получаютъ содержаніе и обучаются Закону Божію, русскому языку, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, но особенно разнымъ рукодѣліямъ, которыя всего болѣе соотвѣтствуютъ ихъ назначенію. Въ этой школѣ есть особая комната для упражненія въ рукодѣліяхъ; тутъ разставлены шкапы съ бѣльемъ и столы для работы; тутъ устроена и печка, гдѣ воспитанницы сами могутъ нагрѣвать плитки для глаженія, и прочее.

II.

Изъ камеръ-юнгферской школы мы попали въ отдѣленіе трудящихся. Мы увидѣли большія комнаты съ постелями и столами, у которыхъ сидѣли дамы, чисто одѣтыя, за работою. Здѣсь живутъ на всемъ готовомъ бѣдныя женщины; онѣ шьютъ бѣлье, платье, перчатки, вышиваютъ, и заведеніе продаетъ ихъ издѣлія; вырученныя же деньги предоставляетъ самимъ трудящимся, удерживая только бездѣлицу на ихъ содержаніе. Разумѣется, что такой ничтожной суммы недостаточно для доставленія трудящимся всего нужнаго; но главная цѣль этого заведенія есть благотворительность, и оно большую часть издержекъ беретъ на себя.

Есть также бѣдныя, которыя въ заведеніе только приходятъ за работою, а занимаются у себя на дому. Надобно знать, что при Демидовскомъ домѣ есть магазинъ, гдѣ выставляются и продаются издѣлія, приготовляемыя какъ въ камеръ-юнгферской школѣ, такъ и въ отдѣленіи трудящихся. Тамъ же принимаются для продажи и такія работы, которыя приносятся разными бѣдными людьми, не принадлежащими къ заведенію. Что же касается до живущихъ тамъ или приходящихъ туда за работою, то заведеніе передаетъ имъ всѣ заказы, которые оно, пользуясь общею довѣренностію, получаетъ съ разныхъ сторонъ. Само собою разумѣется, что издѣлія, по такимъ заказамъ приготовленныя, поступаютъ не въ магазинъ, при Домѣ находящійся, а прямо въ руки того, кто ихъ заказывалъ. Какъ выгодно положеніе бѣдныхъ, принимаемыхъ въ это заведеніе на жительство, — вы можете судить по тому, что изъ семидесяти женщинъ, которыя жили здѣсь въ 1841 году, многія получили за годовую работу свою чистой прибыли отъ шестидесяти до ста восьмидесяти пяти рублей серебромъ. Притомъ живущія здѣсь дамы пользуются всею свободою, какая только совмѣстна съ порядкомъ, напримѣръ могутъ всегда отлучаться по своимъ надобностямъ. Въ обращеніи съ ними директора видно про-

свѣщенное человѣколюбіе и искреннее добродушіе. При насъ онъ одну изъ нихъ обрадовалъ извѣстіемъ, что маленькій сынъ ея принятъ на казенный счетъ въ какое-то учебное заведеніе. Для доставленія имъ новаго удобства, устраивается особенная кухонка, гдѣ бы онѣ съ соблюденіемъ должной опрятности могли варить себѣ кофе (этотъ любимый напитокъ нѣкоторыхъ сословій петербургскихъ жителей и особливо жительницъ).

III.

Мы перешли въ комнату, гдѣ за столами, лишенными всякихъ принадлежностей роскоши, сидѣли люди, о которыхъ, по ихъ разнообразной убогой одеждѣ, съ перваго взгляда не трудно было составить себѣ понятіе. Съ 1839 года, въ Демидовскомъ домѣ всякій бѣдный, если онъ представитъ свидѣтельство о своемъ затруднительномъ положеніи, можетъ ежедневно получать обѣдъ за самую низкую плату: за всякій разъ берутъ съ человѣка по 12-ти копѣекъ мѣдью, а за цѣлый мѣсяцъ по 1 рублю серебромъ. Обѣдъ состоитъ изъ двухъ самыхъ простыхъ, но свѣжихъ и вкусныхъ блюдъ: изъ щей или супа и гречневой каши. Каждому выдается равная порція, къ которой слѣдуетъ еще по фунту ржаного хлѣба. Сверхъ того дается квасъ. Для полученія этого обѣда, за которымъ можно и присылать, надобно каждый разъ предъявить въ столовой особенный билетъ, выданный отъ заведенія. Раздача пищи происходитъ всякій день отъ 11-ти часовъ утра до 2-хъ пополудни. Такъ какъ въ заведеніи не довольно мѣста для слишкомъ большого числа столовъ, то пока одни обѣдаютъ, другіе стоятъ и ждутъ своей очереди. Но чтобы доставить сколько можно большему количеству людей средство пользоваться такимъ благодѣяніемъ, отъ заведенія учреждены въ разныхъ мѣстахъ города столовыя, куда ежедневно развозится готовая пища изъ общей кухни, находящейся въ Демидовскомъ домѣ. Кухня эта помѣщена возлѣ тамошней столовой и отличается удивительною чистотою. Приготовленіе въ ней пищи производится парами въ огромныхъ мѣдныхъ котлахъ, которыми заведеніе обязано одному изъ почетныхъ членовъ своихъ, коммерціи совѣтнику Пономареву: на устройство ихъ онъ пожертвовалъ 10.000 рублей. Вообще, послѣ щедротъ императорской фамиліи, приношенія благотворительныхъ особъ составляютъ главный источникъ благосостоянія этого учрежденія и, при благоразумной заботливости директора, ведутъ ежегодно къ разнымъ улучшеніямъ въ Демидовскомъ домѣ. Напримѣръ, столовыя ложки въ камеръ-юнферской школѣ въ началѣ были деревянныя, а теперь заведены уже серебряныя. Послѣдняя изъ описанныхъ нами частей дома называется Отдѣленіемъ снабженія бѣдныхъ пищею. Въ теченіе прошедшаго года, во всѣхъ столовыхъ его роздано болѣе 202.000 порцій. Всѣхъ же, пользовавшихся

призрѣніемъ въ разныхъ отдѣленіяхъ Демидовскаго дома, считалось ежегодно до 1.000 человѣкъ.

IV.

Остается еще упомянуть о четвертомъ его отдѣленіи: это одинъ изъ такъ называемыхъ *Дѣтскихъ пріютовъ*. Въ Лондонѣ и въ Парижѣ давно уже есть такія заведенія — Salles d'asyle — гдѣ каждый бѣдный можетъ на цѣлый день оставлять своихъ дѣтей, которыхъ на ночь долженъ снова брать къ себѣ. Какое благодѣтельное учрежденіе! Сколько родителей, обстоятельствами принужденныхъ не быть дома съ утра до вечера, не знаютъ иногда, кому поручить дѣтей своихъ, и по необходимости покидаютъ ихъ безъ присмотра, отъ чего бѣдняжки подвергаются опасностямъ всякаго рода, пріучаются къ праздности и къ шалостямъ. Но человѣколюбіе придумало „Младенческіе пріюты", и какое множество дѣтей спасено тѣмъ отъ гибели! Въ Россіи первый такой пріютъ основанъ въ 1836 году при Демидовскомъ домѣ призрѣнія трудящихся, для дѣтей отъ трехлѣтняго до семилѣтняго возраста. „Избранная для нихъ руководительница (говоритъ П. А. Плетневъ въ описаніи этого перваго пріюта) старается во все время дня, лишь они соберутся изъ домовъ своихъ, занимать ихъ пріятнымъ и полезнымъ образомъ. Она ихъ обучаетъ читать, счислять, пѣть, рукодѣліямъ и показываетъ разныя гимнастическія игры. По открытіи пріюта въ первое уже полугодіе собиралось дѣтей болѣе 170-ти. Всѣ они вмѣстѣ проводятъ день и старшія помогаютъ младшимъ. Имъ предлагаются вопросы о разныхъ предметахъ, которые необходимо знать въ общежитіи. Зрѣлище этого собранія малютокъ, съ самаго нѣжнаго возраста пріучаемыхъ легко и незамѣтно ко всему чистому и благому, представляетъ картину неописанно-трогательную. Никогда, можетъ быть, христіанское братолюбіе не являлось столь умилительнымъ, какъ въ безкорыстной заботливости о бѣднѣйшихъ младенцахъ".

Мало-по-малу число дѣтскихъ пріютовъ въ Петербургѣ увеличилось. Человѣколюбивыя особы, видя, какимъ благодѣяніемъ для множества семействъ служитъ первое учрежденіе этого рода, основали еще нѣсколько другихъ въ разныхъ частяхъ города. Нынѣ ихъ уже болѣе десяти.

Такъ какъ было воскресенье, то мы въ Демидовскомъ домѣ и не могли, къ сожалѣнію нашему, видѣть пріюта. Но мы видѣли еще разныя другія комнаты, между прочимъ очень чистенькія спальни, видѣли также уютную и прелестную церковь; но обо всемъ этомъ я распространяться не буду. Кто хочетъ получить о Демидовскомъ домѣ полное понятіе, тотъ долженъ самъ осмотрѣть подробно это прекрасное заведеніе.

V.

Упомяну еще только объ одной исторической въ немъ достопамятности. Въ саду, гдѣ, при нашемъ входѣ въ заведеніе, гуляли воспитанницы камеръ-юнгферской школы, стоитъ огромный старый дубъ. Онъ обратилъ на себя наше вниманіе, и намъ разсказали, что этотъ дубъ нѣкогда росъ въ Крыму, и что подъ нимъ императрица Екатерина II, во время своего знаменитаго путешествія, кушала чай у Потемкина: всѣмъ извѣстно, чѣмъ былъ Потемкинъ для Таврическаго края, и какъ онъ былъ силенъ милостію Государыни. По возвращеніи въ Петербургъ, Екатерина не разъ вспоминала чудное, развѣсистое дерево. Могучій вельможа, привыкшій не знать препятствій, когда дѣло шло объ угожденіи вѣнценосной повелительницѣ его, приказалъ пересадить дерево изъ крымской почвы въ петербургскую. Сказано—сдѣлано. Скоро императрица могла уже въ своей сѣверной столицѣ сидѣть подъ тѣмъ самымъ дубомъ, котораго густыя вѣтви недавно осѣняли главу ея на югѣ. Домъ или, лучше сказать, дача Потемкина была на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Демидовское заведеніе, и вотъ почему мы увидѣли тамъ это драгоцѣнное дерево. Впослѣдствіи тутъ долго помѣщался въ лѣтнее время нѣмецкій клубъ, и видно, веселые люди въ часы беззаботнаго разгула оказывали почтенному старцу не слишкомъ много почтенія, потому что онъ поврежденъ, и, безъ особеннаго старанія со стороны начальства Дома трудящихся, пропалъ бы невозвратно.

Оставляя заведеніе, мы были тронуты всѣмъ, что видѣли, и искренно поблагодарили директора за его радушный пріемъ. Мы ушли съ утѣшительною мыслію: есть-таки на свѣтѣ добрые люди!

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ [1]).

(Письмо).

. . . . . .

Встарину русскіе, по примѣру всѣхъ славянскихъ народовъ, называли мѣсяцы именами, взятыми изъ ихъ собственнаго языка. Такъ апрѣль звали они *Березозоломъ;* у малороссіянъ и поляковъ онъ до сихъ поръ носитъ имя: *Цвѣтень;* у нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ народовъ — *Травень;* (малый травень, для отличія отъ травня великаго, т. е. мая мѣсяца). Ясно, что названія: Цвѣтень и Травень происходятъ отъ цвѣтовъ и травы, которые въ апрѣлѣ уже начинаютъ расти.

[1]) „Звѣздочка" 1843, ч. VI, ст. 1 — 11.

Слово Березозолъ труднѣе объяснить. Но собственныя русскія названія мѣсяцевъ давно уступили мѣсто тѣмъ, которыя употребляются почти во всей Европѣ и возникли у древнихъ римлянъ. Слѣдовательно, нынѣшія наши названія мѣсяцевъ — латинскія. Имя Апрѣль происходитъ отъ латинскаго слова aperire, которое значитъ открывать; и подлинно, въ эту пору все какъ-будто открывается: рѣки сбрасываютъ съ себя ледяное покрывало; земля, начиная производить растенія, какъ-бы открываетъ свою внутренность; на деревьяхъ раскрываются почки; животныя, проводившія зиму въ дремотѣ, выползаютъ изъ своихъ убѣжищъ, какъ-бы растворяя ихъ... Самъ Апрѣль открываетъ веснѣ входъ въ царство природы.

Обычай обманывать въ день *1-го апрѣля* очень старъ и извѣстенъ во всей Европѣ, гдѣ онъ у разныхъ народовъ далъ поводъ къ разнымъ выраженіямъ. Какъ же объяснить начало такого общаго обычая? Объ этомъ толкуютъ различно и довольно забавно.

Ты знаешь, что до Рождества Христова народы не имѣли понятія объ истинномъ Богѣ; греки и римляне воображали, что на небѣ обитаетъ множество боговъ и богинь, управляемыхъ богомъ грома Юпитеромъ. По представленію римлянъ существовали между прочимъ божества смѣха, въ честь которыхъ они установили особые праздники, совершавшіеся — въ апрѣлѣ. Самый этотъ мѣсяцъ изображали они въ видѣ статуи, которая представляла пляшущаго человѣка въ довольно смѣшномъ положеніи, окруженнаго разными знаками веселья. Вотъ почему иные и думаютъ, что наше обыкновеніе шутить 1-го Апрѣля началось у римлянъ, еще за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Х.

Овидій — римскій поэтъ, который жилъ лѣтъ 1800 тому назадъ и былъ сосланъ императоромъ Августомъ въ южные предѣлы нынѣшней Россіи, — Овидій разсказываетъ по этому предмету слѣдующую сказку. Въ царствованіе Нумы (2-го царя римскаго) весна однажды началась такою постоянною и разрушительною грозою, что всѣ римляне и самъ царь ужасно встревожились. Тогда, по совѣту супруги своей, Нума хитростью привлекъ Юпитера на землю и просилъ его открыть средство, какъ отразить его молніи. Юпитеръ былъ въ духѣ и вздумалъ озадачить царя. „Разсѣки голову“, сказалъ онъ грозно — и Нума тотчасъ разсѣкъ голову — только луковую (т. е. луковицу). „Человѣчью!“ закричалъ Юпитеръ, а Нума перервалъ его словами: „Не угодно ли волосъ человѣчьихъ?“ — и отрѣзалъ у себя вихоръ. „Я требую живой души“, заревѣлъ Юпитеръ, а Нума сказалъ: „Не рыбьей ли?“ и въ ту же минуту убилъ рыбу. Юпитеръ улыбнулся, видя, какъ хитро Нума умѣлъ выпутаться изъ бѣды и объявилъ, что доволенъ жертвою. Эта сказка дала поводъ къ особому празднику, который римляне отправляли ежегодно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Она же, по мнѣнію многихъ, послужила къ происхожденію нашихъ апрѣльскихъ обмановъ.

Но другіе полагаютъ, что этотъ обычай начался только во времена христіанства. Изъ разныхъ объясненій приведу одно.

Въ такъ называемые средніе вѣка католическіе священники любили установлять новые обряды для выраженія мнимаго благочестія и хитро изыскивали къ тому поводъ въ легендахъ и даже въ священномъ писаніи. Евангелистъ Лука повѣствуетъ, что Богородица Марія однажды пошла въ нагорную страну навѣстить свою родственницу Елисавету. Вотъ этимъ и воспользовались монахи. Они выстроили на горѣ часовню и стали разсылать людей, которые бы встрѣчнаго и поперечнаго уговаривали сходить туда, во славу Матери Божіей, на богомолье. Вѣроятно, не всѣ христіане соглашались на такое странствованіе. Чтобы наказать этихъ людей, другіе (т. е. послушные монахамъ) посылали ихъ въ какое-нибудь отдаленное мѣсто, по какому-нибудь мнимому дѣлу, напримѣръ съ тѣмъ, чтобы увидѣться съ кѣмъ-нибудь, кого тамъ вовсе не было, или развѣдать что-нибудь, чего тамъ не знали. Легковѣрный отправлялся, но приходилъ назадъ съ чѣмъ пошелъ, и его осмѣивали. Это дѣлалось 1-го апрѣля, потому что, по увѣренію монаховъ, Богородица, именно въ этотъ день отправилась къ Елисаветѣ. Отсюда, какъ говорится въ одномъ календарѣ 16-го вѣка, произошелъ „обычай посылать легковѣрныхъ 1-го апрѣля куда угодно“; отсюда же и нѣмецкое выраженіе: April schicken.

Еслибъ я хотѣлъ послѣдовать примѣру нѣкоторыхъ ученыхъ, которые выдаютъ сомнительныя предположенія за достовѣрную истину, то я бы сталъ увѣрять тебя, что календарь 16-го вѣка совершенно правъ, что мы апрѣльскимъ обыкновеніемъ дѣйствительно обязаны монахамъ и патерамъ католическимъ. Но, признаться, я самъ не очень-то вѣрю этому разсказу, когда подумаю, что съ незапамятныхъ временъ, у самыхъ разноплеменныхъ народовъ апрѣль мѣсяцъ былъ какъ-будто привилегированнымъ мѣсяцемъ забавъ и шутокъ. Даже на отдаленномъ востокѣ, въ Индіи, издревле сохраняется какой-то праздникъ Гули, который бываетъ также около начала апрѣля: въ этотъ праздникъ индѣйцы предаются необычайной веселости и между прочимъ для потѣхи заставляютъ легковѣрныхъ пріятелей своихъ по-пустому ходить куда кто вздумаетъ послать ихъ, чтобы послѣ вдоволь посмѣяться надъ обманутыми. Самая природа какъ-будто подшучиваетъ надъ нами въ апрѣлѣ мѣсяцѣ: нерѣдко въ одинъ и тотъ же день погода нѣсколько разъ перемѣняется изъ вёдра въ ненастье и наоборотъ. Отъ того, когда и въ который-нибудь изъ другихъ мѣсяцевъ выдается такой день, часто говорятъ: „Нынче апрѣльскій день“. Право, я почти готовъ думать, что сама природа своимъ прихотливымъ поведеніемъ въ этомъ мѣсяцѣ дала поводъ къ нашимъ апрѣльскимъ затѣямъ.

Впрочемъ, странное обыкновеніе, о которомъ рѣчь идетъ, мало-по-

малу исчезаетъ. Но что оно было въ силѣ еще въ прошломъ столѣтіи, это доказывается однимъ случаемъ изъ царствованія Петра Великаго. Разъ труппа нѣмецкихъ актеровъ, бывшая въ Петербургѣ, вздумала сыграть 1-го апрѣля шутку, не только со всею публикою, но и съ самимъ Государемъ, котораго въ этотъ день ожидали въ театръ. Когда поднялся занавѣсъ, на сценѣ вмѣсто актеровъ стоялъ огромный транспарантъ съ прекрупною надписью: *1-е апрѣля*! Петръ Великій принялъ эту выдумку милостиво, всталъ и, уходя, съ улыбкою замѣтилъ: „Вольность комедіянтовъ!“

Кого изъ насъ не обманывали 1-го апрѣля? Разскажу тебѣ откровенно, любезный другъ, какъ меня самого однажды поддѣли.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я жилъ въ Петербургѣ, приносятъ мнѣ съ городской почты записку:

Милостивый Государь!

(имя и отчество).

„Не имѣя удовольствія знать васъ лично, но слышавъ объ васъ отъ общихъ пріятелей нашихъ М, N и О, я бы желалъ познакомиться съ вами. Они всѣ трое будутъ сегодня вечеромъ у меня; надѣюсь, что и вы ко мнѣ пожалуете. Приходите часовъ въ 8. Извините и пр. и пр.

Итакъ, до первой чашки чаю!

Душевно преданный вамъ

С.“

Надобно тебѣ сказать, что я этого С. зналъ также по-наслышкѣ, черезъ общихъ нашихъ знакомыхъ. Вотъ вечеромъ я и собрался къ нему. Но только-что я надѣлъ шинель, вдругъ входитъ ко мнѣ незнакомый человѣкъ, кланяется и съ удивленіемъ глядитъ на меня. „Не вы ли господинъ такой-то?“ спросилъ онъ.— Я-съ; что вамъ угодно? — „Какъ!“ вскричалъ незнакомый: „не вы ли звали меня къ себѣ на сегодняшній вечеръ?“ — Я не имѣю чести васъ знать, сказалъ я какъ можно учтивѣе; позвольте спросить: какъ ваша фамилія? — „С.“ отвѣчалъ онъ. — Какъ? воскликнулъ я въ свою очередь: да не вы ли сами меня къ себѣ звали? вы писали ко мнѣ; я только-что шелъ къ вамъ. — „Помилуйте, вотъ ваша записка“, сказалъ С. немножко обиженнымъ тономъ, вытаскивая изъ кармана бумажку. Я съ любопытствомъ схватилъ ее. Смотрю — что за чудеса? Онъ правъ: это пригласительная записка къ нему, точно такая же, какъ полученная мною, но съ моею подписью, и почеркъ совершенно какъ мой. Мы оба въ недоумѣніи глядѣли другъ на друга, какъ вдругъ, догадавшись въ чемъ дѣло, почти въ одинъ голосъ воскликнули: „1-е апрѣля!“ — Да кто же съ нами

сыгралъ такую шутку? спрашивали мы одинъ у другого. „Однакожъ“, сказалъ я гостю: „я очень благодаренъ неизвѣстному проказнику: ему я обязанъ вашимъ нежданымъ посѣщеніемъ и готовъ просить васъ, чтобъ вы признали записку въ самомъ дѣлѣ моею“. Тутъ я упросилъ его остаться у меня, послалъ за однимъ изъ пріятелей, названныхъ въ запискѣ (онъ жилъ недалеко), и мы провели очень пріятный вечеръ. На другой день виноватый открылся.

Теперь, любезный другъ, поздравляю: и мнѣ удалось обмануть тебя для 1-го апрѣля. Не то, чтобы этотъ разсказъ былъ выдумкою — нѣтъ, такой случай дѣйствительно былъ, но только не со мною, а съ однимъ изъ моихъ пріятелей. Я же тутъ игралъ другую роль и, чтобы ничего отъ тебя не скрывать, скажу тебѣ на ушко, что виноватымъ-то и былъ.

Твой истинный другъ

. . . . . .

ПОРТРЕТЫ И СИЛУЭТЫ [2]).

Многія изъ васъ, дѣти, каждый день видятъ портреты на стѣнахъ въ домѣ у родителей. У другихъ, я думаю, у самихъ есть портреты или портретцы маменьки или папеньки, бабушки или дѣдушки, братца или сестрицы, которыхъ — жаль подумать!.. можетъ быть, нѣтъ ужъ на свѣтѣ. Конечно, есть между вами и такіе, которыхъ лицо само ужъ положено на бумагу или на холстъ и оттуда глядитъ какъ живое.

Однако-жъ портретъ портрету рознь: иной, хоть грубо сдѣланъ, да такъ похожъ, что прелесть! Другой отлично написанъ, да ни на волосъ не похожъ, и никакъ не узнаешь, кто это, развѣ припишутъ: *такой-то*. На третьемъ уродъ глядитъ красавцемъ: такихъ портретовъ очень много, потому что и дурному хочется быть пригожимъ; хитрый живописецъ знаетъ это и старается угодить всякому. Да только хорошо ли это? Ложь, какова бы ни была, никуда не годится, а живописецъ, который урода изображаетъ красавцемъ, есть, съ позволенія сказать, лгунъ. Иногда красавецъ на портретѣ глядитъ уродомъ: но это ужъ вѣрно сдѣлано не съ намѣреніемъ, а скорѣе происходитъ отъ неумѣнья.

---

[2]) „Звѣздочка“, 1842, ч. III, стр. 96.

По мнѣ, въ портретѣ всего важнѣе сходство, а работа и все прочее — дѣло второстепенное. Я такъ размышляю, что будь на портретѣ превосходнѣйшая живопись, и будь онъ въ богатѣйшей золотой рамѣ, да если онъ не похожъ, такъ что мнѣ въ немъ? Можетъ быть, онъ картина прекрасная, но только не портретъ; а мнѣ именно нуженъ портретъ — образъ того, кто мнѣ дорогъ, на котораго я хочу глядѣть каждый день, чтобъ видѣть его какъ живого, и вспоминать, какъ онъ говоритъ, какъ онъ смотритъ, какъ улыбается.

Вѣроятно и между вами иной со временемъ будетъ мастерски писать портреты, и можетъ быть иной и теперь ужъ начинаетъ. Кто чувствуетъ къ тому охоту, тому и карандашъ въ руки! Вѣдь *писать портреты* составляетъ особый родъ живописи, который требуетъ немалаго таланта, и у кого такой даръ есть, тотъ пользуйся имъ; трудись, искусство само придетъ.

А кому портреты не по силамъ, тотъ на досугѣ попробуй дѣлать *силуэты*. Что это такое? спросятъ многіе изъ васъ. Слушайте. Вамъ вѣрно случалось замѣчать, что когда человѣкъ стоитъ бокомъ близъ стѣны, на которую падаетъ свѣтъ, то на ней ложится тѣнь того человѣка; иногда онъ такъ стоитъ, что въ этой тѣни съ точностію обрисовывается лицо его. Очертаніе лица, видимаго съ боку, называется *профилемъ*; стало быть, тѣнь человѣка на стѣнѣ изображаетъ *профиль* его. Здѣсь видишь лобъ, носъ, ротъ, подбородокъ, шею — только все съ боку. Теперь если взять карандашъ и на стѣнѣ обвести имъ такое изображеніе, то выйдетъ ужъ не портретъ, а *силуэтъ*. Если на стѣну положить листъ бумаги и на немъ обрисовать тѣнь, то можно послѣ вырѣзать силуэтъ и сохранить его. Лучше всего дѣлать это вечеромъ: при свѣчкѣ тѣнь явственнѣе падаетъ на стѣну.

Всякій изъ васъ можетъ выучиться дѣлать силуэты. Надобно, чтобъ въ комнатѣ была одна только свѣчка. Тотъ, чей силуэтъ вы захотите снять, долженъ сѣсть бокомъ у самой стѣны. Свѣчка становится на столикъ въ нѣкоторомъ разстояніи *прямо противъ* лица такъ, чтобъ тѣнь его ложилась совершенно вѣрно, т. е. чтобъ по ней тотчасъ можно было узнать человѣка, и притомъ такъ, чтобы она была не слишкомъ велика. Нутка, Костя, посади свою сестрицу бокомъ у самой стѣны, возьми свѣчку и поставь ее, какъ я сказалъ. Теперь достань листъ бумаги и острый карандашъ. Хорошо ли Машино личико отражается на стѣнѣ? Если хорошо, положи на тѣнь его свою бумагу, стань передъ сестрицею и начни карандашемъ обводить края тѣни. Только скажи Машѣ, чтобъ сидѣла какъ можно смирнѣе, чтобъ не шевелилась ни крошечки да и не смѣялась. Самъ не торопись и веди карандашъ тихонько, чтобъ онъ ни на волосокъ не отходилъ отъ очертанія тѣни. Вотъ такъ! видишь, какъ похоже? Теперь возьми ножницы, посади Машу бокомъ передъ собой и начни вырѣзывать ея силуэтъ. Только

все поглядывай на Машу и ножницами поправляй свой рисунокъ, если онъ не совсѣмъ удался. Вырѣзалъ?.. Ну, поставь же опять свѣчку какъ была, а противъ нея, на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла Маша, поднеси свой силуэтъ къ стѣнѣ. Что, какова его тѣнь? Похожа ли на Машу? если похожа — силуэтъ хорошъ: ты мастеръ. А если не похожа, принимайся-ка снова за дѣло: будешь мастеръ. У кого нѣтъ терпѣнья, тотъ никогда ничему не научится, а кто терпѣливъ, тотъ успѣетъ во всемъ, что ни предприметъ.

Изъ большого силуэта можно сдѣлать маленькій. На это есть особый инструментъ, такъ называемый *пантографъ* (pantographe, а по-нѣмецки Storchschnabel), который трудно здѣсь описать вамъ. Покуда замѣтьте только его названіе, и при случаѣ разсмотрите его хорошенько. Впрочемъ, у кого глазомѣръ вѣренъ, тому совсѣмъ не нужно *пантографа* для уменьшенія силуэтовъ. Вырѣзанный большой силуэтъ онъ положитъ на квадратный листъ бѣлой бумаги, который еще прежде раздѣлитъ на меньшіе квадраты. Потомъ возьметъ черный листъ бумаги и на изнанкѣ (т. е. бѣлой сторонѣ) его начертитъ столько же очень маленькихъ квадратиковъ, сколько ихъ на большомъ листѣ: всѣ вмѣстѣ они составятъ квадратъ, который будетъ соотвѣтствовать тому листу. Въ этихъ маленькихъ квадратикахъ и рисуетъ онъ черты лица такъ, какъ онѣ лежатъ въ квадратахъ большого листа. Это не трудно — только гляди въ оба! Можно такимъ образомъ составить цѣлое собраніе или альбомъ маленькихъ силуэтовъ, которые бы служили хоть простымъ, но вѣрнымъ воспоминаніемъ всѣхъ пріятелей.

Есть люди, у которыхъ глазомѣръ такъ вѣренъ, что они, глядя на чье-нибудь лицо, въ минуту безъ помощи карандаша и безъ всякихъ приготовленій вырѣзываютъ его силуэтъ въ маломъ видѣ. На это нуженъ однакожъ большой навыкъ. Впрочемъ, съ иного лица очень легко снять силуэтъ, съ другого трудно. Чѣмъ лицо правильнѣе и черты его тоньше, нѣжнѣе, тѣмъ болѣе искусства требуетъ силуэтъ.

А отгадайте, откуда происходитъ это названіе? Ужъ вотъ-то не отгадаете. Лѣтъ 80 тому назадъ жилъ во Франціи *Monsieur de Silhouette*. Вы думаете я шучу? нѣтъ, серьёзно. Казна французскаго королевства была очень разстроена, и г-на Силуэта назначили министромъ финансовъ. Всѣ надѣялись, что онъ поправитъ дѣла, а онъ напротивъ только пуще испортилъ ихъ. И однакожъ, онъ наблюдалъ чрезвычайную бережливость, такъ что прежнюю роскошь во всемъ замѣнила жалкая скудость, во всѣхъ домахъ стала замѣтна мелочная расчетливость. Напримѣръ, вмѣсто богатой и красивой мебели стали употреблять самую грубую, топорной работы. Тогда и портреты всѣмъ казались непозволительною роскошью, и вмѣсто нихъ вошли въ моду простыя очертанія профиля. Такъ какъ всю эту бѣдность приписывали

новому министру финансовъ, то въ Парижѣ и начали называть всѣ моды по его имени, à *la Silhouette*. Впослѣдствіи одни тогдашніе портреты сохранили это названіе, которое перешло и къ другимъ народамъ; однакожъ умные нѣмцы вмѣсто его часто употребляютъ и слово: *Schattenbild*. Вѣрно Mr. Etienne de Silhouette никогда не думалъ, что имя его пріобрѣтетъ такое безсмертіе — впрочемъ безсмертіе право незавидное, тѣмъ болѣе, что иной и во всю жизнь не услышитъ, что слово *силуэтъ* нѣкогда было собственнымъ именемъ человѣка.

Названіе *портретъ* гораздо умнѣе. Достоинство портрета вѣдь въ томъ, чтобы лицо было изображено черта въ черту — *trait pour trait*. Изъ этихъ двухъ словъ французы и составили свое *Portrait*, которое заняли и другіе языки.

Иногда лицо и всю фигуру человѣка нарочно представляютъ въ уродливомъ видѣ, т. е. все рѣзкое или даже грубое въ комъ-нибудь изображаютъ еще болѣе рѣзкимъ и грубымъ, такъ что оно становится главнымъ. Отъ этого происходятъ часто пребезобразные и пресмѣшные, но при всемъ томъ похожіе портреты и силуэты. Ихъ называютъ *карикатурами*. Это — итальянское слово. *Caricare* у итальянцевъ значитъ то же, что у французовъ *charger*, т. е. въ чьемъ-нибудь изображеніи преувеличивать недостатки. *Ce portrait est chargé* или *est peint en charge* значитъ: этотъ портретъ карикатура.

ВОСПОМИНАНІЕ О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ [1]).

Въ такой столицѣ, какъ Петербургъ, гдѣ жили и дѣйствовали Петръ Великій и Екатерина II, гдѣ и мудрые ихъ преемники такъ неусыпно заботились о благѣ Россіи, — въ такой столицѣ есть, разумѣется, множество зданій и мѣстъ, которыхъ посѣщеніе чрезвычайно любопытно и поучительно. Въ разсказѣ о нихъ часто встрѣчаются имена, славныя въ русской исторіи, и такія подробности, которыя ближе знакомятъ насъ съ характеромъ или образомъ жизни великихъ людей и съ событіями, въ коихъ они участвовали. Напримѣръ: мы знаемъ, что Петръ Великій, при основаніи Петербурга, первоначально хотѣлъ только создать на Невѣ крѣпость и торговую гавань, и что онъ для того избралъ островъ, составляющій сравнительно мало-насе

---

[1]) Первоначально подъ загл. „Троицкій Соборъ", см. „Звѣздочка", 1843, ч. VII стр. 57.

ленную часть нашей столицы. Но какъ живо и ясно сдѣлается наше понятіе объ этомъ, когда мы сами увидимъ знаменитый Петербургскій островъ и на немъ тотъ скромный, но драгоцѣнный домикъ, откуда великій Строитель наблюдалъ за работами въ новой крѣпости, и тутъ же простую лодку, на которой Царь любилъ прогуливаться по Невѣ, еще пустынной, и кресло, и скамеечку, на которыхъ онъ сиживалъ, и дубы, собственными руками его посаженные близъ домика! Смотря на эти предметы, не воображаемъ ли мы, что видимъ самого Петра во всей его величественной простотѣ? не знакомимся ли съ нимъ въ его ежедневной, домашней жизни, посреди его чудесной дѣятельности, его безпрерывныхъ трудовъ и изумительныхъ досуговъ? Намъ кажется, будто мы сами его современники. Знанія, пріобрѣтаемыя такимъ образомъ, неизгладимо запечатлѣваются въ нашей памяти; какъ мертвенны и непрочны передъ ними тѣ, которыя мы почерпаемъ только изъ книгъ!

Часто утверждаютъ, будто въ Петербургѣ, какъ въ городѣ новомъ и молодомъ, мало историческихъ примѣчательностей. Это не совсѣмъ основательно. Правда, что несравненно болѣе достопамятностей въ Москвѣ, которую справедливо называютъ сердцемъ Россіи, потому что ея коснулись почти всѣ бѣдствія, въ разное время постигавшія наше отечество; въ ней совершилось столько великихъ событій русской исторіи! Но не надобно забывать, что важнѣйшая, блистательнѣйшая часть этой исторіи начинается только съ Петра Великаго, и что мѣсто, чрезъ которое на Россію разливалось европейское просвѣщеніе, мѣсто, гдѣ жили тѣ монархи, которымъ она обязана всѣмъ своимъ нынѣшнимъ величіемъ, при которыхъ она испытала столько благотворныхъ перемѣнъ и дѣйствовала своимъ могуществомъ на другія державы, — такое мѣсто должно быть богато историческими примѣчательностями. Скажемъ болѣе: почти каждое событіе новѣйшей русской исторіи отъ Петра I оставило въ Петербургѣ какое-нибудь живое воспоминаніе. Городъ, гдѣ, указывая на то или другое мѣсто, почти на каждомъ шагу приходится называть Петра, Екатерину, Александровъ, Николая, и — Меншиковыхъ, Потемкиныхъ, Суворовыхъ, Кутузовыхъ, такой городъ, конечно, не лишенъ исторической занимательности.

Хотите ли, читатели, воображеніемъ перенестись на нѣсколько минутъ въ славные дни Петра Великаго? Посѣтите вмѣстѣ со мною Троицкій соборъ на Петербургской сторонѣ, противъ Петропавловской крѣпости и близъ домика Петра. Вы будете поражены простотою этой церкви въ сравненіи съ другими, великолѣпными храмами Петербурга; но перестанете удивляться, когда узнаете ея исторію.

Вся Петербургская сторона, или такъ называвшійся нѣкогда Санктпетербургскій островъ, особенно напоминаетъ Петра Великаго и первое начало сѣверной его столицы. Вы уже слышали, что онъ, желая осно-

вать ее, назначилъ настоящему городу быть именно тамъ — на томъ островѣ; тутъ онъ прежде всего заложилъ Петропавловскую крѣпость, а для личнаго надзора за работами построилъ себѣ близъ нея домикъ по образцу того, въ которомъ онъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ жилъ въ голландскомъ городѣ Саардамѣ. Петербургскую сторону надобно, поэтому, считать колыбелью Петрова города; вотъ отъ чего происходитъ и самое названіе ея.

Крѣпость заложена была въ Троицынъ день, 16-го мая 1703 года; въ тотъ же самый день Государь, по благочестію своему, основалъ и маленькую деревянную церковь Живоначальной Троицы, такъ названную по дню своего происхожденія. Туда Царь часто ходилъ изъ скромнаго домика молиться объ успѣхѣ своихъ смѣлыхъ начинаній, о благѣ Россіи; туда бралъ онъ съ собой иногда все свое державное семейство; тамъ нерѣдко самъ онъ пѣлъ на клиросѣ вмѣстѣ съ другими пѣвчими или читалъ Апостолъ. Впослѣдствіи онъ пристроилъ къ этой церкви придѣлъ и велѣлъ перенести на ея колокольню часы съ Сухаревой башни изъ Москвы.

По кончинѣ Петра Великаго Троицкая церковь мало-по-малу пришла въ ветхость. Знаменитая дочь его, императрица Елизавета, въ началѣ своего царствованія повелѣла старое зданіе разобрать и построить на томъ же мѣстѣ и въ томъ же видѣ „безъ всякой перемѣны“, новую церковь, которая и была освящена 17 мая 1746 года, въ Троицынъ же день, въ присутствіи самой Государыни и всего генералитета. Но черезъ четыре года эта церковь, неизвѣстно отъ какого случая, сгорѣла; между тѣмъ при Лѣтнемъ дворцѣ (гдѣ нынѣшній Инженерный замокъ) находилась подъ навѣсомъ деревянная, еще не освященная церковь, которую также задумалъ строить Петръ Великій. Эту-то церковь, остававшуюся безъ употребленія, рѣшено было перенести на мѣсто сгорѣвшаго собора, и такимъ образомъ въ мартѣ 1756 года возникъ тотъ Троицкій соборъ, который теперь обращаетъ на себя наше вниманіе. Въ послѣдній разъ онъ былъ возобновленъ въ 1876 году при императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, по просьбѣ почтеннаго настоятеля этой церкви, священника Лавровскаго, при чемъ работы произведены были безъ всякаго отступленія отъ первоначальнаго вида собора, съ тѣмъ, чтобы онъ навсегда оставался деревяннымъ.

Вотъ исторія этого перваго, *самаго стариннаго* храма въ Петербургѣ. Вы изъ нея видите, что онъ, при всей своей простотѣ, драгоцѣненъ для каждаго русскаго. Престолъ тутъ одинъ только; образа́ бѣдны и по живописи и по ризамъ, иконостасъ деревянный, немудреной, давнишней работы; но всему этому имя Петра Великаго и древность придаютъ особенное значеніе.

Воспоминаніе о мудромъ основателѣ Петербурга въ Троицкой церкви становится еще живѣе при видѣ нѣкоторыхъ предметовъ, которые имъ

принесены ей въ даръ и доказываютъ, какъ этотъ храмъ былъ ему дорогъ. Вамъ, можетъ быть, уже извѣстно, что Петръ Великій —

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ

(какъ сказалъ Пушкинъ) — часто занимался, съ искусствомъ настоящаго мастера, разными механическими работами. Онъ любилъ особенно токарное ремесло и оставилъ много издѣлій, прекрасно выточенныхъ. Изъ нихъ костяное паникадило, образъ и маленькая ладоница также изъ слоновой кости хранятся вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностями въ ризницѣ собора.

Отсюда взойдемъ на колокольню: она напомнитъ намъ о Петрѣ, какъ героѣ. Послѣ своихъ побѣдъ въ Финляндіи, онъ въ 1713 году взялъ изъ соборной церкви города Або (тогдашняго главнаго города этой страны) большой колоколъ, который, по волѣ его, и былъ повѣшенъ въ Троицкой церкви, какъ памятникъ завоеваній въ Финляндіи. Пожаромъ 1750 года этотъ колоколъ былъ расплавленъ, но изъ остатковъ его мѣди отлитъ новый колоколъ, который сохранился, и память о его происхожденіи живетъ до сихъ поръ. Выйдя изъ церкви, не забудьте взглянуть на почтенныя деревья, украшающія ограду ея-сколько поколѣній уже являлось подъ тѣнію ихъ съ благоговѣніемъ къ великому Государю; сколько другихъ еще смѣнится въ этой оградѣ!

Одинъ литераторъ, посѣтивъ много лѣтъ тому назадъ Троицкій соборъ, говоритъ:

„Русскій царь могъ бы построить на мѣстѣ сей достопамятной церкви храмъ изъ мрамора и яшмы, но онъ хранитъ ветхій храмъ въ его первобытномъ видѣ — мысль прекрасная! Пусть приходская церковь Петра Великаго, находящаяся подлѣ домика его, остается памятникомъ прошедшаго, среди громадъ русской столицы, въ полтора столѣтія разросшейся въ исполинскіе размѣры!.. Здѣсь благодарилъ онъ Бога за свои побѣды надъ шведами, здѣсь плакалъ онъ надъ гробомъ своего сына, царевича Алексѣя; здѣсь совершалъ онъ торжество заключеннаго съ Швеціею Ништатскаго мира; отсюда вышелъ онъ тогда на площадь передъ храмомъ и возгласилъ: „Здравствуйте, православные, и благодарите Бога!“ Благоговѣйно смотрѣли мы на бѣдную наружность и внутренность Троицкаго собора“...

БИБИКОВЪ [1]).

Александръ Ильичъ Бибиковъ былъ одинъ изъ искуснѣйшихъ генераловъ, и вообще изъ замѣчательнѣйшихъ мужей, окружавшихъ престолъ Екатерины II. Ему не разъ даваемы были важныя порученія, и онъ всѣ исполнялъ съ необыкновеннымъ благоразуміемъ и успѣхомъ. Послѣднимъ его подвигомъ были военныя дѣйствія противъ мятежника Пугачева; къ несчастію, они были внезапно прерваны смертію Бибикова. Великій поэтъ Державинъ, служившій въ то время подъ начальствомъ славнаго генерала, написалъ по этому горестному случаю стихи, въ которыхъ выразилъ свое глубокое сожалѣніе, и между прочимъ говоритъ о Бибиковѣ, что онъ былъ

Блюститель вѣры, правдѣ другъ,
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.

Въ жизни Бибикова особенно одна черта даетъ понятіе объ его характерѣ. Когда онъ, по порученію императрицы Екатерины (въ 1764-мъ году), усмирилъ бунтъ, бывшій на Сибирскихъ и Оренбургскихъ заводахъ, то въ награду ему назначена была звѣзда Александра Невскаго. Кто не желаетъ почестей? можетъ быть, и Бибиковъ любилъ ихъ, но онъ еще болѣе любилъ отца своего. Илья Александровичъ, почти уже семидесятилѣтній старецъ, доживалъ свой вѣкъ въ отставкѣ. Онъ въ свое время былъ также превосходный генералъ и получилъ равныя почетныя отличія, но не имѣлъ ордена Александра Невскаго. Почтительный сынъ не захотѣлъ воспользоваться наградою, которая бы возвысила его надъ престарѣлымъ родителемъ, и когда государыня уже готова была возложить на него орденскіе знаки, онъ сталъ умолять ее, чтобъ эта почесть перенесена была на заслуженнаго старца. Долго Екатерина не соглашалась на такое необыкновенное дѣло, но наконецъ уступила настоятельнымъ просьбамъ, и на Бибикова-отца надѣла орденъ, заслуженный Бибиковымъ-сыномъ. Поддерживая родителя во время трогательной сцены, что́ долженъ былъ чувствовать великодушный виновникъ ея? Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ опять нашелъ случай отличиться, именно въ Польшѣ, и на этотъ разъ уже не имѣлъ причины отказываться отъ пожалованнаго ему вторично ордена Александра Невскаго. Отецъ его былъ еще живъ.

---

[1]) „Звѣздочка“ для старш. возр. 1845, ч. XIII, стр. 1—3.

ПАНИНЫ [1]).

Въ дѣтствѣ и молодости намъ часто твердятъ о добродѣтели и, пока душа наша еще не испорчена, мы чистосердечно намѣреваемся быть честными, благородными, хотимъ отказываться отъ всѣхъ житейскихъ выгодъ для правды, для величія души, даемъ себѣ обѣтъ не увлекаться никакими искушеніями. Но послѣ, когда поживемъ въ обольстительномъ свѣтѣ, какъ легко мы забываемъ благія помышленія юности! Какъ рѣдко мы помнимъ, что богатства, почести и всѣ мірскія выгоды не стоятъ того, чтобы для нихъ мы унижали божественную, бесмертную душу, оскорбляя истину, нарушая справедливость. Да, мало въ свѣтѣ людей, которые бы для благъ небесныхъ пренебрегали земными преходящими. Но чѣмъ менѣе число такихъ людей, тѣмъ болѣе мы должны дорожить ихъ памятью, когда правдивая исторія сохраняетъ намъ примѣры ихъ доблести. Поговоримъ нынче о двухъ мужахъ временъ Екатерины II, — о двухъ братьяхъ, графахъ Паниныхъ.

Старшій, Никита Ивановичъ, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ былъ назначенъ воспитателемъ великаго князя, впослѣдствіи государя Павла Петровича, а при Екатеринѣ II-й ему сверхъ того поручено было завѣдывать всѣми сношеніями русскаго Двора съ иностранными. Самыя эти должности уже доказываютъ, какую довѣренность онъ умѣлъ заслужить при Дворѣ; такъ же точно онъ послѣ и оправдалъ ее. Молодой великій князь очень любилъ его, государыня часто удостоивала его знаками своей милости.

Когда Павелъ Петровичъ, уже совершеннолѣтній наслѣдникъ престола, вступилъ въ первый бракъ свой, то Екатерина II осыпала наградами графа Панина за труды его по воспитанію великаго князя. Между прочимъ, она пожаловала ему болѣе восьми тысячъ душъ крестьянъ. По большей части мы видимъ, что чѣмъ человѣкъ становится богаче, тѣмъ болѣе усиливается въ немъ жадность къ деньгамъ, тѣмъ легче развивается скупость. Не таковъ былъ Никита Ивановичъ Панинъ.

Разбогатѣвъ внезапно, онъ не захотѣлъ одинъ пользоваться наградами за труды, въ которыхъ ему помогали и другіе; онъ вспомнилъ трехъ секретарей своихъ, и желая подѣлиться съ ними своимъ счастіемъ, роздалъ имъ половину пожалованнаго ему числа душъ. У людей, отличенныхъ судьбою, всегда бываютъ завистники; не мудрено, что и графъ Панинъ нажилъ себѣ враговъ. Они поспѣшили дать замѣтить императрицѣ, что поступокъ его доказываетъ пренебреженіе

[1]) „Звѣздочка“ 1844, ч. XII, стр. 75.

къ ея милостямъ. „Я слышала, сказала ему Екатерина: что вы вчера расточали свои щедроты подчиненнымъ“. — Не понимаю, отвѣчалъ вельможа, о чемъ Ваше Величество изволите говорить. — „Какъ! развѣ вы не раздарили нѣсколько тысячъ душъ своимъ секретарямъ?“ — Такъ вотъ что Вамъ угодно было назвать моими щедротами! воскликнулъ Панинъ. Это Ваши собственныя, Государыня: награждая приближенныхъ, Ваше Величество такъ обильно изливаете на нихъ Свои милости, что они всегда находятъ способъ дѣлиться еще и съ тѣми, которые содѣйствовали имъ въ снисканіи Вашего благоволенія.

Въ томъ же году Пугачевъ взволновалъ южные края Россіи. Посланный противъ него генералъ Бибиковъ дѣйствовалъ съ успѣхомъ; но внезапная кончина этого опытнаго полководца поставила государыню въ величайшее затрудненіе. Созванъ былъ чрезвычайный Совѣтъ, на которомъ Екатерина объявила, что Сама приметъ начальство надъ войскомъ и пойдетъ на мятежниковъ. Такое отважное намѣреніе ужаснуло графа Панина, и, тогда какъ всѣ другіе молчали, онъ представилъ императрицѣ, что противъ скопища презрительной черни не стóитъ принимать такихъ рѣшительныхъ мѣръ. Онъ прибавилъ, что самъ охотно поведетъ войска, и ручается также за брата своего, который, хотя и хворъ, однакожъ по первому слову государыни ополчится съ радостію: *велитъ нести себя на носилкахъ*, если она признаетъ его достойнымъ столь важнаго порученія.

Меньшой изъ Паниныхъ, графъ Петръ Ивановичъ, уже прежде не разъ имѣлъ случай показать отличныя способности и искусство въ военномъ дѣлѣ: особенно прославился онъ взятіемъ крѣпости Бендеръ въ первую турецкую войну при Екатеринѣ. Но послѣ того, разстройство здоровья заставило его выйти въ отставку, и онъ безъ должности жилъ въ Москвѣ. Между тѣмъ губительныя шайки Пугачева уже приближались къ этой столицѣ. Петръ Панинъ, вспомнивъ старину, вооружилъ всѣхъ людей своихъ и хотѣлъ вести ихъ на бунтовщиковъ. Когда же московскіе вельможи съ удивленіемъ спрашивали его, что́ онъ можетъ сдѣлать съ горстію людей, то онъ отвѣчалъ: *умереть*! Вдругъ онъ однажды получаетъ отъ брата извѣстіе о назначеніи его, по мысли Никиты Ивановича, главноначальствующимъ противъ Пугачева. „Я совершенно понимаю“, сказано въ письмѣ, гдѣ было это извѣстіе: „какому бремени ты подвергаешься; но знаю и то, что гдѣ взываетъ отечество, тутъ ни у тебя, ни у меня не можетъ быть мѣста размышленіямъ о собственномъ нашемъ бытіи“. — Братъ зналъ брата: Петръ Ивановичъ, въ самомъ дѣлѣ, радостно принялъ вызовъ Монархини, и мудрыми распоряженіями въ одинъ мѣсяцъ возстановилъ внутреннее спокойствіе Россіи.

Младшій Панинъ отличился не только въ качествѣ полководца, но и въ званіи сенатора, въ которое пожалованъ былъ въ началѣ цар-

ствованія Екатерины. Разъ императрица привезла въ Сенатъ составленный ею Уставъ и велѣла прочитать его въ слухъ. Когда чтеніе кончилось, присутствовавшіе встали и, низко кланяясь государынѣ, начали всячески хвалить *превосходное произведеніе*. Одинъ графъ Панинъ сидѣлъ молча и задумчиво, и по дурной привычкѣ, отъ которой не могъ освободиться, грызъ себѣ ногти. „А вы, графъ, сказала Екатерина, вѣрно не одобряете устава?“ Панинъ, вставъ, отвѣчалъ: моя вѣрноподданническая обязанность — въ точности исполнять велѣнія Вашего Величества. „Не того требую“, возразила императрица, „а желаю знать мнѣніе ваше“. — Въ такомъ случаѣ долгомъ почту представить Вашему Величеству, въ чемъ именно нахожу этотъ уставъ неудобоисполнимымъ. — Екатерина, съ трона отойдя къ окну, сказала: „Сядемъ здѣсь, я лучше могу выслушать ваше мнѣніе“. Панинъ началъ подробно объяснять свои мысли, отдѣльно по каждой статьѣ, а государыня карандашемъ дѣлала замѣтки; когда же онъ кончилъ, то сказала: „Во многомъ я согласна съ вами, графъ; но по нѣкоторымъ статьямъ еще поспорю. Для этого приглашаю васъ къ своему столу. Сегодня, прибавила она громче, подавая ему руку, я убѣдилась, что у меня есть — сенатъ и сенаторъ“.

Надобно сознаться, что этотъ случай приноситъ столько же чести Екатеринѣ II, сколько и графу Панину. Другіе сенаторы безусловными похвалами прочитанному уставу показали, что или у нихъ недоставало проницательности для подробнаго разсмотрѣнія его, или они, замѣчая въ немъ недостатки, боялись сказать государынѣ правду. Одинъ Панинъ не захотѣлъ быть льстецомъ: онъ рѣшился лучше молчать, нежели быть неискреннимъ ко вреду государства. Но Екатерина не боялась истины: она велѣла Панину открыто сказать ей, что́ онъ думаетъ, и послѣднимъ замѣчаніемъ своимъ, что у нея „есть сенаторъ“, она тонкимъ образомъ упрекнула его товарищей въ томъ, что они, скрывая свое мнѣніе, не исполняютъ по совѣсти своего долга. Любя правду и услышавъ ее отъ Панина, Екатерина по справедливости должна была оскорбиться лестью прочихъ сенаторовъ, какъ доказательствомъ, что они считаютъ истину чѣмъ-то для нея непріятнымъ, слѣдовательно не вѣрятъ въ величіе души своей государыни.

Приведу еще двѣ-три черты, показывающія до какой степени Панинъ былъ благороденъ.

Въ подмосковной деревнѣ скончался старый фельдмаршалъ, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ. Такъ какъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни былъ въ немилости, то мѣстное начальство не считало нужнымъ позаботиться о его погребеніи съ тѣми почестями, какія по его званію слѣдовали ему. Панинъ жилъ тогда въ Москвѣ; узнавъ о такомъ неуваженіи къ памяти заслуженнаго генерала, онъ надѣваетъ мундиръ, и во всей формѣ, въ звѣздахъ, спѣшитъ въ село, гдѣ лежалъ

покойникъ. Тамъ, преклонившись передъ тѣломъ фельдмаршала и съ обнаженною саблею ставъ у гроба: „До тѣхъ поръ", сказалъ онъ, „буду здѣсь стоять на часахъ, пока не пришлютъ почетнаго караула для смѣны". — Честь, такимъ образомъ оказанная усопшему человѣкомъ знатнымъ, устыдила тѣхъ, отъ кого зависѣли надлежащія распоряженія: вскорѣ было сдѣлано все, что въ такихъ случаяхъ обыкновенно соблюдается.

Для бо́льшей части людей деньги, къ несчастію, составляютъ высшее благо: всякій думаетъ только о томъ, какъ бы ему поболѣе нажить денегъ, не слишкомъ разбирая средства къ тому, и даже не опасаясь обидѣть другого, лишь бы самому была прибыль. Въ жизни П. И. Панина есть прекрасные примѣры безкорыстія. Послѣ первой супруги своей онъ, по закону, имѣлъ право получить седьмую часть изъ принадлежавшихъ ей двухъ тысячъ душъ; но зная, что ея родные не богаты, онъ въ пользу ихъ отказался отъ своего права. — Дочь его друга, Матюшкина, вышла за Шетнева противъ воли родительской. Разгнѣванный отецъ, лишивъ ее наслѣдства, предложилъ Панину слѣдовавшія ей три тысячи душъ. Тотъ отказывался долго; но наконецъ, видя упорство Матюшкина, который объявилъ, что онъ во всякомъ случаѣ отдастъ имѣніе кому-нибудь постороннему, — Панинъ согласился принять предложеніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ умерли и самъ Матюшкинъ и Шетнева, но послѣ нея осталась маленькая дочка. Что же сдѣлалъ Панинъ? Онъ объявилъ себя опекуномъ этой дѣвочки; когда же она выросла, выдалъ ее замужъ [1]) и укрѣпилъ за нею тѣ три тысячи душъ, которыя получилъ въ даръ отъ ея дѣда, но считалъ законною собственностію его потомства.

КНЯЗЬ ЯКОВЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ДОЛГОРУКОВЪ [2]).

I.

Еще когда Петръ Великій былъ несовершеннолѣтнимъ и когда государствомъ управляла честолюбивая сестра его Софія, князь Яковъ Ѳедоровичъ имѣлъ случай показать, чего можно со временемъ ожидать отъ него. Софія всячески старалась отстранить Петра отъ наслѣдственнаго престола; разъ, по ея внушенію, одинъ священникъ началъ въ церкви проповѣдывать противъ молодого царя. Долгоруковъ былъ въ числѣ слушателей; онъ остановилъ преступнаго проповѣдника, осыпалъ его упреками и напомнилъ народу долгъ вѣрности законному

[1]) За Петра Васильевича Лопухина, впослѣдствіи пожалованнаго въ свѣтлѣйшіе.
[2]) „Звѣздочка" 1843, ч. VI, стр. 81.

государю. Разумѣется, что Петръ сердечно полюбилъ такого подданнаго; они стали видѣться почти безпрестанно.

Но это не нравилось Софіи и ея приверженцамъ, которые понимали, какъ совѣты такого рѣшительнаго человѣка могутъ быть опасны для нихъ. И вотъ, чтобъ удалить Долгорукова, ему въ 1687-мъ году назначено ѣхать посланникомъ въ Парижъ и въ Мадридъ. Но уже въ слѣдующемъ году онъ возвратился и вскорѣ увидѣлъ великую перемѣну въ Россіи. Выведенный изъ терпѣнія ненасытнымъ властолюбіемъ сестры своей и чувствуя свое высокое назначеніе, царь Петръ въ 1689 году удалилъ Софію отъ всякаго участія въ правленіи и сдѣлался самодержцемъ. Въ то время Долгорукову было уже 50 лѣтъ отъ роду.

Князь Яковъ участвовалъ въ обоихъ походахъ противъ Азова и храбростію своею не мало содѣйствовалъ взятію этой турецкой крѣпости. Менѣе счастливъ былъ онъ въ 1700 году, при нападеніи шведовъ на русскій лагерь у Нарвы. Кому не извѣстна неудача, потерпѣнная здѣсь войскомъ Петровымъ? Долгоруковъ былъ въ числѣ генераловъ, взятыхъ здѣсь Карломъ XII въ плѣнъ: вмѣстѣ съ прочими, его отправили въ Стокгольмъ, и тамъ посадили подъ стражу. Цѣлыхъ десять лѣтъ онъ провелъ въ этомъ заточеніи. Друзья мои! вы еще не испытали, что значитъ быть на чужбинѣ. Жить посреди людей, у которыхъ и языкъ и обычаи и вѣра — не наши, не видѣть родныхъ, не видѣть людей, съ которыми мы выросли, не видѣть никого, кто бы принималъ въ насъ участіе, кому бы мы могли подъ-часъ открыть свое сердце, не слышать звуковъ родного слова — понимаете ли вы, какъ это тяжело, какъ грустно? Но каково же быть въ этомъ положеніи по неволѣ, и еще — не пользоваться свободою, и находиться посреди враговъ нашего отечества? Такова была судьба Долгорукова. Благодаря воспитанію, полученному имъ въ дѣтствѣ, онъ умѣлъ однакожъ облегчить нѣсколько свое горе чтеніемъ и наукою, которыя для человѣка любознательнаго такъ услаждаютъ и самыя трудныя обстоятельства. Швеція издавна славится своими мудрыми законами, своими учрежденіями. Долгоруковъ пожелалъ узнать ихъ, сталъ изучать законодательство шведское, и такимъ образомъ проводилъ время пріятно: вы увидите далѣе, что эти занятія его остались не безъ пользы для Россіи. Въ то же время знаменитый плѣнникъ своимъ прямодушіемъ, умомъ и добротою умѣлъ внушить шведамъ такую довѣренность къ себѣ, что даже иногда они просили у него совѣтовъ. Но онъ оставилъ на родинѣ супругу, дочь и друзей; онъ горячо любилъ родину, и могъ ли не тосковать по ней? Когда, наконецъ, въ 1709 году славная для русскихъ Полтавская побѣда предвѣстила окончаніе войны, сердце Долгорукова забилось надеждою: онъ ожидалъ, что Россія и Швеція вскорѣ размѣняются плѣнными. Но такой размѣнъ послѣдовалъ не прежде 1718 года, и вѣроятно

Долгоруковъ до самаго этого времени не избавился бы отъ неволи, еслибъ не особенный, счастливый случай...

Въ 1710 г. онъ изъ Стокгольма переведенъ былъ въ финляндскій городъ Якобштатъ, а отсюда, въ слѣдующемъ году, велѣно было перевезти его опять на шведскій берегъ, въ городъ Умео. Долгорукова посадили вмѣстѣ съ другими русскими плѣнниками на небольшое судно (шхуну); всѣхъ ихъ было тутъ 44 человѣка, тогда какъ шведовъ находилось при нихъ не болѣе 20-ти. Плѣнники, пользуясь превосходствомъ силъ своихъ, согласились, по предложенію князя, испытать отчаянное средство къ спасенію. Когда при вечернемъ ихъ пѣніи раздались на лодкѣ слова: дерзайте, люди Божіи, — всѣ плѣнники вдругъ бросили весла, напали на шведовъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ убили или столкнули въ море, а другихъ связали и заперли подъ палубу. Долгоруковъ кинулся на самого шкипера (кормщика лодки) и грозя ему своимъ кортикомъ, сказалъ: „Если хочешь быть живъ, вези насъ къ Кронштлоту [1]) или къ Ревелю, но берегись измѣнить". Такъ и плыли они до острова Даго, завоеваннаго русскими: здѣсь Долгоруковъ высадилъ на берегъ плѣнныхъ шведовъ, кромѣ одного шкипера, и позволилъ имъ возвратиться въ отечество; а шкиперу велѣлъ продолжать плаваніе до Ревеля, гдѣ и присталъ въ іюнѣ 1711 года. Далеко былъ въ то время Петръ: онъ былъ въ Молдавіи, на берегахъ Прута, гдѣ Россія едва не лишилась и славнаго своего Монарха и плодовъ побѣдъ его. Легко вообразить, какова была радость Петра, когда онъ, возвратясь въ Петербургъ, опять увидѣлъ послѣ такой долгой разлуки, своего вѣрнаго и возлюбленнаго сподвижника.

II.

Постарѣлъ князь Яковъ Ѳедоровичъ въ десять лѣтъ своего плѣна. Уже ему былъ 73-й годъ! а горе и лишеніе не поддерживаютъ молодости. Впрочемъ, онъ былъ сложенія чрезвычайно-крѣпкаго, всегда наблюдалъ благоразумную умѣренность въ пищѣ и не любилъ горячихъ напитковъ, что̀ въ тѣ времена было очень необыкновенно. Прибавьте, что онъ постоянно вставалъ рано и былъ очень дѣятеленъ. Такой суровый образъ жизни всегда способствуетъ здоровью: неудивительно, что Долгоруковъ достигъ глубокой старости: послѣ разсказаннаго освобожденія, онъ жилъ еще 9 лѣтъ и, слѣдовательно, умеръ на 82-мъ году своего возраста, именно 1720 года. Наружность у него была пріятная, даже величественная: съ высокимъ ростомъ онъ соединялъ тѣлосложеніе плотное; у него были живые черные глаза и рѣзкіе черты лица, которымъ большіе усы придавали еще болѣе выраженія

[1]) Крѣпость въ морѣ близъ Кронштадта.

Можно сказать, что князь Яковъ Ѳедоровичъ, возвратясь изъ плѣна, не узналъ Россіи: такъ она перемѣнилась въ 10 лѣтъ его отсутствія! Въ 1700 г. она была стѣснена побѣдоноснымъ непріятелемъ; Петръ еще только начиналъ свои обширныя преобразованія; сколько препятствій еще предстояло ему побѣдить! только его геніальный взоръ могъ безъ страха смотрѣть на будущность. Въ 1711 году Россія уже сама была побѣдоносна, могущественна; она обладала берегами Балтійскаго моря, гдѣ, какъ-будто по манію волшебнаго жезла, изъ болота возникъ богатый Петербургъ; она побраталась съ Европой. И сколько новыхъ учрежденій пріобрѣла Россія! Между ними важное мѣсто занималъ Сенатъ, учрежденный въ началѣ 1711 года. Все это было ново для Долгорукова. Въ числѣ милостей, оказанныхъ ему Петромъ въ вознагражденіе долговременнаго несчастія было и производство его въ сенаторы. Въ этой-то должности и заслужилъ онъ главную славу свою.

„Царю правда лучшій слуга! — Служить — такъ не картавить; картавить — такъ не служить“ — говаривалъ Долгоруковъ, и во всю жизнь онъ держался этого мудраго правила. При разсмотрѣніи дѣлъ, онъ всегда руководствовался однимъ строгимъ правосудіемъ, не безпокоясь о самомъ себѣ. Часто останавливалъ онъ такія рѣшенія Сената, которыя считалъ неправильными, и изъ любви къ истинѣ противорѣчилъ нерѣдко самому Петру Великому, навлекалъ на себя гнѣвъ его. И надобно сказать, что въ такихъ случаяхъ Долгоруковъ былъ слишкомъ смѣлъ, даже дерзокъ; но таковъ характеръ его. „Государь горячъ, а я еще горячѣе“, такъ говорилъ онъ въ сознаніи своей слабости. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ и рѣзокъ на словахъ. Къ счастію, Петръ Великій любилъ правду такъ же пламенно, какъ и онъ, и изъ уваженія къ благородному намѣренію прощалъ подданному грубость поступковъ и рѣчей. Есть много разсказовъ о томъ, какъ Долгоруковъ настойчиво противорѣчилъ другимъ сенаторамъ и самому Петру; случаи эти приносятъ столько же чести царю, какъ и подданному: сообщу вамъ нѣкоторые изъ нихъ по разсказамъ извѣстнаго писателя нашего, г. Бантыша-Каменскаго, и князя Петра Долгорукова, издавшаго „Сказанія“ о родѣ своихъ однофамильцевъ.

Въ Петербургѣ обнаружился недостатокъ въ хлѣбѣ. Для отвращенія угрожавшаго голода Сенатъ опредѣлилъ собрать по четверику съ каждаго крестьянина въ Новгородской губерніи, какъ ближайшей къ столицѣ. Петръ Великій одобрилъ это мнѣніе, подписанное всѣми сенаторами, кромѣ Долгорукова, который тогда не присутствовалъ. На другой день явился онъ въ Сенатъ, прочелъ опредѣленіе, потребовалъ сургуча и, не говоря ни слова, запечаталъ всѣ изготовленные указы по этому дѣлу; потомъ вышелъ и въ своей одноколкѣ отпра-

вился къ обѣднѣ. Изумленные и обиженные сенаторы немедленно донесли государю, съ большими прибавленіями, объ этомъ поступкѣ. Петръ пріѣхалъ въ Сенатъ и послалъ за Долгоруковымъ. Онъ находился еще въ церкви; ему объявили волю царя: „Слышу", отвѣчалъ онъ и остался на своемъ мѣстѣ. Явился другой посланный и получилъ тотъ же отвѣтъ. Гнѣвъ монарха увеличился. Сенаторы, не любившіе Долгорукова, котораго называли умникомъ, пожимали плечами; говорили, какъ-будто про себя, но довольно громко, чтобы слова ихъ были услышаны царемъ: „Какое дерзкое упорство! — „Ваше Величество" — сказалъ Меншиковъ — „можете изъ такого упорства волѣ Вашей заключить, какую мы должны сносить досаду отъ всегдашняго его въ дѣлахъ противорѣчія!" Раздраженный монархъ въ третій разъ послалъ за Долгоруковымъ, велѣвъ объявить ему: „что если онъ немедленно не явится въ Сенатъ, то съ нимъ поступлено будетъ какъ съ ослушникомъ верховной власти". — „Отдавайте Божіе Богу и Кесарево Кесарю", произнесъ тогда Долгоруковъ, продолжая молиться. — „Что прикажете донести государю"? спросилъ посланный. — „Донеси что видишь и слышишь." — Между тѣмъ обѣдня кончилась, и Долгоруковъ поспѣшилъ въ Сенатъ. Въ чрезмѣрномъ гнѣвѣ Петръ, обнаживъ свой кортикъ, вскричалъ: „Ты должеиъ умереть, какъ противникъ государевъ." — „Вотъ грудь моя — хладнокровно отвѣчалъ Долгоруковъ — не страшусь лишиться жизни за правду; но ты будешь Александръ, а я Клитъ!" [1]) — При этихъ словахъ монархъ опустилъ руку и, отступивъ на нѣсколько шаговъ, спросилъ: „Какъ ты осмѣлился остановить мое повелѣніе!" — „Ты самъ — продолжалъ князь — приказываешь представлять себѣ истину и стараться о пользѣ твоего народа". — Смягченный симъ отвѣтомъ, Петръ спросилъ: „Но гдѣ же возьмемъ мы хлѣбъ?.. Развѣ ты хочешь видѣть печальныя слѣдствія голода?" — „Нѣтъ, Государь, Боже насъ отъ того сохрани! Но не для чего тебѣ и господамъ сенаторамъ такъ безпокоиться. Отъ насъ самихъ зависитъ отвращеніе опасности: стоитъ только хоть немного усерднѣе подумать, и Новгородская губернія, которая болѣе другихъ испытала тягость войны, не будетъ обременена новымъ налогомъ". — „Какое же средство должно употребить для этого?" спросилъ Петръ, совершенно успокоившійся. — „Изволь-ка сѣсть, Государь. Я тебѣ скажу, гдѣ взять хлѣбъ". Монархъ и всѣ сенаторы сѣли. Долгоруковъ продолжалъ: „Провіантъ твой будетъ сюда, по крайней мѣрѣ, не прежде, какъ черезъ два мѣсяца; до того времени есть у меня столько-то кулей муки; а мнѣ на продовольствіе дома моего довольно половины или немного побольше; у князя Меншикова, за всѣми его расходами,

[1]) Извѣстно, что Александръ Македонскій повредилъ своей славѣ убіеніемъ своего любимца Клита.

какъ я заподлинно знаю, останется гораздо болѣе половины; у генералъ-адмирала тоже; у другихъ господъ сенаторовъ будутъ также остатки. Возьми ихъ: войско и бѣдные граждане не потерпятъ нужды въ продовольствіи, а когда прибудетъ ожидаемый хлѣбъ, то ты можешь взятый у насъ возвратить намъ новою мукою. Такимъ образомъ мы, вмѣсто лежалой, получимъ свѣжую, а добрые крестьяне Новгородскіе не потерпятъ излишней тягости. Внимательно слушалъ Петръ мнѣніе Долгорукова; потомъ, оборотясь къ сенаторамъ, сказалъ: „Чтожъ вы молчите и не противорѣчите?“ — Сенаторы принуждены были сознаться, что князь говоритъ дѣло, и изъявили готовность отдать всѣ свои избытки хлѣба. „Вижу“, — продолжалъ государь, смотря на нихъ — „что можно вамъ сносить его упорство и противорѣчія“. — Послѣ этого въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ онъ Долгорукова за его прозорливость и просилъ у него прощенія въ гнѣвѣ своемъ.

Въ другой разъ, по подобному же дѣлу, именно о продовольствіи флота, Долгоруковъ поступилъ такъ же и опять разсердилъ государя своимъ противорѣчіемъ. Но выслушавъ его объясненіе, довольно сходное съ предыдущимъ, признательный Петръ поцѣловалъ Долгорукова въ голову и произнесъ: „Спасибо, дядя, ты право умнѣе меня, и не напрасно называютъ тебя умникомъ“. — Нѣтъ, Государь — отвѣчалъ Долгоруковъ — не умнѣе; но у меня менѣе дѣла, и потому есть время мнѣ обдумать, а и тутъ иногда ошибаюсь; у тебя же ихъ безъ числа, такъ и не диво, что ты иного не обдумаешь!“ Петръ Великій, взявъ свой указъ, при всѣхъ разодралъ его.

III.

Однажды Петръ подписалъ въ Сенатѣ указъ о порученіи рыть Ладожскій каналъ крестьянамъ губерній Новгородской и С.-Петербургской. Долгоруковъ въ тотъ день не присутствовалъ; на другой, прибывъ въ Сенатъ, спросилъ: „О чемъ здѣсь вчера разсуждали?“ Ему подали бумаги. Князь началъ съ жаромъ доказывать, что принятая мѣра противна пользамъ государства и что ее необходимо отмѣнить. Ему показали указъ съ подписью царскою. Князь Яковъ схватилъ указъ и разорвалъ въ куски. Всѣ сенаторы съ ужасомъ вскочили съ своихъ мѣстъ. „Знаете-ли, что́ вы сдѣлали и чему за то подвергаетесь?“ спрашивали они у Долгорукова. „Знаю, и буду за то отвѣчать предъ Богомъ, Государемъ и отечествомъ“. Въ это самое мгновеніе Петръ вошелъ въ Сенатъ, удивился необыкновенному шуму и освѣдомился о причинѣ. Генералъ-Прокуроръ съ трепетомъ подалъ ему разорванный указъ и объявилъ все. „Что побудило тебя — спросилъ разгнѣванный царь у князя Якова — къ такому неслыханному преступленію противъ твоего Государя?“ — „Не иное что, какъ усердіе мое къ счастію тво-

ихъ подданныхъ и къ собственной твоей славѣ. Петръ Алексѣевичъ! Надѣюсь на твое благоразуміе: ты вѣрно не захочешь слѣдовать примѣру Карла XII и не станешь разорять своей земли. Ты поторопился подписать указъ, а не расчелъ, въ какомъ состояніи находятся эти двѣ губерніи, болѣе всѣхъ другихъ потерпѣвшія отъ войны? Сколько въ нихъ людей вымерло; какъ великъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ! Что мѣшаетъ тебѣ, для рытья канала, необходимо-нужнаго для твоего Петербурга, взять работниковъ изъ другихъ областей, менѣе разоренныхъ, — изъ каждой области понемногу? Сверхъ того, у тебя въ рукахъ большое число плѣнныхъ шведовъ, которыхъ ты можешь употребить вмѣсто своихъ подданныхъ къ тяжкой работѣ." — „Все это очень хорошо — отвѣчалъ Петръ — но зачѣмъ же было рвать мой указъ?" — „Отъ того, что я разгорячился и не утерпѣлъ!" Петръ велѣлъ издать повелѣніе о высылкѣ на работу, вмѣсто С.-Петербургскихъ и Новгородскихъ крестьянъ, — плѣнныхъ шведовъ.

Подобно Долгорукову, иногда и царь выходилъ изъ себя. Мы уже видѣли, какъ онъ однажды прогнѣвался на князя и едва не закололъ его. То же легко могло случиться въ другомъ жаркомъ спорѣ между ними; Петръ уже занесъ-было кортикъ, но Долгоруковъ схватилъ его за руку. „Постой, Государь! — сказалъ онъ, — честь твоя мнѣ дороже моей жизни. Если голова моя тебѣ нужна, то не дѣйствуй своими руками, а вели палачу отсѣчь мнѣ голову на площади. Тогда еще подумаютъ, что я казненъ за какое-нибудь важное преступленіе: судить же меня съ тобою будетъ одинъ Богъ!" Петръ бросивъ кортикъ на полъ, выбѣжалъ изъ комнаты; черезъ четверть часа возвратился и, обнимая князя Якова, со слезами просилъ у него прощенія.

Когда въ 1719 г. занемогъ малолѣтній царевичъ Петръ Петровичъ, котораго государь нѣжно любилъ и назначалъ наслѣдникомъ престола, и на выздоровленіе ребенка не оставалось надежды, Петръ Великій заперся въ своемъ кабинетѣ, не хотѣлъ никого видѣть, отказывался отъ пищи и заливался горькими слезами. Сама Екатерина не имѣла доступа въ кабинетъ своего супруга. Встревоженная, она послала за княземъ Яковомъ и совѣтовалась съ нимъ. Князь собралъ во дворцѣ весь Сенатъ, пошелъ къ кабинету царскому и сталъ стучаться въ дверь. „Кто тамъ?" спросилъ Петръ. „Долгоруковъ и весь Сенатъ пришли къ тебѣ, Государь, съ дѣлами необыкновенной важности." — „Я не могу васъ принять." — „Отопри дверь, Государь!" — кричалъ Долгоруковъ — „отопри дверь и допусти насъ къ себѣ; дѣла не терпятъ никакой отсрочки." — Петръ отперъ дверь и князь Яковъ сталъ говорить ему, что отлучка царя вредитъ дѣламъ царства, что Россія не можетъ, по причинѣ горести владыки своего, видѣть ходъ дѣлъ остановленнымъ, и что Петръ долженъ приняться за дѣла или дать Россіи другого государя. Царь спокойно выслушалъ осьмидесяти

лѣтняго старца; далъ ему слово утѣшить горесть свою, покориться волѣ Божіей, и на слѣдующее же утро принялся за дѣла.

Разъ, за шумнымъ обѣдомъ, государь завелъ рѣчь о царствованіи родителя своего Алексѣя Михайловича. Каждый изъ сидѣвшихъ за столомъ сообщалъ свои замѣчанія; между тѣмъ придворные нечувствительно склонили разговоръ къ сравненію дѣлъ Петра Великаго съ дѣяніями царя Алексѣя, и одинъ вельможа, желая польстить Петру, сталъ хвалить его, осуждая правленіе Алексѣя Михайловича; наконецъ, даже самые знаменитые подвиги этого государя приписалъ боярамъ того времени. Съ негодованіемъ Петръ внималъ словамъ его. „Ты хулою дѣлъ отца моего, а лицемѣрною мнѣ похвалою — сказалъ онъ — болѣе меня оскорбляешь, нежели сколько я стерпѣть могу!“ и вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ Долгорукову, остановился за стуломъ его и сказалъ: „Дядя! я знаю, что ты больше всѣхъ бранишь меня, и такъ тяжко спорами своими досаждаешь мнѣ, что часто едва могу вынести; но какъ разсужу, то и вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренно и благодарю. Нынѣ же тебя спрошу, и увѣренъ, что ты о дѣлахъ отца моего и моихъ скажешь правду нелицемѣрную“. — „Изволь сѣсть, — отвѣчалъ Долгоруковъ, — а я подумаю“. Всѣ хранили молчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ Долгоруковъ, поглаживая длинные усы свои, началъ: „Государь! вопросъ твой нельзя разрѣшить въ немногихъ словахъ, отъ того, что дѣла разныя: въ иномъ твой отецъ, а въ иномъ ты больше достоинъ отъ насъ хвалы и благодарности“. Послѣ этого онъ подробно разсмотрѣлъ, что̀ сдѣлали оба монарха по внутренней расправѣ, по военнымъ дѣламъ и по устроенію флота, и только въ послѣднемъ отношеніи отдалъ рѣшительное преимущество Петру. Когда онъ кончилъ, государь, обнимая его, сказалъ словами священнаго писанія: „Добрый и вѣрный рабъ! въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многими тебя поставлю“.

Эти случаи и разговоры достаточно показываютъ не только праводушіе князя Якова Ѳедоровича, но и свѣтлый умъ его, умудренный лѣтами и опытностію, его пламенную любовь къ отечеству, рѣшительность и присутствіе духа. Какъ легко и удачно разрѣшалъ онъ государственныя задачи, затруднявшія другихъ вельможъ, а иногда и самого Петра! Должно, однакожъ, замѣтить, что сужденіе его о царствованіи его благодѣтеля, въ сравненіи съ дѣлами Алексѣя Михайловича, отзывается недальновидностью современниковъ; не льстя Петру, надобно было признать рѣшительное превосходство дѣйствій его надъ дѣяніями Алексѣя. Но былъ ли когда-нибудь человѣкъ совершенно независимъ отъ вліянія своего вѣка? Великъ былъ Долгоруковъ, и Петръ умѣлъ цѣнить его, любилъ искренно и видѣлъ въ немъ надежнѣйшаго друга своего: князь Яковъ всегда былъ повѣреннымъ души царевой.

Есть въ Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, два мѣста, съ которыми тѣсно связано воспоминаніе о Долгоруковѣ. Я разумѣю, во-первыхъ, то длинное зданіе (близъ Исакіевскаго моста [1]), которое всѣмъ петербургскимъ жителямъ извѣстно подъ именемъ „зданія двѣнадцати коллегій", хотя въ немъ теперь и помѣщаются не коллегіи, а Университетъ и главный Педагогическій Институтъ. Домъ этотъ началъ строиться уже по смерти Долгорукова, именно въ 1724 году; но напоминаетъ его потому, что князь Яковъ былъ президентомъ одной изъ 12-ти коллегій, и что самое это учрежденіе состоялось не безъ его вліянія. Такія коллегіи давно находились въ Швеціи; тамъ все управленіе государствомъ раздѣлено по частямъ, и каждая особая часть ввѣрена особому присутственному мѣсту, или такъ называемой коллегіи. Когда Петръ Великій ѣздилъ за границу въ 1716 году, одинъ государственный человѣкъ совѣтовалъ ему завести и въ Россіи такія коллегіи, по шведскому образцу. По возвращеніи въ отечество, Петръ, зная, что Долгоруковъ хорошо вникнулъ въ устройство Швеціи, спросилъ его мнѣніе по этому дѣлу, и князь усердно принялся убѣждать царя въ пользѣ такого плана. Тѣхъ же мыслей былъ и знаменитый ученый Германіи, Лейбницъ, которому государь послѣ сообщалъ свое предположеніе. Такъ рѣшено было учредить коллегіи.

Другое мѣсто, замѣчательное памятью Долгорукова, находится въ 1-й линіи, близъ церкви Великомученицы Екатерины. Тамъ есть трехъ-этажный домъ, на мѣстѣ котораго, еще за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стоялъ домъ, нѣкогда принадлежавшій Долгорукову, а въ послѣднее время составлявшій собственность купца Губкина. Домъ этотъ, по словамъ князя Петра Долгорукова, былъ каменный, одно-этажный, въ пять оконъ на улицу, съ нижнимъ жильемъ и мезониномъ, и по обѣимъ сторонамъ съ воротами, отдѣлявшими его отъ флигелей. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, гдѣ лежитъ прахъ Якова Долгорукова, хотя и вѣроятно, что онъ погребенъ въ Александроневской Лаврѣ. Такъ всѣ слѣды необыкновеннаго человѣка исчезли; но исчезли какъ-будто въ доказательство, какъ излишни вещественные памятники, когда живетъ память великихъ дѣлъ. Она смѣется надъ усиліями истребить ее вмѣстѣ съ бренными свидѣтельствами жизни; она торжествуетъ надъ смертью и невредимо переходитъ изъ рода въ родъ.

---

[1]) Исакіевскій мостъ, котораго нынѣ нѣтъ вовсе, находился противъ памятника Петру Великому. *Ред.*

РУМЯНЦОВЫ [1]).

На правой сторонѣ Невы, близъ набережной Васильевскаго острова, стоитъ памятникъ съ надписью: *Румянцова побѣдамъ.* Почти противъ него, въ ряду величественныхъ зданій другого берега, есть одно, на которомъ начертаны слова: *Отъ Государственнаю Канцлера Графа Румянцова на благое просвѣщеніе.* Это такъ называемый Румянцовскій Музей [2]). Памятникъ воздвигнутъ въ честь отца. Музей основанъ сыномъ. Достопамятенъ еще третій Румянцовъ, отецъ того, которому посвященъ монументъ. Замѣчательно, что эти три мужа, одинъ за другимъ, участвовали въ дѣяніяхъ трехъ славнѣйшихъ царствованій русской исторіи: Петра Великаго, Екатерины II и Александра I. Доблести, которыми они обезсмертили свой родъ, разнообразны. Взглянемъ на жизнь и дѣла всѣхъ троихъ Румянцовыхъ.

I. Графъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ.

Однажды Петръ Великій пораженъ былъ наружностію солдата, стоявшаго на часахъ во дворцѣ его. Геніальнымъ взоромъ своимъ монархъ тотчасъ угадалъ въ немъ способнаго человѣка, съ минуту пристально смотрѣлъ ему въ глаза и взялъ къ себѣ въ ординарцы [3]). Этотъ солдатъ былъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ, сынъ бѣднаго костромского помѣщика старинной дворянской фамиліи. Но какъ же дворянинъ могъ быть простымъ солдатомъ? Надобно знать, что по закону Петра I всякій дворянинъ долженъ былъ непремѣнно служить, начиная съ самыхъ низшихъ степеней. Самъ государь подалъ въ томъ разительный примѣръ подданнымъ: не смотря на свой высокій санъ, онъ сперва принялъ чинъ капитана и потомъ подвигался въ званіяхъ постепенно по мѣрѣ оказываемыхъ заслугъ.

Румянцовъ вскорѣ умѣлъ оправдать довѣренность государя, и часто удостоивался важныхъ порученій. Въ 1717 г. Петръ вторично посѣтилъ Голландію. Тогда Румянцовъ, 37-ми лѣтъ отъ роду, былъ уже капитаномъ гвардіи и сопровождалъ государя. Во время этого путешествія, Петръ озабоченъ былъ поведеніемъ сына своего, царевича Алексѣя. Отправляясь за границу, государь требовалъ, чтобы Алексѣй Петровичъ, губившій время въ пустыхъ забавахъ, или исправился, или отказался отъ престола и принялъ монашество. Изъ Ко-

[1]) „Звѣздочка“ 1843, ч. VII, стр. 75, 97, 195.

[2]) Въ 1861 г. онъ переведенъ въ Москву. *Ред.*

[3]) Ординарцемъ называется офицеръ или унтеръ-офицеръ, состоящій при своемъ начальникѣ для разныхъ разсылокъ по службѣ.

пенгагена царь писалъ, чтобы непокорный сынъ явился къ нему. Алексѣй поѣхалъ, но на полудорогѣ скрылся безъ вѣсти. Монархъ узналъ о томъ въ Голландіи, и, по повелѣнію его, Румянцовъ немедленно отправился отыскивать мѣстопребываніе царевича. Провѣдавъ, что онъ въ Неаполѣ подъ покровительствомъ нѣмецкаго императора, Румянцовъ возвратился въ Голландію и снова посланъ былъ съ тайнымъ совѣтникомъ Толстымъ для взятія Алексѣя Петровича подъ стражу. Въ началѣ 1718 г. посланные, съ согласія вѣнскаго двора, привезли царевича въ Россію, куда около того же времени возвратился и самъ Петръ Великій.

Въ томъ же, какъ кажется, году Румянцовъ женился. Сперва онъ себѣ выбралъ-было богатую дѣвицу, но государь не допустилъ этой свадьбы. Узнавъ о намѣреніи любимца своего, Петръ спросилъ, видѣлъ ли онъ невѣсту. Въ нынѣшнее время такой вопросъ показался бы очень страннымъ; но у предковъ нашихъ почти всегда такъ водилось, что женихъ и невѣста не видѣли другъ друга до самаго вѣнчанія; сватали же ихъ другіе, заочно. Петръ усердно искореняя всѣ старинные предразсудки и стараясь вводить европейскіе нравы въ Россіи, отмѣнилъ и это нелѣпое обыкновеніе. Поэтому легко вообразить, какъ недоволенъ былъ царь, услышавъ въ отвѣтъ, что Румянцовъ своей невѣсты не видѣлъ. Петръ объявилъ, что прежде, нежели согласится на свадьбу, онъ хочетъ посмотрѣть его избранную и для того пріѣдетъ на балъ, назначенный въ домѣ отца ея. Долго не могли дождаться государя и, полагая, что онъ не будетъ, въ 10-мъ часу начали танцовать. Между тѣмъ онъ прибылъ и, стоя въ дверяхъ, смотрѣлъ на невѣсту. Она ему не понравилась: уѣзжая, онъ сказалъ почти въ слухъ: „ничему не бывать“. Разумѣется, что и жениху и домашнимъ такое рѣшеніе было вовсе не по сердцу.

На другой день Румянцовъ съ печальнымъ лицомъ явился къ государю. „Нѣтъ, братъ“, сказалъ Петръ, „невѣста тебѣ не пара и свадьбѣ не бывать: но не безпокойся, я твой сватъ. Положись на меня; я высватаю тебѣ гораздо лучшую“. Въ тотъ же вечеръ царь повезъ Румянцова къ тайному совѣтнику графу Матвѣеву, сыну того знаменитаго боярина, у котораго воспитывалась въ молодости своей мать Петра Великаго и который послѣ убитъ былъ стрѣльцами. „У тебя есть невѣста“, сказалъ государь графу, „а я привезъ ей жениха“. Матвѣевъ, зная, что Румянцовъ бѣденъ, испугался и не умѣлъ отвѣчать. Петръ угадалъ его мысль и прибавилъ: „Ты знаешь, что я его люблю и что въ моей власти сравнять его съ самыми знатнѣйшими Отецъ не смѣлъ противиться; молодая графиня Марія Андреевн вскорѣ стала супругою Румянцова.

Александръ Ивановичъ, какъ сказано, былъ бѣденъ. Привыкнувъ говорить съ государемъ искренно, онъ въ прежнее время не раз

жаловался ему на свое стѣсненное положеніе. „Учись терпѣнію“, отвѣчалъ Петръ: „подожди, пока рука моя развернется“. Вскорѣ послѣ своей женитьбы, Румянцовъ вмѣстѣ съ супругою былъ однажды на балу у князя Меншикова. Вдругъ ему подаютъ записку отъ царя, и какова же была его неожиданная радость, когда онъ прочиталъ, что произведенъ въ бригадиры [1]) и что ему пожаловано нѣсколько деревень. Въ порывѣ благодарности онъ тотчасъ взялъ жену изъ круга танцовавшихъ и вмѣстѣ съ нею бросился къ ногамъ государя. „Вѣдь я говорилъ тебѣ“, сказалъ Петръ, „чтобы ты подождалъ, пока развернется рука моя: теперь она развернулась“.

Румянцовъ пережилъ своего великаго благотворителя и продолжалъ служить его преемнику Петру II и потомъ двумъ императрицамъ. Анна Іоанновна поручила ему управленіе государственными доходами; но такъ какъ онъ не имѣлъ нужныхъ свѣдѣній по счетнымъ дѣламъ, а потому и не надѣялся оправдать въ новой должности довѣренность государыни, то онъ ей откровенно представилъ, „что, не смотря на всегдашнюю готовность исполнять ревностно ея повелѣнія, находитъ себя неспособнымъ къ занятію новой для него должности“. Это откровенное объясненіе служитъ къ чести Румянцова, потому что добросовѣстный человѣкъ не долженъ браться за то, чего онъ не въ состояніи исполнить. Но вѣроятно у Румянцова были непріятели (у кого ихъ нѣтъ?), которые ложно истолковали его слова: онъ былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ казанскую свою деревню, гдѣ и провелъ три года, какъ преступникъ, подъ крѣпкою стражей.

Въ 1735 г. онъ былъ прощенъ, и въ слѣдующіе годы участвовалъ, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха, въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Тутъ онъ доказалъ не только неустрашимость и благоразуміе военачальника, но также человѣколюбіе, которое придаетъ еще болѣе цѣны доблести воина. Онъ просилъ у императрицы вспоможенія несчастнымъ туркамъ, взятымъ въ плѣнъ подъ Очаковымъ, и писалъ по этому случаю, что они находятся въ жалкомъ положеніи, полунаги и босы, и что большая часть изъ нихъ, при отправленіи своемъ въ разные города, могутъ умереть на дорогѣ отъ усиливающагося часъ-отъ-часу холода.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны, А. И. Румянцовъ оказалъ отечеству важную услугу при заключеніи мира съ Швеціею. Въ наше время вся бывшая область этого государства, Финляндія, повинуется русскому императору, но она не вдругъ отнята была у шведовъ. Сначала Петръ присоединилъ къ Россіи только Выборгъ: договоръ объ

[1]) Чинъ, отмѣненный императоромъ Павломъ: онъ занималъ мѣсто между полковникомъ и генералъ-маіоромъ и соотвѣтствовалъ чину статскаго совѣтника въ гражданской службѣ.

этомъ заключенъ былъ 1721 года въ финляндскомъ городѣ Ништатѣ, и Румянцовъ не разъ ѣздилъ туда съ наставленіями отъ своего монарха. Черезъ 22 года послѣ того, императрица Елисавета Петровна овладѣла, кромѣ Выборга, городами Нейшлотомъ, Вильманстрандомъ и Фридрихсгамомъ (т. е. Выборгскою областью до рѣки Кюменя). Объ этомъ происходили продолжительные переговоры въ Або (въ 1743 г.) и ихъ велъ Румянцовъ. За счастливое окончаніе сношеній съ Швеціею онъ былъ награжденъ щедро и между прочимъ пожалованъ графомъ.

Румянцовъ былъ нрава обходительнаго и веселаго; будучи сверхъ того одаренъ отличною памятью, онъ искусно и пріятно разсказывалъ событія своей долголѣтней жизни: при крѣпкомъ сложеніи, дожилъ онъ до 70 лѣтъ, и умеръ 1749 года въ Москвѣ.

II. Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ Задунайскій.

1.

При заключеніи мира съ Швеціею, былъ въ Або, вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ, и сынъ его Петръ, въ то время 19-ти лѣтъ отъ роду, но уже въ чинѣ капитана. Онъ родился въ 1725 году, достопамятномъ смертію Петра Великаго, и, по тогдашнему обычаю, еще ребенкомъ былъ записанъ въ солдаты. Вскорѣ послѣ того отецъ былъ сосланъ въ деревню, и первоначальное воспитаніе маленькаго Петра безъ сомнѣнія пострадало отъ этого несчастія. Живя въ глуши, въ горѣ, подъ стражею, могъ ли опальный графъ найти средства къ образованію сына? Лѣтъ 15-ти Петръ Александровичъ отданъ былъ въ Шляхетный [1]) сухопутный корпусъ, незадолго передъ тѣмъ основанный императрицею Анною. Этотъ первый русскій корпусъ, при самомъ учрежденіи (1732 г.), помѣщенъ былъ въ томъ же домѣ, въ которомъ онъ и нынѣ находится подъ именемъ 1-го кадетскаго корпуса и который нѣкогда принадлежалъ могущественному любимцу Петра Великаго, князю Меншикову. Изъ этого заведенія вышло много офицеровъ, прославившихся впослѣдствіи: вотъ почему императрица Екатерина II по справедливости называла его „разсадникомъ великихъ людей“. Къ числу его питомцевъ принадлежитъ и Румянцовъ. Впрочемъ онъ пробылъ въ корпусѣ не болѣе четырехъ мѣсяцевъ: судьба не благопріятствовала его воспитанію; но тѣмъ болѣе чести природнымъ способностямъ его приносятъ заслуги, которыми онъ отличился.

Въ 1756 г. вспыхнула между Пруссіей и Австріей жестокая война извѣстная въ исторіи подъ именемъ семилѣтней. По просьбѣ Австрі

---

[1]) Слово нынѣ уже не употребительное въ русскомъ языкѣ. Оно значило *Дворянскій*. Польскіе дворяне издавна называли себя *шляхтичами*, *шляхтою* (отъ нѣмецкаго слова Geschlecht).

ской императрицы Маріи Терезіи, государыня Елисавета Петровна согласилась прислать ей войско въ помощь противъ прусскаго короля Фридриха II. Въ его владѣніяхъ происходили главныя сраженія, и здѣсь русская армія совершила много славныхъ подвиговъ. Въ ней служилъ и Румянцовъ, въ чинѣ генералъ-маіора. Участіе наше въ семилѣтней войнѣ дорого стоило намъ: около 300.000 русскихъ легло на поляхъ Германіи; тридцать милліоновъ рублей принесено ей въ жертву. При всемъ томъ, надобно сознаться, что русскіе извлекли не малую пользу изъ этой войны въ Пруссіи. Конечно, еще Петръ Великій привелъ свою армію въ превосходное состояніе; но все-же войска европейскія, такъ давно уже образованныя, были гораздо искуснѣе русскихъ, которыя слѣдовательно могли перенять у нихъ много хорошаго въ военномъ дѣлѣ. Надобно прибавить, что непріятелемъ предводительствовалъ Фридрихъ II, одинъ изъ величайшихъ полководцевъ, извѣстныхъ въ исторіи. У него русскіе генералы могли многому научиться, и подлинно научились. Особенно Румянцовъ умѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ для развитія своихъ воинскихъ дарованій, и уже въ семилѣтней войнѣ сильно способствовалъ успѣхамъ русскихъ.

Но наиболѣе прославился онъ побѣдами надъ турками при Екатеринѣ II. Вскорѣ послѣ начала войны онъ назначенъ былъ главнокомандующимъ всей русской арміи и въ 1770 г. лѣтомъ удивилъ свѣтъ своими подвигами. Когда будете гулять въ великолѣпномъ Царскосельскомъ саду, отыщите тамъ, между многими памятниками блестящаго царствованія Екатерины, монументъ съ слѣдующею надписью:

„Въ память побѣды при рѣкѣ Кагулѣ, въ Молдавіи, іюля 21 дня 1770 года, подъ предводительствомъ генерала графа Румянцова, россійское воинство, числомъ семнадцать тысячъ, обратило въ бѣгство, до рѣки Дуная, турецкаго визиря съ силою полтораста-тысячною".

Румянцовъ началъ воевать съ турками иначе, нежели какъ то дѣлалось до него. Другіе европейскіе генералы, сражаясь съ ними, забывали, что это народъ азіятскій, что въ войнѣ съ нимъ нельзя наблюдать тѣхъ же правилъ, какія приняты въ отношеніи къ образованнымъ націямъ. Отъ того случалось, что даже очень искусные военачальники у нѣмцевъ, у французовъ проигрывали битвы противъ этого непріятеля. Турки особенно любятъ нападать; ихъ первая аттака бываетъ ужасна: стремительно, горячо, съ дикими криками изступленія бросаются въ бой ихъ огромныя полчища, ихъ многочисленная конница, и горе врагу, если онъ не выдержитъ этого перваго удара! Но за то, если онъ устоитъ твердо, ему послѣ уже не трудно одолѣть турокъ, которые, легко приходя въ ярость, легко и охладѣваютъ; сильный отпоръ, быстрое нападеніе приводятъ ихъ въ замѣшательство. Уже полководецъ Анны Іоанновны, Минихъ, воюя съ

турками лѣтъ за 30 до Румянцова, понялъ отчасти все это и славно побѣждалъ ихъ. Но онъ, по старинному обычаю, еще употреблялъ, для защиты отъ нихъ, рогатки. Рядъ такихъ деревянныхъ рогатокъ, связанныхъ желѣзными цѣпями, ставился передъ войскомъ, чтобы нѣсколько ослабить сильное стремленіе турецкой конницы. Румянцовъ первый понялъ, что эти рогатки только затрудняютъ движенія арміи, мѣшаютъ ей дѣйствовать свободно, и безъ пользы обременяютъ обозъ. Передъ Кагульскимъ сраженіемъ онъ велѣлъ войску бросить рогатки, сказавъ: „Огонь и мечъ пусть будутъ вамъ защитою!“ Съ тѣхъ поръ употребленіе рогатокъ въ сраженіяхъ болѣе не возобновлялось у русскихъ.

Послѣ знаменитѣйшей побѣды своей Румянцовъ принялся громить крѣпости на обоихъ берегахъ Дуная; но тутъ онъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, былъ уже не такъ счастливъ. Трудно рѣшить, должно ли это приписать обстоятельствамъ, или ошибкамъ полководца. Нѣсколько разъ онъ писалъ къ императрицѣ, жаловался на малое число своего изнуреннаго войска, на свою болѣзнь, просилъ новыхъ подкрѣпленій, просилъ отставки. Въ то же время увѣрялъ онъ Екатерину въ своемъ усердіи, изъявляя подозрѣніе, что наушники чернятъ его въ глазахъ государыни и скрываютъ отъ нея настоящее, затруднительное положеніе арміи. Нѣсколько разъ императрица собственноручно отвѣчала Румянцову, напоминала „правило римлянъ, что не числомъ побѣждаютъ“, требовала, чтобы онъ и при тѣхъ средствахъ, какія у него тогда находились, перешелъ Дунай и принудилъ непріятеля къ миру. „Вѣрю усердію“, прибавляла государыня, „но люди судятъ по дѣламъ“.

Многіе, основываясь на этихъ обстоятельствахъ, обвиняютъ Румянцова въ нерѣшимости, медленности, недовѣрчивости къ себѣ и къ другимъ; говорятъ даже, что онъ боялся славы подчиненныхъ и не награждалъ ихъ по заслугамъ. Но едва-ли эти упреки не слишкомъ строги. Когда Суворовъ, присланный въ 1773 г. въ подкрѣпленіе къ главнокомандующему, ослушался его и самовольно взялъ турецкую крѣпость Туртукай, то онъ, по военнымъ уставамъ, подлежалъ наказанію: онъ былъ отданъ подъ судъ и приговоренъ къ смерти. Но препровождая къ императрицѣ этотъ приговоръ, Румянцовъ приложилъ и извѣстные стихи Суворова:

„Слава Богу, слава вамъ!
Туртукай взятъ — и я тамъ“,

стихи, которыми этотъ геніальный чудакъ донесъ графу о своемъ подвигѣ. Представляя ихъ монархинѣ, Румянцовъ назвалъ ихъ „бе примѣрнымъ лаконизмомъ безпримѣрнаго Суворова“. Слѣдователь герой Кагульскій отдавалъ ему полную справедливость, но оказа противозаконное снисхожденіе онъ не смѣлъ.

Впрочемъ у всякаго есть свои недостатки: Румянцовъ также не могъ избѣгнуть ихъ. Но если, какъ говоритъ и Великая Екатерина, о человѣкѣ судятъ по дѣламъ его, то не должно ли судить и о Румянцовѣ по главному его дѣлу — блистательному окончанію турецкой войны? Онъ заключилъ ее, къ славѣ русскихъ, миромъ, необычайно выгоднымъ для нихъ. Этимъ миромъ приведено въ исполненіе одно изъ главныхъ намѣреній Петра I. Извѣстно, что еще до завоеванія областей Прибалтійскихъ, онъ хотѣлъ овладѣть берегами Чернаго моря, чтобы русскіе корабли могли свободно плавать по водамъ его для торговли съ Азіею и съ Европою. Вотъ для чего онъ въ 1696 г. взялъ городъ Азовъ и основалъ недалеко оттуда Таганрогъ. Но неудача, какую Петръ впослѣдствіи потерпѣлъ при рѣкѣ Прутѣ въ турецкомъ походѣ, заставила его отказаться отъ Азова и отъ мысли утвердить свое господство на Черномъ морѣ. Румянцовъ, отмстивъ туркамъ несчастіе Петра въ той самой Молдавіи, гдѣ оно случилось, осуществилъ отчасти и первоначальный планъ великаго Преобразователя Россіи. Своими распоряженіями за Дунаемъ вождь Екатерины въ 1774 г. до того устрашилъ турокъ, что они по его требованію должны были прислать къ нему полномочныхъ для заключенія такого мира, какой онъ предложитъ. Въ то время онъ стоялъ въ Кучукъ-Кайнарджи [1]) близъ турецкой крѣпости Силистріи (что на Дунаѣ). Туда явились посланные отъ непріятеля, и въ ставкѣ Румянцова, на русскомъ барабанѣ, подписали приготовленный напередъ уже договоръ. Россіи уступлено нѣсколько приморскихъ гаваней и русскимъ кораблямъ предоставлено свободное плаваніе отъ моря Чернаго до Средиземнаго. Татары, въ нѣкоторыхъ южныхъ областяхъ нынѣшней Россіи, до того времени подвластны были турецкому султану. По миру, заключенному Румянцовымъ, они были признаны независимыми. Это было чрезвычайно важно. Пока татары были турецкими подданными, они безпрестанно вторгались въ наши предѣлы и Турція всегда готова была поддерживать и защищать ихъ, чтобы вредить опаснымъ своимъ сосѣдямъ — русскимъ; къ тому же эти татары заслоняли отъ Россіи Черное море и мѣшали ей пользоваться имъ для торговли. Теперь, когда они перестали зависѣть отъ Турціи, и въ ней потеряли сильную покровительницу, не трудно было справиться съ ними и даже покорить ихъ: такъ въ самомъ дѣлѣ и случилось. Черезъ 10 лѣтъ послѣ мира Кайнарджійскаго, Крымъ, главное гнѣздо свирѣпыхъ хищниковъ, былъ уже владѣніемъ русскимъ. Итакъ, слѣдствіемъ побѣдъ Румянцова было распространеніе границъ Россіи на югъ до самаго Чернаго моря.

Кто не знаетъ, какъ щедро и какъ умно Екатерина II награждала людей, способствовавшихъ къ прославленію ея царствованія? Но едва-

[1]) Кучукъ по-турецки значитъ: деревня.

ли кто другой изъ ея приближенныхъ удостоивался разомъ столькихъ истинно-царскихъ милостей, какъ Румянцовъ въ день празднованія знаменитаго мира въ Москвѣ, 10 іюля 1775 года. Первою наградою было пожалованное ему прозваніе Задунайскаго.

Въ слѣдующемъ году наслѣдникъ престола великій князь Павелъ Петровичъ ѣздилъ въ Берлинъ для свиданія съ своею высокою невѣстою, племянницею короля прусскаго Фридриха II, виртембергскою принцессою, которая впослѣдствіи, своею неутомимою благотворительностью, такъ прославилась подъ именемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Румянцовъ сопровождалъ великаго князя. „Радуюсь, что могу познакомиться съ побѣдителемъ Оттомановъ“, сказалъ ему Фридрихъ и прибавилъ: „я нахожу великое сходство между вами и генераломъ моимъ Винтерфельдомъ“. — Государь! отвѣчалъ Румянцовъ, для меня очень лестно было бы хоть немного походить на генерала, столь славно служившаго Фридриху. — „Нѣтъ“, возразилъ король, „не этимъ должны вы гордиться, но побѣдами вашими, которыя передадутъ имя Румянцова позднѣйшему потомству“. Эти слова имѣли особенную цѣну, когда ихъ произносилъ такой полководецъ, каковъ былъ самъ Фридрихъ; но онъ не удовольствовался одною похвалою; онъ велѣлъ своимъ генераламъ явиться къ Румянцову съ почтеніемъ, съ поздравленіями, пожаловалъ ему орденъ и, собравъ войско въ Потсдамѣ (близъ Берлина), представилъ примѣрное Кагульское сраженіе, въ которомъ самъ начальствовалъ. Изъ приведеннаго отвѣта Румянцова Фридриху видна его скромность, всегдашняя спутница истинныхъ достоинствъ. Онъ ее доказалъ уже и прежде, особливо при возвращеніи изъ турецкаго похода. Государыня желала, чтобы онъ въѣхалъ въ Москву торжественно на колесницѣ чрезъ особыя тріумфальныя ворота; но онъ отклонилъ эту необыкновенную почесть и въѣхалъ просто.

2.

Въ Кайнарджи Россія и Турція примирились не надолго. Досадуя на потерю Крыма и надѣясь снова овладѣть имъ, султанъ въ 1787 г. опять объявилъ войну Екатеринѣ. Русскія войска были тогда раздѣлены на двѣ арміи: на Екатеринославскую и Украинскую (Малороссійскую [1]). Начальство надъ второю ввѣрено Румянцову. Малороссія была какъ-бы другою родиною семейства его. Еще отецъ Задунайскаго, вскорѣ по вызовѣ его изъ ссылки, получилъ Малороссію въ управленіе. Самъ графъ Петръ Александровичъ, въ началѣ царство

[1]) Нынѣ Малороссію составляютъ губерніи: Полтавская и Черниговская, отчасти также Кіевская и Харьковская. Въ старину *Украйной* называли вообще южныя пограничныя (у-края лежащія) области русскія.

ванія Екатерины II, былъ также опредѣленъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи. По заключеніи мира въ Кайнарджи онъ опять вступилъ въ эту должность. Его заботливости тотъ край обязанъ множествомъ улучшеній въ своемъ состояніи. Когда императрица совершала свое достопамятное путешествіе въ Крымъ, Румянцовъ встрѣтилъ ее на границѣ Малороссіи и присоединился къ блистательной, многочисленной свитѣ ея.

Итакъ, при открытіи второй турецкой войны, ему приказано было предводительствовать украинскою арміей. Но славное время Румянцова уже прошло. Другою арміею начальствовалъ вельможа, который уже нѣсколько лѣтъ пользовался неограниченною довѣренностью императрицы и былъ могущественнѣе всѣхъ, когда-либо удостоивавшихся ея милости. То былъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій. Стало быть, Румянцовъ въ этой войнѣ долженъ былъ занимать уже мѣсто второстепенное, а онъ къ тому не привыкъ. Такое положеніе было для него тѣмъ непріятнѣе, что онъ давно смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на необычайное возвышеніе Потемкина. Во время путешествія Екатерины въ Крымъ, на суровомъ лицѣ Румянцова выражалась печаль, какую онъ чувствовалъ, видя, что Потемкину во всемъ оказываемо было предпочтеніе. Другіе царедворцы тайно старались вредить счастливцу; но Румянцовъ не скрывалъ своего неудовольствія: ему казалось, что Потемкинъ употреблялъ во зло свою власть. Не надобно сверхъ того забывать, что Потемкинъ былъ гораздо моложе Румянцова, что онъ въ первую турецкую войну былъ подъ начальствомъ Задунайскаго и его предстательству обязанъ былъ отличіями за первые свои подвиги на поприщѣ воинскомъ. Зная все это и помня человѣческую слабость, можно ли слишкомъ строго осуждать героя Кагульскаго за то, что ему больно было видѣть первенство гордаго Потемкина?

Въ началѣ войны, однакожъ, онъ покорился судьбѣ и съ своею арміей успѣшно дѣйствовалъ въ Молдавіи; но когда ему велѣно было присоединиться къ своему сопернику, то онъ не вытерпѣлъ: подалъ въ отставку и удалился въ свое помѣстье, близъ Кіева. Здѣсь проводилъ онъ въ тишинѣ и въ уединеніи остальные годы жизни. Къ счастію, вдали отъ шумнаго свѣта, у него было чѣмъ замѣнить наслажденія общества. Онъ любилъ чтеніе, помнилъ все, что читалъ, и, сидя часто за книгами, говорилъ о нихъ: „Вотъ мои учители!“ Окруженный крестьянами и отставными солдатами, онъ находилъ удовольствіе участвовать въ ихъ трудахъ и забавахъ, въ ихъ простодушномъ разговорѣ, и охотно вспоминалъ съ ними о прежней походной жизни своей. Онъ былъ посреди нихъ какъ добрый отецъ въ кругу своихъ дѣтей. Однимъ изъ любимыхъ занятій его въ деревнѣ была рыбная ловля. Разсказываютъ, что однажды къ нему явилось нѣсколько лю-

бопытныхъ, желавшихъ увидѣть знаменитаго героя: по одеждѣ они не могли отличить его отъ другихъ людей, случившихся тутъ же: тогда, сидя на пнѣ, съ удою въ рукахъ, Румянцовъ ласково сказалъ о себѣ: „Вотъ онъ: наше дѣло города плѣнить, да рыбку ловить". Въ его образѣ жизни и во всемъ, что его окружало, замѣтна была склонность къ простотѣ. Въ богато-убранномъ сельскомъ домѣ его находились и дубовые стулья; когда кто-то изъ приближенныхъ его разъ замѣтилъ это, онъ отвѣчалъ: „Если великолѣпныя комнаты внушатъ мнѣ мысль, что я выше кого-либо изъ васъ: то пусть эти простые стулья напоминаютъ мнѣ, что я такой же человѣкъ, какъ вы". Въ 1791 году умеръ Потемкинъ. Можно бы подумать, что извѣстіе о томъ было принято Румянцовымъ равнодушно, если не съ удовольствіемъ. И что же? Услышавъ о кончинѣ князя Таврическаго, онъ заплакалъ и видя, какъ слезы его были неожиданны для домашнихъ, сказалъ: „Чему удивляетесь вы? Потемкинъ былъ мнѣ соперникомъ; но Россія лишилась въ немъ великаго мужа, а отечество потеряло усерднѣйшаго сына".

Вторая турецкая война кончилась безъ значительнаго успѣха. Не смотря на то, что Румянцовъ мало въ ней участвовалъ, государыня, празднуя миръ въ 1793 году, не забыла отсутствующаго героя и пожаловала ему драгоцѣнную шпагу, какъ будто желая выразить, что отечество еще нуждается въ немъ. Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства вскорѣ доказали это. Для усмиренія взбунтовавшихся поляковъ Екатерина избрала Румянцова: „Вы сами довольно знаете", писала она ему между прочимъ, „сколь отечество помнитъ васъ, содержа незабвенно всегда заслуги ваши въ сердцѣ своемъ; знаете также и то, сколь много и все войско самое любитъ васъ и сколь оно порадуется услыша только, что обожаемый Велизарій опять ихъ пріемлетъ, какъ дѣтей своихъ, въ свое попеченіе".

— „Мнѣ ли", отвѣчалъ престарѣлый воинъ, „щадить остатокъ силъ своихъ, когда каждый готовъ пролить кровь за отечество?"

Однако-жъ Румянцовъ самъ не поднялъ оружія для военныхъ дѣйствій противъ Польши. Онъ остался въ Малороссіи, а исполненіе воли императрицы поручилъ славнѣйшему изъ своихъ подчиненныхъ, Суворову, который послѣ первой войны съ Турціей остался въ южной Россіи и содѣйствовалъ Потемкину въ окончательномъ пріобрѣтеніи и устройствѣ тамошнихъ областей. Между Суворовымъ и Румянцовымъ не было истиннаго согласія; Суворовъ былъ часто недоволенъ распоряженіями графа Петра Александровича и жаловался на нихъ могущественному князю Таврическому, который оказывалъ храброму сотруднику своему особенное покровительство. Но Румянцовъ все-таки умѣлъ цѣнить Суворова: это доказывается тѣмъ, что онъ выбралъ его для такого важнаго порученія, каково было укрощеніе мятежа поля

скаго. Не участвуя въ этомъ дѣлѣ мечемъ, Румянцовъ дѣятельно способствовалъ умомъ своимъ и опытностію къ счастливому окончанію его. Отправляя Суворова къ мѣсту назначенія, Задунайскій снабдилъ его наставленіями и во все продолженіе войны зналъ ходъ ея изъ донесеній побѣдоноснаго героя. За такое участіе въ успѣхѣ похода, Румянцовъ въ 1795 г. былъ опять милостиво награжденъ императрицею.

Тогда и онъ и державная благотворительница его были уже близки къ предѣлу славной жизни своей: послѣдній часъ ударилъ для обоихъ почти въ одно время. Екатерина скончалась въ ноябрѣ 1796 г., Румянцовъ пережилъ ее только мѣсяцемъ. Смерть государыни глубоко опечалила его. Императоръ Павелъ, наслѣдовавъ престолъ, показалъ искреннее уваженіе къ побѣдителю турокъ: между Петербургомъ и Малороссіею скакали курьеры для доставленія царю мнѣній Румянцова по важнымъ дѣламъ. Къ чести и государя и подданнаго надобно прибавить, что 70-ти-лѣтній воинъ смѣло открывалъ царю свои мысли, а преемникъ Екатерины, при всемъ томъ, не уменьшилъ своего благоволенія къ знаменитому мужу, и когда параличъ сразилъ Румянцова 8-го декабря 1796 г., государь установилъ въ честь его военный трауръ на три дня; а впослѣдствіи повелѣлъ воздвигнуть ему памятникъ въ С.-Петербургѣ.

Этотъ мраморный монументъ сперва поставленъ былъ на Царицыномъ лугу, гдѣ Румянцовъ, въ молодости своей, будучи еще офицеромъ, занимался ученіемъ солдатъ. Въ 1820 году памятникъ перенесенъ на то мѣсто, гдѣ и нынѣ находится, — на площадь между Академіею художествъ и 1-мъ кадетскимъ корпусомъ, въ которомъ, какъ мы видѣли, Румянцовъ учился нѣсколько времени.

Велики почести, оказанныя ему при жизни и по смерти; но велики были и заслуги его. Онъ въ высокой степени обладалъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ полководца: былъ любимъ солдатами привсей строгости своей. Побѣдою Кагульскою онъ обязанъ былъ преимущественно своему присутствію духа и власти своей надъ подчиненными. Въ началѣ этого сраженія часть русскаго войска пришла-было въ замѣшательство и обратилась въ бѣгство. Вдругъ Румянцовъ бросается въ толпу оробѣвшихъ и одно могучее слово его: „Стой, ребята!“ даетъ другой оборотъ битвѣ. Съ крикомъ: „да здравствуетъ Екатерина!“ войско устремляется на непріятеля и одолѣваетъ его. Когда потомъ вождь привѣтливо благодарилъ солдатъ за оказанное мужество, ему сказали: „Ты самъ прямой солдатъ!“ И подлинно, Румянцовъ заслуживалъ это названіе, лестное военачальнику. Однажды, во время турецкой войны, онъ, остановясь лагеремъ и окончивъ всѣ нужныя распоряженія, спокойно легъ отдохнуть. Вдругъ его будитъ дежурный генералъ: „Что такое!“ спросилъ Румянцовъ. — „Тревога

отъ турокъ". — „Стыдитесь", отвѣчалъ Румянцовъ: „Фельдмаршалъ спитъ, а вы боитесь!" Въ самомъ дѣлѣ, тревога ничего не значила.

Съ природною суровостію своею Румянцовъ умѣлъ соединять и снисходительность. Разъ, одинъ изъ подчиненныхъ его, какой-то молодой поручикъ, пристрастившись къ карточной игрѣ, проигралъ значительную сумму казенныхъ денегъ. Румянцовъ, не желая потерять хорошаго офицера, заплатилъ этотъ долгъ изъ своего кармана. Вотъ другой случай. Обходя разъ поутру свой лагерь, Румянцовъ въ одной палаткѣ замѣтилъ офицера, который, противъ порядка военной службы, отдыхалъ въ халатѣ. Графъ вздумалъ наказать его стыдомъ: взялъ виноватаго подъ-руку и такимъ образомъ провелъ его, въ виду войска, вокругъ всего лагеря, а потомъ вошелъ съ нимъ въ фельдмаршальскую ставку, гдѣ уже были собраны важнѣйшіе генералы въ полной формѣ. Можно представить себѣ, какъ стыдно было несчастному поручику, посреди такого блестящаго собранія — находиться въ халатѣ! Между тѣмъ другое наказаніе могло бы быть гораздо тяжелее по своимъ послѣдствіямъ.

Вспоминая заслуги Румянцова, не надобно также забывать, что подъ его начальствомъ образовались многіе впослѣдствіи знаменитые люди. Къ числу ихъ принадлежали: Суворовъ и Кутузовъ-Смоленскій. Конечно, эти великіе полководцы славою своею преимущественно обязаны самимъ себѣ, своимъ природнымъ дарованіямъ, но какъ не согласиться, что примѣръ и наставленія Румянцова должны были сильно подѣйствовать на блистательное развитіе этихъ дарованій?

Скончавшись въ Малороссіи, Румянцовъ погребенъ въ Кіевѣ, въ тамошней соборной церкви Успенія Св. Богородицы. При входѣ въ этотъ храмъ воздвигнутъ ему монументъ по распоряженію сына его, къ которому мы и перейдемъ теперь.

III. Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.

Онъ былъ мальчикомъ лѣтъ 8-ми, когда Екатерина II вступила на престолъ. Прекрасныя способности его были заботливо развиты воспитаніемъ въ родительскомъ домѣ. Лучшіе годы юности настали для него при громѣ побѣдъ отцовскихъ: во время заключенія мира въ Кайнарджи, Николаю Петровичу исполнялся двадцатый годъ, и черезъ пять лѣтъ онъ былъ уже чрезвычайнымъ посланникомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

До кончины государыни, онъ по этой должности находился почти безпрерывно въ отсутствіи. Императоръ Павелъ, уважая отца, не забывалъ и сына своими милостями; но въ то время графъ Николай Петровичъ не занималъ никакой значительной должности и жилъ въ

Москвѣ. Настоящее возвышеніе его начинается только въ царствованіе Александра, т. е. въ началѣ нынѣшняго вѣка, а тогда Румянцову было уже около 50-ти лѣтъ. Слѣдовательно, онъ только въ позднѣйшіе годы жизни имѣлъ случай показать, къ чему способны были его просвѣщенный умъ и чувствительное сердце. Такъ-то неравенъ жребій человѣка. Одинъ уже въ ранней молодости успѣетъ развить всѣ свои способности, сдѣлать все, къ чему онъ предназначенъ природою. Другому долго мѣшаютъ обстоятельства дѣйствовать такъ, какъ бы онъ могъ по своей природѣ, но, наконецъ, онъ ихъ побѣждаетъ. Только жаль, что иной тогда уже не находитъ въ себѣ нужной силы и охоты для предпріятій, къ которымъ прежде чувствовалъ склонность. Къ счастію, съ Румянцовымъ этого не случилось, и онъ до старости сохранилъ въ душѣ благородную страсть трудиться ко благу родной земли и всего человѣчества.

Императоръ Александръ произвелъ важную перемѣну въ управленіи Россіи. Извѣстно, что Петръ Великій поручилъ каждый родъ дѣлъ особому присутственному мѣсту или такъ называемой коллегіи. Каждая коллегія состояла изъ нѣсколькихъ членовъ, которые всѣ вмѣстѣ разсматривали и рѣшали дѣла. Но съ тѣхъ поръ все въ Россіи такъ развилось и улучшилось, что, наконецъ, небольшимъ этимъ коллегіямъ уже трудно было исполнять свои обязанности. Вотъ для чего Александръ положилъ дать управленію совершенно другое, обширнѣйшее устройство. Онъ раздѣлилъ всѣ дѣла на восемь частей: на дѣла военныя, морскія, иностранныя, внутреннія, дѣла юстиціи (правосудія), финансовъ (доходовъ и расходовъ), коммерціи (торговли) и народнаго просвѣщенія. Для каждой изъ этихъ частей учредилъ онъ въ 1802 году особенное управленіе, подъ названіемъ *Министерства* Каждое министерство было ввѣрено особому начальнику, *Министру*, и раздѣлялось опять на разные департаменты. Въ числѣ первыхъ русскихъ министровъ былъ и графъ Румянцовъ: въ 1802 году онъ былъ назначенъ министромъ коммерціи, а черезъ нѣсколько лѣтъ (1807) ему поручено было и министерство иностранныхъ дѣлъ.

Эта новая обязанность должна была состоять въ письменныхъ сношеніяхъ съ другими государствами, для чего въ каждой землѣ есть особенный классъ чиновниковъ. Но иногда на Николая Петровича возлагались и изустныя сношенія съ иностранными дворами. Мы видѣли, что онъ еще при Екатеринѣ былъ посланникомъ. Званіе это требуетъ талантовъ, которые даются не всякому. Посланникъ представляетъ при чужеземномъ дворѣ лицо своего монарха и дѣйствуетъ его именемъ. Разумѣется, что каждое государство заботится о своихъ собственныхъ выгодахъ и для нихъ готово жертвовать пользами другого народа. Вотъ почему посланникъ долженъ внимательно наблюдать ходъ дѣлъ и расположеніе умовъ въ чужомъ краѣ, чтобы въ

точности доноситъ обо всемъ своему двору, который въ своихъ дѣйствіяхъ и соображается съ такими извѣстіями. Въ поведеніи своемъ, въ сношеніяхъ съ иноземнымъ дворомъ, въ разговорѣ съ кѣмъ бы ни было за границею, въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ своемъ посланникъ долженъ быть въ высшей степени остороженъ, потому что ему ввѣрена честь цѣлаго государства: всякая его ошибка, всякая лишняя уступка съ его стороны можетъ повредить землѣ его въ глазахъ другихъ націй. Ясно, что для исполненія такой должности нужно много ума, гибкости, тонкости, даже хитрости и вкрадчивой пріятности въ обращеніи. Искусство сноситься съ иностранными дворами называется дипломатіею, а люди, употребляемые для такихъ сношеній, — дипломатами. Между ними важное мѣсто занимаютъ также тѣ, которые въ военное время получаютъ отъ правительства полную довѣренность или (какъ принято говорить) уполномочиваются для веденія мирныхъ переговоровъ съ непріятелемъ. Такому полномочному нужно много твердости, настойчивости, упорства, чтобы до послѣдней крайности поддерживать требованіе своего государя и какъ можно менѣе уступать противникамъ. Читатели помнятъ, что и дѣдъ и отецъ Николая Петровича показали свое дипломатическое искусство въ переговорахъ съ Швеціею и Турціею, но самъ онъ еще гораздо замѣчательнѣе ихъ въ этомъ отношеніи.

Въ 1808 году онъ былъ отправленъ во Францію для переговоровъ съ Наполеономъ, котораго власть безпрестанно усиливалась. Узнавъ Румянцова, Наполеонъ сталъ смотрѣть на него съ большимъ уваженіемъ и говорилъ, что ему еще не случалось видѣть русскаго съ такими глубокими свѣдѣніями въ исторіи и дипломатикѣ. Мы показали, что такое дипломатія; но *дипломатика* — совсѣмъ другая наука: она учитъ, какъ разбирать старинные рукописные акты (документы, дипломы) и какъ отличать подлинные отъ поддѣльныхъ. Графъ Николай Петровичъ былъ равно свѣдущъ и въ дипломатикѣ и въ дипломатіи.

Лучшимъ доказательствомъ его дипломатическаго искусства служитъ миръ, заключенный имъ 1809 года съ Швеціею въ городѣ Фридрихсгамѣ. Мы уже знаемъ изъ жизни дѣда его, графа Александра Ивановича, что по Абоскому миру, въ 1743 году, Россія пріобрѣла область Выборгскую съ разными городами, въ числѣ которыхъ былъ и Фридрихсгамъ. При императорѣ Александрѣ, въ 1808 году, опять началась съ Швеціею война въ Финляндіи. Вскорѣ вся эта страна была занята нашими войсками и, наконецъ, по мирнымъ переговорамъ въ Фридрихсгамѣ присоединена къ Россіи. Шведскій посланникъ баронъ Стединг объявилъ было, что Швеція, уступая Финляндію, не можетъ, однако жъ отказаться отъ Аландскихъ острововъ (лежащихъ въ морѣ противъ юго-западнаго берега Финляндіи). Но графъ Румянцовъ отвѣчалъ, что императоръ Александръ никакъ не отступитъ отъ своихъ рѣшитель

ныхъ требованій. „Если отдадимъ вамъ Аландскіе острова“, сказалъ Стединг, „согласны ли вы подписать, что не будете на нихъ содержать войскъ и строить укрѣпленій“? Графъ Румянцовъ возразилъ, что государь его никогда не согласится обладать присоединеннымъ краемъ не вполнѣ, а подъ какимъ-нибудь условіемъ. Тогда баронъ Стединг не могъ болѣе противиться, и Финляндія досталась намъ вмѣстѣ съ Аландскими островами. Вотъ и видно, какъ въ полномочномъ важна та неуступчивость, о которой мы говорили: графъ Николай Петровичъ настоялъ на своемъ.

Такъ три чрезвычайно важные мира заключены были Румянцовыми: дѣдомъ, отцомъ и внукомъ. Чтобы увѣковѣчить такое рѣдкое и достопамятное обстоятельство, Николай Петровичъ въ 1817 году заказалъ знаменитому скульптору Кановѣ колоссальную статую изъ бѣлаго мрамора. Она представляетъ Богиню Мира, которая въ одной рукѣ держитъ оливковую вѣтвь (знакъ мира), а другою опирается на колонну съ надписью:

Миръ Абоскій, 1743; Миръ Кайнардскій, 1774; Миръ Фридрихсгамскій, 1809 г.

За Фридрихсгамскій миръ, графъ пожалованъ былъ въ званіе государственнаго Канцлера.

Какъ министръ коммерціи, онъ въ короткое время успѣлъ оживить торговлю Россіи множествомъ полезныхъ учрежденій. Между прочимъ заложено при немъ чудесное зданіе биржи, украшающее Васильевскій островъ.

Биржею называется такое мѣсто въ торговомъ городѣ, гдѣ сходятся купцы, чтобы разсуждать между собою обо всемъ, что относится къ ихъ оборотамъ, и заключать другъ съ другомъ разныя сдѣлки. Въ Петербургѣ биржа первоначально находилась на Петербургской сторонѣ, гдѣ теперь деревянный рынокъ, а на Васильевскій островъ переведена она при Аннѣ Іоанновнѣ. Здѣсь, по повелѣнію Екатерины II, начато было биржевое зданіе; но оно осталось недостроеннымъ. На мѣсто его императоръ Александръ, по предположенію графа Румянцова, повелѣлъ въ 1804 году архитектору Томону построить новую биржу, которая въ 1811 году и окончена, а въ 1816 г. открыта. Она составляетъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій во всемъ Петербургѣ. Прекрасно и все, что ее окружаетъ. Передъ главнымъ фасадомъ, который обращенъ къ крѣпости, устроена обширная полукруглая площадь, отдѣляющаяся отъ Невы изящною гранитною набережною и такою же пристанью. На обоихъ концахъ площади возвышаются двѣ огромныя колонны, украшенныя разными изображеніями. Все это находится на восточномъ углу Васильевскаго острова, — на томъ углу,

у котораго Нева дѣлится на Большую и Малую, и который изстари называется *Стрѣлкою*. До построенія биржи площадь его (почти трехъугольная) не была даже вымощена; на ней кое-гдѣ стояли ветхіе деревянные домишки и она служила частію пристанищемъ ямщиковъ, которые сухимъ путемъ привозили въ столицу товары, частію мѣстомъ для торга лошадьми (конная). Когда основалась биржа, тогда на другой сторонѣ Стрѣлки, т. е. на берегу Малой Невы, выстроены были таможенныя кладовыя, амбары для складки товаровъ и лавки. Нынѣ, сверхъ того, разведенъ вблизи садикъ, куда весною разноцвѣтныя и разноголосыя птицы и птички приманиваютъ множество любопытныхъ. Гуляя тамъ и глядя на биржу, нельзя не вспомнить русскаго министра коммерціи [1]).

Для успѣшнаго хода торговли въ государствѣ очень важны хорошія дороги и каналы, т. е. удобныя сообщенія. Надзоръ за водяными коммуникаціями и устройствомъ въ Россіи дорогъ порученъ былъ также графу Румянцову, и его стараніями окончено нѣсколько каналовъ, уже прежде начатыхъ.

Во время нашествія французовъ, въ 1812 году, графъ Румянцовъ, уже старый и хворый, долженъ былъ по болѣзни удалиться отъ дѣлъ. Императоръ Александръ, по возвращеніи изъ побѣдоносныхъ походовъ своихъ, въ 1814 году удостоилъ Николая Петровича личнымъ своимъ посѣщеніемъ, просидѣлъ у него около трехъ часовъ и между прочимъ сказалъ, что „если и не вызвалъ его въ армію, то единственно изъ уваженія къ его преклоннымъ лѣтамъ и болѣзненному состоянію; къ тому же и дѣла текли благополучно: почему и не было настоятельной надобности въ его присутствіи“. Графъ рѣшился тогда просить о совершенномъ увольненіи отъ службы, и государь изъявилъ на это свое соизволеніе, но съ тѣмъ, чтобы Румянцовъ, „по выздоровленіи, продолжалъ снова полезную отечеству службу свою“. Это лестное желаніе монарха, какъ увидимъ, никогда не исполнилось.

Графъ Николай Петровичъ всегда понималъ, какое важное мѣсто между разными сословіями въ государствѣ занимаютъ ученые, литераторы, сочинители. Ихъ дѣло — обдумывать, изслѣдовать все, что въ мірѣ дѣлается, доискиваться истинныхъ понятій обо всемъ и стараться, чтобы правда, знаніе, добро болѣе и болѣе распространялись между людьми. Но на бѣду ученые и литераторы, по большей части, народъ бѣдный. Для полнаго успѣха ихъ занятій не довольно ума и познаній, нужны также и деньги — на путешествія, на изданіе книгъ, на покупку разныхъ инструментовъ и другихъ пособій, — мало ли на что ученому нужны деньги? Безъ нихъ множество литературныхъ

[1]) Перваго и послѣдняго, потому что дѣла министерства коммерціи въ 1810 г. были раздѣлены между двумя другими министерствами.

предпріятій, которыя могли бы принести великую пользу человѣчеству, остаются неисполненными. Какой благодарности поэтому заслуживаютъ тѣ богачи, которые свои избытки употребляютъ на поддержаніе подобныхъ предпріятій! Такимъ покровителемъ просвѣщенія сдѣлался и графъ Румянцовъ въ остальные годы своей жизни.

Усердно занимаясь науками, отъ которыхъ его теперь болѣе не отвлекали дѣла государственныя, онъ не только помогалъ ученымъ, но самъ придумывалъ для нихъ предпріятія, которыя исполнялись его щедростію, и для того онъ безпрестанно велъ переписку съ любителями наукъ. На его счетъ Коцебу совершилъ плаваніе вокругъ свѣта; Строевъ путешествовалъ внутри Россіи, для отысканія старинныхъ рукописей въ монастыряхъ; двое молодыхъ людей ѣздили за границу съ подобною же цѣлію; издано было множество книгъ и древнихъ манускриптовъ, которые безъ пособія графа, можетъ быть, еще долго оставались бы неизвѣстными. И надобно прибавить, что при такихъ благодѣяніяхъ онъ всегда имѣлъ въ виду пользу русской исторіи и русской литературы, которымъ онъ дѣйствительно оказалъ этимъ способомъ услуги незабвенныя. Любя просвѣщеніе вообще, онъ заботился особенно объ успѣхахъ его въ отечествѣ.

Съ дѣтства онъ былъ страстный охотникъ до чтенія и, благодаря счастливой памяти, которою отличались также отецъ и дѣдъ его, онъ обладалъ свѣдѣніями обширными, особливо въ языкахъ и по части исторіи. Зная основательно родной языкъ, онъ по-французски говорилъ превосходно, былъ сверхъ того коротко знакомъ съ нѣмецкимъ и англійскимъ. Въ 1817 году онъ самъ ѣздилъ во внутреннія губерніи Россіи для отысканія историческихъ памятниковъ. Для пользы отечественной промышленности, онъ (въ 1820 г.) основалъ особую школу въ своемъ родовомъ мѣстечкѣ Гомелѣ (въ Могилевской губерніи); школа эта служила потомъ образцомъ и для другихъ помѣщиковъ. Онъ до конца жизни собиралъ книги, рукописи, монеты, минералы и другія рѣдкости. Желая, чтобы это богатое хранилище достопримѣчательныхъ предметовъ обратилось къ общей пользѣ, онъ завѣщалъ, чтобы оно по смерти его для всякаго было открыто въ собственномъ его домѣ. Такъ произошелъ Румянцовскій Музей, о которомъ мы упомянули въ началѣ нашей статьи и гдѣ однѣхъ книгъ болѣе 30.000, да рукописей болѣе 700. Недавно г. Востоковъ, извѣстный русскій ученый, издалъ особую книгу о рукописяхъ Румянцовскаго Музея. Тамъ же стоитъ и статуя Богини мира.

Другое распоряженіе сдѣлалъ графъ Николай Петровичъ въ знакъ того уваженія къ родителю своему, которое онъ сохранялъ до самой смерти. Еще въ 1805 году испросилъ онъ у государя позволеніе „поставить въ честь отца своего памятникъ въ новомъ видѣ“. Самый монументъ скроменъ, но важно при немъ назначеніе, чтобы въ память

Задунайскаго шесть отставныхъ военныхъ чиновъ получали въ годъ по 1.000 рублей пенсіи и жили въ особомъ домѣ, для нихъ построенномъ тѣмъ только, чтобы они, во время панихиды въ память герою окружали мѣсто, гдѣ лежитъ его прахъ.

Прося на это Монаршаго разрѣшенія, Румянцовъ между прочимъ писалъ: „И въ самый часъ разлуки съ жизнію, благодарный сынъ весело встрѣтитъ кончину, радуясь, что должную дань отцу отдать успѣлъ". Вотъ какой добрый сынъ былъ графъ Николай Петровичъ! Онъ украшался множествомъ добродѣтелей. Получивъ увольненіе отъ службы, онъ предоставилъ въ пользу инвалидовъ все жалованье, которымъ могъ пользоваться и въ отставкѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и многія драгоцѣнныя вещи полученныя имъ въ даръ отъ разныхъ Европейскихъ дворовъ. Онъ свято соблюдалъ безпристрастіе и правосудіе, не смотрѣлъ на знатность или на богатство лицъ, которыхъ дѣла разсматривалъ. Прибавимъ, что онъ всѣхъ восхищалъ ласковымъ обращеніемъ своимъ и имѣлъ даръ слова необыкновенный. Изъ всего видно, что по характеру и сердцу, Румянцовъ былъ такъ же почтенъ, какъ замѣчателенъ по уму и знаніямъ. Жалѣемъ, что мы не могли собрать болѣе подробностей о частной жизни его: въ ней лучше всего виденъ человѣкъ и ея описаніе всего поучительнѣе. Но Румянцовъ былъ нашъ современникъ; еще рано думать о полной его біографіи.

При нашествіи Наполеона, случился съ графомъ Николаемъ Петровичемъ апоплексическій ударъ, отъ котораго онъ мало-по-малу совершенно оглохъ, такъ что въ послѣдніе годы жизни его, не иначе можно было объясняться съ нимъ, какъ письменно: на аспидной доскѣ писали ему и вопросы и отвѣты. Напослѣдокъ онъ такъ ослабъ, что насилу могъ ходить по комнатѣ: разъ, въ концѣ 1825 года, вышедъ изъ кабинета безъ провожатаго, онъ упалъ и повредилъ себѣ лѣвую ногу. Отъ этого ушиба онъ и умеръ 3-го января 1826 на 73 году отъ рожденія. Онъ погребенъ въ своемъ Гомелѣ.

Николай Петровичъ не оставилъ дѣтей; родъ его пресѣкся.

Мы въ началѣ сказали, что достоинства Румянцовыхъ были разнообразны. Въ самомъ дѣлѣ: Задунайскій былъ преимущественно герой; сынъ его былъ дипломатъ, министръ, покровитель наукъ — въ полномъ смыслѣ мужъ государственный. Отецъ Задунайскаго былъ частію воинъ, частію дипломатъ; но далеко отсталъ онъ отъ сына и внука: однакожъ, и онъ всегда будетъ незабвенъ, какъ честный, храбрый, вѣрный слуга Петра Великаго и его преемниковъ. Въ продолженіе ста лѣтъ слишкомъ, отъ Петра до Александра, имя Румянцовыхъ почти не сходитъ со страницъ русской исторіи и соединяется со многими изъ важнѣйшихъ ея событій. Любопытно, что всѣ трое Румянцовы достигли глубокой старости и умерли почти однихъ лѣтъ (около 70). Достойно также вниманія, что какъ Задунайскій скончался вскорѣ послѣ Екатерины II

такъ Николай Петровичъ немногими недѣлями пережилъ Александра. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что первоначальною причиною громкой судьбы Румянцовыхъ былъ — одинъ взглядъ Великаго Петра. Такъ мы въ этомъ исполинѣ Россіи находимъ то видимаго, то сокровеннаго виновника всѣхъ главныхъ явленій новѣйшей русской исторіи.

ПЕРВЫЯ ГЛАВЫ РУССКОЙ ИСТОРІИ [1]).

1845.

Новгородское княжество.

862.

Въ половинѣ IX-го столѣтія большую часть нынѣшней западной Россіи занимали народы словенскаго племени; они жили около озера Ильменя, по верховьямъ Западной Двины, Волги и Оки, по рѣкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, и по самому Днѣпру. Этихъ словенъ называютъ восточными для отличія отъ западныхъ, которые въ то же время обитали въ Европѣ отъ Вислы до Эльбы отъ Дуная и Адріатическаго моря до Балтійскаго. Разныя поколѣнія тѣхъ и другихъ назвались различно, смотря по мѣстамъ, гдѣ они утвердились. Между западными заслуживаютъ особеннаго вниманія чехи въ Чехіи (Богеміи), моравы въ Моравіи, ляхи или лехиты въ Польшѣ. Между восточными прежде всѣхъ является въ исторіи поколѣніе, жившее при озерѣ Ильменѣ: оно одно сохранило общее имя своего племени, называясь словенами ильменскими или новгородскими, по имени города, неизвѣстно когда ими построеннаго при истокѣ рѣки Волхова изъ Ильменя.

[1]) „Звѣздочка“ 1845 г., ч. XV, стр. 63—84, 155—165; ч. XVI, стр. 19—32, 63—79. Отрывкамъ этимъ предпослано слѣдующее примѣчаніе автора: „Помѣщаемыя здѣсь главы составляютъ начало новой книги, которая еще пишется и должна служить молоднымъ людямъ пособіемъ къ изученію Русской Исторіи. Авторъ назначилъ этой книгѣ небольшой объемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ старался сообщить ей возможную полноту и для того очень внимательно обдумывалъ, что̀ ему сказать, и что̀ выпустить въ повѣствованіи. Другою важною для него заботою было расположить разсказъ такимъ образомъ, чтобы главное, существенное само собою выдавалось впередъ и чтобы вообще все вытекало естественно одно изъ другого. Наконецъ, онъ постоянно имѣлъ въ виду придать своему изложенію какъ можно болѣе простоты и ясности“.

*

Въ верховьяхъ рѣкъ Западной Двины, Днѣпра и Волги жили кривичи; на Припети, въ Волыни древляне; по Днѣпру, въ Кіевской губерніи поляне; по Деснѣ и Сулѣ, въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ — сѣверяне. Вотъ замѣчательнѣйшіе изъ восточныхъ словенъ.

Достовѣрно не знаютъ, *когда* и *откуда* эти народы пришли въ Россію. По большей части полагаютъ, согласно съ древнѣйшими писателями, говорящими о словенахъ, что они искони обитали въ странѣ къ сѣверу и къ югу отъ Карпатовъ, т. е. между южнымъ краемъ Балтійскаго моря и низовьями Дуная, но не ранѣе V-го и VI-го вѣка стали извѣстны грекамъ и римлянамъ подъ именами *венетовъ*, *словенъ* и *антовъ*. Подъ первымъ именемъ разумѣли жителей сѣверной части означеннаго пространства; подъ вторымъ — населеніе средней, а подъ послѣднимъ, — жившихъ въ южной его части. Южные или дунайскіе словены (анты) прежде другихъ упоминаются въ исторіи. Въ IV вѣкѣ они нападеніями своими наносили жестокіе удары византійской имперіи. Въ слѣдующемъ столѣтіи пришли изъ-за Дона болгары и покорили словенъ дунайскихъ, а потомъ тѣ и другіе порабощены были новыми пришельцами съ Востока, свирѣпыми аварами. Во время обоихъ завоеваній словены въ VII-мъ и VIII-мъ вѣкѣ стали толпами переселяться съ береговъ Дуная частію на сѣверо-западъ, частію на сѣверо-востокъ, въ нынѣшнюю Россію, гдѣ уже издавна обитали ихъ соплеменники.

Сосѣдями словенъ на востокъ, на сѣверъ и на сѣверо-западъ были *финны*, которые также назывались различно, въ разныхъ мѣстахъ. Главными изъ племенъ ихъ были: *чудь* въ Эстляндіи, *весь* на Бѣлѣозерѣ и *меря* около Ростова.

Съ этими финскими народами ильменскіе словене и кривичи составляли въ IX-мъ вѣкѣ союзъ или родъ союзной республики. Тѣ и другіе раздѣлялись на колѣна, которыя управляемы были старшинами и рѣшали дѣла народныя на совѣщаніяхъ, рѣдко безъ ссоръ и кровопролитія. Занимаясь скотоводствомъ и земледѣліемъ, они только начинали знакомиться съ общественнымъ бытомъ.

Въ 859-мъ году пришли изъ-за моря варяги и наложили дань на словенъ (ильменскихъ и кривичей) и на сосѣднихъ финновъ. Года чрезъ два завоеватели были изгнаны, но у освободившихся народовъ возникъ раздоръ. Тогда они, желая водворить у себя спокойствіе, рѣшились поручить управленіе своего края храбрымъ и болѣе ихъ образованнымъ иноземцамъ. Послы ихъ отправились за море къ варягамъ-Руси и сказали: „Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ: придите *княжить* и владѣть нами“.

По этой просьбѣ, три брата варяго-русскаго племени: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, съ многочисленною дружиною, прибыли 862 года в

страну, которая по имени рода ихъ назвалась *Русью*, и гдѣ съ тѣхъ поръ домъ Рюрика господствовалъ болѣе семи столѣтій.

Именемъ *варяговъ* въ то время вообще означали норманновъ или скандинавовъ, которые издавна посѣщали страны при Бѣломъ морѣ и по сю сторону Балтійскаго лежащія, а подъ варягами-Русью разумѣли часть этого племени, обитавшую, какъ думаютъ, въ шведской области Росъ-Лагенѣ, противъ южнаго берега Финляндіи.

Прибывшіе князья раздѣлились по народамъ, призывавшимъ ихъ. Рюрикъ (Rorik, Rurik) поселился у словенъ въ Новгородѣ; Синеусъ (?) у веси на Бѣломъ-озерѣ, а Труворъ (Trewur, Thruwar) на границѣ кривичей съ чудью, въ кривскомъ городѣ Изборскѣ (близъ Пскова). Изъ этого видно, что всѣ трое, согласно съ норманскимъ обычаемъ, вошли въ страну рѣками и утвердились на берегахъ ихъ.

Чрезъ два года братья Рюриковы умерли и въ 864 году онъ сталъ единодержавнымъ княземъ племенъ, добровольно подчинившихся его роду. Такъ возникло Новгородское княжество — начало русскаго государства.

Кромѣ Новгорода, столицы Рюрика, во владѣніяхъ его упоминаются города: Муромъ (на Окѣ), Ростовъ (въ Ярославской губерніи) и Полоцкъ (на Западной Двинѣ), доказательство, что Рюрикъ успѣлъ распространить свое господство довольно далеко (на юго-востокъ до Оки, на юго-западъ до Западной Двины). Эти города или, точнѣе, крѣпости были, безъ сомнѣнія, построены для удержанія въ повиновеніи окрестныхъ народовъ, и съ тою же цѣлію отданы въ управленіе посадникамъ или намѣстникамъ — знатнымъ людямъ Рюриковой дружины, которые пользовались даже титуломъ князей.

Скончавшись послѣ 15-ти-лѣтняго единодержавія (879), Рюрикъ оставилъ малолѣтняго сына Игоря, котораго поручилъ опекѣ своего сподвижника, а можетъ быть и родственника, Олега.

Кіевское княжество.

882.

Греческіе императоры издавна содержали въ войскѣ своемъ наемныхъ норманновъ; особливо съ IX-го вѣка эти сѣверные выходцы стали составлять въ Константинополѣ постоянную дружину тѣлохранителей. Считаясь союзниками грековъ, они называли себя Väringar (отъ скандинавскаго слова wara, voere — союзъ, договоръ), изъ чего греки образовали слово варанги, передѣланное словенами въ варяги, и распространенное ими на всѣхъ норманновъ.

Ближайшимъ, и съ IX вѣка — обыкновеннѣйшимъ путемъ между Скандинавіею и Греціею — служили варягамъ рѣки и озера нынѣшней

западной Россіи, составляющія почти непрерывное водяное сообщеніе отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Въ южной части этого — такъ называвшагося — греческаго пути на Днѣпрѣ, находился построенный полянами городъ Кіевъ.

По близости къ роскошной Греціи по своему южному климату и по плодородію окрестной земли, Кіевъ представлялъ несравненно болѣе выгодъ и удобствъ для жизни, нежели отдаленный Новгородъ, лежавшій въ странѣ холодной и скудной. Олегъ понялъ это и захотѣлъ переселиться въ Кіевъ.

Но Кіевомъ владѣли тогда двое сильныхъ варяго-русскихъ же витязей: Аскольдъ и Диръ. Они пришли къ словенамъ вмѣстѣ съ Рюрикомъ; вскорѣ отдѣлились отъ него, отправились далѣе на югъ, и на пути своемъ встрѣтили Кіевъ. Въ то время этотъ народъ платилъ дань хазарамъ, сильному народу татарскому, жившему искони между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, и постепенно распространившему свое владычество за Днѣпръ и до Оки. Изъ всѣхъ древнихъ обитателей Россіи Хазары наиболѣе подвинулись въ гражданственности; ихъ обширное царство цвѣло торговлею и силою воинской; греческіе императоры, для собственной своей безопасности, охотно вступали въ тѣсныя связи съ каганомъ хазаръ, т. е. главою всѣхъ ихъ поколѣній, изъ которыхъ каждое управлялось сверхъ того особымъ подвластнымъ ему княземъ.

Во время пришествія варяго-руссовъ къ словенамъ, могущество хазаръ начинало уже ослабѣвать: Аскольдъ и Диръ отняли у нихъ Кіевъ и сами утвердились въ немъ. Ихъ-то надлежало Олегу побѣдить для исполненія своего намѣренія. Не надѣясь на свою силу, онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Приближаясь къ Кіеву по Днѣпру-рѣкѣ, оставилъ онъ позади почти всѣ суда свои, и приставъ къ городу вмѣстѣ съ Игоремъ, выдалъ себя за гостя (такъ назывались тогда купцы). Онъ зналъ, что правители Кіева первые поспѣшатъ къ берегу: по скандинавскому обычаю владѣтели повсюду пользовались правомъ первенства въ торговлѣ съ пріѣзжими купцами. Въ самомъ дѣлѣ Аскольдъ и Диръ не замедлили явиться. Тогда изъ лодки Олега вдругъ вышли спрятанные въ ней воины и, обступивъ владѣтелей кіевскихъ, умертвили обоихъ. Олегъ овладѣлъ Кіевомъ и назвалъ его *матеріею городовъ русскихъ*. Это было въ 882 году — три года по смерти Рюрика и двадцать лѣтъ по основаніи державы его. Съ того времени Кіевъ въ продолженіе 280 лѣтъ былъ столицею великихъ князей русскихъ; этотъ титулъ принадлежалъ уже Олегу. Итакъ во 2-й половинѣ IX-го столѣтія образовались въ земляхъ словенъ восточныхъ два владѣнія: на сѣверѣ Новгородское, на югѣ Кіевское, оба на пути скандинавовъ въ Грецію, и вмѣстѣ составившія первоначальную Русь.

Походъ подъ Царьградъ и договоръ съ греками.

906 — 911.

Сообщеніе между Кіевомъ и Царьградомъ (Константинополемъ) было удобно по Днѣпру и Черному морю. Правда, верстъ 500 ниже Кіева начинаются на Днѣпрѣ и далеко тянутся опасные пороги; но смѣлые варяги то искусно спускались по нимъ на лодкахъ, то берегомъ перетаскивали легкія суда свои. Еще Аскольдъ и Диръ въ 866-мъ году ходили такимъ образомъ на Царьградъ, но подъ его стѣнами потеряли отъ сильной бури почти всѣ свои лодки и спаслись только бѣгствомъ. Теперь и воинственный Олегъ, утвердившись въ Кіевѣ, рѣшился потревожить грековъ. Число его подданныхъ было уже велико: на пути изъ Новгорода въ Кіевъ, покорилъ онъ кривичей, взявъ лежавшія на Днѣпрѣ города ихъ Смоленскъ и Любечъ, гдѣ по примѣру Рюрика посадилъ намѣстниковъ. Изъ Кіева спѣшилъ онъ привести подъ власть свою окрестныхъ словенъ, обитавшихъ по Днѣпру, по впадающимъ въ него рѣкамъ, по Днѣстру, Бугу и по восточнымъ отрогамъ горъ Карпатскихъ. Главными изъ этихъ новыхъ подданныхъ его были сѣверяне и древляне, самый дикій и упорный между словенскими народами. Чтобы упрочить свои завоеванія, Олегъ и здѣсь строилъ города, которые ввѣрялъ управленію посадниковъ. Сверхъ того, желая привязать къ себѣ данниковъ своихъ тѣснѣйшими узами, онъ предоставлялъ имъ право участвовать въ его походахъ и добычѣ, вмѣстѣ съ дружиною варяжскою: мѣра, которою онъ не мало способствовалъ къ сліянію разноплеменныхъ народовъ въ одно гражданское общество.

Такъ, собравшись итти на Царьградъ, онъ могъ соединить рать очень многочисленную и, моремъ подступивъ къ Византіи, сталъ безпощадно опустошать ея окрестности. Устрашенные греки, вступивъ съ нимъ въ переговоры согласились заплатить ему огромное количество золота и еще особые дары на разные города, гдѣ властвовали князья *подъ рукою его*. Миръ заключенъ былъ на условіяхъ, очень выгодныхъ для Руси, и опредѣлявшихъ преимущественно основанія, на которыхъ подданные Олега могли безпошлинно торговать въ Царьградѣ. Довольный такимъ успѣхомъ, великій князь возвратился въ Кіевъ съ богатой добычей и въ народѣ прослылъ *вѣщимъ* (мудрымъ). Но упомянутый договоръ съ греками заключенъ былъ только на словахъ. Желая придать болѣе прочности мирнымъ сношеніямъ съ Византіею, Олегъ въ 911-мъ году отправилъ туда пословъ для заключенія договора на письмѣ. Этотъ первый письменный памятникъ нашей исторіи содер-

жить въ себѣ преимущественно правила о разрѣшеніи взаимныхъ споровъ между русскими и греками, статьи тогдашнихъ уголовныхъ законовъ. За убійство назначена смерть на самомъ мѣстѣ злодѣянія, изъ чего видно, что кровавая месть была во всей силѣ у руссовъ того времени. За ударъ мечомъ или сосудомъ опредѣлена денежная пеня; сопротивляющагося вора, пойманнаго на воровствѣ, можно убить, а отдающагося въ руки должно связать только. Изъ этого трактата видно, между прочимъ, что греки хотѣли оградить себя противъ хищничества руссовъ, которые были еще такъ грубы, что торговали невольниками.

Вѣроятно, задолго до пришествія князей варяжскихъ, Кіевъ находился уже въ торговыхъ сношеніяхъ съ Византіею. Торговля состояла по большей части въ мѣнѣ. Греки получали мѣха, медъ, воскъ и невольниковъ, а сами давали золото, ткани, вино и плоды. Деньгами служили мѣха, однакожъ, употреблялись и благородные металлы; цѣна опредѣлялась вѣсомъ ихъ; серебро измѣрялось гривнами, а золото золотниками; въ гривнѣ считалось 25 кунъ, мелкихъ кожаныхъ монетъ. Купцы, или, какъ они тогда назывались, — *гости* пользовались общимъ уваженіемъ; иногда ѣздили въ качествѣ пословъ. Сверхъ гостей, упомянуты въ договорѣ Олега *бояре* — вожди дружины, которыхъ достоинство не было наслѣдственнымъ. Выше ихъ стояли князья, начальники удѣльныхъ волостей, которыя Рюрикъ и Олегъ раздавали въ управленіе своимъ сподвижникамъ. Требованіе Олегомъ особыхъ даровъ отъ грековъ для князей, сущихъ подъ рукою его, доказываетъ, что великій князь дѣлилъ съ ними воинскую добычу.

Договоръ съ греками нарушенъ былъ преемникомъ Олега, Игоремъ: подъ его предводительствомъ руссы, въ 941 году, произвели страшное опустошеніе въ окрестностяхъ Царьграда; но греческимъ огнемъ обращены были въ бѣгство. Чтобы поправить эту неудачу, Игорь вскорѣ опять ополчился на Грецію; но близъ устья Дуная встрѣченъ былъ посольствомъ устрашеннаго императора и, принявъ предложенные ему дары, мирно возвратился въ Кіевъ.

Въ слѣдующемъ 945-мъ году заключенъ былъ новый письменный договоръ съ греками, отчасти основанный на прежнемъ, но по нѣкоторымъ условіямъ менѣе выгодный для русскихъ: такъ, въ немъ постановлено, чтобы подданные Игоря, пріѣжая въ Царьградъ, предъявляли письменный видъ, чего прежде не требовалось и т. п. Кромѣ того, великій князь обѣщалъ отражать болгаръ, безпокоившихъ область Херсонскую и давать вспомогательное войско по требованію императора.

Въ обоихъ договорахъ исчислены послы русскіе, и любопытно, что въ первомъ между именами 14-ти вельможъ нѣтъ ни одного словенскаго; во второмъ ихъ исчислено около 50-ти, и только 2 — 3 словенскія. Это доказываетъ, что дружина великокняжеская еще значительно пополнялась наемниками, приходившими изъ Скандинавіи.

Предпринимая второй походъ свой подъ Царьградъ, Игорь, сверхъ того, нанялъ печенѣговъ. Это былъ дикій азіатскій народъ, который, будучи съ востока тѣснимъ другими степными ордами, занялъ при Игорѣ все сѣверное прибрежье Чернаго моря, отъ Дона до Дуная. Кочуя по обѣ стороны нижняго Днѣпра, печенѣги начали затруднять сообщеніе Кіева съ Греціею, и съ X-го до XII-го столѣтія были то свирѣпыми врагами, то союзниками руссовъ, терзали то кіевское княжество, то Грецію. При заключеніи мира съ Игоремъ, греки умѣли отвлечь печенѣговъ отъ союза съ нимъ.

Ольга - христіанка.

955.

Древляне, покоренные сильною рукою Олега хотѣли воспользоваться смертію его и возмутились еще въ началѣ княженія слабодушнаго Игоря, однакожъ были укрощены сподвижниками его предшественника. Покоренные народы платили великому князю дань, сохраняя, впрочемъ, свое прежнее управленіе: по крайней мѣрѣ, древляне имѣли своего особеннаго князя. Дань платилась не всѣми народами одинаково, по большей части она состояла въ естественныхъ произведеніяхъ, особливо въ мѣхахъ. Для собиранія ея самъ великій князь всякій годъ объѣзжалъ съ дружиною свои земли, „ходилъ въ дань“ — и возвращался съ цѣлыми обозами мѣховъ, меда, хлѣба. Сверхъ того, и намѣстники присылали ему взимавшуюся ими дань.

Ту, которая получалась отъ древлянъ, Игорь отдалъ любимцу своему Свѣнельду. Завидуя этому воеводѣ, собственная дружина Игорева послѣ мира съ греками жаловалась на свою бѣдность и наготу. Чтобы успокоить недовольныхъ, онъ пошелъ къ древлянамъ и взялъ съ нихъ дань; но когда онъ въ другой разъ явился за такимъ же побором, то они въ озлобленіи умертвили его и отложились отъ Кіева.

Въ то время сынъ Игоря, Святославъ, былъ еще малолѣтнимъ. Къ счастію Руси въ управленіе ею вступила мудрая вдова великаго князя, Ольга. Прежде всего она жестокимъ кровопролитіемъ наказала мятежниковъ, и, разоривъ ихъ главный городъ Коростенъ, снова привела древлянъ къ повиновенію. Ихъ князь погибъ, земля ихъ сдѣлалась областью Кіевскою.

Послѣ того Ольга посвятила всѣ свои заботы благоустройству края и смягченію нравовъ народа: сама объѣзжала земли между Кіевомъ и Новгородомъ, а для большаго удобства въ управленіи дѣлила ихъ на участки (погосты и уроки), улучшала судъ и расправу, состояніе горо-

довъ и дорогъ. Наученная бѣдственнымъ опытомъ супруга, она, сверхъ того, старалась установить опредѣленность и порядокъ въ собираніи дани. Словомъ, Ольга была первымъ законодателемъ русской земли: ея предшественники были только воины.

Въ подвластныхъ ей странахъ еще господствовала вѣра языческая; но уже были въ Кіевѣ и христіане. Послѣ пораженія Аскольда и Дира подъ Царьградомъ, греки послали въ Кіевъ святителей. Многіе руссы — можетъ быть даже сами Аскольдъ и Диръ — крестились; Русь была включена въ число греческихъ епархій. При Игорѣ въ великокняжеской столицѣ находилась уже христіанская церковь, и въ дружинѣ его было нѣсколько христіанъ. Ольга постигла святость ихъ религіи и рѣшилась принять ее. Для того отправилась она въ 957 году въ самый Царьградъ, гдѣ Константинъ Багрянородный былъ ея воспріемникомъ отъ купели. По возвращеніи въ Кіевъ, она старалась обратить и сына, но воинственный Святославъ упорно отвергалъ всѣ убѣжденія матери, и хотя никому не препятствовалъ креститься, но принявшимъ христіанскую вѣру оказывалъ презрѣніе. Ольга желала распространить божественное ученіе и въ народѣ, но безъ содѣйствія не могла имѣть въ томъ успѣха.

Святославъ въ Болгаріи.

970.

Между тѣмъ Святославъ возмужалъ. Только и думая о войнѣ, онъ вскорѣ послѣ крещенія Ольги пошелъ искать добычи и славы. Сперва покорилъ онъ словенскія поколѣнія при Окѣ (вятичей), платившія дань хазарамъ; потомъ отправился въ самую землю хазаръ, взялъ ихъ крѣпость Саркелъ (Бѣлую Вѣжу) на Дону, ходилъ до Кавказа и утвердилъ господство свое даже на берегахъ Кубани. Оттуда греки вызвали его на новое поприще ратное. Смежно съ ними къ сѣверу отъ Балкановъ до Днѣстра жили болгары, составляя сильное царство. Тревожимый смѣлыми сосѣдями, греческій императоръ просилъ Святослава напасть на нихъ, обѣщая ему щедрое вознагражденіе. Великій князь поспѣшилъ къ Дунаю, взялъ нѣсколько болгарскихъ крѣпостей и главный городъ Переяславецъ (т. е. Преславу, въ восточной Болгаріи), какъ вдругъ вѣсть о нападеніи печенѣговъ заставила его возвратиться въ отечество для защиты столицы. Прогнавъ печенѣговъ, Святославъ нетерпѣливо желалъ отправиться опять въ Болгарію и навсегда поселиться въ Переяславлѣ, куда, по словамъ его, отъ грековъ посылались золото, ткани, вино и плоды, отъ чеховъ и

угровъ — серебро и кони, отъ русскихъ — мѣха, воскъ, медъ и невольники. Ольга убѣждала его остаться въ Кіевѣ, но вскорѣ скончалась, и онъ поспѣшилъ въ Болгарію, которую считалъ уже своею. Тамъ, противъ чаянія, былъ онъ встрѣченъ непріязненно, однакожъ, снова успѣлъ овладѣть Переяславцемъ (970). Но прежнія обстоятельства перемѣнились. Новый греческій императоръ, знаменитый Іоаннъ Цимисхій, понимая, какъ опасно для его державы было сосѣдство руссовъ, требовалъ, чтобы они удалились. Святославъ отвѣчалъ, что завоюетъ самую Грецію, и началась война съ Цимисхіемъ. Уже руссы доходили побѣдоносно до Адріанополя, но императоръ собралъ огромныя силы и взялъ Переяславль. Потомъ онъ осадилъ крѣпость Доростолъ (нынѣ Силистрія), гдѣ заперся самъ Святославъ. Здѣсь, послѣ упорной битвы великій князь вынужденъ былъ предложить миръ и обязался никогда болѣе не тревожить ни Греціи, ни Болгаріи. Послѣ личнаго свиданія съ Цимисхіемъ, онъ отправился въ Кіевъ, но у Днѣпровскихъ пороговъ убитъ былъ печенѣгами, узнавшими отъ грековъ, что онъ идетъ съ богатою добычею. Святославъ былъ князь замѣчательный по своему истинно-норманскому характеру. Онъ жилъ для войны, въ походахъ подвергалъ себя всякимъ лишеніямъ, не терпѣлъ никакихъ удобствъ и, готовясь воевать съ сосѣдями, предварялъ ихъ о томъ. При отчаянномъ положеніи его въ Доростолѣ, дружина великокняжеская, созванная на совѣтъ, предлагала или заключить миръ съ греками, или поспѣшно удалиться. Тогда Святославъ сказалъ: „Бѣгство не спасетъ насъ; сразимся волею и неволею, да не посрамимъ земли русской: мертвымъ срама нѣтъ. Станемъ крѣпко. Я иду передъ вами“...

Случай этотъ, между прочимъ, показываетъ, что дружина великаго князя служила ему не только оружіемъ, но и совѣтомъ. Таково было ея назначеніе, особенно въ мирное время. Святославъ былъ первый князь съ именемъ словенскимъ. Имена его предшественниковъ были скандинавскія. Въ первое время руссы (варяги), составляли господствующій народъ, и удаляли словенъ отъ всѣхъ должностей почетныхъ. Сначала при дворѣ княжескомъ господствовалъ, по всей вѣроятности, и языкъ скандинавскій (норренскій); руническое письмо, безъ сомнѣнія, употреблялось нѣкоторое время въ русской землѣ. Но какъ варяги приходили по большей части холостыми и женились на словенкахъ, притомъ они терялись во множествѣ туземцевъ, то скандинавскій языкъ мало-по-малу былъ совершенно вытѣсненъ словенскимъ, который хотя и назвался русскимъ по имени пришельцевъ, однакожъ, не принялъ отъ нихъ ничего, кромѣ очень незначительнаго количества словъ.

Крещеніе Руси при Владимірѣ.

988.

Варяги принесли съ собою въ словенскую землю гибельное понятіе, что каждый членъ княжескаго дома имѣетъ право на участіе во владѣніи краемъ — на особый *удѣлъ*. Уже Рюрикъ отдалъ двѣ трети ввѣреннаго ему достоянія братьямъ. Такъ и Святославъ, намѣреваясь княжить въ Переяславцѣ, раздѣлилъ наслѣдственную страну между тремя сыновьями: Кіевъ отдалъ Ярополку, область древлянскую—Олегу, а Новгородъ — Владиміру.

Лѣтъ пять по смерти Святослава братья правили мирно своими удѣлами. Но по внушенію Свѣнельда, великій князь Ярополкъ вздумалъ присвоить себѣ землю Олега и пошелъ на него войною. Въ битвѣ при Овручѣ, столицѣ своей, погибъ князь древлянскій. Третій братъ, Владиміръ, по понятіямъ вѣка, долженъ былъ кровію отмстить за брата. Для вѣрнѣйшаго въ томъ успѣха онъ самъ отправился въ Скандинавію, два года собиралъ тамъ дружину и по возвращеніи въ отечество, съ могучею ратью двинулся противъ Ярополка.

На пути его лежалъ прежде подвластный Новгороду Полоцкъ, гдѣ теперь независимо княжилъ варягъ Рогвольдъ, котораго дочь Рогнѣда была невѣстою великаго князя Кіевскаго. Владиміръ похитилъ Рогнѣду, истребилъ все ея семейство и подчинилъ себѣ Полоцкъ. Когда онъ приблизился къ Кіеву, Ярополкъ бѣжалъ, но вскорѣ, по предательскому совѣту одного изъ любимцевъ своихъ, пошелъ въ чертогъ Владиміра, и тамъ былъ умерщвленъ.

Оставшись единодержавнымъ главою Руси, Владиміръ въ первые восемь лѣтъ своего княженія безпрестанно сражался съ сосѣдями и даже ходилъ до Волги, гдѣ воевалъ камскихъ болгаръ, имѣвшихъ общее происхожденіе съ болгарами дунайскими и основавшихъ цвѣтущее царство. Изъ варяговъ, пришедшихъ съ Владиміромъ въ Кіевъ, онъ большую часть отослалъ въ Грецію, и такимъ образомъ дружина его была преимущественно русская. Въ его время руссами уже назывались словене. Различіе между туземцами и поселившимися среди ихъ норманнами все болѣе и болѣе исчезало. Владиміръ умѣлъ снискать любовь своихъ подданныхъ. Пиры, которыми онъ въ своемъ теремѣ угощалъ бояръ и дружину, живутъ въ сказкахъ и пѣсняхъ народныхъ, гдѣ его называютъ Владиміръ-Солнышко. Онъ страстно преданъ былъ чувственнымъ удовольствіямъ и отличался своимъ усердіемъ къ богамъ языческимъ, такъ что въ жертву имъ проливаема была даже кровь человѣческая. Онъ поставилъ въ Кіевѣ истуканы семи боговъ,

изъ которыхъ главнымъ былъ Перунъ, владыка грома. Впрочемъ, объ идолопоклонствѣ древнихъ словенъ очень мало извѣстно. Знаемъ только, что первые великіе князья, при заключеніи договоровъ съ греками, клялись Перуномъ и Волосомъ, богомъ скотовъ. Истуканы стояли на священномъ холмѣ подъ открытымъ небомъ; храмовъ имъ не строили.

Грозный воитель и язычникъ Владиміръ сдѣлался впослѣдствіи кроткимъ христіаниномъ, Апостоломъ земли русской. По сказанію лѣтописи, поводомъ къ его обращенію было то, что окрестные народы, болгары, нѣмцы, евреи, греки присылали въ Кіевъ миссіонеровъ; всякій хвалилъ свою религію, и Владиміръ, желая удостовѣриться, чья лучше, отправилъ въ разныя страны смышленныхъ людей испытывать вѣроисповѣданія. Послы его, бывъ поражены величіемъ богослуженія грековъ, отдали ихъ вѣрѣ рѣшительное предпочтеніе. Вслѣдъ за тѣмъ Владиміръ идетъ съ войскомъ въ Тавриду, беретъ греческій городъ Херсонъ, получаетъ руку византійской царевны и принимаетъ крещеніе.

Разсказъ этотъ надобно, кажется, разумѣть такъ: посреди христіанскихъ государствъ Русь одна оставалась въ язычествѣ. Конечно патріархъ и папа имѣли на нее каждый свои виды. Можетъ быть, ко Владиміру являлись миссіонеры для склоненія его въ пользу восточной церкви. Владиміръ, постигая, съ одной стороны, божественное значеніе христіанства, а съ другой — выгоды тѣснѣйшей связи съ Греціею, потребовалъ руки греческой царевны, но, слывя варваромъ, умертвившимъ брата, приносящимъ людей въ жертву идоламъ, получилъ отказъ. Вотъ что, вѣроятно, побудило его къ осадѣ Херсона. Послѣ продолжительныхъ усилій городъ былъ взятъ измѣною. Тогда Владиміръ вторично изъявилъ желаніе вступить въ супружество съ греческою царевной, обѣщая креститься, если послѣдуетъ на то согласіе, а въ противномъ случаѣ грозя походомъ на Царьградъ. Долго царевна Анна противилась убѣжденіямъ братьевъ своихъ, императоровъ Константина и Василія, представлявшихъ ей славу просвѣтить цѣлый народъ истинною вѣрой и избавить отечество отъ вражды опасной. Наконецъ, Анна уступила просьбамъ, и корабль, на который не безъ слезъ сѣла она, привезъ ее въ Херсонъ. Въ тамошней церкви совершилось крещеніе, а потомъ и вѣнчаніе Владиміра.

Построивъ въ завоеванномъ городѣ церковь, онъ отдалъ ее грекамъ, однакожъ взялъ оттуда иконы, мощи, іереевъ и возвратился въ Кіевъ съ твердымъ намѣреніемъ водворить въ русской землѣ вѣру Христову. Первымъ дѣломъ его было низверженіе идоловъ: одни были сожжены, другіе изрублены. Потомъ весь народъ кіевскій, созванный къ Днѣпру-рѣкѣ, долженъ былъ въ присутствіи великаго князя погрузиться въ освященную воду — всѣ безпрекословно крестились (988). То же было и въ другихъ городахъ. Считая волю великаго князя священною и притомъ не будучи сильно привязанъ къ малоразвитому

ученію языческому, народъ русскій не противился принятію христіанской вѣры. Она распространялась быстро и только *кудесники* (чародѣи), которые изрѣдка являлись въ первые вѣка послѣ крещенія Руси, составляли слабый остатокъ язычества.

Къ успѣхамъ христіанской религіи между русскими много содѣйствовало то, что они вмѣстѣ съ нею получили изъ Греціи священное писаніе на понятномъ имъ языкѣ, который слышали и при богослуженіи, — важное преимущество надъ христіанами западной церкви. Еще во второй половинѣ IX-го вѣка библія и церковныя книги переведены были на словенскій языкъ двумя уроженцами Солуня (Ѳессалоники), братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ, проповѣдниками Евангелія сперва между разными окрестными народами, а напослѣдокъ между моравами. Можетъ быть, ихъ переводъ еще со временъ Аскольда и Дира былъ извѣстенъ въ Кіевѣ.

Для утвержденія христіанства въ землѣ русской Владиміръ строилъ церкви въ городахъ своихъ. Великолѣпнѣйшимъ храмомъ была *Десятинная церковь* въ Кіевѣ, такъ названная отъ того, что на ея содержаніе назначена была десятая часть доходовъ княжескихъ. Для сооруженія ея, которое продолжалось около десяти лѣтъ, выписаны были изъ Греціи мастера, а отчасти и дорогіе матеріалы. Для образованія духовныхъ изъ среды самихъ русскихъ, для обученія церковному языку и вообще грамотѣ, Владиміръ завелъ школы, а чтобы придать духовенству болѣе вѣсу въ глазахъ народа, онъ изъялъ это сословіе отъ свѣтскаго суда, и, сверхъ того, предоставилъ духовному вѣдомству вообще разбирательство дѣлъ о бракѣ и о нѣкоторыхъ преступленіяхъ.

Христіанская вѣра дала единство народамъ подвластнымъ великому князю; посредствомъ ея Русь по внутреннему развитію стала на ряду съ окрестными государствами и какъ-будто приблизилась къ нимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получила совершенно особенное направленіе и элементы жизни своеобразной. Подвигъ Владиміра тѣснѣе связалъ его державу съ единовѣрною Греціей, которая преимущественно съ этихъ поръ сдѣлалась на Руси источникомъ свѣта въ искусствахъ и знаніяхъ. Пріобрѣтеніе Св. Писанія въ словенскомъ переводѣ опредѣлило на многіе вѣка ходъ развитія русской словесности: церковный языкъ сдѣлался и книжнымъ: онъ въ области литературы господствовалъ, хотя не безъ чуждой примѣси, до XVIII-го столѣтія.

Какъ Ольга, такъ и Владиміръ причислены были къ лику святыхъ; послѣдній, сверхъ того, нареченъ Равноапостольнымъ.

Распри въ семействѣ Владиміра.

1019 и 1026.

Вскорѣ послѣ крещенія Руси Владиміръ роздалъ удѣлы сыновьямъ своимъ. Новгородъ, гдѣ самъ онъ прежде княжилъ, достался Ярославу. Эта область уже рѣзко отличалась отъ прочихъ. Олегъ, переселясь въ Кіевъ, обязалъ новгородцевъ платить ему ежегодно 300 гривенъ; но ни онъ, ни преемники его не могли много заниматься своимъ сѣвернымъ княжествомъ. Между тѣмъ оно, пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ, владѣя обширными землями отъ Бѣлаго-озера до Эстляндіи, отъ Невы до Смоленской области, обогащалось торговлею, усиливалось, сознавало свои силы и начало стремиться къ самостоятельности. Первые признаки этого духа обнаружились въ новгородцахъ уже при Святославѣ, когда они грозили, что сами изберутъ себѣ князя, если къ нимъ не будетъ назначенъ Владиміръ, и требованіе ихъ было исполнено. Теперь въ княженіи у нихъ Ярослава, они вдругъ отказались платить отцу его, великому князю, условленную дань. Раздраженный Владиміръ ополчился на Новгородъ, и уже выступилъ изъ Кіева, но въ самомъ началѣ похода скончался (1015).

Наравнѣ съ сыновьями Владиміра получилъ отъ него область и усыновленный имъ племянникъ его — сынъ Ярополка, предметъ ненависти родныхъ дѣтей Владиміра. Этотъ князь, по имени Святополкъ, находился въ Кіевѣ во время смерти великаго князя и рѣшился овладѣть его наслѣдіемъ, но боясь братьевъ, онъ прибѣгнулъ къ хитрости, скрылъ кончину Владиміра и именемъ его звалъ князей въ Кіевъ. Трое изъ нихъ, отправясь туда, были вѣроломно умерщвлены. Ярославъ, услышавъ о происшедшемъ, пошелъ войною на злодѣя. Тесть Святополка, король польскій Болеславъ, взялъ сторону своего родственника и, поразивъ Ярослава, расположился въ Кіевѣ, но опять ушелъ во-свояси, когда Святополкъ, опасаясь поляковъ, велѣлъ тайно умерщвлять ихъ. Потерявъ сильнаго сподвижника, онъ нанялъ печенѣговъ, и съ ними встрѣтилъ Ярослава у рѣки Альты, но былъ разбитъ, бѣжалъ и погибъ у печенѣговъ, или по мнѣнію другихъ, въ Богеміи.

Ярославъ овладѣлъ Кіевомъ и удѣлами, оставшимися безъ князей. но долженъ былъ еще выдержать борьбу. Въ Тмутаракани княжилъ храбрый и могучій братъ его Мстиславъ, уже славный воинскою доблестію: тѣсня народы кавказскіе, распространилъ онъ свое господство при Кубани и грекамъ помогъ окончательно сокрушить владычество хазаръ въ Тавридѣ. Мстиславъ, желая равнаго съ братомъ участія въ

наслѣдіи отца, пошелъ въ Кіевъ и въ области Сѣверской при Лиственѣ побѣдилъ (1026) Ярослава. Русь раздѣлилась на двѣ половины, между которыми рѣка Днѣпръ составила границу: Ярославъ сѣлъ на престолъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ въ Черниговѣ, и миръ между ними не прерывался; съ сосѣдями же они воевали соединенною силой. Черезъ десять лѣтъ умеръ Мстиславъ, и тогда братъ его сталъ княжить единодержавно по обѣ стороны Днѣпра.

Единодержавіе Ярослава.

1036 — 1034.

Ярославъ не прославилъ своего имени громкими, разительными подвигами; но все его княженіе было, такъ сказать, однимъ непрерывнымъ дѣломъ въ духѣ улучшенія нравовъ и законовъ. Ему приписываютъ изданіе древнѣйшаго въ Россіи уложенія: *Русской Правды*, служащей важнымъ матеріаломъ къ изученію перваго періода отечественной исторіи нашей въ разныхъ отношеніяхъ.

Русская правда представляетъ много сходства съ англо-саксонскими и скандинавскими уложеніями. Главное содержаніе ея состоитъ въ опредѣленіи наказаній за убійство, насиліе, воровство. Наказанія эти трехъ родовъ: 1) смерть; какъ въ древнихъ германскихъ законахъ, такъ и въ Русской Правдѣ предоставляется родственникамъ убитаго или отнять жизнь у убійцы, или взыскать съ него пеню; 2) денежныя пени или виры различныя, смотря по обиженному лицу и по свойству преступленія, и 3) неволя. Изъ уложенія Ярославова можно извлечь нѣсколько свѣдѣній касательно современныхъ сословій въ русской землѣ. Рядомъ съ боярами упомянуты *тіуны*, судьи, или, можетъ быть, управители боярскихъ имѣній. Вторую степень подданныхъ занимали воины, придворные, купцы и земледѣльцы. У князя не было постояннаго войска: онъ сзывалъ его по случаю надобности, и число рати зависѣло отъ обстоятельствъ. Воины получали отъ него содержаніе и вооруженіе. Къ классу придворныхъ принадлежали *отроки*, *гридни* и др. Купцы (гости) не составляли особаго сословія, а принадлежали къ разряду *людиновъ*, къ которому относились вообще свободные люди варяжскаго рода, въ томъ числѣ и земледѣльцы. На низшей степени стояли *холопи*, не имѣвшіе никакихъ правъ гражданскихъ. Первоначально въ рабство поступали только военно-плѣнные, но въ *Русской Правдѣ* уже вычислены разныя обстоятельства, съ которыми соединено было лишеніе свободы.

Ярославовы законы опредѣляютъ и право наслѣдства, при чемъ

видно важное преимущество воинскихъ чиновъ предъ гражданскими и меньшаго сына предъ старшими. Въ другой статьѣ обнаруживается преимущество варяговъ и вообще пришельцевъ предъ туземцами. — Главою правосудія былъ князь, который, впрочемъ, могъ передавать обязанность судьи тіунамъ и отрокамъ. Обвиненному предоставлялся тотъ же способъ оправданія, какъ и въ западной Европѣ — испытаніе желѣзомъ и водою. Въ маловажныхъ случаяхъ достаточно было присяги.

Что касается до промысловъ древней Руси, то — какъ показываетъ уложеніе Ярославово, — важное между ними мѣсто занимали, сверхъ охоты, пчеловодство и птицеловство; по рѣкамъ ходили суда, съ чѣмъ связана была и сухопутная торговля. Право владѣнія недвижимою собственностію пользовалось покровительствомъ закона.

Вліяніе норманское, замѣтное въ Ярославовой Правдѣ, объясняется тѣсными сношеніями древней Руси съ Скандинавіею. Самъ Ярославъ, воюя съ Святополкомъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи множество призванныхъ имъ варяговъ. Тогда въ рядахъ его сражался между прочимъ сподвижникъ св. Олафа Эймундъ, обязавшійся защищать его владѣнія. Въ битвѣ же при Лиственѣ, варягами великаго князя предводительствовалъ какой-то Якунъ (Anund Jacob?), также выходецъ изъ Скандинавіи. Самъ св. Олафъ (Олофъ), принужденный бѣжать изъ отечества, посѣтилъ Ярослава, съ которымъ находился въ родствѣ: супругою великаго князя была дочь норвежскаго конунга Олафа-Младенца (Olof Skötkonung).

Но утвердившись въ Кіевѣ, Ярославъ ослабилъ сношенія съ Скандинавіею, и послѣ него имя варяговъ не встрѣчается болѣе въ нашей исторіи. Къ отчужденію ихъ отъ русской земли онъ много способствовалъ отмѣною налога (300 гривенъ), взимавшагося съ Новгорода въ пользу норманскихъ воиновъ. Новгородцы любили Ярослава и въ войнѣ его съ Святополкомъ оказали ему великую помощь; сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ отплатилъ имъ важными преимуществами: между прочимъ далъ онъ имъ *льготныя грамоты*, которыми они такъ дорожили, что впослѣдствіи со всѣхъ своихъ князей брали клятву въ ихъ ненарушимомъ соблюденіи. Еще не дѣливъ земли своей между сыновьями, Ярославъ даровалъ новгородцамъ особаго князя; они сверхъ того получили и особаго епископа. Такимъ образомъ, при Ярославѣ свобода ихъ впервые была освящена законностію; онъ положилъ прочное основаніе будущему ихъ могуществу. Русская Правда первоначально составлена была, вѣроятно, для нихъ же, въ то время, когда Ярославъ еще княжилъ въ Новгородѣ, а послѣ только распространена на всю Русь.

Въ Греціи было много руссовъ, частію купцовъ, частію воиновъ, составлявшихъ вспомогательную рать византійскихъ государей. Дру-

жественныя связи съ богатою державой, утверждавшіяся на торговыхъ выгодахъ и на родствѣ великихъ князей съ императорами, внезапно прерваны были убіеніемъ въ Царьградѣ одного знатнаго русса. Ярославъ, не получивъ удовлетворенія, послалъ въ Византію судовую рать подъ начальствомъ сына своего, новгородскаго князя Владиміра. Но близъ Царьграда почти весь этотъ флотъ былъ истребленъ непріятелемъ и бурею; едва самъ Владиміръ съ немногими судами избѣгъ общаго бѣдствія. Тогдашній походъ противъ грековъ былъ послѣднимъ въ русской исторіи.

Однакожъ его неудача не устрашила Ярослава, и чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ рѣшительною мѣрою уменьшилъ зависимость русской церкви отъ константинопольскаго патріарха. До сихъ поръ высшія должности по духовному управленію ввѣряемы были однимъ византійцамъ. По смерти греческаго митрополита въ Кіевѣ, повелѣно было русскимъ епископамъ избрать ему преемника, не сносясь съ Царьградомъ, и выборъ ихъ палъ на инока Иларіона, который до того времени жилъ въ пещерахъ близъ Кіева.

Вообще Ярославъ сдѣлалъ много для церкви. Грубое суевѣріе, которое выражалось въ появленіи кудесниковъ, пробудило въ немъ дѣятельную заботливость объ успѣхахъ просвѣщенія. Въ Новгородѣ завелъ онъ училище на 300 дѣтей высшаго духовенства. Понимая, что чтеніе церковныхъ книгъ не могло распространиться въ надлежащей степени, пока многія изъ нихъ оставались на греческомъ языкѣ, онъ велѣлъ переводить ихъ, и самъ занимался ихъ переписываніемъ.

Имъ учреждены были первые русскіе монастыри; улучшая и основывая города, онъ съ помощію греческихъ художниковъ украшалъ и церкви, или строилъ новыя; онъ ввелъ при богослуженіи согласное пѣніе. Стараясь о выгоднѣйшемъ положеніи священниковъ, онъ на содержаніе ихъ назначилъ отчасти собственные свои доходы, и издалъ новый уставъ „*О церковномъ судѣ*“, въ которомъ часть пени за преступленія предоставилъ духовнымъ судьямъ. Самъ сочетавшись бракомъ съ норвежскою принцессою, Ярославъ посредствомъ своихъ дѣтей вступилъ въ обширное родство съ дворами иноземными: греческимъ, венгерскимъ, польскимъ и даже французскимъ: дочь его Анна, вышедъ за Капетинга Генриха I, сдѣлалась праматерью перваго Бурбона. Елисавета Ярославовна отдала руку свою славному Гаральду норвежскому (Harald Hårdråde). Подобно дѣду своему, Всеволодъ Ярославичъ женатъ былъ на греческой царевнѣ.

Изяславъ.

1154 — 1178.

Слѣдуя обычаю отцовъ, Ярославъ предъ смертію раздѣлилъ русскую землю между своими пятью сыновьями. Онъ совѣтовалъ имъ жить въ мирѣ; старшему же, получившему Кіевъ, указалъ быть главою, посредникомъ, миротворцемъ другихъ и защитникомъ слабаго или обиженнаго. Но не опредѣливъ въ точности отношеній между князьями, Ярославъ своимъ раздѣломъ подалъ поводъ къ нескончаемымъ распрямъ. Такимъ образомъ, послѣ него начинается *новый періодъ* русской исторіи, отмѣченный именемъ *удѣльной системы* и продолжающійся, хотя въ разныхъ видахъ, до конца XV-го вѣка. Отличительнымъ характеромъ предыдущаго періода было быстрое расширеніе внѣшнихъ предѣловъ Руси вслѣдствіе воинственнаго духа варяжскихъ князей. Теперь оно пріостановилось надолго; разнородныя стихіи, изъ которыхъ образовалось новое гражданское общество, и которыя представляли смѣсь начала словенскаго съ норманскимъ и греческимъ, не могли слиться въ стройное цѣлое, безъ разработки въ продолжительной борьбѣ внутренней. Итакъ, раздробленіе Руси и княжескія междоусобія были бѣдствіемъ необходимымъ, и въ послѣдствіяхъ своихъ благотворнымъ.

Области, на которыя Ярославъ раздѣлилъ Русь, были:

1) Кіевъ съ Новгородомъ.

2) Черниговъ съ областями по Окѣ (Рязанью, Муромомъ) и съ Тмутараканью.

3) Переяславль съ Суздалемъ, Ростовомъ и берегами верхней Волги.

4) Смоленскъ.

5) Владиміръ на Волыни.

Кіевъ съ Новгородомъ составлялъ *великое княжество* и отданъ былъ старшему Ярославичу, Изяславу; остальныя же части, доставшіяся его братьямъ, назвались *удѣльными княжествами*. Было еще шестое княжество — Полоцкъ, который при Ярославѣ остался неподвластнымъ ему. Тамошняя княжна Рогнѣда, увезенная Владиміромъ, не могла забыть бѣдственной участи своего семейства и, въ отомщеніе супругу, покушалась умертвить его. Владиміръ, предупредивъ ея замыселъ, удалилъ ее въ Полоцкъ вмѣстѣ съ прижитымъ отъ нея старшимъ сыномъ своимъ Изяславомъ; его-то внукъ, Всеславъ, и княжилъ теперь въ Полоцкѣ. Естественно, что между этимъ и другимъ поколѣніемъ Владиміра, потомками Ярослава, господствовала вражда, часто обнаруживавшаяся войной.

Съ другой стороны, гибельно было для князей сосѣдство дикихъ половцевъ, кочующаго народа, который отъ Каспійскаго моря приблизился въ концѣ княженія Ярослава, къ берегамъ Днѣпра. Печенѣги не были уже страшны. Владиміръ долженъ былъ безпрерывно биться съ ихъ ордами. Ярославъ нанесъ имъ ударъ рѣшительный. Половцы, покоривъ или вытѣснивъ ихъ остатки, заняли все пространство отъ Волги до Прута. Разоряя приднѣпровскія области, они часто находили опору въ самихъ князьяхъ, которые, враждуя между собою, прибѣгали къ ихъ помощи.

Бѣдственно было княженіе Изяслава. Сперва Всеславъ напалъ на Новгородъ и ограбилъ его. Чтобы наказать этого князя, всѣ Ярославичи соединились, опустошили полоцкую область, и обманомъ схвативъ самого Всеслава, заключили его въ кіевскую темницу. Тогда въ предѣлы кіевскіе внезапно вторглись половцы и при р. Альтѣ поразили возвратившихся князей. Возмутившіеся кіевляне требовали, чтобы Изяславъ ополчился съ ними вторично; но онъ противился ихъ желанію и долженъ былъ бѣжать отъ ярости народной. Онъ удалился въ Польшу къ своему двоюродному брату, Болеславу II, и съ помощію его опять овладѣлъ кіевскимъ престоломъ, который въ отсутствіи его достался было освобожденному Всеславу. Но вскорѣ слабостью его захотѣли воспользоваться собственные его братья, сосѣди его, князь черниговскій Святославъ и переяславскій — Всеволодъ. Они рѣшили отнять у него Кіевъ и раздѣлить между собою всю Русь. Тогда Изяславъ вторично бѣжалъ и униженно просилъ помощи у короля польскаго, у нѣмецкаго императора и у папы. Болеславъ II взялъ богатые дары, вывезенные Изяславомъ изъ Кіева, но *указалъ ему путь отъ себя*.

Генрихъ IV отправилъ въ Кіевъ духовнаго чиновника, чтобы склонить братьевъ къ миру, но великолѣпіе и щедрость, которыми они изумили посланца, охладили его усердіе къ пользамъ изгнанника, и онъ съ полученными дарами возвратился въ Германію, везя съ собою множество драгоцѣнныхъ сосудовъ и тканей.

Григорій VII, къ которому пріѣзжалъ сынъ Изяслава, отправилъ къ нему пословъ съ буллою (1075) для переговоровъ о присоединеніи Россіи къ папскимъ владѣніямъ, что̀, однакоже, не имѣло никакихъ послѣдствій.

Обстоятельства между тѣмъ перемѣнились: услышавъ, что Святославъ умеръ, великій князь поспѣшилъ въ отечество и кроткій Всеволодъ добровольно возвратилъ ему Кіевъ. Переживъ всѣхъ другихъ братьевъ, эти два послѣдніе Ярославича раздѣлили Русь между собою и своими дѣтьми, но ничего не дали племянникамъ. Обдѣленные князья рѣшились силою добыть удѣловъ: они соединились въ Тмутаракани и оттуда пошли на обоихъ дядей, но были побѣждены, хотя Изяславъ и погибъ въ кровопролитной съ ними битвѣ (1078).

Къ чести этого злополучнаго князя служитъ, что онъ совершенно истребилъ кровавую месть, еще дозволенную Русскою Правдою, установивъ во всѣхъ случаяхъ денежную пеню за убійство. При Изяславѣ встрѣчаемъ мы упомянутыхъ уже прежде *кудесниковъ* — представителей нѣкотораго упорства со стороны язычества. Въ Ростовской области былъ голодъ: обманщики, приписывая его колдовству женщинъ, убивали ихъ и грабили имѣніе богатыхъ; они являлись въ разныхъ мѣстахъ по Волгѣ; наконецъ, когда дошли до Бѣла-озера, нѣкоторые изъ нихъ были умерщвлены какимъ-то вельможею. Подобный же кудесникъ въ Новгородѣ торжественно возставалъ противъ христіанской религіи, и браня епископа, привлекалъ къ себѣ жителей, пока не убилъ его князь новгородскій. Вообще люди вѣрили тогда въ волшебство; особенно финны славились имъ, и въ чудскую землю хаживали новгородцы совѣтоваться съ колдунами. Долго оставались и другіе слѣды язычества, которые отчасти не изгладились и до сихъ поръ, хотя и потеряли уже всякое значеніе. Въ народномъ бытѣ сохранились, напримѣръ, праздники и обычаи, которыхъ источникъ скрывается въ язычествѣ: такъ въ *семикъ* простолюдины съ пѣснями пляшутъ вокругъ деревьевъ, обвѣшанныхъ лентами; наканунѣ Иванова дня скачутъ чрезъ огонь; въ перекатахъ грома слышатъ ѣзду Ильи пророка; наконецъ, вѣруютъ въ разныя сверхъестественныя существа: въ домовыхъ, русалокъ, лѣшихъ и т. п.

Олегъ Черниговскій и Владиміръ Мономахъ.

1070 — 1132.

По смыслу завѣщательнаго распоряженія Ярослава, великокняжескій престолъ долженъ былъ всегда принадлежать старшему въ родѣ. Понятіе о необходимости этого порядка сдѣлалось, какъ увидимъ, источникомъ новыхъ распрей и упорно господствовало въ Россіи до временъ Димитрія Донского. На этомъ-то основаніи, Изяславу наслѣдовалъ въ Кіевѣ не сынъ Святополкъ, а братъ Всеволодъ. Когда же по смерти и Всеволода не оставалось уже ни одного Ярославича, тогда великокняжеское достоинство перешло, по тому же правилу, на Святополка Изяславича, какъ старшаго (по отцу) внука Ярославова.

При этихъ двухъ государяхъ, обдѣленные князья продолжали воевать за удѣлы. Между ними особенно отличался дѣятельною отвагою и успѣхомъ сынъ Святослава черниговскаго Олегъ: вторично явясь изъ Тмутаракани и нанявъ половцевъ, онъ успѣлъ овладѣть не только Черниговомъ, на который имѣлъ право, но и другими городами.

Достойнымъ его противникомъ былъ двоюродный его братъ, князь

переяславскій, Владиміръ, сынъ великаго князя Всеволода. Столь же храбрый, какъ Олегъ, но выше его умомъ и характеромъ, Владиміръ въ продолженіе почти цѣлаго полувѣка послѣ Изяслава былъ во всѣхъ событіяхъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ: управлялъ волею обоихъ преемниковъ Изяслава; билъ половцевъ и возстановлялъ спокойствіе внутреннее. Желая устранить взаимныя неудовольствія князей, онъ въ 1097 году, въ княженіе Святополка, пригласилъ ихъ на съѣздъ въ Любечъ, и здѣсь, съ общаго рѣшенія, произведенъ былъ новый дѣлежъ русской земли: племянники также получили удѣлы, и повидимому всякій поводъ къ несогласіямъ былъ уничтоженъ; всѣ присутствовавшіе поклялись хранить миръ, въ случаѣ же нарушенія его, соединенными силами наказать виновнаго.

При зависти, злобѣ, коварствѣ многихъ изъ князей, миръ не могъ быть продолжителенъ. Западныя области, принадлежавшія къ Владиміру на Волыни, раздѣлены были на два удѣла: одна часть, Волынь, отдана внуку Ярослава, Давиду Игоревичу; другую, Червонную Русь (при верховьяхъ Буга, Днѣстра и Вислы) получили два внука Владиміра Ярославича новгородскаго: Володарь и Василько Ростиславичи. Давидъ, досадуя, что не весь отцовскій удѣлъ достался ему одному, захотѣлъ погубить Ростиславичей. По его внушенію, безхарактерный Святополкъ (великій князь) велѣлъ схватить Василько и отвезти въ удѣлъ Давидовъ; дорогою несчастнаго ослѣпили; пріѣхавъ же на мѣсто, посадили въ темницу. Такое вѣроломство возбудило негодованіе всѣхъ прочихъ князей. Владиміръ соединился съ Олегомъ; приписывая постыдное дѣло великому князю, братья привели дружины къ его столицѣ и потребовали у него отчета. Святополкъ сложилъ всю вину на Давида, и вмѣстѣ съ вооруженными князьями пошелъ противъ него въ Волынь. Возгорѣвшаяся тамъ кровопролитная война, въ которую вмѣшались венгры и половцы, имѣла то слѣдствіе, что въ 1100-мъ году близъ Кіева былъ опять княжескій съѣздъ, и у Давида, въ наказаніе, отнята большая часть его удѣла.

Въ землѣ русской, на нѣкоторое время, водворился миръ внутренній. Но еще оставалась другая причина бѣдствій — половцы. Тщетно Владиміръ одерживалъ надъ ними побѣды; тщетно Святополкъ старался укротить ихъ бракомъ съ дочерью одного изъ ихъ хановъ — вторженія дикихъ сосѣдей становились нестерпимы. Пользуясь общимъ согласіемъ князей, Владиміръ склонилъ ихъ предпринять соединенными силами походъ въ самую глубь половецкаго края. Подъ его предводительствомъ, въ 1111 году, они съ многочисленною ратью проникли до устья Дона, и при рѣкѣ Салѣ половцы потерпѣли жестокое пораженіе, отъ котораго никогда уже не могли оправиться.

Вскорѣ послѣ того умеръ Святополкъ. По утвердившемуся порядку на престолъ кіевскій долженъ былъ вступить Олегъ Святославовичъ

но Владиміръ стоялъ такъ высоко во мнѣніи народномъ, что мимо старшей вѣтви провозглашенъ былъ великимъ княземъ.

Чтобы предупредить дальнѣйшее раздробленіе Руси, онъ рѣшился присвоить своему роду власть надъ всѣми удѣлами, съ устраненіемъ боковыхъ линій. Твердо стремясь къ этой цѣли, онъ, въ случаѣ малѣйшаго неповиновенія со стороны другихъ князей, отнималъ у нихъ области въ пользу своихъ дѣтей и внуковъ; когда нужно было, не щадилъ онъ и самой жизни непокорныхъ: двое князей погибли въ неравной съ нимъ борьбѣ. Такимъ образомъ удалось ему соединить въ своемъ семействѣ обладаніе всею Русью, кромѣ трехъ только странъ: Полоцкой, гдѣ княжили потомки Всеслава, Черниговской, принадлежавшей Святославичамъ и Чермной Руси, бывшей достояніемъ Ростиславичей.

Упрочивая въ родной землѣ порядокъ и спокойствіе, возвращая достоинству великаго князя прежнее его значеніе, Владиміръ не упускалъ изъ виду и внѣшней безопасности своихъ владѣній. Самъ будучи уже старъ, онъ посылалъ дѣтей и внуковъ воевать съ чудью и (въ Финляндіи) съ емью, съ камскими болгарами, и съ половцами.

Далеко гремѣла слава Владиміра. Есть извѣстіе, будто Алексѣй Комнинъ, устрашенный оружіемъ его, прислалъ въ Кіевъ знаки императорской власти, и пріѣхавшій съ ними митрополитъ вѣнчалъ Владиміра вѣнцомъ императоровъ. Доселѣ хранится въ Москвѣ такъ называемая *Мономахова шапка* или корона, и другія принадлежности царскаго достоинства, употребляемыя при торжественномъ коронованіи русскихъ самодержцевъ. Что касается до прозванія *Мономахъ*, то оно, какъ полагаютъ, досталось Владиміру потому, что мать его, греческая царевна, была вѣроятно дочь императора Константина Мономаха.

Вѣрный намѣренію доставить всю Русь своему роду, Владиміръ, послѣ 12-лѣтняго княженія (1128), успѣлъ передъ смертію передать престолъ кіевскій старшему сыну Мстиславу. Продолжая дѣйствовать въ томъ же духѣ, отличаясь такою же твердостію, Мстиславъ умѣлъ держать удѣльныхъ владѣтелей въ повиновеніи и даже пошелъ далѣе отца: всѣхъ подвластныхъ князей послалъ онъ воевать враждебную потомкамъ Ярослава землю полоцкую: тамошній князь былъ схваченъ со всѣмъ своимъ семействомъ и сосланъ въ Грецію. Однакожъ, домъ этотъ недолго оставался въ изгнаніи и при преемникѣ Мстислава опять владѣлъ своимъ наслѣдіемъ.

Мстиславъ, повидимому, понималъ что для упроченія внутренняго спокойствія и цѣлости Россіи необходимо утвердить престолонаслѣдіе въ прямой нисходящей линіи. Слѣдуя этой идеѣ онъ, — по собственному ли побужденію или по совѣту отца, условился съ братомъ своимъ Ярополкомъ, что хотя послѣдній въ свою очередь и вступитъ на великокняжескій престолъ, но преемникомъ своимъ назначитъ старшаго сына Мстиславова.

Борьба Мономаховичей и Олеговичей.

1132 — 1157.

Послѣ второго съѣзда князей, междоусобія ихъ затихли; но это спокойствіе продолжалось только лѣтъ 30 — до кончины Мстислава. Когда же его не стало, распри возобновились съ новою силою.

Наслѣдовавшій ему Ярополкъ, согласно упомянутому договору, объявилъ своимъ преемникомъ сына Мстиславова. Это не понравилось младшему дядѣ послѣдняго, Юрію Владиміровичу, князю властолюбивому, алчному: онъ вооружился противъ Ярополка и семейства Мстиславова, и началась война между потомками Мономаха.

Между тѣмъ и сыновья Олега Святославича не забывали своего права на великое княжество. Хитро вмѣшались они въ распри Мономаховичей, будто желая цомирить ихъ; но скоро обнаружилось ихъ истинное намѣреніе: по смерти Ярополка, Кіевомъ овладѣлъ старшій сынъ Олега, Всеволодъ (1139).

Естественно, всѣ Мономаховичи возстали на него и такимъ образомъ началась за кіевскій престолъ борьба Мономаховичей съ Олеговичами, которая по временамъ утихая, продолжалась около ста лѣтъ. Однакожъ Всеволодъ держался на тронѣ до самой смерти своей, и передалъ его брату своему Игорю. Но народъ, недовольный слабыми дѣйствіями этого князя, вскорѣ изгналъ его и, любя Мономаховичей, призвалъ Изяслава Мстиславича, князя благочестиваго, храбраго, дѣятельнаго.

Олеговичи всего лѣтъ семь владѣли великокняжескимъ престоломъ. Они не могли равнодушно снести своего паденія и рѣшились дѣйствовать силою; съ другой стороны, Изяславъ своимъ возвышеніемъ возбудилъ противъ себя безпокойнаго Юрія: началась опять война между дядею и племянникомъ, какъ бывало нерѣдко по смерти Ярослава до второго княжескаго съѣзда; но тогда споръ былъ за удѣлы, теперь дѣло шло о великомъ княженіи. Въ этомъ продолжительномъ междоусобіи участвовали многіе князья; но постоянными врагами были только Изяславъ и Юрій; почти всѣ союзники ихъ держали сторону то одного, то другого. Въ распри ихъ вмѣшивались также короли польскій, венгерскій и чешскій. То Юрій бралъ верхъ, то Изяславъ; нѣсколько разъ они прогоняли другъ друга, нѣсколько разъ Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Наконецъ, смерть Изяслава рѣшила торжество Юрія: въ 1155 году онъ утвердился на великомъ княженіи, однакожъ не надолго: князья опять заспорили о Кіевѣ, и посреди новыхъ ссоръ умеръ Юрій, пробывъ едва три года

на престолѣ, къ достиженію котораго онъ столько лѣтъ стремился всѣми средствами. Ни народъ, ни князья не любили его. Данное ему прозваніе *Долгорукій* осталось справедливымъ выраженіемъ его характера: всю почти жизнь онъ воевалъ для пріобрѣтенія чужой собственности; съ непомѣрнымъ честолюбіемъ соединялъ онъ нерѣшительность, медленность, коварство, тогда какъ соперникъ его Изяславъ, напротивъ, отличался быстротою и рѣшительностію. Юрій былъ одинъ изъ тѣхъ князей, которые въ борьбѣ съ родственниками не стыдились прибѣгать къ помощи половцевъ: онъ первый изъ Мономаховичей обезславилъ себя этимъ союзомъ и тѣмъ еще болѣе заслужилъ ненависть народную. Дружбою съ половцами отличались особенно Олеговичи.

Постояннымъ и сильнымъ союзникомъ Юрія въ этой войнѣ былъ Владимірко, сынъ Володаря Червенскаго, не желавшій видѣть на престолѣ кіевскомъ Изяслава, какъ князя, который по своимъ свойствамъ могъ сдѣлаться опаснымъ для сосѣдей. Имѣя удѣлъ въ Волыни, Владимірко построилъ въ верховьяхъ Днѣстра городъ Галичъ [1]), перенесъ сюда свою столицу и такимъ образомъ сдѣлался основателемъ новаго, впослѣдствіи знаменитаго княжества между Карпатами и обоими Бугами. Имя княжества галицкаго въ первый разъ встрѣчается около средины двѣнадцатаго вѣка.

Тогда же, именно въ 1147 году, является Москва, какъ мѣсто, гдѣ Юрій въ продолженіе войны съ Изяславомъ, переговаривался съ однимъ изъ своихъ союзниковъ. Оно принадлежало какому-то боярину Кучко; онъ, прогнѣвивъ Юрія, былъ казненъ; Москва причислена къ владѣніямъ княжескимъ, а оставшаяся послѣ виновнаго дочь вышла замужъ за сына Юрьева, Андрея, впослѣдствіи великаго князя Владимірскаго.

Лѣтописецъ Несторъ.

1111.

Рѣзкую противоположность съ политическими событіями вѣка представляетъ современная жизнь въ монастыряхъ, возникшихъ, какъ было замѣчено, при Ярославѣ. Вскорѣ послѣ него основался славный Кіевопечерскій монастырь, началомъ котораго послужила находящаяся на днѣпровскомъ берегу гора съ пещерами, гдѣ монахи искали прибѣжища отъ мірскихъ суетъ. Ярославовы сыновья такъ дорожили этимъ

---

[1]) Въ нынѣшней Австрійской Галиціи.

новымъ учрежденіемъ, что сами посѣщали первыхъ игуменовъ его; они обогатили монастырь доходами и помѣстьями. Вѣсъ, которымъ пользовалось духовенство и тревожность, наполнявшая жизнь мірянъ, были причиною, что многіе даже и знатные люди искали успокоенія въ санѣ монашескомъ. Мало-по-малу и между князьями утвердился обычай принимать на смертномъ одрѣ постриженіе.

Какъ духовенство было самымъ образованнымъ сословіемъ, то неудивительно, что въ стѣнахъ монастырскихъ сосредоточивалось почти все тогдашнее образованіе. Въ русскихъ монастыряхъ процвѣтало изученіе греческаго языка и водились греческія книги. Ознакомившись съ хронографами византійцевъ, кіевопечерскій инокъ Несторъ написалъ частью по этимъ источникамъ, частью по изустнымъ преданіямъ первую русскую *лѣтопись* или *временникъ*. Несторъ жилъ въ періодъ времени отъ кончины Ярослава до вступленія Владиміра Мономаха на великокняжескій престолъ; около этой эпохи прекращается и лѣтопись его, но ее продолжали другіе монахи, такъ что съ Несторомъ начинается цѣлый рядъ русскихъ лѣтописцевъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ, — рядъ, который, почти не прерываясь, идетъ чрезъ нѣсколько столѣтій и оканчивается не прежде, какъ около середины 17-го вѣка. Отмѣчая событія въ хронологическомъ порядкѣ, лѣтописцы наши не забывали и явленій природы, какъ-то: лунныхъ и солнечныхъ затменій, кометъ и т. п. иногда же сопровождали свой разсказъ благочестивыми размышленіями, но жаль, что въ отношеніи къ исторіи государственной, они почти исключительно останавливались на разительныхъ внѣшнихъ предметахъ, не обращая вниманія на менѣе замѣчательныя явленія внутренней жизни народа. Несторъ сначала излагаетъ происхожденіе племенъ согласно съ св. писаніемъ, потомъ показываетъ ихъ размѣщеніе въ Европѣ и переходитъ къ повѣствованію происшествій. Извѣстія его вообще кратки, но положительны и точны. Въ первомъ періодѣ русской исторіи встрѣчаются иногда сказанія очевидно баснословныя, дошедшія до Нестора по преданію и первоначально занесенныя къ намъ изъ Скандинавіи или изъ Греціи. Таковы, напр., нѣкоторыя подробности, разсказы о походѣ Олеговомъ подъ Царьградъ, о смерти Олега, о сожженіи Ольгою древлянскаго города Коростена, — подробности, находимыя и въ исландскихъ сагахъ. Языкъ Несторовой лѣтописи есть церковно-словенскій, однакожъ съ нѣкоторою примѣсью языка народнаго. Этотъ драгоцѣннѣйшій источникъ древней русской исторіи не сохранился въ подлинникѣ, но списковъ его отыскалось нѣсколько, извѣстныхъ подъ разными названіями по мѣсту, гдѣ они открыты, или по имени того, кѣмъ найдены: старинные переписчики позволяли себѣ всякія вставки и измѣненія, когда или не могли разобрать написаннаго, или считали себя умнѣе сочинителя. Различные списки Нестора были въ

первый разъ разобраны и сличены нѣмецкимъ ученымъ Шлецеромъ, который при императрицѣ Екатеринѣ II жилъ нѣкоторое время въ Россіи и первый обратилъ должное вниманіе на лѣтопись Нестора: по его мнѣнію, ни одинъ народъ, кромѣ русскихъ, не имѣетъ такой превосходной хроники объ эпохѣ своего младенчества. Изслѣдованія Шлецера относительно Нестора изданы книгой въ пяти частяхъ.

Хотя образованность въ разсматриваемые вѣки была почти исключительно принадлежностію духовенства, однакожъ и знатнѣйшіе изъ мірянъ иногда отличались свѣдѣніями. Всеволодъ, отецъ Мономаха, зналъ пять языковъ; самъ Мономахъ писалъ умно и краснорѣчиво, о чемъ свидѣтельствуетъ поученіе, которое онъ оставилъ дѣтямъ своимъ и гдѣ, наставляя ихъ въ благочестіи и мудрости, описываетъ свои приключенія и подвиги. Впрочемъ, почти всѣ сочиненія, сохранившіяся отъ того времени, написаны духовными и отличаются направленіемъ религіознымъ.

Когда скончался русскій митрополитъ, поставленный въ Кіевѣ (см. выше стр. 514), Ярославичи опять стали требовать первосвятителей отъ патріарха Константинопольскаго: преемникомъ Иларіона былъ грекъ. При Изяславѣ Владиміровичѣ сдѣлано было распоряженіе, подобное Ярославову, но уже по необходимости: въ Константинополѣ, при господствовавшихъ тамъ безпорядкахъ, не было патріарха. Однакожъ, на этотъ разъ избраніе епископами митрополита подвергалось нареканію со стороны многихъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, считавшихъ такое важное назначеніе правомъ одного греческаго патріарха. Соперникъ Изяслава Юрій, сѣвъ на Кіевскій престолъ, не утвердилъ мѣры своего предшественника: присланный изъ Константинополя первосвятитель смѣнилъ какъ самого митрополита русскаго, такъ и поставленныхъ имъ служителей церкви. Съ тѣхъ поръ до самаго паденія Восточной имперіи русская церковь состояла въ вѣдѣніи патріарха Константинопольскаго, и митрополиты наши ничего важнаго не предпринимали безъ его разрѣшенія. Но и патріархъ съ своей стороны оказывалъ особенное уваженіе первосвятителямъ Кіевскимъ.

Не прекращались и торговыя связи съ Греціею; оттуда привозились водою товары въ Кіевъ, и великокняжеское войско, по берегу Днѣпра, провожало на нѣкоторое разстояніе греческія суда для защиты отъ половцевъ. Но теперь въ торговлѣ съ Русью участвовали и нѣмцы. Въ началѣ крестовыхъ походовъ они узнали въ Константинополѣ товары, которые можно было получать изъ земли русской, и вскорѣ стали посѣщать Кіевъ. Здѣсь, какъ и въ Новгородѣ, завели они торговые домы и построили себѣ католическія церкви, что̀ свидѣтельствуетъ о старинной вѣротерпимости русскаго народа. При стеченіи въ Кіевѣ множества иноземцевъ, русскіе не имѣли болѣе

надобности предпринимать далекія странствованія въ Константинополь, тѣмъ болѣе затруднительныя, что по Днѣпру кочевали половцы. Однакожъ, въ Тавриду, гдѣ генуэзцы недавно основали первыя свои колоніи, купцы наши безопасно возили мѣха, потому что половцы не препятствовали этой — и для нихъ полезной — торговлѣ.

НАЧАЛО РУСИ [1]).

I.

О чемъ разсказывается въ русской исторіи?

Россія велика и сильна. Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другой земли которая была бы такъ велика, какъ наша. Далеко за горами есть, правда, еще одна очень большая земля — живутъ тамъ китайцы; но и она почти вдвое меньше Россіи; а тѣ земли, которыя гораздо ближе къ намъ, напримѣръ Франція и Англія, просто крошечныя передъ русскимъ царствомъ.

Но вѣдь оно не всегда было такъ огромно. Было время, когда Русью назывались только мѣста около Новгорода; послѣ такъ стали называться и мѣста около Кіева; а ужъ оттуда русскіе перешли и въ тотъ край, гдѣ теперь Москва; наконецъ, изъ Москвы они добрались до Невы и построили тамъ нашъ красивый Петербургъ.

Какъ же это сдѣлалось, что Россія выросла такъ велика? О, это не могло сдѣлаться скоро, на это понадобилось почти тысяча лѣтъ. Легко сказать 1.000 лѣтъ! Человѣкъ рѣдко доживаетъ и до ста лѣтъ, а чтобъ вышло 1.000, нужно десять разъ сто; значитъ, Россія живетъ ужъ десять столѣтій или вѣковъ. Дай Богъ, чтобъ она жила еще долго, долго!

Что же съ ней было въ эти 1.000 лѣтъ? Какъ она мало-по-малу разросталась, будто крѣпкій дубъ, который изъ чуть примѣтнаго деревца сдѣлался великаномъ и красавцемъ рощи? Кто были, отъ самаго начала Руси, ея государи? Съ кѣмъ они воевали и какіе люди въ нашемъ отечествѣ оставили по себѣ добрую или дурную память? Слушайте со вниманіемъ. Вѣдь это исторія нашего отечества, а что можетъ намъ быть дороже его?

II.

Какой видъ имѣетъ Россія?

Чтобъ вамъ понятнѣе и занимательнѣе были разсказы изъ русской исторіи, вы должны умѣть ясно представлять себѣ, гдѣ лежать

[1]) „Семейн. Вечера", младш. возр. 1864, № 2, стр. 28, № 10. стр. 466.

главныя мѣста Россіи. Прежде всего надо знать, что она состоитъ изъ двухъ большихъ половинъ, которыя отдѣляются одна отъ другой длиннымъ хребтомъ Уральскихъ горъ. По ту сторону этихъ горъ лежитъ Сибирь; но объ ней мы можемъ покуда совсѣмъ забыть: намъ нужна только Россія по сю сторону Уральскихъ горъ, потому что здѣсь началось наше государство, а о Сибири очень долго никто и не слышалъ. Итакъ, говоря о Россіи, мы все будемъ разумѣть Россію по сю сторону Уральскихъ горъ.

Это — огромная равнина, почти четырехугольная, у которой по бокамъ четыре моря: Сѣверное, Балтійское, Черное и Каспійское и четыре горные хребта: Уральскій, Кавказскій, Таврическій и Карпатскій. Внутри этой равнины нѣтъ большихъ горъ, только къ серединѣ она приподнята, такъ что оттуда, во всѣ четыре моря, особливо же въ три послѣднія, текутъ большія рѣки. Изъ этихъ рѣкъ самая длинная Волга, которая течетъ въ Каспійское море, потомъ Днѣпръ — въ Черное, а Западная Двина — въ Балтійское. Есть еще Сѣверная Двина, она течетъ въ Сѣверное море, но начинается не близко отъ первыхъ трехъ рѣкъ, которыя вытекаютъ почти изъ одного мѣста. Около источниковъ этихъ трехъ рѣкъ русскіе жили съ самаго начала; еще жили они около тѣхъ рѣкъ, которыя текутъ въ Ладожское озеро, а оттуда Невой въ Балтійское море. И эти рѣки начинаются около тѣхъ же мѣстъ. Сперва русскимъ принадлежали только верхнія части всѣхъ этихъ рѣкъ, т. е. части ближайшія къ ихъ началу, а потомъ они мало-по-малу добрались и до устьевъ ихъ, до морей.

Итакъ, Россія огромная равнина безъ горъ, по которой какъ-будто изъ одной точки текутъ во всѣ стороны большія рѣки. По большимъ рѣкамъ легко сообщаться на лодкахъ, по рѣкамъ люди охотно строятъ города: вотъ отчего Россія и могла составить одно большое государство, въ которомъ одинъ главный народъ — русскіе.

III.

Славяне.

Случалось ли вамъ слышать языкъ, хоть и не русскій, однакожъ похожій на него, языкъ, въ которомъ вы чувствуете что-то родное, хоть онъ и не совсѣмъ понятенъ вамъ?

Если вы мнѣ скажете, что не случалось, то я напомню вамъ, что вы такой именно языкъ слышите въ церкви, что вы сами на немъ молитесь Богу. Это старинный славянскій языкъ. Теперь нѣтъ народа, который бы между собой говорилъ на немъ. Но есть еще другіе похожіе на него языки, на которыхъ говорятъ цѣлые народы, и живутъ эти народы не въ Россіи, а въ другихъ земляхъ, особенно въ

нѣмецкой сторонѣ и между турками. Такихъ народовъ, которымъ легко понимать нашъ языкъ, очень много, и всѣхъ ихъ зовутъ *славянами*. Мы, русскіе — тоже славяне. Никто не знаетъ, когда и откуда славяне пришли въ Россію; думаютъ, что они пришли съ рѣки Дуная, но только то вѣрно, что они очень, очень давно, гораздо болѣе 1.000 лѣтъ тому назадъ, ужъ жили отъ Новгорода до Кіева, жили по большей части разсѣянно по лѣсамъ и болотамъ, однакожъ у нихъ были ужъ и кое-какіе города (то-есть огороженныя мѣста). Они раздѣлялись на многіе народцы, у каждаго народца былъ свой князь, а у каждаго князя была своя дружина, то-есть близкіе люди, съ которыми онъ совѣтовался, а когда нужно было, ходилъ на войну.

Славяне въ тѣ далекія времена жили очень просто. Нравъ почти у всѣхъ ихъ былъ кроткій и тихій; люди злые и лукавые попадались между ними рѣдко и однакожъ, по своей необразованности, славяне поступали иногда очень жестоко, напр. съ плѣнными; притомъ они жили между собой несогласно, и часто ссорились, потому что ни одинъ не хотѣлъ повиноваться другому. Чтобы рѣшать свои дѣла, они собирались на сходки; такое народное собраніе называлось *вѣче*, но и тутъ рѣдко обходилось безъ ссоръ.

Эти славяне въ нашей землѣ долго не назывались русскими и были не христіанами, а язычниками, т. е. поклонялись многимъ богамъ, которыхъ сами себѣ дѣлали, обыкновенно изъ дерева. Главный ихъ богъ назывался Перуномъ; когда бывала гроза, то славяне думали, что гремитъ Перунъ, думали также, что онъ посылаетъ землѣ дождь. Еще славяне поклонялись солнцу, которое они называли Дажбогомъ. Но у нихъ не было храмовъ и жрецовъ (священниковъ): идоловъ ставилъ и жертвы приносилъ самъ князь. Славяне еще вѣрили, что есть разныя чудесныя существа, напр. лѣшіе въ лѣсахъ, водяные дѣдушки и особенно русалки, прекрасныя, блѣдныя дѣвушки; это, думали они, души умершихъ, которыя живутъ въ водахъ и весною выходятъ на берега только поиграть. Послѣ онѣ живутъ и на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ. Главный праздникъ русалокъ былъ семикъ въ концѣ весны.

У славянъ было еще два важныхъ праздника въ честь солнца: одинъ зимой около нынѣшняго Рождества, когда дни начинаютъ прибывать: онъ назывался колядой; тогда ходили славить божество и сбирать подаянія; другой былъ лѣтомъ на Ивановъ день: тогда собирали травы, купались, зажигали костры и прыгали черезъ нихъ. Это былъ праздникъ Купалы. Между этими двумя праздниками былъ еще третій, весенній праздникъ, въ честь солнца, — масляница, во время которой поминали умершихъ блинами; воображали, что покойники встаютъ изъ гробовъ и вмѣстѣ съ живыми ѣдятъ блины. Вотъ вамъ начало и объясненіе нынѣшней масляницы. Вы видите, какъ долго

живутъ народные обычаи. До сихъ поръ въ нашей жизни много такого, что удержалось отъ языческихъ временъ.

Надъ покойниками справляли поминки, которыя назывались тризной; при этомъ бывали игрища съ борьбой и веселый пиръ, а въ знакъ печали рѣзали и царапали себѣ лицо. Потомъ сожигали тѣло умершаго и клали кости въ урну, которую ставили на столпѣ при дорогѣ.

У славянъ было повѣрье, что души умершихъ любятъ жить въ лѣсахъ, на деревьяхъ, особенно на дубахъ. Отъ того вѣроятно и жертвы приносились часто подъ деревьями; еще это дѣлалось при водахъ. Иногда для угожденія богамъ умерщвляли людей, обыкновенно плѣнниковъ.

Славяне жили въ бѣдныхъ хижинахъ, разбросанныхъ далеко одна отъ другой, и легко покидали свои жилища; какъ скоро они ждали какой-нибудь бѣды, то уходили прочь, а имущество свое зарывали въ землю. Они не любили сражаться въ открытомъ полѣ, а лучше выбирали для этого тѣсныя непроходимыя мѣста, напр., какой-нибудь лѣсъ, куда и заманивали непріятеля. Въ войнѣ очень помогало имъ то, что они прекрасно плавали и долго могли оставаться подъ водою. Для этого они ложились на спину и брали въ ротъ тростникъ, который, верхнимъ концомъ выходя изъ воды, проводилъ къ нимъ воздухъ, такъ что они могли свободно дышать.

Славяне были вооружены двумя маленькими копьями; употребляли также деревянные луки и небольшія стрѣлы, намазанныя ядомъ. Нѣкоторые изъ нихъ носили щиты очень твердые и тяжелые, но латъ славяне вообще не надѣвали передъ сраженьемъ, иногда дрались почти нагіе. Благодаря простотѣ своей жизни, они были крѣпки и здоровы, легко переносили холодъ и жаръ, голодъ и недостатокъ въ одеждѣ. Наружность ихъ описываютъ такъ: ростомъ они высоки, станомъ стройны; волосы у нихъ темнорусые, длинные, лицо красноватое.

Къ чужимъ людямъ, къ странникамъ (путешественникамъ) славяне были очень ласковы и сострадательны, были, какъ говорится, гостепріимны, т. е. хорошо *принимали гостей*, которые приходили издалека. Такіе люди казались имъ почтенны потому, что въ дорогѣ могли многое видѣть, многое узнать, а часто и натерпѣться всякихъ бѣдъ. Путешествовать въ то время было не такъ легко, какъ теперь: не было постоялыхъ дворовъ, проходить черезъ пустынныя мѣста было опасно: того и гляди, что нападетъ дикій звѣрь или разбойникъ. Вотъ почему славяне надѣялись услышать отъ странника много любопытнаго и смотрѣли на него съ особеннымъ почтеніемъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ считалось даже позволительнымъ украсть, что нужно для угощенія путешественника [1]).

[1]) См. Исторія Россіи, соч. С. Соловьева, т. I, гл. 2.

IV.

Сосѣди славянъ.

Въ Петербургѣ между простымъ народомъ очень много чухонъ. Чухонца сейчасъ отличишь отъ русскаго: русскій красивъ собой, у него живое, веселое лицо, русые или черные волосы, онъ боекъ и проворенъ; а чухонецъ неуклюжъ, угрюмъ, тяжелъ, волоса у него свѣтлые и длинные. Отчего же въ Петербургѣ между народомъ такъ часто встрѣчаются чухны, когда тамъ не видать нѣмецкихъ, французскихъ или англійскихъ крестьянъ? Это отъ того, что около Петербурга много чухонскихъ деревень, а недалеко за Парголовымъ начинается уже и совсѣмъ чухонская земля, которую зовутъ Финляндіею. Эта земля также принадлежитъ русскому государю, но въ ней русскихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Да и самый Петербургъ, и Царское Село, и Петергофъ, и Гатчина построены въ краю, гдѣ прежде жили одни только чухны. Но вы еще болѣе удивитесь, когда я вамъ скажу, что и та сторона, въ которой русскіе построили Москву, когда-то вся была занята чухнами или (какъ ихъ еще называютъ) финнами. Да, было время, когда почти въ цѣлой половинѣ нынѣшней Россіи жили финскіе народцы, и ихъ селенія начинались очень недалеко отъ Новгорода, такъ что финны были самые близкіе сосѣди славянъ. Наши предки были съ ними дружны и называли всѣ эти чухонскіе народцы однимъ именемъ *чудь*; въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ иногда говорится про *чудь бѣлоглазую*, потому что почти у всѣхъ чухонъ свѣтлые глаза.

Здѣсь сдѣлаю маленькое примѣчаніе объ именахъ. Вамъ могутъ странны показаться такія названія, какъ чудь, меря, мурома, весь. Отъ чего это цѣлый народъ называютъ женскимъ именемъ, какъ-будто одну какую-нибудь вещь? Отъ чего, напримѣръ, не меряне, не муромцы? Замѣтьте, что этотъ странный способъ означать цѣлые народы употребляли славяне какъ-будто нарочно для отличія чужого сосѣдняго племени отъ своихъ славянскихъ же братій. Послѣднихъ они называли, напр., древляне, кривичи, сѣверяне, а иноплеменныхъ сосѣдей означали собирательными женскими именами. Кромѣ показанныхъ, у нихъ были еще такія же названія: литва и русь. Но не ужели же словомъ *русь* означалось также чужое племя? Это вы увидите послѣ.

Славянскіе и чудскіе народцы назывались разными именами, напримѣръ, между славянами были кривичи, древляне, поляне, а между чудью одни назывались меря, другіе весь, третьи мурома. По имени послѣдняго изъ этихъ народовъ и теперь еще называется русскій городъ Муромъ, который не очень далеко отъ Москвы.

V.

Греческая земля.

Одинъ изъ самыхъ богатыхъ славянскихъ городовъ былъ Кіевъ, построенный полянами на берегу большой рѣки Днѣпра. Днѣпръ течетъ въ Черное море, а за Чернымъ моремъ, тамъ, гдѣ теперь турецкая земля, жили тогда греки. У нихъ былъ императоръ и жилъ онъ тамъ же, гдѣ теперь живетъ турецкій султанъ, т. е. въ Константинополѣ, который славяне называли Царьградомъ — царемъ-городомъ. Эта столица, которая теперь больше Петербурга, лежитъ у самаго моря; поэтому отъ него до Кіева можно было ѣздить водой, и, конечно, славяне очень давно торговали съ Царьградомъ, возили туда свои товары, особенно мѣха, а греки пріѣзжали въ Кіевъ со своими, напримѣръ, съ виномъ и плодами. Славяне въ то время были еще народъ необразованный, младенческій въ сравненіи съ греками, которые знали ужъ истиннаго Бога и Христа Спасителя. Жаль только, что послѣдніе тогда слишкомъ любили роскошь, часто ссорились и потеряли прежнюю силу свою. А какая у нихъ была чудная земля! Тамъ круглый годъ тепло и не бываетъ такихъ холодныхъ зимъ, какъ у насъ. Тамъ, на открытомъ воздухѣ поспѣваетъ виноградъ и разные вкусные плоды; тамъ живетъ шелковый червь, изъ котораго греки умѣли ужъ дѣлать прекрасныя дорогія матеріи; особенно богаты были ихъ парчи (шелковыя матеріи съ золотомъ), и этими парчами греки такъ гордились, что даже не хотѣли продавать ихъ славянамъ, потому что считали этотъ народъ слишкомъ грубымъ и не хотѣли, чтобъ онъ щеголялъ въ такихъ же пышныхъ платьяхъ, какъ сами они.

VI.

Норманны.

Кіевъ былъ главный городъ полянъ, а другой большой городъ славянскій былъ Новгородъ, на другомъ краю славянской земли, гораздо ближе къ намъ. Новгородъ лежитъ на рѣкѣ Волховѣ, а изъ нея черезъ Ладожское озеро и Неву можно выѣхать въ Балтійское море. Итакъ вы видите, что наши предки съ двухъ сторонъ легко могли попасть на море — съ одной стороны на Черное, съ другой — на Балтійское.

За Балтійскимъ моремъ живутъ нынче шведы и датчане; они и тогда жили тамъ, только ихъ такъ не звали еще: ихъ знали въ Европѣ подъ именемъ норманновъ, а землю ихъ звали Скандинавіей. У этихъ

варяговъ не было одного государя, а жили они по маленькимъ землямъ и въ каждой землѣ былъ особый владѣтель или конунгъ: этимъ они походили на нашихъ славянъ. Зато во всемъ другомъ норманны очень замѣтно отличались отъ нихъ. Наши предки пахали землю и любили жить въ покоѣ; а норманны, которымъ земля всегда давала мало хлѣба, были неугомонны и любили войну. Скандинавія почти со всѣхъ сторонъ окружена моремъ, и отъ того они были хорошіе моряки. На маленькихъ корабляхъ эти смѣлые люди плавали по близкимъ и дальнимъ морямъ, нападали на чужіе купеческіе корабли, приставали къ чужимъ берегамъ, грабили, убивали жителей и возвращались домой съ награбленнымъ добромъ. И такъ они были просто морскіе разбойники. Не честное ремесло! скажете вы. Конечно, такъ по нашему; но сами норманны хвалились такою жизнью и чѣмъ болѣе кто разбойничалъ, тѣмъ болѣе было ему чести и славы. Этихъ-то норманновъ, которые, оставивъ свое отечество, искали счастья на морѣ или въ чужихъ странахъ, славяне издавна называли варягами.

VII.

Варяги у славянъ.

Если изъ Петербурга выѣхать черезъ выборгскую заставу, и все ѣхать прямо, то сперва пріѣдешь въ Финляндію, а за Финляндіей и начинается земля, гдѣ жили норманны, Скандинавскій полуостровъ, состоящій изъ Швеціи и Норвегіи. Стало быть, норманны были также довольно близкіе сосѣди славянъ, особливо если ѣхать моремъ. Какъ же было этимъ отважнымъ морякамъ не ѣздить и въ нашу землю? Здѣсь были большіе лѣса и въ нихъ много звѣрей съ дорогимъ мѣхомъ: медвѣдей, волковъ, лисицъ, бѣлокъ, куницъ и даже бобровъ и соболей, которыхъ теперь ужъ нѣтъ такъ близко къ намъ. Здѣсь было много пчелъ и меду; были большіе города, которые торговали съ другими далекими народами, и куда привозили много золота и серебра. Довольно приманокъ для жадныхъ норманновъ. На легкихъ корабляхъ своихъ они по Балтійскому морю, по Невѣ и по другимъ рѣкамъ пріѣзжали къ славянамъ и брали съ нихъ, что могли: звѣриныя шкуры, медъ, лыко. Денегъ такихъ, какъ теперь, то-есть серебряныхъ и даже мѣдныхъ, тогда еще не было у славянъ; у нихъ деньги были кожаныя, сдѣланныя изъ бѣличьихъ или куньихъ шкурокъ, отчего эти деньги и назывались кунами. Итакъ норманны любили ѣздить къ славянамъ, которые и называли ихъ по своему варягами.

Но эти варяги еще вотъ почему часто пріѣзжали въ славянскую землю. Почти черезъ всю длину ея можно было проѣхать водою отъ

одного конца до другого, отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Я сказалъ вамъ, что славяне, хоть и домосѣды, бывали въ Царьградѣ; какъ мореходцы, норманны, конечно, еще лучше ихъ знали этотъ городъ и чаще ѣздили туда, особенно съ тѣхъ поръ, какъ греческій императоръ нанималъ ихъ въ свою гвардію. Но какой же дорогой они изъ своей Скандинавіи могли попадать въ далекую Грецію? Они могли ѣздить туда кругомъ, по разнымъ морямъ, но самая близкая дорога была черезъ славянскую землю. Войдя изъ моря въ Неву, они плыли въ Ладожское озеро, потомъ въ рѣку Волховъ, въ озеро Ильмень, а изъ него въ извилистую рѣку Ловать. Изъ Ловати надо было перетаскивать лодки до рѣчекъ, которыя текутъ въ Западную Двину и въ Днѣпръ, а Днѣпръ велъ прямо въ Черное море, близъ котораго стоялъ Царьградъ. Правда, по Днѣпру въ одномъ мѣстѣ трудно было пробираться: на покатомъ днѣ его за Кіевомъ много большихъ камней, которые выходятъ изъ воды, мѣшаютъ судамъ проходить, и называются порогами. Днѣпровскіе пороги идутъ верстъ на 60, но смѣлые варяги не боялись ихъ. Они искусно спускались по рѣкѣ мимо камней, а гдѣ это было невозможно, вытаскивали лодки изъ воды и несли ихъ на плечахъ по берегу. Потомъ на одномъ островѣ чинили свои лодки и плыли далѣе уже не останавливаясь до самаго Царьграда. Такъ-то тихіе славяне познакомились съ удалыми норманнами.

VIII.

Основаніе Кіева.

Славяне, которые жили ближе къ Балтійскому морю, были подвластны варягамъ; въ то же время тѣ, которые жили ближе къ Черному морю, около нынѣшняго Кіева, платили дань *хазарамъ*, которые брали у нихъ по горностаю и по бѣлкѣ отъ дыма (т. е. съ каждаго двора). Какіе же это были хазары? Это былъ азіятскій народъ, который жилъ около Каспійскаго и Азовскаго морей по Волгѣ и по Дону и исповѣдывалъ разныя вѣры: были между хазарами язычники, магометане, христіане и даже послѣдователи еврейскаго закона: къ числу послѣднихъ принадлежалъ самъ повелитель ихъ или, какъ они его называли, — *каганъ*, единственный государь жидовской вѣры, который когда-либо былъ въ исторіи. У хазаръ были города — главный при устьѣ Волги; однакожъ они, по большей части, жили въ кибиткахъ, богатые имѣли глиняныя мазанки и только у кагана были высокія кирпичныя хоромы. Лѣтомъ городъ пустѣлъ: жители забирали имѣнія и откочевывали въ степь.

Главные два славянскіе народа, которые жили ближе къ Черному морю, были *древляне* и *поляне*. Первые, какъ видно изъ самаго имени

ихъ, поселились въ лѣсахъ: это были грубые и свирѣпые люди. Вторые — жители полей — отличались мирнымъ нравомъ и сдѣлались тѣмъ знамениты, что городокъ ими основанный, Кіевъ, сталъ послѣ надолго главнымъ городомъ русской земли. О построеніи этого города есть такая сказка. Между полянами жили три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ съ сестрою Лыбедью, и построили они городъ, названный по имени старшаго брата Кіевомъ; меньшіе же два сообщили свои имена двумъ горамъ, на которыхъ они жили, — Щековицѣ и Хоревицѣ; наконецъ по имени сестры, названа рѣчка Лыбедь. Кто же былъ самъ Кій? По одному преданію, онъ былъ перевозчикъ, потому что когда-то на этомъ мѣстѣ находился кіевъ перевозъ, а по другому преданью, Кій былъ знатный человѣкъ, ходилъ въ Царьградъ, принялъ тамъ большую честь отъ императора, и на обратномъ пути построилъ на Дунаѣ городокъ Кіевецъ.

Можетъ быть, этотъ Кіевецъ основанъ совсѣмъ не тѣмъ же человѣкомъ и не въ то же время, какъ нашъ Кіевъ. Однакожъ, замѣчательно, что на Дунаѣ и на Днѣпрѣ есть два города почти одного и того же имени. Не даромъ думаютъ, что славяне въ Россію пришли съ Дуная, не даромъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ русскаго народа есть припѣвъ:

Ой Дунай ли мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!

IX.

Призваніе варяжскихъ князей.

Ближе къ Балтійскому морю жили два главные славянскіе народа: около озера Ильменя поселилось племя, которое предпочтительно называлось славянами, а далѣе, около начала трехъ рѣкъ: западной Двины, Днѣпра и Волги, которыя вытекаютъ неподалеку одна отъ другой, помѣстились кривичи. По сосѣдству съ ними жили три финскіе народа: чудь — тамъ, гдѣ теперь Эстляндія, весь — около Бѣлаго озера и меря — около Ростова.

Прошло болѣе 850 лѣтъ отъ Рождества Христова; всѣ эти пять народовъ платили дань варягамъ, которые, приходя въ ихъ земли по рѣкамъ и озерамъ, легко подчинили ихъ себѣ. Но видно, варяги притѣсняли своихъ данниковъ; всѣ недовольные соединились между собой и прогнали иноземцевъ. Однакожъ, освободившимся не сдѣлалось отъ этого легче: каждый народъ раздѣлялся на такъ называемые роды; каждый такой родъ состоялъ изъ многихъ семействъ, которыя были въ родствѣ между собою, а старшій въ родѣ былъ его началь-

никомъ. Вотъ, по изгнаніи варяговъ, племена не умѣли сами собой управлять и завести у себя порядокъ: не было между ними правды, всталъ родъ на родъ и началась неурядица. Тогда собрались тѣ славянскіе и финскіе народы, которые были между собой въ союзѣ, и стали разсуждать, что имъ дѣлать, и сказали: „Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву". Еслибъ они выбрали князя изъ самихъ себя, то безпорядки у нихъ, пожалуй, продолжались бы по прежнему, потому что онъ сталъ бы заступаться за свой родъ и обижать другіе роды. Вотъ и рѣшили они искать повелителя въ чужой землѣ, и послали за море къ варягамъ, и посланные сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ: придите княжить и владѣть нами". Тогда три брата русскаго рода: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ собрались съ своими родными и пришли, а по имени ихъ и земля, гдѣ они поселились, назвалась Русью. Что же это было за имя? Норманны, которые посѣщали славянъ, были большею частью изъ шведской области Рослагена, недалеко отъ Стокгольма. Жителей ея славяне и финны знали подъ именемъ Руси и туда именно отправили пословъ своихъ. По имени этой области финны до сихъ поръ всѣхъ шведовъ зовутъ русскими (Ruotsi), а настоящихъ русскихъ называютъ они совсѣмъ иначе — вендами, потому что такъ назывались издревле славяне, жившіе подальше на берегахъ Балтійскаго моря. Могутъ ли русскіе считать для себя стыдомъ, что первые князья ихъ были изъ другой земли? Ни мало. Такъ могло казаться въ старину, когда люди еще не такъ хорошо понимали вещи, какъ теперь; въ наше время для всѣхъ ясно, что какъ отдѣльному человѣку, такъ и цѣлому народу нечего стыдиться своего происхожденія. Чѣмъ кто родится, чѣмъ начинаетъ — зависитъ не отъ него; а какъ онъ живетъ и что дѣлаетъ послѣ — вотъ что важно. Славяне добровольно поддались чужимъ князьямъ; для чего они это сдѣлали? для правды и порядка. Въ этомъ нѣтъ ничего кромѣ добраго. Да еслибъ они даже и насильно покорены были иноземцами, а послѣ стали бы сильны и независимы, то все-таки въ началѣ ихъ исторіи не было бы ничего безславнаго.

Три русскіе князя раздѣлились по народамъ, которые призвали ихъ къ себѣ; прибывъ моремъ, они по рѣкамъ и озерамъ вошли въ страну и поселились также у рѣкъ и озеръ. Старшій братъ Рюрикъ, проплывъ по Невѣ и по Ладожскому озеру, остановился на рѣкѣ Волховѣ у главныхъ славянъ, въ городѣ Ладогѣ; второй братъ поплылъ изъ Ладожскаго озера въ Онежское и такъ прибылъ къ Бѣлому озеру, гдѣ жилъ финскій народъ весь: тутъ Синеусъ и поселился; а третій братъ по рѣкѣ Наровѣ и Чудскому озеру доѣхалъ до Кривичей и здѣсь, на границѣ ихъ съ чудью, утвердился въ городѣ Изборскѣ. Это было въ 862 году: достопамятный годъ! Съ него начинается рус-

ская исторія. Съ этихъ поръ народы, призвавшіе князей, мало-помалу соединяются въ одно государство. Около этого же времени образуются другія государства въ Европѣ. Тамъ, лѣтъ за 50 до того, умеръ славный монархъ Карлъ Великій, подъ властью котораго Франція, Италія и Германія составляли одно цѣлое; уже послѣ него, онѣ раздѣлились.

X.

Рюрикъ.

Спустя два года младшіе изъ трехъ братьевъ — Синеусъ и Труворъ умерли и вся власть перешла къ старшему, Рюрику. Тогда онъ, оставивъ Ладогу, поплылъ внизъ по Волхову, пришелъ къ озеру Ильменю, срубилъ надъ Волховомъ городъ, который назвалъ Новгородомъ, и сталъ тутъ княжить. Названіе Новгорода показываетъ, что прежде тутъ былъ другой, старый городъ, но какъ онъ назывался — неизвѣстно; Новгородъ же сдѣлался послѣ богатымъ и знаменитымъ мѣстомъ. Вскорѣ новгородцы стали жаловаться на Рюрика и его земляковъ; Рюрикъ, узнавъ о томъ, убилъ главнаго изъ недовольныхъ, Вадима, и его совѣтниковъ. Этотъ князь строилъ города и крѣпости и раздавалъ ихъ мужамъ своимъ. Эти города онъ строилъ особенно на границахъ своей земли для защиты ея отъ сосѣднихъ народовъ, и, конечно, воевалъ съ этими народами. Далеко ли доходили границы его земли, мы не знаемъ; знаемъ только, что ему уже принадлежали города Полоцкъ (на западной Двинѣ) въ странѣ кривичей, Ростовъ у мери и Муромъ на рѣкѣ Окѣ у финновъ того же имени. Стало быть, границы Рюриковыхъ владѣній доходили, по крайней мѣрѣ, до рѣкъ: западной Двины съ одной стороны и Оки съ другой. Рюрикъ княжилъ одинъ 15 лѣтъ до самой смерти своей; умирая, онъ оставилъ малолѣтняго сына Игоря и отдалъ его на попеченіе своему родственнику Олегу. Потомки Рюрика болѣе 700 лѣтъ управляли русскою землей съ именемъ князей, великихъ князей и напослѣдокъ царей. Но прежде нежели начнемъ разсказывать, что было послѣ него, посмотримъ, что сдѣлали двое изъ мужей, прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ изъ-за моря.

XI.

Аскольдъ и Диръ.

Мы говорили о греческомъ водяномъ пути, который шелъ черезъ славянскія земли отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Мы сейчасъ видѣли, какъ около начала этого пути образовалось варяго-русское вла

дѣніе. Почти въ то же время, другое такое же владѣніе основалось ближе къ концу этого пути. „У Рюрика было двое мужей, не родныхъ ему; они съ родомъ своимъ отпросились у него въ Царьградъ“, и когда шли внизъ по Днѣпру, то увидѣли на горѣ городокъ и спросили: чей онъ? Имъ отвѣчали, что три брата Кій, Щекъ и Хоривъ построили этотъ городокъ и перемерли, а потомки ихъ платятъ теперь дань хазарамъ. Аскольдъ и Диръ остались въ городкѣ, собрали около себя много варяговъ и начали владѣть землею полянъ. Хазары не могли прогнать ихъ, потому что въ то время еще не были довольно сильны для этого; такъ-то и на Днѣпрѣ поселилась Русь. Кромѣ Аскольда и Дира, въ Кіевъ перебѣжало изъ Новгорода и много другихъ людей, недовольныхъ Рюрикомъ. Это не удивительно: Кіевъ издавна былъ сборнымъ мѣстомъ варяговъ, которые отправлялись въ Черное море. Туда же вскорѣ поплыли Аскольдъ и Диръ, чтобы сдѣлать набѣгъ на Царьградъ. На 200-хъ ладьяхъ приплыли они къ этому городу и стали опустошать окрестности его. Но чудо, какъ разсказываетъ преданіе, спасло столицу Греціи. Тамъ во Влахернской церкви, построенной на берегу залива, сохранялась риза Богоматери, къ которой прибѣгалъ народъ въ бѣдствіяхъ. Патріархъ Фотій торжественно вынесъ ее на берегъ и погрузилъ въ море, тихое и спокойное. Вдругъ поднялась буря и разбила русскія лодки: немногіе изъ Аскольдовой дружины возвратились съ своими князьями въ Кіевъ.

Послѣ этого похода, сношенія между русскими и греками сдѣлались живѣе и особенно важно было то, что вскорѣ многіе приняли христіанскую вѣру и что туда изъ Царьграда присланъ былъ епископъ.

XII.

Олегъ.

Мы видѣли, что сынъ, Рюрика, Игорь, былъ еще маленькій; поэтому на престолъ вступилъ Олегъ, какъ старшій въ княжескомъ родѣ. Это былъ славный князь, настоящій норманъ по любви къ войнѣ и по хитрости. О Рюрикѣ мы почти ничего не знаемъ, а объ Олегѣ дошло до насъ много разсказовъ; конечно, въ этихъ разсказахъ не все чистая правда, но и изъ самыхъ выдумокъ видно, каковъ былъ Олегъ, потому что напрасно не станутъ же выдумывать небылицы о человѣкѣ. Его прозвали Олегомъ вѣщимъ, т. е. разумнымъ или хитрымъ; тогда это было все равно, и хитрость цѣнили очень высоко, очень уважали, потому что она давала силу. Олегу не нравилось въ Новгородѣ. Этотъ сѣверный, холодный край казался ему слишкомъ бѣденъ, слишкомъ далекъ отъ Греціи въ сравненіи съ Кіевомъ, о которомъ онъ много слышалъ. Поэтому онъ и рѣшился переселиться навсегда

въ Кіевъ. Черезъ три года по смерти Рюрика, собралъ онъ большое войско изъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ: новгородскихъ славянъ, кривичей, чуди, веси, мери, взялъ съ собой Игоря и отправился на югъ. Онъ пошелъ не такъ, какъ Аскольдъ и Диръ съ одной варяжской дружиной: онъ пошелъ съ народами, которые соединились подъ его властью, и захотѣлъ покорить всѣ мѣста по Днѣпру, овладѣть всѣмъ пространствомъ отъ Новгорода до Кіева. По верхнему Днѣпру лежали два славянскіе города: Смоленскъ и Любечъ. Олегъ завоевалъ ихъ и въ обоихъ посадилъ своихъ мужей. Теперь ему оставалось взять Кіевъ, но этимъ городомъ владѣли Аскольдъ и Диръ; какъ же было сдѣлать? Не надѣясь на свою силу, Олегъ прибѣгнулъ къ хитрости. Подплывая къ Кіеву, онъ оставилъ большую часть своихъ лодокъ назади, скрылъ людей и на тѣхъ лодкахъ, на которыхъ подошелъ къ городу, и послалъ сказать Аскольду и Диру, что земляки ихъ, купцы, отправленные въ Грецію новгородскимъ княземъ, хотятъ повидаться съ ними. Аскольдъ и Диръ пришли, но тотчасъ же были окружены ратными людьми, выскочившими изъ лодокъ. Олегъ сказалъ владѣтелямъ Кіева: „вы не князья и не княжескаго роду, а я роду княжескаго“, и, указывая на вынесеннаго въ это время Игоря, прибавилъ: „вотъ сынъ Рюриковъ“. Аскольдъ и Диръ были убиты и погребены на горѣ. Олегъ сказалъ, что Кіевъ долженъ быть матерью городамъ русскимъ и сдѣлалъ его своимъ стольнымъ городомъ (столицею): ему нравилось его красивое, веселое и удобное мѣстоположеніе, при которомъ легко было имѣть сообщеніе съ близкими и далекими народами.

Но неужели Олегъ, оставивъ Новгородъ, совсѣмъ отказался отъ него и отъ другихъ сѣверныхъ владѣній своихъ? Нѣтъ, тамошніе народы должны были платить ему дань; особая дань деньгами шла съ Новгорода на содержаніе наемной дружины изъ варяговъ, которая обязана была защищать сѣверныя области отъ всякихъ нападеній. Теперь надо было покорить около Кіева разные народы, которые могли быть опасны для Олега. И вотъ онъ сперва пошелъ на свирѣпыхъ древлянъ; они упорно дрались; однакожъ, наконецъ, принуждены были уступить и стали давать ему по черной куницѣ съ жилья. Потомъ обратился онъ въ другую сторону отъ Днѣпра на сѣверянъ и родимичей и велѣлъ спросить у нихъ: „Кому даете дань?“ тѣ отвѣчали: хазарамъ. — „Не давайте хазарамъ, велѣлъ сказать имъ Олегъ, а давайте лучше мнѣ“,—и начали они платить свою дань русскому князю. Такъ же точно покорилъ онъ и еще нѣсколько народовъ по Днѣпру ближе къ Черному морю.

Наконецъ, Олегъ вздумалъ итти войной на Царьградъ. Для этого собралъ онъ большую рать изъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ: новгородскихъ славянъ, кривичей, чуди, веси, мери, полянъ, древлянъ, сѣверянъ, радимичей и другихъ; сверхъ того, набралъ онъ

много варяговъ. Это огромное войско посадилъ онъ на суда, по 407 человѣкъ на каждое, а всѣхъ судовъ было у него 2.000, стало быть вдесятеро болѣе, чѣмъ у Аскольда и Дира. Часть войска отправилась въ походъ на коняхъ вдоль днѣпровскаго берега. Греки были испуганы приближеніемъ такой необычайной силы, не похожей на прежнія варяжскія толпы, приходившія для грабежа къ Царьграду. Увидѣвъ корабли Олеговы, они загородили гавань цѣпью и заперли городъ. Олегъ вышелъ на берегъ и велѣлъ вытащить лодки изъ воды: воины его разбрелись по окрестностямъ и начали опустошать ихъ: рѣзали людей, жгли селенія, дворцы, церкви, палаты вельможъ; плѣнныхъ сѣкли мечами или мучили, разстрѣливали, бросали живыхъ и мертвыхъ въ море. Къ этому еще прибавляютъ сказку, будто Олегъ велѣлъ поставить суда свои на колеса и при попутномъ вѣтрѣ флотъ его на всѣхъ парусахъ двинулся по сушѣ къ Константинополю. Греки, чтобъ отвратить бѣду, послали сказать Олегу: „Пощади городъ; мы беремся давать тебѣ дань, какую хочешь“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они выслали ему кушанье и вино съ ядомъ, но Олегъ понялъ ихъ злодѣйскій умыселъ и не тронулъ съѣстныхъ припасовъ, т. е. онъ былъ такъ разуменъ, что и самый хитрый народъ не могъ обмануть *вѣщаго* князя. Греки въ страхѣ говорили: „Это не Олегъ, а св. Димитрій, посланный на насъ Богомъ!“ Олегъ остановился и отправилъ къ императору пословъ, которые вытребовали подать на каждый корабль и на русскіе города, въ которыхъ сидѣли Олеговы мужи.

ПЛУТАРХЪ [1]).

(Изъ Вильмени).

„Сочиненія Плутарха", говоритъ французскій писатель Монтань, „если хорошенько вникнуть въ нихъ, достаточно знакомятъ насъ съ нимъ, и мнѣ кажется, что я совершенно понимаю его душу; однакожъ я желалъ бы, чтобъ у насъ были какія-нибудь записки объ его жизни".

Въ самомъ дѣлѣ, не любопытно ли было бы изучить жизнь этого великаго живописца людей и найти возможность отличать въ его сочиненіяхъ то, что онъ пріобрѣлъ опытностію, и то, до чего дошелъ онъ размышленіемъ? Монтаню хотѣлось узнать о Плутархѣ то же, что̀ самъ Плутархъ сообщаетъ намъ о столькихъ великихъ людяхъ — эти мелкія подробности, эти черты нравовъ, которыя въ исторію вносятъ природу человѣческую. Если такое обстоятельное изображеніе особенно дорого намъ, когда дѣло идетъ о великихъ дѣятеляхъ на аренѣ міра, то оно даже необходимо для сообщенія занимательности разсказамъ о такихъ лицахъ, которыя сіяли только скромнымъ блескомъ литературной или ученой славы.

Время, когда жилъ Плутархъ, придало бы еще болѣе цѣны такому описанію его частной жизни. Какимъ образомъ въ Греціи, порабощенной Римомъ, могла образоваться эта гордая и возвышенная душа, такъ хорошо понимавшая доблести предковъ? Философія Плутарха представляетъ уму не менѣе занимательные вопросы. Онъ былъ свидѣтелемъ упадка многобожія и современникомъ первыхъ усилій святой религіи, которая, казалось, вмѣстила въ себѣ прекраснѣйшія черты, разсѣянныя въ философіи всѣхъ временъ и народовъ.

Плутархъ, одинъ изъ писателей древности, наиболѣе извѣстныхъ и всего чаще упоминаемыхъ, родился въ Віотіи, въ городкѣ Херонеѣ, котораго, однакожъ, не должно смѣшивать съ другою Херонеею, слишкомъ извѣстною по Филипповой побѣдѣ и порабощенію Греціи.

[1]) Звѣздочка, Старш. Возр. 1848. Часть XXV., стр. 61.

Годъ рожденія Плутарха въ точности не извѣстенъ; но онъ самъ разсказываетъ намъ, что пользовался въ Дельфахъ уроками Аммонія, во время путешествія Нерона въ Грецію; это относится къ 66-му году христіанской эры. Итакъ можно полагать, что онъ родился въ послѣдніе годы царствованія Клавдія, около половины перваго вѣка. Плутархъ происходилъ отъ благороднаго семейства, въ которомъ любовь къ наукамъ и искусствамъ была наслѣдственною. Въ дѣтствѣ своемъ видѣлъ онъ и отца своего, и дѣда, и прадѣда; онъ былъ воспитанъ подъ вліяніемъ старинныхъ нравовъ и посреди тихаго семейнаго быта, что, конечно, сколько-нибудь содѣйствовало къ развитію въ немъ того праводушія и той кротости, которыми дышатъ его сочиненія.

Онъ помнилъ своего прадѣда Никарха и слышанныя отъ этого добраго старца живыя описанія несчастій отечества, когда тріумвиръ Антоній, въ борьбѣ съ Октавіемъ, истощилъ области Греціи налогами и принудилъ жителей Херонеи на плечахъ своихъ носить къ берегу хлѣбъ для флота его. Онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ, какъ дѣдъ его Лампрій, съ бокаломъ въ рукѣ, блисталъ веселостью и краснорѣчіемъ въ небольшомъ кругу старинныхъ друзей. Онъ приводитъ даже слова, которыя Лампрій любилъ произносить и оправдывать на дѣлѣ: „винные пары дѣйствуютъ на разумъ, какъ огонь на ладонъ, выгоняя изъ него тончайшія и благороднѣйшія частицы“.

Отца своего Плутархъ часто хвалитъ за его добродѣтель, скромность, знаніе религіи, изученіе философіи и поэтовъ; онъ приводитъ много добрыхъ совѣтовъ, полученныхъ отъ отца въ молодости. У него было и двое братьевъ, нѣжно имъ любимыхъ. Въ училищѣ Аммонія, куда онъ поступилъ очень молодъ и гдѣ подружился съ какимъ-то потомкомъ Ѳемистокла, онъ знакомился съ математикою и философіею. Конечно, онъ, подъ руководствомъ свѣдущихъ наставниковъ, занимался и всѣми отраслями тогдашняго ученія. Его произведенія достаточно свидѣтельствуютъ, что память его была обогащена чтеніемъ поэтовъ.

Кажется, онъ очень рано употребленъ былъ своими согражданами для нѣкоторыхъ сношеній съ сосѣдними городами. Такое же порученіе дало ему поводъ отправиться въ Римъ, куда уже болѣе вѣка всѣ греки, одаренные предпріимчивостію и талантами, постоянно стекались искать славы и денегъ, то входя въ связи съ сильными людьми, то преподавая публично философію и краснорѣчіе. И Плутархъ, безъ сомнѣнія, не пренебрегъ этимъ послѣднимъ средствомъ для пріобрѣтенія извѣстности. Онъ самъ сознается, что, путешествуя по Италіи, онъ не успѣлъ изучить основательно латинскій языкъ, за общественными дѣлами, на него возложенными, и бесѣдами о философическихъ предметахъ съ людьми, приходившими совѣтоваться съ нимъ. Онъ говорилъ и преподавалъ на родномъ языкѣ своемъ, пользуясь привилегіею, какую сохранили греки,—сообщать свой языкъ побѣдителямъ

и возвышать его на степень природнаго языка философіи и литературы.

Эти публичные уроки и чтеніе служили, очевидно, первымъ источникомъ, первымъ поводомъ многочисленныхъ нравственныхъ разсужденій Плутарха. Истины, которыя онъ возвѣщалъ, были, какъ само собою разумѣется, гораздо ниже истинъ христіанства; но онѣ соотвѣтствовали самымъ настоятельнымъ потребностямъ возвышенныхъ душъ. Онъ самъ разсказываетъ намъ, какіе знаменитые римляне присутствовали при его урокахъ. „Однажды", говоритъ онъ, „когда я преподавалъ въ Римѣ, Аруленусъ Рустикусъ, котораго впослѣдствіи Домиціанъ велѣлъ умертвить изъ зависти къ его славѣ, былъ въ числѣ моихъ слушателей. Во время чтенія вошелъ воинъ и вручилъ ему письмо отъ императора. Все смолкло и самъ я остановился, чтобы дать ему время прочесть письмо; но онъ не захотѣлъ этого, и не прежде раскрылъ его, какъ когда я кончилъ рѣчь и слушатели разошлись". Это тотъ самый Аруленусъ, котораго такъ хвалитъ Тацитъ и о которомъ Плиній младшій упоминаетъ съ какимъ-то благоговѣніемъ.

Неизвѣстно, оставался ли Плутархъ въ Италіи до тѣхъ поръ, пока Домиціанъ не изгналъ оттуда всѣхъ философовъ. Многіе полагаютъ, что онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Римъ; но уже не бывалъ тамъ послѣ царствованія Домиціана. Достовѣрно только то, что Плутархъ еще въ молодости переселился опять въ отечество, и съ того времени жилъ здѣсь постоянно по какому-то патріотизму, чтобы согражданамъ его была польза отъ уваженія и извѣстности, связанныхъ съ его именемъ. Онъ женился и выбралъ себѣ жену въ одномъ изъ древнѣйшихъ родовъ Херонеи: ее звали Тимоксеною. Онъ говоритъ о своемъ семействѣ съ тѣмъ избыткомъ нѣжности, какимъ всегда отличается отцовская любовь въ душѣ чувствительной и чистой. Трое изъ дѣтей его умерли почти въ колыбели.

Плутархъ увѣковѣчилъ ихъ память въ письмѣ, которымъ старался утѣшить жену свою; оно дышитъ тѣмъ истиннымъ неподдѣльнымъ горемъ, которое возвышенной душѣ придаетъ еще болѣе красоты; онъ изображаетъ добродѣтели супруги и матери, и вноситъ въ это описаніе тотъ характеръ древнихъ нравовъ, ту поэзію, которые сообщаютъ столько прелести чтенію его трудовъ. Плутархъ, сочинившій разсужденіе объ обязанностяхъ и доблести супружеской любви, кажется, испыталъ ея сладость во всей чистотѣ. По этому предмету есть въ его сочиненіяхъ прелестный анекдотъ, болѣе достойный золотого вѣка Греціи, нежели эпохи Домиціана. Вскорѣ послѣ женитьбы Плутарха произошли какія-то несогласія между нимъ и родителями жены его. Молодая супруга, опасаясь и малѣйшаго повода къ разстройству счастливаго союза, уговорила Плутарха посѣтить съ нею гору Гел-

конъ для жертвоприношенія богу любви, который, по вѣрованію древнихъ, собственно завѣдывалъ всѣми семейными узами, всѣми нѣжными чувствами и даже обязанъ былъ охранять согласіе и гармонію въ физическомъ мірѣ.

Плутархъ отправился на Геликонъ съ женою и нѣсколькими друзьями. Они принесли жертву на алтарѣ бога и возвратились съ тѣмъ отраднымъ сердечнымъ миромъ, который должно было внушить уже одно это путешествіе.

Подобный разсказъ трудно согласить съ другимъ, находящимся у Аула Гелла. По его словамъ, Плутархъ велѣлъ высѣчь раба, въ чемъ-то провинившагося. Стеная отъ боли, рабъ осмѣлился замѣтить своему господину, что такая жестокость доказываетъ въ немъ мало философіи и что онъ худо помнитъ то прекрасное разсужденіе о гнѣвѣ, которое самъ написалъ.

„Какъ!“ сказалъ ему Плутархъ спокойнымъ тономъ: „ты, несчастный, думаешь, будто я поддался гнѣву — отъ того, что я тебя наказываю? Развѣ щеки у меня горятъ? произнесъ ли я хоть одно слово, отъ котораго долженъ бы краснѣть? Вотъ признаки того гнѣва, какого я не позволяю мудрецу“. Въ то же время философъ, обратясь къ исполнителю наказанія, сказалъ ему: „Другъ мой! пока этотъ человѣкъ разговариваетъ со мной, ты продолжай свое дѣло“. Въ этихъ словахъ отражается болѣе ума, нежели человѣколюбія.

По извѣстіямъ самого Плутарха, въ немъ не было ни столько терпѣнія, ни столько суровости. „Я нѣсколько разъ сердился“, говоритъ онъ, „на рабовъ моихъ; но наконецъ замѣтилъ, что лучше портить ихъ снисхожденіемъ, нежели самого себя — гнѣвомъ, желая исправить ихъ“.

Мы охотнѣе вѣримъ этому сознанію, и оно согласнѣе съ тѣмъ общимъ духомъ благоволенія, съ тою чувствительностію, которыя Плутархъ обнаруживаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, распространяя это расположеніе даже на животныхъ. Кто о самомъ себѣ говорилъ, что онъ ни за что въ свѣтѣ не рѣшился бы продать быка, состарѣвшагося у него въ работѣ, тотъ могъ ли шутить надъ страданіями человѣка?

По возвращеніи въ отечество, Плутархъ занимался имъ безпрестанно. Онъ не только былъ архонтомъ, что составляло первое достоинство въ Херонеѣ; но долго исполнялъ съ точностію и усердіемъ низшую должность, завѣдывая общественными работами: мы знаемъ изъ собственныхъ его словъ, что онъ обязанъ былъ мѣрять черепицу и вносить въ реестръ, сколько камня ему представляли.

Сочиненія Плутарха, сколько по объему ихъ, столько же и по разнообразію предметовъ, въ нихъ заключающихся, представляютъ самое богатое собраніе происшествій, воспоминаній и идей, какое дошло до насъ отъ древности. Бывъ написаны въ періодъ упадка литературы,

они однако же замѣчательны по слогу и краснорѣчію. Въ нихъ мѣстами чувствуется возрожденіе прекраснаго духа древней Греціи. Впрочемъ, не всѣ труды Плутарха равны достоинствомъ: нѣкоторыя изъ его нравственныхъ разсужденій наполнены философіею слишкомъ обыкновенною, иногда немного высокопарною, и не отличаются занимательностію. Но вообще онъ предлагаетъ правила нравственности чистыя, смѣлыя и удобныя въ примѣненіи. Нѣкоторыя изъ небольшихъ его разсужденій могутъ даже назваться образцовыми и послужить основаніемъ для составленія цѣлыхъ томовъ.

Но славою своею Плутархъ обязанъ особенно своимъ жизнеописаніямъ великихъ людей. Онъ назвалъ этотъ обширный трудъ *параллельными житіями*; въ этой рамкѣ, за сокращенною исторіею каждаго великаго мужа Греціи, слѣдуетъ соотвѣтствующая ей жизнь великаго римлянина, которая оканчивается сравненіемъ, гдѣ оба героя разсматриваются рядомъ, черта за чертою и взвѣшиваются на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ. Эта метода не напоминаетъ ли нѣсколько искусственныя упражненія учениковъ и замысловатыя натяжки краснорѣчія?

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли исторія всегда представлять это сходство, это симметрическое соотвѣтствіе, которое талантъ оратора подмѣчаетъ иногда въ судьбѣ, въ характерѣ двухъ знаменитыхъ людей? Не будутъ ли такія сближенія часто лишены точности, когда прилагаются къ цѣлому ряду великихъ мужей? И не будетъ ли писатель поставленъ въ необходимость поддѣлывать сходство и различіе, какихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ? Наконецъ, не слишкомъ ли однообразна такая метода, которая въ исторіи двухъ народовъ вводитъ столь правильныя соотношенія, и великихъ людей двухъ странъ вмѣщаетъ въ такія тѣсныя рамки? Чтобы оправдать систему, принятую Плутархомъ въ его сочиненіи, надобно вспомнить, что онъ былъ грекъ и что, при зависимости его отечества, ему служило отрадою — каждому великому человѣку изъ націи побѣдителей противопоставлять героя, рожденнаго въ Греціи.

Плутарха упрекаютъ и въ другихъ недостаткахъ: часто находили у него неточности, пропуски, невѣрности въ событіяхъ, въ именахъ, въ числахъ, противорѣчія самому себѣ. Но всѣ эти недостатки, которые повредили бы славѣ новѣйшаго историка, нисколько не унижаютъ достоинствъ Плутарха. Хотя онъ писалъ такъ много о Римѣ, однакожъ, по собственному сознанію, онъ не зналъ языка латинскаго. Къ тому же понятно, какъ въ древности всякое историческое изслѣдованіе было затруднительно, медленно, шатко. Въ наше время, благодаря книгопечатанію, терпѣніе ученыхъ, сравнивая памятники протекшихъ вѣковъ, могло исправить промахи древнихъ; но какая важность въ томъ, что Плутархъ ошибся въ названіи какого-нибудь народа или города, или даже нѣсколько измѣнилъ смыслъ отрывка изъ Тита-Ливія? Такія

маленькія открытія учености вовсе не уменьшаютъ прелести и цѣны разсказовъ историка. Скорѣе можно подивиться тому, что онъ иногда самъ себѣ противорѣчитъ, и что въ двухъ жизнеописаніяхъ онъ разсказываетъ одно и то же событіе, только съ перемѣною именъ и обстоятельствъ. Конечно, все это показываетъ, что онъ болѣе сочинялъ какъ ораторъ, нежели какъ строгій изыскатель, и заботился болѣе объ изображеніи нравовъ и урокахъ мудрости, нежели о точности всѣхъ подробностей; но такъ поступали вообще древніе писатели.

Впрочемъ, не смотря на эти слабыя стороны, надобно сознаться, что, даже и для познанія событій, жизнеописанія Плутарха составляютъ одинъ изъ самыхъ наставительныхъ и драгоцѣнныхъ памятниковъ древней литературы, дошедшей до насъ въ такомъ неполномъ видѣ. Множество происшествій и даже имена многихъ писателей извѣстны намъ только изъ Плутарха. Не говоря уже объ исторіи великихъ мужей Греціи, для которой онъ имѣлъ болѣе достовѣрныя и обширныя свѣдѣнія, онъ и въ жизнеописаніяхъ славныхъ римлянъ помѣстилъ множество анекдотовъ, не встрѣчающихся ни у кого изъ другихъ писателей.

Повѣствованія Плутарха краснорѣчивы, оригинальны какъ по формѣ своей, такъ и по соединенію въ нихъ возвышенности съ простодушіемъ, по живописному изложенію и слогу. Сколько у него яркихъ, чудныхъ картинъ! И рядомъ съ ними какая истина въ подробностяхъ, показывающихъ человѣка такимъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ, и обнажающихъ душу его до самой глубины!

Этотъ-то двойственный характеръ краснорѣчія и истины доставилъ Плутарху такое сильное вліяніе на всѣхъ людей съ живымъ воображеніемъ. Въ примѣръ довольно привести Шекспира, котораго свободный и гордый геній лучшія свои вдохновенія почерпнулъ изъ Плутарха и который ему обязанъ прекраснѣйшими и самыми естественными сценами въ своемъ Коріоланѣ и Юліи Кесарѣ. Монтань, Монтескье, Руссо — вотъ еще три великіе генія, принявшіе отпечатокъ Плутарха и краски его свѣта. Неувядаемая живость Плутархова слога вмѣстѣ съ счастливымъ выборомъ величайшихъ предметовъ, способныхъ занимать воображеніе и мысль, достаточно объясняетъ чрезвычайную увлекательность его историческихъ сочиненій. Онъ изображалъ человѣка и начерталъ искусно возвышеннѣйшіе характеры и прекраснѣйшія дѣла человѣческаго рода. Чтеніе его никогда не утратитъ своей прелести: оно соотвѣтствуетъ всякому возрасту, всякому положенію въ жизни; оно плѣняетъ и молодого человѣка и старца оно нравится и энтузіазму и здравому смыслу.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ЖАНЪ-ПОЛЬ ФРИДРИХЪ РИХТЕРЪ [1]).

(Перев. съ англійскаго).

Жанъ-Поль Фридрихъ Рихтеръ извѣстенъ внѣ Германіи почти по одному только имени. Г-жа Сталь приводитъ изъ его сочиненія слѣдующую мысль: „Провидѣніе отдало французамъ — землю, англичанамъ — море, нѣмцамъ — воздухъ". Можно сказать, что въ послѣднемъ обиталъ и геній самого Жанъ-Поля. Въ его произведеніяхъ господствуетъ характеръ столь фантастическій, разноцвѣтный, многообъемлющій, запутанный и необычайный, что переводить ихъ почти невозможно; скажемъ болѣе: въ самой Германіи кто-то издалъ для нихъ особый лексиконъ. Отъ того самаго кругъ дѣйствія Жанъ-Поля ограниченъ почти исключительно (и, вѣроятно, еще надолго такъ останется) его отечествомъ. Зато уже тамъ онъ одинъ изъ главныхъ, любимыхъ писателей: тамъ изучаютъ этотъ талантъ во всѣхъ его изгибахъ, съ довѣрчивымъ удивленіемъ, съ снисходительною любовію. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, постоянно находясь передъ лицомъ публики, онъ болѣе и болѣе снискивалъ уваженіе критиковъ, и, наконецъ, заставилъ молчать всѣхъ своихъ противниковъ. Всѣ тѣ, которые сначала считали его за полоумнаго, давно уже помирились съ его странностями и соглашаются что въ немъ соединены, въ высокой степени, національность и истинноглубокое дарованіе, и если въ отношеніи къ послѣднему онъ уступаетъ многимъ извѣстнымъ современникамъ, то въ первой не имѣетъ равныхъ.

Постараемся въ немногихъ словахъ изобразить главныя черты его жизни. Онъ родился въ Вундзиделѣ (въ Байрейтѣ) 21 марта 1763. Отецъ его былъ сперва младшимъ учителемъ тамошней гимназіи, а потомъ священникомъ въ Шварценбахѣ на Саалѣ. Начальное воспитаніе Рихтера было чрезвычайно скудно, но отличныя способности и неутомимое прилежаніе дополнили этотъ недостатокъ. Не имѣя средствъ

[1]) Эта статья, переведенная Я. К. изъ Quarterly-Rewiew, помѣщена въ Современникѣ 1838, т. X, стр. 66—90 и подписана Л. В. (т. е. Лицейскій Воспитанникъ).

покупать книги, онъ занималъ, какія только могъ, и дѣлалъ изъ нихъ выписки; часто переписывалъ почти цѣлое сочиненіе. Привычку дѣлать извлеченія сохранилъ онъ во всю жизнь, что, безъ сомнѣнія, имѣло разнообразное вліяніе на его авторскія занятія. Онъ до конца читалъ неутомимо, читалъ все; извлеченіями его наполнились цѣлые сундуки.

Въ 1780 году поступилъ онъ въ Лейпцигскій университетъ, и не смотря на препятствія, съ которыми выдержалъ борьбу, отличался уже своими знаніями. По примѣру и по волѣ отца, онъ долженъ былъ готовиться къ поприщу богословія, но непостоянный духъ скоро увлекъ его невозвратно въ область поэзіи и философіи. Не зная, что начать, онъ занялъ мѣсто учителя въ одномъ знатномъ семействѣ; потомъ училъ у себя на дому; но измѣнялъ часто какъ занятія, такъ и образъ жизни; наконецъ, сдѣлавшись авторомъ, путешествовалъ по Германіи, издавалъ въ разныхъ мѣстахъ самыя странныя книги съ чудными заглавіями, напримѣръ: *Гренландскія тяжбы*, *Біографическія забавы подъ черепомъ великаніи*, *Выдержки изъ бумагъ дьявола*, и тому подобныя. Уже въ этихъ фантастическихъ произведеніяхъ нельзя отрицать блестящихъ способностей автора, хотя и видно, что послѣднія находились еще въ сильномъ броженіи; нельзя не замѣтить — при всей чудовищности вымысловъ — силы, истины и нѣжности его таланта. Мало-по-малу перестали смотрѣть на Ж. Поля, какъ на странное, нелѣпое смѣшеніе энтузіазма съ шутовствомъ, и увидѣли въ немъ человѣка съ необыкновеннымъ юморомъ, чувствительностію, энергіею и проницательностію. Сочиненія его снискали ему друзей и славу. Имъ же обязанъ онъ былъ супружествомъ и обезпеченнымъ состояніемъ. Съ доброю своею Каролиною Мейеръ и съ пенсіею (съ 1802) отъ короля Баварскаго, поселился онъ въ Байрейтѣ, главномъ городѣ родной своей провинціи. Тамъ трудился онъ и пріобрѣлъ славу во многихъ отрасляхъ литературы. Послѣдніе годы его отравлены были глазною болью, которая обратилась, наконецъ, въ совершенную слѣпоту. Онъ умеръ 14 ноября 1825, окруженный любовію и удивленіемъ своихъ соотечественниковъ и въ особенности знавшихъ его коротко.

Огроменъ и неправиленъ, какъ духомъ, такъ и тѣломъ (его портретъ можетъ служить предметомъ особеннаго физіономическаго изученія), исполненъ огня, силы и стремительности, Рихтеръ въ то же время былъ въ высшей степени кротокъ, простосердеченъ, человѣколюбивъ. Онъ любилъ общество и имѣлъ всѣ средства блистать въ немъ: онъ говорилъ, какъ и писалъ, своимъ особеннымъ языкомъ съ удивительною силою и прелестію, которую еще умножало его природное Байрейтское произношеніе. Но онъ любилъ столько же уединеніе, сельскую жизнь, природу. Ж. Поль, какъ самъ онъ разсказываетъ, провелъ весь почти свой вѣкъ на открытомъ воздухѣ; не рѣдко даже писывалъ въ рощахъ и поляхъ. Говорятъ, что даже въ Байрейтскихъ

улицахъ его рѣдко встрѣчали безъ цвѣтка на груди. Человѣкъ съ тихими привычками и съ теплыми, страстными чувствами, онъ любилъ друзей своихъ такъ, какъ едва-ли кто-нибудь любитъ. Часто упоминаетъ онъ объ убогой матери своей и всегда съ почтеніемъ, съ горячею нѣжностію. „Несчастенъ тотъ, говоритъ онъ, кто въ собственной своей матери не научился почитать всѣхъ матерей". Или въ другомъ мѣстѣ: „ты, у кого есть еще отецъ и мать, благодари за то Бога въ счастливый день, когда душа твоя обильна слезами радости и ищетъ, куда бы излить ихъ". Выписываемъ слѣдующій отрывокъ изъ Дёринга.

„Комната, гдѣ занимался, или, лучше сказать, гдѣ сидѣлъ Рихтеръ, представляла въ это время (1793) вѣрную и прекрасную эмблему его простого и благороднаго образа мыслей, который обнималъ въ одно время и великое и малое. Между тѣмъ, какъ мать его, въ ту пору жившая вмѣстѣ съ нимъ, прилежно занималась хозяйствомъ около печки и стола, Ж. Поль сидѣлъ въ томъ же углу за простымъ письменнымъ столомъ; вокругъ него было очень мало книгъ; весь запасъ его состоялъ изъ одного или двухъ ящиковъ съ выписками и рукописями. Шумъ хозяйственныхъ работъ, казалось, нисколько не развлекалъ его, такъ же какъ и воркованье голубей, которые летали по комнатѣ". Впослѣдствіи Рихтеру довелось имѣть лучшее жилище; онъ пользовался сообществомъ людей знатныхъ и ученыхъ; но простосердечіе прежнихъ дней не покинуло его: онъ во всю жизнь пребылъ тѣмъ же самостоятельнымъ, рѣшительнымъ, но вмѣстѣ кроткимъ и умѣреннымъ человѣкомъ. Рѣдко въ комъ столь суровая энергія была соединена съ такою мягкостію характера.

Сочиненія Рихтера столько же разнообразны, какъ и обширны; они обнимаютъ предметы всѣхъ родовъ отъ высшихъ задачъ трансцендентальной философіи до самыхъ страстныхъ поэтическихъ описаній, до наставленій въ искусствѣ засыпать. У него есть много повѣстей, мелкихъ сочиненій и большихъ романовъ. Одному изъ числа послѣднихъ (Hesperus) Рихтеръ былъ обязанъ рѣшительнымъ и всеобщимъ уваженіемъ своихъ соотечественниковъ (1795). Лучшимъ его произведеніемъ просвѣщенные критики почитаютъ Titan. Но названіе романиста дало бы весьма недостаточное понятіе о столь обширномъ и самостоятельномъ дарованіи. При всей его своенравности, шутливости, въ характерѣ Ж. Поля преобладаетъ важность и даже величіе; вездѣ господствуетъ какая-нибудь мысль, выходящая изъ круга понятій обыкновеннаго романиста. Забава очень часто, почти всегда, служитъ Рихтеру средствомъ; рѣдко бываетъ его цѣлію. Мысли его, чувствованія, всѣ созданія его духа, движутся передъ нами въ самыхъ чудныхъ образахъ, въ пестрыхъ, безпрестанно волнующихся группахъ; но какъ онъ ни скрывается, вездѣ проглядываетъ философъ и моралистъ-поэтъ, который изучалъ человѣка, для котораго первое удовольствіе, первый

предметъ стремленія — есть все прекрасное, нѣжное, таинственно-высокое въ судьбѣ или исторіи человѣчества. Вотъ основа его сочиненій, взяты ли они изъ міра вымысловъ или изъ міра истины; вотъ духъ, проникающій, облагороживающій его картины изъ обыкновенной жизни, его необузданныя мечты, аллегоріи и тѣни, равно какъ и часто ученыя изслѣдованія его.

По части послѣднихъ Рихтеръ сдѣлалъ много. Его *Введеніе въ Эстетику*, сочиненіе о теоріи поэзіи, основано на глубокихъ и многосторонихъ началахъ. Объ этой книгѣ мы могли бы сказать многое, еслибъ не были стѣснены границами нашей статьи. Думаемъ, что она изумила бы многихъ изъ нашихъ почтенныхъ собратій-критиковъ, если бы они прочли ее; она преобразовала бы, освѣтила всѣ ихъ понятія, еслибъ они ее уразумѣли. Рихтеръ написалъ сочиненіе и о воспитаніи, подъ заглавіемъ: Levana; оно отличается смѣлымъ практическимъ умомъ, благородствомъ чувствъ, простотою воззрѣнія и оживлено характеристическимъ слогомъ автора. Германія богата сочиненіями о воспитаніи, богаче всякой другой страны; въ ней одной еще слышатся иногда отголоски мыслей Локковъ и Мильтоновъ объ этомъ предметѣ, и надобно замѣтить, что тамъ говорятъ о немъ языкомъ нашего времени, съ полнымъ разумѣніемъ потребностей, преимуществъ, опасеній и видовъ настоящаго вѣка. Между писателями по этой части Рихтеръ занимаетъ высокое и едва-ли не первое мѣсто, если обратить главное вниманіе на направленіе и цѣль его.

Мы готовы поручиться, что и самый холодный или предубѣжденный читатель будетъ пораженъ въ его твореніяхъ чѣмъ-то блистательнымъ, чудеснымъ и смѣлымъ. Но ихъ не довольно читать: надобно изучать ихъ, а это требуетъ необыкновеннаго терпѣнія, особенно отъ иноземца, который хочетъ вполнѣ удостовѣриться въ истинѣ ихъ или въ недостаткѣ истины. Кто будетъ судить о Рихтерѣ по общепринятымъ началамъ, тотъ легко сочтетъ его мистикомъ, германскимъ мечтателемъ, легкомысленнымъ и дерзкимъ нововводителемъ. Но если должно иногда остерегаться вѣрить первому впечатлѣнію, это особенно справедливо въ отношеніи къ Ж. Полю. Съ перваго взгляда замѣчается въ немъ рѣшительная, какъ-бы обдуманная странность. Самый языкъ его — камень преткновенія для критика; а для критика грамматической секты — это даже непростительное оскорбленіе. Нельзя сказать, чтобы онъ не зналъ грамматики или ею пренебрегалъ, но какъ-то вольно обходился съ нею. Онъ необыкновенно щедръ на скобки, черточки, оговорки. Онъ изобрѣтаетъ сотни новыхъ словъ, измѣняетъ старыя, или связываетъ, склеиваетъ, сплетаетъ ихъ самымъ нескладнымъ образомъ. Онъ набрасываетъ запутанныя, безпорядочныя, нескончаемыя фразы; онъ не знаетъ мѣры въ фигурахъ. Нерѣдко цѣлый рядъ страницъ представляетъ у него цѣпь метафоръ, сравненій, намековъ на всѣ

возможные края земли, моря и воздуха. Ихъ онъ покрываетъ эпиграммами, взрывами страсти, или сардоническими замѣчаніями, восклицаніями, колкостями, острыми словами и даже бранью! Это сущая индѣйская сумятица, безграничное, единственное imbroglio. Со всѣхъ сторонъ тьма, разноголосица, смятеніе! Слогу отдѣльныхъ частей соотвѣтствуетъ запутанностію и своенравіемъ слогъ цѣлаго. Всякое сочиненіе, имѣетъ ли оно предметомъ вымыселъ или важное разсужденіе, заключено въ какую-нибудь фантастическую оболочку; появленіе его объясняется какою-нибудь сумасбродною сказкою, и авторъ въ концѣ драмы самъ обыкновенно становится однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Въ своихъ романахъ выдумалъ онъ для Европы совершенно особенную географію. У него есть небывалые города. Въ нихъ свои князья, свои совѣтники и свѣтлости. Изъ этихъ особъ, обыкновенно чудаковъ, Рихтеръ со многими знакомъ лично. Онъ разговаривалъ съ ними о государственныхъ дѣлахъ, и нерѣдко они совѣтуютъ ему, чтобъ онъ продолжалъ писать. Вездѣ позволяетъ онъ себѣ самыя неумѣренныя, многорѣчивыя отступленія. Вездѣ найдетъ мѣсто и тому, что вовсе нейдетъ къ дѣлу — вставитъ какую-нибудь сатирическую просьбу, программу или что-нибудь подобное, и никто не разгадаетъ для чего. Это настоящій лабиринтъ, и часто утомленный читатель съ трудомъ слѣдуетъ за авторомъ, или, обманутый и изнуренный, съ негодованіемъ останавливается и разстается съ нимъ, можетъ быть, навсегда.

Надобно признаться, что все это справедливо. Но не должно отказываться отъ Жанъ-Поля послѣ одного поверхностнаго взгляда, и думать, что можно оцѣнить его словами: рапсодизмъ, принужденность, поддѣлка. Нѣтъ, у него многое не подведешь подъ эти слова. Лучи свѣтлой истины ярко сіяютъ у него изъ хаоса: но точно ли это хаосъ, или слабое зрѣніе наше не въ состояніи проникнуть плана? Рапсодисты рѣдко бываютъ людьми основательно учеными; рѣдко обладаютъ точными, обширными, всеобъемлющими свѣдѣніями, какъ Ж. Поль. И въ отношеніи къ поддѣлкѣ можно сказать многое. Сущность ея состоитъ въ заимствованіи: человѣкъ насильно вставляетъ свой характеръ въ чужую форму, надѣясь явиться отъ того въ лучшемъ видѣ; несчастный вѣритъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ новое, чрезвычайно плѣнительное созданіе: онъ идетъ къ своей цѣли съ самодовольнымъ лицомъ и не думаетъ, что въ каждомъ движеніи его видно кривляніе. Вотъ что значитъ поддѣлываться, жеманиться. Но одна странность еще не доказываетъ этого тщеславія. Многіе идутъ чинно по давно пробитому пути и однако-жъ въ нихъ замѣтна поддѣлка; и наоборотъ, иной писатель, уклоняющійся отъ этого пути, можетъ не заслуживать такого упрека. Прежде осужденія человѣка за то, что онъ показываетъ себя не въ настоящемъ своемъ видѣ, надобно увѣриться, точно ли мы знаемъ, каковъ онъ дѣйствительно. Что касается до Рих-

тера, намъ кажется, что какъ онъ ни страненъ и ни упрямъ, въ его сочиненіяхъ обнаруживается какое-то кроткое спокойствіе, радушіе, веселость, почтительность, и все это въ такомъ согласіи, что явно указываетъ на естественное состояніе духа — состояніе лихорадочное, не болѣзненное, но проистекающее отъ здоровья и силы.

Вся тайна, кажется, въ томъ, что Рихтера по большей части читаютъ, тогда какъ его нужно изучать. Чѣмъ глубже мы вникаемъ въ труды его, тѣмъ болѣе открываемъ въ нихъ строгой внутренней связи, тѣмъ болѣе неустройство переходитъ въ порядокъ; наконецъ, ставъ въ средоточіе умственнаго міра его, мы ясно видимъ, что это не есть перепутанный, безсвязный рядъ воздушныхъ явленій; нѣтъ, это обширный, великолѣпный, разнообразный видъ: картина, часто, можетъ быть, неправильная, нѣсколько грубая и уставленная, между прочимъ, уродливыми предметами, но величественная, полная, украшенная самою роскошною зеленью и освѣщенная самымъ яркимъ, самымъ благодатнымъ солнцемъ.

Рихтера называютъ умственнымъ колоссомъ. Мы отчасти согласны съ такимъ мнѣніемъ. Его способности — исполинскаго размѣра; онѣ тяжелы, неловки въ своихъ движеніяхъ; поражаютъ, но не плѣняютъ ни гармоніею, ни красотою. У него умъ мощный, необузданный, всеувлекающій. Онъ рѣшаетъ имъ труднѣйшія задачи, постигаетъ самыя тайныя, отдаленныя отношенія предметовъ. Воображеніе его неопредѣленно-мрачно; оно то роскошно, то грозно. Оно любитъ останавливаться надъ безднами бытія, или, блуждая въ безконечности, представляетъ намъ при свѣтѣ религіи образы то блестящіе, то величественные и ужасные. Онъ надѣленъ фантазіею съ безмѣрнымъ избыткомъ, и расточая сокровища ея, не знаетъ предѣловъ. Подобно солнцу, онъ украшаетъ каждую былинку алмазомъ и роскошно усѣиваетъ землю восточнымъ жемчугомъ. Но свойство, преобладающее въ Ж. Полѣ — это *юморъ*, юморъ, который, какъ внутренній огонь, проникаетъ, одушевляетъ все его бытіе. Онъ юмористъ въ глубинѣ души; онъ мыслитъ, чувствуетъ, творитъ, какъ юмористъ. Шутка — стихія, въ которой талантъ его живетъ и производитъ: просторная стихія для такого таланта; зато съ какою дикою свободою онъ и обращается въ ней. Онъ Титанъ въ шуткѣ, какъ и въ дѣлѣ; вездѣ преступаетъ всѣ границы и мчится впередъ, не зная ни закона, ни мѣры. Онъ громоздитъ Пеліонъ на Оссу. Для него міръ — ящикъ съ игрушками, которыя онъ то разбрасываетъ, то собираетъ въ кучу. У него мѣсяцъ, какъ бунтующій спутникъ „бомбардируетъ“ землю; Марсъ проповѣдуетъ прочимъ планетамъ престранныя правила; мало того: земля и пространство играютъ фантастическія шутки: это безконечный маскарадъ, въ которомъ вся природа нарядилась въ необычайные костюмы.

Вся эта суматоха, однако же, не безъ цѣли; эти наряды имѣютъ

свой особенный смыслъ; эти забрала не пустыя маски: подъ ними скрываются живыя лица. Рихтеръ весельчакъ, но онъ никогда не беретъ низкой роли. Юморъ его, при всей своей неумѣренности, самое возвышенное, самое неподдѣльное изъ всѣхъ его дарованій. Его пріемы такъ очаровательны, въ немъ все такъ оригинально, такъ нѣжно, такъ сердечно! Какъ они ни самовольны, онъ никогда не дѣйствовалъ безъ плана. Какъ Рубенсъ, одною чертою умѣетъ онъ сдѣлать изъ веселаго лица печальное. Но и въ самой улыбкѣ его скрывается часто глубокое чувство, состраданіе столь сильное, что изторгаетъ даже слезы. Онъ чувствителенъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Все живущее онъ любитъ сердцемъ брата. Душа его обнимаетъ все твореніе; сочувствуетъ радости и горю, добротѣ и величію. Всякое нѣжное и возвышенное чувство, трепетаніе любви, всякое благородное побужденіе находитъ отголосокъ въ груди его, оглашается въ ней гармоніею. Такъ нестройная музыка Эоловыхъ арфъ, производимая неровными порывами вѣтра, обращается иногда въ симфонію тихую, чистую, восхитительную, какъ пѣснь ангеловъ. У него отвращеніе не означаетъ ненависти. Онъ многое презираетъ, но всегда справедливо, и притомъ въ самомъ презрѣніи его видна терпимость, снисходительность, даже нѣкоторая любовь. Любовь — атмосфера, въ которой онъ дышитъ,—вещество, сквозь которое онъ смотритъ. Онъ придаетъ жизнь и красоту всему, чего ни коснется. Въ его рукахъ неодушевленная природа не есть мертвый запасъ красокъ и благоуханій: это таинственное существо, съ которымъ онъ сближается невыразимыми сочувствіями. Его можно назвать, какъ онъ однажды назвалъ Гердера, — „жрецомъ природы, кроткимъ браминомъ", блуждающимъ въ душистыхъ рощахъ, подъ благодатнымъ небомъ. Для него и ночь, и день, и сладостное приближеніе утра и вечера имѣютъ свой таинственный смыслъ. Онъ любитъ зеленѣющую землю съ ея потоками и лѣсами, съ ея цвѣтущими равнинами и вѣчнымъ небосклономъ; любитъ ее страстно во всѣхъ переходахъ свѣта и тѣни; духъ его ликуетъ при созерцаніи ея величія и красотъ; онъ носится надъ нею какъ весенній вѣтерокъ, распространяя всюду благоуханіе.

Иные удивлялись соединенію въ одномъ и томъ же человѣкѣ юмора съ чувствительностію. Мы полагаемъ, что чувствительность есть существенное условіе юмора; что первая, не будучи приправлена, очищена послѣднимъ, легко можетъ впасть въ крайность, обратиться въ болѣзнь, въ притворство, однимъ словомъ перейти въ сентиментальность. Это доказываютъ Руссо, Циммерманъ, отчасти и Сенъ-Пьеръ, не говоря уже о живыхъ примѣрахъ, или о блѣдныхъ рядахъ тѣхъ отчаянныхъ плаксъ, которые, какъ Коцебу, отъ времени до времени терзали нашъ слухъ своими воплями. Высшее совершенство способностей нашихъ, говоритъ Шиллеръ, и очень справедливо, состоитъ въ

томъ, чтобы дѣятельность ихъ, оставаясь вѣрною своей цѣли, становилась намъ *забавою*. Истинный юморъ есть чувствительность въ самомъ глубокомъ ея значеніи; но это — забава и игра чувствительности, это, такъ сказать, нѣжныя ласки матери, играющей съ ребенкомъ.

Иронія, каррикатура — которыя часто слывутъ подъ именемъ юмора, но состоятъ собственно въ умѣніи искривлять предметы, представлять ихъ въ превратномъ видѣ, и не производятъ другого дѣйствія кромѣ смѣха — вовсе непохожи на юморъ Рихтера. Онѣ составляютъ ничтожный даръ; часто даже тайна ихъ заключается болѣе въ привычкѣ, нежели въ дарованіи. Это только жалкая частица юмора, или лучше тѣло, которому недостаетъ души: если его и согрѣваетъ какая-нибудь жизнь, то это жизнь ложная, искусственная, противная разуму. Истинный юморъ проистекаетъ столько же изъ сердца, какъ и изъ ума; онъ основывается не на презрѣніи; его душа любовь; онъ производитъ не смѣхъ, а тихую улыбку, которой корень гораздо глубже. Это какъ-бы высокое въ обратномъ видѣ, которое возвышаетъ до нашихъ чувствованій то, что ниже насъ, тогда какъ собственно высокое низводитъ къ нашимъ чувствованіямъ то, что выше насъ. Первый видъ едва-ли ниже послѣдняго; можетъ быть, онъ еще рѣзче и еще рѣшительнѣе служитъ знакомъ генія. Въ самомъ дѣлѣ, это цвѣтъ и благоуханіе, чистѣйшее произведеніе души глубокой, нѣжной, любящей души, находящейся въ совершенномъ согласіи не только съ самой собою, но и съ міромъ, съ его ограниченностію, съ его противорѣчіями, открывающей въ этихъ самыхъ противорѣчіяхъ новыя стихіи красоты и блага. Шекспиру въ этомъ отношеніи принадлежитъ почетное мѣсто, но не первое: его юморъ, сердечный, преизбыточный, теплый, рѣдко бываетъ въ высшей степени нѣжнымъ и тонкимъ. Свифтъ болѣе склоненъ къ ироніи: у него есть, однако, и неподдѣльный юморъ, въ которомъ нельзя отрицать любви, но который выражается, какъ и у Бенъ-Джонсона, колкою насмѣшкою. За нимъ слѣдуетъ Стернъ, послѣдній и, при всѣхъ своихъ ошибкахъ, лучшій юмористъ англичанъ: Іорикъ, капралъ Тримъ не имѣютъ равныхъ: одинъ Донъ-Кихотъ выше ихъ. Сервантесъ чистѣйшій изъ всѣхъ юмористовъ: его юморъ такъ нѣженъ и истиненъ, такъ полонъ, и, однако же, такъ эѳиренъ, такъ согласенъ съ самимъ собою и со всею природою! Общимъ мнѣніемъ утверждено, что умъ итальянцевъ отличается юморомъ; но классики ихъ, кажется, не оправдываютъ этого мнѣнія; за исключеніемъ Аріоста, въ литературѣ ихъ мало истиннаго юмора. Во Франціи онъ кажется, совершенно вывелся со временъ Монтаня. Вольтеръ, какъ онъ ни [illegible] смѣшливъ, никогда не достигалъ юмора; у самого Мольера гораздо больше дѣйствуетъ умъ, нежели сердце.

Можно сказать съ полною справедливостію, что Рихтеръ въ этомъ отношеніи превосходитъ всѣхъ нѣмецкихъ писателей. У Лессинга есть

юморъ — острый, сильный, истинный и, говоря вообще, оригинальный; но главное направленіе ума его — логическое мышленіе. Юморъ Виланда слишкомъ разведенъ многословіемъ и страдаетъ еще болѣе отъ холоднаго, французскаго скептицизма. Рамлеры, Геллерты, Гагедорны временъ Фридриха II отличаются легкою, тонкою шуткою; но у нихъ едва-ли есть и слѣды того, что заслуживаетъ названіе юмора. Въ позднѣйшую эпоху мы находимъ его у Гёте въ самой высокой степени: у него всѣ способности какъ-бы проникнуты этимъ свойствомъ. Тикъ неоспоримо одаренъ чувствомъ смѣшного; но у него юморъ является, такъ сказать, только припадками, и никакъ не можетъ назваться поэтическимъ. Ни одинъ, однако-жъ, изъ этихъ писателей не можетъ стать наряду съ Жанъ-Полемъ по глубинѣ, обилію и силѣ юмора. Онъ живетъ, онъ чувствуетъ и мыслитъ юморомъ.

Въ немъ всѣ силы ума, воображенія и чувства подчинены сему дару, который питаетъ, согрѣваетъ ихъ, какъ атмосфера. Не скажемъ, чтобы юморъ его былъ всегда естественъ и чистъ; нѣтъ, онъ часто заслуживаетъ упрекъ въ преувеличеніи, даже въ нелѣпости; но, какъ бы то ни было, въ основѣ своей онъ неподдѣленъ, легокъ, остеръ. Не безъ причины панегиристы Жанъ-Поля придали ему эпитетъ единственнаго: эпитетъ, на который должны согласиться во всякомъ случаѣ и всѣ критики этого писателя, будутъ ли они хвалить или порицать его. Въ самомъ дѣлѣ, ему нѣтъ равныхъ: онъ соединяетъ въ себѣ шутливость Рабле и чувствительность Стерна съ важностію и нерѣдко даже съ возвышенностію Мильтона.

Трудно рѣшить, какимъ образомъ Жанъ-Поль, надѣленный такимъ самобытнымъ даромъ, успѣлъ образовать себя ученіемъ; но весьма естественно, что оно дало уму его видъ неправильный. Не станемъ слишкомъ строго осуждать его кажущуюся принужденность (affectation). Нельзя не согласиться, что онъ страненъ, что сочиненія его представляютъ чудно сплетенныя арабески. Но все дѣло въ вопросѣ: до какой степени форма его изложенія соотвѣтствуетъ истинной формѣ его мышленія и существованія? Свободно ли выражается послѣдняя, или ее стѣсняютъ какія-либо оковы? Основной законъ искусства слѣдующій: пусть всякій будетъ тѣмъ, къ чему его назначила сама природа; пусть онъ достигнетъ въ своей сферѣ возможнаго развитія, побѣдитъ всѣ препятствія, отброситъ все чуждое ему, особенно всякую вредную примѣсь, однимъ словомъ, пусть всякій явится съ своимъ собственнымъ видомъ и ростомъ, каковы бы они ни были. Нѣтъ неизмѣннаго образца превосходства ни въ вещественномъ, ни въ духовномъ мірѣ: все, что не противорѣчитъ самому себѣ, соотвѣтствуетъ своему назначенію. Серна такъ-же безусловно хороша, такъ-же прекрасна, какъ и слонъ. Тоже въ литературѣ: „У всякаго, говоритъ Лессингъ, свой слогъ, какъ и свой носъ“. Правда есть носы удивительнаго раз-

мѣра; но публика не смѣетъ забраковать ни одного изъ нихъ, лишь бы это былъ истинный носъ, а не деревянный, придѣланный только для виду.

Говоря языкомъ, болѣе достойнымъ предмета, скажемъ въ поясненіе словъ Лессинга, что о слогѣ должно судить по свойствамъ ума, которымъ онъ служитъ оболочкою, что по этому онъ можетъ быть разнороденъ до безконечности: короче, задача для писателя не въ томъ состоитъ, чтобы поднять тотъ или другой наружный видъ, но въ томъ, чтобы этотъ видъ былъ неподдѣленъ, чтобы онъ былъ въ совершенной гармоніи съ внутреннимъ человѣкомъ.

Кто будетъ разсматривать Рихтера съ этой точки, найдетъ, что онъ, со всею своею необузданностію, стоитъ несравненно выше иного тихаго, чиннаго писателя. Его чудныя формы дышатъ огнемъ и силою, и мы невольно становимся снисходительными къ тому, что подъ перомъ другого могло бы оскорблять насъ. Этотъ человѣкъ со всѣми своими недостатками всегда одинъ и тотъ же, всегда согласенъ съ самимъ собою; онъ всегда знаетъ свою цѣль и стремится къ ней добросовѣстно, весело, твердо. Онъ достигъ гармоническаго развитія своего существа — перваго предмета истиннаго образованія — если не вполнѣ, то, по-крайней мѣрѣ, съ бо̀льшимъ успѣхомъ, нежели сотни другихъ. И не забудемъ, что съ его природою — это было не легкое дѣло! Неоспоримо, что въ словесности давно проложенные пути всего вѣрнѣе ведутъ къ цѣли: намъ наиболѣе нравится тотъ талантъ, который сквозь старинныя формы блеститъ новою красотою; и какъ-бы онъ возвышенъ, какъ-бы самобытенъ ни былъ, онъ никогда не унизится, подчиняясь предписаннымъ правиламъ. Софоклъ, Шекспиръ, Сервантесъ, Гёте, всѣ они не вводили ничего новаго въ отношеніи къ принятымъ формамъ сочиненій; но какъ они умѣли одушевить эти формы! Все это справедливо, и Рихтеръ, дѣйствуя въ противномъ смыслѣ, не можетъ не потерять нѣсколько въ общемъ мнѣніи. Но кто отниметъ у него высокое достоинство? Кто станетъ возставать на *прекрасное*, потому только, что оно не *самое прекрасное*? Главные недостатки Рихтера нераздѣльны съ его первыми достоинствами: они состоятъ въ избыткѣ добра, въ неправильности расточенія богатствъ, въ излишествѣ ослѣпительнаго, истиннаго свѣта — все это тѣмъ легче прощаешь ему, что оно неподражаемо.

Геній имѣетъ свои права и преимущества; онъ самъ избираетъ свою орбиту: и какъ-бы она ни была неправильна — если это только небесная орбита, — мы, какъ скромные наблюдатели свѣтилъ, должны наконецъ примириться съ нею, должны приступить къ изученію законовъ ея. Не смѣемъ утверждать, что Рихтеръ новая планета на умственномъ небѣ; нельзя также назвать его воздушнымъ метеоромъ: скорѣе всего онъ комета, которая, хотя слѣдуетъ теченію весьма

правильному и облачена туманнымъ покровомъ, но тѣмъ не менѣе имѣетъ свое мѣсто въ эмпиреѣ.

Предѣлы журнальной статьи не позволяютъ намъ распространиться о самыхъ произведеніяхъ Рихтера, о его мнѣніяхъ, его житейской философіи. Обращаясь къ романамъ его, можемъ сказать, что исключая немногіе, большею частію короткіе, они не отличаются единствомъ: представляя почти вездѣ callida junctura частей, они рѣдко производятъ дѣйствіе однороднаго, нераздѣльнаго цѣлаго. Истинное произведеніе искусства должно быть совершенно *расплавлено* въ душѣ творца своего и вылиться разомъ, если не изъ пера его, то изъ его воображенія. Это не всегда замѣтно у Рихтера; но нельзя также сказать, чтобы его произведенія были просто сплочены: вѣрнѣе всего назвать ихъ скованными. Замѣчаніе сіе можно примѣнить и ко многимъ изъ характеровъ его — болѣе или менѣе ко всѣмъ, кромѣ тѣхъ, которые созданы юморомъ. Въ этой области онъ дома; тутъ онъ истинный поэтъ, мастеръ: его Siebenkas, Schmelzle, даже Fibel и Fixlein — живые образы. Но между героическими характерами его — страстными, колоссальными, мощными, какъ самъ онъ, трудно избрать идеальное лицо: здѣсь искусству не удается скрыть себя. Героини его лучше; но въ нихъ не довольно разнообразія: это или хлопотливыя, проворныя матушки и хозяйки, исполненныя причудъ, недостатковъ, но въ то же время и теплаго сочувствія женщины, или свѣтлыя, подобныя ангеламъ, существа, кроткія, тихія, удрученныя долговременнымъ страданіемъ, съ умомъ высокимъ, съ нѣжными чувствами, съ сердцемъ растерзаннымъ, но терпѣливыя, безропотныя. Онъ не брался за сверхъестественныя существа, и умно дѣлалъ, потому что не могъ писать безъ глубокаго убѣжденія. Часто однако же являются у него вымыслы, правда, странные, но поражающіе истиною и величіемъ. Въ *сновидѣніяхъ* его есть какая-то таинственность, мрачность: сквозь его исполинскія, грозныя тѣни мелькаютъ иногда лучи волшебнаго свѣта. Кто изучилъ его *Сонъ наканунѣ Новаго года*, тотъ, конечно, пойметъ насъ.

О философіи Рихтера мы позволимъ себѣ одно только замѣчаніе: она истекаетъ изъ глубины человѣческаго ума и влечетъ за собою самую благородную систему нравственности, самое твердое убѣжденіе въ религіи. Въ послѣднемъ отношеніи онъ заслуживаетъ особенное изученіе. Для невнимательнаго читателя онъ можетъ показаться невѣрующимъ, тогда какъ онъ, въ высшемъ значеніи слова, религіозенъ. Огненныя стихіи духа его очищены священнымъ вліяніемъ вѣры; кротость и смиреніе дали имъ неизмѣнное направленіе ко благу. Съ нимъ нераздѣльно непоколебимое вѣрованіе въ безсмертіе, въ духовное величіе человѣка; изъ пучины жизни онъ безпрерывно устремляетъ взоръ свой къ путеводной звѣздѣ небесной; въ незримомъ и вѣчномъ онъ находитъ разрѣшеніе видимаго и преходящаго. Вотъ его

собственыя слова изъ Levana: „Когда на смертномъ одрѣ твоемъ увянутъ, уснутъ всѣ способности твоего сраженнаго духа — и воображеніе, и мысль, и сила, и веселость — тогда одинъ только ночной цвѣтокъ, вѣра, будетъ цвѣсти неизмѣнно, будетъ утѣшать тебя своимъ благоуханіемъ среди всеобщаго мрака".

Можетъ быть, отъ насъ потребуютъ нѣкоторыхъ образчиковъ сочиненій, такъ рѣшительно, хотя не безусловно, восхваляемыхъ нами. Для невѣрующихъ, къ несчастію, нѣтъ доказательствъ. Можно ли дать понятіе о лѣсахъ Перуанскихъ связкою вѣтокъ, съ нихъ сорванныхъ? или о Ніагарѣ — горстью воды ея? Но для тѣхъ, которые на пруты глядятъ, какъ на оторванныя вѣтки, а въ горсти воды видятъ только массу капель, мы готовы выписать нѣсколько строкъ, переведенныхъ съ возможною точностію. Вообразите лѣтнюю ночь послѣ воскресенья: Жанъ-Поль прощается съ пасторомъ и его женою; какъ онъ, мы то смѣялись надъ ними, то плакали; какъ онъ, мы грустимъ, разставаясь съ ними.

„Всѣ мы были чрезвычайно растроганы. Наконецъ, мы вырвались изъ объятій, которыя уже столько разъ повторялись; другъ мой удалился съ тою, кого любитъ. Я остался наединѣ съ ночью.

„И я блуждалъ безъ цѣли по лѣсамъ и по долинамъ чрезъ потоки и холмы, и по дремлющимъ селамъ — блуждалъ, чтобы насладиться великою Ночью, какъ Днемъ. Я ходилъ и, подобно магниту, безпрестанно обращался къ странѣ полночной, желая укрѣпить сердце чуть брежжущимъ свѣтомъ зари, разстилающейся подъ ногами нашими. Порхали бѣлыя ночныя бабочки, носился бѣлый цвѣтъ, падали бѣлыя звѣзды, наконецъ бѣлая снѣжная пыль серебрилась въ обширной Земной Тѣни, простирающейся за предѣлы Мѣсяца и составляющей нашу Ночь. Тогда, задрожавъ, начала звенѣть въ горнихъ Эолова арфа Творенія, и безсмертная душа моя была струною сей арфы. Сердце родного, вѣчнаго Человѣка билось подъ небесами, какъ море подъ солнцемъ и подъ луною. Колоколъ отдаленной деревни простоналъ полночь, и этотъ звонъ слился съ вѣчногремящимъ гуломъ сѣдой Вѣчности. Душа моя почувствовала хладное прикосновеніе милыхъ усопшихъ: оно очистило ее отъ пятенъ, какъ прикосновеніе рукъ мертвеца исцѣляетъ болѣзни накожныя. Я проходилъ безмолвно мимо хижинъ, мимо деревенскихъ кладбищъ, гдѣ свѣтились разбросанныя гнилыя доски гробовъ, тогда какъ огненные глаза, нѣкогда скрывавшіеся въ нихъ, давно уже обратились въ пепелъ. Хладная мысль! не цѣпляйся за сердце мое, какъ хладное привидѣніе; я гляжу на звѣздное небо, куда тянется отовсюду нетлѣнная цѣпь; вездѣ жизнь и теплота и свѣтъ; все божественно, все исполнено Бога. Къ утру видѣлъ я послѣдніе огни твои, милый городокъ, гдѣ я живу, къ которому принадлежу на сей сторонѣ гроба; я возвратился къ землѣ; и

вотъ колокольни твои за далеко-ушедшею полночью возвѣстили половину второго: около этого часа, въ 1794 году, Марсъ склонился на западѣ, а Луна восходила на востокъ, и душа моя, скорбя о благородной крови, проливаемой на цвѣты весенніе, восклицала: о, удались, кровавая война, какъ багровый Марсъ; а ты, благословенный Миръ, возстань, какъ тихая Луна!"

Не беремся рѣшить, какая участь ожидаетъ Жанъ-Поля въ потомствѣ: время поглотило не одну громкую славу; но не сомнѣваемся, что онъ будетъ жить долго. Въ немъ много неумирающаго; въ немъ есть эта духовная красота и величіе, эта человѣчность, любовь и кроткая мудрость, надъ которыми прихоть моды безсильна. Для человѣка съ умомъ здравымъ онъ всегда будетъ имѣть высокую цѣну. Въ пустыняхъ словесности, съ ихъ песчаными степями, съ ихъ изсохшими, горькими и нерѣдко ядовитыми растеніями, сочиненія этого человѣка всегда будутъ красоваться въ своей неправильной пышности, какъ куща финиковыхъ деревьевъ, среди степей обѣщающая усталому путнику прохладу и пищу.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВРАНГЕЛЯ ПО СИБИРИ [1]).

Въ прошедшемъ 1839 году, въ Берлинѣ, тамошній докторъ и профессоръ К. Риттеръ издалъ съ своимъ предисловіемъ книгу, которая въ Россіи составлена Д. С. С. Егоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ. Эта книга называется: *Путешествіе Русскаго флота лейтенанта фонъ Врангеля* [2]) *по сѣверному берегу Сибири и по Ледовитому морю в 1820 — 1824 годахъ*. Она издана на нѣмецкомъ языкѣ и составлена по рукописнымъ журналамъ и замѣткамъ г. Врангеля.

Для приведенія въ бо́льшую извѣстность верхней полосы Сибири, снаряжены были въ 1820-мъ году, по Высочайшему повелѣнію, двѣ экспедиціи съ порученіемъ отправиться сухимъ путемъ на сѣверный берегъ Азіатской Россіи и изслѣдовать какъ этотъ берегъ отъ р. Яны до р. Колыми и далѣе до Шелагскаго мыса, такъ и острова, лежащіе къ сѣверу оттуда въ Ледовитомъ морѣ. Каждая изъ обѣихъ экспедицій была ввѣрена флота лейтенанту, которому дано нѣсколько сопутниковъ. Предметомъ экспедиціи г. Врангеля была страна къ востоку отъ р. Колыми.

Во время путешествія, вслѣдствіе того имъ предпринятаго, онъ велъ подробный дневникъ, гдѣ отмѣчалъ и наблюденія свои и приключенія. Около 16-ти лѣтъ эти записки оставались заманчивою тайною для читающаго міра; наконецъ, благодаря счастливому соединенію просвѣщенныхъ и опытныхъ лицъ, онѣ являются къ книгѣ, которая во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманіе Европы и такимъ образомъ вполнѣ оправдываетъ нѣмецкую пословицу: was langsam kommt, kommt gut! Особенно должна она возбуждать любопытство въ насъ, жителяхъ того же могучаго сѣвера и той же исполинской имперіи, которыхъ часть служила поприщемъ описываемыхъ странствованій. Къ сожалѣнію, книга сія еще не доступна большинству нашей публики: она издана на нѣмецкомъ языкѣ прежде, нежели на русскомъ. Мы полагаемъ однако жъ, что, въ ожиданіи столь драгоцѣннаго под

[1]) „Современникъ“, 1840, т. XVIII, стр. 103.

[2]) Нынѣ контръ-адмирала.

отечественной литературѣ, читатели Современника не безъ удовольствія найдутъ здѣсь нѣсколько словъ о достоинствѣ этого замѣчательнаго произведенія въ его чужеземной и — надобно по справедливости прибавить — прекрасной оболочкѣ.

Подъ сими словами мы разумѣемъ не одну только внѣшнюю сторону книги, въ полномъ смыслѣ изящную, но и гораздо важнѣйшую ея принадлежность — языкъ и изложеніе. Имя редактора, Е. А. Энгельгардта, какъ нѣмецкаго писателя въ Россіи, конечно извѣстно у насъ всѣмъ, кому доступенъ нѣмецкій языкъ, точно такъ же, какъ въ Германіи оно знакомо всякому, кто любитъ Россію, съ ея нравами и просвѣщеніемъ. Кто не помнитъ его *Russische Miscellen*, этихъ по-видимому легкихъ очерковъ русской жизни, и гдѣ однако же опытный глазъ открываетъ такъ много наблюдательности, такое рѣдкое знаніе народнаго характера? Въ путешествіи г. Врангеля мы узнаемъ то же перо, ту же простоту и вмѣстѣ игривость слога, въ которомъ чистота языка споритъ съ прелестію выраженія. Но здѣсь это перо пріобрѣтаетъ въ глазахъ нашихъ еще особенную занимательность; съ участіемъ г. Энгельгардта въ трудѣ, о которомъ идетъ рѣчь, соединяется особенное обстоятельство: главный изъ спутниковъ г. Врангеля, мичманъ Матюшкинъ *(впослѣдствіи адмиралъ)* какъ узнаемъ изъ предисловія, былъ нѣкогда воспитанникомъ Е. А. Энгельгардта. Легко понять, какія чувствованія одушевляли бывшаго директора лицея, когда въ ряду опасныхъ странствованій друга своего онъ вѣрною рукой могъ изображать и подвиги одного изъ старинныхъ своихъ питомцевъ, того, къ которому Пушкинъ, его товарищъ по лицею, обращается такъ:

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
Счастливый путь!.. Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря къ намъ руку
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

Странствовать въ краю малоизвѣстномъ и представляющемъ путешественнику безпрерывныя препятствія, часто соединенныя съ опасностію жизни, — есть подвигъ, заключающій въ себѣ тяжкія условія. Собирать плоды пожертвованій своихъ и потомъ обращать эти плоды на пользу науки, ко благу человѣчества — есть трудъ усладительный, достойный благодарности современниковъ и потомства. Но, сидя въ своемъ тепломъ углу и слушая разсказы путешественника, слѣдить воображеніемъ за каждымъ шагомъ его въ странѣ еще новой для насъ; вмѣстѣ съ нимъ радоваться каждой его удачѣ и дрожать за него всякій разъ, когда онъ въ опасности; словомъ, жить вмѣстѣ съ нимъ въ климатѣ отличномъ отъ нашего, среди людей, на насъ не похожихъ: вотъ наслажденіе, которому въ умственномъ мірѣ мало подобныхъ, потому что оно въ высшей степени удовлетворяетъ общее всѣмъ намъ, и въ этомъ случаѣ не суетное, любопытство.

Такое наслажденіе испытали мы въ полной мѣрѣ, читая повѣствованія гг. Врангеля и Матюшкина. Чуждые всякаго педантизма и ученой важности, они умно и откровенно сообщаютъ намъ все, что видятъ, слышатъ и чувствуютъ; разсказываютъ, какъ живутъ на мѣстахъ и какъ путешествуютъ; раздѣляютъ съ нами малѣйшія свои радости и печали, надежды и опасенія — всѣ эти ощущенія, которыя въ путешествіи совершенно выходятъ изъ своей обычной мѣрки. Передъ глазами нашими проходитъ непрерывная цѣпь картинъ разнообразныхъ и оригинальныхъ, и мы, увлекаясь пріятностію такого чтенія, вовсе не замѣчаемъ, что одна страница за другою безпрестанно увеличиваетъ кругъ нашихъ свѣдѣній множествомъ важныхъ фактовъ — такъ искусно они вплетены въ пеструю нить разсказа. Только прочитавъ книгу и припоминая ея содержаніе, мы съ удовольствіемъ открываемъ, сколько новаго и существеннаго узнали въ короткое время о природѣ и положеніи страны, которую мысленно посѣтили, о нравахъ и образѣ жизни обитающихъ тамъ народовъ.

Оставляя въ сторонѣ ученые результаты дѣйствій экспедиціи, важные въ особенности для географіи, мы желали бы, по крайней мѣрѣ, ознакомить читателей съ занимательнѣйшими частями разсказа путешественниковъ; но въ такомъ случаѣ и подъ нашимъ перомъ выросла бы, вмѣсто журнальной статьи, порядочная книга. Вотъ почему мы можемъ только представить въ переводѣ два-три отрывка, какъ образчики цѣлаго. Избираемъ для того, изъ многочисленныхъ особенностей Сибири, *стужу, оленей* и *шамановъ*, и посмотримъ, что̀ сказали путешественники по этимъ тремъ предметамъ.

Начнемъ съ *шамановъ*.

„Къ остаткамъ язычества, сохраняющимся между чукчами, относится совершенно противный природѣ, безчеловѣчный обычай (суще-

ствующій и у многихъ дикихъ народовъ Сѣверной Америки) убивать какъ дѣтей, рождающихся съ тѣлесными недостатками или слабыхъ здоровьемъ, такъ и старцевъ не способныхъ переносить трудности кочевой жизни на льдистыхъ степяхъ. Еще года за два тому назадъ видѣли здѣсь печальный примѣръ такого варварства. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ старшинъ племени, *Валетка*, чувствуя изнуреніе силъ и скучая жизнью, самъ убѣдительно просилъ своихъ ближнихъ родственниковъ, чтобы его убили, и они сочли священною обязанностію исполнить его желаніе. Вопреки всѣмъ усиліямъ правительства и духовенства, сей отвратительный обычай не прекращается, къ чему, безъ сомнѣнія, много способствуютъ шаманы, которые, не смотря на святое крещеніе, продолжаютъ сильно дѣйствовать на народъ. Въ каждомъ колѣнѣ, въ каждомъ каравапѣ всегда бываетъ одинъ или нѣсколько шамановъ; съ ними совѣтуются во всѣхъ важныхъ случаяхъ, и приговорамъ ихъ никто не смѣетъ противиться. О степени ихъ вліянія свидѣтельствуетъ, между прочимъ, ужасное убійство, совершившееся въ 1814-мъ году на ярмаркѣ въ Островномъ. Между прибывшими туда чукчами вдругъ открылась язва; напрасно шаманы безпрестанно повторяли заклятія, били въ барабаны, прыгали и бѣсновались — моръ все болѣе и болѣе распространялся, похищая не только людей, но и множество оленей, составляющихъ главное богатство народа. Напослѣдокъ положено было созвать всѣхъ шамановъ, и они рѣшили, что для умиренія разгнѣванныхъ духовъ и для пресѣченія опустошительной язвы, необходимо принести въ жертву одного изъ главныхъ старшинъ, *Коченя*. Но этотъ Кочень былъ такъ любимъ и уважаемъ всѣми, что на сей разъ рѣшеніе шамановъ, которымъ обыкновенно повинуются безусловно, было отвергнуто. Между тѣмъ моръ не переставалъ поражать и людей и животныхъ, а шаманы, не смотря ни на подарки, ни на угрозы и побои [1]), оставались при своемъ приговорѣ. Тогда Кочень съ рѣшимостію Курція объявилъ, что онъ самъ ясно видитъ волю духовъ и охотно пожертвуетъ своею жизнію для спасенія народа. Любовь къ нему все еще препятствовала исполненію грознаго приговора шамановъ: никто не хотѣлъ поднять руки на избранника. Наконецъ, собственный сынъ его, убѣжденный увѣщаніями отца и страшась проклятій, которыми онъ грозилъ, закололъ старца и отдалъ кровавое тѣло шаманамъ.

„Таково вліяніе шаманизма, заступающаго здѣсь мѣсто религіи; но онъ отъ всякой другой религіи тѣмъ отличается, что въ немъ нѣтъ никакихъ догматовъ или уставовъ, а есть только нѣсколько сказоч-

[1]) Нерѣдко случается, что шамана порядкомъ поколотятъ, желая принудить его къ измѣненію какого-нибудь тягостнаго приговора; но это домашнее средство не всегда помогаетъ: непреклонность шамана въ такомъ случаѣ еще усиливаетъ общее къ нему уваженіе.

ныхъ преданій, и что по этой причинѣ онъ вовсе не допускаетъ какого бы ни было ученія. Вѣрованія и обряды шамановъ и ихъ послѣдователей не составляютъ чего-нибудь придуманнаго однимъ человѣкомъ и отъ него перешедшаго къ другимъ: это слѣдствія впечатлѣній, производимыхъ въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ окружающими его предметами. Но такъ какъ принадлежности пустынь сибирскихъ, подобно степени образованности тамошнихъ полудикарей, почти вездѣ однѣ и тѣ же, то и дѣйствіе внѣшности на людей, по большей части, одинаково. Каждый видитъ и чувствуетъ про себя; но и безъ взаимнаго сообщенія они въ произведеніяхъ своего воображенія обнаруживаютъ большое сходство, и особенное исповѣданіе одного становится вѣрою всего племени. Итакъ вѣра сія есть, такъ сказать, созданіе каждаго отдѣльнаго лица и отъ того каждому нравится: въ этомъ самомъ, какъ я думаю, и заключается причина, почему она между сибирскими народами такъ давно уже господствуетъ и до тѣхъ поръ господствовать будетъ, пока они въ первобытной простотѣ не перестанутъ скитаться по тундрамъ, лѣсамъ и пещерамъ, пока тѣ же предметы будутъ производить на нихъ тѣ же впечатлѣнія.

„Почти всѣ, донынѣ писавшіе о шаманахъ, безусловно изображаютъ ихъ наглыми, пошлыми обманщиками, и видятъ въ ихъ корчахъ не иное что, какъ фиглярскія штуки, дѣлаемыя для прибыли. Но по всему, что мнѣ удалось видѣть во время моего путешествія по Сибири, я нахожу это мнѣніе слишкомъ строгимъ и несправедливымъ. По крайней мѣрѣ, оно односторонне и относится только къ тѣмъ людямъ, которые, странствуя подъ именемъ шамановъ, морочатъ народъ и выманиваютъ у него деньги посредствомъ разныхъ мнимыхъ чудесъ: они, напримѣръ, захватываютъ раскаленное желѣзо, ходятъ по немъ взадъ и впередъ, прокалываютъ себѣ кожу длинными иглами и т. п. Настоящіе шаманы не принадлежатъ ни къ какой особенной кастѣ, не составляютъ сообщества, которое имѣло бы одну какую-нибудь цѣль: они, такъ сказать, возникаютъ и существуютъ отдѣльно. Въ народѣ родятся люди съ пламеннымъ воображеніемъ, съ раздражительными нервами; они растутъ посреди вѣры въ чудеса, въ духовъ и въ шамановъ; таинственность, облекающая послѣднихъ, и неестественныя ихъ корчи сильно поражаютъ юношу. Онъ самъ жаждетъ общенія съ необычайнымъ, съ неземнымъ; но нѣтъ никого, кто бы къ тому указалъ ему путь, ибо и самый старый шаманъ не умѣетъ сказать, какъ онъ достигъ своего ясновидѣнія. Остается извлекать познаніе чудеснаго изъ самого себя, изъ непосредственно близкой, величавой и угрюмой природы. Одиночество, отчужденіе отъ людей, бдѣніе, постъ, горячительныя и наркотическія средства, все это доводитъ воображеніе до высшей степени напряженности: уже ищущій свѣта самъ собою видитъ тѣ явленія и тѣхъ духовъ, о которыхъ слышалъ съ дѣтства.

уже онъ вѣритъ въ нихъ твердо, непоколебимо. Наконецъ, его посвящаютъ въ шаманы, т. е. при извѣстныхъ обрядахъ посреди ночи знакомятъ его съ обычными пріемами, съ волшебнымъ барабаномъ и т. п. Но отъ этого нисколько не увеличивается его знаніе, не происходитъ никакой перемѣны въ глубинѣ его духа. Это обрядъ, касающійся только внѣшняго человѣка: все, что онъ послѣ того чувствуетъ, дѣлаетъ, говоритъ, все истекаетъ попрежнему изъ его собственной, внутренней природы — онъ вовсе не холодный и хитрый обманщикъ, не грубый фигляръ. Кто наблюдалъ настоящаго шамана въ высшемъ его изступленіи, тотъ, конечно, подтвердитъ сказанное и согласится, что по крайней мѣрѣ въ минуту дѣйствія шаманъ не можетъ и не хочетъ обманывать, но что совершающееся съ нимъ есть слѣдствіе непроизвольнаго, неотразимаго вліянія воображенія, въ высочайшей степени раздраженнаго. Настоящій шаманъ составляетъ, безъ сомнѣнія, очень замѣчательное психологическое явленіе. Всякій разъ, когда я видѣлъ дѣйствующихъ шамановъ, они оставляли во мнѣ продолжительное, мрачное впечатлѣніе. Ихъ дикій взглядъ, глаза, налитые кровью, хриплый голосъ, который будто съ чрезвычайнымъ усиліемъ вырывается изъ судорожно-сдавленной груди, корчи лица и всего тѣла, дыбомъ вставшіе волосы, самый даже глухой гулъ барабаннаго боя — все это придаетъ зрѣлищу какой-то грозный, таинственный характеръ, сильно меня поражавшій, и я не удивляюсь, что невѣжественные люди, воспитанные на лонѣ природы, видятъ въ этомъ темное дѣйствіе злыхъ духовъ“. (Ч. I, стр. 284 и слѣд.)

Въ отношеніи къ *оленю* г. Матюшкинъ разсказываетъ слѣдующее:

„Своимъ продовольствіемъ жители (по берегамъ р. Анюя) почти исключительно обязаны оленю, который здѣсь, какъ въ Лапландіи, доставляетъ пищу, одежду, повозки и жилища (т. е. кочевые шатры). Добыча оленьей охоты рѣшитъ, будетъ ли голодный или счастливый (по здѣшнему) годъ, и потому время перехода оленей составляетъ здѣсь важнѣйшую годовую эпоху, какъ въ другихъ странахъ жатва или собираніе винограда. Два такихъ перехода бываетъ въ году — одинъ весною, другой осенью, и такъ какъ здѣсь лѣта почти нѣтъ то второй слѣдуетъ очень скоро за первымъ. Передъ концомъ мая дикій олень большими стадами покидаетъ лѣса, гдѣ онъ въ продолженіе зимы искалъ убѣжища отъ нестерпимыхъ морозовъ, и устремляется къ сѣвернымъ равнинамъ: тамъ ожидаетъ его на мшистыхъ тундрахъ лучшая пища, и къ тому же онъ спасается отъ комаровъ и мухъ, которые съ наступленіемъ весны затемняютъ воздухъ густыми роями и въ полномъ смыслѣ слова до смерти замучиваютъ бѣдныхъ животныхъ. Этотъ весенній переходъ не представляетъ охотникамъ большой выгоды, потому что олени часто перебираются черезъ рѣки, еще покрытыя льдомъ, и тогда можно только подстерегать звѣря въ

горныхъ ущельяхъ, и стрѣлять изъ ружья, либо изъ лука, или ловить петлями. Послѣдній способъ довольно невѣренъ, а первый, по рѣдкости пороху и свинцу, слишкомъ дорогъ. Притомъ, объ эту пору олени чрезвычайно тощи и, искусанные комарами, такъ усѣяны ранами и шишками, что развѣ только изнемогающій отъ голода рѣшится употреблять въ пищу такое мясо. Отъ того весенніе олени служатъ единственно для кормленія собакъ [1]).

„Но настоящій ловъ бываетъ въ августѣ или сентябрѣ, когда олени съ равнинъ возвращаются въ лѣса. Тогда они здоровы и полны: мясо ихъ вкусно и питательно, а кожа покрыта новою зимнею шерстью, которая часта и крѣпка. Разница въ добротѣ мѣховъ такъ велика, что мѣхъ весенній стоитъ отъ 1 до $1^1/_2$ рубля, а за осенній надобно заплатить 5 или 6 рублей. Мы были здѣсь въ это самое время и имѣли случай внимательно наблюдать переходъ и ловлю оленей. Этотъ переходъ есть нѣчто необыкновенно замѣчательное. Въ хорошіе годы участвуетъ въ немъ нѣсколько тысячъ оленей, занимающихъ въ ширину отъ 50 и до 100 верстъ. Хотя они, какъ кажется, идутъ стадами въ 200 — 300 штукъ, однако жъ эти отдѣленія остаются другъ отъ друга въ близкомъ разстояніи, такъ что всѣ вмѣстѣ составляютъ одну необозримую массу. Путь ихъ всегда одинъ и тотъ же, у верховья сухого (малаго) Анюя и у Плотбиша. Для перехода черезъ рѣку, избираютъ они мѣсто, къ которому ведетъ сухая ровная дорога, тогда какъ на противоположной сторонѣ — плоскій песчаный берегъ, не затрудняющій движенія. Здѣсь каждое отдѣльное стадо тѣснѣе смыкается и начинаетъ переходъ, слѣдуя за самымъ рослымъ и сильнымъ оленемъ; немногіе толпятся близехонько отъ него, а онъ, поднявъ голову, медленно подвигается впереди всѣхъ и какъ-будто хочетъ точнѣе ознакомиться съ мѣстностью. Увѣрившись въ безопасности, онъ спускается въ рѣку; вся густая толпа идетъ за нимъ и черезъ нѣсколько минутъ животные покрываютъ всю поверхность воды. Тогда и охотники съ быстротою стрѣлъ бросаются въ своихъ маленькихъ челнокахъ изъ-за бухтъ, камней, кустовъ и т. п., гдѣ до тѣхъ поръ оставались въ засадѣ; они окружаютъ переправу и стараются остановить ее. Между тѣмъ двое или трое изъ самыхъ искусныхъ ловцовъ, съ дротиками или *поломогами* въ рукахъ, врываются въ плывущую толпу и съ невѣроятною скоростью убиваютъ великое множество оленей, или, по крайней мѣрѣ, такъ тяжело ранятъ ихъ, что они развѣ только достигаютъ берега, гдѣ и становятся добычей собравшихся женщинъ, дѣвокъ и дѣтей.

---

[1]) Извѣстно, что почти по всему берегу Ледовитаго моря собаки употребляются вмѣсто лошадей, для ѣзды и для возки тяжестей на небольшихъ саняхъ особеннаго устройства.
Прим. перев.

„Эта ловля соединена, впрочемъ, съ большою опасностію для охотниковъ. Въ тѣсной и безпорядочной толпѣ преслѣдуемыхъ звѣрей, легкій челнокъ безпрестанно можетъ опрокинуться; но сверхъ того, они всячески обороняются, самцы дѣйствуютъ рогами, зубами или задними копытами, а самки передними ногами вспрыгиваютъ на край лодки, чтобы такимъ образомъ опрокинуть ее. Когда это удается, то для охотника обыкновенно нѣтъ спасенья: при всей ловкости, ему невозможно выбраться изъ страшной давки, развѣ онъ успѣетъ уцѣпиться за какого-нибудь сильнаго оленя, который вытащитъ его на берегъ. И однако жъ, несчастные случаи очень рѣдки, потому что люди эти съ удивительнымъ искусствомъ удерживаютъ челнокъ въ равновѣсіи и каждый ударъ ихъ убійственъ. Хорошій охотникъ поражаетъ, менѣе нежели въ полчаса, 100 оленей и болѣе. Когда стадо ихъ многочисленно, тогда они, въ общемъ смятеніи, зацѣпляются другъ за друга рогами; это ослабляетъ противодѣйствіе и облегчаетъ ловлю. Убитыхъ оленей собираютъ въ порожнія лодки и вяжутъ ремнями. Что кому достанется, то и принадлежитъ ему.

„Не должно, однако-жъ, думать, чтобы самъ охотникъ ничего не получалъ въ вознагражденіе за опасный трудъ: только убитые на мѣстѣ и остающіеся въ рѣкѣ считаются общею собственностію, а всѣ тѣ, которые, будучи ранены, достигаютъ берега, принадлежатъ поразившему ихъ. Отъ того охотники и усвояютъ себѣ въ изумительной степени навыкъ сохранять присутствіе духа среди величайшаго смятенія; не смотря на то, что жизнь ихъ въ безпрестанной опасности и всѣ тѣлесныя и душевныя силы напряжены какъ нельзя болѣе, они умѣютъ такъ размѣрять свои удары, чтобы олени слабые и малорослые тутъ же падали, а большіе получали только смертельныя раны, и успѣвали достигать берега. Правда, общій голосъ не одобряетъ подобной сноровки, и называетъ того, кто поступаетъ такъ, *дурнымъ человѣкомъ*; однако жъ, обычай въ этомъ случаѣ беретъ верхъ надъ мнѣніемъ. Такая оленья охота на водѣ представляетъ зрѣлище, котораго невозможно описать вполнѣ: плывущая, мѣшающаяся толпа нѣсколькихъ тысячъ оленей; шумъ роговъ, взаимно ударяющихся; охотники, которые съ быстротою молніи и съ опасностію жизни вьются между рядами испуганныхъ животныхъ; крики и восклицанія прочихъ, которые хвалятъ, предостерегаютъ, совѣтуютъ; волны рѣки, побагровѣвшія отъ крови — все это могутъ представить себѣ только очевидцы. По окончаніи охоты происходитъ дѣлежъ на основаніи правилъ, выше показанныхъ“. (Ч. II, стран. 11 и слѣд.)

О *стужѣ* сибирской г. Врангель, отправляясь верхомъ изъ Верхоянска въ Якутскъ, даетъ намъ понятіе въ слѣдующихъ словахъ:

„Морозъ не уменьшался, и термометръ мой постоянно показывалъ 40° ниже точки замерзанія. Если при такомъ холодѣ уже и въ саняхъ

тягостно ѣхать, то верховая ѣзда почти нестерпима. Кто самъ не испыталъ этого положенія — тотъ никакъ не можетъ вообразить тѣхъ мученій, которымъ оно подвергаетъ. Въ толстой и жесткой шубѣ, которая тебя окутываетъ съ головы до ногъ и вѣситъ отъ 30-ти до 40-ка фунтовъ, совершенно нельзя двигаться; медвѣжій воротникъ, опушенный густымъ иннеемъ, соединяется съ огромною мѣховой шапкой, покрывающею все лицо, такъ-что можно только изрѣдка, и то какъ-бы украдкой, вдохнуть въ себя немного свѣжаго воздуха; но онъ такъ остёръ, что производитъ въ горлѣ и въ легкихъ какую-то особенную боль. Путешественникъ въ продолженіе 10-ти часовъ и болѣе (столько времени нужно для перехода отъ одного ночлега до другого) не можетъ сойти съ лошади: тяжелая шуба не позволяетъ ему ступить и двухъ шаговъ по глубокому снѣгу, который чрезвычайно затрудняетъ даже самыхъ привычныхъ лошадей. Бѣдныя животныя страдаютъ въ этомъ случаѣ не меньше всадника, потому-что сверхъ жестокой стужи, которая рано или поздно непремѣнно вредитъ имъ, ихъ безпокоятъ еще толстые куски льду, наростающіе въ ихъ ноздряхъ и препятствующіе дыханію. Тогда лошадь начинаетъ тоскливо храпѣть и судорожно трясти головой; она можетъ задохнуться, если проводникъ не счиститъ ледяной коры съ ея ноздрей. На льдистыхъ равнинахъ, гдѣ снѣгу нѣтъ, случается нерѣдко, что копыто лопаетъ. Караванъ всегда бываетъ окруженъ густымъ облакомъ, образующимся изъ пару, который отдѣляется не только отъ живыхъ тѣлъ, но и отъ снѣгу, ибо здѣсь самый снѣгъ дымится, сжимаясь отъ ужаснаго мороза и такимъ образомъ заключая въ себѣ сравнительно съ атмосферою, нѣкоторую теплоту. Паръ мгновенно превращается въ милліоны тоненькихъ ледяныхъ иглъ; онѣ наполняютъ весь воздухъ и производятъ въ немъ безпрерывный, легкій шорохъ, похожій нѣсколько на шумъ, который мы слышимъ, раздирая кусокъ атласу или толстой шерстяной матеріи. Даже олень, этотъ вѣчный гражданинъ крайняго сѣвера, ищетъ въ лѣсахъ нѣкоторой защиты отъ страшныхъ морозовъ; на тундрахъ, гдѣ лѣсу нѣтъ, стадо тѣснится какъ можно болѣе, чтобы всѣ согрѣвали другъ друга; часто видишь: густая толпа оленей стоитъ безъ малѣйшаго движенія. Только мрачная птица зимы, воронъ, изрѣдка разсѣкаетъ оледенѣлый воздухъ слабымъ, медленнымъ крыломъ; тонкая полоса пару — слѣдъ, оставляемый ея одинокимъ полетомъ — доказываетъ, что въ ней еще есть немного теплоты. Но неимовѣрная стужа дѣйствуетъ не на одни живыя существа; ея пагубное вліяніе распространяется и на бездушные предметы; ничто не въ силахъ устоять противъ нея. Самые толстые стволы древесные разрываются съ громкимъ трескомъ, который звучитъ въ пустынѣ, какъ сигнальный выстрѣлъ надъ взволнованнымъ моремъ. На тундрахъ и скалистыхъ долинахъ земля разсѣдается съ

шумомъ и сквозь широкія отверстія, образующіяся такимъ образомъ, бѣжитъ изъ сокровенной глубины вода; она дымится и мгновенно превращается въ ледъ. Исполинскія громады скалъ раскалываются; сорванныя съ своего тысячелѣтняго ложа, онѣ низвергаются съ громовымъ рокотомъ и потрясаютъ воздухъ своимъ ужаснымъ паденіемъ. Дѣйствіе такого холода не ограничивается предѣлами земли. Величавая красота темноголубого полярнаго неба, которую такъ часто, и иногда по справедливости, восхваляютъ, сокрыта густыми слоями полузастывшей атмосферы. По временамъ, правда, свѣтятся звѣзды, но тускло ихъ сіянье, лучи ихъ блѣдны, и таинственная, поэтическая прелесть лунной ночи здѣсь не существуетъ. Ужасное однообразіе мертвой природы, одѣтой вѣчно бѣлымъ саваномъ, не представляетъ поэтическому чувству ни малѣйшей пищи. И какое воображеніе, какой огненный талантъ могли бы не оцѣпенѣть тамъ, гдѣ все умираетъ, гдѣ всякое движеніе коснѣетъ, гдѣ послѣдняя жизненная дѣятельность человѣка вся обращается въ животное стараніе не замерзнуть!“ (Ч. II, стр. 239 и слѣд.).

Сколько наши переводы ни уступаютъ подлиннику, все-таки мы смѣемъ надѣяться, что дали читателю возможность судить довольно вѣрно о книгѣ, изданной г. Риттеромъ. Остается желать, чтобы то же путешествіе скорѣе и въ столь же блестящемъ видѣ появилось на языкѣ отечественномъ. Нѣмецкое изданіе щеголяетъ и наружностію: оно напечатано тщательно, прекраснымъ латинскимъ шрифтомъ на отличной бумагѣ. Въ концѣ сочиненія помѣщены метеорологическія таблицы и ландкарта, изображающая сѣверо-восточную часть Сибири согласно съ новыми географическими открытіями г. Врангеля. Прихотливый читатель могъ бы только пожалѣть, что къ книгѣ не приложено оглавленія, безъ котораго отыскиваніе многочисленныхъ отдѣловъ *путешествія* нѣсколько затруднительно.

ПИСЬМА СЪ БЕРЕГОВЪ ЧЕРНАГО МОРЯ [1]).

(Съ шведскаго, изъ замѣтокъ В. Лагуса).

I.

Возвратясь недавно изъ поѣздки по Херсонской губерніи, я намѣренъ начать обѣщанныя мною замѣтки разсказомъ о прогулкѣ моей по этой части степного пространства южной Россіи, столь замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ: здѣсь совершились нѣкогда важныя событія, но надъ ними мракъ забвенія часто споритъ съ свѣтомъ исторіи, и только въ наше время просвѣщеніе, подъ покровомъ могущественнѣйшей державы, озарило этотъ отдаленный край Европы своими благотворными лучами.

Еще не такъ давно грозный полумѣсяцъ скрылся въ волнахъ передъ Очаковомъ и Измаиломъ, и свѣтлый мечъ Карла XII помрачился подъ Полтавою; вдали пылаетъ багровое какъ кровь полуночное солнце Золотой Орды, а за нимъ — будто пары, подымающіеся изъ пропасти — мелькаютъ тѣни народовъ съ именемъ и безъ имени, которые съ исхода IV вѣка смѣнялись одинъ за другимъ, уничтожая съ дикою жаждою истребленія все, что̀ ни встрѣчалось имъ.

Вотъ на сколько мы должны удалиться назадъ, чтобы на этомъ театрѣ ужаснѣйшихъ переворотовъ увидѣть болѣе пріятныя и мирныя

---

[1]) Санктпетербургскія Вѣдомости 1851 года, №№ 270, 273, 277, 283 и 284. — Статьѣ предпослано слѣдующее примѣчаніе: „Одинъ изъ молодыхъ ученыхъ Гельсингфорсскаго Университета, докторъ философіи *В. Лагусъ*, отправленъ на счетъ правительства въ южную Россію, съ тѣмъ, чтобы по изученіи русскаго языка предпринять путешествіе въ Грецію и на мѣстахъ заняться не только ново-греческимъ языкомъ, но и изслѣдованіемъ древностей. Обширныя свѣдѣнія его, особливо въ классической литературѣ, заставляютъ ожидать существенныхъ для науки результатовъ отъ этого путешествія. Дорожныя замѣтки *г. Лагуса* помѣщаются первоначально на шведскомъ языкѣ въ одной изъ финляндскихъ газетъ; мы представляемъ здѣсь въ переводѣ или извлеченіи все, что въ нихъ можетъ быть интересно для русскихъ читателей. Авторъ въ одномъ мѣстѣ оспариваетъ мнѣніе г. Надеждина, писавшаго о тѣхъ же странахъ: не беремся рѣшить, въ какой мѣрѣ замѣчанія *г. Лагуса* справедливы, но сочли долгомъ передать ихъ во всей точности. *Я. Г.*“ *Ред.*

явленія; хотя и они исчезли невозвратно, но какъ все что̀ однажды приняло жизнь и образъ отъ творческой силы греческой культуры, они навсегда принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ воспоминаніямъ человѣчества. Двадцать столѣтій протекло послѣ паденія столь счастливыхъ нѣкогда греческихъ колоній, которыя процвѣтали по берегамъ Чернаго моря; но мнѣ все-таки хотѣлось взглянуть на природу и мѣста, посреди которыхъ они жили и отжили, мнѣ хотѣлось посмотрѣть, не найду ли хоть какихъ-нибудь остатковъ ихъ давняго существованія — и я пустился въ степи. Другою цѣлью моею было прослѣдить путь, которымъ шелъ сѣверный Александръ (Карлъ XII) послѣ своего пораженія.

Прежде всего долженъ я сказать, что я сдѣладъ эту поѣздку въ самомъ пріятномъ и поучительномъ обществѣ, — съ профессорами Ришельевскаго лицея: Ф. К. Бруномъ и П. В. Беккеромъ, которые съ живою любовью къ археологіи соединяютъ самый общительный и милый характеръ; первый изъ нихъ родомъ финляндецъ. Четвертое мѣсто въ нашемъ экипажѣ не было занято, но въ мысляхъ мы единодушно отдавали его, съ дружескимъ воспоминаніемъ, нашему соотечественнику, профессору А. Д. Нордману, который недавно изъ этихъ краевъ переселился въ родную Финляндію и посвятилъ свою плодотворную дѣятельность тамошнему университету. Какъ мы жалѣли, что его не было съ нами, для объясненія краснорѣчивыхъ надписей въ раскрытой подъ майскимъ небомъ книгѣ природы!

Мы были очень довольны фурманомъ и экипажемъ, который наняли въ Одессѣ на всю поѣздку. Этимъ способомъ едва-ли не всего беззаботнѣе и спокойнѣе можно ѣздить по Россіи, по крайней мѣрѣ въ такихъ случаяхъ, когда не хочешь зависѣть отъ неуклоннаго направленія большой дороги. Но не всякому выборъ такъ хорошо удается, какъ намъ. Правда, что экипажъ, длиною болѣе двухъ саженъ, самъ по себѣ принадлежалъ къ роду скрыпучихъ, а висѣвшая съ боку на желѣзной цѣпи жестянка еще усиливала стукотню, такъ что намъ трудно было разговаривать, но зато мы сидѣли на сѣнѣ какъ на рессорахъ. Наши россинанты, увѣшанныя бубенчиками, конечно, не выиграли бы намъ на скачкѣ 1-го, 2-го или даже 3-го приза, но соединенными силами дюжины ногъ онѣ все-таки пробѣгали условленныя 40 — 60 верстъ въ день. А тотъ маленькій, кругленькій человѣкъ, что̀ сидѣлъ у насъ на козлахъ? и его не надобно забывать: меня долго занималъ вопросъ, къ какой націи онъ принадлежалъ.

Онъ родился и жилъ въ Бессарабіи, но не былъ русскимъ: для него были почти совершенно чужды русскіе нравы, религія и языкъ. Онъ также не былъ „швабомъ“, хотя его вообще и называли такъ, распространяя это областное имя на всѣхъ колонистовъ, которыхъ

предки переселились сюда изъ Германіи. Столько же мало шло къ нему болѣе почетное названіе *нѣмецъ*, такъ какъ надобно быть по крайней мѣрѣ полугосподиномъ, чтобы въ южной Россіи заслужить это имя. Но еслибъ даже и забыть всякое различіе состояній, — боюсь, что этотъ простакъ скоро обмолвился бы передъ діалектическимъ судомъ языкознанія. Онъ былъ очень простъ, но честенъ и добродушенъ, — въ этомъ надобно отдать ему справедливость, хотя вслѣдъ затѣмъ нельзя не прибавить, что изъ всѣхъ душевныхъ качествъ, въ самой меньшей долѣ досталась ему храбрость. Но виноватъ ли онъ, если ему въ степи мерещились страшныя привидѣнія? Напротивъ, я готовъ видѣть только доказательство особенной откровенности въ томъ, что онъ при малѣйшемъ обстоятельствѣ, которое пробуждало его трусость, оборачивался къ намъ съ плачевною физіономіею и жалобно произносилъ: „ick haobe Aongst“. Таковъ былъ нашъ швабъ, и онъ, конечно, не пустился бы съ нами по невѣдомымъ для него дорогамъ, если бъ не чувствовалъ какого-то родственнаго къ намъ влеченія, узнавъ, что одного изъ насъ зовутъ Вильгельмомъ — „точь въ точь какъ его сына въ лавкѣ на старомъ базарѣ“.

Мы оставили за собой заставу, препятствующую вывозу товаровъ порто-франко. Вмѣстѣ съ тѣмъ очутились мы внѣ предмѣстія и скоро миновали первый *лиманъ*, называемый Одесскимъ или малымъ Куяльникомъ. „Пересыпи и лиманы“ составляютъ два самые характеристическіе рода урочищъ на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Пересыпями называются полосы земли, нанесенной двумя встрѣчными массами воды, какъ здѣсь рѣками съ сѣвера и моремъ съ юга. Иногда эти пересыпи еще не образуютъ одного цѣльнаго пространства, давая морю и рѣкѣ сообщаться болѣе или менѣе глубокими отверстіями, иногда же составляютъ онѣ сплошную землю, поросшую травой и тростникомъ: иногда онѣ шириною только въ нѣсколько аршинъ, иногда въ нѣсколько верстъ, какова, напримѣръ, та, по которой мы теперь тащимся, и въ южномъ углу которой построено предмѣстье Одессы, по имени ея и названное. Высота ихъ вообще незначительна, такъ что по временамъ, отъ бурь или отъ напора сдерживаемой рѣки, онѣ то отчасти, то вполнѣ заливаются водою.

Каждая пересыпь предполагаетъ лиманъ, но не наоборотъ. Слово „лиманъ“ не русскаго происхожденія, и я сомнѣваюсь, чтобъ оно употреблялось въ какой-либо другой части имперіи [1]), хотя въ лексиконахъ значеніе его и объясняется просто словомъ заливъ. Въ общи[illegible]

---

[1]) Въ землѣ Донскихъ казаковъ лиманомъ называется озеро безъ тростника. *Прим. перевод.*

нѣйшемъ смыслѣ подъ лиманомъ разумѣется въ Черномъ морѣ всякій заливъ, въ болѣе тѣсномъ — только разлившееся устье рѣки, а въ тѣснѣйшемъ родъ озеръ (обыкновенно продолговатыхъ и очень соленыхъ), которыя возникаютъ, когда рѣка при впаденіи своемъ затягивается описаннымъ образомъ и вслѣдствіе того расширяетъ русло свое. Кажется, не слишкомъ смѣло будетъ предположить, что слово лиманъ осталось здѣсь со временъ существованія греческихъ колоній, когда на этихъ мѣстахъ находились „Athenaion Limen“ (гавань аѳинянъ), „Karon Limen, Euboulon L., Istrianon L.“ и др. Невѣроятно, чтобы два народа независимо одинъ отъ другого придумали одинаковое названіе одного и того же предмета. Правда, что древніе пишутъ Limen, но извѣстно, что этому *е* въ народномъ языкѣ грековъ соотвѣтствовало долгое *а*, переходъ же значенія *гавань* къ нынѣшнему значенію былъ естественнымъ слѣдствіемъ измѣненій, которыя происходили и донынѣ происходятъ въ самомъ краю. Ужели приписать одному случаю, что древній „sindikos Limen“ соотвѣтствовалъ нынѣшнему лиману Кизиль-Ташъ, Istrianon Limen“ пересыпи и лиману Куяльника, „Isiakon Limen“ вѣроятно сухому лиману и т. д.?

Пока меня занимали эти размышленія, взошла луна — и вотъ она съ задумчивой улыбкой озираетъ землю и воды. Здѣсь сіянія ея не ослабляютъ свѣтлыя ночи, которыхъ не знаютъ на югѣ.

II.

Миновавъ и Большой Куяльникъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Одессы, мы пустились по возвышенной степи прямо на востокъ, и близехонько отъ насъ вправо тянулся дикій, изрытый берегъ Чернаго моря. Высоту этого побережья надъ поверхностію моря можно безъ преувеличенія полагать въ 80—100 футовъ; упоминаю объ этомъ для того, чтобы вы не представляли себѣ здѣшняго края низменностью. Земля здѣсь не понижается постепенно (за исключеніемъ общаго наклона поверхности), но оканчивается у моря крутымъ обрывомъ и какъ бы стѣною, образующею террассу. Здѣсь нѣтъ твердаго оплота скалъ и горъ, и оттого происходятъ безпрерывныя измѣненія берега; вотъ почему и можно извинить древнихъ, если ихъ описанія уже не согласны съ дѣйствительностью, если разстоянія въ ихъ Периплахъ часто опредѣлены невѣрно. Но о древнихъ и говорить нечего: стоитъ только сравнить лучшія карты нашего времени (одна изъ новѣйшихъ — Манганари), и мы увидимъ, что не одни человѣческія познанія идутъ впередъ, но и сама природа не стоитъ неподвижно.

Въ отношеніи упомянутаго берега, можно представить себѣ море въ безпрерывной наступательной войнѣ съ твердою землею. При каж-

домъ вѣтрѣ волны ударяются о берегъ съ ужасною силою; можетъ быть, напоръ ихъ останется безуспѣшнымъ сегодня и завтра — но онѣ безпрестанно возвращаются съ новою яростью, и наконецъ разгромъ удается имъ. Подрыто единственное твердое основаніе берега, конгломератъ изъ улитокъ и извести, называемый здѣсь камнемъ и который въ цѣлой южной Россіи составляетъ третій или четвертый слой земли. Пограничная линія степи, постоянно аттакуемая моремъ, колеблется, уступаетъ, рушится — и волны съ торжествомъ прорываются черезъ нее.

Но это только кажущаяся, минутная побѣда. Разобравъ дѣло, мы находимъ, что въ сущности море всякій разъ теряетъ равно столько, сколько оно повидимому пріобрѣтаетъ. Оторванная земля, дѣйствіемъ самой воды, опять подымается и образуетъ съ остальнымъ берегомъ одну сплошную, однородную массу. Такимъ образомъ по настоящему не море, а земля подвигается, набирая тоже плѣнныхъ у своего безпокойнаго непріятеля. Я разумѣю тѣ соленыя озера, которыя, по изслѣдованіямъ Палласа и Гумбольдта, остались по удаленіи моря. Если сверхъ того принять въ соображеніе, что̀ море теряетъ посредствомъ испареній и отъ постепенной убыли своихъ притоковъ, то мы поймемъ, почему еще Полибій и Страбонъ могли полагать, что оно нѣкогда совершенно изсякнетъ и исчезнетъ.

Вотъ что̀ было предсказано объ этомъ еще и нынѣ столь могущественномъ морѣ, и ученые нашего времени, судя по нѣкоторымъ признакамъ, заключаютъ, что въ доисторическій періодъ владычество Чернаго моря было еще гораздо значительнѣе. Сбудется ли пророчество? Безъ всякаго сомнѣнія, хотя, можетъ быть, не прежде, какъ въ періодъ поисторическій. Но мы, живущіе между этими двумя крайними чертами, уже много выиграли бы, еслибъ имѣли свѣдѣнія о борьбѣ обѣихъ стихій по крайней мѣрѣ за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ. Знаніе классической древности получило бы твердую опору на скиѳской землѣ, этомъ столько же скользкомъ, какъ и плодоносномъ полѣ смѣлыхъ догадокъ. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ не пронеслось надъ нею предположеній, начиная отъ Байера до г. Кольстера въ Мельдорфѣ! Послѣдній, руководствуясь извѣстными, но не всегда основательными сочиненіями о Россіи, пытался, безъ собственныхъ наблюденій и не справясь съ главными изъ своихъ предшественниковъ, согласить древнія и новѣйшія мнѣнія.

Еще Геродотъ, который первый посѣтилъ и описалъ Скиѳію, говоритъ о Понтѣ, что это самое чудное и замѣчательное море, на которое стоитъ посмотрѣть, разумѣя, конечно, его особенность и трудность изобразить его словами или получить о немъ вѣрное понятіе по одному описанію. И точно, нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ достаточно было таланта и книжной учености, то гипотезы Нибура, Герена и другихъ никогда не явились бы на свѣтъ.

Несправедливо было бы, оставляя безъ вниманія непрерывное взаимодѣйствіе моря и земли, отвергать показанія древнихъ; но съ другой стороны было бы столько же неосновательно вѣрить въ безошибочность ихъ мнѣній, даже касательно современныхъ обстоятельствъ. Нельзя не удивляться, видя, какое множество изслѣдованій было сдѣлано ими въ отношеніи къ Понту и къ странамъ, на сѣверѣ отъ него лежащимъ, и какое тщательное вниманіе они обращали на скиѳскіе народы, забывая почти совершенно ближайшую къ нимъ Малую Азію. Но могли ли они съ помощію науки повѣрить то, что́ слышали или видѣли, что́ возвращавшіеся изъ путешествій купцы или мореплаватели разсказывали объ этой землѣ чудесъ и ужасовъ? Принявъ доказанную Нейманомъ истину, что уже въ глубокой древности всѣ народы, игравшіе впослѣдствіи самую дѣятельную роль на югѣ нынѣшней Россіи, по крайней мѣрѣ отчасти уже обитали тамъ; сообразивъ далѣе, какъ произвольно греки на своемъ языкѣ передавали имена чуждыхъ народовъ и странъ, какое равнодушіе они питали къ языкамъ всѣхъ варваровъ, — мы не можемъ отрицать, что въ извѣстія древнихъ писателей должны были вкрасться самыя грубыя ошибки и промахи. Доказательства найти не трудно; укажемъ на самое разительное изъ нихъ.

Почему греки въ самыя отдаленныя времена называли это море „Axeinos“; т. е. *негостепріимнымъ*? Потому ли, что на берегахъ его не было еще никакихъ селеній, гдѣ отважные плаватели могли бы находить надежное убѣжищѣ? Да, такъ думали сами греки, и отъ того, когда измѣнились обстоятельства, переименовали это море, назвавъ его „Euxeinos“ — *гостепріимнымъ* [1]). Въ этомъ заключалось однакожъ недоразумѣніе, происшедшее отъ случайнаго сходства звуковъ. *Кулей* (Cooley) полагаетъ — и на мнѣніе его есть множество доказательсть — что потомки Яфета, проходя чрезъ эти страны въ Европу, называли море по имени внука его Аксена. Грекамъ звукъ этотъ показался знакомымъ, и такъ какъ онъ имѣлъ для нихъ значеніе, то понятно, что имъ наполнены всѣ созданныя богатымъ ихъ воображеніемъ сказки о Понтѣ [2]). Напротивъ того, названіе Euxeinos было реторическимъ украшеніемъ, которое находилось въ явномъ противорѣ-

[1]) Когда же опять очернили доброе имя его? Не прежде, какъ въ средніе вѣка, ибо встрѣчаемый у Эврипида и другихъ древнихъ писателей эпитетъ: *мрачное, ночное, черное* (νυχιος, μελας) есть не что иное, какъ метафора. Но литовцы, назвавъ бывшее на сѣверъ отъ ихъ земли море „Балтійскимъ“, т. е. *Бѣлымъ*, наименовали лежавшее на югѣ *Чернымъ* или „Мог Могі“ (у новогрековъ Μαύρη Θάλασσα), названіе, которое въ подлинномъ видѣ осталось для означенія Пропонта.

[2]) По такому же недоразумѣнію греки передѣлали индійское названіе Кавказа „Coti Buracsi“ въ Koite (Κοιτη) Boreou, что значитъ „Ложе Борея“, понятіе которое, по замѣчанію Taitbout de Marigny, каждую ночь подтверждается воемъ вѣтра яростью непогоды.

чіи съ частыми бурями и суровостью окрестныхъ народовъ, такъ что не смотря на общеупотребительность его, оно никогда не пріобрѣло полной довѣренности; это достаточно доказывается тѣмъ, что еще византійскіе писатели, говоря объ Евксинскомъ Понтѣ, рѣдко забываютъ прибавить слова: такъ называемый (καλούμενος).

Не всегда отличаются точностью извѣстія грековъ даже о тѣхъ мѣстахъ, которыя сами они заводили, для торговыхъ и другихъ выгодъ, на берегахъ моря и впадающихъ въ него рѣкъ. Какъ ни увеличивается въ наше время народонаселеніе степи, она все еще малолюдна, а иногда, на пространствѣ цѣлыхъ миль, даже необитаема: поэтому можно судить, какъ скудно была она населена въ древности. Не надобно увлекаться длиннымъ спискомъ именъ древнихъ селеній; число ихъ было во всякомъ случаѣ не такъ велико, по отношенію къ огромному пространству края, и притомъ самыя селенія были по большей части ничтожны. Только немногіе пункты возвысились торговлею, и служа общими, обыкновенно укрѣпленными складочными мѣстами мѣнового торга, были болѣе извѣстны. Прочія селенія надобно считать только промежуточными станціями или привалами для мореходцевъ. Они быстро возникали и также быстро рушились или переносимы были на другія мѣста, такъ какъ существованіе ихъ зависѣло столько же отъ пріязни своихъ, сколько и отъ вражды чужихъ. Вотъ отчего въ Периплахъ и другихъ не менѣе обширныхъ описаніяхъ упоминается то одно, то другое селеніе, и рѣдко встрѣчаются одни и тѣ же въ теченіе долгаго времени. По большей части отъ нихъ не остается ничего, кромѣ имени, и мы тщетно стараемся опредѣлить ихъ мѣсто на нашихъ картахъ.

Но читатель, конечно, найдетъ, что мы подвигаемся ужъ слишкомъ медленно, и мы сами сознаемся въ томъ. Скоро ужъ полночь, а мы добрались только до Дофиновки, первой станціи отъ Одессы. Маленькая остановка очень порадовала нашего фурмана, который съ истинно-отеческою нѣжностью берегъ своихъ лошадей.

По мнѣнію полковника Стемпковскаго, который съ наибольшею точностью занимался изслѣдованіемъ греческихъ колоній между Днѣстромъ и Днѣпромъ,—на этомъ мѣстѣ находился древній Скопелосъ. Здѣсь есть прѣсная вода и протекаетъ рѣчка, Малый Куяльникъ или Аджилынъ (въ настоящее время только лиманъ), а къ сторонѣ моря земля образуетъ возвышенность, которая могла послужить поводомъ къ древнему названію мѣста. Но мнѣніе г. Стемпковскаго основывается на ошибочномъ предположеніи, будто римской мили соотвѣтствуетъ русская верста. Притомъ изъ земли не вырыто (въ теченіе 26 лѣтъ) ничего, что бы подтвердило догадку его. Не будемъ и мы терять времени на копаніе, тѣмъ болѣе, что въ такихъ незначительныхъ мѣстахъ, какимъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ Скопелосъ, случаю чаще нежели

предвидѣнію ученыхъ удается, какъ говоритъ народъ, найти на свое счастье денежекъ.

Пока лошади лакомились овсомъ, я слушалъ довольно оригинальный деревенскій концертъ, который производили двѣ скрипки и кимвалъ; музыканты были польскіе жиды, и это мнѣ объяснило, какимъ образомъ два или три танца ихъ по такту и мелодіи походили на тѣ польки, которыя мы слыхивали на сѣверѣ.

Дорога отъ Дофиновки далѣе сохраняетъ тотъ же характеръ, но онъ выражается тѣмъ болѣе рѣзкими чертами, чѣмъ разстояніе отъ Одессы увеличивается: тамъ, по близости города, человѣческій умъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ противъ однообразія природы. Съ трехъ сторонъ степь, съ четвертой море, кое-гдѣ долины, въ которыхъ рѣки или рѣчки давно уже пересохли, кое-гдѣ обрывъ, нигдѣ ни горы, ни скалы, ни даже порядочнаго камня, нигдѣ ни лѣса, ни рощи, ни даже хоть дерева или куста, за исключеніемъ развѣ посаженныхъ какъ на стражѣ передъ домами болѣе зажиточныхъ людей. Для насъ, жителей гористой Финляндіи, непонятно, какъ у степи могутъ быть также свои поэты, какъ и этотъ „бѣдный край“ можетъ тронуть сердце и воодушевить лиру. Но дѣйствительно и здѣсь поются пѣсни, и здѣсь живетъ поэзія.

Въ 8 верстахъ отъ Дофиновки, по четвертой пересыпи (считая отъ Одессы), проѣхали мы мимо четвертаго лимана, называемаго Большимъ Куяльникомъ; проѣхавъ еще 8 вер., прибыли мы въ деревню Сычевку, которая лежитъ при небольшой, лѣтомъ пересыхающей рѣчкѣ. Не только въ русскихъ городахъ, но и по дорогамъ встрѣчаются такъ называемые „постоялые дворы“ съ меблированными комнатами для проѣзжихъ. Не рѣдко можно получить прислугу, съѣстныхъ припасовъ мало, а постельнаго бѣлья нельзя достать даже и въ самыхъ лучшихъ гостиницахъ. Имѣть съ собою все нужное въ дорогѣ и затруднительно и дорого. Для семейныхъ путешественниковъ это легко: они-то и ввели этотъ порядокъ вещей, возя съ собою запасы съѣстного и другія принадлежности дороги, часто даже постели, кухонную посуду и уголья. Но что навѣрное можно найти вездѣ, даже и въ послѣдней избѣ,—это самоваръ, который несомнѣнно доказываетъ вамъ, что вы въ Россіи.

III.

На слѣдующее утро, не позже какъ часа черезъ два послѣ восхожденія солнца, мы находились уже на развалинахъ древняго Одесса (Ὀδησσός). Правда, Данвиль (d'Anville) и всѣ послѣдователи его полагаютъ, что этотъ городъ находился на мѣстѣ нынѣшняго Очакова; по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ при дворѣ Екатерины II, онъ былъ тамъ,

гдѣ ею основана Одесса; въ самомъ же дѣлѣ чуть-ли не на серединѣ между этими двумя пунктами. Бларамбергъ, сколько я помню, первый высказалъ догадку, что древній Одессъ лежалъ въ 45 верстахъ къ востоку отъ нынѣшней Одессы и въ 2 верстахъ къ югу отъ деревни и почтовой станціи Коблевки или Троицкой [1]). Эта догадка впослѣдствіи принята и другими. Г. Стемпковскій достигъ того же результата сравненіемъ разстояній по исчисленію древнихъ. Г. Мурзакевичъ не только соглашается съ этимъ мнѣніемъ, но изъ двухъ найденныхъ близъ Коблевки въ 1837 и 1839 годахъ греческихъ надписей выводитъ самыя смѣлыя заключенія о благосостояніи и значительности города въ древности [2]).

Подлѣ самаго города протекала рѣка Axiaces; русло ея теперь занимаетъ обширный соленый и рыбистый лиманъ Телигульскій, съ его широкою пересыпью, въ которой отъ 4 до 5 верстъ ширины и которая извѣстна подъ именемъ *плавней*. Въ иные годы покрывающій ее тростникъ вырастаетъ въ сажень вышины и служитъ тогда убѣжищемъ волкамъ (единственному роду хищныхъ звѣрей въ степи), но мы видѣли одинъ голый пустырь, поросшій низкою ползущею зеленью и гдѣ мѣстами являлись небольшія озера, иногда соединявшіяся узенькими протоками съ лиманомъ или моремъ.

Такъ какъ для гавани, которую Арріанъ нашелъ здѣсь еще во времена Плинія, по свойству мѣстности не остается иного пункта кромѣ самой пересыпи, то здѣсь можно, кажется, отчасти рѣшить вопросъ: къ какому именно времени относится происхожденіе этого рода приморскихъ урочищъ? Безъименный плаватель по Черному морю, который явно имѣлъ въ виду исправить и пополнить прежнія показанія, особливо Арріановы, говоритъ объ Одессѣ, но уже вовсе не упоминаетъ о гавани. И такъ уничтоженіе гавани и образованіе пересыпи надобно отнести къ IV-му столѣтію.

Въ Коблевкѣ обратились мы къ управителю, отъ котораго, какъ живущаго здѣсь постоянно, можно было ожидать точныхъ мѣстныхъ свѣдѣній. Самъ онъ былъ въ отлучкѣ, но сынъ его надѣлъ сапоги и отправился съ нами въ поле. Солнце палило немилосердно, а въ душѣ мы сгорали жаромъ любознательности. Да и какой антикварій не воспламенился бы отъ разсказовъ такого краснорѣчиваго проводника о находкахъ, сдѣланныхъ и здѣсь, и тутъ, и тамъ? Онъ бывалъ за границею, можетъ быть даже въ Парижѣ, но, повидимому, кромѣ коллекцій родной деревни, никакія другія не имѣли для него цѣны.

---

[1]) Не Телигульской ли? См. Россійскій почтовый дорожникъ. С.-Петербургъ. 1842. № 1099.

[2]) Вѣроятно эти надписи принадлежали Ольвіи, потому что на нихъ нѣтъ имени города.

Прим. перевод.

Изъ его словъ можно было заключить, что вся Коблевка—музей; что въ каждой кучѣ сору отыскано здѣсь какое-нибудь великое сокровище. На такой классической землѣ все пріобрѣтало для меня высшее значеніе; воображеніемъ переносился я въ другія времена, усердно писалъ подъ диктовку въ мою дорожную тетрадь, набивалъ себѣ карманы обломками камней, отмѣчалъ совѣстливо мѣста, гдѣ они лежали, и терпѣливо несъ весь этотъ грузъ въ знойное утро. Но прогулка была такъ продолжительна, что ревность моя уже начала остывать; я думалъ: нашему молодцу надобно разгуляться, онъ болтаетъ еще въ просонкахъ, мы разбудили его слишкомъ рано. Я выбросилъ самые тяжелые изъ моихъ пріобрѣтеній. Мы продолжали итти; вотъ мѣсто (у столба 2-й версты), гдѣ выкопаны упомянутыя двѣ надписи. Нашъ менторъ считалъ фундаментъ какой-то лачужки памятникомъ древности. Я еще облегчилъ свои карманы. Но краснорѣчіе нашего чичероне шло все выше и выше, вмѣстѣ съ солнцемъ; онъ разсказывалъ намъ о древнихъ могилахъ съ уцѣлѣвшими остовами, о монетахъ, обломкахъ стрѣлъ, глиняныхъ сосудахъ, урнахъ, вазахъ и т. д. Жаль только, что онъ забылъ, кому они достались; мѣсто, гдѣ находились эти драгоцѣнности, уходило отъ насъ, какъ Рифейскія горы, все дальше и дальше, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались. Рѣшено было позавтракать и потомъ воротиться верхомъ или въ экипажѣ.

Подкрѣпивъ свои силы, я нетерпѣливо ожидалъ, когда мы опять пустимся въ путь. „Сейчасъ, сейчасъ, сію минуту!“ Между тѣмъ нашъ ораторъ не зналъ, какъ бы отдѣлаться отъ насъ. Ужъ онъ болѣе не могъ служить намъ проводникомъ, у него дома не было лошадей, въ нашемъ экипажѣ онъ бы только стѣснилъ насъ; но онъ на лоскуткѣ бумаги начертилъ воображаемые курганы; они, по словамъ его, были у самой дороги,— стоило только ѣхать все прямо, и т. д.

Послѣ всего этого легко представить себѣ, какъ охотно я принялъ послѣдній совѣтъ. Въ Коблевкѣ я уже довольно наслышался о древнемъ Одессѣ, хотя, за исключеніемъ развѣ самой мѣстности, не видѣлъ ничего интереснаго въ археологическомъ отношеніи. Но я долженъ замѣтить мимоходомъ, что мы во время прогулки нашей, въ нѣкоторомъ отдаленіи на востокъ отъ церкви села и къ сѣверу отъ предполагаемаго мѣста города, завидѣли курганъ, который, будучи самымъ большимъ въ цѣломъ околоткѣ, привлекъ наше вниманіе. Подойдя къ нему, мы вымѣряли находящееся вблизи почти квадратное земляное укрѣпленіе съ валомъ, вышиною аршина въ два и длиною около 160 футовъ. Трава была здѣсь гуще и свѣжѣе, нежели въ прочихъ мѣстахъ, но преданія молчали. Воображеніе наше разыгралось на свободѣ; изъ всѣхъ возможныхъ догадокъ мнѣ болѣе всего нравилась мысль, что этотъ валъ насыпанъ шведами, во время похода Карла XII. Но объ этомъ послѣ.

*

Нужно ли мнѣ говорить, что намъ такъ же мало, какъ Дарію, посчастливилось достигнуть скиѳскихъ могилъ, къ которымъ мы стремились? Но ежели есть хоть какая-нибудь доля правды въ томъ, что я съ недовѣрчивостью слышалъ, то, надѣюсь, что оно все-таки не будетъ потеряно для науки, такъ какъ молодой графъ Уваровъ совершилъ по этому краю путешествіе съ археологическою цѣлью и, вѣроятно, вскорѣ издастъ о немъ большое сочиненіе.

Мы ѣхали почтовымъ трактомъ, который отъ Телигульскаго лимана идетъ на сѣверо-востокъ и такимъ образомъ все болѣе удаляется отъ морского берега, и прибыли въ *Сасицкую* или *Красный трактиръ*. Это — разстояніе длинное и пустынное; таковы, конечно, сибирскія тундры и степи Аравіи, если только вмѣсто травы и цвѣтовъ предположить мохъ и песокъ. Однако-жъ здѣсь путешественнику есть чѣмъ занять свои мысли, при видѣ множества кургановъ или *могилъ*, которые, какъ острова, разбросаны по ровной и плоской почвѣ. Они созданы не природою, хотя можно спросить, откуда же взята земля для сооруженія ихъ, когда въ окрестностяхъ не видать никакихъ углубленій или ямъ? Къ тому же они существуютъ съ незапамятныхъ временъ. Противно исторіи было бы основываться на имени, приписывать имъ монгольское (Могольское) происхожденіе, хотя Рубруквисъ и другіе современники свидѣтельствуютъ, что курганы имѣли у этого народа важное значеніе. Мы знаемъ, что еще Геродотовы скиѳы видѣли ихъ и присвоивали своимъ предкамъ.

Признаемъ то, что всего вѣроятнѣе: что каждый изъ кочевавшихъ въ степи народовъ участвовалъ въ ихъ сооруженіи и умноженіи, каждый по мѣрѣ своихъ потребностей. Касательно же этихъ потребностей есть два главныя мнѣнія. Одни считаютъ ихъ могильными памятниками, частію потому, что на нихъ находили, въ полусидячемъ положеніи, безобразныя каменныя изваянія, называемыя *бабами*, частію и потому, что въ нѣкоторыхъ курганахъ, по разрытіи ихъ, оказывались старинныя (негреческія) оружія, кости и т. п. Другіе полагаютъ, что они служили для указанія дорогъ въ обширной степи, а также для наблюденія съ этихъ возвышенныхъ мѣстъ, не угрожаетъ ли непріятельское нападеніе.

Мнѣ кажется, что оба эти мнѣнія должны быть соединены въ одно, болѣе общее. Представимъ себѣ степь безъ всякихъ холмовъ и возвышенностей, во всей ея необозримой обширности и наготѣ: въ такомъ случаѣ даже и для самаго грубаго, дикаго народа, не было бы никакой возможности обитать въ степи. Положимъ, что въ лѣтнее время шатры кое-какъ защищали бы его отъ солнечнаго зноя и отъ ненастья, но самые эти шатры не могли бы, безъ особой защиты, выносить тѣхъ частыхъ, грозныхъ вьюгъ или мятелей, о которыхъ поселянинъ не говоритъ безъ крестнаго знаменья и которыхъ яростные набѣги ни-

меняются разрушенными жилищами, трупами людей и животныхъ. Мы строимъ себѣ города и деревни; народы, которыхъ богатствомъ были пастбища и стада, ограждали себя другимъ образомъ. Всякій согласится, что при ихъ кочевомъ бытѣ, самымъ удобнымъ къ тому способомъ были курганы. Это были единственные неподвижные пункты, которые оставались—и по переселеніи орды въ другое мѣсто. Ихъ первымъ назначеніемъ было доставлять защиту и убѣжище во время непогоды. Но съ этимъ могли быть соединены и многія побочныя цѣли. Еще и теперь мы видимъ, что пастухи то отдыхаютъ въ тѣни при подошвѣ этихъ холмовъ, то съ вершины ихъ пересчитываютъ свои стада. Пѣшеходъ и поселянинъ знаютъ ихъ взаимное мѣстоположеніе и по этому направляютъ путь свой; часто виднѣется надъ ними крестъ, показывающій, что и донынѣ еще они служатъ иногда могилами; Минихъ, Потемкинъ и другіе полководцы знали пользу ихъ въ военное время.

Станція Красный трактиръ ничѣмъ не оправдываетъ своего заманчиваго имени. Здѣсь нѣтъ даже порядочной воды для питья. Сѣрая, мутная влага медленно протекающей рѣчки Сасика хоть и не совсѣмъ засохла, но ею поятъ только скотъ. Въ колодцахъ, какъ обыкновенно, мы нашли соленую, жесткую воду, а цистерны были пусты. У насъ въ Финляндіи, обильной ключами, жажда только въ крайности утоляется дождевою водою, а здѣсь это изъ всѣхъ напитковъ самый здоровый и лучшій; особливо хороша эта вода при кипяченьи, и потому превосходна для чая.

IV.

Проѣхавъ въ ужасный зной еще 16 верстъ, мы очутились на мосту надъ рѣчкою Березанью, которая чуть текла подъ нами ручейкомъ сажени на двѣ ширины; въ илистой водѣ ея купались дѣти и телята. Далеко расходящіяся берега ея и вся окрестность показываютъ, однако же, что рѣка эта нѣкогда была гораздо значительнѣе. Отъ того не безъ основанія полагаютъ, что она уже была извѣстна древнимъ подъ именемъ Rhode (у Плинія), если только оно не принадлежало скорѣе Сасику или его лиману, который, огибая оконечность выступающаго клиномъ полуострова, сливается съ лиманомъ Березани (Овидіевъ Sagaris?). Оба эти лимана почти одинаковаго размѣра, имѣя верстъ 12 — 13 въ длину и 3 — 4 версты въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Тѣми же цифрами означается ихъ совокупное теченіе, которое, образуя заливъ Березанскій (Плиніевъ sinus Sagarius?), изливается въ море, а не отдѣляется отъ него пересыпью, какъ всѣ доселѣ названные лиманы.

Объѣхавъ эти воды, мы направились къ юго-востоку въ *Янчокракъ* (27 верстъ отъ Краснаго трактира), помѣстье графа Кушелева-Безбо-

родко, съ тѣнистымъ садомъ на небольшомъ притокѣ Березани. Здѣсь жена управляющаго приняла насъ радушно и угостила кофеемъ, превосходно испеченнымъ теплымъ хлѣбомъ и свѣжимъ сливочнымъ масломъ. Мы съ часокъ роскошничали на старинныхъ диванахъ, въ простыхъ, но просторныхъ и прохладныхъ покояхъ, и потомъ осмотрѣли, какіе здѣсь есть, остатки древности.

Ихъ оказалось не слишкомъ много: нѣсколько монетъ, въ числѣ которыхъ профессоръ Беккеръ нашелъ двѣ очень рѣдкія, бюсты и два мраморные льва. Но эти вещи отрыты не въ Янчокракѣ (хотя разрытый огромный курганъ, который я посѣтилъ, чтобы въ разрѣзѣ разсмотрѣть его устройство — доказываетъ, что и здѣсь народное повѣрье мечтаетъ о кладахъ); эти вещи перевезены сюда изъ Ольвіи. Львы, украшающіе крыльцо управляющаго, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ предметовъ, найденныхъ въ землѣ, хотя до сихъ поръ еще никѣмъ не описаны. Они изъ бѣлаго мрамора, натуральной величины и, за исключеніемъ морды, вполнѣ уцѣлѣли. Оба совершенно сходные между собой, они лежатъ съ приподнятой головой, опущеннымъ хвостомъ и протянутыми впередъ лапами; у каждаго въ боку находится выточенное углубленіе съ діаметромъ въ 4 дюйма, гдѣ укрѣпленъ былъ конецъ соединявшаго ихъ мраморнаго цилиндра (котораго теперь уже нѣтъ). Стиль рѣзца, кажется мнѣ, можетъ быть отнесенъ не далѣе, какъ за два вѣка до Р. Х.; пропорціи невѣрны, и второстепенныя части отдѣланы не тщательно. Кожу образуютъ какія-то іероглифическія фигуры, нѣсколько похожія и на монограммы Ольвійскихъ монетъ и на руническое письмо.

Уже смеркалось, когда мы выѣхали изъ Янчокрака; такъ какъ до Ольвіи еще оставалось верстъ 20—25, то мы взяли съ собой проводника, молодого крестьянина. Любо было смотрѣть, какъ онъ гарцовалъ на своемъ конѣ; онъ сидѣлъ молодецки, какъ отличнѣйшій кавалеристъ, глазъ у него былъ соколиный; какъ „сынъ степи“, онъ былъ вскормленъ на конѣ; онъ родился всадникомъ — казакъ въ полномъ смыслѣ.

Въ *Ольвіи*, т. е. нынѣшнемъ *Ильинскомъ* или *Порутинѣ* [1]), принадлежащемъ также графу Кушелеву-Безбородко, мы провели вечеръ и часть ночи, просматривая небольшую, но отборную коллекцію монетъ и другихъ собранныхъ на мѣстѣ древностей, составленную управляющимъ имѣнія, молодымъ барономъ Р., нашимъ любезнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ.

На слѣдующій день уже рано утромъ въ цѣломъ околоткѣ знали о нашемъ пріѣздѣ; всѣ, кто только промышлялъ открытіемъ древностей

---

[1]) Не слышится ли въ этомъ имени искаженное названіе Борисѳена или Гіпанисѳена, которое Ольвія также носила въ древности.

(мужчины, женщины, дѣти), собрались толпою на дворѣ, предлагая древнія монеты, ручки разбитыхъ сосудовъ (diotae), подъ названіемъ астиномовъ, лампы, слезники, чаши и другія издѣлія, обломки мрамора, иногда съ остатками какой-нибудь надписи и проч. Мы, однако-жъ, до времени устранились отъ этого пестраго базара антиковъ и поспѣшили отправиться къ самымъ развалинамъ, лежащимъ въ верстѣ съ небольшимъ къ югу отъ Порутинской церкви. Пробѣжимъ дорогой исторію города.

Колонія *Ольвія* или *Ольвіополь* (Olbia, Olbiopolis) основана была милезцами въ VII вѣкѣ до Р. Х. и вскорѣ достигла благосостоянія, достойнаго имени ея (Ολβια = счастливая), благодаря торговлѣ, особенно пшеницею, солью и рыбою, которыми тогда, какъ и нынѣ, изобиловала окрестная страна. Уже во время посѣщенія Геродота въ V столѣтіи, „счастливый" городъ при „гостепріимномъ" морѣ имѣлъ предмѣстье, бѣлыя стѣны, крѣпкія ворота, башни, храмы и частные дома, украшенные произведеніями ваянія: здѣсь процвѣтала греческая жизнь въ художественномъ смыслѣ, ибо никакой другой народъ не умѣлъ въ такой степени пользоваться матеріальными богатствами какъ средствами къ высшимъ, благороднѣйшимъ наслажденіямъ. Въ землѣ скиѳской возникъ городъ, сынъ Эллады, который въ металлѣ и мраморѣ облекъ воспоминаніе о себѣ для позднѣйшаго потомства. И онъ былъ не одинъ: съ нимъ счастливо соперничали Пантикапея, Фанагорія, „даръ боговъ Ѳеодосія", Тирасъ и. др. Если Ольвія не достигла рѣшительнаго первенства, то въ этомъ заключалось тѣмъ большее торжество для общей метрополіи, которая все-таки имѣетъ предпочтительное право на наше удивленіе.

Есть ольвійскія монеты изъ золота, электра, серебра и мѣди, въ чеканѣ до 200 различныхъ видоизмѣненій, изображающихъ мѣстные предметы вывоза или касающихся религіи; всякій день находятъ еще новыя то въ развалинахъ города, то въ отдаленныхъ мѣстахъ (даже въ средней Европѣ), чѣмъ доказывается обширность торговыхъ сношеній Ольвіи. О любви къ искусству и эстетическомъ вкусѣ жителей свидѣтельствуютъ статуи, барельефы, надписи въ честь заслуженныхъ согражданъ, архитектурныя украшенія, эпитафіи, вазы, амфоры и другія превосходныя глиняныя издѣлія всѣхъ размѣровъ, золотыя цѣпочки, запястья, серьги, жемчуги, камеи и тому подобныя принадлежности женскаго наряда, какъ въ музеяхъ, такъ и въ частныхъ рукахъ [1]). Въ Ольвіи высоко цѣнили отечественную литературу, но особенно произведенія Гомера и Платона. Еще во дни Дія-Златоуста многіе

[1]) Послѣ Кёлера (рѣшительно занимающаго первое мѣсто въ ученой археологіи южной Россіи), Кеппена, Рауль-Рошетта, Бларамберга и Бёка сдѣлано очень мало для описанія памятниковъ Ольвіи. Поэтому трудъ гр. Уварова пополнитъ важный недостатокъ, особливо, если къ нему будутъ приложены чертежи.

жители знали наизусть пѣвца Ахиллова; готовясь къ битвѣ, они пѣли его стихи, и герой Троянской войны былъ болѣе всѣхъ почитаемъ: ему поклонялись какъ „владыкѣ моря“ (Pontarches), ему посвящали храмы, именемъ его называли острова и селенія. Изъ самыхъ жителей Ольвіи многіе также прославились своими сочиненіями.

Съ свободою Греціи кончился періодъ процвѣтанія колоній: такъ на деревѣ листья сохнутъ и падаютъ, когда повредится стволъ. Не было уже защиты отъ хищности обитавшихъ вокругъ Ольвіи дикихъ народовъ, и когда Дій-Златоустъ жилъ тамъ во время своего изгнанія (въ 94 г. по Р. Х.), то еще съ ужасомъ вспоминали о набѣгѣ, сдѣланномъ гетами за 150 лѣтъ предъ тѣмъ. Во всемъ видны были слѣды тогдашняго опустошенія. Городъ былъ не великъ; стѣны и башни его находились въ жалкомъ положеніи; дома были безобразные и маленькіе, храмы и памятники разрушены. Жители, смѣшанные съ иноплеменниками, приняли полускиѳскую одежду; они стыдились своего испорченнаго языка, и тѣ изъ нихъ, которые болѣе другихъ проникали въ будущность, какъ, напримѣръ, прекрасный, храбрый восемнадцати-лѣтній Каллистратъ, искали возможности переселиться куда-нибудь подальше. Мало-по-малу уже вкрадывалось вліяніе Рима, и не позже какъ черезъ сто лѣтъ туземныя монеты вытѣснены были императорскими.

Подпавъ подъ римское владычество, греческія колоніи при Черномъ морѣ раздѣлили судьбу своего государства, къ которому принадлежали: они сдѣлались легкою добычею неизвѣстныхъ дотолѣ народовъ, которые чрезъ степь тѣснили другъ друга къ западу. Послѣ IV столѣтія имена этихъ колоній встрѣчаются уже чрезвычайно рѣдко, почему обыкновенно и довольствуются принятіемъ общаго мнѣнія, будто окончательное паденіе ихъ относится къ этому времени, тогда какъ болѣе внимательное изслѣдованіе исторіи готовъ и византійцевъ, можетъ быть, привело бы къ совершенно другимъ результатамъ.

Развалины Ольвіи лежатъ при небольшомъ заливѣ, образуемомъ косами Воложской и Сарыколекъ [1]), на возвышенномъ западномъ берегу [2]) Буга, о которомъ древніе часто упоминаютъ подъ именемъ Гипаниса (Hypanis). Слѣды города занимаютъ едва $^1/_2$ квадратной версты, но при этомъ двѣ большія земляныя насыпи, въ которыхъ еще при Бларамбергѣ легко было узнать остатки башенъ (Cathetor и Posios), и площадь Ста могилъ остаются далеко за предѣлами города. Окрестность—гористая; обращенныя къ рѣкѣ долины смѣняются воз-

[1]) За вѣрность этихъ двухъ названій не можемъ ручаться, такъ какъ они въ подлинникѣ написаны только латинскими буквами.

[2]) Укертъ, Кольстеръ и др. говорятъ: на *восточномъ* — непонятная ошибка. Кто бы принялъ это показаніе при изслѣдованіи разстояній по Периплавъ и другимъ источникамъ, тотъ не далеко ушелъ бы.

вышенностями, и можно бы подумать, что дома обрушились вслѣдствіе землетрясенія или одного изъ тѣхъ обваловъ, которые такъ обыкновенны въ южной Россіи, еслибъ только не было извѣстно, что въ самыхъ углубленіяхъ не отрыто ничего значительнаго. Самое большое изъ нихъ называется нынче „Городская балка“, отдѣляя пространство, гдѣ, какъ думаютъ, была крѣпость или акрополь (на сѣверѣ), отъ самаго „города“ (на югѣ), какъ называется въ народѣ мѣсто, гдѣ открыто всего болѣе древностей.

На каждомъ пригоркѣ видны слѣды лопатъ; иной какъ-будто изрытъ кротами, такъ онъ во всѣхъ направленіяхъ исколотъ щупами. Разумѣется, что для пользы науки и систематическихъ изслѣдованій, этотъ родъ земледѣлія запрещенъ владѣльцемъ имѣнія или имѣній; но что̀ дѣлать, если тайная богиня „случая“ непримѣтно передастъ что̀-нибудь бобылю или работнику? Всѣ вещицы, которыя мы послѣ пріобрѣли или осматривали, появились на свѣтъ этимъ невиннымъ образомъ.

Видъ изъ Ольвіи величественный, но пустынный. Взойдемъ на такъ называемый „Большой курганъ“, на которомъ, вѣроятно, стоялъ храмъ Юпитера, мѣсто, куда сходились жители Ольвіи для совѣщаній, гдѣ они слушали и рѣчь Дія, дошедшую до насъ съ другими его сочиненіями; при подошвѣ этого кургана, подъ самою поверхностью земли, найдены львы, осмотрѣнные нами въ Янчокракѣ; — или взойдемъ на Акрополь, лежащій въ немногихъ только шагахъ отъ Большого кургана, ниже по теченію рѣки. Передъ нами лиманъ Буга (уже верстъ въ 10 шириною, хотя до воронкообразнаго устья его остается еще 12—15 верстъ), часто, какъ и въ эту минуту, оживляемый рыбачьими лодками, пароходами, военными кораблями и другими судами, идущими въ Николаевъ или изъ этого города, который отсюда не далѣе какъ въ 30 верстахъ къ сѣверу. На противоположномъ, также крутомъ и какъ-будто только-что обвалившемся берегу рѣки, степь разстилаетъ опять свою зеленую скатерть, въ складкахъ которой кое-гдѣ мелькаетъ то деревня, то сельская церковь; на синѣющемъ юговостокѣ она оканчивается мысомъ Станислава (у древнихъ Hippoleon съ храмомъ Цереры), подъ которымъ сливаются волны Буга и Днѣпра и вмѣстѣ продолжаютъ теченіе съ востока на западъ подъ именемъ Днѣпровскаго лимана. Крестьяне увѣряютъ, что въ совершенно ясное утро виднѣется по другую сторону этого залива длинная и узкая Кинбурнская коса, единственное на значительномъ разстояніи мѣсто, гдѣ растутъ деревья въ дикомъ видѣ и которое у древнихъ поэтому называлось Hylaea (лѣснымъ). Со стороны твердой земли, окрестности Ольвіи, по своей природѣ, раздѣляютъ общій характеръ степи. Сто̀итъ, однако же, упомянуть о безчисленныхъ, еще во времена Дія существовавшихъ здѣсь курганахъ, которые стоятъ рядами одинъ возлѣ другого и сообщили пространству къ юговостоку отъ развалинъ названіе „Сто могилъ“.

Множество колодцевъ, плодоносныя поля, луга и огороды свидѣтельствуютъ, болѣе о трудолюбіи, нежели о превосходствѣ грунта.

Въ заключеніе мы посѣтили и вымѣряли задолго предъ симъ открытыя и очищенныя катакомбы или могильные склепы. Эти памятники составляютъ пріятное явленіе здѣсь, посреди уединенной природы, и жаль было бы уничтожать ихъ. Меня не мало удивило, что они такъ хорошо сохранились, хотя построены (какъ, безъ сомнѣнія, вообще здѣшнія жилища и въ старину и нынѣ) изъ мягкаго известняка, легко уступающаго обыкновенной пилѣ и топору. Но это, конечно, было преимуществомъ въ ихъ подземной архитектурѣ. Замѣчательно устройство крыши: она состоитъ изъ выдающихся уступами одна надъ другой плитъ, которыхъ выказывающійся край обшлифованъ и образуетъ родъ весьма твердаго свода.

Назадъ мы отправились водой, держась берега какъ можно ближе. Мы знали, что искатели монетъ съ большимъ успѣхомъ промываютъ землю, которая изъ „города“ или Акрополиса скатывается въ рѣку. Но, къ сожалѣнію, дулъ юговосточный вѣтеръ и волны съ яростію ударялись о берега. Чтобъ вознаградить себя въ эту неудачу, мы набили себѣ всѣ карманы гончарными издѣліями, которыми здѣсь наполнена земля. Обиліе ихъ заставляетъ предполагать, что здѣсь нѣкогда находилась фабрика, — догадка, которая подкрѣпляется глинистымъ свойствомъ здѣшней почвы (по берегу, къ сѣверу отъ Акрополиса) и нисколько не опровергается тѣмъ, что знаменитыя вазы изъ Эгины и Корциры составляли и въ Ольвіи важную статью привоза.

Какъ я сказалъ, на дворъ того дома, гдѣ мы остановились, нанесено было множество древностей. Особенно живо шелъ мѣновой торгъ монетою, потомъ сбытъ всякихъ ручекъ и другихъ обломковъ и мелочей; всего хуже продавались мраморныя издѣлія, потому что ихъ мы не могли взять съ собой, хотя между ними многое стóило бы того. Замѣчательнѣе всего въ этомъ родѣ былъ еще не описанный четвероугольный пьедесталъ, который я и срисовалъ съ позволенія управляющаго (пьедесталъ хранится у него). Это прекрасный мраморный камень длиною въ 17 вершковъ, шириною въ 13, а вышиною вершковъ въ 9; на верхней сторонѣ его находятся углубленія для ногъ статуи, и на нижней, противъ самаго того мѣста, гдѣ приходятся пятки, двѣ круглыя впадины съ діаметромъ въ 4 дюйма. Лицевая сторона такъ повреждена, что изъ десяти еще остающихся строкъ надписи, впрочемъ весьма явственной, можно прочесть только послѣднія четыре. „Народъ приноситъ свою благодарность Юпитеру хранителю, который содѣйстіемъ одного согражданина даровалъ ему благодѣянія юбѣды [1]). Этого согражданина почтили статуею, подаркомъ 1.000 о-

[1]) Слово „(K)allinikon“ могло быть собственнымъ именемъ.

лотыхъ монетъ и торжественнымъ провозглашеніемъ награды на играхъ Діониса въ театрѣ". Что̀ можетъ быть прекраснѣе такихъ чувствъ? Но отлагая всякіе комментаріи до болѣе удобнаго случая, я прибавлю только, что на дворѣ, гдѣ живетъ староста, лежитъ мраморная доска, видомъ и величиной подобная предыдущей, съ такими же выточенными на изнанкѣ полушаріями, но безъ надписи. Тамъ же вдѣлана въ ограду каменная ваза грубой работы, вышиною около полуаршина.

V.

Теперь переправимся черезъ Бугъ, и, оставивъ древнихъ, скажемъ нѣсколько словъ о дѣлахъ болѣе близкаго къ намъ поколѣнія. Но прежде бросимъ прощальный взглядъ на прекрасный мраморный отрубокъ колонны, къ которой привязана наша лодка, выпивъ стаканъ самой свѣтлой воды въ честь престарѣлаго „отца исторіи", за его вѣрное описаніе „горькаго" Гипаниса — и пусть теперь вѣтеръ, вѣющій надъ его волнами, поетъ въ снастяхъ и парусахъ. Всѣхъ насъ на лодкѣ 13 человѣкъ, но я думаю, никто изъ насъ не суевѣренъ; къ тому же вѣдь мы сейчасъ причалимъ къ „Гетмановой Балкѣ", т. е. къ долинѣ гетмана. Этотъ гетманъ — Мазепа, измѣнникъ своего отечества, другъ Карла XII, героя, разбитаго при Полтавѣ, героя бѣгущаго, если эти два слова идутъ одно къ другому.

Въ отвѣтъ на мое сомнѣніе, вы скажете мнѣ, что и греческій Александръ, который въ невѣрномъ описаніи Курція сдѣлался идеаломъ Карла, что и онъ обратился назадъ, что и въ Индіи есть „Гипанисъ", видѣвшій его отступленіе. А я еще прибавлю: не возвращается ли и солнце въ своемъ круготеченіи, не теряя блеска лучей своихъ? Такимъ образомъ и отступленіе можетъ сдѣлаться побѣдою, геройскимъ подвигомъ; но такъ бѣжать, какъ Карлъ XII бѣжалъ послѣ пораженія подъ Полтавой, и все-таки сохранить во всей чистотѣ славу воина, этого нельзя понять безъ объясненія.

Не думайте, что я только повторяю слова какого-нибудь изъ строгихъ судей несчастнаго короля. Все, что я изъ книгъ могу теперь сообщить о его бѣгствѣ, заключается въ „Voyages" современника Мотрея (Motraye), въ запискахъ тафельдекера Гультмана (Hultman), веденныхъ „во время вседневнаго нахожденія при особѣ покойнаго короля" и имѣющихъ цѣну какъ выраженіе народнаго мнѣнія, и наконецъ въ русской статьѣ о лагерѣ въ Бендерахъ, написанной профессоромъ Бруномъ. Остальное почерпну я изъ источниковъ другого рода: природы и преданій. Но я не скрою, что всякое воспоминаніе казалось бы мнѣ прекраснѣе, еслибъ оно относилось къ бѣгству.

Не надобно также думать, будто я, какъ гость русскихъ, смотрю

на это дѣло ихъ глазами: сами русскіе отзываются о Карлѣ съ похвальнымъ безпристрастіемъ и рѣдко вы услышите недоброе слово о подвигахъ побѣжденнаго героя, хотя и казалось бы, что тѣсно стоять рядомъ двумъ такимъ національнымъ личностямъ, каковы Петръ I и Карлъ XII.

Даже простой народъ знаетъ про побѣду царя, какъ самое блистательное событіе отечественной исторіи въ давнее время, но знаетъ и много изумительныхъ сказаній о пораженномъ королѣ. Вслушиваясь въ мѣстныя преданія, я нашелъ, что народному чутью такъ же мало, какъ и пытливости ученыхъ, удалось рѣшить въ пользу Карла вопросъ: какая побудительная причина, какая необходимость могла заставить его, въ продолженіе пяти тягостныхъ для Швеціи годовъ, медлить вдали отъ своего государства, отъ своей родины, отъ храбраго народа своего, оставаясь въ Турціи, куда онъ спасся бѣгствомъ?

Рѣшительная битва была проиграна и шведы положили искать убѣжища въ предѣлахъ Порты. Сопровождаемый 1.800 человѣкъ, сверхъ Мазепы и его приверженцевъ, Карлъ переправился черезъ Днѣпръ (при Переволочнѣ), спѣша на югъ. Здѣсь начался самый пустынный край, и бѣгущій король назвалъ его „Сарацынскою степью“. Рана не позволяла Карлу ѣхать верхомъ; онъ сидѣлъ въ простой телѣжкѣ съ генераломъ Гордомъ (Hord), также раненымъ. Прочіе по большей части шли пѣшкомъ, за неимѣніемъ лошадей. Кто не видѣлъ степи, не можетъ вполнѣ представить себѣ, какія трудности сопряжены были съ этимъ отступленіемъ. Землю палило лѣтнее солнце, всѣ колодцы повысохли, съѣстныхъ припасовъ не хватало. Многіе солдаты и офицеры погибли отъ изнуренія. Русскіе слѣдовали по пятамъ. Спасеніе короля приписываютъ только тому, что казаки хорошо знали мѣстность, и случайному обстоятельству, что слѣды телѣжки заблудившагося шведскаго комиссара, наконецъ, обманули русскаго генерала. Но и тогда еще какъ это спасеніе было сомнительно!

5 іюля шведы, послѣ шестидневнаго пути, достигли восточнаго берега Буга, въ томъ самомъ мѣстѣ (принадлежащемъ къ селу Свято-Троицкому), гдѣ мы теперь находимся. Лодокъ не было—они не могли переправиться. Поэтому они сдѣлали земляной окопъ нѣсколько къ югу отъ „Русской Косы“—такъ называется мысъ, всѣхъ далѣе выдающійся въ Бугѣ: слѣды этого окопа еще видны на тучномъ пшеничномъ полѣ. Здѣсь найдены шведскія и польскія монеты, доставленныя одному собирателю въ Одессѣ. Для такихъ находокъ роютъ землю, когда она размягчена дождемъ. Мѣсто это открытое, и видъ отсюда такой же, какъ изъ Ольвіи, лежащей напротивъ, только немного южнѣе. Берег образуетъ стремнину.

Мазепа съ запорожцами сталъ лагеремъ съ полверсты ниже по теченію рѣки, гдѣ напоминаютъ о немъ упомянутая долина (Гетманова Балка) и огромный курганъ въ ея углубленіи. Народъ разсказ

ваетъ, что подъ этимъ холмомъ его могила; но это несправедливо: онъ умеръ и похороненъ въ Бендерахъ [1]).

Между тѣмъ нѣкоторые бродившіе по степи татары видѣли шведовъ, и донесли о томъ пашѣ въ ближайшемъ турецкомъ городѣ, Очаковѣ. Поэтому послы Карла, Понятовскій и Клинковстремъ, не успѣли еще доѣхать туда, какъ ихъ встрѣтилъ ага съ привѣтствіями отъ имени паши и съ провіантомъ. Но онъ не соглашался позволить свитѣ короля перейти границу, пока не получится на то разрѣшеніе султана, и сдѣлалъ весьма неохотно нужныя къ пропуску ихъ распоряженія,—задержка, которая и для шведовъ и для него самого имѣла тяжкія послѣдствія. По повелѣнію султана, онъ былъ наказанъ заключеніемъ въ темницу и выпущенъ только по ходатайству Карла. Но шведы съ трудомъ избѣгли погибели.

Не прежде какъ 8 числа янычары въ большой турецкой лодкѣ перевезли короля на другой берегъ. Вслѣдъ за нимъ переправились епископъ Мальмбергъ съ 7 пасторами и Мазепа со своими казаками. Только спустя нѣсколько минутъ послѣ этого показалась русская погоня. Между оставшимися по сю сторону рѣки распространились ужасъ и безпорядокъ. 300 шведовъ были затоптаны въ Бугъ и потонули, 500 человѣкъ были взяты въ плѣнъ и уведены назадъ въ Полтаву.

Печальна была переправа шведовъ черезъ Бугъ въ „Татарскую степь“ (гдѣ скоро мы съ ними опять сойдемся); теперь едва не случилось бѣды съ нами. Но надобно умѣть отличать опасность отъ дѣйствительнаго несчастія. Поэтому, хоть небо и покрывается тучами, мы можемъ спокойно пообѣдать у милой и веселой госпожи А. У ней богатый запасъ историческихъ воспоминаній о старомъ и новомъ времени, и она не откажетъ подѣлиться ими съ путешественникомъ, который дорожитъ такими свѣдѣніями. Узнавъ о нашей любознательности, предупредительная хозяйка позаботилась, чтобы самое угощеніе ея было, по возможности, поучительнымъ. Осетръ, стерлядь, кефалъ, судакъ и другіе большіе и малые представители влажнаго царства, служили для насъ самыми вѣрными оригиналами эмблемъ, всего чаще встрѣчаемыхъ на монетахъ Ольвіи и другихъ черноморскихъ городовъ. Они намекали намъ также на старинный, и по нынѣ еще обильный источникъ продовольствія въ здѣшнемъ краю. Не далѣе какъ за нѣсколько недѣль тому назадъ, въ Бугѣ наловлено было столько рыбы, что съ одной тони получено ее на 90 возовъ, которые хозяйка и отправила въ Одессу на базаръ: „90 chariots! que dites-vous, de grace? est-ce possible, madame?“ — „Quatre vingt-dix! je vous assure, chacun traîné par une paire de boeufs, et pourtant quantité de poissons s'étaient échappés par un trou du filet“. Послѣ того становится понятнымъ,

[1]) По другому извѣстію, онъ умеръ въ Очаковѣ и погребенъ въ Яссахъ.

какъ Кёлеръ, сколько ни былъ онъ ученъ, могъ написать цѣлую книгу объ исторіи рыбной ловли въ Черномъ морѣ и рѣкахъ, въ него впадающихъ. О, еслибъ всѣ древности могли жить и размножаться такимъ же образомъ!

VI.

Въ Свято-Троицкомъ достигли мы самаго восточнаго пункта нашей поѣздки и намѣревались — не считая нѣкоторыхъ небольшихъ уклоненій въ сторону — возвратиться въ Одессу кратчайшимъ путемъ, т. е. чрезъ Очаковъ. Когда мы вторично переправлялись черезъ Бугъ, между пассажирами обнаружилось какое-то безпокойство, смущеніе, которое нашъ колонистъ лучше всѣхъ умѣлъ бы назвать, еслибъ онъ былъ съ нами. Я съ досадою замѣтилъ, что во время нашего отсутствія гребцы перевезли нашу лодку на полторы версты ниже. Они увѣряли, что отъ „Русской Косы“ и разстояніе менѣе и теченье сильнѣе. Но они не сообразили, что, если вѣтеръ хоть сколько-нибудь усилится, то труднѣе будетъ бороться съ волнами, тогда какъ отъ мѣста, гдѣ мы пристали, можно было какъ разъ переплыть на другой берегъ. Я хотѣлъ сдѣлать опытъ и, объяснивъ имъ дѣло, просилъ, чтобъ мнѣ дали сѣсть у руля. Но такъ называемый штурманъ отвѣчалъ очень простодушно, что, конечно, я буду править такъ же плохо, какъ говорю (т. е. по русски). Итакъ я остался на прежнемъ мѣстѣ; вскорѣ опасность еще увеличилась.

На картѣ виденъ мысъ надъ самою Ольвіей, немного къ сѣверу, наискосокъ отъ „Русской Косы“ или Свято-Троицкаго. Мы стремимся къ его оконечности; волны страшно качаютъ нашу утлую, ветхую лодку, будто гороховый стручокъ; весла у насъ — какія-то палки съ привязанными на концѣ дощечками, и потому служатъ очень плохо: съ бакборда они едва достигаютъ воды, а на противоположной сторонѣ изломалось нѣсколько паръ. Штурманъ шумѣлъ и кричалъ, а взапуски съ нимъ кричали и шумѣли всѣ лодочники. Безъ всякой надобности поднялся такой гвалтъ, какого я никогда не слыхивалъ и на морѣ. Когда мы достигли болѣе мелкаго мѣста, моряки наши прибѣгли къ помощи двухъ багровъ — дѣтская попытка! Нѣсколько часовъ мы бились около рокового мыса, который какъ драконъ извергалъ на насъ буруны; пристать было невозможно. Наконецъ рѣшено плыть по вѣтру въ заливъ, который далеко вдавался въ берегъ; однакожъ гребцы не посмѣли поворотить лодку и мы должны были плыть задомъ, и за могли причалить. По этому примѣру можно судить, какъ плохо знак ы со своею стихіею рыбаки въ рѣкахъ южной Россіи. Посадите же ъ на лошадь, и вы не налюбуетесь ихъ ловкостью и проворствомъ ъ безбрежной степи.

За эту переправу наши гребцы взяли съ насъ дорого, да и въ самомъ дѣлѣ, имъ было много труда. Но всего непріятнѣе было то, что мы потеряли много времени. Намъ оставалось еще версты двѣ до Порутинскаго дома, а когда мы дошли туда, было ужъ поздно и намъ пришлось отложить до другого дня поѣздку въ *Чортову балку*. Мнѣ хотѣлось побывать въ этомъ мѣстѣ (въ 5 верстахъ къ сѣверу отъ Порутина), гдѣ Палласъ видѣлъ остатки стариннаго укрѣпленія. Не смотря на ночное время, страшное названіе не могло бы испугать насъ, потому что поводомъ къ происхожденію его послужило самое невинное обстоятельство: въ этомъ мѣстѣ находимы были монеты съ изображеніемъ рогатой головы Пана, которую суевѣріе народное объяснило по-своему.

Въ наше отсутствіе одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ присылалъ звать насъ къ себѣ, предлагая взглянуть на нѣкоторыя древнія надписи въ его имѣніи. Вотъ еще доказательство, что и въ степи живетъ гостепріимство. Между тѣмъ мы при лунномъ свѣтѣ бродили по Порутину, отыскивая копателей, которые сами не догадались явиться. Профессоръ Беккеръ купилъ у нихъ нѣсколько цѣнныхъ монетъ.

Сколько я ни разспрашивалъ, мнѣ не удалось услышать здѣсь никакого преданія о Карлѣ. Я желалъ узнать, гдѣ онъ приставалъ на этомъ берегу, гдѣ разбилъ палатку, въ которой принималъ пашу, поспѣшившаго лично представиться высокому гостю и предложить ему лучшій домъ въ Очаковѣ; гдѣ стоялъ Гюлленшерна, когда онъ передавалъ отказъ своего короля и съ укоризной указывалъ на противоположный берегъ, гдѣ русскій генералъ еще продолжалъ истребленіе шведовъ. Какъ-бы хотѣлось мнѣ включить Ольвію въ исторію сѣвера! Никакой отголосокъ преданія не даетъ мнѣ на то права, и однакожъ для того, кто видѣлъ мѣстность, такъ вѣроятно, что шведы переправились либо къ самымъ развалинамъ, либо очень близко отъ нихъ. Не найдется ли о томъ намека у какого-нибудь изъ спутниковъ короля, или его тафельдекера, если внимательно пересмотрѣть ихъ бумаги! Въ дневникѣ послѣдняго сказано только, что „Его величество 10 іюля приказалъ выступить отъ рѣки Великаго Буга и Очакова и итти въ Татарскую степь“—замѣтка, которая сама по себѣ уже требуетъ поясненія. Подъ Очаковомъ Гультманъ, конечно, разумѣлъ не городъ (который лежитъ въ 30 верстахъ слишкомъ на западъ отъ Буга), а восточный край области его; названіе „Татарская степь“ онъ также употребилъ преждевременно, такъ какъ эта степь, повидимому, начиналась только тамъ, гдѣ, по ту сторону Березани, прекращалось Турецко-Очаковское намѣстничество. Но отъ несчастнаго, который бѣжитъ съ поля битвы, нельзя требовать такой точности, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ одну степь, и даже ученымъ, которые могутъ трудиться въ

покоѣ, еще не удалось явственно провести черту, отдѣлявшую турецкія земли отъ владѣній татаръ, подвластныхъ имъ только по имени. Изъ сказаннаго видно однакоже, что когда шведы, оставивъ мѣсто, гдѣ былъ ихъ лагерь, достигли противоположнаго берега, то они здѣсь дня два опять отдыхали и потомъ уже пустились далѣе. Мы вскорѣ вновь отыщемъ слѣды ихъ и уже въ дружественномъ для нихъ краѣ.

Пріятно было, при утренней прохладѣ, ѣхать въ Николаевку—такъ называлось имѣніе, откуда мы получили приглашеніе,—и столько же пріятно провели мы тамъ время. Съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ я вдругъ въ столовой на стѣнѣ Альденховенову прекрасную карту новой Греціи, чего никакъ не могъ ожидать, не зная, что семейство, у котораго мы были въ гостяхъ, было родомъ изъ этой страны. Между народонаселеніемъ южной Россіи много грековъ; одни поселились тамъ уже съ давнихъ лѣтъ, другіе въ новѣйшее время, и я возвращусь къ нимъ въ другой разъ. Теперь поговоримъ опять о ихъ предкахъ.

Упомянутыя надписи были на мраморѣ и лежали на дворѣ. Не безъ досады узнали мы, что онѣ уже помѣщены въ Бёковомъ (Boeckh) Corpus Inscriptionum подъ №№ 2067 и 293: мы надѣялись было найти что-нибудь совершенно новое. Ужъ эти мнѣ ученые: обо всемъ надо имъ посудить! Берлинскій профессоръ берется писать о двухъ каменныхъ обломкахъ „in deserto Oczacoviano“. Сюда перевезли ихъ конечно изъ Ольвіи турецкіе любители мрамора, для украшенія своихъ бакчей. Но если мы въ этомъ отношеніи и обманулись, все-таки я могъ оставить Ольвію съ однимъ новымъ взглядомъ.

Подъ этимъ я не то разумѣю, что любуясь со стороны моря видомъ, которому такъ много жизни придаютъ суда, плавающія между Херсонью, Николаевомъ, Одессою и другими гаванями, я могъ собственными глазами увѣриться въ истинѣ показанія древнихъ о лежащемъ напротивъ *мысомъ* мысѣ „Hylaeâ: онъ тянется съ запада на востокъ отъ самой Кинбурнской крѣпости, которая вдали виднѣется сѣрою точкой. Объ этомъ я еще прежде читалъ и теперь слышалъ въ Ольвіи. Но у меня родилась мысль, которую я и отдаю на судъ вамъ.

Извѣстно, въ какое затрудненіе древніе географы поставили новѣйшихъ своихъ братьевъ нѣкоторымъ противорѣчіемъ касательно двухъ главныхъ рѣкъ здѣшняго края: Буга (Hypanis) и Днѣпра (Borysthenes), помѣщая первую то на востокъ, то на западъ отъ послѣдней. Это показалось столь страннымъ извѣстному русскому археологу, г. Надеждину, что онъ, для приведенія дѣла въ ясность, принялъ такое предположеніе: подъ Гипанисомъ должно разумѣть не Бугъ, а Телигулъ, а подъ Борисѳеномъ—не Днѣпръ, а Березань и Бугъ. Если какой-нибудь

древній авторъ, какъ напримѣръ, Скимнъ или Дій, слишкомъ упорно противится такому перемѣщенію, то имъ не надобно вѣрить, потому что первый — поэтъ, а второй — риторъ. При этомъ совершенно упущено изъ виду, что для рѣшенія вопроса недовольно перенести предметъ его нѣсколькими верстами далѣе къ западу. Но дѣло поясняется очень просто, если только согласно съ дѣйствительнымъ мѣстоположеніемъ отвѣчать на вопросъ: которая изъ обѣихъ рѣкъ находится болѣе на востокъ? Если смотрѣть на устья, то конечно Бугъ; но если имѣть въ виду самое теченіе обѣихъ рѣкъ, то столь же несомнѣнно — Днѣпръ. Итакъ, въ сущности, нѣтъ никакого противорѣчія въ показаніяхъ древнихъ: надобно только умѣть понимать ихъ.

Въ древности утверждали, что подъ мысомъ Hyppolai, который мы вдалекѣ видѣли изъ Ольвіи, обѣ рѣки впадаютъ въ одно „мелкое озеро“, какъ говоритъ Геродотъ. Но другіе считали это озеро продолженіемъ Борисѳена, какъ главной рѣки, которая такимъ образомъ изливалась въ море не прежде, какъ подъ крѣпостью Алектора. Совершенно то же самое видимъ мы на нынѣшнихъ морскихъ картахъ, на которыхъ широкій Днѣпровскій Лиманъ съ западной стороны прекращается между Очаковомъ и оконечностью Кинбурна.

Въ Николаевкѣ, такъ же какъ и въ Ольвіи, ничего не могли мнѣ сказать о шведахъ, хотя, вѣроятно, они проходили здѣсь или, по крайней мѣрѣ, въ близкомъ отсюда разстояніи. Кто читалъ, какое вниманіе они вездѣ обращали на себя,—какъ турки и татары, привлекаемые любопытствомъ или корыстью, сбѣгались толпами, чтобы увидѣть бѣгущихъ или продать имъ провіантъ, тотъ не можетъ не удивляться такому безмолвію преданій. Но оно становится понятнымъ, когда сообразимъ, что для историческихъ воспоминаній нужна мѣстность, хоть въ какомъ-нибудь отношеніи замѣчательная; что, напротивъ, мѣста, гдѣ проходили шведы, были повсюду однообразны, дики и въ частности не отличались даже особенными названіями и что наконецъ впослѣдствіи все прежнее населеніе ихъ удалилось, уступивъ мѣсто другому. Только этимъ объясняется замѣченное нами забвеніе, ибо извѣстно, что Карлъ, отказавшись отъ приглашенія паши въ Очаковъ, остался болѣе недѣли вблизи города. Кромѣ означеннаго уже лагеря на западномъ берегу Буга, упоминается еще объ одномъ далѣе „въ степи“ и о третьемъ, на разстояніи одного только часа отъ Очакова.

Къ мѣсту второго лагеря, слѣдовъ котораго я искалъ въ Николаевкѣ, шведы прибыли 10 іюля вечеромъ. Король пробылъ здѣсь нѣсколько дней и велѣлъ написать отсюда латинское письмо къ султану; увѣдомляя его о своемъ несчастіи при Полтавѣ и вступленіи въ предѣлы Оттоманской Порты, онъ просилъ убѣжища для себя и всѣхъ бывшихъ при немъ, а также предлагалъ союзъ между Швеціею, Польшею и Турціею противъ Россіи. Таково содержаніе напечатаннаго у

Мотря письма, но въ немъ Карлъ не жалуется на поведеніе паши, какъ думали, кажется, сопровождавшіе его шведы. Ко всему этому преданіе не прибавляетъ ровно ничего. Но дайте памяти народной точку опоры въ какомъ-нибудь явственномъ урочищѣ или созданіи человѣка, и воспоминаніе будетъ жить на перекоръ послѣдующимъ событіямъ. Вотъ тому доказательство.

Когда король 13 числа отправился далѣе, его на пути встрѣтили послы отъ самого султана. Бывшій съ Карломъ при Полтавскомъ дѣлѣ ага тотчасъ послѣ сраженія поспѣшилъ въ Константинополь. Въ одно время съ нимъ явился тамъ русскій гонецъ, съ извѣстіемъ, что шведскій король либо убитъ, либо взятъ въ плѣнъ. Но Ахмедъ, повидимому, не терялъ надежды, и она вскорѣ оправдалась какъ эстафетомъ отъ Очаковскаго паши, такъ и письмомъ отъ короля, которое привезъ Нигебауеръ. Поэтому послы султановы ѣхали съ порученіемъ просить Карла въ турецкія владѣнія и поднести ему, сверхъ другихъ подарковъ, великолѣпную палатку.

Мы знали, что о послѣднемъ подаркѣ въ народѣ сохранилась память. Когда, года два тому назадъ, профессоръ Брунъ, приготовляя означенную статью, собиралъ свѣдѣнія о такъ называемомъ въ восточныхъ извѣстіяхъ „Кантемировомъ мѣстѣ“, гдѣ былъ лагерь Карла, то оказалось, что названіе это было уже забыто, но на предполагавшемся разстояніи, т. е. верстахъ въ 5 отъ Очакова, народъ помнилъ *царскую палатку*. Не вѣроятно ли въ высшей степени, что это то самое мѣсто, гдѣ Карлъ велѣлъ разбить палатку, полученную въ даръ отъ султана?

Невдалекѣ отъ этого мѣста мы остановились, чтобы разспросить о немъ въ первой деревнѣ (Кугуругъ). Но жители не могли ничего сказать, и мы рѣшились поискать его сами. Мы нашли четыре низенькіе земляные вала, которые образуютъ почти квадратъ въ 80 шаговъ, съ отверстіемъ или входомъ въ серединѣ каждой стороны. Мѣстами земля раскопана: видно, что тутъ въ позднѣйшее время доискивались остатковъ старины. Можно предполагать, что въ этомъ четвероугольникѣ находилась „Царская палатка“, когда шведы 13—15 іюля въ послѣдній разъ стояли лагеремъ близъ Очакова. Разстояніе приблизительно соотвѣтствуетъ приведенному. Годной для питья воды здѣсь нѣтъ и теперь, такъ какъ Днѣпровскій лиманъ недалеко отсюда сливается съ моремъ. Наконецъ, догадка эта не опровергается и тѣмъ, что Карлъ держался поодаль отъ проѣзжей дороги: еслибъ этого названія и заслуживалъ поселокъ, который насъ привелъ сюда, и еслибъ онъ уже существовалъ въ турецкое время, во всякомъ случаѣ мѣсто лагеря приходилось бы на растояніи $^1/_6$ версты отъ этой дороги.

Итакъ, вотъ гдѣ шведы вторично испытали недоброжелательство паши. Когда король велѣлъ перевезти въ Очаковъ больныхъ, которыхъ

число съ каждымъ днемъ увеличивалось, то турецкій сановникъ не отказалъ въ томъ, но принялъ несчастныхъ такъ дурно, что они сами возвратились, какъ могли, къ своимъ соотечественникамъ. По увѣренію шведовъ, это-то и побудило Карла приказать: 15 числа пуститься снова въ путь и на двадцать верстъ подняться опять въ степь. Мотрей, напротивъ, разсказываетъ, что паша снабдилъ короля проводниками, лошадьми, повозками и всѣмъ нужнымъ на остальныя 200—300 верстъ до Паланки, мѣстечка при Днѣстрѣ, гдѣ Бендерскій сераскиръ такимъ же образомъ позаботился о ихъ дальнѣйшемъ походѣ.

Но сомнѣнія наши насчетъ отысканнаго мѣста съ каждымъ шагомъ увеличивались. Тотчасъ послѣ описанныхъ валовъ начинаются въ безчисленномъ множествѣ другіе, продолжающіеся до самыхъ воротъ Очакова. Правда, что они, судя по виду, возникли бо́льшею частью позднѣе и насыпаны русскими при осадѣ Очакова. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти валы сбивали насъ съ толку, и слово, котораго мы искали, оставалось для насъ неразгаданнымъ.

VII.

О нынѣшнемъ Очаковѣ нечего распространяться, но тѣмъ болѣе можно бы разсказать о кровавыхъ его воспоминаніяхъ. Основанный въ XV столѣтіи крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, Очу-Кале или Джіанкрименда имѣлъ въ XVII вѣкѣ, когда Боплант посѣтилъ этотъ край, не болѣе 2000 жителей, но былъ сильно укрѣпленъ и, вмѣстѣ съ лежавшимъ противъ него Кинбурномъ, загораждалъ входъ въ Днѣпръ, гдѣ обыкновенно стояли турецкія галеры. Въ концѣ сказаннаго столѣтія городъ этотъ былъ сожженъ и разграбленъ тѣмъ самымъ Мазепою, который впослѣдствіи сдѣлался другомъ Карла XII и вмѣстѣ съ нимъ гостепріимно принятъ былъ въ Турціи. При Мотреѣ, который не разъ бывалъ въ Очаковѣ, крѣпость и стѣны его были въ хорошемъ положеніи. Въ 1737 году онъ въ первый разъ былъ взятъ русскими, а черезъ 51 годъ Потемкинъ, послѣ шестимѣсячной осады, одержалъ тутъ знаменитую побѣду, которая, вмѣстѣ съ торжествомъ Суворова при Измаилѣ, рѣшила судьбу всего этого края.

Не зная этого, трудно угадать посѣтителю Очакова, какъ нѣкогда важенъ и замѣчателенъ былъ этотъ городъ. Лѣтописи Одессы, которая съ самаго начала своего существованія возвысилась торговлею, рѣшатъ вопросъ, почему Очаковъ уже не могъ болѣе поправиться. Небольшое (первоначально турецкое) укрѣпленіе полощетъ свою подошву частью въ Днѣпрѣ, частью въ Черномъ морѣ и смотритъ очень значительно. Но самый городъ, построенный выше, состоитъ изъ низенькихъ выбѣленныхъ домиковъ съ соломенными крышами, разбросан-

ныхъ гдѣ и какъ попало. Новыя развалины можно видѣть на каждомъ шагу, но отъ старинныхъ и древнихъ не осталось и слѣда.

Мы пробыли въ Очаковѣ часа два, но никакъ не могли согласиться въ цѣнѣ за нѣкоторыя ольвійскія и шведскія монеты, которыя продавались вмѣстѣ съ турецкими гирями,—точно такъ же, какъ фуражъ нашъ не могъ сторговать ведра воды, которымъ онъ хотѣлъ освѣжить своихъ лошадей. Что касается до древностей, то мы не нашли ничего замѣчательнаго, кромѣ поврежденной турецкой надписи на мраморѣ и четырехугольнаго пьедестала изъ того же камня: надпись была у лѣстницы, а пьедесталъ у воротъ станціи; мраморъ былъ синеватый, въ родѣ того, что́ привозится изъ Мальты. Но о грекахъ ни малѣйшаго воспоминанія,—обстоятельство, которое само по себѣ уже, еслибъ и не было никакихъ другихъ доказательствъ, могло бы опровергнуть нелѣпое мнѣніе прежнихъ археологовъ, будто Очаковъ стоитъ на мѣстѣ древней Ольвіи. Правда, что во времена Дія-Златоуста здѣсь было селеніе, но только не греческое, а сарматское, именно *хвалость Алектора*.

Изъ Очакова почтовая дорога идетъ на сѣверъ къ Янчокраку, гдѣ мы уже были, ѣхавъ изъ Одессы. По этому направленію пошли шведы, выступивъ изъ послѣдняго лагеря при Очаковѣ, чтобы обойти лиманъ Березани, можетъ быть, по тому самому мосту, по которому и мы проѣхали прежде. Теперь, напротивъ, мы взяли путь по узенькой полосѣ земли, которая, имѣя въ длину верстъ 5 или 6, вдается въ устье рѣки. Влѣво у насъ было открытое море, вправо послѣдній притокъ Березани, скромный Пекумъ, которому, какъ и большей части степныхъ рѣкъ, приходится, не смотря на большое устье его, почти круглый годъ мучиться жаждою или развѣ только смачивать губы. Въ его долинѣ столпилось нѣсколько дачъ, и окружающая ихъ зелень придаетъ много живости виду.

Какъ я уже сказалъ, Березань не имѣетъ пересыпи; мѣсто того устье ея охраняется двумя длинными косами, которыя какъ клыки идутъ, сближаясь, отъ обѣихъ челюстей рѣки. Еще Бопланъ, около половины XVII вѣка, замѣтилъ, что Березанскій лиманъ, по своему узкому, но довольно глубокому устью и по высокимъ берегамъ своимъ, могъ бы служить удобною гаванью для галеръ и другихъ мелкихъ судовъ. Но, какъ извѣстно, на Черномъ морѣ всего только два острова, хотя Идриси и другіе арабскіе географы и насчитываютъ ихъ до семи. Оба эти острова представляютъ характеръ голой степной природы и заключаютъ въ себѣ каждый менѣе одной квадратной версты. До одного изъ нихъ нѣтъ и двухъ верстъ разстоянія отъ берега; онъ лежитъ противъ самаго устья Березани, съ которою носитъ одно имя, и вы легко можете вообразить, какъ жадно я глядѣлъ издали на эту недоступную рѣдкость: двѣ версты—какая малость сухимъ путемъ но

на морѣ, а особливо на этомъ морѣ, надобно заблаговременно приготовить средства къ такому путешествію. Я чрезвычайно жалѣлъ, что обстоятельства не позволили намъ осмотрѣть и изслѣдовать этотъ предметъ спора между археологами, тѣмъ болѣе, что и наше маленькое общество не могло согласиться въ мнѣніяхъ насчетъ загадочнаго острова.

Мы переправились благополучно, хотя не безъ опасности, на другой берегъ рѣки, при вздохахъ и благословеніяхъ нашего испуганнаго фурмана. Рулемъ на лодкѣ управлялъ еврей и былъ очень искусенъ въ своемъ дѣлѣ. Чѣмъ только не занимаются здѣсь дѣти Израиля? По ту сторону Березани проѣхали мы справа деревню *Аджіанъ*,— татарское имя, ясно напоминающее народъ Axiacae и рѣку Axiaces, которымъ древніе назначили мѣсто не далеко оттуда. Потомъ степь почти необитаема до Телигула; не видно ни одного обработаннаго клочка земли, только по морскому берегу встрѣчаются, на равномъ разстояніи одни отъ другихъ, маленькіе домики для карантинной и таможенной стражи, которая наблюдаетъ, чтобы не приставали суда съ чумой или контрабандой. Подъ ея же надзоромъ состоятъ рыбаки съ ихъ лодками, которые иначе могли бы поддерживать торгъ контрабандою. Такъ называемый кордонъ тянется вдоль всего Черноморскаго берега до города Рени при впаденіи Прута въ Дунай, или до турецко-австрійской границы.

Въ этотъ разъ мы проѣхали по Телигульской пересыпи вдоль самаго моря, тогда какъ въ первый проѣздъ держались ближе къ лиману. Телигулъ есть одно изъ немногихъ мѣстъ, поименованныхъ въ маршрутѣ шведовъ на Бендеры, почему я, при описаніи нашей археологической прогулки въ Коблевку, и выразилъ предположеніе, что тамошніе валы, можетъ быть, насыпаны ими. Теперь я увѣрился въ этомъ еще болѣе; видя изъ указанія пройденныхъ шведами разстояній, что они около того мѣста дѣйствительно имѣли привалъ 16 іюля. Можетъ быть, валы окружали просторную, богатую палатку короля, ибо извѣстно, что Карлъ, гдѣ бы онъ ни находился, любилъ ограждать себя какимъ-нибудь укрѣпленіемъ, и что онъ обыкновенно посылалъ людей впередъ для устройства лагеря. Огороженное пространство здѣсь почти того же размѣра, какъ то, которое, по нашему предположенію, „Царская Палатка“ занимала близъ Очакова. Правда, валы здѣсь повыше, но зато ихъ никто не раскапывалъ; сверхъ того у нихъ нѣтъ отверстій по-срединѣ, а есть только (если не ошибаюсь) входъ въ одномъ углу; но и то и другое могло быть сдѣлано изъ осторожности: эти края и все пространство отъ Очакова почти до Бендеръ не только во время шведскаго похода и Мотреи, но еще въ исходѣ прошлаго столѣтія представляли совершенную глушь,—обстоятельство, которымъ также объясняется, почему нѣтъ никакихъ преданій объ этомъ единственномъ въ степи памятникѣ.

Шведы перешли Телигулъ 17 іюля, и разсказываютъ, что на мѣстѣ перехода „озеро“ было очень мелко, усѣяно островами и наполнено камышемъ, и что рѣка того же имени, „протекающая чрезъ озеро“, ниже его тотчасъ впадаетъ въ море. Въ этомъ описаніи, какъ мнѣ кажется, легко узнать лиманъ и пересыпь или такъ называемые плавни. Но еслибъ кто-либо нашелъ, что этимъ опровергается мое замѣчаніе о существованіи пересыпи еще въ IV вѣкѣ, то я привелъ бы извѣстное обстоятельство, что еще и въ наше время вода прорывается иногда чрезъ пересыпи, что́ вѣроятно случилось и на этомъ мѣстѣ въ 1709 г. По крайней мѣрѣ, писавшій гораздо ранѣе́ Бопланъ говоритъ положительно, что Телигулъ тогда уже не имѣлъ устья, отдѣляясь отъ моря „естественной плотиной“.

Здѣсь я до времени разстанусь съ бѣгущими шведами. Хотя они далѣе шли по берегу Чернаго моря, однакожъ не упомянуто, заходили ли они въ мѣсторожденіе столь цвѣтущей нынѣ Одессы. Мы теперь не ѣдемъ, а летимъ туда, отпустивъ въ Сычевкѣ нашего фурмена съ его тройкой, такъ какъ живущій по близости помѣщикъ предложилъ намъ свою четверку отличныхъ рысаковъ и дорожный экипажъ, устроенный съ удивительною изобрѣтательностію.

Черезъ нѣсколько дней отправился я въ Бессарабію, потомъ ѣздилъ къ Дунаю и, наконецъ, въ Варницу, мѣсто лагеря при Бендерахъ. Поэтому я бы могъ уже въ настоящемъ письмѣ послѣдовать за шведами до пункта, гдѣ они остановились; но лучше я перерву свой разсказъ объ описанныхъ здѣсь мѣстахъ, составляющихъ какъ-бы особый отдѣлъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ[1]).

А.

Августъ. императоръ 458.
Авенаріусъ, пасторъ 7.
Ададуровъ 175, 176.
Аделунгъ 166.
Аксенъ 575.
Алабовъ, полковникъ 4.
Александра Ѳеодоровна, императр., супр. имп. Николая I 453.
Александровъ Данилъ 66.
Александръ Великій (Македон.) 476, 571, 587.
Александръ I, императоръ 2, 3, 5, 108, 443, 465, 481, 493, 494, 495, 496, 498, 499.
Александръ Александровичъ, великій князь, а потомъ импер. 31, 36, 40, 340, 341.
Александръ Николаевичъ, наслѣд., а потомъ импер. 20, 25, 31, 32, 217, 223, 224, 251, 334, 411, 465, 466.
Алексѣй 424, 430.
Алексѣй Комнинъ 519.
Алексѣй Михаиловичъ, царь 479.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ 467, 481, 482.
Алленъ, проф. 82, 85.
Альденховенъ 592.
Альфіери 10.
Амаръ, издатель 58.
Аммоній 539.
Анастасевичъ 166, 167, 168, 252.
Андреевскій, проф. 202.
Андрей Юрьевичъ 521.
Анна Іоанновна, императрица 483, 484. 485, 495.
Анна, супр. Владиміра Св. 509.
Антоній, тріумв. 539.
Аншпахъ, пасторъ 240.
Апполонъ, миѳ. 256. 336.
Аристидъ 183.
Аристофанъ 99.
Аріостъ 554.
Арріанъ 578.
Арсеньевъ Юлій Констант., губ. 116.
Аруленусъ Рустикусъ 540.
Архангельскій, проф. (въ лицеѣ) 6, 7.
Аскольдъ 502, 503, 506, 510, 534, 535, 536, 537.
Афанасьевъ 161.
Ахметъ, тур. султ. 594.

Б.

Б. (неизвѣстный) 111.
Б—нъ, Данков. миров. посредн. 228.
Байеръ, акад. 175, 574.
Байронъ 13, 16, 17, 19, 242, 287, 314.
Вакмейстеръ 2.
Вальдеръ, миѳ. 336.
Вантышъ-Каменскій Николай 251, 475.
Бараккини 128.
Барковъ 6.
Барловъ, докт. 60, 101.
Барановичъ Максимъ 66.
Барановскій С. И. 29.
Баратынскій, поэтъ 252.
Баташевъ Андрей 67.
Батюшковъ, поэтъ 35, 121, 122, 452.
Безакъ А. П., ген.-губ. 237.
Безбородко Арсеній 67.
Бекетовъ А. Н., профессоръ 186, 190, 192.
Беккеръ П. В., проф. 571, 582, 591.
Бёкъ (Boeckh) 583, 592.
Бёллингъ 64, 80.
Бенедиктовъ 254.
Беневе, докторъ 269.
Бенъ-Джонсонъ 554.
Бесковъ, шв. пис. 81.
Берглиндъ, докторъ 262, 263, 269, 270, 271.
Бергманъ 19.
Бернарденъ 9.
Веръ Мартинъ, пасторъ 64.
Бестужевъ А. А. 252.
Бибиковъ Алекс. Ильичъ 468, 470.

[1]) Имена миѳологическія и принадлежащія литературнымъ твореніямъ печатаются курсивомъ. Не внесены въ указатель имена тѣхъ списковъ студентовъ, Кильскаго и Лейпцигскаго университетовъ, которые помѣщены въ Приложеніяхъ къ статьѣ „Нѣсколько ученыхъ замѣтокъ“ (стр. 68—78). *Ред.*

Вибиковъ Илья Алекс. 468.
Віаджіо-Пачиди 128.
Вланкъ, учен. 59, 101, 102.
Вланкъ, архитекторъ 102.
Вларамбергъ 578, 583, 584.
Блесткинъ А. И. 419, 420.
Блудовъ Д. Н., графъ 35, 38.
Боборыкинъ К. 161.
Богдановичъ 148.
Богословскій Петръ Иванов. 67.
Боккаччіо 10.
Болеславъ I Польскій 511.
Болеславъ II Польскій 516.
Болховитиновъ Евгеній (митрополитъ) 154, 163, 169.
Бопланъ 595, 596, 598.
Боппъ, проф. 89.
Борисовъ Дмитрій 66.
Брагъ, сканд. миѳ. 256, 336.
Брандтъ Ѳедоръ Ѳедоров., акад, 246.
Брантингъ, проф. 261, 262, 266, 269.
Вревернъ Иванъ Христофоровичъ, сенаторъ 10.
Бріеннъ, франц. мин. 89.
Бродовскій Иванъ 67.
Броневскій, директ. Алекс. лицея 30, 252.
Врунъ Ф. К., проф. 571, 587, 594.
Булгаринъ 24, 168.
Буняковскій В. Я., академикъ 242, 243, 244, 245.
Буслаевъ 143, 161.
Буссовъ 64.
Бутковъ 134.
Буцефалъ, миѳ. 290.
Вѣгичевъ Д. Н., губерн. Воронеж. 156.
Вѣликовъ П. Е., препод. Ц.-с. лицея 4.
Вѣлинскій 26.
Вѣлющенко Михаилъ 67.
Вѣлющенко Петръ 67.
Вюфонъ 9.

В.

Вакхъ, миѳ. 159.
Валлинъ 102.
Вальтеръ-Скотъ 9.
Вальфельтъ 264, 269.
Василій Дмитріевичъ 424—430.
Василій, импер. Виз. 509.
Василько Ростиславичъ 518.
Вердауфъ 64, 80, 82.
Веселовскій Г. М. 156, 157, 161, 162, 163, 164.
Веселовскій К. С. 179.
Вестергардъ 82.
Веттергофъ А. 333.
Виландъ 110, 555.
Вильменъ 59, 61, 538.
Виноградскій А. В., вице-губ. 116.
Виргилій 15.
Вирховъ 262, 266.
Витте, проф. 59, 60, 101.
Владимірко Володаревичъ 521.
Владиміръ Александровичъ, великій князь 32.
Владиміръ Всеволодовичъ (Мономахъ) 518, 519, 520, 522.
Владиміръ Святославичъ (Святой), 508, 509, 510, 511, 515.
Владимірко Ярославичъ 514, 518.
Волковъ Николай 67.
Волковъ Н. П., Олон. губ. 120.
Волковъ, препод. Воронеж. сем. 159.
Волконскій Петръ 66.
Володарь Ростиславичъ 518, 521.
Волосъ, миѳ. 509.
Воейковъ А. Ѳ. 252.
Вольтеръ 58, 59, 288, 554.
Вордсвортъ 380.
Воробьева, пѣвица 239.
Ворсо 85.
Востоковъ 35, 166, 167, 497.
Врангель, проф. 6.
Врангель, лейтен., путешеств. 560—569.
Всеволодъ Олеговичъ 520.
Всеволодъ Ярославичъ 514, 516, 517, 518, 523.
Всеславъ Изяславичъ 515, 516, 519.
Вундерлихъ 262, 266.
Вяземскій, П. А. князь 27, 135, 138.
Вяземскій, генер.-прокур. 115.

Г.

Гагедорнъ 555.
Галаганъ Григорій 68.
Гальдорсонъ Вьернъ 82.
Гамалея 251.
Гамлетъ 254.
Гане (Hane), проф. 65, 85.
Ганнибалъ, полководецъ 183.
Гаральдъ, кон. Норвежск. 514.
Гарновичъ Ефимъ 66.
Гауеншильдъ, директ. лиц. пансіона 4.
Гаукъ 81.
Гауптъ 58.
Гвальтьери Гіацинта Пеццана, артистка 128.
Гваренги, архит. 158.
Геба, миѳ. 152.
Гебель 87.
Гегель 201.
Гейссеръ (Häusser), истор. 111, 112.
Гейтлинъ Гавр. 29.
Геллертъ 555.
Геллъ-Аулъ 541.
Гельмерсенъ Г. П., академикъ 121.
Гельстремъ (Hällström), проф. 443—445.
Генель (Hänel) 59.
Генрихъ I 514.
Генрихъ IV, кор. нѣм. 516.
Генрихъ IV, кор. франц. 54.
Георгіевскій, проф. 6, 11.
Гервинусъ 60, 112.
Гердеръ 110.
Геренъ 574.
Германъ, ист. 48, 64.
Геродотъ 574, 580, 583, 593.
Гёте 9, 17, 57, 96, 110, 138, 555. 5[illegible]
Гисласонъ, проф. 82, 85.

Гиросъ А. К. 236.
Гіэта, полковн. 288.
Глаголевъ Андр. Гавріл. 252.
Гогель Г. Ѳ., генералъ 32.
Гоголь 64, 79, 236.
Годуновъ Борисъ 137.
Голицынъ Сергѣй Мих., князь 234, 235.
Гончаровъ 136.
Головнинъ А. В. 28.
Гольбергъ 57, 63, 82.
Гольтгоеръ, генералъ 5,
Гомеръ 6, 138, 583.
Гордъ (Hord) 588.
Горчаковъ Д. П., князь 251.
Грейцъ, прокуроръ 116.
Гречищевъ, докторъ 21.
Грибовскій Адріанъ Моисеевичъ 123.
Григорій VII папа 516.
Григорьевъ, проф. 202.
Гриммъ Вильгельмъ 92.
Гриммъ Яковъ 60, 61, 91, 92.
Гриммъ Фр. Мельх. 2, 36.
Гриммъ, педаг. (при вел. кн.)
Гротъ Іоакимъ, дѣдъ академика 1, 2.
Гротъ Карлъ Ефимовичъ, отецъ академика 1.
Гротъ Каролина Ивановна, урожденная Цизмеръ, мать академ. 3.
Гротъ (Groth) **Клаусъ, доцентъ** 87.
Гротъ Константинъ Карловичъ, братъ академика, статсъ-секрет. 3, 24, 87.
Гротъ Николай Яковл. проф. 30.
Гротъ Н. П., супруга академика 30, 40.
Губеръ Э. И. 252.
Губкинъ, куп. 480.
Гультманъ (Hultman) 587, 590.
Гулямицкій Григорій 66.
Гумбольтъ Александръ 92, 574.
Густавъ-Адольфъ, король 64, 108.
Густавъ III 36.
Гусъ Іоаннъ 129.
Гюлленшернъ 591.

Д.

Давидъ Игоревичъ 518.
Давыдовъ Д. В. 252.
Давыдовъ И. И. 34.
Дажбогъ 526.
Данвиль (d'Anville) 577.
Данте 57, 59, 60, 101, 102.
Дарій 580.
Дашкова, княгиня 36.
Деларю М. Д. 19.
Дельвигъ А. А. баронъ 5, 9, 10.
Деляновъ И. Д., министръ н. пр. 39.
Демидовъ Анат. Ник. 453.
Дергачевъ А. И., капитанъ 115.
Державинъ 34, 35, 57, 58, 60, 113, 115—124, 317, 349, 468.
Дёрингъ 549.
Деронъ (Де-Ронъ) 261, 262, 264, 268, 269.
Джонсонъ 60.
Джіорджео Людовигъ, свящ. 125.
Диксонъ 16.
Димитрій Донской 567.
Димитрій св. 537.
Диръ 502, 503, 506, 510, 534—537.
Дистервегъ 142, 143.
Дій-Златоустъ 583, 584, 593, 596.
Дмитревскій Павелъ 66.
Дмитріевъ И. И. 35, 252, 450.
Дмитрій Самозванецъ 64, 137.
Добровскій Іос. 166.
Долгорукій Владиміръ, князь 66.
Долгорукій В. Р., князь 225.
Долгорукій Н. А., князь 14.
Долгорукій Сергѣй, князь 66.
Долгоруковъ Петръ 480.
Долгоруковъ Як. Ѳед., кн. 472—480.
Домиціанъ, имп. 540.
Донъ-Кихотъ 254, 554.
Достоевскій Ѳ. М. 134, 136.
Дройзенъ, проф. 91.
Дружининъ 254.
Дунай Ивановичъ 532.
Дунинъ-Барковскій Максимъ 66.
Дюкло 59.
Дядьковъ Михаилъ Ильичъ, протоіерей 225, 227, 228.

Е.

Евгеній, митр. 2, 35, 63, 154, 158, 159, 160, 163, 164, 165, 166, 167, 169, 170, 252.
Екатерина Великомученица 478.
Екатерина II, императрица 1, 2, 35, 36, 47, 54, 63, 65, 85, 135, 158, 175, 342, 457, 464, 465, 468—471, 478, 481, 484—495, 498, 523, 577.
Елагинъ, ист. 158.
Елизавета Петровна, императрица 1, 224, 466, 469, 483, 484, 485.
Елизавета Ярославовна 514.
Ермолаевъ Александръ Ивановичъ 166, 167.
Ермолова, сестра кн. Голицына 234.

Ж.

Желтовъ 161.
Жилле, проф. 6.
Жуковскій В. А., поэтъ 6, 20, 21, 23, 28, 31, 35, 38, 87, 138, 151, 321, 349.
Жураковскій Матвѣй 66.

З.

Заблоцкій А. П. 236, 238.
Загоскинъ 79.
Залускій 166.
Зейдлицъ, докторъ 20.
Зиновьевъ Н. В., генералъ 31, 32.
Зиновьевъ Николай 67, 107.
Зиновьевъ Серг. Матв., вице-губ. 116.

И.

Ивановъ А. И., 116.
Игорь, кн. 501, 502, 504, 505, 506, 534, 535, 536.
Игорь Ольговичъ 520.
Иделеръ 262, 266.
Идриси 596.
Изяславъ Владиміровичъ 515, 523.
Изяславъ Ярославичъ 515, 516, 517, 518.
Изяславъ Мстиславичъ 520, 521.
Иларіонъ, 1-й митроп. Кіевск., 514, 523.
Илличевскій А. Д. 252.
Ильмони Эми. 29.
Илья, прор. 517.
Ирвингъ Вашингтонъ, 16.
Исаевъ 164.
Ишимова Александра Осиповна 26, 27, 335, 357, 412.

І.

Іеронимъ Пражскій 129.
Іоаннъ, архіепископъ 167.
Іоаннъ Грозный 48, 157.
Іоаннъ Гусъ 129. См. Гусъ.
Іоаннъ Цимисхій 507.
Іорикъ 554.

К.

Кавелинъ К. Д. 136, 238.
Каверзневъ Афанасій 67.
Кайдановъ, проф. 11.
Калайдовичъ 166, 167.
Калиничъ Ф. П., учит. каллигр. 13.
Каллистратъ 584.
Калоннъ, франц. мин. 89.
Камены 316, 324.
Канова, художн. 495.
Капнистъ В. В., пис. 251.
Карабановъ 251.
Карамзинъ 20, 35, 48, 91, 137, 148, 151, 166, 349.
Карлъ Великій 534.
Карлъ Фридрихъ, велик. герцогъ 111.
Карлъ XII 288, 314, 473, 478, 570, 571, 579, 587, 588, 589, 593—597.
Карстенъ, проф. 65, 86.
Карцовъ, проф. 6.
Кастренъ 25, 102.
Катонъ 240.
Квитка (Основьяненко) 252.
Кёлеръ, учен. 165, 166, 583, 590.
Келлеръ Е. Ѳ. 402.
Кеппенъ, уч. библіогр. 166, 167, 583.
Кириллъ, св. просвѣт. славянъ 129, 510.
Кирѣевскій П. В. 135.
Киселевъ, графъ 14, 235, 237.
Кій 532, 535.
Классовскій 33.
Клевезаль 269.
Клеммъ 64.
Клечановъ Иванъ 67.
Клинковстремъ 589.
Клитъ 476.
Клодтъ, скульпт. 155.
Ковадлевъ 67, 107.
Ковицкій 67, 107.
Козловъ И. И. 252.
Кольстеръ 574, 584.
Кольцовъ 154, 160, 164.
Комовскій Александръ Дмитр. 17.
Комовскій В. Д., дир. деп. нар. пр. 23.
Константинъ Багрянородный, имп. 506, 508.
Константинъ Великій 126.
Константинъ (св. Кириллъ), апост. слав. 129. См. Кириллъ.
Константинъ Мономахъ, имп. 519.
Константинъ Николаевичъ, великій князь 33.
Константинъ Павловичъ, вел. кн. 2.
Коріоланъ 543.
Корнелій Непотъ 6.
Корнель, пис. 59.
Корсаковъ Петръ Александр. 252.
Корфъ, генеральша (вдова) 1.
Корфъ М. А., баронъ (позже графъ) 1. 12, 13, 16, 18, 20, 23, 24, 37, 345.
Корфъ Ник. Андр., баронъ, ген.-анш. 1.
Корфъ Ольга Ѳедоровна, баронесса 16, 345.
Косса, итал. драм. пис. 128.
Коссовичъ Каэтанъ Андреевичъ, проф. 27, 28, 37.
Котельниковъ Семенъ 67.
Котляревскій А. А. 161, 251, 253.
Коцебу, адм. 497.
Коцебу, пис. 168, 553.
Кочень, старшина 563.
Кочубей князь 12.
Кошанскій Николай Ѳедоровичъ, проф. 6, 11.
Кошелевъ Сергѣй 66.
Кравцовъ 164.
Кревъ 148.
Кривцовъ Н. И., губ. Воронежскій 157. 163.
Кронебергъ 4.
Кропоткина Пр. Ал., княгиня 226.
Кругъ, акад. 48, 166.
Крыловъ И. А., баснописецъ 4, 35, 228. 229, 252, 447.
Кукольникъ 19.
Куникъ А. А., академикъ 173, 174, 175. 178.
Куракинъ Александръ Борисовичъ, князь 66, 107.
Куртманъ 143.
Курцій 563.
Кутузовъ Алексѣй 67, 107.
Кутузовъ Павелъ 252.
Кутузовъ (Смоленск.) 465.
Кучко, боярин 521.
Кушелевъ-Безбородко 581, 582.
Кюнеръ 28.

Л.

Лавренко 161.
Лавровскій, свящ. 466.
Лагусъ В., проф. 570.
Лажечниковъ И. И. 239, 241.
Лакіеръ В. Б. 30.
Ламартинъ 15.
Лампрій 539.
Лардонъ, вице-консулъ 127.
Ласси, генералъ 224.
Лаурель Аксель, проф. 29.
Лахманъ 57, 58.
Лёверёрнъ, генералъ 62.
Левинъ 61.
Лейбницъ 480.
Лелевель 166.
Ленротъ 25, 26, 323.
Ленцъ 24.
Лео, истор. 100—103.
Лербергъ 48.
Лермонтовъ 252.
Лессингъ 57, 554, 555.
Лилле Б., проф. 29.
Лингъ, шв. пис. 260, 261, 262, 265, 266.
Линде 166.
Линсёнъ 29, 411.
Линьяна Джакомо, проф. 129.
Литке, графъ 38, 39.
Ло (Low), пасторъ 13.
Лобойко 166.
Лодброкъ Рагнаръ, изъ сканд. поэзіи 19.
Локкъ 550.
Ломоносовъ 35, 175, 178.
Лонгиновъ М. Н. 67.
Лопухинъ П. В. 472.
Лука, евангелистъ 395, 459.
Львовъ Павелъ 252.
Лыбедь 532.
Людовикъ XIV, король Фр. 6, 9.
Людовикъ XVI, король Фр. 89.
Лютеръ 98.

М.

Магометъ 125.
Мадвигъ проф. 82, 85.
Мазепа, гетманъ 287—315, 587, 588, 589.
Майборода Никита 66.
Майковъ А. Н. 254.
Макаровъ М. Н. 252.
Македонецъ, чин. и помѣщ. 159.
Малиновскій Алексѣй Ѳедоров. 168, 169, 170.
Мальмбергъ 589.
Мальтбрюнъ 168.
Манганари 573.
Манцони, ит. пис. 10.
Марія Александровна, вел. кн., а потомъ императрица 334.
Марія Ѳеодоровна, императр., супруга имп. Павла Петров. 453, 488.
Марія-Терезія, импер. 485.
Маркевичъ, пис. 254.
Масальскій К. П. 19.
Матвѣева Марія Андр., граф. 482.
Матвѣевъ, графъ 482.
Матюшкинъ 472.
Матюшкинъ Ник., гр. 67.
Матюшкинъ Ѳ. Ѳ. адм. 37, 561, 562, 565.
Св. Матѳей, евангелистъ 228, 400.
Маффеи 128.
Мевенцовъ Павелъ 68.
Меланхтонъ 111.
Мельгуновъ Василій 67.
Менгли-Гирей, крым. ханъ 595.
Менюэ, преподав. Царскосельск. лицея 4.
Меншиковъ А. С., князь 17.
Меншиковъ А. Д., кн. 465, 476, 483, 484.
Метастазіо 10.
Мещерскій А. В., князь 8.
Мещерскій Элимъ, князь 252.
Меѳодій св., просвѣтит. слав. 129, 510.
Миддендорфъ, академикъ 37.
Миллеръ, акад. 48, 176.
Мильтонъ 58, 550, 554, 555.
Милютинъ Н. А. 238.
Минъ 101.
Минихъ, гр. 483, 485, 486, 591.
Мирабо 138.
Митрофаній, епископъ Воронеж. 157, 158, 159, 162, 163.
Михайловскій-Данилевскій А. И. 252.
Михайловъ 169.
Михельсонъ, проф. 88.
Мишеле филос., проф. Берлин. ун. 88, 89.
Мольбекъ, дат. учен. 60, 88.
Мольеръ 96, 554.
Моисеенковъ Ѳедоръ Петров. 67, 107.
Мономаховичи 520, 521.
Мономахъ, см. **Владиміръ М.**
Монтань, фр. пис. 538, 543, 554.
Монтескье 543.
Мотрей (Motraye) 587, 594—597.
Мочаловъ, артистъ 239.
Мошковъ Александръ 66.
Мстиславъ Владиміровичъ 511, 512.
Мстиславъ Владиміровичъ (сынъ Мономаха) 519, 520.
Муравьевъ М. Н., министръ 237.
Муравьевъ Мих. Никит. 452.
Мурзакевичъ 578.
Муръ Томасъ 16.
Мятлевъ Ив. Петр. 252.

Н.

Надеждинъ 570.
Назаровъ А. В. 236.
Наполеонъ 17, 47, 108, 112, 494, 498.
Насакинъ Иванъ 67, 107.
Нартовъ, пис. 251.
Нарышкина Анна Никитишна, рожд. Румянцова 169.
Нарышкинъ Ал-дръ Александровичъ, оберъ-шенкъ 169.
Нарышкинъ Левъ Александров. 169.
Неелов Д. Д. 236.
Нейманъ, уч. 575.

Неккеръ франц. мин. 89.
Некрасовъ 254.
Нервандеръ Ив. Як., проф. 25, 29.
Неронъ 539.
Несвицкій Александръ, князь 67, 107.
Несторъ, лѣтопис. 521—523.
Нибуръ 574.
Нигебауеръ 594.
Никархъ 539.
Никитинъ, поэтъ 154.
Николай Александровичъ, великій князь (наслѣдникъ) 31, 33, 34, 40.
Николай I Павловичъ, импер. 13, 27, 157, 224, 334, 465.
Николаевъ 159.
Ницше, проф. 99.
Новиковъ 251.
Новосильцевъ Никита 68.
Норбергъ, проф. 450.
Нордманъ, проф. 571.
Нума (Помпилій), римск. ц. 458.
Нумеровъ Ф. О., инспекторъ Ц-с. лицея 3.

О.

Овидій 581.
Одоевскій, князь 19, 24, 25.
Озерецковскій, академикъ 115, 119, 121, 251.
Оверовъ Иванъ 66.
Октавій 539.
Олафъ-Младенецъ, конунгъ 513.
Олафъ (Олофъ) св. 513.
Олеговичи 520, 521.
Олегъ 501—505, 511, 522, 534—537.
Олегъ Святославовичъ 517, 518, 520.
Олива, проф. 9.
Олсуфьевъ Адамъ Васильевичъ 62, 63.
Олсуфьевъ Сергѣй 67.
Ольга, кн. 505, 506, 507, 510, 522.
Ольденбургскій птинцъ, П. Г. 30, 37.
Орбинскій 143.
Орловъ Александръ Влад., графъ 67, 107.
Орловъ Влад. Влад., графъ 67, 107.
Орловъ Владиміръ Григорьевичъ, графъ 1.
Орловы 155.
Оссіанъ 123.
Остенъ-Сакенъ, баронъ 3.
Отрадинскій, докторъ 21.

П.

Павелъ I Петровичъ, импер. 65, 85, 470, 483, 488, 491, 492.
Палласъ, акад. 36, 574, 591.
Панинъ Никита Иван. 469, 470.
Панинъ Петръ Иван. 470—472.
Панины 469.
Паскевичъ Петръ Гнѣдичъ 67.
Паскевичъ Яковъ 68.
Паскевичъ Ѳеодоръ 67.
Паткуль М. А., рожд. маркиза де Траверсе 327.
Паули 17, 261, 268.
Пекарскій П. П. 35.
Перевлесскій 33.
Перовскій Алексѣй 252.
Перунъ 509, 526.
Перцъ, докт. 91.
Петерсенъ, проф. 82, 85.
Петитенъ (E. Petitain) 58.
Петровъ, пѣвецъ 239.
Петръ, апостолъ 125.
Петръ I Великій 23, 27, 35, 47, 48, 51, 54, 62, 81, 119, 155, 156, 157, 158, 160, 162, 163, 173, 174, 176, 246, 314, 334, 349, 412, 460, 464—467, 472—487, 498, 499, 588.
Петръ II 176, 483.
Петръ Петровичъ, царевичъ 478.
Петръ III Ѳеодоровичъ, великій князь и импер. 1, 65, 85, 155.
Платонъ 90, 583.
Плетневъ Петръ Александровичъ 1, 10, 19—26, 30, 31, 34, 35, 37, 39, 139, 223, 239, 251, 252, 253, 322, 456.
Плиній Младшій 540.
Плутархъ 538—543.
Пляшаръ 145.
Погодинъ М. П. 136, 138.
Подвысоцкій Яковъ 66.
Подобѣдовъ Сергѣй 67.
Полевой Н. А. 252.
Полетика Иванъ 66.
Полибій 574.
Полонскій, Я. П. 254.
Польманъ 264.
Пономаревъ, фотографъ 159.
Понятовскій 589.
Попъ (Pope) 58, 188, 442.
Постниковъ Петръ 66.
Потаповъ И. А., Воронежской губерн. 163.
Потаповъ Михаилъ 66.
Потебня, уч. филол. 161.
Потемкинъ, Г. А., кн. Таврическій 457, 465, 489, 490, 581, 595.
Поттъ 102.
Преллеръ, проф. 24.
Протопоповъ Дм. Степ. 14, 15, 20, 21, 37, 233—241.
Пугачевъ 155, 468, 470.
Пуле де-М. Ѳ. 161.
Пуффендорфъ, проф. 111.
Пушкинъ А. М., Воронежскій губернаторъ 163.
Пушкинъ А. С., поэтъ 5, 6, 7, 8, 12, 15, 16, 35, 37, 64, 79, 91, 222, 229, 239, 252, 316, 318, 320, 344, 561.
Пыпинъ, А. Н. 239.
Пѣтуninъ 4.

Р.

Р.* В. П. 419, 420.
Рабле 555.
Радищевъ А. Н. 67, 107.
Раевъ А. Ѳ. 158.
Рамлеръ 555.

Ранке, проф. 90.
Расинъ 96.
Растопчинъ Ѳ. В., графъ 138.
Ратьенъ, проф. 86.
Рауль-Рошеттъ 583.
Раумеръ, проф. 88.
Ребиндеръ Роб. Ив., графъ 23.
Рёдигеръ, проф. 102.
Рейнъ Гавр., проф. 22, 29.
Репнинъ, князь 159.
Ридъ (Reed) 58.
Риттеръ К., проф. 560, 569.
Рихтеръ, докторъ 262, 263, 266, 267.
Рихтеръ Жанъ-Поль-Фридрихъ 547—559.
Рихтеръ Каролина, рожд. Мейеръ 548.
Ричардъ III, 254.
Робеспьеръ 112.
Рогвольдъ 508.
Рогнѣда 508.
Роговичъ П. И., сенаторъ 236, 240.
Розенъ, баронъ 138.
Ростиславичи 518, 519.
Рубановскій Андрей 67, 107.
Рубенсъ 553.
Рубруквисъ 580.
Рудницкій Алексѣй Михайловичъ 116.
Рузимовскій 97.
Румянцовъ Алекс. Ив., гр. 481 -584, 494.
Румянцовъ-Задунайскій П. А., графъ 169, 484—492, 494, 498.
Румянцовъ Николай Петровичъ, графъ 154, 160, 164—170, 492 -499.
Румянцовы 481, 499.
Рунебергъ 17, 21, 22, 25, 26, 323, 325, 329, 330, 332, 393, 404.
Рупрехтъ I, курфирстъ 111.
Руссо Жанъ-Жакъ 58, 543, 553.
Рыбниковъ Павелъ Николаевичъ 116.
Рыбушкинъ М. С. 252.
Рюккертъ 369.
Рюрикъ, князь 48, 137, 500, 502, 503, 504, 508, 533, 534, 535, 536.
Рюсъ, истор. 137.

С.

Савиньи 107.
Савостьяновъ 251.
Салтыковъ П. С., графъ 471.
Самаринъ Ю. Ѳ. 237.
Самбикинъ Дмитрій Иванов., проф. Воронежской семинаріи 158, 159.
Свиньинъ П. П., 252.
Свифтъ 554.
Свѣнельдъ 505, 508.
Святополкъ Изяславовичъ 517, 518.
Святополкъ Ярополковичъ 511, 513.
Святославъ Игоревичъ 505, 506, 507, 508, 511.
Святославъ Ярославовичъ 516.
Севергинъ 251.
Селивановскій 168.
Семеновъ Николай Петровичъ сенаторъ 30.
Семеновъ Петръ Николаевичъ, тесть академика 30, 226, 227.
Семеновъ Петръ Петровичъ, членъ Госуд. Совѣта 30. 236.
Сенакъ де-Мельянъ 36.
Сенковскій 19, 79.
Сенъ-Пьеръ 553.
Серафимъ, архіепископъ Воронеж. 158.
Сербиновичъ Иванъ 66.
Сервантесъ 554, 555.
Сергій св. 158.
Силуэтъ, Эт. (Silhouette), фр. мин. 463, 464.
Сильванскій 236.
Симеонъ Столпникъ, св. 234.
Синельниковъ Н. П., Воронежскій губерн. 163.
Синеусъ 500, 501, 533, 534.
Синицкій 420.
Скернъ, проф. 82.
Скимнъ 593.
Смитъ, проф. 79, 82.
Сократъ 183.
Сологубъ В. А., гр., камеръ-юнкеръ 24, 25.
Соловьевъ Сергѣй Васильевичъ, проф. 22, 23.
Соловьевъ С. М.. ист. 136, 137.
Соловьевъ Я. А. 235, 236, 237.
Соломонъ 277, 291.
Соутей 409.
Софія Алексѣевна, царевна 472, 473.
Софоклъ 556.
Сперанскій 18, 239.
Сребрянскій Андрей Порфирьевичъ 164.
Срезневскій И. И. 253.
Сталинскій 164.
Сталь, г-жа 547.
Старчевскій 145.
Стасюлевичъ М. М. 188, 190, 192.
Стедингъ, бар., шв. посл. 494, 495.
Стейнгауеръ 87.
Стемпковскій 576, 578.
Стенбокъ, генер. 62.
Стернъ 554, 555.
Страбонъ 574.
Строгановъ С. Г., графъ 33.
Строевъ 497.
Ступишина, сестра Д. С. Протопопова 21.
Суворинъ А. С., 177.
Суворовъ, полковн. 465, 486, 490—492, 595.
Сухарева Агафоклея Марковна 19.
Сухомлиновъ М. И., проф. 203.
Сципіонъ 183.

Т.

Тассъ 10.
Тэбу 575.
Тегнёръ 17, 26, 335.
Темченко Григорій 66.
Тенгоборскій, гр. 235.
Тенгстрёмъ Ив. Як., проф. 29.

Тепловъ Алексѣй Григор. 66, 67, 107.
Тереза, польск. граф. (изъ „Мазепы") 293, 294, 297.
Теслевъ, А. П. 443.
Тикъ 555.
Тилло, проф. 6, 9, 10.
Тимоксена 540.
Тирсисъ 292.
Титовъ В. П. 33.
Толстой Д. А., графъ 39.
Толстой, тайн. сов. 482.
Толукъ, проф. 101.
Томсенъ 87.
Торсонъ 79.
Трабуко, свящ. 125.
Де-Траверсе М. А. см. **Паткуль**.
Траутфеттеръ, кіев. проф. 24.
Тредьяковскій 176.
Трико, препод. Царскос. лицея 4.
Тримъ 554.
Троицкій, препод. Царскос. лицея 4.
Трубецкой Василій, князь 67, 68, 107.
Труворъ 500, 501, 533, 534.
Тургеневъ И. С. 254.
Туронтаевскій Ѳедоръ Григор. 66.
Турчаниновъ А. П. 453—457.
Тутолминъ Николай 116.
Тутолминъ Тимофей Ивановичъ, генералъ-поручикъ 115, 117.

У.

Уваровъ, С. С. графъ 38.
Укертъ 584.
Устиновскій Ст. Гр. 165.
Устряловъ, ист. 158.
Ушаковъ Михаилъ 67, 107.
Ушаковъ Ѳедоръ 67, 107.

Ф.

Фанъ-Димъ 101.
Федръ, баснописецъ 6.
Фенелонъ 61.
Ферри де-Пиньи 9, 10.
Фигофъ 57.
Филиппъ Македон. 538.
Финнъ-Магнусенъ, исланд. учен. 81.
Фишеръ Куно, проф. 109.
Фольберъ, докторъ 65, 68, 86.
Фонвизинъ 82, 135.
Фортунатовъ Ѳедоръ Николаевичъ, директ. Петрозаводской гимназіи 118, 119.
Форхгаммеръ, проф. 86.
Фоссъ, книгопродавецъ 60.
Фоссъ, поэтъ 110.
Франке, проф. и пасторъ 103, 105.
Франклинъ Вен. 441, 442.
Франце́нъ, епископъ 25, 323, 370, 385, 389, 444—452.
Френъ, акад. 166.
Фридлендеръ 60.
Фридрихъ II, 54, 88, 138, 485—488, 554.
Фритіофъ 26, 321, 335.
Фрорипъ 262, 266.
Фуссъ, акад. 24, 38.

Х.

Ханенко Василій 66.
Хвостовъ Дмитр., графъ 252.
Хеліусъ (или **Шеліусъ**), докторъ 112.
Хемницеръ 35, 251.
Хлоповъ Николай Петровичъ 67.
Хованскій А. А. 161.
Хомяковъ А. С. 257.
Хоривъ 532, 535.
Христіанъ IV, король 81.
Христина, королева 64.
Хуссъ, докторъ 274, 276, 278, 282.

Ц.

Цигнеусъ, доцентъ Ак. ун. 21, 25.
Цизмеръ Я. И., дядя Я. К. Грота 12.
Цизмеръ Елизавета Ивановна, тетка академика 4.
Циммерманъ 553.

Ч.

Чагинъ Иванъ 68.
Чайльдъ-Гарольдъ 242.
Челищевъ 67, 107.
Чельгренъ 102.
Чижовъ Петръ 66.
Чириковъ, гувернеръ 7.
Чудиновъ А. Н. 161.
Чудиновъ Иванъ Кирилловичъ 117.
Ч—нъ 171.

Ш.

Шатобріанъ 9.
Шауманъ Авг. (Aug. Schaumann) 24.
Шаховской А. А., князь 252.
Шванвичъ 155.
Шварцъ 143.
Шевыревъ С. П. 35, 126, 138.
Шёгренъ 24.
Шёдлеръ 144.
Шейнъ П. В. 228, 229.
Шекспиръ 13, 16, 57, 58, 183, 254, 543, 554, 556.
Шетневъ 472.
Шиллеръ 9, 57, 96, 110, 128, 183, 349, 553.
Шишковъ А. С. 252.
Шлейхеръ, проф. 110.
Шлёцеръ 2, 48, 523.
Шредеръ, проф. 24.
Штейнталь, проф. 90.
Штуръ Людевитъ 126.
Шуваловъ И. И., графъ 251.
Шуваловъ Петръ, графъ 68.
Шульгинъ И. П., проф. 6, 7, 8, 1
Шумахеръ 175.

Щ.

Щекъ 532, 535.
Щепкинъ 239.
Щурлинъ Алексѣй 67.

Э.

Эвальдъ, дат. писатель 81.
Эверсъ 48, 137.
Эврипидъ 575.
Эйлеръ 2.
Эймундъ 513.
Экштейнъ, докторъ 104.
Эльгинъ, лордъ 86.
Эльминъ, Д. 420.
Эманъ 25.
Эминъ Николай Ѳедоровичъ 123.
Эминъ Ѳедоръ 251.
Энгельгардтъ Е. А., директ. Царскос. лицея 3, 5, 560, 561.
Эрдманъ 24, 102.

Ю.

Ю. Р., проф. 99.
Юлій Кесарь 543.
Юпитеръ 458, 586.
Юрій Владиміровичъ (Долгорукій) 520, 521, 523.

Я.

Языковъ Дм. Ив. 252.
Языковъ Н. М. 252.
Яновъ Сергѣй 67, 107.
Янусъ 150.
Янъ Казиміръ, король 291.
Ярополкъ Владиміровичъ 519, 520.
Ярополкъ Святославичъ 508, 511.
Ярославичи 516, 523.
Ярославъ Владиміровичъ 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 519, 521.
Яфетъ 575.

Ѳ.

Ѳемистоклъ 539.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь 158.
Ѳеодоръ Ивановичъ, царь 157.

Содержаніе предыдущихъ четырехъ томовъ трудовъ Я. К. Грота.

I.

Изъ Скандинавскаго и Финскаго міра.

		стр.
	Отъ редактора.	III
	I. Очерки, путешествія и воспоминанія	1—728
1839.	Знакомство съ Рунебергомъ	1
	Поэзія и миѳологія скандинавовъ	30
1840.	Гельсингфорсъ	61
	О финнахъ и ихъ народной поэзіи	100
	Литературныя новости въ Финляндіи, I	149
1841.	„ „ „ „ II	179
1842.	Воспоминанія Александровскаго университета. . . .	185
	Глава I. Начало университета въ Або	186
	„ II. Черты изъ первыхъ временъ существованія университета	191
	„ III. Война дважды разстраиваетъ университетъ	200
	„ IV. Императоръ Александръ	203
	„ V. Абовская ученость	212
	„ VI. Поэзія на Аурѣ	221
	„ VII. Императорскій Александровскій университетъ .	226
	„Радость Вейнемейнена“ (стихи Я. К. Грота) . .	241
	Листки изъ скандинавскаго міра, I	247
1843.	„ „ „ „ II	257
	„ „ „ „ III	268
1844.	„ „ „ „ IV	283
1843.	Рѣчь по случаю рожденія Е. И. В. Вел. Кн. Николая Александровича	299
1844.	Литературныя замѣтки и выписки	306
	1. Гёте и русскіе поэты нашего времени .	306
	2. Мысли шведскаго писателя относит. исторіи литературы.	308
	3. Покойный академикъ Кругъ	309
	4. Упсальскій университетъ	310
	5. Исправленный Шекспиръ	313
	О Романѣ „Семейство“ соч. Фредерики Бремеръ . .	315
1846.	Ученая Бесѣда въ Гельсингфорсѣ	17
1847.	Переѣзды по Финляндіи (отъ Ладожскаго озера до р. Торнео)	17

стр.

Предисловіе 337
Отд. I. Кексгольмъ, Сердоболь и Нейшлотъ 341
„ II. Отъ Нейшлота до Куопіо 351
„ III. Отъ Куопіо до Торнео 360
„ IV. Поѣздка къ горѣ Авасаксѣ и незаходящее солнце. 381
„ V. Торнео и Улеаборгъ 393
„ VI. Озеро Улео и городъ Каяна 407
„ VII. Прогулка въ Пальдамо и воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ 420
„ VIII. Возвращеніе въ Каяну и оттуда въ Гельсингфорсъ. 434

Путешествіе въ Швецію въ 1847 г. (изъ дневника, веденнаго въ Швеціи). 450

На пароходѣ 450
I. Стокгольмъ 454
II. Упсала 468
1. Пріѣздъ въ Упсалу 468
2. Упсальская библіотека 471
3. Студенты 476
4. Рудники въ Даннеморѣ 481
5. Старая Упсала 487
6. Еще о студентахъ 495
7. Знакомство съ учеными 501
III. Прогулка по Готскому каналу 524
IV. Отъ Веттера до Венера 537
V. Прогулка по Готенбургу 558

1849. Очерки изъ Финляндскихъ походовъ въ 1808 и 1809 г.:
„ „ I . . 563
„ „ Кульневъ, стихотв. 578
„ „ II . . 583
1855. „ „ III . . 587
1851. Научныя новости изъ Финляндіи 599

I. Ученые диспуты въ Имп. Александровскомъ университетѣ. 599
II. Извлеченіе изъ русскихъ лѣтописей, изданн. на швед. языкѣ 601
III. Литературные вечера въ Гельсингфорсѣ 602

1874. Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію лѣтомъ 1873 г. 605
1877. Воспоминанія о 400-лѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. 630
1881. Изъ міра шведской и финской поэзіи. 679
Эрикъ Лаксманъ 696
Некрологи 712
(1848). Одертъ Грипенбергъ 712
(1852). Профессоръ Кастренъ. 719
(1877). Рунебергъ 724
1880. Отзывъ о книги Гельгрена 726

стр.

II. Переводы. Стихи и проза . . . . . 729—1045

1841. Фритіофъ. Скандинавскій витязь, поэма Тегнера. . . 731
Предисловіе къ II-му изданію 731
Предварительныя свѣдѣнія (Очеркъ быта, религіи и поэзіи древнихъ скандинавовъ) 732
Очеркъ біографіи Тегнера 754
Письмо Тегнера о его „Фритіофссагѣ“ 760
Поэма въ 24 пѣсняхъ . . . . . 764—865
Литература „Фритіофссаги“, ея переводъ и проч. . . . 866
Отзывъ Бѣлинскаго о переводѣ Я. К. Грота 869
Приложеніе. Древне-исландскія саги 871
„ Сага о Фритіофѣ-Смѣломъ 875
1839. Скальдъ. Изъ Рунеберга 896
1841. Паукъ. Изъ Стагнеліуса 897
1842. Путешествіе на юбилей 1840 года (Францѣна) . . . 898
(1874). Видѣніе Валы (Völu-spa) 909
1839. Зимніе цвѣты (альманахъ) 918
1840. О природѣ финляндской, о нравахъ и образѣ жизни народовъ во внутренности края, ст. Рунеберга. 924
„Вечеръ на Рождество“, Рунеберга 934
1841. Жизнь Тегнера, описанная Францѣномъ. 936
Стрѣлки лосей, поэма Рунеберга 948
1843. Кастренъ и Ленротъ въ Русской Лапландіи 970
Путевыя письма Ленрота изъ сѣверныхъ губерній Россіи 978
1844. Разсказы изъ Шведской исторіи (по Фрюкселю) . . . 990
„ о Рагнарѣ и его сыновьяхъ 994
1845. Воспоминанія о войнѣ 1808 года и путешествіи имп. Александра по Финляндіи (изъ кн. г-жи Ваклинъ) . 1012
Очерки старинныхъ нравовъ Швеціи 1018
1841. Надежда, поэма Рунеберга 1026
Указатели (Предметный, личныхъ и мѣстныхъ именъ) 1047
Замѣченныя опечатки 1072

II.
Филологическія разысканія.

стр.

Отъ редактора III

Часть I. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка.

Народный и литературный языкъ.

Толковый словарь живого великорусскаго языка, В. И. Даля . . . . .
Заимствованія изъ другихъ языковъ. — Петръ Великій и Ломоносовъ.—Карамзинъ и его противники. — Допущеніе народнаго языка

стр.

въ литературу. — Успѣхи народности. — Взглядъ Даля. — Прежніе труды его.—Очеркъ его біографіи. — Ходъ его занятій по словарю. — Отношеніе его къ литературному языку.—Отношеніе между народною и образованною рѣчью.—Иностранныя слова.—Неологизмы.—Заимствованія изъ областныхъ нарѣчій.—Очищеніе языка. — Взглядъ Даля на свою задачу.—Планъ, составъ и предѣлы его словаря.— Придуманныя имъ самимъ новыя слова.—Расположеніе словъ по гнѣздамъ. — Примѣры невѣрнаго расположенія словъ въ гнѣздѣ. — Словопроизводство Даля. — Грамматическая часть въ словарѣ. — Правописаніе его. — Окончаніе именъ средняго рода на *ie* и *ье*. — Примѣры въ словарѣ.— Пословицы и поговорки.—Словотолкованіе. — Вещественныя толкованія. — Слова, относящіяся къ ботаникѣ и зоологіи. - Общее заключеніе.

Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка 46

Справедливо ли онъ считается преобразователемъ языка? Мнѣніе современниковъ.—Нынѣшній взглядъ.—Въ чемъ заслуга Карамзина.— Начатки измѣненій до него. — Языкъ Фонвизина и Крылова.—Письменный языкъ въ концѣ XVIII вѣка.—Сохацкій и Подшиваловъ.—„Московскій Журналъ".—Языкъ современн. писателей.—Журналы Крылова.— Журналъ Туманскаго.—Стилистика Подшивалова. — Подражатели Карамзина.—Шишковъ и его полемическіе пріемы.— Его обвинительные пункты.—Пріемы Карамзина.—Отзывъ Макарова. — Составленіе новыхъ словъ.—Языкъ и слогъ Карамзина.—Въ чемъ заключалось его подражаніе иностранцамъ.—Главныя основанія его синтаксиса.— Особенности рѣчи его.—Ограниченіе славянизмовъ.—Введеніе иностранныхъ словъ.— Употребленіе прежнихъ словъ въ новомъ значеніи. — Новыя слова.— Свидѣтельства Дашкова и Дмитріева.—Выводы.

Приложенія къ предыдущей статьѣ.

I. Очерки изъ рѣчей, произнесенныхъ профессорами Московскаго университета 87

II. Замѣчаніе Карамзина о языкѣ, изъ разборовъ его въ „Московскомъ Журналѣ" 89

III. Крыловъ противъ Карамзина 91

IV. Отрывокъ изъ Бюффона въ переводахъ Малиновскаго, Лепехина и Карамзина 94

V. Образчики языка изъ журналовъ начала 1790-хъ годовъ . . . 95

VI. Образчики языка Карамзина въ первое время его авторства . 97

Областные словари 99

Богатство нѣмецкой литературы пособіями по діалектологіи.—Нѣмецкій языкъ.—Швейцарское нарѣчіе.—Словарь баварскаго нарѣчія, Шмеллера. — Швабскій словарь и др. Выводы.—„Опытъ областного великорусскаго словаря".—Правила при составленіи его.—Польза его.

По поводу нѣмецкой брошюры Клауса Грота о мѣстныхъ нарѣчіяхъ 113

Словарь областнаго Архангельскаго нарѣчія, составленный А. Подвысоцкимъ 115

Къ соображенію будущихъ составителей русскаго словаря.

стр.

I. Шведскій академическій словарь 129

Шведская академія.—Труды ея секретаря Бескова. — Составъ академіи.—Ея труды по языку.—Планъ составленія словаря.— Приготовительные труды.—Сторонніе сотрудники.—Средства академіи. — Выборъ главнаго сотрудника.—Первый выпускъ словаря. — Причины медленности изданія.

II. Программа словаря братьевъ Гриммовъ 146

Общая идея.—Академическіе словари. — Исторія словарей. — Расположеніе словаря.—Назначеніе его. — Объемъ и границы словаря.— Прежніе нѣмецкіе словари.—Иноземныя слова.—Собственныя имена. — Техническіе термины. — Непристойные слова.—Источники словаря.— Подтвержденіе словъ примѣрами.—Грамматическая терминологія.—Опредѣленіе словъ.—Средства къ образованію словъ.—Частицы.—Словотолкованіе.—Словоизслѣдованіе. — Бытовая сторона объясненій. — Форма буквъ и печать. — Исторія шрифтовъ. — Правописаніе.— Удареніе.— Раздѣленіе труда.—Сторонняя помощь.

II. Словарные труды датчанъ 182

IV. Русско-французскій словарь г. Макарова 184

Степень его полноты.—Выдержки.—Фразеологія.

V. Планъ словаря въ новомъ родѣ. 188

Приложеніе къ статьѣ: Къ соображенію будущихъ составителей русскаго словаря. **Мнѣніе Сперанскаго о новомъ изданіи славяно-россійскаго словаря** 190

Замѣтка о названіяхъ мѣстъ 193

Объясненіе географическихъ именъ.—Географическіе словотолкователи. — Переводныя названія въ русской лѣтописи. — Передѣланныя имена.—Русскія и финскія названія.—Пермь и названіе финскихъ народовъ.—Ладога и Нева.—Ильмень, Кивачъ.—Колывань.

Откуда слово Кремль 209

Псковской Кремль.—Московскій Кремникъ.—*Крем* въ названіи народовъ.—Форма словъ *Кремль*.—Этимологія словъ *кромъ* и *кремль*.— Предположеніе о заимствованіи съ греческаго.

Замѣтка о нѣкоторыхъ старинныхъ техническихъ терминахъ русскаго языка 217

Начало гравированія въ Россіи.—Слово грыдоровать.—Книгопечатные термины.

О произношеніи буквъ Ѳ, Е, Ѣ 220

Etymologische Beiträge und die Aussprache des betonten russischen e, von Dr. Fr. Haag 221

О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка 2

Видоизмѣненіе гласнаго отъ послѣдующаго звука. — Русская азбука.—Азбучная схема г. Бетлинга.—Вопросъ о мягкости гортанныхъ

стр.

звуковъ.—Два звука буквы *г*.—Взаимная смѣна звуковъ *а* и *о*.—Этимологія слова *плевать*.—Этимологія слова *слюна*.—Умягченіе согласныхъ передъ мягкими звуками.—Умягченіе шипящихъ.—Способъ присоединенія нѣкоторыхъ суффиксовъ.—Объ умягченіи звуковъ *л* и *н*.—Выводъ относительно вліянія послѣдующаго звука на предыдущій гласный.

Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка 249

О спряженіи русскаго глагола и о важности въ немъ ударенія 263

Основныя формы спряженія.—Третье лицо множ. ч.— Образованіе другихъ формъ.—Удареніе причастной формы.— Несоотвѣтствіе формъ въ нѣкоторыхъ глаголахъ.—Значеніе основныхъ формъ.—Законъ умягченія звуковъ въ спряженіи.—Значеніе основныхъ формъ въ словаряхъ.

О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ 277

Въ какихъ глаголахъ оно встрѣчается.— Глаголы на *оть* и *ить*.— Отличительное свойство первообразныхъ глаголовъ.—Условія ударенія въ глаголахъ. Знаки ударенія въ древнихъ текстахъ.—Примѣчанія.

О русскомъ удареніи вообще и объ удареніи именъ существительныхъ 290

Общія замѣчанія о сущности русскаго ударенія. — Трудность изслѣдованія.

I. Удареніе въ именительномъ падежѣ 293

Первообразныя и производныя слова.—Предложныя имена.—Производственныя окончанія мужескаго рода: — *окъ* и *екъ*. — *ецъ*.—*икъ*.—*щикъ*, *чикъ* и др.—*тель*.—Окончаніе женскаго рода:—*ица*.—*ина*.—*ота*, *ета* и др. Окончаніе средняго рода:—*ніе*, *тіе*.—*ство*, *ствіе*. — *ище*.—*ло*, *во*, *но*, *ро*, *ко* и др.— Общіе выводы относительно ударенія существительныхъ.—Примѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ.

II. О переходѣ ударенія именъ существительныхъ въ косвенныхъ падежахъ 326

Имена мужескаго рода.—Имена женскаго рода. — Имена средняго рода.—Имена муж. и жен. рода на *ь*.

III. По поводу нѣмецкой брошюры г. Кайзелера о русскомъ удареніи . 337

Цѣль и содержаніе брошюры. — Общія замѣчанія объ удареніи.— Русское удареніе.—Различное протяженіе слоговъ.—Подвижность ударенія.—Первобытная свобода его. — Переносъ его во флексіяхъ.—Неуловимость законовъ его.—Взгляды Боппа и Бенлева. — Подвижность въ глаголахъ.—Вліяніе предлоговъ.— Предложные глаголы. — Случаи двоякаго ударенія.—Заключеніе.

Замѣтка о нѣкоторыхъ формахъ именныхъ флексій . . . 354

Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ. И. Бодуэна-де-Куртенэ 359

Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка. Е. Бѣлявскаго 362

По вопросу о значеніи подлежащаго въ предложеніи . . 372

стр.

О названіяхъ аиста въ Россіи 377

Разнообразіе названій.—Названіе у нижне-германскихъ народовъ.—Названіе одного изъ днѣпровскихъ пороговъ.— Примѣры названій мѣстъ на двухъ языкахъ.—Выводъ.—Примѣчанія.

О словѣ „шпильманъ“ въ старинныхъ русскихъ памятникахъ 386

Объ элементарномъ преподаваніи русскаго языка 390

Матеріалы для русскаго словаря.

I. **Дополненія и замѣтки къ толковому словарю Даля** 401

II. **Слова областного словаря, сходныя съ скандинавскими** 433

III. **Слова областного словаря, сходныя съ финскими** 445

IV. **Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ** 448

V. **По поводу двухъ сравнительно-филологическихъ изслѣдованій о славянскихъ и скандинавскихъ словахъ** 455

VI. **Слова, взятыя съ польскаго или чрезъ посредствo польскаго** . . 464

Филологическая замѣтка (о словѣ скипидаръ) 467

Часть II. Спорные вопросы русскаго правописанія.

Предисловіе къ 3-му изданію 471

Различіе языка произносимаго и писаннаго 473

Отдѣлъ I.

ЗВУКИ.

I. Физіологія звуковъ языка. Стр. 475—487.

Очеркъ исторіи физіологическаго изученія звуковъ языка. — Устройство органовъ рѣчи.

Гласные звуки. 479. Форма полости рта при произношеніи ихъ. Три основные звука: *і а у*.—Измѣненія звуковъ зависятъ отъ удобства выговора Переходные гласные звуки.—Схема гласныхъ звуковъ.

Согласные звуки 481. Двоякое ихъ образованіе посредствомъ смыканій и суженій въ полости рта. — Дѣленіе ихъ на три разряда у Грековъ. — Дѣленіе на твердые и мягкіе, на безголосные и голосовые. — Смычные, или мгновенные согласные звуки.—Проточные, или длительные согласные звуки.—Дрожательный звукъ *р*.—Носовые звуки *м н*.

II. Звуки русскаго языка. Стр. 487—539.

Особенности нашей фонетики.

Русскіе согласные звуки 488. Различіе твердыхъ и мягкихъ.—Трудность ихъ произношенія.—Наша фонетика въ трудахъ иностранцевъ.

Русскіе гласные звуки 490. Ихъ раздѣленіе. — Звукъ *і* и два его сокращенія.

Звукъ Й. Русскіе дифтонги 492. Восходящіе и нисходящіе дифтонги.—Русскіе восходящіе дифтонги.—Русскіе нисходящіе дифтонги. — Двоякое значеніе начертаній *я, е, ё, ю*. Натура звука *й*. — Мнѣнія Добровскаго и Востокова о нашихъ дифтонгахъ—Мнѣніе Брюкке о звукѣ jot. — Звуковое значеніе *еря*.

Звуки Э ЙЭ (Е, Ѣ) 496. Двоякое ихъ произношеніе.—Звукъ между *э* и *и*.

Звуки А и О 497. Звукъ между *а* и *о*. — Звукъ между *а* и *э*.— Звукъ между $\frac{a}{o}$ и *у*.—Звукъ *йа* или *ьа*. Звукъ *йо* или *ьо* составляетъ особенность народнаго языка.—Условія, при которыхъ онъ образуется.

Звуки У, ЙУ, ЬУ.—Звукъ Ы 501. Случай его неопредѣленности. — Схема русскихъ гласныхъ. — Случай дебелаго *э*.

Классификація звуковъ 502. Количественное раздѣленіе звуковъ (по положенію органовъ), качественное (по органамъ). Гласные, согласные и полугласные. — Взглядъ Раумера на основаніе различія безголосныхъ и голосовыхъ: выдуваніе и выдыханіе.—Таблица звуковъ русскаго языка.

Замѣчаніе о мягкихъ согласныхъ.—Поясненіе къ таблицѣ: звуки *ц ч щ*.— Плавные и шипящіе. — Система славянскихъ звуковъ у Миклошича.—У Шлейхера и Лескина.

Грамматика Ломоносова 507. Планъ ея. — Различеніе названій: *слово, языкъ* и *рѣчь*.—Содержаніе перваго „наставленія“.— О голосѣ и произношеніи.—Гласныя.—Раздѣленіе согласныхъ по органамъ.— Понятіе о долготѣ и краткости звуковъ.—Недоразумѣніе относительно термина Ломоносова „знаменательныя части слова“.—Его главныя и служебныя части слова. — Грамматическая таблица Ломоносова.—Его вступительный обзоръ общей грамматики.— Какъ опредѣляетъ грамматику.—Отношеніе грамматики Ломоносова къ фило логической литературѣ его времени.—Заимствованія изъ древнихъ. — Понятія Ломоносова о звукахъ и буквахъ.—Термины его.—Части рѣчи.—Разборъ мнѣнія И. Давыдова о грамматикѣ Ломоносова.—Общая оцѣнка ея.

Позднѣйшіе взгляды русскихъ на свою фонетику 524. Труды Востокова. — Его полугласные. — Гласные. — Правила произношенія буквы *е*.—Дебелыя и тонкія гласныя. — Фонетическія понятія Греча.— Фонетика Павскаго.—Его придыханія.—Начало этого термина. — Различное его пониманіе.—Изслѣдованіе М. Н. Каткова.—„Мысли объ исторіи русскаго языка“ И. И. Срезневскаго.—„Историческая грамматика“ Ѳ. И. Буслаева. — Сочиненіе М. А. Тулова объ „элементарныхъ звукахъ рѣчи“.

Приложеніе.

Основанія фонетики по сочиненію профессора Сиверса: Grundzüge der Phonetik, стр. 540—572.

Отдѣлъ II.

ПИСЬМО И ПРАВОПИСАНІЕ.

I. Значеніе и развитіе письма. Стр. 573—589.

Изслѣдованія В. Гумбольдта, Штейнталя и Вутке.—Сущность письма.—Происхожденіе.—Шнурки съ узлами.—Разные способы письма.—Внутренняя форма языковъ и ихъ раздѣленіе.—Зависимость письма отъ характера языка.

Живописное письмо американскихъ народовъ.—Символика.—Письмо Мексиканцевъ.—Главныя начала его.—Отношеніе между письменами американскихъ народовъ и ихъ языками.—Китайское письмо. Отличіе его.—Ходъ его развитія.—Звуковой элементъ въ китайскомъ письмѣ.—Египетскіе іероглифы. Разные взгляды на нихъ.—Развитіе египетскаго письма.—Отличіе его отъ мексиканскаго. — Переходъ къ звуковому началу. — Развитіе скорописи (іератич. и демотическое письмо).

Звуковое письмо 589. Силлабическое письмо Японцевъ. — Клинообразное письмо азіатскихъ народовъ.—Колыбель азбучнаго письма. — Древнѣйшіе памятники его.—Скудость преданій.—Происхожденіе названій буквъ.—Формы ихъ.—Безпорядокъ въ ихъ расположеніи.

II. Славяно-русская азбука. Стр. 595—612.

Сужденія иностранцевъ о нашей азбукѣ.—Несовершенство другихъ европейскихъ азбукъ.—Кириллица, ея достоинства и особенности.

Начало русской гражданской азбуки и оцѣнка ея 600. Примѣры преобразованія азбукъ.—Начатки нашей гражданской печати въ Голландіи.—Постепенное образованіе и установленіе ея въ Россіи. — Несовершенства русской азбуки.—Оцѣнка ея.—Нужны ли въ ней измѣненія? — Двоякое звуковое значеніе буквы *г*.—Чужеязычныя буквы.—Вопросъ о *ѳитѣ*.—Выводъ относительно русской азбуки.—Расположеніе буквъ въ системѣ. — Азбучная таблица.

III. Правописаніе. Стр. 613—642.

Основныя начала правописанія.—.Общій ходъ его развитія: историческая и этимологическая орѳографія.

Орѳографическій вопросъ у культурныхъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ 614.

а) У Нѣмцевъ.—Орѳографія Гримма;—его послѣдователей.— Настоящее положеніе нѣмецкаго письма.

б) У Англичанъ.—Вполнѣ историческій характеръ ихъ правописанія.—Преобразовательныя попытки.—Мнѣнія Макса Мюллера, Витнея и Эрля.

в) У Французовъ.— Этимологическій характеръ ихъ правописанія.—Орѳографическія правила Поръ-Рояля и словарь Французской академіи.—Мнѣнія извѣстныхъ писателей. — Попытки преобразованій. — Отзывы о фонетиче

ской реформѣ.—Замѣчанія г. Дидо. — Авторитетъ Французской академіи въ словарѣ Литтре.

г) У остальныхъ романскихъ народовъ. Фонетическое правописаніе Италіанцевъ и Испанцевъ.

д) У скандинавскихъ народовъ. Два литературные языка.—Развитіе шведскаго правописанія подъ вліяніемъ академіи.—Книга Раска о датской орѳографіи.—Послѣдователи его. — Орѳографическій съѣздъ въ Стокгольмѣ.—Послѣдствія его въ Даніи и въ Швеціи. — Полемика между гг. Рюдквистомъ и Гацеліусомъ.—Участіе правительствъ въ установленіи правописанія: въ Даніи, Испаніи, Германіи. — Необходимость отвращать пестроту правописанія въ школѣ.—Комиссія для установленія фламандской орѳографіи.

Общіе выводы 633. Повсемѣстныя явленія въ исторіи развитія правописанія.—Трудность осуществить идеалъ фонетическаго правописанія.—Опасность нововведеній.—Неизбѣжность разногласій въ орѳографіи. — Терпимость школы въ отношеніи къ нимъ.

Общій взглядъ на русское правописаніе 637. Излишнія жалобы на пестроту нашего письма.—Въ чемъ состоятъ разногласія? — Преобладаніе этимологическаго характера и причины того.—Законность такого письма.—Требованія русскаго правописанія, выраженныя уже Ломоносовымъ.—Противоположный взглядъ серба Новаковича.—Этимологическое правописаніе отвѣчаетъ потребности человѣческаго ума.

IV. Очеркъ исторіи русскаго правописанія. Стр. 642—687.

Третьяковскій, Ломоносовъ и Сумароковъ 642. Противоположные взгляды двухъ первыхъ.—Споръ объ окончаніяхъ прилагательныхъ.—Мнѣніе обоихъ о буквѣ *ъ*.—Статья Сумарокова объ орѳографіи.—Его собственное правописаніе.—Ломоносовъ о *ѳитѣ*.— Взгляды Сумарокова на фонетику и правописаніе.

Состояніе правописанія послѣ Ломоносова 649. Появленіе учебниковъ.—Правописаніе въ русскихъ журналахъ второй половины прошлаго вѣка.

Старанія изгнать лишнія буквы, особенно *ъ* 652. Планъ русскаго словаря.—Взгляды Свѣтова и Подшивалова на азбуку.—Начало гоненій на букву *ъ* 654.—Домашневъ и Барсовъ противъ *ера*.—Барсовъ противъ *ѵ* и *ѳ*.—Другія гоненія на *ъ*.—Книги, изданныя безъ *ера*. — Чеботаревъ, Шлецеръ, Эминъ, Языковъ, Измайловъ, Лабзинъ.—Мнѣніе А. Гумбольдта.

Правописаніе Карамзина 657.—„Московскій Журналъ“.—Нѣкоторыя особенности карамзинской орѳографіи.—Карамзинъ и Пушкинъ о словѣ *тѣшить*.—Грамматика Россійской академіи.

Востоковъ и Гречъ 659. Грамматическіе труды ихъ.—Вліяніе грамматики Греча и періодическихъ его изданій.

Измѣненія орѳографіи послѣ Карамзина 662. — „Вѣстникъ Европы“, „Библіотека для Чтенія“ и „Отечественныя Записки“.

Нововведенія и противодѣйствіе имъ 663. Азбука Хабарова.—Правописаніе Лажечникова.—Латинскій шрифтъ Кадинскаго и мысли по поводу того, высказанныя Бѣлинскимъ.—Другія попытки сближенія русской

азбуки съ латинскою. – Звуковой способъ обученія грамотѣ. — Азбука г. Засядко.—Форма буквы *т* въ русской печати. — Попытки пополненія русской азбуки.—Транскрипція иностранныхъ словъ.—Барановскій, Васильевъ, Фурмамъ.—Г. Стоюнинъ о русской азбукѣ.—Новыя попытки измѣненія азбуки и опять Кадинскій.—Оборотныя буквы Сенковскаго.—Предложеніе ввести польское письмо.

Орѳографическія совѣщанія въ Петербургѣ 674. Статья г. Хованскаго.—Открытіе собраній въ 1862 году. — Программа г. Стоюнина.—Смѣлые планы преобразованій.—Заявленіе противъ лишнихъ буквъ.—Объ отмѣнѣ *ера* и *еря*.—Частныя измѣненія.—Прекращеніе собраній.

Явленія, вызванныя орѳографическими совѣщаніями 678. Отзывы о нихъ петербургскихъ журналовъ. „Кіевскій Курьеръ“.— Московскіе журналы: статьи Робера и Грота. Мнѣнія другихъ академиковъ и редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ объ излишествѣ *ера* въ концѣ словъ.—Вычисленія относительно этой буквы. — Замѣчаніе шведа Гренинга. — Словарь Толля.— Разногласіе о буквѣ *ѣ*.

Дальнѣйшія попытки улучшенія русской орѳографіи 683. Особенности въ правописаніи Даля.– Справочная книжка г. Студенскаго.— Обращеніе г. Новаковскаго къ рѣшенію Академіи наукъ.—Книга „Спорные вопросы русскаго правописанія“.—Комиссія при Московской гимназіи.—Учебные труды, относящіеся къ правописанію.—Учебное пособіе.

V. Критическій обзоръ современнаго правописанія. Стр. 687.

Выводъ изъ исторіи.—Совмѣстное присутствіе двухъ началъ правописанія этимологическаго и фонетическаго.

I. **Употребленіе согласныхъ буквъ** 690.

Удвоеніе одной и той же буквы. Оно не противно русской фонетикѣ.—Физіологическое значеніе его.

А. Этимологическое удвоеніе согласныхъ 691.

Въ корняхъ: *жжетъ*, *жженъ*. Отъ приставокъ и суффиксовъ: *Женнинъ*.—*Возжи*, *дрожди*. *Отворить*; *разсада*; *разсолъ*; *встать*.—*Искусство*; *разсориться*; *возженный*, *разженный*.

Б. Фонетическое удвоеніе согласныхъ 693.

Устарѣлое объясненіе законовъ языка требованіями благозвучія.— Удвоеніе плавныхъ въ другихъ языкахъ.—Удвоеніе *н* въ причастіяхъ и прилагательныхъ.—Въ вещественныхъ прилагательныхъ на *яный* и *аный*.— *Гостиница*.— Составъ глагола *итти*. — Тотъ же глаголъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ.—Соединеніе его съ предлогами.

Фонетическое употребленіе С вмѣсто З въ предлогахъ воз, низ, раз, из 698. Голосовыя согласныя въ концѣ словъ.—Особенное фонетическое свойство предлоговъ.—Правописаніе четырехъ предлоговъ. Предлоги *безъ* и *чрезъ*.— *Расчесть*, *расчетъ*.—*Разсчитать*, *разсчитывать*.—*Разсказать*, *разсказъ*, *разсказни*. *Разспросить*, *разспросы*.—*Розыскъ* и *разысканіе*; *роспись* и *расписка*.

Другіе случаи фонетическаго письма 703. *Гдѣ*, *здѣсь*, *вездѣ*, *ноздря* *свадьба*, *мяздра*, *пѣшь*, *четвергъ*.—*Мягкій*, *легкій*.—*Сбруя*.—*Сумасбродъ*, *отвѣтствіе*, *ляжка*, *дужка*, *задхлый*.

Употребленіе Ч Т и Д при встрѣчѣ съ другими согласными 704: *ч* вмѣсто слышимаго *ш* передъ *н*.—*Ильинична, Лукинична* и пр.—*Что. Стлать, сланецъ, слой, если.—Склянка. Срамъ. Встрѣтить, строгій. Полоцкъ, Шацкъ.*

Употребленіе Щ, СЧ, ЗЧ, ЖЧ 706. Три случая, когда пишется *щ*.—Произношеніе *щ* за *ш*.—*Песчаный.* Разложеніе звука *щ* на *зч* и *сч*.—Суффиксы *щина* и *чина, щикъ* и *чикъ.—Поручикъ. Разсказчикъ, извозчикъ, подписчикъ. — Мужчина.—Образчикъ; помѣщикъ, сыщикъ, косящатый, вящшій.*

II. Употребленіе гласныхъ 711.

А или *О? Кривой, прямой; кривого, прямого.*— Древность послѣдняго начертанія.—Смѣшеніе *а* и *о*.—Подъемъ гласной *о* въ глаголахъ.

Неопредѣленныя гласныя въ глагольныхъ окончаніяхъ 714. *ишь—ять, ятъ, атъ; ешь—ютъ, утъ.—Дышешь* или *дышишь?—Стоящій, огнедышущій.*— Глаголы на *овать* и *ывать.—Раскаиваться, отчаиваться. — Слышанъ* и *слышенъ.—Разсмотрѣнъ, обиженъ, верченъ.—Видѣнъ* и *виденъ.*

Е и И въ неударяемыхъ слогахъ 720.
Окончанія *чекъ* и *чикъ; енька, енькій. — Енскій* и *инскій.* — Личныя и географическія относительныя имена прилаг.—Смѣшеніе *и* и *ѣ* въ окончаніяхъ.

Употребленіе Е въ ударяемыхъ слогахъ 724. Троякое значеніе этой буквы.—Правила произношенія *е* за *ѣ*.—Когда *е* сохраняетъ свой первичный звукъ.—Измѣненіе *е* въ *ѣ* передъ тонкими звуками.

Начертаніе звука Е, измѣненнаго въ ЙО (ьО) или О 727. Когда употребляется *ё—е* послѣ шипящихъ.—Примѣры этого правописанія въ древнихъ памятникахъ.—Мнѣнія нашихъ филологовъ о сочетаемости шипящихъ съ дебелыми гласными.—Разница въ этомъ отношеніи между *ж, ш, ч, щ.* — Нынѣшнее положеніе этого вопроса.—Когда можно писать *жо, шо, чо, що?* — Сочетаніе *ц* съ гласными.

Употребленіе буквы Ѣ 733. Значеніе этой буквы.—Разныя мнѣнія о древнемъ ея произношеніи.—Употребленіе *ѣ* въ корняхъ.—*ѣ* въ образовательныхъ окончаніяхъ.—Случаи смѣшенія *е* и *ѣ*.

Употребленіе Э 739. Исторія буквы.—Гоненіе на нее.—Смѣшеніе *э* съ *е*.— Писать ли *э* послѣ согласныхъ?

Употребленіе Ъ, Ь и Ы 741. Древнее значеніе *ера* и *еря.* — Попытки ограничить ихъ употребленіе.—Употребленіе *ы*.—Употребленіе *ь*.—*ы* вмѣсто *и* по закону уподобленія звуковъ.

Заимствованныя слова и имена собственныя 746.

Источники заимствованій и звуковыя формы словъ 746. Мнѣніе Я. Гримма о заимствованіяхъ.—Область заимствованій русскаго языка.—Древнія и новыя заимствованія.—Слова обрусѣвшія и чужеобразныя.—Смѣшеніе звуковъ *р* и *л*.— Народная этимологія.—Народная фонетика.

Правописаніе собственныхъ именъ 753. Собственныя имена на *ла* и вообще имена съ женскимъ окончаніемъ. — Начертаніе иностранныхъ собственныхъ именъ и склоненіе ихъ.—Малороссійскія фамильныя имена на *ко*.— Способъ Сенковскаго писать иностранныя имена латинскими буквами.—Способъ г. Иванова писать греческія и латинскія слова.—Географическія собственныя имена.— Старинныя географическія названія.

Удвоеніе согласныхъ въ иноязычныхъ словахъ 761. Сущность звука, означаемаго двойной буквой.—Цѣль такого начертанія. — Ограниченіе удвоеній. — Излишнія удвоенія.

ІА или ІЯ? 763. *я* въ концѣ словъ.—Суффиксы заимствованныхъ прилагательныхъ.—Окончанія *анинъ, анскій, алъ, альный, антъ* и проч.

ІО, ЙО, ЬЕ или ЬО 764. Изображеніе звука *l* mouillé и gn передъ *о*.—Звуки *а* и *о* послѣ *йота*.

ІЕ, ІЭ, ІУ 765. *уа* или *уя*.

Транскрипція звуковъ, общихъ западно-европейскимъ языкамъ.—Двоякое изображеніе звука *l*.—Французскіе носовые звуки и дифтонгъ *оі*.— Англійскіе звуки w, th неопред. u.—Нѣмецкій ö (фр. eu).—Нѣкоторые италіанскіе и скандинавскіе звуки.

Окончанія заимствованныхъ словъ 769. Суффиксы прилагательныхъ.—Суффиксы существительныхъ.—Глаголы на *овать* и *ировать*.—Общее замѣчаніе о заимствованіяхъ въ русскомъ языкѣ.

Употребленіе большихъ, или такъ называемыхъ прописныхъ буквъ 775. Различіе прежней и нынѣшней практики.—Мнѣніе Сенковскаго. Границы употребленія.—Общее правило.—Имена народовъ. — Прилагательныя собственныя имена.

О слитномъ письмѣ составныхъ рѣченій. 779. Значеніе вопроса.—Мнѣніе Ломоносова.—Составныя нарѣчія.—Составные предлоги.—Слитное письмо прилагательныхъ разныхъ формъ;—числительныхъ мѣстоименій и частицъ.—Двойные нарѣчія и предлоги.—Частица *не*.

Знаки препинанія (пунктуація) 785.

Приложенія.

стр.

I. Статья: По поводу толковъ о правописаніи 802
II. Изъ статьи: Орѳографическая распря 810
III. Грамматическій споръ на судѣ 815
IV. Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ „Русское Правописаніе“ 818
V. Орѳографическая замѣтка: Ветчина или вядчина? 858
VI. По поводу замѣтки объ окончаніи *ого* въ склоненіи прилагательныхъ именъ 862

Указатели къ обѣимъ частямъ „Филологическихъ Разысканій“.

I. Предметный указатель къ „Спорнымъ Вопросамъ Русскаго Правописанія“ 8
II. Указатель личныхъ именъ къ обѣимъ частямъ „Филолог. Разысканій“ 8.
III. Лексическій указатель къ I части 8
1. Русскія слова и имена 8
2. Иностранныя слова и имена 1

стр.
IV. Справочный филологическій указатель къ „Спорнымъ Вопросамъ Русскаго правописанія“ 888
V. Библіографич. указатель статей I части 935
Автографъ Я. К. Грота (о языкѣ) 941
Замѣченныя опечатки 943

III.

Очерки изъ исторіи русской литературы.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. 1865 1
Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Матеріалы для исторіи русскаго образованія. 1862 31
Приложенія:
Письма Ломоносова 50
Письма Сумарокова 54
Біографическія свѣдѣнія о графѣ Сиверсѣ 69
Фонвизинъ. Разборъ сочиненія князя Вяземскаго. 1848 73
Иванъ Ивановичъ Хемницеръ. Біограф. извѣстія по новымъ рукописнымъ источникамъ. 1873 93
Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. 1866 120
Примѣчанія къ „Очерку“ 148
Критическая замѣтка (о письмахъ Карамзина). 1861 166
Объ изданіи переписки Карамзина съ Лафатеромъ. 1893 . . 171
Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. 1883 172
Примѣчанія къ „Очерку“ 185
Когда родился Жуковскій. 1883 197
Библіографическая замѣтка (о соч. Загарина о Жуковскомъ). 1883. 197
В. А. Жуковскій и Д. Н. Блудовъ. 1884 199
О другихъ трудахъ Я. К. Грота, касающихся Жуковскаго . 200
Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова. 1887 201
О Крыловѣ:
Литературная жизнь Крылова. 1868 213
Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ. 1868 . 235
Приложенія 245
Сатира Крылова и его „Почта Духовъ“. 1868 251
Замѣтка о нѣкоторыхъ басняхъ Крылова. 1869 273
Два слова о приписанной Крылову баснѣ „Обѣдъ у Медвѣдя“. 1870 278
Библіографическія замѣтки:
О книгѣ Ролстона. 1869 280
О нѣм. переводѣ басенъ F. Löwe. 1874 281
К. И. Арсеньевъ. 1866 284
О Плетневѣ:
I. Изъ Акад. Отчета. 1866 288

стр.

II. Некрологъ П. А. Плетнева. 1866 291
III. Петръ Александровичъ Плетневъ (по поводу статьи И. С. Тургенева). 1869 294
IV. П. А. Плетневъ и его сочиненія. 1884 307
V. Предисловіе къ изданію Сочиненій и Переписки П. А. Плетнева. 1884 315
VI. Нѣсколько словъ о письмахъ Плетнева къ Гоголю. 1890. 318

Князь П. А. Вяземскій:
I. Рѣчь на юбилеѣ кн. Вяземскаго. 1861 320
II. Некрологъ кн. П. А. Вяземскаго. 1878 322

О Востоковѣ:
I. Некрологъ. 1864 325
II. Похороны Востокова. 1864 326
III. А. Х. Востоковъ. 1892 332

Д. Н. Блудовъ (некрологъ). 1864. 341
О Блудовѣ и Шевыревѣ. 1864. 343
И. И. Козловъ. 1890 352
Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи 354
Воспоминаніе о Гоголѣ. 1864 363
„Кулакъ", поэма Никитина. 1858 366
Воспоминаніе о В. И. Далѣ (съ извлеченіями изъ его писемъ. 1873. 393
Письмо В. И. Даля къ Г. П. Гельмерсену 401
Воспоминаніе о П. П. Пекарскомъ. 1873 409
И. И. Срезневскій (некрологъ). 1880 413
А. А. Самборскій, законоучитель императора Александра I (критическая замѣтка). 1889. 415
Замѣтка о могилѣ Озерова. 1888 419
Библіографическая замѣтка. 1883 421
Замѣтка о пасторѣ І. Х. Гротѣ. 1868 422
Объ авторѣ „Митюхи Валдайскаго" (П. Н. Семеновѣ). 1861 . . 425
Ода Капитанъ Мартыновъ 431
Подражаніе Демьяновой Ухѣ 434

Объ Академіи Наукъ:
I. Два слова объ Академіи Наукъ. 1861 436
II. О второмъ отдѣленіи Академіи Наукъ. 1868 439
III. Къ стопятидесятилѣтнему юбилею Императ. Академіи Наукъ. 1876 449
IV. Пятидесятилѣтіе отдѣленія русскаго языка и словесности (очеркъ его дѣятельности). 1891 454

Критическія и библіографическія замѣтки:
I. 1) Историческая христоматія новаго періода русской словесности, сост. А. Галаховымъ, т. I. 1861 479
2) О томъ же сочиненіи, т. II, 1864 483
II. Исторія русской словесности древней и новой. А. Галахова, т. II, 1869 487

стр.

III. 1) О „Русскомъ Архивѣ", издав. гг. Бартеневымъ и Киселевымъ. 1864 499
2) О томъ же изданіи, годъ I. 1865 501
IV. Русскія народныя пѣсни, собран. П. В. Шейномъ. 1871. 502
V. О трудахъ Н. Зейдлица: 1) Бакинская губернія, 2) Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ. 1871 504
VI. О статьѣ г. Морфиля о Россіи. 1887 506

Перечень статей и трудовъ Я. К. Грота, касающихся Державина. 507

Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.

I. Пушкинъ въ царскосельскомъ лицеѣ 1
II. Царскосельскій лицей 26
III. Письма лицеиста Илличевскаго къ Фуссу 55
VI. Старина царскосельскаго лицея. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ лицеистахъ 1-го курса 70
1. Малиновскій и Вальховскій . . . . . —
2. Матюшкинъ 74
3. Лицейскія годовщины 81
4. Графъ Корфъ 87
5. Учитель французскаго языка Де-Бруди 91
6. Литературное общество въ лицеѣ при Энгельгардтѣ . . . 93
V. Очеркъ біографіи Пушкина 99
VI. Личность Пушкина какъ человѣка 108
VII. Приготовительныя занятія Пушкина для историческихъ трудовъ 117
VIII. Замѣтка о перепискѣ Пушкина съ Плетневымъ 124
IX. Полотняный Заводъ. имѣніе Гончаровыхъ (письмо В. П. Безобразова къ Я. К. Гроту) 129
X. Къ родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ 134
XI. Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ 135
XII. Автографъ „19 октября" 142
XIII. Дополненія къ изданіямъ Пушкина 154
XIV. Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину . . . 163
Извлеченіе изъ Отчета о первомъ присужденіи премій А. С. Пушкина 173
XV. Письмо А. С. Пушкина къ И. И. Мартынову 174
„ „ къ В. Д. Вальховскому 175
XVI. Еще о лицейскихъ товарищахъ Пушкина 176
1. Декабристъ въ Сибири (Письмо И. И. Пущина къ Е. А. Энгельгардту) . . . . . —
2. П. Ѳ. Гревениць 188
3. Вдова поэта барона А. А. Дельвига 189
4. Замѣтка издателя . . . . . —
XVII. Хронологическая канва для біографіи Пушкина 191

Приложенія.

I. Замѣтки о Пушкинѣ лицейскихъ его товарищей 218
1. Записка С. Д. Комовскаго . . . . . —
2. Записка графа М. А. Корфа 222
II Секретныя донесенія о связяхъ между Пушкинымъ и Плетневымъ. 255
III. Изъ переписки между товарищами Пушкина 256
IV. Письмо кн. Е. Н. Мещерской о смерти Пушкина 258

стр.
V. Два стихотворенія (Я. К. Грота) 263
Примѣчанія и дополненія 267
Замѣтка издателя объ остаткахъ лицейскаго архива I-го курса . . 298
Описаніе тетради автографовъ Пушкина (собств. Я. К. Грота) . . 300

Алфавитные указатели именъ и названій 309

Замѣченныя опечатки 331

IV.

Изъ русской исторіи.

Отъ редактора III
Литва или Скандинавія? 1860 1
Орѣховецкій договоръ (Библіограф. замѣтка, со снимкомъ). 1877 . 11
Грамота герцога Карла къ царю Ѳедору Іоанновичу. 1857 . . . 16
Дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники? 1849 22
Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ. 1882 . 40
Новооткрытый памятникъ русской исторіи на шведскомъ языкѣ. 1881 65
Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ. 1853 72
Петръ Великій какъ просвѣтитель Россіи. 1872 82
О пребываніи плѣнныхъ шведовъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ 1853 122
Петръ I въ Копенгагенѣ (Замѣтка). 1888 159
Происхожденіе Императрицы Екатерины I. 1878 161
Дѣти правительницы Анны Леопольдовны въ Горсенсѣ (Разсказъ по датскимъ извѣстіямъ). 1875 180
Воспитаніе Екатерины II. 1875 189
Екатерина II и Густавъ III. 1876—78 210
Приложенія: I. „Горе-Богатырь“ Екатерины II. 262
II. Родословная таблица для уясненія родственныхъ отношеній Екатерины II и Густава III 266
III. Journal du voyage du Roi à S.-Pétersbourg en 1777 . . 267
IV. Изъ переписки Екатерины II съ Густавомъ III . . 278
V. Письмо Екатерины II къ Густаву III изъ Венеціи . 284
VI. Письмо Густава III о Голштинскомъ наслѣдствѣ . . 285
VII. Два письма Екатерины II 289
Филологическія занятія Екатерины II. 1877 29
Сотрудничество Екатерины II въ Собесѣдникѣ княгини Дашковой. 1877 31
Заботы Екатерины II о народномъ образованіи по ея письмамъ къ Гримму. 1878 3

стр.

Екатерина II въ своей литературной перепискѣ. 1873 343
Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ. 1874 357
О письмахъ Императрицы Екатерины II къ Гримму. 1878 . . . 359
О письмахъ Гримма къ Императрицѣ Екатеринѣ II. 1881 . . . 365
Гриммъ и Г-жа Д'Эпинэ. 1878 368
Спренгтпортенъ, шведскій эмигрантъ при Екатеринѣ II. 1885 . . 378
Отзывы Екатерины II объ Арсеніи Мацѣевичѣ. 1875 436
Часовыхъ дѣлъ мастеръ при дворѣ Екатерины II. 1875 437
Императоръ Іосифъ II въ Россіи (Донесенія шведскаго посланника Нолькена). 1883 439
Къ исторіи шведской войны въ 1788 г. 1869 456
Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта:
I. Бумаги Кара и Бибикова. 1862 . . . . . 466.
Приложенія: Бумаги Кара 481
Бумаги Бибикова 495
II. Переписка Императрицы Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ. 1863 518
Приложенія 530
III. Потемкинъ во время Пугачевщины. 1870 546
IV. 1774 годъ. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. 1875 561
V. Эпизодъ изъ Пугачевщины. 1877 644
О Сперанскомъ: 1. Къ исторіи ссылки Сперанскаго. 1871 . . . 674
2. Еще о Сперанскомъ и Воейковѣ 677
Неизвѣстное сочиненіе о Россіи при Петрѣ I. 1888 680
Критическія и библіографическія замѣтки.
О трудѣ Н. И. Григоровича. 1878 684
Замѣтка по поводу одной статьи. 1877 709
О книгѣ Пенго 711
Старинный датскій документъ 1589 г, 1890 719
Замѣтка о книгѣ Цигнеуса. 1850 721
Замѣтка о книгѣ Топеліуса. 1751 728
Черты изъ жизни княгини Е. Р. Дашковой. 1845 732
Алфавитные указатели 745
Замѣченныя опечатки 760

СОДЕРЖАНІЕ

Переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ.

Т. I.

	стран.
Отъ издателей	V — VI
Предисловіе	VII — XV
Письма 1840 года (№№ 1—74)	1 — 190
Письма 1841 года (№№ 1—165)	191 — 466
Нисьма 1842 года (№№ 1—139)	467 — 656
Примѣчанія, дополненія и поправки	657 — 702
Опечатки	703

Т. II.

Письма 1843 года (№№ 1—115)	1 — 166
Письма 1844 года (№№ 1—136)	167 — 379
Письма 1845 года (№№ 1—177)	380 — 658
Письма 1846 года (№№ 1—157)	659 — 868
Примѣчанія, дополненія и поправки	869 — 966
Опечатки	967

(Въ ряду писемъ Я. К. Грота къ П. А. Плетневу и Плетнева къ Гроту — помѣщены въ связи съ ними:

Три письма Я. К. Грота къ матери	100 — 104
Письма П. А. Плетнева къ ректору Урсину	204
Не бывшее еще въ печати письмо Жуковскаго къ Плетневу	407 — 408

Т. III.

Отъ редактора	V — VII
Письма 1847 года (№№ 1—135)	1 — 167
Письма 1848 (№№ 1—183)	168 — 378
Письма 1849 (№№ 1—105)	379 — 494
Письма 1850 (№№ 1— 37)	495 — 529

Письма 1851 (№№ 1— 32) . . . . . 530 — 566
Письма 1852 (№№ 1— 58) . . . . . 567 — 629
и 2 письма 1853 г. (№№ 58—60) . . . . . 629 — 631

Письма по переселеніи Я. К. Грота изъ Финляндіи.
Письма 1853 года (№№ 1—9) . . . . . 632 — 637
Письма 1854—1855 (№№ 1—3) 638
Письма 1856—1861 года (№№ 1—19) . . . . . 639 — 670
Письма 1862 года (№ 1—2) . . . . . 671 — 673

Письма послѣднихъ лѣтъ жизни Плетнева.
Письма 1863 года (№№ 1—3) . . . . . 674 — 676
Письма 1864 года (№№ 1—12) . . . . . 676 — 692
Письма 1865 года (№№ 1—12) . . . . . 693 — 716
Примѣчанія, дополненія и поправки . . . . . 717 — 773
Поправки къ I и II томамъ . . . . . 774 — 776
Письма Я. К. Грота къ С. П. Шевыреву . . . . . 776 — 786
Указатель именъ личныхъ 787
Указатель именъ мѣстныхъ . . . . . 841 — 849
Опечатки 851

Въ ряду писемъ III тома помѣщены по связи съ ними:
8 писемъ 1847 г. Я. К. Грота къ роднымъ (матери и сестрѣ), предназначавшіяся и для Плетнева (№№ 92, 93, 96, 98, 100, 101, 102, 103) . . . . . 110 — 134
Извлеченія изъ сочиненій Циммермана „Объ уединеніи“ (въ письмахъ Якова Карловича 1848 г.): стр. 308—309, 311—312, 313—314, 315—317, 323—324, 326—329, 333, 335—336 . . . . . 341 — 343
Письмо директора Александровскаго лицея Броневскаго къ Я. К. Гроту и отвѣтъ послѣдняго 613
Письмо Н. П. Гротъ къ Плетневу о Ломоносовскомъ (академическомъ) торжествѣ (отъ 8 апр. 1865 г.) . . . . . 627 — 629
Записка Ѳ. П. Литке къ Я. К. Гроту по тому же поводу 699

Въ Дополненіяхъ:
14 писемъ Я. К. Грота къ С. П. Шевыреву разныхъ годовъ (1844—1862), (изъ бумагъ Шевырева въ Имп. Публ. Библіотекѣ) . . . . . 776 — 786

Замѣченныя опечатки.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
10	18 сверху	Манзони	Мандони
17	2 снизу	Меньшиковъ	Меншиковъ
81	10 „	Матусену	Магнусену
82	9 „	Фонъ-Визинымъ	Фонвизинымъ
88	10 сверху	Мольбена	Мольбека
221	1 „	121 (цифра стран.)	221
327	3 „	силъ	сихъ
336	1 „	236 (цифра стран.)	336

OCT 24 '58 H